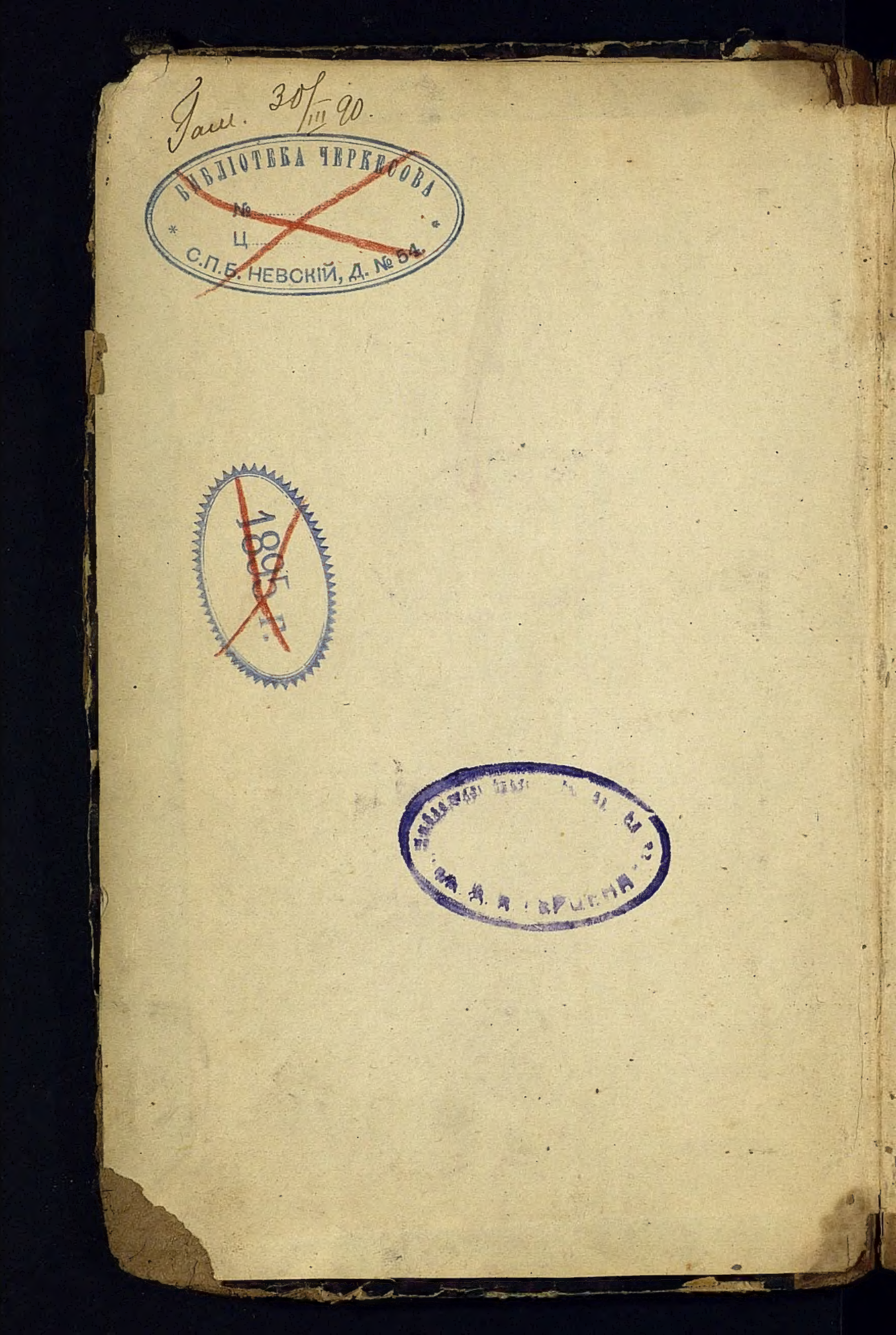
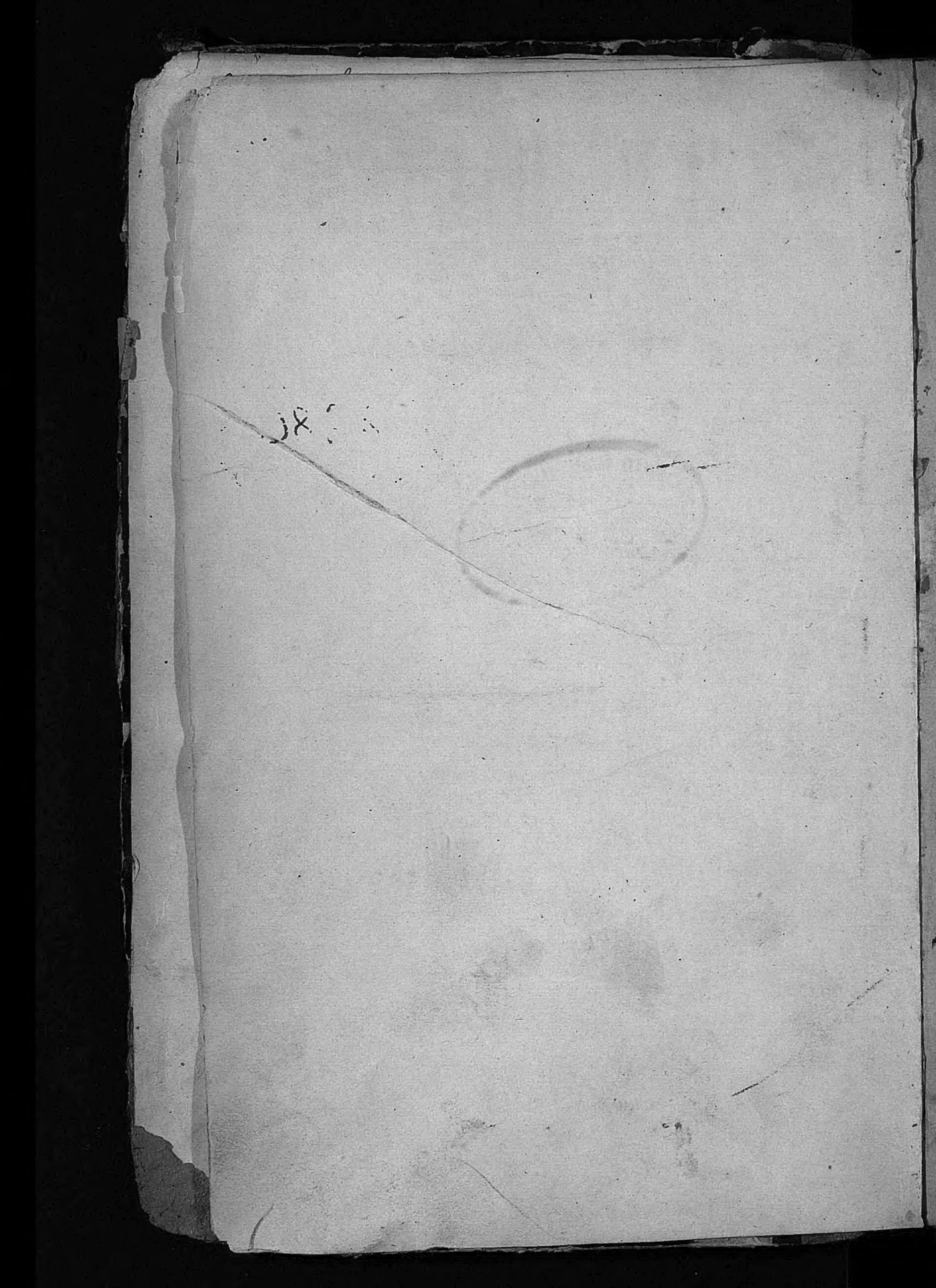
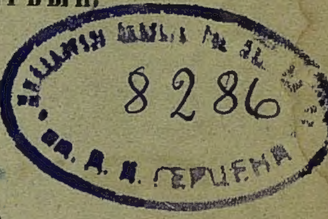

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
№
Ц
С.П.Б. НЕВСКІЙ, Д. № 54.

ГЕРЦЕНА



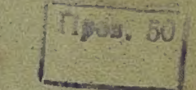
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.



1862

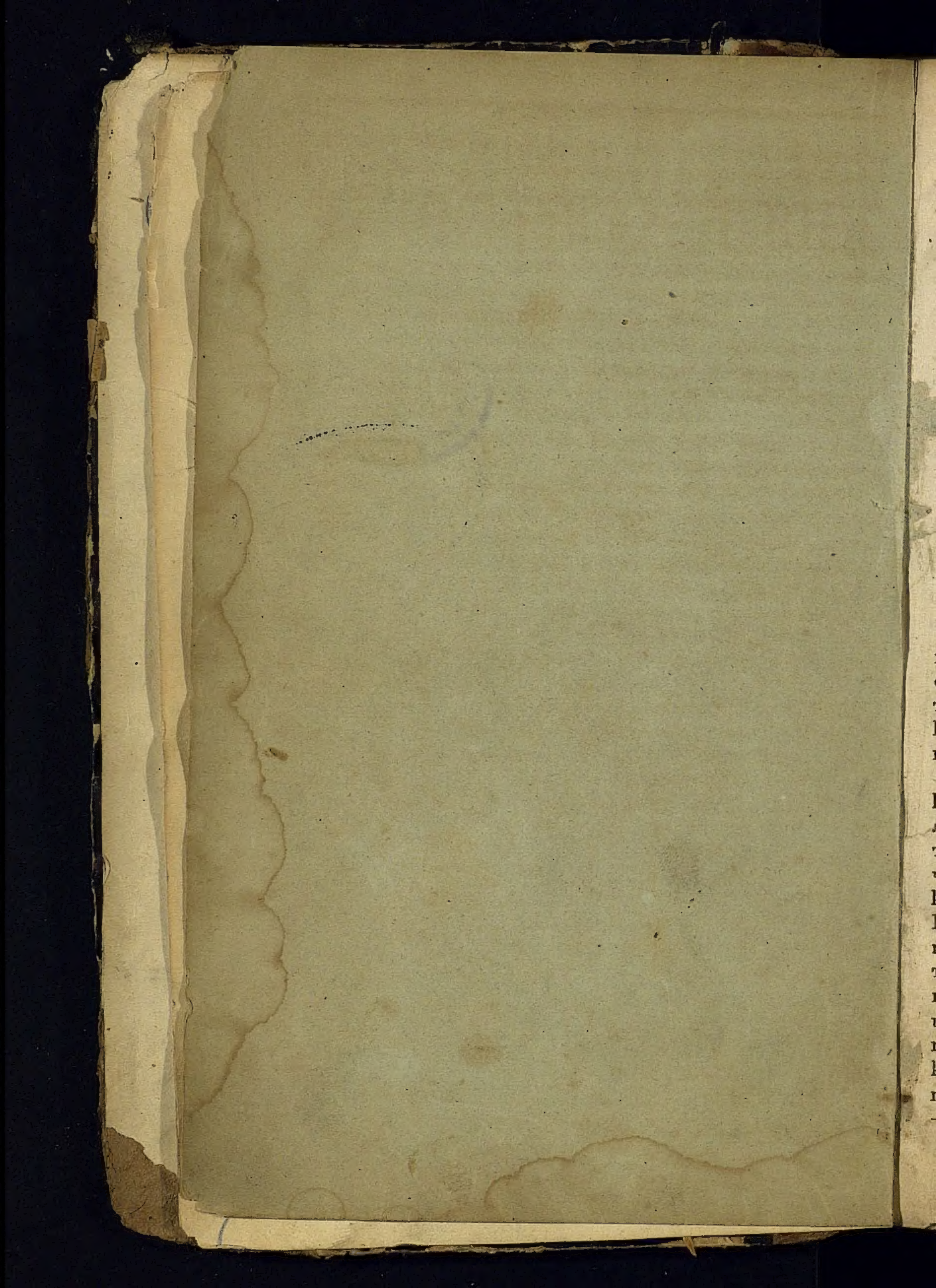
ОКТЯБРЬ.



СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К°.



КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО [1]

ГЛАВА XXXI.

Божій судъ.

Въ отсутствіе Вяземскаго, Малютѣ было поручено важное дѣло. Царь приказалъ ему захватить ближайшихъ слугъ князя Аѳанасья Ивановича и пытать ихъ накрѣпко, ѣздитъ ли господинъ ихъ на мельницу колдовать, и сколько разъ онъ былъ на мельницѣ, и что̀ именно замышляетъ противу государскаго здравія?

Бо̀льшая часть слугъ не созналась ни въ чемъ, но нѣкоторые не выдержали пытки и показали все то что̀ Малюта вложилъ имъ въ уста. Показали они, что князь ѣздилъ на мельницу съ тѣмъ чтобъ испортить государя, что онъ вымалъ царскіе слѣды и жегъ ихъ на огнѣ; а нѣкоторые показали даже, что Вяземскій мыслитъ къ князю Владиміру Андреевичу и хочетъ посадить его на царскій престолъ. Сколь ни были нелѣпы эти показанія, они тщательно записывались дьяками со словъ истязаемыхъ и прочитывались царю. Вѣрилъ ли имъ Иванъ Васильевичъ, или нѣтъ—Богъ вѣсть! Но онъ строго приказалъ Малютѣ, по возвращеніи Вяземскаго, скрыть отъ него причину, по которой захвачены его слуги, а сказать, что взяты-де они по подозрѣнію въ воровствѣ изъ царскихъ кладовыхъ.

[1] См. *Русскій Вѣстникъ*. №№ 8 и 9.

Въ показаніяхъ ихъ, однако, было много противорѣчій, и Іоаннъ послалъ за Басмановымъ, чтобы заставить его повторить все, что онъ, по доносу своему, слышалъ отъ холопей Вяземскаго.

Басманова не нашли въ Слободѣ. Онъ наканунѣ уѣхалъ къ Москвѣ, и царь опалился, что осмѣлился онъ отлучиться вопреки его приказанію. Малюта воспользовался этимъ, чтобы взвести подозрѣніе на самого Басманова.

— Кто знаетъ, государь, сказалъ Скуратовъ,—зачѣмъ онъ ослушался твоей милости? Быть-можетъ, онъ за одно съ Вяземскимъ и только для виду донесъ на него, чтобы вѣрнѣе погубить тебя!

Царь велѣлъ Малютѣ пока молчать обо всемъ, и когда воротится Басмановъ, не показывать ему вида, что его отсутствіе было замѣчено.

Между тѣмъ насталъ день назначенный для суднаго поединка. Еще до восхода солнца народъ столпился на Красной площади, всѣ окна были заняты зрителями, всѣ крыши ими усыпаны. Вѣсть о предстоящемъ боѣ давно разнеслась по окрестностямъ. Знаменитыя имена сторонъ привлекли толпы изъ разныхъ селъ и городовъ, и даже отъ самой Москвы пріѣхали люди всѣхъ сословій посмотрѣть кому Господь даруетъ одолѣніе въ этомъ дѣлѣ.

— Ну-ка, братъ, говорилъ одинъ щегольски одѣтый гусляръ своему товарищу, дюжему молодому парню съ добродушнымъ, но глуповатымъ лицомъ,—ступай впередъ, авось тебѣ удастся продраться до цѣпи. Эхъ, народу, народу-то! Дайте пройдти, православные, дайте и намъ, Владимірцамъ, на судъ Божій посмотрѣть!

Но увѣщанія его оставались безуспѣшны. Толпа была такъ густа, что и при добромъ желаніи не было бы возможности посторониться.

— Да ступай же, тюлень ты этакій! повторилъ гусляръ, толкая товарища въ спину,—аль не сумѣешь продраться?

— А длячà! отвѣчалъ вялымъ голосомъ дѣтина.

И выставивъ впередъ дюжее плечо свое, онъ принялся раздвигать толпу словно желѣзнымъ клиномъ. Раздались крики и ругательства, но оба товарища подвигались впередъ, не обращая на нихъ вниманія.

— Правѣй, правѣй! говорилъ старшій,—чего сталъ влѣво забирать, дурень? Сверли туда гдѣ копья торчатъ!

Мѣсто, на которое указывалъ гусляръ, было приготовлено для самого царя. Оно состояло изъ досчатаго помоста, покрытаго червленымъ сукномъ. На немъ были поставлены царскія кресла, а торчавшія тамъ копья и рогатины принадлежали опричникамъ, окружавшимъ помостъ. Другіе опричники стояли у цѣпи, протянутой вокругъ *поля*, то-есть пространнаго мѣста, приготовленнаго для коннаго, или пѣшаго боя, смотря по уговору бойцовъ. Они отгоняли народъ бердышами и не давали ему напирать на цѣпь.

Подвигаясь впередъ, шагъ за шагомъ, гусляръ и дюжій парень добрались наконецъ до самаго поля.

— Куда лѣзете! закричалъ одинъ опричникъ, замахнувшись на нихъ бердышемъ.

Парень разинулъ ротъ и въ недоумѣньи обернулся на своего товарища, но тотъ снялъ обѣими руками свой поярковый грешневикъ, обвитый золотою лентой съ павлинымъ перомъ, и кланяясь разъ за разомъ въ поясъ, сказалъ опричнику:

— Дозвольте, господа честные, владимірскимъ гуслярамъ судъ Божій посмотрѣть! Отъ самаго отъ города Володиміра пришли! Дозвольте постоять, господа честные!

И лукаво-заискивающею улыбкой онъ выказывалъ изъ-подъ черной бороды свои бѣлые зубы.

— Ну, такъ и быть! сказалъ опричникъ:—назадъ ужъ не пролѣзете; стойте здѣсь; только чуръ впередъ не подаваться, башку раскрою!

Внутри оцѣпленнаго мѣста расхаживали поручники и стряпчіе обѣихъ сторонъ. Тутъ же стояли бояринъ и окольничій, приставленные къ полю, и два дьяка, которымъ вмѣстѣ съ ними надлежало наблюдать за порядкомъ боя. Одинъ изъ дьяковъ держалъ развернутый судебникъ Владиміра Гусева, изданный еще при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III, и толковалъ съ товарищемъ своимъ о предвидѣнныхъ случаяхъ поединка.

„А досудятся до поля“, читалъ онъ, указывая пальцемъ на одно мѣсто въ судебникѣ,—„а у поля, не стоявъ, помирятся...“ какъ дьяка прервали восклицанія толпы.

— Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ! говорили всѣ, волнуясь и снимая шапки.

Окруженный множествомъ опричниковъ, Иванъ Василь-

евичъ подъѣхалъ верхомъ къ мѣсту поединка, слѣзъ съ коня, взошелъ по ступенямъ помоста, и поклонившись народу, опустился на кресла съ видомъ человѣка, готовящагося смотрѣть на занимательное зрѣлище.

Позади и около него размѣстились стоя царедворцы.

Въ то же время на всѣхъ слободскихъ церквахъ зазвонили колокола, и съ двухъ противоположныхъ концовъ въѣхали во внутренность цѣпи Вяземскій и Морозовъ, оба въ боевыхъ нарядахъ. На Морозовѣ былъ дощатый доспѣхъ, то-есть стальные бахтерцы изъ наборныхъ бляхъ, наведенныхъ черезъ рядъ серебромъ. Наручи, рукавицы и поножи блестѣли серебряными разводами. Голову покрывалъ высокій шишакъ съ серебромъ и чернью, а изъ-подъ вѣнца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрѣпленная круглыми серебряными бляхами. У бедра его висѣлъ на узорномъ поясѣ, застегнутомъ крюкомъ, широкій прямой тесакъ, котораго крыжъ, ножновыя обоймицы и наконечникъ были также серебряные. Къ правой сторонѣ сѣдла привѣшенъ былъ, концомъ внизъ, золоченый шестоперъ, оружіе и знакъ достоинства, въ былые годы неразлучный съ бояриномъ въ его славныхъ битвахъ, но нынѣ, по тяжести своей, врядъ ли ему по рукѣ.

Подъ Морозовымъ былъ грудастый чернопѣгій конь съ подпалинами. Его покрывалъ бархатный малиновый чалдаръ, весь въ серебряныхъ бляхахъ. Отъ кованаго налобника падали по сторонамъ малиновые шелковые морхи, или кисти, перевитыя серебряными нитками, а изъ-подъ шеи до самой груди висѣла такая же кисть, больше и гуще первыхъ, называвшаяся наузомъ. Узда и поводья состояли изъ серебряныхъ цѣпей съ плоскими вырѣзными звеньями, неровной величины.

Мѣрно шелъ конь, подымая косматыя ноги съ серебряными наколѣнниками, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевичъ остановилъ его саженяхъ въ пяти отъ своего противника, онъ сталъ трясти густою волнистою гривой, достававшею до самой земли, грызть удила и нетерпѣливо рыть песокъ сильнымъ копытомъ, выказывая при каждомъ ударѣ блестящіе шипы широкой подковы. Казалось, тяжелый конь былъ подобранъ подъ статъ дороднаго всадника, и даже бѣлый цвѣтъ его гривы согласовался съ сѣдою бородой боярина.

Вооруженіе Вяземскаго было гораздо легче. Еще страдая отъ недавнихъ ранъ, онъ не захотѣлъ надѣть ни зерцала, ни бахтерцовъ, хотя они и считались самою надежною броней, но предпочелъ имъ легкую кольчугу. Ея ожерелье, подолъ и зарукавья горѣли дорогими каменьями. Вмѣсто шишака на князѣ была ерихонка, то-есть низкій, изящно выгнутый шлемъ, имѣвшій на вѣнцѣ и ушахъ золотую насѣчку, а на тульѣ высокій снопъ изъ дрожащихъ золотыхъ проволокъ, густо усыпанныхъ во всю длину ихъ яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвѣсно желѣзная золоченая стрѣла, предохранявшая лицо отъ поперечныхъ ударовъ; но Вяземскій, изъ удальства, не спустилъ стрѣлы, а напротивъ поднялъ ее посредствомъ щурепца до высоты яхонтоваго снопа, такъ что блѣдное лицо его и темная борода оставались совершенно открыты, а стрѣла походила на золотое перо, щегольски воткнутое въ полку ерихонки. На поясѣ, плотно стянутомъ пряжкой поверхъ кольчуги и украшенномъ разными привѣсками, звенцами и бряцальцами, висѣла кривая сабля, вся въ дорогихъ каменьяхъ, та самая которую заговорилъ мельникъ на которую теперь твердо надѣялся Вяземскій. У бархатнаго сѣдла, фіолетоваго цвѣта, съ горощатыми серебряными гвоздями и съ такими же коваными скобами, прикрѣпленъ былъ булатный топорокъ съ фіолетовымъ бархатнымъ черенкомъ въ золотыхъ пояскахъ. Изъ-подъ наряднаго подола кольчуги виднѣлась бѣлая шелковая рубаха, съ золотымъ шитьемъ, падавшая на зарбасные штаны, жаркаго цвѣта, всунутые въ зеленые сафьянные сапоги, которыхъ узорныя голенищи, непокрытыя поножами, натянуты были до колѣнъ, и перехватывались подъ сгибомъ и у щиколокъ жемчужною тесьмою.

Конь Аѳанасья Ивановича, золотисто-буланый аргамакъ, былъ весь увѣшанъ, отъ головы до хвоста, гремячими цѣпями изъ дутыхъ серебряныхъ бубенчиковъ. Вмѣсто чепрака или чалдара, пардовая кожа покрывала его спину. На вороненомъ налобникѣ горѣли въ золотыхъ гнѣздахъ крупные яхонты. Сухія, черныя ноги горскаго скакуна не были вовсе подкованы, но на каждой изъ нихъ, подъ бабкой, звенѣло по одному серебряному бубенчику.

Давно уже слышалось на площади звонкое ржаніе аргамака. Теперь, поднявъ голову вверхъ, раздувъ огненныя

ноздри и держа черный хвостъ на отлетѣ, онъ сперва легкою поступью, едва касаясь земли, двинулся навстрѣчу коню Морозова; но когда князь, не съѣзжаясь съ противникомъ, натянулъ гремучіе поводья, аргамакъ прыгнулъ въ сторону и перескочилъ бы черезъ цѣпь, еслибы сѣдокъ ловкимъ поворотомъ не заставилъ его вернуться на прежнее мѣсто. Тогда онъ взвился на дыбы, и крутясь на заднихъ ногахъ, норовилъ опрокинуться навзничъ, но князь нагнулся на луку, отпустилъ ему поводья и вонзилъ въ бока его острыя кизилбашскія стремена. Аргамакъ сдѣлалъ скачокъ и остановился какъ вкопанный. Ни одинъ волосъ его черной гривы не двигался. Налитые кровью глаза косились по сторонамъ, и по золотистой шерсти разбѣгались надутыя жилы узорною сѣткой.

При появленіи Вяземскаго, когда онъ въѣхалъ гремя и блестя, и словно обрызганный золотымъ и алмазнымъ дождемъ, владимірскій гусляръ не могъ удержаться отъ восторга; но удивленіе его относилось еще болѣе къ коню, чѣмъ ко всаднику.

— Эхъ конь! говорилъ онъ, топая ногами и хватаясь въ восхищеніи за голову;—экій конь! подумаешь. И не видывалъ такого коня! Вѣдь всякіе перебывали, а небось такого Богъ не послалъ! Что̀ бы, прибавилъ онъ про себя, что̀ бы было втупору этому сѣдоку, какъ онъ есть, на Поганую Лужу выѣхать!

— Слышь ты, продолжалъ онъ весело, толкая локтемъ товарища,—слышь ты, дурень, который конь тебѣ болѣ по̀ сердцу?

— А тотъ! отвѣчалъ парень, указывая пальцемъ на Морозовскаго коня.

— Тотъ? А зачѣмъ же тотъ?

— А за тѣмъ, что поплотнѣе! отвѣтилъ парень лѣниво.

Гусляръ залился смѣхомъ, но въ это время раздался голосъ бирючей:

— Православные люди! кричали они въ разные концы площади,—зачинается судный бой промежъ оружничаго царскаго, князь Аѳанасья Иваныча Вяземскаго, и боярина Дружины Андреича Морозова. Тягаются они въ безчестіи своемъ, въ бою и увѣчьи, и въ увозѣ боярыни Морозовой! Православные люди! Молитесь Пресвятой Троицѣ, дабы даровала она одолѣніе правой сторонѣ!

Площадь затихла. Всѣ зрители стали креститься, а боя-

ринъ, приставленный вѣдать поединокъ, подошелъ къ царю и проговорилъ съ низкимъ поклономъ:

— Прикажешь ли, государь, зачинаться полю?

— Зачинайте! сказалъ Іоаннъ.

Бояринъ, окольничій, поручники, стряпчіе и оба дьяка отошли въ сторону.

Бояринъ подалъ знакъ.

Противники вынули оружіе.

По другому знаку надлежало имъ скакать другъ на друга, но къ изумленію всѣхъ, Вяземскій закачался на сѣдлѣ и выпустилъ изъ рукъ поводья. Онъ свалился бы на землю, еслибъ поручникъ и стряпчій не подбѣжали и не помогли ему сойдти съ коня. Подоспѣвшіе конюхи успѣли схватить аргамака подъ устцы.

— Возьмите его! сказалъ Вяземскій, озираясь померкшими очами,—я буду биться пѣшой!

Видя, что князь сошелъ съ коня, Морозовъ также слѣзъ съ своего чернопѣгаго и отдалъ его конюхамъ.

Стряпчій Морозова подалъ ему большой кожаный щитъ съ мѣдными бляхами, приготовленный на случай пѣшаго боя.

Стряпчій Вяземскаго поднесъ ему также щитъ, вороненый, съ золотою насѣчкой и золотою бахрамой.

Но Аѳанасій Ивановичъ не имѣлъ силы вздѣть его на руку. Ноги подъ нимъ подкосились и онъ упалъ бы вторично, еслибъ его не подхватили.

— Что̀ съ тобой, князь? сказали въ одинъ голосъ стряпчій и поручникъ, съ удивленіемъ глядя ему въ очи;—оправься, князь! У поля не стоять, все равно, что побиту быть!

— Сымите съ меня бронь! проговорилъ Вяземскій, задыхаясь,—сымите бронь! Корень душитъ меня!

Онъ сбросилъ съ себя ерихонку, разорвалъ ожерелье кольчуги и сдернулъ съ шеи гайтанъ, на которомъ висѣла шелковая ладонка съ болотнымъ голубцомъ.

— Анаѳема тебѣ, колдунъ! вскричалъ онъ, бросая гайтанъ далеко отъ себя,—анаѳема, что обманулъ меня!

Дружина Андреевичъ подошелъ къ Вяземскому съ голымъ тесакомъ.

— Сдавайся, песъ, сказалъ онъ замахнувшись,—сознайся въ своемъ окаянствѣ!

Поручники и стряпчіе бросились между князя и Морозова.

— Нѣтъ! сказалъ Вяземскій, и отума̀ненный взоръ его

вспыхнулъ прежнею злобою, — рано мнѣ сдаваться! Ты, старый воронъ, испортилъ меня! Ты свой тесакъ въ святую воду окунулъ! Я поставлю за себя бойца и тогда увидимъ, чья будетъ правда!

Между стряпчими обѣихъ сторонъ зачался споръ. Одинъ утверждалъ, что судъ оконченъ въ пользу Морозова, другой, что суда вовсе не было, потому что не было боя.

Царь между тѣмъ замѣтилъ движеніе Вяземскаго, и велѣлъ подать себѣ брошенную имъ ладонку. Осмотрѣвъ ее съ любопытствомъ и недовѣрчивостью, онъ подозвалъ Малюту.

— Схорони это! шепнулъ онъ: — пока не спрошу! А теперь, произнесъ онъ громко,—подвести ко мнѣ Вяземскаго!

— Что, Аѳоня? сказалъ онъ, усмѣхаясь двусмысленно, когда подошелъ къ нему Вяземскій,—видно Морозовъ тебѣ не подъ силу?

— Государь, отвѣтилъ князь, котораго лицо было покрыто смертельною блѣдностью, — ворогъ мой испортилъ меня! Да къ тому жъ я съ тѣхъ поръ какъ оправился ни разу брони не надѣвалъ. Раны мои открылись; видишь какъ кровь изъ-подъ кольчуги бѣжитъ! Дозволь, государь, бирючъ кликнуть, охотника вызвать, чтобы замѣсто меня у поля сталъ!

Домогательство Вяземскаго было противно правиламъ Кто не хотѣлъ биться самъ, долженъ былъ объявить о томъ заранѣ. Вышедши разъ на поединокъ, нельзя было поставить вмѣсто себя другаго. Но царь имѣлъ въ виду погибель Морозова и согласился.

— Вели кричать бирючъ, сказалъ онъ,—авось кто поудалѣе тебя найдется! А не выйдетъ никто, Морозовъ будетъ чистъ, а тебя отдадутъ палачамъ!

Вяземскаго отвели подъ руки, и вскорѣ, по приказанію его, глашатаи стали ходить вдоль цѣпи и кричать громкимъ голосомъ:

— Кто хочетъ изъ слободскихъ, или московскихъ, или иныхъ людей, выйдти на боярина Морозова? Кто хочетъ биться за князя Вяземскаго? Выходите, бойцы, выходите стоять за Вяземскаго!

Но площадь оставалась безмолвна, и ни одинъ охотникъ не являлся.

— Выходите, охотники, добрые бойцы! кричали бирючи,—

выходите! Кто побьетъ Морозова, тому князь всѣ свои вотчины отдастъ, а будетъ побьетъ простой человѣкъ, тому князь пожалуетъ всю казну, какая есть у него!

Никто не откликался; всѣ знали что дѣло Морозова свято, и царь, несмотря на ненависть свою къ Дружинѣ Андреевичу, уже готовился объявить его правымъ, какъ вдругъ послышались крики:

— Идетъ охотникъ! Идетъ! И внутри оцѣпленнаго мѣста явился Матвѣй Хомякъ.

— Гой-да! сказалъ онъ свиснувъ саблею по воздуху.— Подходи, бояринъ, я за Вяземскаго!

При видѣ Хомяка, Морозовъ, дожидавшійся доселѣ съ голымъ тесакомъ, обратился съ негодованіемъ къ приставамъ поединка.

— Не стану биться съ наймитомъ! произнесъ онъ гордо! — Невмѣстно боярину Морозову мѣряться со стремяннымъ Гришки Скуратова.

И опустивъ тесакъ въ ножны, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ царь.

— Государь, сказалъ онъ,—ты дозволилъ ворогу моему поставить бойца вмѣсто себя; дозволь же и мнѣ найдти наймита противъ наймита, не то вели отставить поле до другаго раза!

Какъ не желалъ Иванъ Васильевичъ погубить Морозова, но просьба его была слишкомъ справедлива. Царю не захотѣлось въ Божьемъ судѣ прослыть пристрастнымъ.

— Кричи бирючъ! сказалъ онъ гнѣвно:—а если не найдешь охотника, бейся самъ, или сознайся въ своей кривдѣ и ступай на плаху!

Между тѣмъ Хомякъ прохаживался вдоль цѣпи, махая саблей и посмѣиваясь надъ зрителями.

— Вишь, говорилъ онъ,—много васъ воронъ собралось, а нѣтъ ни однаго яснаго сокола промежь васъ! Что бы хоть одному выйдти, мою саблю обновить, государя потѣшить! Молотимши, видно, руки отмахали! На печи лежа, бока отлежали!

— Ахъ ты, чортъ! проговорилъ вполголоса гусляръ:—ужь я бъ тебѣ далъ, кабы была при мнѣ моя сабля! Смотри! продолжалъ онъ, толкая подъ-бокъ товарища,—узнаешь ты его?

Но парень не слышалъ вопроса. Онъ разинулъ ротъ и казалось, впился глазами въ Хомяка.

— Что жь? продолжалъ Хомякъ:—видно нѣтъ между вами охотниковъ? Эй, вы, аршинники, калашники, пряхи, ткачихи! Кто хочетъ со мной помѣряться?

— А я! раздался неожиданно голосъ парня, и ухватившись обѣими руками за-цѣпь, онъ перекинулъ ее черезъ голову и чуть не вырвалъ дубовыхъ кольевъ, къ которымъ она была придѣлана.

Онъ очутился внутри ограды и, казалось, самъ былъ удивленъ своею смѣлостью.

Выпучивъ глаза и разиня ротъ, онъ смотрѣлъ то на Хомяка, то на опричниковъ, то на самого царя, но не говорилъ ни слова.

— Кто ты? спросилъ его бояринъ, приставленный къ полю.

— Я-то? сказалъ онъ, и подумавъ немного, усмѣхнулся.

— Кто ты? повторилъ бояринъ.

— А Митька! отвѣтилъ онъ добродушно, и какъ бы удивляясь вопросу.

— Спасибо тебѣ, молодецъ! сказалъ Морозовъ парню,— спасибо, что хочешь за правду постоять. Коли одолѣешь ворога моего, не пожалѣю для тебя казны. Не все у меня добро разграблено; благодаря Божьей милости, есть еще чѣмъ бойца моего наградить!

Хомякъ видѣлъ Митьку на Поганой Лужѣ, гдѣ парень убилъ подъ нимъ коня ударомъ дубины и, думая навалиться на всадника, притиснулъ подъ собою своего же товарища. Но въ общей свалкѣ Хомякъ не разглядѣлъ его лица, да впрочемъ въ Митькиной наружности и не было ничего примѣчательнаго. И такъ не мудрено, что Хомякъ не узналъ его.

— Чѣмъ хочешь ты драться? спосилъ приставленный къ полю бояринъ, глядя съ любопытствомъ на парня, у котораго не было ни брони, ни оружія.

— Чѣмъ драться? повторилъ Митька и обернулся назадъ, отыскивая глазами гусляра, чтобы съ нимъ посовѣтоваться.

Но гусляръ, видно, отошелъ на другое мѣсто, и сколько ни глядѣлъ Митька, онъ не могъ найдти его.

— Что жь, сказалъ бояринъ,—бери себѣ саблю да бронь становись къ полю!

Митька сталъ озираться, въ замѣшательствѣ.

Царю показались пріемы его забавными.

— Дать ему оружіе! сказалъ онъ;—посмотримъ какъ онъ умѣетъ биться!

Митькѣ подали полное вооруженіе, но онъ сколько ни старался, никакъ не могъ пролѣзть въ рукава кольчуги, а шлемъ былъ такъ малъ для головы его, что держался на одной макушкѣ.

Въ этомъ нарядѣ Митька, совершенно растерянный, оборачивался то направо, то налѣво, все еще надѣясь найдти гусляра и спросить его, что̀ ему дѣлать?

Глядя на него, царь началъ громко смѣяться. Примѣру его послѣдовали сперва опричники, а потомъ и всѣ зрители.

— Чаво вы горла дярете-то? сказалъ Митька съ неудовольствіемъ;—я и безъ вашего колпака и безъ желѣзной рубахи-то на энтова пойду!

Онъ указалъ пальцемъ на Хомяка и началъ стаскивать съ себя кольчугу.

Раздался новый хохотъ.

— Съ чѣмъ же ты пойдешь? спросилъ бояринъ.

Митька почесалъ затылокъ.

— А нѣтъ у васъ дубины? спросилъ онъ протяжно, обращаясь къ опричникамъ.

— Да что̀ это за дурень? вскричали они, — откуда онъ взялся. Кто его втолкнулъ сюда?—Или ты, болванъ, думаешь мы по-мужицки дубинами бьемся?

Но Иванъ Васильевичъ забавлялся наружностью Митьки и не позволилъ прогнать его.

— Дать ему ослопъ, сказалъ онъ, — пусть бьется какъ знаетъ!

Хомякъ обидѣлся.

— Государь, не вели мужику на холопа твоего порухи класть! воскликнулъ онъ.—Я твоей царской милости честно въ опричникахъ служу, и съ роду еще на ослопахъ не бился!

Но царь былъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Ты бейся саблей, сказалъ онъ,—а парень пусть бьется по своему.—Дать ему ослопъ. Посмотримъ какъ мужикъ за Морозова постоитъ!

Принесли нѣсколько дубинъ.

Митька взялъ медленно въ руки одну за другой, осмо-

трѣлъ каждую, и перебравъ всѣ дубины, повернулся прямо къ царю.

— А нѣтъ ли покрѣпчаѣ? произнесъ онъ вялымъ голосомъ, глядя вопросительно въ очи Ивану Васильевичу.

— Принести ему оглоблю! сказалъ царь, заранѣе потѣшаясь ожидающимъ его зрѣлищемъ.

Вскорѣ въ самомъ дѣлѣ явилась въ рукахъ Митьки тяжелая оглобля, которую опричники вывернули насмѣхъ изъ стоявшаго на базарѣ воза.

— Что, эта годится, спросилъ царь.

— А длячаǃ отвѣчалъ Митька;—пожалуй годится.

И схвативъ оглоблю за одинъ конецъ, онъ для пробы махнулъ ею по воздуху такъ сильно, что вѣтеръ пронесся кругомъ, и пыль закружилась какъ отъ налетѣвшаго вихря.

— Вишь, чортъ! промолвили, переглянувшись, опричники.

Царь обратился къ Хомяку.

— Становись! сказалъ онъ повелительно, и прибавилъ съ усмѣшкой: — погляжу я какъ ты увернешься отъ мужицкаго ослопа!

Митька, между тѣмъ, засучилъ рукава, плюнувъ въ обѣ руки и сжавши ими оглоблю, потряхивалъ ею, глядя на Хомяка. Застѣнчивость его исчезла.

— Ну, ты! становись, што ли! произнесъ онъ съ рѣшимостью.—Я-те научу нявѣстъ красть!

Положеніе Хомяка, въ виду непривычнаго оружія и необыкновенной силы Митьки, было довольно затруднительно, а зрители очевидно принимали сторону парня и уже начинали посмѣиваться надъ Хомякомъ.

Замѣшательство стремяннаго веселило царя. Онъ уже смотрѣлъ на предстоящій бой съ тѣмъ самымъ любопытствомъ, какое возбуждали въ немъ представленія скомороховъ, или медвѣжья травля.

— Зачинайте бой! сказалъ онъ, видя что Хомякъ колеблется.

Тогда Митька поднялъ надъ головою оглоблю и началъ кружить ее, подступая къ Хомяку скокомъ.

Тщетно Хомякъ старался улучить мгновеніе чтобы ударить Митьку саблей. Ему оставалось только поспѣшно сторониться или увертываться отъ оглобли, которая опи-

сывала огромные круги около Митьки и дѣлала его недосягаемымъ.

Къ великой радости зрителей и къ немалой потѣхѣ царя, Хомякъ сталъ отступать, думая только о своемъ спасеніи; но Митька съ медвѣжьею ловкостью продолжалъ къ нему подскакивать, и оглобля какъ буря гудѣла надъ его головою.

— Я-те научу нявѣстъ красть! говорилъ онъ, входя постепенно въ ярость и стараясь задѣть Хомяка по головѣ, по ногамъ и по чемъ ни попало.

Участіе зрителей къ Митькѣ проявлялось одобрительными восклицаніями и наконецъ дошло до восторга.

— Такъ! Такъ! кричалъ народъ, забывая присутствіе царя,—хорошенько его! Ай да парень! Отстаивай Морозова, Стой за правое дѣло!

Но Митька думалъ не о Морозовѣ.

— Я-те научу нявѣстъ красть! проговорилъ онъ, кружа надъ собою оглоблю и преслѣдуя Хомяка, который увивался отъ него во всѣ стороны.

Нѣсколько разъ опричникамъ, стоявшимъ вдоль цѣпи, пришлось присѣсть къ землѣ чтобъ избѣгнуть неминуемой смерти, когда оглобля, завывая, проносилась надъ ихъ головами.

Вдругъ раздался глухой ударъ и Хомякъ, пораженный въ бокъ, отлетѣлъ на нѣсколько сажень и грянулся о̀ земь раскинувши руки.

Площадь огласилась радостнымъ крикомъ.

Митька тотчасъ навалился на Хомяка и сталъ душить его.

— Полно! Полно! закричали опричники, а Малюта поспѣшно нагнулся къ Ивану Васильевичу и сказалъ ему съ озабоченнымъ видомъ:

— Государь, вели оттащить этого дьявола! Хомякъ у насъ лучшій человѣкъ во всей опричнинѣ!

— Тащить дурака за̀ ноги! закричалъ царь:—окатить его водой, только чуръ жива оставить!

Съ трудомъ удалось опричникамъ оттащить Митьку, но Хомяка подняли уже мертваго, и когда вниманіе всѣхъ обратилось на посинѣвшее лицо его, рядомъ съ Митькой очутился владимірскій гусляръ, и дернувъ его за полу, сказалъ ему шопотомъ:

— Иди, дурень за мной! Уноси свою голову!

И оба исчезли въ толпѣ народа.

ГЛАВА XXXII.

Ладонка Вяземскаго.

Иванъ Васильевичъ велѣлъ подозвать Морозова.

Площадь снова затихла. Всѣ въ ожиданіи устремили взоры на царя и притаили дыханіе.

— Бояринъ Дружина! сказалъ торжественно Іоаннъ, вставая съ своего мѣста,—ты Божьимъ судомъ очистился предо мною. — Господь Богъ, чрезъ одолѣніе врага твоего, показалъ твою правду, и я не оставлю тебя моею милостью. Не уѣзжай изъ Слободы до моего приказа. Но это, продолжалъ мрачно Іоаннъ,—только половина дѣла. Еще самый судъ впереди. Привести сюда Вяземскаго!

Когда явился князь Аѳанасій Ивановичъ, царь долго глядѣлъ на него невыразимымъ взглядомъ.

— Аѳанасій, сказалъ онъ наконецъ,—тебѣ вѣдомо, что я твердо держусь моего слова. Я положилъ, что тотъ изъ васъ, кто самъ собой, или чрезъ бойца своего, не устоитъ у поля, смерти преданъ будетъ. Боецъ твой не устоялъ, Аѳоня!

— Что жь, отвѣтилъ Вяземскій съ рѣшимостью,—вели мнѣ голову рубить, государь!

Странная улыбка прозмѣилась по устамъ Іоанна.

— Только голову рубить? произнесъ онъ злобно. — Или ты думаешь, тебѣ только голову срубятъ? Такъ было бы, пожалуй, когда бъ ты одному Морозову отвѣтъ держалъ, но на тебѣ еще другая кривда и другое окаянство. — Малюта, подай сюда его ладонку!

И принявъ изъ рукъ Малюты гайтанъ, брошенный Вяземскимъ, Іоаннъ поднялъ его за кончикъ.

— Это что? спросилъ онъ, страшно глядя въ очи Вяземскаго.

Князь хотѣлъ отвѣчать, но царь не далъ ему времени.

— Рабъ лукавый произнесъ онъ грозно, и по жиламъ

присутствующихъ пробѣжалъ холодъ; — рабъ лукавый! Я приблизилъ тебя къ престолу моему; я возвеличилъ тебя и осыпалъ милостями; а ты что учинилъ? Ты въ смрадномъ сердцѣ своемъ, аки аспидъ, задумалъ погубить меня, царя твоего, и чернокнижіемъ хотѣлъ извести меня, и затѣмъ, должно-быть, ты въ опричнину просился?— Что есть опричнина? продолжалъ Іоаннъ, озираясь кругомъ и возвышая голосъ, дабы весь народъ могъ услышать его.—Я, аки господинъ винограда, поставленъ Господомъ-Богомъ надъ народомъ моимъ воздѣлывати виноградъ мой. Бояре же мои, и дума, и совѣтники, не захотѣли помогать мнѣ и замыслили погубить меня; тогда взялъ я отъ нихъ виноградъ мой и отдалъ другимъ дѣлателямъ. И се есть опричнина! Званые мною на пиръ не пришли, и я послалъ на торжища и на исходища путей, и повелѣлъ призывать елицѣхъ какіе обрѣтутся. И се опять есть опричнина! Теперь спрашиваю всѣхъ: что заслужилъ себѣ гость, пришедшій на пиръ, но не облекшійся въ одѣяніе брачное? Какъ сказано о немъ въ Писаніи? „Связавше ему руцѣ и нозе, возьмите его и ввергите во тьму кромѣшную: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ!"

Такъ говорилъ Іоаннъ, и народъ слушалъ безмолвно это произвольное примѣненіе евангельской притчи, не сочувствуя Вяземскому, но глубоко потрясенный быстрымъ паденіемъ сильнаго любимца.

Никто изъ опричниковъ не смѣлъ, или не хотѣлъ вымолвить ни слова въ защиту Вяземскаго. На всѣхъ лицахъ изображался ужасъ. Одинъ Малюта въ звѣрскихъ глазахъ своихъ не выказывалъ ничего, кромѣ готовности приступить сейчасъ же къ исполненію царскихъ велѣній, да еще лицо Басманова выражало злобное торжество, хотя онъ и старался скрыть его подъ личиною равнодушія.

Вяземскій не почелъ нужнымъ оправдываться. Онъ зналъ Іоанна и рѣшился перенесть терпѣливо ожидавшія его мученія. Видъ его остался твердъ и достоинъ.

— Отведите его! сказалъ царь.—Я положу ему казнь наравнѣ съ тѣмъ станичникомъ, что забрался ко мнѣ въ опочивальню и теперь ожидаетъ мзды своей. А колдуна, съ которымъ спознался онъ, отыскать и привести въ Слободу. Пусть, на пристрастномъ допросѣ, дастъ еще новыя указанія.—Велика злоба князя міра сего, продолжалъ Іоаннъ,

поднявъ очи къ небу;—онъ, подобно льву рыкающему, ходитъ вокругъ, ищуще пожрати мя, и даже въ синклитѣ моемъ находитъ усердныхъ слугъ себѣ. Но я уповаю на милость Божію и, съ помощію Господа, не дамъ укорениться измѣнѣ на Руси!

Іоаннъ сошелъ съ помоста и, сѣвъ на коня, отправился обратно ко дворцу, окруженный безмолвною толпою опричниковъ.

Малюта подошелъ къ Вяземскому, съ веревкой въ рукахъ.

— Не взыщи, князь! сказалъ онъ съ усмѣшкой, скручивая ему руки назадъ; — наше дѣло холопское!

И окруживъ Вяземскаго стражей, онъ повелъ его въ тюрьму.

Народъ сталъ расходиться молча, или толкуя шепотомъ обо всемъ случившемся, и вскорѣ опустѣла еще недавно многолюдная площадь.

ГЛАВА XXXIII.

Ладонка Басманова.

Вяземскій былъ подвергнутъ допросу, но никакія мученія не заставили его выговорить ни одного слова. Съ необыкновенною силою воли переносилъ онъ молча безчеловѣчныя истязанія, которыми Малюта старался вынудить у него сознаніе въ замыслѣ на государя. Изъ гордости, изъ презрѣнія, или потому что жизнь ему опротивѣла, онъ даже не попытался ослабить клевету Басманова, показавъ что и его самого онъ встрѣтилъ на мельницѣ.

По приказанію царя, мельника схватили и тайно привезли въ слободу, но къ пыткѣ его еще не приступали.

Басмановъ приписалъ успѣхъ своего доноса дѣйствію тирлича, который онъ всегда носилъ на себѣ, и тѣмъ болѣе убѣдился въ его чародѣйной силѣ, что Іоаннъ не показывалъ ни малѣйшаго подозрѣнія, и хотя попрежнему посмѣивался надъ Басмановымъ, но былъ къ нему довольно ласковъ.

Погубивъ одного изъ своихъ соперниковъ, видя раждающееся вновь расположеніе къ себѣ Ивана Васильевича, и не зная, что мельникъ уже сидитъ въ слободской тюрьмѣ, Басмановъ сдѣлался еще высокомѣрнѣе. Онъ, слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, смѣло глядѣлъ въ очи царя, шутилъ съ нимъ свободно, и дерзко отвѣчалъ на его насмѣшки.

Иванъ Васильевичъ все сносилъ терпѣливо.

Однажды, въ одинъ изъ своихъ обычныхъ объѣздовъ, онъ съ ближайшими любимцами, въ томъ числѣ и съ обоими Басмановыми, отслушавъ въ сосѣднемъ монастырѣ раннюю обѣдню, зашелъ къ настоятелю въ келью и удостоилъ его принять угощеніе.

Царь сидѣлъ на скамьѣ подъ образами, любимцы, исключая Скуратова, котораго не было въ объѣздѣ, стояли у стѣнъ, а игуменъ, низко кланяясь, ставилъ на столъ медовые соты, разное варенье, чаши съ молокомъ и свѣжія яйца.

Царь былъ въ добромъ расположеніи духа; онъ отвѣдывалъ отъ каждаго блюда, милостиво шутилъ, и велъ душеспасительныя рѣчи. Съ Басмановымъ онъ былъ ласковѣе обыкновеннаго, и Басмановъ еще болѣе убѣдился въ неотразимой силѣ тирлича.

Въ это время послышался за оградою конскій топотъ.

— Ѳедя, сказалъ Іоаннъ,—посмотри, кто тамъ пріѣхалъ?

Басмановъ не успѣлъ подойдти къ двери, какъ она отворилась, и у порога показался Малюта Скуратовъ.

Выраженіе его было таинственно, и въ немъ проглядывала злобная радость.

— Войди, Лукьянычъ! сказалъ привѣтливо царь:—съ какою тебя вѣстью Богъ принесъ?

Малюта переступилъ черезъ порогъ, и переглянувшись съ царемъ, сталъ креститься на образа.

— Откуда ты? спросилъ Іоаннъ, какъ будто онъ вовсе не ожидалъ его.

Но Малюта, не спѣша отвѣтомъ, сперва отвѣсилъ ему поклонъ, а потомъ подошелъ къ игумну.

— Благослови, отче! сказалъ онъ, нагибаясь, а между тѣмъ покосился на Ѳедора Басманова, котораго вдругъ обдало недобрымъ предчувствіемъ.

— Откуда ты? повторилъ Іоаннъ, подмигнувъ непримѣтно Скуратову.

— Изъ тюрьмы, государь, колдуна пыталъ.

— Ну, что же? спросилъ царь, и бросилъ бѣглый взглядъ на Басманова.

— Да все бормочетъ; трудно разобрать. Одно поняли мы когда стали ему вертлюги ломать: „Вяземскій дескать не одинъ ко мнѣ ѣзживалъ; ѣзживалъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ, и корень-де взялъ у меня, и носитъ тотъ корень теперь на шеѣ!“

И Малюта опять покосился на Басманова.

Басмановъ измѣнился въ лицѣ. Вся наглость его исчезла.

— Государь, сказалъ онъ, дѣлая необыкновенное усиліе, чтобы казаться спокойнымъ,—должно-быть, онъ за то облыгаетъ меня, что выдалъ я его твоей царской милости!

— А какъ стали мы, продолжалъ Малюта,—прижигать ему подошвы, такъ онъ и показалъ, что былъ-де тотъ корень нуженъ Басманову, чтобъ твое государское здоровье испортить.

Іоаннъ пристально посмотрѣлъ на Басманова, который зашатался подъ этимъ взглядомъ.

— Батюшка царь! сказалъ онъ: — охота тебѣ слушать, что мельникъ говоритъ! Кабы я знался съ нимъ, сталъ ли бы я на него показывать?

— А вотъ увидимъ. Разстегни-ка свой кафтанъ, посмотримъ что у тебя на шеѣ?

— Да что же, кромѣ креста да образовъ, государь? произнесъ Басмановъ голосомъ, уже потерявшимъ всю свою увѣренность.

— Разстегни кафтанъ! повторилъ Иванъ Васильевичъ.

Басмановъ судорожно отстегнулъ верхнія пуговицы своей одежды.

— Изволь, сказалъ онъ, подавая Іоанну цѣпь съ образками.

Но царь, кромѣ цѣпи, успѣлъ замѣтить еще шелковый гайтанъ на шеѣ Басманова.

— А это что? спросилъ онъ, отстегивая самъ яхонтовую запонку его ворота и вытаскивая изъ-за его рубахи гайтанъ съ ладонкой.

— Это, проговорилъ Басмановъ, дѣлая надъ собою послѣднее, отчаянное усиліе, — это, государь . . . материнское благословеніе.

— Посмотримъ благословеніе! Іоаннъ передалъ ладонку Грязному. — На, распори ее, Васюкъ.

Грязной распоролъ ножомъ оболочку и развернувъ зашитый въ нее кусокъ холстины, высыпалъ что то на столъ.

— Ну, что̀ это? спросилъ царь, и всѣ съ любопытствомъ нагнулись къ столу и увидѣли какіе-то корешки, перемѣшанныя съ лягушечьими костями.

Игуменъ перекрестился.

— Этимъ благословила тебя мать? спросилъ насмѣшливо Иванъ Васильевичъ.

Басмановъ упалъ на колѣни.

— Прости, государь, холопа твоего! вскричалъ онъ въ испугѣ.—Видя твою нелюбовь ко мнѣ, надрывался я сердцемъ, и чтобъ войдти къ тебѣ въ милость, выпросилъ у мельника этого корня. Это тирличъ, государь! Мельникъ далъ мнѣ его, чтобъ полюбилъ ты опять холопа твоего, а замысла на тебя, видитъ Богъ, никакого не было!

— А жабьи кости? спросилъ Іоаннъ, наслаждаясь отчаяніемъ Басманова, коего наглость ему давно наскучила.

— Про кости я ничего не вѣдалъ, государь, видитъ Богъ, ничего не вѣдалъ!

Иванъ Васильевичъ обратился къ Малютѣ.

— Ты говоришь, сказалъ онъ,—что колдунъ показываетъ на Ѳедьку; Ѳедька-де за тѣмъ къ нему ѣздилъ, чтобъ испортить меня?

— Такъ, государь! И Малюта скривилъ ротъ, радуясь бѣдѣ давнишняго врага своего.

— Ну, что̀ жь, Ѳедюша, продолжалъ съ усмѣшкою царь, —надо тебя съ колдуномъ окомъ къ оку поставить. Ему допросъ ужь чинили; отвѣдай же и ты пытки, а то скажутъ пожалуй: царь однихъ земскихъ пытаетъ, а опричниковъ своихъ бережетъ.

Басмановъ повалился Іоанну въ ноги.

— Солнышко мое красное! вскричалъ онъ, хватаясь за̀ полы царскаго охобня, — свѣтикъ мой, государь, не губи меня, солнышко мое, мѣсяцъ ты мой, соколикъ мой, горностаекъ! Вспомни, какъ я служилъ тебѣ, какъ отъ воли твоей ни въ чемъ не отказывался!

Іоаннъ отвернулся.

Басмановъ, въ отчаяньи, бросился къ своему отцу.

— Батюшка! завопилъ онъ: — упроси государя, чтобы

даровалъ животъ холопу своему! Пусть надѣнутъ на меня ужь не сарафанъ, а дурацкое платье! Я радъ его царской милости шутомъ служить!

Но Алексѣю Басманову были равно чужды и родственное чувство, и состраданіе. Онъ боялся участіемъ къ сыну навлечь опалу на самого себя.

— Прочь, сказалъ онъ, отталкивая Өедора,—прочь, нечестивецъ! Кто къ государю не мыслитъ, тотъ мнѣ не сынъ! Иди куда шлетъ тебя его царская милость!

— Святой игуменъ, зарыдалъ Басмановъ, тащась на колѣняхъ, отъ отца своего къ игумну; — святой игуменъ, умоли за меня государя!

Но игуменъ стоялъ, самъ не свой, потупя очи въ землю и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Оставь отца игумна! сказалъ холодно Іоаннъ.—Коли будетъ въ томъ нужда, онъ послѣ по тебѣ панихиду отслужитъ!

Басмановъ обвелъ кругомъ себя умоляющимъ взоромъ, но вездѣ встрѣтилъ враждебныя или устрашенныя лица.

Тогда въ сердцѣ его произошла перемѣна.

Онъ понялъ, что не можетъ избѣжать пытки, которая жестокостью равнялась смертной казни и обыкновенно ею же оканчивалась; понялъ, что терять ему болѣе нечего, и съ этимъ убѣжденіемъ возвратилась къ нему его рѣшимость.

Онъ всталъ, выпрямилъ станъ и заложивъ руку за кушакъ, посмотрѣлъ съ наглою усмѣшкой на Іоанна.

— Надежа-государь! сказалъ онъ дерзко, тряхнувъ головою, чтобы оправить свои растрепанныя кудри, и звякнувъ серьгами:—надежа государь! Иду я по твоему указу на муку и смерть. Дай же мнѣ сказать тебѣ послѣднее спасибо за всѣ твои ласки! Не умышлялъ я на тебя ничего, а грѣхи-то у меня съ тобою одни! Какъ поведутъ казнить меня, я всѣ до одного разкажу передъ народомъ! А ты, батька игуменъ, слушай теперь мою исповѣдь!..

Опричники и самъ Алексѣй Басмановъ не дали ему продолжать. Они увлекли его изъ кельи на дворъ, и Малюта посадивъ его, связаннаго, на-конь, тотчасъ повезъ къ Слободѣ.

— Ты зришь, отче, сказалъ Іоаннъ игумну,—коликими я окруженъ и явными, и скрытыми врагами! Моли Бога за

меня недостойнаго, дабы даровалъ Онъ добрый конецъ моимъ начинаніямъ, благословилъ бы меня, многогрѣшнаго, извести корень измѣны!

Царь всталъ, и перекрестившись на образа, подошелъ къ игумну подъ благословеніе.

Игуменъ и вся братія съ трепетомъ проводили его за ограду, гдѣ царскіе конюха дожидались съ богато-убранными конями; и долго еще, послѣ того какъ царь съ своими полчанами скрылся въ облакѣ пыли и не стало болѣе слышно звука конскихъ подковъ, монахи стояли, потупя очи и не смѣя поднять головы.

ГЛАВА XXXIV.

Шутовской кафтанъ.

Въ это самое утро къ Морозову, который по волѣ царя остался въ Слободѣ, явились два стольника съ приглашеніемъ къ царскому столу.

Когда Дружина Андреевичъ пріѣхалъ во дворецъ, палаты уже были полны опричниковъ, столы накрыты, слуги, въ богатыхъ одеждахъ, готовили закуску.

Бояринъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ, что кромѣ его, нѣтъ ни одного земскаго, и понялъ, что царь оказываетъ ему особенную честь.

Вотъ зазвонили дворцовые колокола, затрубили трубы, и Иванъ Васильевичъ, съ благосклоннымъ, привѣтливымъ лицомъ, вступилъ въ палату, въ совопровожденіи чудовскаго архимандрита Левкія, Василія Грязнаго, Алексѣя Басманова, Бориса Годунова и Малюты Скуратова.

Принявъ и отдавъ поклоны, онъ сѣлъ за свой приборъ, и всѣ за столомъ его размѣстились по чинамъ. Осталось одно пустое мѣсто, ниже Годунова.

— Садись, бояринъ Дружина! сказалъ ласково царь, указывая на пустое мѣсто.

Лицо Морозова побагровѣло.

— Государь, отвѣтилъ онъ, — какъ Морозовъ во всю

жизнь чинилъ, такъ и до смерти чинить будетъ. Старъ я, государь, перенимать новые обычаи. Наложи опять опалу на меня, прогони отъ очей твоихъ — а ниже Годунова не сяду!

Всѣ въ изумленіи переглянулись. Но царь, казалось, ожидалъ этого отвѣта. Выраженіе лица его осталось спокойно.

— Борисъ, сказалъ онъ Годунову,—тому скоро два года, я боярина Дружину, за такой же отвѣтъ, выдалъ тебѣ головою. Но видно мнѣ пора измѣнить мой обычай. Должно-быть, ужь не мы земскимъ, а земскіе намъ будутъ указывать! Должно-быть, ужь я и въ домишкѣ моемъ не хозяинъ! Прійдется мнѣ, убогому, забрать свою рухлядишку и бѣжать съ людишками моими куда-нибудь подалѣе! Прогонятъ они меня отсюда, калику перехожаго, какъ отъ Москвы прогнали!

— Государь, сказалъ смиренно Годуновъ, желая выручить Морозова,—не намъ, а тебѣ о мѣстахъ судить. Старые люди крѣпко держатся стараго обычая, и ты не гнѣвись на боярина, что помнитъ онъ разряды. Коли дозволишь, государь, я сяду ниже Морозова; за твоимъ столомъ всѣ мѣста хороши!

Онъ сдѣлалъ движеніе какъ бы готовясь встать, но Іоаннъ удержалъ его взглядомъ.

— Бояринъ подлинно старъ! сказалъ онъ хладнокровно, и умѣренность его въ виду явнаго непокорства исполнила всѣхъ ожиданіемъ. Всѣ чувствовали, что готовится что-то необыкновенное, но нельзя было угадать, какъ проявится царскій гнѣвъ, коего приближеніе, выказывала лишь легкая судорога на лицѣ, напоминающая дрожаніе отдаленной зарницы.

Всѣ груди были стѣснены какъ передъ наступающею бурей.

— Да, продолжалъ спокойно Іоаннъ,—бояринъ подлинно старъ, но разумъ его молодъ не по лѣтамъ. Больно онъ любитъ шутить. Я тоже люблю шутить, и въ свободное отъ дѣла и молитвы время, я не прочь отъ веселья. Но съ того дня, какъ умеръ шутъ мой Ногтевъ, некому потѣшить меня. Дружинѣ, я вижу, это ремесло по сердцу; я же обѣщалъ не оставить его моею милостію, а потому жалую его моимъ первымъ шутомъ. Подать сюда кафтанъ Ногтева и надѣть на боярина!

Судороги на лицѣ царя заиграли чаще, но голосъ остался попрежнему спокоенъ.

Морозовъ стоялъ какъ пораженный громомъ. Багровое лицо его поблѣднѣло, кровь отхлынула къ сердцу, очи засверкали, а брови сначала заходили, а потомъ сдвинулись такъ грозно, что даже вблизи Ивана Васильевича, выраженіе его показалось страшнымъ. Онъ еще не вѣрилъ ушамъ своимъ; онъ сомнѣвался, точно ли царь хочетъ обезчестить всенародно его, Морозова, гордаго боярина, коего заслуги и древняя доблесть были давно всѣмъ извѣстны?

Онъ стоялъ молча, вперивъ въ Іоанна неподвижный, вопрошающій взоръ, какъ бы ожидая что онъ одумается и возьметъ назадъ свое слово. Но еще съ самаго утра, когда Басмановъ, испугавшись пытки, молилъ замѣнить ее шутовскимъ кафтаномъ, Іоанну пришло въ голову примѣнить эту мысль къ Морозову. Зрѣлище было приготовлено заранѣе, и Василій Грязной, по знаку царя, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ Дружинѣ Андреевичу, держа въ рукахъ пестрый кафтанъ, полупарчевый, полусермяжный, со множествомъ заплатъ, бубенчиковъ и колокольцевъ.

— Надѣвай, бояринъ! сказалъ Грязной,—великій государь жалуетъ тебя этимъ кафтаномъ съ плеча выбылаго шута своего Ногтева!

— Прочь! воскликнулъ Морозовъ, отталкивая Грязнаго,—не смѣй, кромѣшникъ, касаться боярина Морозова, котораго предкамъ твои предки въ псаряхъ и въ холопяхъ служили!

И, обращаясь къ Іоанну, онъ произнесъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ:

— Государь, возьми назадъ свое слово! Вели меня смерти предать! Въ головѣ моей ты воленъ, но въ чести моей не воленъ никто!

Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на опричниковъ.

— Правду я говорилъ, что Дружина любитъ шутить? Вы слышали? Я не воленъ жаловать его кафтаномъ!

— Государь, продолжалъ Морозовъ,—именемъ Господа Бога молю тебя, возьми свое слово назадъ! Еще не родился ты, когда уже покойный батюшка твой жаловалъ меня! Когда я, вмѣстѣ съ Хабаромъ Симскимъ, разбилъ Чувашъ и Черемисъ на Свіягѣ, когда съ князьями, Одоевскимъ и Мстиславскимъ, прогналъ отъ Оки крымскаго царевича и

татарскій набѣгъ отъ Москвы отвратилъ! Много ранъ получилъ я, много крови пролилъ на службѣ батюшки твоего и на твоей, государь! Не берегъ я головы ни въ ратномъ дѣлѣ, ни въ думѣ боярской, спорилъ, въ малолѣтство твое, за тебя и за матушку твою съ Шуйскими и съ Бѣльскими! Одною только честью дорожилъ я, и никому, въ цѣлую жизнь мою, не далъ запятнать ее! Ты ли теперь опозоришь мои сѣдые волосы? Ты ли наругаешься надъ слугою родителя твоего? Вели казнить меня, государь, вели мнѣ голову на плаху понести, и я съ радостью пойду на мученья, какъ прежде на битвы хаживалъ!

Всѣ молчали, потрясенные сильною рѣчью Морозова; но среди общей тишины раздался голосъ Іоанна.

— Довольно болтать! сказалъ онъ грозно, переходя отъ насмѣшливости къ явному гнѣву:—твои глупыя рѣчи, старикъ, показали, что ты добрымъ будешь шутомъ. Надѣвай дурацкое платье!

— Вы! продолжалъ царь, повернувшись къ опричникамъ,— помогите ему; онъ привыкъ чтобъ ему прислуживали!

Еслибы Морозовъ покорился, или, упавъ къ ногамъ царя, сталъ бы униженно просить о пощадѣ, быть-можетъ и смягчился бы Иванъ Васильевичъ. Но видъ Морозова былъ слишкомъ гордъ, голосъ слишкомъ рѣшителенъ; въ самой просьбѣ его слышалась непреклонность, и этого не могъ снести Іоаннъ. Онъ ощущалъ ко всѣмъ сильнымъ нравамъ неодолимую ненависть, и одна изъ причинъ, по коимъ онъ еще недавно, не отдавая себѣ отчета, отвратилъ сердце свое отъ Вяземскаго, была извѣстная ему самостоятельность князя.

Въ одинъ мигъ опричники сорвали съ Морозова верхнюю одежду и напялили на него кафтанъ съ колокольцами.

Послѣ послѣднихъ словъ Іоанна, Морозовъ пересталъ противиться. Онъ далъ себя одѣть, и молча смотрѣлъ какъ опричники со смѣхомъ поправляли и обдергивали на немъ кафтанъ. Мысли его ушли въ глубь сердца; онъ сосредоточился въ самомъ себѣ.

— А шапку-то позабыли? сказалъ Грязной, надѣвая на голову Морозова пестрый колпакъ, и отступивъ назадъ, онъ поклонился ему до полу.

— Дружина Андреичъ! сказалъ онъ:—бьемъ тебѣ челомъ

на новой должности! Потѣшай насъ, какъ покойный Ногтевъ потѣшалъ!

Тогда Морозовъ поднялъ голову и обвелъ глазами собраніе.

— Добро! сказалъ онъ громко и твердо,—принимаю новую царскую милость. Боярину Морозову невмѣстно было сидѣть рядомъ съ Годуновымъ; но царскому шуту пристойно быть за царскимъ столомъ съ Грязными и Басмановыми. Раздвиньтесь, страдники! мѣсто новому скомороху! Пропустите шута и слушайте всѣ какъ онъ будетъ потѣшать Ивана Васильича!

Морозовъ сдѣлалъ повелительный знакъ и опричники невольно посторонились.

Гремя колокольцами, бояринъ подошелъ къ столу и опустился на скамью, напротивъ Іоанна, съ такою величественною осанкой, какъ будто на немъ вмѣсто шутовскаго кафтана была царская мантія.

— Какъ же мнѣ потѣшать тебя, государь? спросилъ онъ, положивъ локти на столъ, и глядя прямо въ очи Ивану Васильевичу.—Мудренъ ты сталъ на потѣхи, ничѣмъ не удивишь тебя! Какихъ шутокъ не порешучено на Руси, съ тѣхъ поръ какъ ты государишь! Потѣшался ты, когда былъ еще отрокомъ и конемъ давилъ народъ на улицахъ; потѣшался ты, когда на охотѣ велѣлъ псарямъ князя Шуйскаго зарѣзать; потѣшался, когда выборные люди изъ Пскова пришли плакаться тебѣ на твоего намѣстника, а ты приказалъ имъ горячею смолою бороды палить!

Опричники хотѣли вскочить съ своихъ мѣстъ, и броситься на Морозова; царь удержалъ ихъ знакомъ.

— Но, продолжалъ Морозовъ, то все было ребяческое веселье; оно скоро тебѣ надоѣло. Ты началъ знаменитыхъ людей въ монахи постригать, а женъ и дочерей ихъ себѣ на потѣху позорить. И это тебѣ прискучило. Сталъ ты выбирать тогда лучшихъ слугъ твоихъ и мукамъ предавать. Тутъ дѣло пошло повеселѣе, только не надолго. Не все же ругаться надъ народомъ да надъ боярами. Давай и надъ церковью Христовою поглумимся! Вотъ и набралъ ты всякой голи кабацкой, всякой скаредной сволочи, нарядилъ ее въ рясы монашескія, и самъ монахомъ нарядился, и стали вы днемъ людей рѣзать, а ночью акафисты пѣть. Самъ ты, кровью обрызганъ, и пѣлъ, и звонилъ, и

чуть ли обѣдню не служилъ. Эта потѣха вышла изо всѣхъ веселѣйшая, такой, опричь тебя, никому и не выдумать!

— Что же сказать тебѣ, государь? Какъ еще распотѣшить тебя? А развѣ вотъ что скажу: Пока ты съ своею опричниной въ машкерахъ пляшешь, къ заутрени звонишь, да кровью упиваешься, наступитъ на тебя съ заката Жигимонтъ, напрутъ съ полуночи Нѣмцы да Чудь, а съ полудня и съ восхода подымется ханъ. Нахлынетъ орда на Москву, и не будетъ воеводъ отстаивать святыни Господней! Запылаютъ храмы Божіи съ мощами святителей, настанутъ опять Батыевы времена. И будешь ты, царь всея Руси, въ ноги кланяться хану, и стоя на колѣняхъ, стремя его цѣловать!

Морозовъ замолкъ.

Никто не прерывалъ его рѣчи; всѣмъ она захватила дыханье. Царь слушалъ, наклонясь впередъ, блѣдный, съ пылающими очами, съ пѣною у рта. Судорожно сжималъ онъ ручки креселъ, и казалось, боялся проронить единое слово Морозова, и каждое врѣзывалъ въ памяти, чтобы за каждое заплатить ему особою мукой.

Всѣ опричники были блѣдны; никто не рѣшался взглянуть на царя. Годуновъ опустилъ глаза и не смѣлъ дышать, чтобы не привлечь на себя вниманіе. Самому Малютѣ было неловко.

Вдругъ Грязной выхватилъ ножъ, подбѣжалъ къ Іоанну и сказалъ, указывая на Морозова.

— Дозволь, государь, ему глотку заткнуть!

— Не смѣй! проговорилъ царь, почти шепотомъ и задыхаясь отъ волненія;—дай его милости до конца договорить!

Морозовъ гордо повелъ очами.

— Еще шутокъ хочешь, государь? Изволь я тебя потѣшу! Оставался у тебя изъ вѣрныхъ слугъ твоихъ еще одинъ, древняго, боярскаго рода; его ты откладывалъ казнить, потому ли, что страшился Божьяго гнѣва, или что не придумалъ еще достойной казни ему. Жилъ онъ далеко отъ тебя, подъ опалою, и могъ бы ты забыть про него; но ты, государь, никого не забываешь! Послалъ ты къ нему своего окаяннаго Вяземскаго, сжечь его домъ и жену увезти. Когда жь онъ пришелъ къ тебѣ просить суда на Вяземскаго, ты заставилъ ихъ биться себѣ на потѣху, чая,

что Вяземскій убьетъ стараго слугу твоего. Но Богъ не захотѣлъ его погибели, показалъ его правду.

— Что же ты сдѣлалъ тогда, государь? Тогда, продолжалъ Морозовъ, и голосъ его задрожалъ и колокольцы затряслись на одеждѣ,—тогда тебѣ показалось мало безчестія на слугѣ твоемъ, и ты порѣшилъ опозорить его еще неслыханнымъ небывалымъ позоромъ!

— Тогда, воскликнулъ Морозовъ, отталкивая столъ и вставая съ мѣста,—тогда ты, государь, боярина Морозова одѣлъ въ шутовской кафтанъ и велѣлъ ему, спасшему Тулу и Москву, забавлять тебя вмѣстѣ со скаредными твоими кромѣшниками!

Грозенъ былъ видъ стараго воеводы; онъ стоялъ съ протянутою рукой, среди безмолвныхъ опричниковъ. Значеніе шутовской его одежды исчезло. Изъ-подъ густыхъ бровей сверкали молніи. Бѣлая борода величественно падала на грудь, пріявшую нѣкогда много вражьихъ ударовъ, но испещренную нынѣ яркими заплатами; а въ негодующемъ взорѣ было столько достоинства, столько благородства, что въ сравненіи съ нимъ Иванъ Васильевичъ показался мелокъ.

— Государь, продолжалъ, возвышая голосъ, Морозовъ,—новый шутъ твой передъ тобою. Слушай, его послѣднюю шутку! Пока ты живъ, уста народа русскаго запечатаны страхомъ; но минуетъ твое звѣрское царенье, и останется на землѣ лишь память дѣлъ твоихъ, и перейдетъ твое имя отъ потомковъ къ потомкамъ на вѣчное проклятіе, доколѣ не настанетъ страшный судъ Господень! И тогда, всѣ сотни и тысячи избіенныхъ тобою, всѣ сонмы мужей и женъ, младенцевъ и старцевъ, всѣ, кого ты погубилъ и измучилъ, всѣ предстанутъ предъ Господомъ, вопія на тебя, мучителя своего! И въ оный страшный день предстану и я передъ вѣчнымъ Судьею, предстану въ этой самой одеждѣ и потребую обратно моей чести, что ты отнялъ у меня на землѣ! И не будетъ съ тобою кромѣшниковъ твоихъ заградить уста вопіющихъ, и услышитъ ихъ Судія, и будешь ты ввергнутъ въ пламень вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его!

Морозовъ замолчалъ и бросивъ презрительный взоръ на царскихъ любимцевъ, повернулся къ нимъ спиною и медленно удалился.

Никто не подумалъ остановить его. Важно прошелъ онъ между рядами столовъ, и только когда замеръ звонъ его колокольцовъ, опричники очнулись отъ оцѣпенѣнія; а Малюта, вставъ изъ-за стола, сказалъ Ивану Васильевичу:

— Прикажешь сейчасъ порѣшить его, государь, или пока въ тюрьму посадить?

— Въ тюрьму! произнесъ Іоаннъ, переводя дыханье.—Да не вздумай пытать его, чтобы не издохъ до времени; ты отвѣчаешь за него головой!

Вечеромъ у царя было особенное совѣщаніе съ Малютой.

Колычевы, родственники сведеннаго митрополита Филиппа, давно уже сидѣвшіе въ тюрьмѣ и пытаемые Малютой, частью сознались во взводимой на нихъ измѣнѣ, частью были, по мнѣнію Іоанна, достаточно уличены друзьями ихъ и холопями, которые, не выдержавъ пытки, на нихъ показывали.

Много и другихъ лицъ было замѣшано въ это дѣло. Схваченные по приказанію царя и жестоко истязуемые, кто въ Москвѣ, кто въ Слободѣ, они въ свою очередь называли много именъ, и число пытаемыхъ росло съ каждымъ днемъ, и выросло наконецъ до трехъ сотъ человѣкъ.

Иванъ Васильевичъ, дорожа мнѣніемъ иностранныхъ державъ, положилъ подождать отъѣзда бывшихъ тогда въ Москвѣ литовскихъ пословъ, и учинить осужденнымъ въ одинъ день общую казнь; а дабы дѣйствіе ея было поразительнѣе и устрашило бы мятежниковъ на будущее время, казни сей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ виду всего народа.

Въ тотъ же самый день царь назначилъ казнить Вяземскаго и Басманова. Мельникъ, какъ чародѣй, осужденъ былъ къ сожженію на кострѣ, а Коршуну, дерзнувшему забраться въ царскую опочивальню и котораго берегли доселѣ на торжественный случай, Іоаннъ готовилъ исключительныя, еще небывалыя муки. Той же участи онъ обрекъ и Морозова.

О подробностяхъ этой общей казни, царь разговаривалъ до поздней ночи, и пѣтухи уже два раза пропѣли, когда онъ отпустилъ Малюту и удалился въ свою образную.

ГЛАВА XXXV.

Казнь.

По отъѣздѣ литовскихъ пословъ, наканунѣ дня назначеннаго для торжественной казни, московскіе люди съ ужасомъ увидѣли ея приготовленія.

На большой торговой площади, внутри Китай-города, было поставлено множество висѣлицъ. Среди ихъ стояло нѣсколько срубовъ съ плахами. Немного подалѣ висѣлъ на перекладинѣ между двухъ столбовъ огромный желѣзный котелъ. Съ другой стороны срубовъ торчалъ одинокій столбъ, съ придѣланными къ нему цѣпями, а вокругъ столба работники наваливали костеръ. Разныя неизвѣстныя орудія виднѣлись между висѣлицами и возбуждали въ толпѣ боязливыя догадки, отъ которыхъ сердце заранѣ сжималось.

Мало-по-малу всѣ пришедшіе торговать на базаръ разошлись въ испугѣ. Опустѣла не только площадь, но и окрестныя улицы. Жители заперлись въ домахъ и шепотомъ говорили о предстоящемъ событіи. Слухъ о страшныхъ приготовленіяхъ разнесся по всей Москвѣ, и вездѣ воцарилась мертвая тишина. Лавки закрылись, никто не показывался на улицахъ, и лишь время отъ времени проскакивали по нимъ гонцы, посылаемые съ приказаніями отъ Арбата, гдѣ Іоаннъ остановился въ любимомъ своемъ теремѣ. Въ Китай-городѣ не слышно было другаго шума, кромѣ стука плотничьихъ топоровъ да говора опричниковъ, распоряжавшихся работами.

Когда настала ночь, затихли и эти звуки, и мѣсяцъ, поднявшись изъ-за зубчатыхъ стѣнъ Китай-города, освѣтилъ безлюдную площадь, всю взъерошенную кольями и висѣлицами. Ни одного огонька не свѣтилось въ окнахъ; всѣ ставни были закрыты; лишь кой-гдѣ тускло теплились лампады передъ наружными образами церквей. Но никто не спалъ въ эту ночь; всѣ молились, ожидая разсвѣта.

Наконецъ роковое утро настало и въ небѣ послышалось усиленное карканье воронъ и галокъ, которыя, чуя близкую кровь, слетались отовсюду въ Китай-городъ, кружились стаями надъ площадью и унизывали черными рядами церковные кресты, князьки и гребни домовъ и самыя висѣлицы.

Тишину прервалъ отдаленный звонъ бубенъ и тулумбасовъ, который медленно приближался къ площади. Показалась толпа конныхъ опричниковъ, по пяти въ рядъ. Впереди ѣхали бубенщики, чтобы разгонять народъ и очищать дорогу государю, но они напрасно трясли свои бубны и биливащагами въ тулумбасы; нигдѣ не видно было живой души.

За опричниками ѣхалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ, верхомъ, въ большомъ нарядѣ, съ колчаномъ у сѣдла, съ золоченымъ лукомъ за спиною. Вѣнецъ его шишака былъ украшенъ Деисусомъ, то-есть изображеніемъ на финифти Спасителя, а по сторонамъ Богородицы, Іоанна Предтечи и разныхъ святыхъ. Чепракъ подъ нимъ блисталъ дорогими каменьями, а на шеѣ у воронаго коня, вмѣсто науза, болталась собачья голова.

Рядомъ съ царемъ былъ виденъ царевичъ Іоаннъ, а позади ѣхала толпа ближайшихъ царедворцевъ, по три въ рядъ. За ними шло слишкомъ триста человѣкъ осужденныхъ на смерть. Скованные цѣпями, изнуренные пыткой, они съ трудомъ передвигали ноги, повинуясь понуждающимъ ихъ опричникамъ.

Шествіе заключалъ многочисленный отрядъ конницы.

Когда поѣздъ въѣхалъ въ Китай-городъ, и все войско, спѣшившись, размѣстилось у висѣлицъ, Іоаннъ, не сходя съ коня, посмотрѣлъ кругомъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что на площади не было ни одного зрителя.

— Сгонять народъ! сказалъ онъ опричникамъ.—Да никто не убоится! Повѣдайте людямъ московскимъ, что царь казнитъ злодѣевъ, безвиннымъ же обѣщаетъ милость!

Вскорѣ площадь стала наполняться народомъ. ставни отворились, и у оконъ показались блѣдныя, боязливыя лица.

Между тѣмъ костеръ, разложенный подъ котломъ, запылалъ, и на срубы взошли палачи.

Іоаннъ велѣлъ вывести изъ числа осужденныхъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ.

— Человѣки! сказалъ онъ имъ громко и внятно, дабы всѣ на площади могли его слышать,—вы дружбой вашею и хлѣбомъ-солью съ измѣнщиками моими заслужили себѣ равную съ ними казнь; но я, въ умиленіи сердца, скорбя о погубленіи душъ вашихъ, милую васъ и дарую вамъ животъ, дабы вы покаяніемъ искупили вины ваши и молились за меня, недостойнаго!

По знаку царя, прощенныхъ отвели въ сторону.

— Люди московскіе! сказалъ тогда Іоаннъ,—вы узрите нынѣ казни и мученія; но караю злодѣевъ, которые хотѣли предать врагамъ государство! Плачуще, предаю тѣлеса ихъ терзанію, яко азъ есмь судія поставленный Господомъ судити народы мои! И нѣсть лицепріятія въ судѣ моемъ, яко, подобно Аврааму подъявшему ножъ на сына, я самыхъ ближнихъ моихъ на жертву приношу! Да падетъ же кровь сія на главу враговъ моихъ!

Тогда изъ среды оставшихся осужденныхъ вывели прежде всѣхъ боярина Дружину Андреевича Морозова.

Іоаннъ, въ первомъ порывѣ раздраженія, обрекъ было его на самыя страшныя муки; но по непонятной измѣнчивости нрава, а можетъ-быть, и вслѣдствіе общей любви Москвитянъ къ боярину, онъ, наканунѣ казни, отмѣнилъ свои распоряженія и осудилъ его на менѣе жестокую смерть.

Думный дьякъ государевъ, стоя у сруба, развернулъ длинный свитокъ и прочелъ громогласно:

— Бывшій бояринъ Дружина! Ты хвалился замутить государство, призвать крымскаго хана и литовскаго короля Жигимонта, и многія другія бѣды и тѣсноты на Руси учинить. Ты же дерзнулъ злыми, кусательными словами поносить самого государя, царя и великаго князя всея Руси, и добрыхъ слугъ его на непокорство подымать. Заслужилъ ты себѣ истязанія паче смерти; но великій государь, помня прежнія доблести твои, отъ жалости сердца, повелѣлъ тебя, особно отъ другихъ, и минуя прочія муки, скорою смертью казнить, голову тебѣ отсѣчь, остатковъ же твоихъ на его государскій обиходъ не отписывать!

Морозовъ, уже взошедшій на срубъ, перекрестился.

— Вѣдаю себя чистымъ предъ Богомъ и предъ государемъ, отвѣтствовалъ онъ спокойно.—Предаю душу мою Господу Іисусу Христу, у государя же прошу единой милости: что̀ останется послѣ меня добра моего, то все пусть

раздѣлится на три части: первую часть на церкви Божія и на поминъ души моей; другую нищей братіи; а третью вѣрнымъ слугамъ и холопямъ моимъ; а кабальныхъ людей и рабовъ отпускаю вѣчно на волю! Вдовѣ же моей прощаю, и вольно ей выйдти за кого похочетъ!

Съ сими словами Морозовъ еще разъ перекрестился и опустилъ голову на плаху.

Раздался глухой ударъ, голова Дружины Андреевича покатилась, и благородная кровь его обагрила доски помоста.

За нимъ опричники, къ удивленію народа, вывели оружничаго государева князя Вяземскаго, кравчаго Ѳедора Басманова и отца его Алексѣя, на котораго Ѳедоръ показалъ на пыткѣ.

— Люди московскіе! сказалъ Іоаннъ, указывая на осужденныхъ,—се зрите моихъ и вашихъ злодѣевъ! Они, забывъ крестное свое цѣлованіе, тѣснили васъ отъ имени моего, и не страшася суда Божія, грабили животы ваши и губили народъ, который я же ихъ поставилъ боронити. И се нынѣ пріимутъ, по дѣламъ своимъ, достойную мзду.

Вяземскій и оба Басмановы, какъ обманувшіе царское довѣріе, были осуждены на жестокія муки.

Дьякъ прочелъ имъ обвиненіе въ намѣреніи извести царя чарами, въ преступныхъ сношеніяхъ съ врагами государства и въ притѣсненіи народа именемъ Іоанновымъ.

Когда палачи, схвативъ Ѳедора Басманова, взвели его на помостъ, онъ обернулся къ толпѣ зрителей и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Народъ православный! хочу передъ смертью покаяться въ грѣхахъ моихъ! Хочу, чтобы всѣ люди вѣдали мою исповѣдь! Слушайте, православные...

Но Малюта, стоявшій сзади, не далъ ему продолжать. Онъ ловкимъ ударомъ сабли снесъ ему голову въ тотъ самый мигъ какъ онъ готовился начать свою исповѣдь.

Окровавленный трупъ его упалъ на помостъ, а отлетѣвшая голова подкатилась, звеня серьгами, подъ ноги царскому коню, который откачнулся, фыркая и косясь на нее испуганнымъ окомъ. Басмановъ послѣднею наглостью избавился отъ ожидавшихъ его мученій.

Отецъ его Алексѣй и Вяземскій не были столько счастливы. Ихъ, вмѣстѣ съ разбойникомъ Коршуномъ взвели на срубъ, гдѣ ожидали ихъ какіе-то страшные снаряды.

Въ то же время стараго мельника потащили на костеръ и приковали къ столбу.

Вяземскій, измученный пыткой, не имѣя силы стоять на ногахъ, поддерживаемый подъ руки палачами, бросалъ дикіе взгляды по сторонамъ. Въ глазахъ его не было замѣтно ни страха, ни раскаянья. Увидѣвъ прикованнаго къ столбу мельника и вокругъ него уже вьющіяся струи дыма, князь вспомнилъ его послѣднія слова, когда старикъ, заговоривъ его саблю, смотрѣлъ въ бадью съ водою; вспомнилъ также князь и свое видѣніе на мельницѣ, когда онъ въ лунную ночь, глядя подъ шумящее колесо, старался увидѣть свою будущность, но увидѣлъ только какъ вода почервонѣла, подобно крови, и какъ заходили въ ней зубчатыя пилы и стали отмыкаться и замыкаться желѣзные клещи...

Мельникъ не замѣтилъ Вяземскаго. Углубленный въ самого себя, онъ бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, и съ видомъ помѣшательства, приплясывалъ на кострѣ гремя цѣпями.

— Шикалу! Ликалу! говорилъ онъ;—слетѣлися вороны на богатый пиръ! Повернулося колесо, повернулося! Что было высоко, то стало низко! Шагадамъ! Подымися, вѣтеръ отъ мельницы, налети на вороговъ моихъ! Кулла! Кулла! Разметай костеръ, загаси огонь!

И въ самомъ дѣлѣ, какъ будто повинуясь заклинаніямъ, вѣтеръ поднялся на площади, но вмѣсто того чтобы загасить костеръ, онъ раздулъ подложенный подъ него хворостъ, и пламя, вырвавшись сквозь сухіе дрова, охватило мельника и скрыло его отъ зрителей.

— Шагадамъ! Кулла! Кулла! послышалось еще за облакомъ дыма, и голосъ замеръ въ трескѣ пылающаго костра.

Наружность Коршуна, почти вовсе не измѣнилась ни отъ пытки, ни отъ долгаго томленія въ темницѣ. Сильная природа его устояла противъ приготовительнаго допроса, но въ выраженіи лица произошла перемѣна. Оно сдѣлалось мягче; глаза глядѣли спокойнѣе.

Съ той самой ночи, какъ онъ былъ схваченъ въ царской опочивальнѣ и брошенъ въ тюрьму, угрызенія совѣсти перестали терзать его. Онъ тогда же принялъ ожидающую его казнь какъ искупленіе совершенныхъ имъ нѣкогда

злодѣйствъ, и лежа на гнилой соломѣ, онъ въ первый разъ, послѣ долгаго времени, заснулъ спокойно.

Дьякъ прочелъ передъ народомъ вину Коршуна и ожидающую его казнь.

Коршунъ, взошедши на помостъ, перекрестился на церковныя главы и положилъ, одинъ за другимъ, четыре земныхъ поклона народу, на четыре стороны площади.

— Прости, народъ православный! сказалъ онъ,—прости меня въ грѣхахъ моихъ, въ разбоѣ, и въ воровствѣ, и въ смертномъ убойствѣ! Прости во всемъ, что я согрѣшилъ передъ тобою. Заслужилъ я себѣ смертную муку, отпусти мнѣ вины мои, народъ православный!

И повернувшись къ палачамъ, онъ самъ продѣлъ руки въ приготовленныя для нихъ петли.

— Привязывайте что ли! сказалъ онъ, тряхнувъ сѣдою, кудрявою головой, и не прибавилъ болѣ ни слова.

Тогда, по знаку Іоанна, дьякъ обратился къ прочимъ осужденнымъ и прочелъ имъ обвиненіе въ заговорѣ противъ государя, въ намѣреніи отдать Новгородъ и Псковъ литовскому королю, и въ преступныхъ сношеніяхъ съ турскимъ султаномъ.

Ихъ готовились повести, кого къ висѣлицамъ, кого къ котлу, кого къ другимъ орудіямъ казни.

Народъ сталъ громко молиться.

— Господи, Господи! раздавалось на площади,—помилуй ихъ, Господи! Пріими скорѣе ихъ души!

— Молитесь за насъ, праведные! кричали нѣкоторые изъ толпы,—помяните насъ когда пріидите во царствіе Божіе!

Опричники, чтобы заглушить эти слова, начали громогласно взывать:

— Гойда! Гойда! Да погибнутъ враги государевы!

Но въ эту минуту толпа заколебалась, всѣ головы обратились въ одну сторону, и послышались восклицанія:

— Блаженный идетъ! Смотрите, смотрите! Блаженный идетъ!

Въ концѣ площади показался человѣкъ, лѣтъ сорока, съ рѣденькою бородой, блѣдный, босой, въ одной полотняной рубахѣ. Лицо его было необыкновенно кротко, а на устахъ играла странная, дѣтски-добродушная улыбка.

Видъ этого человѣка, посреди столькихъ лицъ, являв-

шихъ ужасъ, страхъ, или звѣрство, рѣзко отъ нихъ отдѣлялся и сильно на всѣхъ подѣйствовалъ. Площадь затихла, казни пріостановились.

Всѣ знали блаженнаго, но никто еще не видывалъ на лицѣ его такого выраженія какъ сегодня. Противъ обыкновенія, судорога подергивала эти улыбающіяся уста, какъ будто съ кротостію боролось другое, непривычное чувство.

Нагнувшись впередъ, гремя веригами и желѣзными крестами, которыми онъ весь былъ обвѣшанъ, блаженный пробирался сквозь раздвигающуюся толпу и шелъ прямо на Іоанна.

— Ивашко! Ивашко! кричалъ онъ издали, перебирая свои деревянныя четки и продолжая улыбаться,—Ивашко! Меня-то забылъ!

Увидѣвъ его, Іоаннъ хотѣлъ повернуть коня и отъѣхать въ сторону, но юродивый стоялъ уже возлѣ него.

— Посмотри жъ на блаженнаго! сказалъ онъ хватаясь за узду царскаго коня,—что̀ жъ не велишь казнить и блаженнаго? Чѣмъ Вася хуже другихъ?

— Богъ съ тобой! сказалъ царь, доставая горсть золотыхъ изъ узорнаго мѣшка, висѣвшаго на золотой цѣпочкѣ у его пояса,—на, Вася ступай, помолись за меня!

Блаженный подставилъ обѣ руки, но тотчасъ же отдернулъ ихъ, и деньги посыпались на землю.

— Ай, ай! Жжется! закричалъ онъ, дуя на пальцы и потряхивая ихъ на воздухѣ,—зачѣмъ ты деньги въ огнѣ раскалилъ? Зачѣмъ въ адовомъ огнѣ раскалилъ?

— Ступай, Вася! повторилъ нетерпѣливо Іоаннъ,—оставь насъ, тебѣ здѣсь не мѣсто!

— Нѣтъ, нѣтъ! Мое мѣсто здѣсь, съ мучениками! Дай и мнѣ мученическій вѣнчикъ! За что меня обходишь? За что обижаешь? Дай и мнѣ такой вѣнчикъ какіе другимъ раздаешь!

— Ступай, ступай! сказалъ Іоаннъ съ зараждающимся гнѣвомъ.

— Не уйду! произнесъ упорно юродивый, уцѣпясь за конскую збрую, но вдругъ засмѣялся и сталъ пальцемъ показывать на Іоанна. — Смотрите, смотрите! заговорилъ онъ, — что̀ это у него на лбу? Что̀ это у тебя, Ивашко? У тебя рога на лбу! У тебя козлиные рога выросли! И голова-то твоя стала песья!

Глаза Іоанна вспыхнули.

— Прочь, сумашедшій! закричалъ онъ, и выхвативъ копье изъ рукъ ближайшаго опричника, онъ замахнулся имъ на юродиваго.

Крикъ негодованія раздался въ народѣ.

— Не тронь его! послышалось въ толпѣ,—не тронь блаженнаго! Въ нашихъ головахъ ты воленъ, а блаженнаго не тронь!

Но юродивый продолжалъ улыбаться полудѣтски, полубезумно.

— Пробори меня, царь Саулъ! говорилъ онъ, отбирая въ сторону висѣвшіе на груди его кресты, — пробори сюда, въ самое сердце! Чѣмъ я хуже тѣхъ праведныхъ? Пошли и меня въ царствіе небесное! Аль завидно тебѣ, что не будешь съ нами, царь Саулъ, царь Иродъ, царь кромѣшный?

Копье задрожало въ рукѣ Іоанна. Еще единый мигъ, и оно вонзилось бы въ грудь юродиваго, но новый крикъ народа удержалъ его на воздухѣ. Царь сдѣлалъ усиліе надъ собой и переломилъ свою волю, но буря должна была разразиться.

Съ пѣной у рта, съ сверкающими очами, съ подъятымъ копьемъ, онъ стиснулъ коня ногами, налетѣлъ вскачь на толпу осужденныхъ, такъ что искры брызнули изъ-подъ конскихъ подковъ, и пронзилъ перваго попавшагося ему подъ руку.

Когда онъ вернулся шагомъ на свое мѣсто, опустивъ окровавленный конецъ копья, опричники уже успѣли оттереть блаженнаго.

Іоаннъ махнулъ рукой, и палачи приступили къ работѣ.

На блѣдномъ лицѣ Іоанна показался румянецъ; очи его сдѣлались больше, на лбу надулись синія жилы, и ноздри расширились. . . . .

. . . .

. . . .

Когда наконецъ, сытый душегубствомъ, онъ повернулъ коня, и объѣхавъ вокругъ площади, удалился, самъ обрызганный кровью и окруженный окровавленнымъ полкомъ своимъ, вороны, сидѣвшія на церковныхъ крестахъ и на гребняхъ кровель, взмахнули, одна за другой, крыльями и начали спускаться на груды истерзанныхъ членовъ и на трупы висящіе на висѣлицахъ...

Бориса Годунова въ этотъ день не было между пріѣхав-

шими съ Іоанномъ. Онъ еще наканунѣ вызвался провожать изъ Москвы литовскихъ пословъ.

На другой день послѣ казни площадь была очищена, и мертвыя тѣла свезены и свалены въ кремлевскій ровъ.

Тамъ, граждане московскіе, въ послѣдствіи, соорудили нѣсколько деревянныхъ церквей, *на костяхъ и на крови*, какъ выражаются древнія лѣтописи.

Прошли многіе годы; впечатлѣніе страшной казни изгладилось изъ памяти народной, но долго еще стояли вдоль кремлевскаго рва тѣ скромныя церкви, и приходившіе въ нихъ молиться могли слышать панихиды за упокой измученныхъ и избіенныхъ по указу царя и великаго князя Іоанна Васильевича Четвертаго.

ГЛАВА XXXVI.

Возвращеніе въ Слободу.

Поразивъ ужасомъ Москву, царь захотѣлъ явиться милостивымъ и великодушнымъ. По приказанію его, темницы были отперты, и заключенные, уже нечаявшіе себѣ прощенія, всѣ освобождены. Нѣкоторымъ Іоаннъ послалъ подарки. Казалось, давно кипѣвшая въ немъ и долго разгоравшаяся злоба разразилась послѣднею казнью, и вылетѣла изъ души, его какъ пламенный снопъ изъ горы огнедышущей. Разсудокъ его успокоился, онъ пересталъ держать подозрѣніе на ближнихъ, пересталъ вездѣ отыскивать измѣну.

Не всякій разъ, послѣ безвинной крови, Іоаннъ предавался угрызеніямъ совѣсти. Они зависѣли также отъ другихъ обстоятельствъ. Небесныя знаменія, внезапно ударившій громъ, проявленіе народныхъ бѣдствій, устрашали его чуткое воображеніе и подвигали его иногда на всенародное покаяніе; но когда не случалось ни знаменій, ни голода, ни пожаровъ, внутренній голосъ его молчалъ, и совѣсть дремала. Такъ и въ настоящее время, состояніе души Іоанна было безмятежно. Онъ чувствовалъ, послѣ совер-

шенныхъ убійствъ какое-то удовлетвореніе и спокойствіе, какъ голодный, насытившійся пищей. Болѣе изъ привычки и принятаго правила чѣмъ отъ потребности сердца, онъ, возвращаясь въ Слободу, остановился на нѣсколько дней молиться въ Троицкой лаврѣ.

Во всю дорогу, пристава, ѣхавшіе передъ нимъ, бросали горстями серебряныя деньги нищимъ, а уѣзжая изъ Лавры, онъ оставилъ архимандриту богатый вкладъ на молебны за свое здравіе.

Въ Слободѣ, между тѣмъ, готовилось никѣмъ неожиданное событіе.

Годуновъ, посланный впередъ приготовить государю торжественный пріемъ, исполнивъ свое порученіе, сидѣлъ у себя въ брусяной избѣ, облокотясь на дубовый столъ, подперши рукою голову. Онъ размышлялъ о случившемся въ эти послѣдніе дни, о казни, отъ которой удалось ему уклониться, о загадочномъ нравѣ грознаго царя, и о способахъ сохранить его милость, не участвуя въ дѣлахъ опричнины, какъ вошедшій слуга доложилъ, что у крыльца дожидается князь Никита Романовичъ Серебряный.

Годуновъ при этомъ имени, въ удивленіи, всталъ со скамьи.

Серебряный былъ опальникъ государевъ, осужденный на смерть. Онъ ушелъ изъ тюрьмы, и всякое сношеніе съ нимъ могло стоить головы Борису Ѳедоровичу. Но отказать князю въ гостепріимствѣ, или выдать его царю, было бы дѣломъ недостойнымъ, на которое Годуновъ не могъ рѣшиться, не потерявъ народнаго довѣрія, коимъ онъ болѣе всего дорожилъ. Въ то же время онъ вспомнилъ, что царь находится теперь въ милостивомъ расположеніи духа, и въ одинъ мигъ сообразилъ какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ.

Не выходя на крыльцо встрѣчать Серебрянаго, онъ велѣлъ немедленно ввести его въ избу. Постороннихъ свидѣтелей не было, и положивъ разъ принять князя, Годуновъ не захотѣлъ показать ему не полное радушіе.

— Здравствуй, князь, сказалъ онъ, обнимая Никиту Романовича,—милости просимъ, садись; какъ же ты рѣшился вернуться въ Слободу, Никита Романычъ? Но дай сперва угостить тебя, ты, я чаю, съ дороги усталъ!

По приказанію Годунова поставили на столъ закуску и нѣсколько кубковъ вина.

— Скажи, князь, спросилъ Годуновъ заботливо,—видѣли тебя, какъ ты взошелъ на крыльцо?

— Не знаю, отвѣтилъ простодушно Серебряный, — можетъ-быть и видѣли; я не хоронился, прямо къ твоему терему подъѣхалъ. Мнѣ вѣдомо, что ты не тянешь къ опричнинѣ!

Годуновъ поморщился.

— Борисъ Ѳедорычъ, прибавилъ Серебряный довѣрчиво,—я вѣдь не одинъ; со мной пришло сотни двѣ станичниковъ изъ-подъ Рязани.

— Что ты, князь? воскликнулъ Годуновъ.

— Они, продолжалъ Серебряный,—за заставой остались. Мы вмѣстѣ несемъ наши головы государю; пусть казнитъ насъ, или милуетъ, какъ ему угодно!

— Слышалъ я, князь, слышалъ какъ ты съ ними Татаръ разбилъ; но вѣдомо ли тебѣ, что съ тѣхъ поръ на Москвѣ было?

— Вѣдомо, отвѣтилъ Серебряный и нахмурился.—Я шелъ сюда думалъ, что и опричнинѣ конецъ, а у васъ дѣла хуже прежняго. Да проститъ Богъ государю! А тебѣ грѣхъ, Борисъ Ѳедорычъ, что ты только молчишь да глядишь на все это!

— Эхъ, Никита Романычъ, ты, я вижу, все тотъ же остался! Что жь бы я сказалъ царю? Послушался бы онъ меня, что ли?

— А хотя бы и не послушался, возразилъ упрямо Серебряный,—все жь тебѣ говорить слѣдуетъ. Отъ кого жь ему правду знать, коли не отъ тебя?

— А ты думаешь онъ правды не знаетъ? Ты думаешь онъ и въ самомъ дѣлѣ всѣмъ тѣмъ извѣтамъ вѣритъ, по которымъ столько людей казнено?

И сказавъ это, Годуновъ закусилъ было языкъ, но вспомнилъ, что говоритъ съ Серебрянымъ, котораго открытое лицо исключало всякое подозрѣніе въ предательствѣ.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ вполголоса,—напрасно ты винишь меня, князь. Царь казнитъ тѣхъ, на кого злобу держитъ, а въ сердцѣ его не воленъ никто. Сердце царево въ руцѣ Божіей, говоритъ писаніе. Вотъ Морозовъ попытался было прямить ему; что жь вышло? Морозова казнили, а

другимъ не стало отъ того легче. Но ты, Никита Романычъ, видно, самъ не дорожишь головою, что, вѣдая московскую казнь, не убоялся придти въ Слободу?

При имени Морозова Серебряный вздохнулъ. Онъ любилъ Дружину Андреевича, хотя бояринъ и похитилъ его счастье.

— Что̀ жь, Борисъ Ѳедорычъ, отвѣтилъ онъ Годунову,— чему быть, того не миновать! Да правду сказать, и жить-то мнѣ надоѣло; не красно теперь житье на Руси!

— Послушай, князь, ты самъ себя не бережешь; такой, видно, ужь нравъ у тебя; но Богъ тебя бережетъ. Какъ ты до сихъ поръ ни лѣзъ въ петлю, а все цѣлъ оставался. Должно-быть не написано тебѣ пропасть ни за̀ что̀, ни про̀ что. Кабы ты съ недѣлю тому вернулся, не знаю что̀ бы съ тобой было, а теперь, пожалуй, есть тебѣ надежда; только не спѣши на глаза Ивану Васильевичу; дай мнѣ сперва увидѣть его.

— Спасибо тебѣ, Борисъ Ѳедорычъ; да ты обо мнѣ-то больно не хлопочи; а вотъ станичниковъ, коли можно, вызволи изъ бѣды. Они хоть и худые люди, а вины свои хорошо заслужили!

Годуновъ взглянулъ съ удивленіемъ на Никиту Романовича. Онъ не могъ привыкнуть къ простотѣ князя, и равнодушіе его къ собственной жизни показалось Годунову неестественнымъ.

— Что̀ жь ты, князь, спросилъ онъ, — съ горя, что ли, жить не хочешь на свѣтѣ?

— Пожалуй, что и съ горя, отвѣтилъ Серебряный.—Къ чему еще жить теперь? Вѣришь ли, Борисъ Ѳедорычъ, иной разъ поневолѣ Курбскій на умъ приходитъ; подумаю про него, и самому страшно станетъ: такъ, кажется, и бросилъ бы родину и ушелъ бы къ Ляхамъ, кабы не были они враги наши.

— Вотъ то-то, князь! Въ теперешнее время намъ только и есть что двѣ дороги: или дѣлать какъ Курбскій — бѣжать навсегда изъ родины, или такъ какъ я — оставаться около царя и искать его милости. А ты ни то, ни другое; отъ царя не уходишь, а съ царемъ не мыслишь; этакъ нельзя, князь; надо одно изъ двухъ. Ужь коли хочешь оставаться на Руси, такъ исполняй волю цареву. А если полюбитъ онъ тебя, такъ пожалуй и самъ отъ оприч-

нины отвратится. Вотъ, примѣрно, кабы насъ было двое около него, одинъ бы другаго поддерживалъ; сегодня бы я заронилъ словечко, завтра ты; что-нибудь и осталось бы у него въ памяти; вѣдь и капля, говорятъ, когда все на одно мѣсто капаетъ, такъ камень насквозь долбитъ. А нахрапомъ, князь, ничего не возьмешь!

— Кабы не былъ онъ царь, сказалъ мрачно Серебряный, я зналъ бы что̀ мнѣ дѣлать; а теперь ничего въ толкъ не возьму; на него идти Богъ не велитъ, а съ нимъ мыслить мнѣ не въ мочь; хоть онъ меня на клочья разорви, съ опричниной хлѣба-соли не поведу!

— Погоди, князь, не отчаявайся. Вспомни что̀ я тебѣ тогда говорилъ? Оставимъ опричниковъ; не будемъ перечить царю; они сами перегубятъ другъ друга! Вотъ ужь троихъ главныхъ не стало: ни обоихъ Басмановыхъ, ни Вяземскаго. Дай срокъ князь, и вся опричнина до смерти перегрызется!

— А до того что̀ будетъ? сказалъ Серебряный?

— А до того, отвѣтилъ Годуновъ, не желая съ разу настаивать на мысли, которую хотѣлъ заронить въ Серебряномъ,—до того, коли царь тебя помилуетъ, ты можешь снова на Татаръ идти; за этими дѣло не станетъ!

Въ мысляхъ Серебрянаго не легко укладывалось два впечатлѣнія разомъ, и надежда идти на Татаръ вытѣснила на время овладѣвшее имъ уныніе.

— Да, сказалъ онъ,—только намъ одно и осталось, что Татаръ колотить! Кабы не ждать ихъ въ гости, а ударить бы на Крымъ всѣми полками разомъ, да вмѣстѣ съ казаками, такъ пожалуй, что и Крымъ взяли бы!

Онъ даже усмѣхнулся отъ удовольствія при этой мысли. Годуновъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ о его насильственномъ освобожденіи и о рязанскомъ побоищѣ. Уже начинало темнѣть, а они все еще сидѣли, бесѣдуя, за кубками.

Наконецъ Серебряный всталъ.

— Прости, бояринъ, сказалъ онъ, уже скоро ночь на дворѣ!

— Куда ты, Никита Романычъ? Останься у меня, переночуй, завтра пріѣдетъ царь, я доложу о тебѣ!

— Нельзя, Борисъ Ѳедорычъ, пора мнѣ къ своимъ! Боюсь чтобъ они съ кѣмъ не повздорили. Кабы царь былъ

въ Слободѣ, мы прямо бъ къ нему съ повинною пришли, и пусть бы случилось, что̀ Богу угодно; а съ здѣшними душегубцами не убережешься. Хоть мы и въ сторонкѣ, подъ самымъ лѣсомъ остановились, а все же можетъ какой-нибудь объѣздъ наѣхать!

— Ну, прости, Никита Романычъ! Смотри жь, ты, не суйся царю на глаза, погоди чтобъ я прислалъ за тобой. Да постой, не туда ты идешь, князь, прибавилъ Годуновъ, видя что Серебряный направляется къ краснымъ сѣнямъ; и взявъ его за руку, онъ проводилъ его на заднее крыльцо.

— Прости, Никита Романычъ, повторилъ онъ, обнимая Серебрянаго,—Богъ не безъ милости, авось и уладится твое дѣло!

И подождавъ, чтобы князь сѣлъ на коня и выѣхалъ заднею околицею, Годуновъ вернулся въ избу, весьма довольный, что Серебряный не принялъ предложенія переночевать у него въ домѣ.

На другое утро царь съ торжествомъ въѣхалъ въ Слободу, какъ послѣ одержанной побѣды. Опричники провожали его съ криками: Гойда! Гойда! отъ заставы до самаго дворца.

Одна старая мамка Онуфревна приняла его съ бранью.

— Звѣрь ты этакій! сказала она, встрѣчая его на крыльцѣ, — какъ тебя еще земля держитъ, звѣря плотояднаго? Кровью отъ тебя пахнетъ, душегубецъ! Какъ смѣлъ ты къ святому угоднику Сергію явиться послѣ твоего московскаго дѣла? Громъ Господень убьетъ тебя, окаяннаго, вмѣстѣ съ дьявольскимъ полкомъ твоимъ!

Но въ этотъ разъ увѣщанія мамки не произвели никакого дѣйствія. На дворѣ не было ни грома, ни бури. Солнце великолѣпно сіяло въ безоблачномъ небѣ, и ярко играли краски и позолота на пестрыхъ теремкахъ, и затѣйливыхъ главахъ дворца. Іоаннъ не отвѣтилъ ни слова и прошелъ мимо старухи во внутренніе свои покои.

— Погоди, погоди! продолжала она, глядя ему во слѣдъ и стуча объ полъ клюкою,—разразится громъ Божій надъ теремомъ твоимъ, выжжетъ онъ всю твою нечестивую Слободу!

И старуха удалилась въ свою свѣтлицу, медленно

передвигая ноги и бросая сердитые взгляды на царедворцевъ, которые сторонились отъ нея съ суевѣрнымъ страхомъ.

Въ этотъ день, послѣ обѣда, Годуновъ, видя что царь веселъ и доволенъ и противъ обыкновенія готовится отдохнуть, послѣдовалъ за нимъ въ опочивальню. Расположеніе къ нему Ивана Васильевича давало это право Годунову, особенно когда ему было о чемъ доложить, что не всякому слѣдовало слышать.

Въ царской опочивальнѣ стояли двѣ кровати: одна, изъ голыхъ досокъ, на которой Иванъ Васильевичъ ложился для наказанія плоти, въ минуты душевныхъ тревогъ и сердечнаго раскаянья; другая, болѣе широкая, была покрыта мягкими овчинами, пуховикомъ и шелковыми подушками. На этой царь отдыхалъ когда ничто не тревожило его мыслей. Правда, это случалось рѣдко, и послѣдняя кровать большею частью оставалась нетронутою.

Надобно было хорошо знать Ивана Васильевича, чтобы не ошибиться въ дѣйствительномъ расположеніи его духа. Не всегда во время мученій совѣсти онъ былъ склоненъ на милосердіе. Онъ часто приписывалъ угрызенія свои наважденію сатаны, старающагося отвлечь его отъ преслѣдованія измѣны, и тогда, вмѣсто того чтобы смягчить свое сердце, онъ, на зло дьяволу, творя молитвы и крестныя знаменья, предавался еще большей жестокости. Не всегда также спокойствіе, написанное на лицѣ его, могло достовѣрно ручаться за внутреннюю безмятежность. Оно часто бывало одною личиной, и царь, одаренный рѣдкою проницательностью и способностью угадывать чужія мысли, любилъ иногда обманывать разчеты того съ кѣмъ разговаривалъ, и поражать его неожиданнымъ проявленіемъ гнѣва, въ то самое время когда онъ надѣялся на милость.

Но Годуновъ успѣлъ изучить малѣйшіе оттѣнки царскаго нрава, и съ необыкновеннымъ чутьемъ отгадывалъ и объяснялъ себѣ неуловимыя для другихъ измѣненія лица его.

Подождавъ чтобы Іоаннъ легъ на пуховую постель, и не видя въ его чертахъ ничего, кромѣ усталости, Борисъ Ѳедоровичъ сказалъ безо всякихъ приготовленій:

— Вѣдомо ли тебѣ, государь, что опальникъ твой сыскался?

— Какой? спросилъ Іоаннъ, зѣвая.

— Никита Серебряный, тотъ самый, что̀ Вяземскаго, измѣнника твоего, саблей посѣкъ и въ тюрьму былъ посаженъ.

— А! сказалъ Іоаннъ,—поймали воробья! Кто же взялъ его?

— Никто, государь. Онъ самъ пришелъ, и всѣхъ станичниковъ привелъ, которые съ нимъ подъ Рязанью Татаръ разбили. Они, вмѣстѣ съ Серебрянымъ, принесли твоей царской милости повинныя головы.

— Опомнились! сказалъ Іоаннъ.—Что̀ жь, видѣлъ ты его?

— Видѣлъ, государь; онъ прямо ко мнѣ пріѣхалъ; думалъ, твоя милость въ Слободѣ и просилъ, чтобъ я о немъ сказалъ тебѣ. Я хотѣлъ было захватить его подъ стражу, да подумалъ, неравно Григорій Лукьянычъ скажетъ, что я подыскиваюсь подъ него; а Серебряный не уйдетъ, коли онъ самъ тебѣ свою голову принесъ.

Годуновъ говорилъ прямо, съ открытымъ лицомъ, безо всякаго замѣшательства, какъ будто въ немъ не было ни тѣни хитрости, ни малѣйшаго участія къ Серебряному. Когда онъ наканунѣ проводилъ его заднимъ крыльцомъ, онъ поступилъ такъ не съ тѣмъ, чтобы скрыть отъ царя его посѣщеніе (это было бы слишкомъ опасно), но чтобы кто изъ слободскихъ не предупредилъ Іоанна и, какъ первый извѣститель, не настроилъ бы его противъ самого Годунова. Намекъ же на Вяземскаго, выставляющій Серебрянаго врагомъ казненнаго князя, былъ обдуманъ и приготовленъ Борисомъ Ѳедоровичемъ заранѣе.

Царь зѣвнулъ еще разъ, но не отвѣчалъ ничего, и Годуновъ, улавливая каждую черту лица его, не прочелъ на немъ никакого признака ни явнаго, ни скрытаго гнѣва. Напротивъ, онъ замѣтилъ, что царю понравилось намѣреніе Серебрянаго предаться на̀ его волю.

Іоаннъ, проливая кровь и заставляя всѣхъ трепетать, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ его считали справедливымъ и даже милосердымъ; душегубства его были всегда облечены въ наружность строгаго правосудія, и довѣріе къ его великодушію тѣмъ болѣе льстило ему, что такое довѣріе рѣдко проявлялось.

Подождавъ немного, Годуновъ рѣшился вызвать Ивана Васильевича на отвѣтъ.

— Какъ прикажешь, государь, спросилъ онъ,—позвать къ тебѣ Григорья Лукьяныча?

Но послѣднія казни уже достаточно насытили Іоанна; нѣсколько лишнихъ головъ не могли ничего прибавить къ его удовлетворенію, ни возбудить въ немъ уснувшую на время жажду крови.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Годунова.

— Развѣ ты думаешь, сказалъ онъ строго,—что я безъ убойства жить не могу?—Иное, злодѣи, подрывающіе государство, иное Никита, что̀ Аѳоньку порубилъ. А изъ станичниковъ посмотрю, кого казнить, кого помиловать. Пусть всѣ, и съ Никитой, соберутся передъ краснымъ крыльцомъ на дворѣ. Когда выйду изъ опочивальни, увижу что̀ съ ними дѣлать!

Годуновъ пожелалъ царю добраго отдыха, и удалился съ низкимъ поклономъ.

Все зависѣло теперь отъ того, въ какомъ расположеніи проснется Іоаннъ.

ГЛАВА XXXVII.

Прощеніе.

Извѣщенный Годуновымъ, Никита Романовичъ явился на царскій дворъ съ своими станичниками.

Перераненные, оборванные, въ разнообразныхъ лохмотьяхъ, кто въ зипунѣ, кто въ овчинѣ, кто въ лаптяхъ, кто босикомъ, многіе съ подвязанными головами, и всѣ безъ шапокъ и безъ оружія, стояли они, молча, другъ подлѣ друга, дожидаясь царскаго пробужденія.

Не въ первый разъ видѣли молодцы Слободу; приходили они сюда и гуслярами, и нищими, и поводильщиками медвѣдей. Нѣкоторые участвовали и въ послѣднемъ пожарѣ, когда Перстень съ Коршуномъ пришли освободить Серебрянаго. Много было между ними знакомыхъ намъ лицъ, но многихъ и не доставало. Не доставало всѣхъ, которые, отстаивая Русскую землю, полегли недавно на рязанскихъ

поляхъ, ни тѣхъ, которые послѣ побѣды, любя раздолье кочующей жизни, не захотѣли понести къ царю повинную голову. Не было тутъ ни Перстня, ни Митьки, ни рыжаго пѣсенника, ни дѣдушки Коршуна. Перстень, появившись въ послѣдній разъ въ Слободѣ, въ день суднаго поединка, исчезъ Богъ-вѣсть куда; Митька послѣдовалъ за нимъ, пѣсенника еще прежде уходилъ Серебряный, а Коршуна теперь подъ стѣною кремлевскою терзали псы и клевали вороны...

Уже часа два дожидались молодцы, потупя очи, и не подозрѣвая что царь смотритъ на нихъ изъ небольшаго окна, продѣланнаго надъ самымъ крыльцомъ и скрытаго узорными теремками. Никто изъ нихъ не говорилъ ни съ товарищами, ни съ Серебрянымъ, который стоялъ въ сторонѣ, задумавшись и не обращая вниманія на множество людей, толпившихся у воротъ и у калитокъ. Въ числѣ любопытныхъ была и государева мамка. Она стояла на крыльцѣ, нагнувшись на клюку, и смотрѣла на все безжизненными глазами, ожидая появленія Іоанна, быть-можетъ съ тѣмъ чтобы своимъ присутствіемъ удержать его отъ новой жестокости.

Иванъ Васильевичъ, наглядѣвшись вдоволь изъ потаеннаго окна на своихъ опальниковъ, и насладившись мыслію, что они теперь стоятъ между жизнію и смертью, и что не легко у нихъ должно быть на сердцѣ, показался вдругъ на крыльцѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ стольниковъ.

При видѣ царя, одѣтаго въ золотую парчу, опирающагося на узорный посохъ, разбойники стали на колѣни и преклонили головы.

Іоаннъ помолчалъ нѣсколько времени.

— Здравствуйте, оборванцы! сказалъ онъ наконецъ, и поглядѣвъ на Серебрянаго, прибавилъ:—Ты зачѣмъ въ Слободу пожаловалъ? По тюрьмѣ, что ли, соскучился?

— Государь, отвѣтилъ Серебряный скромно,—изъ тюрьмы ушелъ я не самъ, а увели меня насильно станичники. Они же разбили ширинскаго мурзу Шихмата, о чемъ твоей милости должно быть уже вѣдомо. Вмѣстѣ мы били Татаръ, вмѣстѣ и отдаемся на твою волю; казни, или милуй насъ, какъ твоя царская милость знаетъ!

— Такъ это за нимъ вы тотъ разъ въ Слободу прихо-

дили? спросилъ Іоаннъ у разбойниковъ. — Откуда жь вы знаете его?

— Батюшка царь, отвѣчали вполголоса разбойники,—онъ атамана нашего спасъ, когда его въ Медвѣдевкѣ повѣсить хотѣли. Атаманъ-то и увелъ его изъ тюрьмы!

— Въ Медвѣдевкѣ? сказалъ Іоаннъ и усмѣхнулся.—Это должно-быть когда ты Хомяка и съ объѣздомъ его шелепугами отшлепалъ? Я это дѣло помню. Я отпустилъ тебѣ эту первую вину, а былъ ты, по уговору нашему, посаженъ за новую вину, когда ты вдругорядь на моихъ людей у Морозова напалъ. Что скажешь на это?

Серебряный хотѣлъ отвѣчать, но мамка предупредила его.

— Да полно тебѣ вины-то его высчитывать! сказала она Іоанну сердито.—Вмѣсто чтобъ пожаловать его за то что онъ басурмановъ разбилъ, церковь Христову отстоялъ, а ты только и смотришь какую бъ вину на немъ найдти.— Мало тебѣ было терзанья на Москвѣ, волкъ ты этакій!

— Молчи, старуха! сказалъ строго Іоаннъ:—не твое бабье дѣло указывать мнѣ!

Но досадуя на Онуфріевну, онъ не захотѣлъ раздражать ее, и отвернувшись отъ Серебрянаго, сказалъ разбойникамъ, стоявшимъ на колѣняхъ:

— Гдѣ атаманъ вашъ, висѣльники? Пусть выступитъ впередъ!

Серебряный взялся отвѣчать за разбойниковъ.

— Ихъ атамана здѣсь нѣтъ, государь. Онъ тотъ же часъ послѣ рязанской битвы ушелъ. Я звалъ его, да онъ идти не захотѣлъ.

— Не захотѣлъ! повторилъ Іоаннъ.—Сдается мнѣ, что этотъ атаманъ есть тотъ самый слѣпой что ко мнѣ въ опочивальню со старикомъ приходилъ. Слушайте же, оборванцы! Я вашего атамана велю сыскать и на колъ посадить!

— Ужь самого тебя, проворчала мамка,—на томъ свѣту черти на колъ посадятъ!

Но царь притворился что не слышитъ, и продолжалъ глядя на разбойниковъ:

— А васъ, за то что вы сами на мою волю отдались, я такъ и быть помилую. Выкатить имъ пять бочекъ меду на дворъ! Ну что? Довольна ты, старая дура?

Мамка зажевала губами.

— Да живетъ царь! закричали разбойники.—Будемъ служить тебѣ, батюшка государь! Заслужимъ твое прощеніе нашими головами!

— Выдать имъ, продолжалъ Іоаннъ:—по доброму кафтану да по гривнѣ на человѣка. Я ихъ въ опричнину впишу. Хотите, висѣльники, мнѣ въ опричникахъ служить?

Нѣкоторые изъ разбойниковъ замялись, но бо́льшая часть закричала:

— Ради служить тебѣ, батюшка, гдѣ укажетъ твоя царская милость!

— Какъ думаешь, сказалъ Іоаннъ съ довольнымъ видомъ, Серебряному,—пригодны они въ ратный строй?

— Въ ратный-то строй пригодны, отвѣтилъ Никита Романовичъ,—только ужь, государь, не вели ихъ въ опричнину вписывать!

Царь подумалъ, что Серебряный считаетъ разбойниковъ недостойными такой чести.

— Когда я кого милую, произнесъ онъ торжественно,—я не милую вполовину!

— Да какая жь это милость, государь! вырвалось у Серебрянаго.

Іоаннъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Они, продолжалъ Никита Романовичъ,—не много запинаясь,—они, государь, вѣдь доброе дѣло учинили; безъ нихъ, пожалуй, Татары на самую бы Рязань пошли!

— Такъ почему жь имъ въ опричнинѣ не быть? спросилъ Іоаннъ, пронзая глазами Серебрянаго.

— А потому, государь, выговорилъ Серебряный, который тщетно старался прибрать выраженія поприличнѣе,—потому, государь, что они, правда, люди худые, а все же лучше твоихъ кромѣшниковъ!

Эта неожиданная и невольная смѣлость Серебрянаго озадачила Іоанна. Онъ вспомнилъ, что уже не въ первый разъ Никита Романовичъ говоритъ съ нимъ такъ откровенно и прямо. Между тѣмъ онъ, осужденный на смерть, самъ добровольно вернулся въ Слободу и отдавался на царскій произволъ. Въ строптивости нельзя было обвинить его, и царь колебался какъ принять эту дерзкую выходку, какъ новое лицо привлекло его вниманіе.

Въ толпу разбойниковъ незамѣтно втерся посторонній человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, опрятно одѣтый, и старался,

не показываясь царю, привлечь вниманіе Серебрянаго. Уже нѣсколько разъ онъ изъ-за передняго ряда протягивалъ украдкою руку и силился поймать князя за полу, но не доставъ его, опять прятался за разбойниковъ.

— Это что за крыса? спросилъ царь, указывая на незнакомца.

Но тотъ уже успѣлъ скрыться въ толпѣ.

— Раздвиньтесь, люди! сказалъ Іоаннъ: — достать мнѣ этого молодца, что тамъ сзади хоронится!

Нѣсколько опричниковъ бросились въ толпу и вытащили виновнаго.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ Іоаннъ, глядя на него подозрительно.

— Это мой стремянный, государь! поспѣшилъ сказать Серебряный, узнавъ своего стараго Михеича, онъ не видалъ меня съ тѣхъ поръ. . . .

— Такъ, такъ, батюшка государь! подтвердилъ Михеичъ; заикаясь отъ страха и радости: — его княжеская милость правду изволитъ говорить!.... Не видѣлись мы съ того дня какъ схватили его милость! Дозволь же, батюшка царь, на боярина моего посмотрѣть! Господи свѣты, Никита Романычъ! Я уже думалъ не придется мнѣ увидѣть тебя!

— Что же ты хотѣлъ сказать ему? спросилъ царь, продолжая недовѣрчиво глядѣть на Михеича:—зачѣмъ ты за станичниками хоронился?

— Поопасывался, батюшка государь Иванъ Васильичъ, опричниковъ твоихъ поопасывался! Это вѣдь, самъ знаешь, это вѣдь, государь, все такой народъ....

И Михеичъ закусилъ языкъ.

— Какой народъ? спросилъ Іоаннъ, стараясь придать чертамъ своимъ милостивое выраженіе: — говори, старикъ, безъ зазора, какой народъ мои опричники?

Михеичъ поглядѣлъ на царя и успокоился.

— Да такого мы до литовскаго похода отродясь не видывали, батюшка! проговорилъ онъ вдругъ, ободренный милостивымъ выраженіемъ царскаго лица,—не въ укоръ имъ сказать, ненадежный народъ, тетка ихъ подкурятина!

Царь пристально посмотрѣлъ на Михеича, дивясь, что слуга равняется откровенностью своему господину.

— Ну что ты на него глаза таращишь? сказала мамка.—

Съѣсть его, что ли хочешь? Развѣ онъ не правду говоритъ? Развѣ видывали прежде на Руси кромѣшниковъ?

Михеичъ, нашедши себѣ подмогу, обрадовался.

— Такъ, бабуся, такъ! сказалъ онъ.—Отъ нихъ-то все зло и пошло на Руси! Они-то и боярина оговорили! Не вѣрь имъ, государь, не вѣрь имъ! Песьи у нихъ морды на сбруѣ, песій и брехъ на языкѣ! Господинъ мой вѣрно служилъ тебѣ, а это Вяземскій съ Хомякомъ наговорили на него. Вотъ и бабуся правду сказала, что такихъ сыроядцовъ и не видано на Руси!

И озираясь на окружающихъ его опричниковъ, Михеичъ придвинулся поближе къ Серебряному. — Хоть вы де и волки, а теперь не съѣдите!

Когда царь вышелъ на крыльцо, онъ уже рѣшился простить разбойниковъ. Ему хотѣлось только продержать ихъ нѣкоторое время въ недоумѣніи. Замѣчанія мамки пришлись некстати и чуть было не раздражили Іоанна, но къ счастью, на него нашла милостивая полоса, и вмѣсто того чтобъ предаться гнѣву, онъ вздумалъ посмѣяться надъ Онуфріевной и уронить ея значеніе въ глазахъ царедворцевъ, а вмѣстѣ и подшутить надъ стремяннымъ Серебрянаго.

— Такъ тебѣ не люба опричнина? спросилъ онъ Михеича съ видомъ добродушія.

— Да кому жь она люба, батюшка государь? Съ того часу, какъ вернулись мы изъ Литвы, все отъ нея пошли сыпаться бѣды на боярина моего. Не будь этихъ, прости Господи, живодеровъ, мой господинъ былъ бы, попрежнему, въ чести у твоей царской милости.

И Михеичъ опять опасливо посмотрѣлъ на царскихъ тѣлохранителей, но тотъ же часъ подумалъ про себя: „Эхъ, тетка ихъ подкурятина! Ужь погублю свою голову, а очищу передъ царемъ господина моего!“

— Добрый у тебя стремянный! сказалъ царь Серебряному.—Пусть бы и мои слуги такъ ко мнѣ мыслили! А давно онъ у тебя.

— Да я, батюшка Иванъ Васильевичъ, подхватилъ Михеичъ, совершенно ободренный царскою похвалою,—я князю съ самаго съ его сыздѣтства служу. И батюшкѣ его покойному служилъ я, и отецъ мой дѣду его служилъ, и дѣти мои, кабы были у меня, его бы дѣтямъ служили!

— А нѣтъ у тебя, развѣ, дѣтушекъ, старичокъ? спросилъ Іоаннъ еще милостивѣе.

— Было двое сыновей, батюшка, да обоихъ Господь прибралъ. Оба на твоемъ государскомъ дѣлѣ подъ Полоцкомъ полегли, когда мы съ Никитой Романычемъ да съ княземъ Пронскимъ Полоцкъ выручали. Старшему сыну, Василью вражій Ляхъ, налетѣвъ, саблей голову раскроилъ, а меньшему-то, Степану, изъ пищали грудь прострѣлили, сквозь самый наплечникъ, вотъ на столько повыше лѣваго соска!

И Михеичъ пальцемъ показалъ на груди своей мѣсто, гдѣ въ Степана попала пуля.

— Вишь! проговорилъ Іоаннъ, покачивая головой и какъ будто принимая большое участье въ сыновьяхъ Михеича:— ну, что жь дѣлать, старичокъ, этихъ Богъ прибралъ, другихъ наживешь!

— Да откуда нажить-то ихъ, батюшка? Хозяйка-то у меня померла, а изъ рукава-то новыхъ дѣтей не вытрусишь!

— Что жь, сказалъ царь, какъ бы желая утѣшить стремяннаго,—еще дастъ Богъ другую хозяйку найдешь!

Михеичъ ощущалъ немалое удовольствіе въ разговорѣ съ царемъ.

— Да этого добра какъ не найдти, отвѣтилъ онъ, ухмыляясь,—только не охочь я до бабъ, батюшка государь, да ужь и старъ становлюсь, этакимъ дѣломъ заниматься!

— Баба бабѣ рознь! замѣтилъ Іоаннъ, и схвативъ Онуфріевну за душегрѣйку:—вотъ тебѣ хозяйка! сказалъ онъ, и выдвинулъ мамку впередъ. Возьми ее, старина, живи съ ней въ любви и въ совѣтѣ да дѣтей приживай!

Опричники, понявъ царскую шутку, громко захохотали, а Михеичъ, въ изумленіи, посмотрѣлъ на царя, не смѣется ли и онъ, но на лицѣ Іоанна не было улыбки.

Безжизненные глаза мамки вспыхнули.

— Срамникъ ты! закричала она на Іоанна:—безбожникъ Я тебѣ дамъ ругаться надо мной! Срамникъ ты, тьфу! Еретикъ безсовѣстный!

Старуха застучала клюкою о крыльцо, и губы ея еще сердитѣе зажевали, а носъ посинѣлъ.

— Полно ломаться, бабушка, сказалъ царь,—я тебѣ добраго мужа сватаю; онъ будетъ тебя любить, дарить, уму-

разуму научать! А свадьбу мы сегодня же послѣ вечерни сыграемъ! Ну, какова твоя хозяйка, старичина?

— Умилосердись, батюшка государь! проговорилъ Михеичъ въ совершенномъ испугѣ.

— Что жь? Развѣ она тебѣ не по сердцу?

— Какое по сердцу, батюшка! простоналъ Михеичъ, отступая назадъ.

— Стерпится-слюбится! сказалъ Іоаннъ: — а я дамъ за ней доброе приданое!

Михеичъ съ ужасомъ посмотрѣлъ не Онуфріевну, которую царь все еще держалъ за душегрѣйку.

— Батюшка Иванъ Васильевичъ! воскликнулъ онъ вдругъ, падая на колѣни:—вели меня казнить, только не вели этакого сраму на себя принимать! Скорѣй на плаху пойду, чѣмъ женюсь на ея милости, тетка ея подкурятина!

Иванъ Васильевичъ немного помолчалъ и вдругъ разразился громкимъ продолжительнымъ смѣхомъ.

— Ну, сказалъ онъ, выпуская наконецъ Онуфріевну, которая поспѣшила уйдти, ругаясь и отплевываясь, — честь приложена, убытку Богъ избавилъ! Я хотѣлъ вашего счастья, а насильно вѣнчать васъ не буду! Служи попрежнему бояріну твоему, старичина, а ты, Никита, подойди сюда. Отпускаю тебѣ и вторую вину твою. А этихъ голоштанниковъ въ опричнину не впишу; мои молодцы, пожалуй, обидятся. Пусть идутъ къ Жиздрѣ, въ сторожевой полкъ. Коли охочи они на Татаръ, будетъ имъ съ кѣмъ перевѣдаться. Ты же, продолжалъ онъ особенно милостивымъ голосомъ, безъ примѣси своей обычной насмѣшливости и положивъ руку на плечо Серебрянаго,—ты оставайся у меня. Я помирю тебя съ опричниной. Когда узнаешь насъ покороче, перестанешь дичиться. Хорошо бить Татаръ, но мои враги не одни Татары; есть и хуже ихъ. Этихъ то научись грызть зубами и метлой выметать!

И царь потрепалъ Серебрянаго по плечу.

— Никита, прибавилъ онъ, благоволительно, и оставляя свою руку на плечѣ князя, — у тебя сердце правдивое, языкъ твой не знаетъ лукавства; такихъ-то слугъ мнѣ и надо. Впишись въ опричнину; я дамъ тебѣ мѣсто выбылаго Вяземскаго! Тебѣ я вѣрю, ты меня не продашь.

Всѣ опричники съ завистью посмотрѣли на Серебрянаго; они уже видѣли въ немъ новое возникающее свѣтило

и стоявшіе подалѣ отъ Іоанна уже стали шептаться между собою и выказывать свое неудовольствіе, что царь безъ вниманія къ ихъ заслугамъ, ставитъ имъ на голову опальнаго пришельца, столбоваго боярина, древняго княжескаго рода.

Но сердце Серебрянаго сжалось отъ словъ Іоанновыхъ.

— Государь, сказалъ онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою,— благодарствую тебѣ за твою милость; но дозволь ужь лучше и мнѣ къ сторожевому полку примкнуться. Здѣсь мнѣ дѣлать нечего, я къ слободскому обычаю не привыченъ, а тамъ я буду служить твоей милости доколѣ силъ хватитъ!

— Вотъ какъ! сказалъ Іоаннъ и снялъ руку съ плеча Серебрянаго:—это значитъ, мы не угодны его княжеской милости! Должно-быть съ ворами оставаться честнѣе чѣмъ быть моимъ оружничимъ! Ну что жь, продолжалъ онъ насмѣшливо,— я никому въ дружбу не набиваюсь и никого насильно не держу. Свыклись вмѣстѣ, такъ и служите вмѣстѣ! Добраго пути, разбойничій воевода!

И взглянувъ презрительно на Серебрянаго, царь повернулся къ нему спиной и вошелъ во дворецъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Выѣздъ изъ Слободы.

Годуновъ предложилъ Серебряному остаться у него въ домѣ до выступленія въ походъ. Этотъ разъ предложеніе было сдѣлано отъ души, ибо Борисъ Ѳедоровичъ, наблюдавшій за каждымъ словомъ и за каждымъ движеніемъ царя, заключилъ, что грозы болѣе не будетъ и что Іоаннъ ограничится одною холодностью къ Никитѣ Романовичу.

Исполняя обѣщаніе, данное Максиму, Серебряный прямо съ царскаго двора отправился къ матери своего названнаго брата и отдалъ ей крестъ Максимовъ. Малюты не было дома. Старушка уже знала о смерти сына, и приняла Серебрянаго какъ роднаго; но когда онъ, окончивъ свое по-

ученіе, простился съ нею, она не посмѣла его удерживать, боясь возвращенія мужа, и только проводила до крыльца съ благословеніями.

Вечеромъ, когда Годуновъ оставилъ Серебрянаго въ опочивальнѣ и удалился, пожелавъ ему спокойнаго сна, Михеичъ далъ полную волю своей радости.

— Ну, бояринъ, сказалъ онъ,—выпалъ же мнѣ наконецъ красный денекъ послѣ долгаго горя! Вѣдь съ той поры какъ схватили тебя, Никита Романычъ, я словно свѣта Божьяго не вижу! То и дѣло по Москвѣ да по Слободѣ слоняюсь, не провѣдаю ль чего про тебя? Какъ услышалъ сегодня, что ты съ станичниками вернулся, такъ со всѣхъ ногъ и пустился на царскій дворъ; анъ царь-то ужь на крыльцѣ! Я давай межъ станичниковъ до тебя пробираться, да и не вытерпѣлъ, сталъ ловить тебя за полу, а царь-то меня и увидѣлъ. Ну, набрался же я страху! Ввѣкъ не забуду! Два молебна завтра отслужу, одинъ за твое здоровье, а другой—что соблюлъ меня Господь отъ этой вѣдьмы, не далъ надо мною такому скверному дѣлу совершиться!

И Михеичъ началъ разказывать все что̀ съ нимъ было послѣ раззоренія Морозовскаго дома, и какъ онъ, извѣстивъ Перстня и вернувшись на мельницу, нашелъ тамъ Елену Дмитріевну и взялся проводить ее до мужниной вотчины, куда слуги Морозова увезли его во время пожара.

Серебряный нетерпѣливо слушалъ многократныя отступленія Михеича.

— Вѣдь я, Никита Романычъ, говорилъ старикъ,—вѣдь я не слѣпъ; хоть и молчу, а все вижу. Признаться, батюшка, не нравилось мнѣ крѣпко, когда ты къ Дружинѣ Андреичу-то ѣздилъ. Не выйдетъ добра изъ этого, думалъ я, да и совѣстно, правду сказать, за тебя было, когда ты съ нимъ за однимъ столомъ сидѣлъ, изъ одного ковша пилъ. Ты меня, батюшка, понимаешь. Хоть ты, положимъ, и не виноватъ въ этомъ; кто его знаетъ, какъ оно къ человѣку приходитъ! Да противъ него-то грѣшно было. Ну, а теперь конечно дѣло другое; теперь ей некому отвѣта держать, царствіе ему небесное! Да и молода она, голубушка, вдовой оставаться!

— Не кори меня, Михеичъ, сказалъ Серебряный съ не-

удовольствіемъ,—а скажи сейчасъ, гдѣ она теперь и что̀ ты про нее знаешь?

— Позволь, батюшка, погоди; дай мнѣ все по порядку тебѣ доложить. Вотъ, изволишь ли видѣть, какъ я отъ станичниковъ-то на мельницу вернулся, мельникъ-то мнѣ и говоритъ: залетѣла, говоритъ, жаръ-птица ко мнѣ; отвези ее, говоритъ, къ царю Далмату! Я сначала не понялъ что̀ за птица и что̀ за Далматъ такой; только уже послѣ, когда показалъ онъ мнѣ боярыню-то, тогда ужь смекнулъ, что онъ про нее говорилъ. Вотъ и поѣхали мы съ нею въ вотчину Дружины Андреича. Сначала она ничего, молчитъ себѣ и очей не подымаетъ; потомъ стала потихоньку про мужа спрашивать; а потомъ, батюшка, туда, сюда, да и про тебя спросила, только, вишь, не прямо, а такъ, какъ бы нехотя, отворотившись. Извѣстно, женское дѣло. Я ей все разказалъ что̀ было мнѣ вѣдомо, а она, сердечная, еще печальнѣе прежняго стала, повѣсила головушку, да уже во всю дорогу ничего и не говорила. Вотъ, какъ стали подъѣзжать къ вотчинѣ, поприщъ этакъ будетъ за десять, она, вижу, зачинаетъ безпокоиться. Что̀ ты, говорю, сударыня, безпокоиться изволишь? Она, батюшка, въ слезы. Я ее утѣшать. Не кручинься, говорю, боярыня, Дружина Андреичъ здравствуетъ! А она, при имени Дружины-то Андреича, давай еще горше плакать. Я, этакъ, посмотрѣлъ на нее, да ужь не знаю что̀ и говорить ей. И князь Никита Романычъ, говорю, хоча и въ тюрьмѣ, а должно-быть также здравствуетъ! Ужь не зналъ, батюшка, что̀ и сказать ей, чувствую, что не то говорю, а все же что-нибудь сказать надо. Только какъ назвалъ я тебя, батюшка, такъ она вдругъ и останови коня. „Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не могу ѣхать въ вотчину!“—„Что̀ ты, боярыня, куда жь тебѣ ѣхать?“—„Дядюшка, говоритъ, видишь золоченые кресты изъ-за̀ лѣсу виднѣются?“—„Вижу, сударыня.“—„То, говоритъ, дѣвичій монастырь; я узнаю тѣ кресты, проводи меня туда, дядюшка!“ Я было отговариваться, только она стоитъ на своемъ: проводи да проводи!—„Я, говоритъ, тамъ съ недѣльку обожду, Богу помолюсь, а потомъ повѣщу Дружинѣ Андреичу; онъ пришлетъ за мной!“ Нечего было дѣлать, проводилъ ее, батюшка; тамъ и оставилъ на рукахъ у игуменьи.

— Сколько будетъ до того монастыря? спросилъ Серебряный.

— Отъ мельницы было поприщъ сорокъ, батюшка; отъ Москвы, пожалуй, будетъ подалѣ. Да оно намъ почитай по дорогѣ приходится, коли мы на Жиздру пойдемъ.

— Михеичъ! сказалъ Серебряный:—сослужи мнѣ службу. Я прежде утра выступить не властенъ; надо моимъ людямъ царю крестъ цѣловать. Но ты сею же ночью поѣзжай въ тотъ монастырь; поѣзжай о двуконь, не жалѣй ни себя, ни коней; попросись къ боярынѣ, разкажи ей все; упроси ее, чтобы приняла меня, чтобы ни на что не рѣшалась, не повидавшись со мною!

— Слушаю, батюшка, слушаю; да ты ужь не опасаешься ли, чтобъ она постриглась? Этого не будетъ, батюшка. Пройдетъ годокъ, поплачетъ она, конечно; безъ этого нельзя; какъ по Дружинѣ Андреичѣ не поплакать, царствіе ему небесное! А тамъ, посмотри, и свадьбу сыграемъ. Не вѣкъ же намъ, батюшка, горе отбывать!

Михеичъ въ эту же ночь отправился въ монастырь, а Серебряный, лишь только занялась заря, пошелъ проститься съ Годуновымъ.

Борисъ Ѳедоровичъ уже вернулся отъ заутрени, которую, по обычаю своему, слушалъ вмѣстѣ съ царемъ.

— Что ты такъ рано поднялся, князь? спросилъ онъ Никиту Романовича.—Это хорошо намъ, слободскимъ, а ты могъ бы и поотдохнуть послѣ вчерашняго дня. Или тебѣ неспокойно у меня было?

И тонкій взглядъ Годунова показывалъ, что онъ зналъ причину безсонницы князя.

Привѣтливость Бориса Ѳедоровича, его неподдѣльное участіе къ Серебряному, услуги имъ столько разъ оказанныя, а главное, его совершенное несходство съ другими царедворцами, привлекали къ нему сильно Никиту Романовича. Онъ открылся ему въ любви своей къ Еленѣ.

— Все это мнѣ давно уже вѣдомо! сказалъ, улыбаясь, Годуновъ.—Я догадался объ этомъ еще въ первый твой пріѣздъ въ Слободу, изъ того какъ ты смотрѣлъ на Вяземскаго. А когда я нарочно завелъ съ тобою рѣчь о Морозовѣ, ты говорилъ о немъ неохотно, несмотря что былъ съ нимъ въ дружбѣ. Ты, князь, ничего не умѣешь хоронить въ себѣ. О чемъ ни подумаешь, все у тебя на лицѣ такъ и напишется. Да и говорить-то ты ужь черезчуръ откровенно, Никита Романычъ, позволь тебѣ сказать. Я

за тебя вчера испугался, да и подосадовалъ-таки на тебя когда ты напрямикъ отвѣчалъ царю, что не хочешь вписаться въ опричнину.

— А что же мнѣ было отвѣчать ему, Борисъ Ѳедорычъ?

— Тебѣ было поблагодарить царя и принять его милость.

— Да ты шутишь, Борисъ Ѳедорычъ, али вправду говоришь? Какъ же мнѣ за это благодарить царя? Да ты самъ развѣ вписанъ въ опричнину?

— Я дѣло другое, князь. Я знаю что̀ дѣлаю. Я царю не перечу; онъ меня самъ не захочетъ вписать; такъ ужь я поставилъ себя. А ты, когда поступилъ бы на мѣсто Вяземскаго да сдѣлался бы оружничимъ царскимъ и былъ бы въ приближеніи у Ивана Васильевича, ты бы этимъ всей землѣ послужилъ. Мы бы съ тобой стали идти за одно, и опричнину, пожалуй, подсѣкли бы!

— Нѣтъ, Борисъ Ѳедорычъ, не сумѣлъ бы я этого, Самъ же ты говоришь, что у меня все на лицѣ видно.

— Оттого, что ты не хочешь приневолить себя, князь. Вотъ кабы ты рѣшился перемочь свою прямоту, да хотя бы для виду вступилъ въ опричнину, чего бы мы съ тобой не сдѣлали! А то, посмотри на меня; я одинъ; бьюсь какъ щука объ ледъ; всякаго долженъ опасаться, всякое слово обдумывать; иногда просто голова кругомъ идетъ! А было бы насъ двое около царя, и силы бъ удвоилось. Такихъ людей, какъ ты, не много, князь .Скажу тебѣ прямо: я съ нашей первой встрѣчи разчитывалъ на тебя!

— Не гожусь я на это дѣло, Борисъ Ѳедорычъ. Сколько разъ я ни пытался подладиться подъ чужой обычай, ничего не выходитъ. Вотъ ты, дай Богъ тебѣ здоровья, ты на этомъ собаку съѣлъ. Правду сказать, сначала мнѣ не по̀ сердцу было, что ты иной разъ думаешь одно, а говоришь другое; но теперь я вижу куда ты гнешь, и понимаю, что по твоему дѣлать лучше. А я бъ и хотѣлъ, да не умѣю; не сподобилъ меня Богъ такому искусству. Впрочемъ что̀ теперь и говорить объ этомъ? Самъ знаешь, царь меня, по моему же упросу, въ сторожевой полкъ посылаетъ.

— Это ничего, князь. Ты опять Татаръ побьешь, царь опять тебя предъ свои очи пожалуетъ. Оружничимъ тебѣ конечно уже не бывать, но если попросишься въ опричнину, тебя впишутъ. А хотя бы и не случилось тебѣ Та-

таръ побить, все же ты пріѣдешь на Москву, когда Еленѣ Дмитріевнѣ вдовій срокъ минетъ. Того не опасайся, чтобъ она постриглась; этого не будетъ, Никита Романычъ; я лучше тебя человѣческое сердце знаю; не по любви она за Морозова вышла, нѐ зачѣмъ ей и постригаться теперь. Дай только остыть крови и высохнуть слезамъ; я же буду, коли хочешь, твоимъ дружкой.

— Спасибо тебѣ, Борисъ Ѳедорычъ, спасибо. Мнѣ даже совѣстно, что ты уже столько сдѣлалъ для меня, а я ничѣмъ тебѣ отплатить не могу. Кабы пришлось за тебя въ пытку идти, или въ бою животъ положить, я бы не задумался. А въ опричнину меня не зови, и около царя быть мнѣ также не можно. Для этого надо или совсѣмъ отъ совѣсти отказаться, или твое умѣнье имѣть. А я бы только даромъ душой кривилъ. Каждому, Борисъ Ѳедорычъ, Господь свое указалъ: у сокола свой летъ, у лебедя свой; лишь бы въ каждомъ правда была.

— Такъ ты меня ужь болѣ не винишь, князь, что я не прямою, а окольною дорогой иду?

— Грѣхъ было бы мнѣ винить тебя, Борисъ Ѳедорычъ. Не говорю уже о себѣ; а сколько ты другимъ добра сдѣлалъ! И моимъ ребятамъ безъ тебя, пожалуй, плохо пришлось бы. Не даромъ и любятъ тебя въ народѣ. Всѣ на тебя надежду полагаютъ; вся земля начинаетъ смотрѣть на тебя!

Легкій румянецъ пробѣжалъ по смуглому лицу Годунова, и въ очахъ его блеснуло удовольствіе. Примирить съ своимъ образомъ дѣйствій такого человѣка какъ Серебряный было для него не малымъ торжествомъ и служило ему мѣриломъ его обаятельной силы.

— Въ мою очередь, спасибо тебѣ, князь, сказалъ онъ.— Объ одномъ прошу тебя: коли ты не хочешь помогать мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, когда услышишь, что про меня говорятъ дурно, не вѣрь тѣмъ слухамъ и скажи клеветникамъ моимъ все что̀ про меня знаешь!

— Ужь объ этомъ не заботься, Борисъ Ѳедорычъ! Я никому не дамъ про тебя и помыслить худо, не только что говорить. Мои станичники и теперь уже молятся о твоемъ здравіи, а если вернутся на родину, то и всѣмъ своимъ ближнимъ закажутъ. Дай только Богъ уцѣлѣть тебѣ!

— Господь хранитъ ходящихъ въ незлобіи! сказалъ Го-

дуновъ, скромно опуская глаза.—А впрочемъ все въ Его святой волѣ! Прости же, князь; до скораго свиданія; не забудь, что ты обѣщалъ позвать меня на свадьбу.

Они дружески обнялись, и у Никиты Романовича повеселѣло на сердцѣ. Онъ привыкъ къ мысли, что Годуновъ не легко ошибается въ своихъ предположеніяхъ, и недавнія опасенія его насчетъ Елены разсѣялись.

Вскорѣ онъ выѣхалъ въ главѣ своего пѣшаго отряда; но еще прежде чѣмъ они оставили Слободу, случилось одно обстоятельство, которое, по тогдашнимъ понятіямъ, принадлежало къ недобрымъ предзнаменованіямъ.

Близь одной церкви отрядъ былъ остановленъ столпленіемъ нищихъ, которые тѣснились у паперти во всю ширину улицы и, казалось, ожидали богатой милостыни отъ какого-нибудь знатнаго лица, находившагося въ церкви.

Подвигаясь медленно впередъ, чтобы дать время толпѣ раздвинуться, Серебряный услышалъ панихидное пѣніе и спросилъ по комъ идетъ служба? Ему отвѣчали, что то Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій справляетъ поминки по сынѣ Максимѣ Григорьевичѣ, убитомъ Татарами. Въ то же время послышался громкій крикъ, и изъ церкви вынесли старушку лишенную чувствъ; исхудалое лицо ея было облито слезами, а сѣдые волосы падали въ безпорядкѣ изъ-подъ бархатной шапочки. То была мать Максима. Малюта, въ смирной одеждѣ, показался на крыльцѣ, и глаза его встрѣтились съ глазами Серебрянаго; но въ чертахъ Малюты не было на этотъ разъ обычнаго звѣрства, а только какая-то тупая одурѣлость, безъ всякаго выраженія. Приказавъ положить старушку на паперти, онъ воротился въ церковь дослушивать панихиду, а станичники съ Серебрянымъ, снявши шапки и крестясь, прошли мимо церковныхъ вратъ, и слышно имъ было какъ въ церкви торжественно и протяжно раздавалось: „со святыми упокой!“

Это печальное пѣніе и мысль о Максимѣ тяжело подѣйствовали на Серебрянаго, но ему вспомнились успокоительныя слова Годунова и скоро изгладили грустное впечатлѣніе панихиды. На изгибѣ дороги, входящей въ темный лѣсъ, онъ оглянулся на Александрову слободу, и когда скрылись отъ него золоченыя главы дворца Іоаннова, онъ

почувствовалъ облегченіе, какъ будто тяжесть свалилась съ его сердца.

Утро было свѣжее, солнечное. Бывшіе разбойники, хорошо одѣтые и вооруженные, шли дружнымъ шагомъ за Серебрянымъ и за всадниками его сопровождавшими. Зеленый мракъ охватывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Конь Серебрянаго, полный нетерпѣливой отваги, срывалъ мимоходомъ листья съ нависшихъ вѣтвей, а Буянъ, неоставлявшій князя, послѣ смерти Максима, бѣжалъ впереди, подымалъ иногда, нюхая вѣтеръ, косматую морду, или нагибалъ ее на сторону и чутко навастривалъ ухо, если какой-нибудь отдаленный шумъ раздавался по лѣсу.

ГЛАВА XXXIX.

Послѣднее свиданіе.

Нѣсколько дней шелъ Серебряный съ своимъ отрядомъ. На одномъ ночлегѣ, откуда былъ поворотъ къ дѣвичьему монастырю, онъ оставилъ людей своихъ, и поѣхалъ одинъ навстрѣчу Михеичу, обѣщавшему привезти ему отвѣтъ отъ боярыни.

Всю ночь онъ ѣхалъ безостановочно. На зарѣ, приближаясь къ одному перекрестку, увидѣлъ онъ догарающій костеръ и сидящаго близь него Михеича. Обѣ его лошади паслись неподалеку, осѣдланныя.

Услышавъ конскій топъ, Михеичъ вскочилъ на ноги.

— Батюшка, князь Никита Романычъ! вскричалъ онъ, узнавая князя:—не ѣзди далѣ, батюшка! Вернись назадъ, нечего тамъ тебѣ дѣлать!

— Что̀ случилось? спросилъ Серебряный, и сердце его замерло.

— Все кончено, батюшка! Не судилъ намъ Господь счастія!

Серебряный спрянулъ на землю.

— Говори! сказалъ онъ:—что̀ случилось съ боярыней?

Старикъ молчалъ.

— Что̀ случилось съ Еленой Дмитріевной? повторилъ въ испугѣ Серебряный.

— Нѣтъ болѣ Елены Дмитріевны, батюшка! сказалъ мрачно Михеичъ.—Есть только сестра Евдокія!

Серебряный зашатался и прислонился къ дереву.

Михеичъ смотрѣлъ на него горестно.

— Что̀ жь дѣлать, Никита Романычъ! Видно, на то была Божья воля. Не въ счастливый мы, видно, вѣкъ родились!

— Разказывай все! сказалъ Серебряный, оправившись.— Не жалѣй меня. Когда постриглась боярыня?

— Когда узнала о казни Дружины Андреича, батюшка; когда получили въ монастырѣ синодикъ отъ царя, съ именами всѣхъ казненныхъ и съ указомъ молиться за ихъ упокой; наканунѣ того самаго дня, какъ я къ ней пріѣхалъ.

— Видѣлъ ты ее?

— Видѣлъ, батюшка.

Серебряный хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

— На самый краткій мигъ видѣлъ, прибавилъ Михеичъ;— не хотѣла она меня допустить сперва.

— Что̀ она велѣла сказать мнѣ? проговорилъ съ трудомъ Серебряный.

— Чтобы ты за нее молился, батюшка.

— И болѣ ничего?

— Ничего, батюшка.

— Михеичъ! произнесъ князь, послѣ краткаго молчанія:— проводи меня въ монастырь; я хочу проститься съ ней...

Старикъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ тебѣ къ ней, батюшка? Не смущай ее болѣ; она теперь все равно что святая. Вернемся лучше къ отряду, и пойдемъ прямо къ Жиздрѣ!

— Не могу! сказалъ Серебряный.

Михеичъ опять покачалъ головою и подвелъ къ нему одного изъ своихъ коней.

— Садись же на этого, сказалъ онъ, вздыхая,—твой больно заморился!

Они молча поѣхали къ монастырю.

Дорога шла все время лѣсомъ. Вскорѣ послышалось журчанье воды, и ручей пробиравшійся межь камышами сверкнулъ сквозь густую зелень.

— Узнаешь ты это мѣсто, князь? спросилъ грустно Михеичъ.

Серебряный поднялъ голову и увидѣлъ свѣжее пожарище. Кой гдѣ земля была недавно изрыта, а остатки строенія и сломанное водяное колесо показывали, что тутъ была мельница.

— Это когда они колдуна схватили, замѣтилъ Михеичъ,— то и жилье его разорили; думали тутъ кладъ найдти, тетка ихъ подкурятина!

Серебряный бросилъ разсѣянный взглядъ на пожарище, и они молча поѣхали далѣе.

Черезъ нѣсколько часовъ лѣсъ началъ рѣдѣть. Межъ деревьями забѣлѣла каменная ограда, и на разчищенной полянѣ показался монастырь. Онъ не стоялъ, подобно инымъ обителямъ, на возвышенномъ мѣстѣ. Изъ узкихъ рѣшетчатыхъ оконъ не видно было обширныхъ монастырскихъ угодій, и взоръ вездѣ упирался лишь въ голые стволы и мрачную зелень сосенъ, опоясывавшихъ тѣснымъ кругомъ ограду. Окрестность была глуха и печальна; монастырь, казалось, принадлежалъ къ числу бѣдныхъ.

Всадники сошли съ коней и постучались въ калитку.

Прошло нѣсколько минутъ; послышалось бряцаніе ключей.

— Слава Господу Іисусу Христу! сказалъ тихо Михеичъ.

— Во вѣки вѣковъ, аминь! отвѣчала сестра вратница, отворяя калитку.—Кого вамъ надобно, государи?

— Сестру Евдокію, произнесъ вполголоса Михеичъ, боясь этимъ названіемъ растравить душевную рану своего господина.—Ты меня знаешь, матушка; я недавно былъ здѣсь.

— Нѣтъ, государь, не знаю; я только сегодня ко вратамъ приставлена, а до меня была сестра Агнія...

И монахиня посмотрѣла опасливо на пріѣзжихъ.

— Нужды нѣтъ, матушка, продолжалъ Михеичъ,—пусти насъ. Доложи игуменьѣ, что князь Никита Романычъ Серебряный пріѣхалъ.

Вратница окинула боязливымъ взглядомъ Серебрянаго, отступила назадъ, и захлопнула за собою калитку.

Слышно было какъ она поспѣшно удалялась, приговаривая: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!“

„Что бы это значило? подумалъ стремянный:—зачѣмъ она боится моего боярина?“

Онъ посмотрѣлъ на князя и понялъ, что его пыльные доспѣхи, одежда изорванная колючимъ кустарникомъ, и встревоженное выраженіе, испугали вратницу. Въ самомъ дѣлѣ, черты Никиты Романовича такъ измѣнились, что самъ Михеичъ не узналъ бы его, еслибы не пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Черезъ нѣсколько времени послышались опять шаги вратницы.

— Не взыщите, государи, сказала она невѣрнымъ языкомъ сквозь калитку,—теперь игуменьѣ нельзя принять васъ; приходите лучше завтра, послѣ заутрени!

— Я не могу ждать! вскричалъ Серебряный, и ударивъ ногою въ калитку, онъ вышибъ запоры и вошелъ въ ограду.

Передъ нимъ стояла игуменья, почти столь же блѣдная какъ и онъ самъ.

— Во имя Христа Спасителя, сказала она дрожащимъ голосомъ,— остановись! Я знаю зачѣмъ ты пришелъ... но Господь караетъ душегубство, и безвинная кровь падетъ на главу твою!

— Честная мать! отвѣчалъ Серебряный, не понимая ея испуга, но слишкомъ встревоженный чтобы удивляться;— честная мать, пусти меня къ сестрѣ Евдокіи! Дай на одинъ мигъ увидѣть ее! Дай мнѣ только проститься съ ней!

— Проститься? повторила игуменья:—ты въ самомъ дѣлѣ хочешь только проститься?

— Дай мнѣ съ ней проститься, честная мать, и я все мое имущество на твой монастырь отдамъ!

Игуменья взглянула на него недовѣрчиво.

— Ты вломился насильно, сказала она;—ты называешься княземъ, а Богъ-вѣсть кто ты таковъ, Богъ-вѣсть зачѣмъ пріѣхалъ... Знаю, что теперь ѣздятъ опричники по святымъ монастырямъ, и предаютъ смерти женъ и дочерей тѣхъ праведниковъ, которыхъ недавно на Москвѣ казнили!.. Сестра Евдокія была женою казненнаго боярина...

— Я не опричникъ! вскричалъ Серебряный:—я самъ отдалъ бы всю кровь мою за боярина Морозова! Пусти меня къ боярынѣ, честная мать, пусти меня къ ней!

Должно-быть, правда и искренность написались на чертахъ Серебрянаго. Игуменья успокоилась и посмотрѣла на него съ участіемъ.

— Погрѣшила же я передъ тобою! сказала она.—Но слава Христу и Пречистой Его Матери, вижу теперь, что ошиблась. Слава же Христу, Пресущественной Троицѣ и всѣмъ святымъ угодникамъ, что ты не опричникъ! Напугала меня вратница; я уже думала какъ бы только время выиграть, сестру Евдокію схоронить! Трудные у насъ годы настали, государь! И въ Божьихъ обителяхъ опальнымъ укрыться нельзя. Слава же Господу, что я ошиблась! Если ты другъ или родственникъ Морозовыхъ, я поведу тебя къ Евдокіи. Ступай за мною, бояринъ, сюда, мимо усыпальницы; ея келья въ самомъ саду.

Игуменья повела князя черезъ садъ къ одинокой кельѣ, густо обсаженной шиповникомъ и жимолостью. Тамъ, на скамьѣ, передъ входомъ, сидѣла Елена въ черной одеждѣ и въ покрывалѣ. Косые лучи заходящаго солнца ударяли на нее сквозь густые клены, и позлащали надъ нею ихъ увядающія вѣтви. Лѣто приходило къ концу; послѣдніе цвѣты шиповника облетали; черная одежда инокини была усѣяна ихъ алыми лепестками. Грустно слѣдила Елена за медленнымъ и однообразнымъ паденіемъ желтыхъ кленовыхъ листьевъ, и только шорохъ приближающихся шаговъ прервалъ ея размышленія. Она подняла голову, узнала игуменью и встала чтобъ идти къ ней на встрѣчу, но увидѣвъ внезапно Серебрянаго, вскрикнула, схватилась за сердце и въ изнеможеніи опустилась на скамью.

— Не пугайся, дитятко! сказала ей ласково игуменья:— это знакомый тебѣ бояринъ, другъ твоего покойнаго мужа, пріѣхалъ нарочно проститься съ тобой!

Елена не могла отвѣчать. Она только дрожала, и будто въ испугѣ, смотрѣла на князя. Долго оба молчали.

— Вотъ, проговорилъ наконецъ Серебряный,—вотъ какъ намъ пришлось свидѣться!

— Намъ нельзя было свидѣться иначе!.. сказала едва внятно Елена.

— Зачѣмъ не подождала ты меня, Елена Дмитріевна, сказалъ Серебряный.

— Еслибъ я подождала тебя, прошептала она,—у меня не

достало бы силы... ты не пустилъ бы меня... довольно и такъ грѣха на мнѣ, Никита Романычъ...

Настало опять молчаніе. Сердце Серебрянаго сильно билось.

— Елена Дмитріевна! сказалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:—я навсегда прощаюсь съ тобой, навсегда, Елена Дмитріевна... Дай же мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть на тебя... дай на твои очи въ послѣдній разъ посмотрѣть... откинь свое покрывало, Елена!

Елена исхудалою рукой подняла черную ткань, закрывавшую верхнюю часть ея лица, и князь увидѣлъ ея тихіе глаза, красные отъ слезъ, и встрѣтилъ знакомый кроткій взоръ, отуманенный безсонными ночами и душевнымъ страданіемъ.

— Прости, Елена! вскричалъ онъ, падая ницъ и кланяясь ей въ ноги:—прости навсегда! Дай Господь забыть мнѣ, что могли мы быть счастливы!

— Нѣтъ, Никита Романычъ, сказала грустно Елена,—счастья намъ не было написано. Кровь Дружины Андреича была бы между счастьемъ и нами. За меня онъ пошелъ подъ опалу, я же погрѣшила противъ него, я была первая причина его смерти! Нѣтъ, Никита Романычъ, мы не могли быть счастливы. Да и кто теперь счастливъ?

— Да, повторилъ Серебряный,—кто теперь счастливъ! Не милостивъ Господь ко святой Руси: а все же не думалъ я, что намъ заживо придется разлучиться на вѣки.

— Не на вѣки, Никита Романычъ, улыбнулась грустно Елена,—а только здѣсь въ этой жизни. Такъ должно было быть. Не личила бы намъ однимъ радость, когда вся земля терпитъ горе и скорбь великую!

— Зачѣмъ, сказалъ съ мрачнымъ видомъ Серебряный,—зачѣмъ не сложилъ я голову на татарскую саблю! Зачѣмъ не казнилъ меня царь, когда я ему повинную принесъ! Что̀ мнѣ теперь осталось на свѣтѣ?

— Неси крестъ свой, Никита Романычъ, какъ я мой крестъ несу. Твоя доля легче моей. Ты можешь отстаивать родину, а мнѣ остается только молиться за тебя и оплакивать грѣхъ мой!

— Какая родина? Гдѣ наша родина? вскричалъ Серебряный.—Отъ кого намъ ее отстаивать? Не Татары, а царь губитъ родину! Мысли мои помѣшались, Елена Дмитріевна...

Ты одна еще поддерживала мой разумъ; теперь все передо мной потемнѣло; не вижу болѣ гдѣ ложь, и гдѣ правда. Все доброе гибнетъ, все злое одолѣваетъ! Часто, Елена Дмитріевна, приходилъ мнѣ Курбскій на память, и я гналъ отъ себя эти грѣшныя мысли, пока была еще цѣль для моей жизни, пока была во мнѣ сила; но нѣтъ у меня болѣ цѣли, а сила дошла до конца... разсудокъ мой путается...

— Просвѣти тебя Боже, Никита Романычъ! Ужели оттого что твое счастье погибло, ты сдѣлаешься врагомъ государевымъ, пойдешь наперекоръ всей землѣ, которая держитъ предъ нимъ поклонную голову? Вспомни, что Богъ посылаетъ намъ испытаніе, чтобы могли мы свидѣться на томъ свѣтѣ! Вспомни всю жизнь свою и не солги противъ самого себя, Никита Романычъ!

Серебряный опустилъ голову. Вскипѣвшее въ немъ негодованіе уступило мѣсто строгимъ понятіямъ долга, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ и которыя доселѣ свято хранилъ въ своемъ сердцѣ, хотя и не всегда былъ въ силахъ имъ покоряться.

—Неси крестъ свой, Никита Романычъ! повторила Елена.— Иди куда посылаетъ тебя царь. Ты отказался вступить въ опричнину, и совѣсть твоя должна быть чиста. Иди же на враговъ земли Русской; а я не перестану молиться за насъ обоихъ до послѣдняго моего часа!

— Прости же, Елена, прости сестра моя! воскликнулъ Серебряный, бросаясь къ ней.

Она встрѣтила спокойнымъ взглядомъ его сокрушенный взглядъ, обняла его какъ брата, и поцѣловала три раза, безъ страха и замѣшательства, ибо въ этомъ прощальномъ лобзаніи уже не было того чувства, которое за два мѣсяца, у ограды Морозовскаго сада, кинуло ее въ объятія князя невольно и безсознательно.

— Прости! повторила она, и опустивъ покрывало, поспѣшно удалилась въ свою келью.

Стали звонить къ вечернѣ. Серебряный долго глядѣлъ во слѣдъ Еленѣ. Онъ не слыхалъ что̀ говорила ему игуменья, не почувствовалъ, какъ она взяла его за руку и проводила къ оградѣ. Молча сѣлъ онъ на коня; молча поѣхалъ съ Михеичемъ обратнымъ путемъ по сосновому лѣсу. Звонъ монастырскаго колокола вызвалъ его наконецъ изъ оцѣпенѣнія. Онъ только теперь понялъ всю тяжесть своего

несчастія. Сердце его разрывалось отъ этого звона, но онъ сталъ прислушиваться къ нему съ любовью, какъ будто въ немъ звучало послѣднее прощаніе Елены, и когда мѣрные удары, сливаясь въ дальнѣйшій гулъ, замерли наконецъ въ вечернемъ воздухѣ, ему показалось, что все родное оторвалось отъ его жизни и со всѣхъ сторонъ охватило его холодное, безнадежное одиночество...

На другой день, отрядъ Никиты Романовича продолжалъ свой путь, углубляясь все далѣе въ темные лѣса, которые, съ небольшими прогулами, соединялись съ Брянскимъ дремучимъ лѣсомъ. Князь ѣхалъ впереди отряда, а Михеичъ слѣдовалъ за нимъ издали, не смѣя прерывать его молчаніе.

Ѣхалъ Серебряный, понуря голову, и среди его мрачныхъ думъ, среди самой безнадежности, свѣтило ему, какъ дальняя заря, одно утѣшительное чувство. То было сознаніе, что онъ въ жизни исполнилъ долгъ свой насколько позволило ему умѣніе, что онъ шелъ прямою дорогой, и ни разу не уклонился отъ нея умышленно. Драгоцѣнное чувство, которое, среди скорби и бѣдъ, какъ неотъемлемое сокровище живетъ въ сердцѣ честнаго человѣка, и предъ которымъ всѣ блага міра, все, что составляетъ цѣль людскихъ стремленій,—есть прахъ и ничто!

Одно это сознаніе давало Серебряному возможность переносить жизнь, и онъ, проходя всѣ обстоятельства своего прощанія съ Еленой, повторяя себѣ каждое ея слово, находилъ грустную отраду въ мысли, что въ самомъ дѣлѣ было бы совѣстно радоваться въ теперешнее время, и что онъ не отчуждаетъ себя отъ братій, но несетъ вмѣстѣ съ ними свою долю общаго бѣдствія.

Слова Годунова также пришли ему на память, и онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ съ какою увѣренностью Годуновъ говорилъ о своемъ знаніи человѣческаго сердца. „Видно, подумалъ онъ, не все умѣетъ угадывать Борисъ Ѳедорычъ! Государственное дѣло и сердце Ивана Васильича ему вѣдомы; онъ знаетъ напередъ что̀ скажетъ Малюта, что̀ сдѣлаетъ тотъ или другой опричникъ; но какъ чувствуютъ тѣ, которые не ищутъ своихъ выгодъ, это для него потемки!“

И невольно вспомнилъ Серебряный о Максимѣ и подумалъ, что не такъ посудилъ бы названый братъ его. Онъ

не сказалъ бы ему: она не по любви вышла за Морозова, она будетъ ждать тебя! Онъ сказалъ бы: спѣши, братъ мой! Не теряй ни мгновенія; замори коня и останови ее, пока еще время!

И при мысли о Максимѣ, одиночество Никиты Романовича представилось ему еще безотраднѣе, ибо онъ вѣдалъ, что никто уже не сойдется съ нимъ такъ близко, никто не пополнитъ своею душою его души, не поможетъ ему выяснить себѣ многое что̀ въ честномъ сердцѣ своемъ онъ сознавалъ смутно, но чего въ тревогѣ событій, онъ не успѣлъ облечь въ ясныя очертанія.....

И будетъ его жизнь идти своимъ чередомъ, не спрашивая, укладываются, или нѣтъ, его лучшія стремленія въ ея тяжелыя требованія, и долго-можетъ-быть она будетъ плести свой пестрый узоръ, гдѣ каждая подробность, взятая отдѣльно, не имѣетъ понятнаго смысла, но гдѣ всѣ явленія держатся межь собою неразрывною цѣпью, истекая одно изъ другаго со строгою послѣдовательностью.

Понурилъ Серебряный голову и бросилъ поводья, и ѣхалъ шагомъ въ глухомъ бору, столь же мрачномъ какъ и его думы. Мѣрные шаги разбойниковъ прерывали тишину пустыни. Дикіе жители ея, бѣлки и верхолазы, не привыкшіе въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ бояться человѣка, не прятались при видѣ ратниковъ, а только взбирались на верхніе сучья и любопытно глядѣли оттуда на проходившихъ. Пестрые дятлы продолжали цѣпляться за мшистую кору древесныхъ стволовъ, повертывали свои красныя головы на пришельцевъ, и опять принимались стучать въ сухое дерево.

Одинъ изъ ратниковъ, возбужденный торжественностью природы, затянулъ вполголоса протяжную пѣсню; другіе стали ему подтягивать, и вскорѣ всѣ голоса слились въ одинъ хоръ, который звучными переливами далеко раздавался подъ дремучимъ навѣсомъ деревъ......

Здѣсь можно бы кончить эту грустную повѣсть, но остается сказать что̀ было съ другими лицами, которыя быть-можетъ раздѣляли съ Серебрянымъ участіе читателя. О самомъ Никитѣ Романовичѣ услышимъ мы еще разъ въ концѣ нашего разказа; но для этого надобно откинуть семнадцать тяжелыхъ лѣтъ и перенестись въ Москву, въ славный годъ завоеванія Сибири.

ГЛАВА LX.

Посольство Ермака.

Много времени протекло съ того дня какъ Серебряный выѣхалъ изъ Слободы во главѣ прощенныхъ станичниковъ. Разныя перемѣны произошли съ тѣхъ поръ на Руси. Но Іоаннъ, попрежнему, то предавался подозрѣніямъ и казнилъ самыхъ лучшихъ, самыхъ знаменитыхъ гражданъ; то приходилъ въ себя, каялся всенародно и посылалъ въ монастыри богатые вклады и длинные синодики съ именами убіенныхъ, приказывая молиться за ихъ упокой. Изъ прежнихъ его любимцевъ не уцѣлѣло ни одного. Послѣдній и главный изъ нихъ, Малюта Скуратовъ, не испытавъ ни разу опалы, былъ убитъ при осадѣ Пайды, или Вейсенштейна, въ Ливоніи, и въ честь ему Іоаннъ сжегъ всѣхъ плѣнныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ на кострѣ.

Сотни и тысячи Русскихъ, потерявъ всякое терпѣніе и надежду на лучшія времена, уходили толпами въ Литву и Польшу.

Одно только счастливое событіе произошло въ теченіи этихъ лѣтъ: Іоаннъ постигъ всю безполезность раздѣленія земли на двѣ половины, изъ которыхъ меньшая терзала бо́льшую, и по внушенію Годунова, уничтожилъ ненавистную опричнину. Онъ возвратился на жительство въ Москву, а страшный дворецъ въ Александровой слободѣ запустѣлъ навсегда.

Между-тѣмъ много бѣдствій обрушилось на нашу родину. Голодъ и моръ опустошали города и селенія. Нѣсколько разъ ханъ вторгался въ наши предѣлы, и въ одинъ изъ своихъ набѣговъ, онъ сжегъ всѣ посады подъ Москвою и бо́льшую часть самаго города. Шведы нападали на насъ съ сѣвера; Стефанъ Баторій, избранный сеймомъ послѣ Жигимонта, возобновилъ литовскую войну, и несмотря на

мужество нашихъ войскъ, одолѣлъ насъ своимъ умѣніемъ и отнялъ всѣ наши западныя владѣнія.

Царевичъ Іоаннъ, хотя раздѣлялъ съ отцомъ его злодѣйства, но почувствовалъ этотъ разъ униженіе государства, попросился у царя съ войскомъ противъ Баторія. Іоаннъ увидѣлъ въ этомъ замыселъ свергнуть его съ престола, и царевичъ, спасенный когда-то Серебрянымъ на Поганой Лужѣ, не избѣжалъ теперь лютой смерти. Въ припадкѣ бѣшенства, отецъ убилъ его ударомъ остраго посоха. Разказываютъ, что Годуновъ, бросившійся между нихъ, былъ жестоко израненъ царемъ, и сохранилъ жизнь только благодаря врачебному искусству пермскаго гостя Строгонова.

Послѣ этого убійства, Іоаннъ, въ мрачномъ отчаяньи, созвалъ думу, объявилъ что хочетъ идти въ монастырь, и приказалъ приступить къ выбору другаго царя. Снисходя однако на усиленныя просьбы бояръ, онъ согласился остаться на престолѣ и ограничился однимъ покаяніемъ и богатыми вкладами; а вскорѣ потомъ снова начались казни. Такъ, по свидѣтельству Одерборна, онъ осудилъ на смерть двѣ тысячи триста человѣкъ за то что они сдали врагамъ разныя крѣпости, хотя самъ Баторій удивлялся ихъ мужеству.

Теряя свои владѣнія одно за другимъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, видя внутреннее разстройство государства, Іоаннъ былъ жестоко пораженъ въ своей гордости, и это мучительное чувство отразилось на его пріемахъ и наружности. Онъ сталъ небреженъ въ одеждѣ, высокій станъ его согнулся, очи померкли, нижняя челость отвисла, какъ у старика, и только въ присутствіи другихъ онъ дѣлалъ усиліе надъ собою, гордо выпрямлялся, подозрительно смотрѣлъ на окольныхъ, не замѣчаетъ ли кто въ немъ упадка духа. Въ эти минуты онъ былъ еще страшнѣе чѣмъ во дни своего величія. Никогда еще Москва не находилась подъ такимъ давленіемъ унынія и боязни.

Въ это скорбное время, неожиданная вѣсть пришла отъ крайняго востока и ободрила всѣ сердца, и обратила общее горе въ радость.

Отъ отдаленныхъ береговъ Камы прибыли на Москву знатные купцы Строгоновы, родственники того самаго гостя, который излѣчилъ Годунова. Они имѣли отъ царя жалованныя грамоты на пустыя мѣста земли пермской, и жили

на нихъ владѣтельными князьями, независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ, съ своею управой и съ своею дружиной, при единственномъ условіи охранять границы отъ дикихъ сибирскихъ народовъ, нашихъ недавнихъ и сомнительныхъ данниковъ. Тревожимые въ своихъ деревянныхъ крѣпостяхъ ханомъ Кучумомъ, они рѣшились двинуться за каменный поясъ и сами напасть на непріятельскую землю. Для успѣшнѣйшаго исполненія этого замысла, они обратились къ нѣсколькимъ разбойничьимъ, или, какъ они себя называли, казачьимъ атаманамъ, опустошавшимъ въ то время съ шайками своими берега Волги и Дона. Главнѣйшими изъ нихъ были Ермакъ Тимоѳеевъ и Иванъ Кольцо, осужденный когда-то на смерть, но спасшійся чудеснымъ образомъ отъ царскихъ стрѣльцовъ и долгое время пропадавшій безъ вѣсти. Получивъ отъ Строгоновыхъ дары и грамоту, которою они призывались на славное и честное дѣло Ермакъ и Кольцо, съ тремя другими атаманами, подняли знамя на Волгѣ, собрали изъ удалой вольницы дружину и явились на зовъ Строгоновыхъ. Сорокъ струговъ были тотчасъ нагружены запасами и оружіемъ, и небольшая дружина, подъ воеводствомъ Ермака, отслушавъ молебенъ, поплыла съ веселыми пѣснями вверхъ по рѣкѣ Чусовой къ дикимъ горамъ Уральскимъ. Разбивая вездѣ враждебныя племена, перетаскивая суда изъ рѣки въ рѣку, они добрались до береговъ Иртыша, гдѣ разбили и взяли въ плѣнъ главнаго воеводу сибирскаго, Маметкула, и овладѣли городомъ Сибирью на высокомъ и крутомъ обрывѣ Иртыша. Не довольствуясь этимъ завоеваніемъ, Ермакъ пошелъ далѣе, покорилъ весь край до Оби, и заставилъ побѣжденные народы цѣловать свою кровавую саблю во имя царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только онъ далъ знать о своемъ успѣхѣ Строгоновымъ, и въ то же время послалъ любимаго своего атамана Ивана Кольцо къ Москвѣ бить челомъ великому государю и кланяться ему новымъ царствомъ.

Съ этою-то радостною вѣстью Строгоновы пріѣхали къ Іоанну, и вскорѣ послѣ нихъ прибыло Ермаково посольство.

Ликованье въ городѣ было неслыханное. Во всѣхъ церквахъ служили молебны, всѣ колокола звонили какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Царь, обласкавъ Строгоновыхъ, назначилъ торжественный пріемъ Ивану Кольцу.

Въ большой кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Иванъ Васильевичъ сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой рясѣ, украшенной образами и дорогими каменьями. По правую его руку стоялъ царевичъ Өеодоръ, по лѣвую Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены были рынды, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Воспрянувъ духомъ послѣ извѣстія привезеннаго Строгоновыми, Іоаннъ смотрѣлъ не такъ уже мрачно, и на устахъ его даже появлялась улыбка, когда онъ обращался къ Годунову съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Но лицо его сильно постарѣло, морщины сдѣлались глубже, на головѣ осталось мало волосъ, а изъ бороды они вылѣзли вовсе.

Борисъ Өеодоровичъ въ послѣдніе годы пошелъ быстро въ гору. Онъ сдѣлался шуриномъ царевича Өеодора, за котораго вышла сестра его Ирина, и носилъ теперь важный санъ конюшаго боярина. Разказывали даже, что царь Иванъ Васильевичъ, желая показать сколь Годуновъ и невѣстка близки его сердцу, поднялъ однажды три перста кверху и сказалъ, дотрогиваясь до нихъ другою рукой:

„Се Өеодоръ, се Ирина, се Борисъ; и какъ рукѣ моей было одинаково больно, который изъ сихъ перстовъ отъ нея бы ни отсѣкли, такъ равно тяжело было бы моему сердцу лишиться одного изъ трехъ возлюбленныхъ чадъ моихъ.“

Такая необыкновенная милость не родила въ Годуновѣ ни надменности, ни высокомѣрія. Онъ былъ попрежнему скроменъ, привѣтливъ къ каждому, воздерженъ въ рѣчахъ, и только осанка его получила еще болѣе степенности и ту спокойную важность, которая была прилична его высокому положенію.

Не безъ ущерба своему нравственному достоинству, достигъ однако Годуновъ такого вліянія и такихъ почестей. Не всегда удавалось его гибкому нраву устранять себя отъ дѣлъ не одобряемыхъ его совѣстью. Такъ онъ, видя въ Малютѣ слишкомъ сильнаго соперника и потерявъ надежду уронить его въ глазахъ Іоанна, вошелъ съ нимъ въ тѣсную дружбу, и чтобы связать сильнѣе ихъ обоюдныя выгоды, женился на его дочери. Двадцать лѣтъ проведенныхъ

у престола такого царя, какъ Іоаннъ Грозный, не могли пройдти даромъ Борису Ѳеодоровичу, и въ немъ уже совершался тотъ горестный переворотъ, который, по мнѣнію современниковъ, обратилъ въ преступника человѣка одареннаго самыми высокими качествами.

Глядя на царевича Ѳеодора, нельзя было удержаться отъ мысли, что слабы тѣ руки, которымъ по смерти Іоанна, надлежало поддерживать государство. Ни малѣйшей черты ни умственной, ни душевной силы не являло его добродушное, но безжизненное лицо. Онъ былъ уже два года женатъ, но выраженіе его осталось дѣтское. Ростомъ онъ былъ малъ, сложеніемъ дряблъ, лицомъ блѣденъ и опухловатъ. Притомъ онъ постоянно улыбался и смотрѣлъ робко и запуганно. Не даромъ ходили слухи, что царь, жалѣя о старшемъ сынѣ, говаривалъ иногда Ѳеодору: „Пономаремъ бы тебѣ родиться, Ѳедя, а не царевичемъ!"

„Но Богъ милостивъ, думали многіе: пусть царевичъ слабъ; благо, что не пошелъ онъ ни въ батюшку, ни въ старшаго брата! А помогать ему будетъ шуринъ его, Борисъ Ѳеодоровичъ. Этотъ не попуститъ упасть государству!"

Шепотъ, раздавшійся во дворцѣ между придворными, былъ внезапно прерванъ звуками трубъ и звономъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые шестью стольниками, посланные Ермака, а за ними Максимъ и Никита Строгоновы съ дядею ихъ Семеномъ. Позади несли дорогіе мѣха, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Иванъ Кольцо, шедшій въ главѣ посольства, былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми проницательными глазами, съ черною, густою, но короткою бородой, подернутою легкою просѣдью.

— Великій государь! сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола:—казацкій твой атаманъ Ермакъ Тимоѳеевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще

и это Сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!

И проговоривъ свою краткую рѣчь, Кольцо вмѣстѣ съ товарищами опустился на колѣни и преклонилъ голову до земли.

— Встаньте, добрые слуги мои! сказалъ Іоаннъ.—Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость. Подойди сюда, Иванъ!

И царь протянулъ къ нему руку, а Кольцо поднялся съ земли, и чтобы не стать прямо на червленое подножіе престола, бросилъ на него сперва свою баранью шапку, наступилъ на нее одною ногою, и низко наклонившись, приложилъ уста свои къ рукѣ Іоанна, который обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Благодарю преблагую и пресущественную Троицу, сказалъ царь, подымая очи къ небу:—зрю надо мною всемогущій промыселъ Божій, яко въ то самое время, когда тѣснятъ меня враги мои, и даже ближніе слуги съ лютостью умышляютъ погубить меня, всемилостивый Богъ даруетъ мнѣ верхъ и одолѣніе надъ погаными и славное приращеніе моихъ государствъ!

И обводя торжествующимъ взоромъ бояръ, онъ прибавилъ съ видомъ угрозы:

— Аще Господь Богъ за насъ, никто же на ны! Имѣющіе уши слышати да слышатъ!

Но въ то же время онъ почувствовалъ, что напрасно омрачаетъ общую радость, и обратился къ Кольцу, смягчая выраженіе очей.

— Какъ нравится тебѣ на Москвѣ? спросилъ онъ милостиво.—Видывалъ ли ты гдѣ такія палаты и церкви? Али, можетъ, ты уже прежде бывалъ здѣсь?

Кольцо улыбнулся скромно-лукавою улыбкой, и бѣлизна зубовъ его какъ будто освѣтила его смуглое загорѣлое лицо.

— Гдѣ намъ, малымъ людямъ, такія чудеса видѣть! сказалъ онъ, смиренно пожимая плечами:— намъ и во снѣ такой лѣпоты не снилось, великій государь! Живемъ на Волгѣ по-мужицки, про Москву только слухомъ слышимъ, а въ этомъ краю отродясь не бывывали!

— Поживи здѣсь,сказалъ Іоаннъ благоволительно;—я тебя изрядно велю угостить. А грамоту Ермака мы прочли и

вразумѣли, и уже приказали князю Болховскому да Ивану Глухову съ пятью стами стрѣльцовъ идти помогать вамъ.

— Премного благодарствуемъ, отвѣчалъ Кольцо, низко кланяясь:—только не мало ли будетъ, великій государь?

Іоаннъ удивился смѣлости Кольца.

— Вишь ты какой прыткій! сказалъ онъ, глядя на него строго.—Ужь не прикажешь ли мнѣ самому побѣжать къ вамъ на прибавку? Ты думаешь, мнѣ только и заботы что ваша Сибирь? Нужны люди на хана и на Литву. Бери что̀ даютъ, а обратнымъ путемъ набирай охотниковъ. Довольно теперь всякой голи на Руси. Вмѣсто чѣмъ докучать мнѣ по всѣ дни о хлѣбѣ, пусть идутъ селиться на тѣ новыя земли! И архіерею вологодскому написали мы, чтобъ отрядилъ десять поповъ, обѣдню вамъ служить и всякія требы исполнять.

— И на этомъ благодаримъ твою царскую милость, отвѣтилъ Кольцо, вторично кланяясь.—Это дѣло доброе; только не пожалѣй ужь, великій государь, поверхъ поповъ, и оружія дать намъ сколько можно, и зелья огнестрѣльнаго поболѣ!

— Не будетъ вамъ и въ этомъ оскудѣнія. Есть Болховскому про то указъ отъ меня.

— Да ужь и пообносились мы больно, замѣтилъ Кольцо, съ заискивающею улыбкой и пожимая плечами.

— Не бось, некого въ Сибири по дорогамъ грабить? сказалъ Іоаннъ, недовольный настойчивостью атамана.—Ты я вижу, ни одной статьи не забываешь для своего обихода, только и мы нашимъ слабымъ разумомъ обо всемъ уже подумали. Одежу поставятъ вамъ Строгоновы; я же положилъ мое царское жалованье начальнымъ и рядовымъ людямъ. А чтобъ и ты, господинъ совѣтчикъ, не остался безъ одежи, жалую тебѣ шубу съ моего плеча!

По знаку царя два стольника принесли дорогую шубу, покрытую золотою парчей, и надѣли ее на Ивана Кольцо.

— Языкъ-то у тебя, я вижу остеръ, сказалъ Іоаннъ,—а есть ли острая сабля?

— Да была не дурна, великій государь, только поиступилась маленько о сибирскія головы!

— Возьми изъ моей оружейной саблю, какая тебѣ болѣ приглянется, да смотри, выбирай по сердцу, которая покраше. А впрочемъ ты, я думаю, чиниться не будешь!

Глаза атамана загорѣлись отъ радости.

— Великій государь! воскликнулъ онъ:—изо всѣхъ твоихъ милостей эта самая большая! Грѣхъ было бъ мнѣ чиниться на твоемъ подаркѣ! Ужъ выберу въ твоей оружейной что ни на есть лучше! Только, прибавилъ онъ, немного подумавъ,—коли ты, государь, не жалѣешь своей сабли, то дозволь лучше отвезти ее отъ твоего царскаго имени Ермолаю Тимоѳеичу!

— Объ немъ не хлопочи, мы и его не забудемъ. А коли ты боишься, что я не сумѣю угодить на его милость, то возьми двѣ сабли, одну себѣ, другую Ермаку.

— Исполать же тебѣ, государь! воскликнулъ Кольцо въ восхищеніи.—Ужь мы этими двумя саблями послужимъ твоему царскому здоровью!

— Но сабель не довольно, продолжалъ Іоаннъ.—Нужны вамъ еще добрыя брони. На тебя-то мы, примѣривши, найдемъ, а на Ермака какъ бы за глаза не ошибиться. Какого онъ будетъ роста?

— Да, пожалуй, будетъ съ меня, только въ плечахъ пошире. Вотъ хоть бы съ этого молодца, сказалъ Кольцо, оборачиваясь на одного изъ своихъ товарищей, здороваго дѣтину, который, принесши огромную охабку оружія и сваливъ ее на землю, стоялъ позади его, съ разинутымъ ртомъ и не переставалъ дивиться, то на золотую одежду царя, то на убранство рындъ окружавшихъ престолъ. Онъ даже попытался вступить потихонку съ однимъ изъ нихъ въ разговоръ чтобъ узнать, не всѣ ли они царевичи? Но рында посмотрѣлъ на него такъ сурово, что тотъ не возобновлялъ болѣе вопроса.

— Принести сюда, сказалъ царь,—большую броню съ орломъ что̀ виситъ въ оружейной, на первомъ мѣстѣ. Мы примѣримъ ее на этого пучеглазаго!

Вскорѣ принесли тяжелую, желѣзную кольчугу, съ мѣдною каймой вокругъ рукавовъ и подола, и съ золотыми двуглавыми орлами на груди и спинѣ.

Кольчуга была скована на славу, и возбудила во всѣхъ одобрительный шепотъ.

— Надѣвай ее, тюлень! сказалъ царь.

Дѣтина повиновался, но сколько ни силился, онъ не могъ въ нее пролѣзть, и допихнулъ руки только до половины рукавовъ.

Какое-то давно забытое воспоминаніе мелькнуло, при этомъ видѣ, въ памяти Іоанна.

— Будетъ! сказалъ Кольцо, слѣдившій заботливымъ взоромъ за дѣтиной:—довольно пялить царскую кольчугу-то! Пожалуй, разорветъ ее, медвѣдь! Государь, продолжалъ онъ, кольчура добрая, и будетъ Ермолаю Тимоѳеичу въ самую пору; а этотъ потому пролѣзть не можетъ, что ему кулаки мѣшаютъ. Этакихъ кулаковъ ни у кого нѣтъ, окромѣ его!

— А ну-ка, покажи свой кулакъ? сказалъ Іоаннъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ дѣтину.

Но дѣтина смотрѣлъ на него въ недоумѣніи, какъ будто не понимая приказанія.

— Слышь ты, дурень, повторилъ Кольцо,—покажи кулакъ его царской милости!

— А коли онъ мнѣ за то голову срубитъ? сказалъ дѣтина протяжно, и на глупомъ лицѣ его изобразилось опасеніе.

Царь засмѣялся и всѣ присутствующіе съ трудомъ удержались отъ смѣха.

— Дуракъ, дуракъ! сказалъ Кольцо съ досадою: — былъ ты всегда дуракъ и теперь дуракомъ остался!

И высвободивъ дѣтину изъ кольчуги, онъ подтащилъ его къ престолу и показалъ царю его широкую кисть, болѣе похожую на медвѣжью лапу чѣмъ на человѣческую руку.

— Не взыщи, великій государь, за его простоту. Онъ въ рѣчахъ глупъ, а на дѣлѣ парень добрый. Онъ своими руками царевича Маметкула полонилъ.

— Какъ его зовутъ? спросилъ Іоаннъ, все пристальнѣе вглядываясь въ дѣтину.

— А Митькою! отвѣчалъ тотъ добродушно.

— Постой! сказалъ Іоаннъ, узнавая вдругъ Митьку:—ты никакъ тотъ самый, что̀ въ Слободѣ за Морозова бился и Хомяка оглоблей убилъ?

Митька глупо улыбнулся.

— Я тебя, дурня, сначала не призналъ, а теперь вспоминаю твою рожу!

— А я тебя сразу призналъ! отвѣтилъ Митька съ довольнымъ видомъ:—ты на высокомъ ослонѣ у самаго поля сидѣлъ!

Этотъ разъ всѣ громко засмѣялись.

— Спасибо тебѣ, сказалъ Іоаннъ, — что не забылъ ты

меня, малаго человѣка. Какъ же ты Маметкула-то въ полонъ взялъ?

— Жовотомъ навалился! отвѣтилъ Митька равнодушно и не понимая, чему опять всѣ захохотали.

— Да, сказалъ Іоаннъ, глядя на Митьку — когда этакій чурбанъ навалится, изъ-подъ него уйдти не легко. Помню какъ онъ Хомяка раздавилъ. Зачѣмъ же ты ушелъ тогда съ поля? Да и какъ ты изъ Слободы въ Сибирь попалъ?

Атаманъ толкнулъ Митьку непримѣтно локтемъ, чтобы онъ молчалъ, но тотъ принялъ этотъ знакъ въ противномъ смыслѣ.

— А онъ меня съ поля увелъ! сказалъ онъ, тыкнувъ пальцомъ на атамана.

— Онъ тебя увелъ? произнесъ Иванъ Васильевичъ, посматривая съ удивленіемъ на Кольцо.—А какъ же, продолжалъ онъ, вглядываясь въ него, какъ же ты сказалъ, что въ первый разъ въ этомъ краю? Да погоди-ка, братъ, мы, кажется, съ тобой старые знакомые. Не ты ли мнѣ когда-то про Голубиную Книгу разказывалъ? Такъ, такъ, я тебя узнаю. Да вѣдь ты и Серебрянаго-то изъ тюрьмы увелъ. Какъ же это, Божій человѣкъ, ты прозрѣлъ съ того времени? Куда на богомолье ходилъ? Къ какимъ мощамъ прикладывался?

И наслаждаясь замѣшательствомъ Кольца, царь устремлялъ на него свой проницательный, вопрошающій взглядъ.

Кольцо опустилъ глаза въ землю.

— Ну, сказалъ наконецъ царь, — что было, то было; а что прошло, то травой порасло. Повѣдай мнѣ только, зачѣмъ ты, послѣ рязанскаго дѣла, не захотѣлъ принести мнѣ повинной вмѣстѣ съ другими ворами.

— Великій государь, отвѣтилъ Кольцо, собирая все свое присутствіе духа,—не заслужилъ я еще тогда твоей великой милости. Совѣстно мнѣ было тебѣ на глаза показаться; а когда князь Никита Романычъ повелъ къ тебѣ товарищей, я вернулся опять на Волгу, къ Ермаку Тимоѳеичу, не приведетъ ли Богъ какую новую службу тебѣ сослужить!

— А пока мою казну съ судовъ воровалъ, да пословъ моихъ Кизилбашскихъ на пути къ Москвѣ грабилъ?

Видъ Ивана Васильевича былъ болѣе насмѣшливъ чѣмъ грозенъ. Со времени дерзостной попытки Ванюхи Перстня,

или Ивана Кольца, прошло семнадцать лѣтъ, а злопамятность царя не продолжалась такъ долго, когда она не была возбуждена прямымъ оскорбленіемъ его личнаго самолюбія.

Кольцо прочелъ на лицѣ Іоанна одно желаніе посмѣяться надъ его замѣшательствомъ. Соображаясь съ этимъ расположеніемъ, онъ потупилъ голову и погладилъ затылокъ, сдерживая на лукавыхъ устахъ своихъ едва замѣтную улыбку.

— Всякаго бывало, великій государь! проговорилъ онъ вполголоса:—виноваты передъ твоею царскою милостью!

— Добро, сказалъ Іоаннъ,—вы съ Ермакомъ свои вины загладили, и все прошлое теперь забыто; а кабы ты прежде попался мнѣ въ руки, ну, тогда не прогнѣвайся!..

Кольцо не отвѣчалъ ничего, но подумалъ про себя: „за тѣмъ-то я тогда и не пошелъ къ тебѣ съ повинною, великій государь!"

— Погоди-ка, продолжалъ Іоаннъ, — здѣсь долженъ быть твой пріятель!

— Эй! сказалъ онъ, обращаясь къ царедворцамъ:—здѣсь ли тотъ разбойничій воевода, какъ его? Микита Серебряный?

Говоръ пробѣжалъ по толпѣ, и въ рядахъ сдѣлалось движеніе, но никто не отвѣчалъ.

— Слышите? повторилъ Іоаннъ, возвышая голосъ: — я спрашиваю, тутъ ли тотъ Микита что отпросился къ Жиздрѣ съ ворами служить?

На вторичный вопросъ царя, выступилъ изъ рядовъ одинъ старый бояринъ, бывшій когда-то воеводою въ Калугѣ.

— Государь, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ,—того, о комъ ты спрашиваешь, здѣсь нѣтъ. Онъ въ тотъ самый годъ какъ пришелъ на Жиздру, тому будетъ семнадцать лѣтъ, убитъ Татарами, и вся его дружина вмѣстѣ съ нимъ полегла.

— Право? сказалъ Іоаннъ:—а я и не зналъ! Ну, продолжалъ онъ, обращаясь къ Кольцу:—на нѣтъ и суда нѣтъ, а я хотѣлъ васъ свести да посмотрѣть какъ вы поцѣлуетесь!

На лицѣ атамана выразилась печаль.

— Жаль тебѣ, что ли, товарища? спросилъ Іоаннъ съ усмѣшкой.

— Жаль, государь! отвѣчалъ Кольцо, не боясь раздражить царя этимъ признаніемъ.

— Да, сказалъ царь презрительно, — такъ оно и должно быть; свой своему поневолѣ братъ!

Вправду ли Іоаннъ не вѣдалъ о смерти Серебрянаго или притворился что не вѣдаетъ, чтобъ этимъ показать какъ мало онъ дорожитъ тѣми, кто не ищетъ его милости, Богъ вѣсть! Если же въ самомъ дѣлѣ онъ только теперь узналъ о его участи, то пожалѣлъ ли о немъ, или нѣтъ, это также трудно рѣшить; достовѣрно только, что на лицѣ Іоанна не написалось сожалѣнія. Онъ, повидимому, остался также равнодушенъ какъ и до полученнаго имъ отвѣта.

— Поживи здѣсь, сказалъ онъ Ивану Кольцу; — а когда придетъ время Болховскому выступать, иди съ нимъ обратно въ Югорскую землю... Да я было и забылъ, что Болховской свое колѣно отъ Рюрика ведетъ. Съ этими вельможными князьями управиться не легко; пожалуй, и со мной захотятъ въ разрядахъ считаться! Не всѣ они, какъ тотъ Микита, въ станичники просятся. Такъ чтобы не показалось ему обиднымъ быть подъ рукою казацкаго атамана, жалую нынѣ же Ермака княземъ Сибирскимъ! Щелкаловъ, сказалъ онъ стоявшему поодаль думному дьяку, изготовь къ Ермаку милостивую грамоту, чтобы воеводствовать ему надо всею землей Сибирскою, а Маметкула чтобы къ Москвѣ за крѣпкимъ карауломъ прислалъ. Да кстати, напиши грамоту и Строгоновымъ, что жалую-де ихъ за добрую службу и радѣніе: Семену Большую и Малую Соль на Волгѣ, а Никитѣ и Максиму торговать во всѣхъ тамошнихъ городахъ и острожкахъ безпошлинно.

Строгоновы низко поклонились.

— Кто изъ васъ, спросилъ вдругъ Іоаннъ,—излѣчилъ Бориса въ ту пору какъ я его осномъ поранилъ?

— То былъ мой старшій братъ, Григорій Аникинъ, отвѣчалъ Семенъ Строгоновъ.—Онъ волею Божьею прошлаго года умре!

— Не Аникинъ, а Аникьевичъ, сказалъ царь съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ:—я тогда же велѣлъ ему быть выше гостя и полнымъ отечествомъ называться. И вамъ всѣмъ указываю писаться съ *вичемъ* и зваться не гостями, а именитыми людьми!

Царь занялся разсмотрѣніемъ мягкой рухляди и прочихъ даровъ присланныхъ Ермакомъ, и отпустилъ Ивана

Кольцо, сказавъ ему еще нѣсколько милостивыхъ насмѣшекъ.

За нимъ разошлось и все собраніе.

Въ этотъ день Кольцо, вмѣстѣ съ Строгоновыми, обѣдалъ у Бориса Өедоровича, за многолюднымъ столомъ.

Послѣ обычнаго осушенія кубковъ во здравіе царя, царевича, всего царскаго дома и высокопреосвященнаго митрополита, Годуновъ поднялъ золотую братину и предложилъ здоровье Ермака Тимоөеевича и всѣхъ его добрыхъ товарищей.

— Да живутъ они долго на славу Русской земли! воскликнули всѣ гости, вставая съ мѣстъ и кланяясь Ивану Кольцу.

— Бьемъ тебѣ челомъ ото всего крещенаго міра, сказалъ Годуновъ, съ низкимъ поклономъ,—а въ твоемъ лицѣ и Ермаку Тимоөеичу, ото всѣхъ князей и бояръ, ото всѣхъ торговыхъ людей, ото всего люда русскаго! Пріими ото всей земли великое челобитіе, что сослужили вы ей службу великую!

— Да перейдутъ, воскликнули гости,—да перейдутъ имена ваши къ сыновьямъ, и ко внукамъ, и къ позднимъ потомкамъ, на вѣчную славу, на любовь и образецъ, на молитвы и поученіе!

Атаманъ всталъ изъ-за стола, чтобы благодарить за честь, но выразительное лицо его внезапно измѣнилось отъ душевнаго волненія, губы задрожали, а на смѣлыхъ глазахъ, быть-можетъ первый разъ въ жизни, навернулись слезы.

— Да живетъ Русская земля! проговорилъ онъ тихо, и поклонившись на всѣ стороны, сѣлъ опять на свое мѣсто, не прибавляя ни слова.

Годуновъ попросилъ атамана разказать что-нибудь про свои похожденія въ Сибири, и Кольцо, умалчивая о себѣ, сталъ разказывать съ одушевленіемъ про необыкновенную силу и храбрость Ермака, про его строгую справедливость и про христіянскую доброту, съ какою онъ всегда обходился съ побѣжденными.

— На эту-то доброту, заключилъ Кольцо,—Ермакъ Тимоөеевичъ взялъ, пожалуй, еще болѣе чѣмъ на свою саблю. Какой острогъ, или городъ ихный, бывало, ни завоюемъ, онъ тотчасъ всѣхъ тамъ обласкаетъ да еще и одаритъ.

А когда мы взяли Маметкула, такъ ужь не зналъ какъ и честить его; съ своихъ плечъ шубу снялъ и надѣлъ на царевича. И прошла про Ермака молва по всему краю, что подъ его руку сдаваться не тяжело; и много разныхъ князьковъ тогда же сами къ нему пришли и ясакъ принесли. Веселое намъ было житье въ Сибири, продолжалъ атаманъ;—объ одномъ только жалѣлъ я: что не было съ нами князь Никиты Романыча Серебрянаго; и ему бы по сердцу пришлось, и намъ вмѣстѣ было бы моготнѣе. Ты, кажется, Борисъ Өедорычъ, былъ въ дружбѣ съ нимъ. Дозволь же теперь про его память выпить!

— Царствіе ему небесное! сказалъ со вздохомъ Годуновъ, которому ничего не стоило выказать участіе къ человѣку столь уважаемому его гостемъ:—царствіе ему небесное! повторилъ онъ, наливая стопу:—часто я о немъ вспоминаю!

— Вѣчная ему память! сказалъ Кольцо, и осушивъ свою стопу, онъ опустилъ голову и задумался.

Долго еще разговаривали за столомъ, а когда кончился обѣдъ, Годуновъ и тутъ никого не отпустилъ домой, но пригласилъ каждаго сперва отдохнуть, а потомъ провести съ нимъ весь день. Угощенія слѣдовали одно за другимъ, бесѣда смѣняла бесѣду, и только позднимъ вечеромъ, когда объѣзжіе головы уже нѣсколько разъ проѣхались по улицамъ, крича чтобы гасили кормы и огни, гости разошлись, очарованные радушіемъ Бориса Өедоровича.

Прошло болѣе трехъ вѣковъ послѣ описанныхъ дѣлъ мало осталось на Руси воспоминаній того времени. Ходятъ еще въ народѣ преданія о славѣ, роскоши и жестокости грознаго царя, поются еще кой-гдѣ пѣсни про осужденіе на смерть царевича, про нашествія Татаръ на Москву и про покореніе Сибири Ермакомъ Тимоѳеевичемъ, котораго изображенія, вѣроятно несходныя, можно видѣть доселѣ почти во всѣхъ избахъ сибирскихъ; но въ этихъ преданіяхъ, пѣсняхъ и разказахъ—правда мѣшается съ вымысломъ, и они даютъ дѣйствительнымъ событіямъ колеблющіяся очертанія, показывая ихъ какъ будто сквозь туманъ и дозволяя воображенію возстановлять по произволу эти неясные образы.

Правдивѣе говорятъ о наружной сторонѣ того царство-

ванія нѣкоторыя уцѣлѣвшія зданія, какъ церковь Василія Блаженнаго, коей пестрыя главы и узорные теремки могутъ дать понятіе о причудливомъ зодчествѣ Іоаннова дворца въ Александровой слободѣ; или церковь Трифона Напруднаго, между Бутырскою и Крестовскою заставами, построенная сокольникомъ Трифономъ вслѣдствіе даннаго имъ обѣта, и гдѣ доселѣ видно изображеніе святаго угодника, на бѣломъ конѣ, съ кречетомъ на рукавицѣ [1].

Слобода Александрова, послѣ выѣзда изъ нея царя Ивана Васильевича, стояла въ забвеніи, какъ мрачный памятникъ его гнѣвной набожности, и оживилась только одинъ разъ, но и то на краткое время. Въ смутные годы самозванцевъ, молодой полководецъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, въ союзѣ съ шведскимъ генераломъ Делагарди, сосредоточилъ въ ея крѣпкихъ стѣнахъ свои воинскія силы и заставилъ оттуда польскаго воеводу Сапѣгу снять долговременную осаду съ Троицко-Сергіевской лавры.

Въ послѣдствіи, разказываетъ преданіе, въ одну жестокую зиму, въ январѣ мѣсяцѣ, къ ужасу жителей нашла на Александрову слободу черная туча, спустилась надъ самымъ дворцомъ и разразилась надъ нимъ громовымъ ударомъ, отъ котораго запылали терема и вся слобода обратилась въ пепелъ. Отъ жилища роскоши, разврата, убійствъ и святотатныхъ богослуженій не осталось и слѣда....

Да поможетъ Богъ и намъ изгладить изъ сердецъ нашихъ послѣдніе слѣды того страшнаго времени, вліяніе котораго, какъ наслѣдственная болѣзнь, еще долго потомъ переходило въ жизнь нашу отъ поколѣнія къ поколѣнію! Простимъ грѣшной тѣни царя Іоанна, ибо не онъ одинъ несетъ отвѣтственность за свое царствованье; не онъ одинъ создалъ свой произволъ, и пытки, и казни, и наушничество, вошедшее въ обязанность и въ обычай. Эти возмутительныя явленія были подготовлены предыдущими временами, и народъ, упавшій такъ низко, что могъ смотрѣть на нихъ безъ негодованія, самъ создалъ и усовершенствовалъ Іоанна, подобно тому, какъ раболѣпные Римляне временъ упадка создавали Тиверіевъ, Нероновъ и Калигулъ.

[1] Съ тѣхъ поръ какъ это написано, церковь Трифона Напруднаго такъ передѣлана, что ее узнать нельзя. Снаружи придѣлки, а внутренность переписана и перештукатурена въ новомъ вкусѣ. Все это вслѣдствіе пожертвованій *доброхотныхъ дателей*, какъ объясняютъ причетники.

Лица подобныя Василію Блаженному, князю Репнину, Морозову, или Серебряному, являлись не рѣдко какъ свѣтлыя звѣзды на безотрадномъ небѣ нашей русской ночи, но какъ и самыя звѣзды, они были безсильны разогнать ея мракъ, ибо свѣтились отдѣльно и не были сплочены, ни поддерживаемы общественнымъ мнѣніемъ. Простимъ же грѣшной тѣни Ивана Васильевича, но помянемъ добромъ тѣхъ, которые, завися отъ него, устояли въ добрѣ, ибо тяжело не упасть въ такое время, когда всѣ понятія извращаются, когда низость называется добродѣтелью, предательство входитъ въ законъ, а самая честь и человѣческое достоинство почитаются преступнымъ нарушеніемъ долга! Миръ праху вашему, люди честные! Платя дань вѣку, вы видѣли въ Грозномъ проявленіе Божьяго гнѣва и сносили его терпѣливо; но вы шли прямою дорогой, не боясь ни опалы, ни смерти; и жизнь ваша не прошла даромъ, ибо ничто на свѣтѣ не пропадаетъ, и каждое дѣло, и каждое слово, и каждая мысль, выростаетъ какъ древо; и многое доброе и злое, что̀, какъ загадочное явленіе, существуетъ понынѣ въ русской жизни, таитъ свои корни въ глубокихъ и темныхъ нѣдрахъ минувшаго.

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Народныя былины, старинныя побывальщины. Двѣ части. Москва. 1861—1862—г., въ 8 д. л.
Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Четыре выпуска. 1860—1862 г., въ 8 д. л.

VIII.

Познакомившись съ общимъ типомъ младшихъ богатырей, слѣдуетъ вглядѣться въ характеристическія примѣты, если не всѣхъ ихъ, чтобы не утомить вниманія читателя, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ болѣе видныхъ и главнѣйшихъ.

Самъ народный эпосъ помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отмѣчая то того, то другаго богатыря краткою и мѣткою характеристикою, вошедшею въ постоянный эпитетъ. Значитъ, индивидуальные характеры богатырей въ точности обозначились въ сознаніи народа, какъ рѣзко опредѣленныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ различныя стороны того идеала, какой олицетворяетъ себѣ русскій народъ въ поэтическомъ типѣ богатыря.

Илью Муромца отмѣчаетъ народный эпосъ силою, ухваткою и возрастомъ, а также таланомъ-участью; Чурилу Пленковича походкою щепливою и щегольствомъ, интересую-

---

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3 и 9.

щимъ женскій полъ; Дюка Степановича—имѣньемъ-богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самого князя Владиміра; Потока Михайлу Ивановича — богатырскою поѣздкою на добромъ конѣ; но съ особенною полнотою характеризуетъ эпосъ индивидуальныя особенности Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Нѣтъ никого въ Кіевѣ смѣлѣе Алеши и вѣжливѣе Добрыни, который отличается также тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ. У него вѣжество и врожденное и обученное:

> У него рѣчи привѣтливы,
> У него рѣчи умильныя,
> Онъ прельститъ и уговоритъ.

Добрыня обыкновенно выбирался въ послы для самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ, потому что онъ говорить гораздъ, въ рѣчахъ разуменъ, съ гостями почетливъ, а сверхъ того и грамотою востеръ. Алеша Поповичъ съ смѣлостью соединяетъ въ своемъ характерѣ задоръ и запальчивость: онъ „зарывчатъ". Ко всему этому онъ „бабій пересмѣшникъ и судейскій прелестникъ", сутяга, лгунъ клеветникъ [1].

Мѣстность, откуда богатырь былъ родомъ, и сословіе, къ которому принадлежалъ, безъ сомнѣнія, оказали свою долю вліянія на индивидуальныя качества богатырскихъ личностей. Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Малуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ. Отецъ его былъ родомъ изъ Любеча. Можетъ-быть, во времена Нестора ходили о Добрынѣ эпическія былины, внесенныя имъ въ лѣтопись, именно о томъ какъ Добрыня ставилъ истукановъ въ Новѣгородѣ, и какъ вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ преслѣдовалъ и обиралъ лапотниковъ. Но въ послѣдствіи, позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню Рязанцемъ, и даютъ ему прозвище *Златой Поясъ*. Какъ эпосъ переводитъ богатырей Владиміровыхъ въ періодъ татарскій, такъ и лѣтописи заставляютъ этого Добрыню Рязанца и какого-то Александра По-

---

[1] См. въ замѣткѣ ко II-й части Пѣсенъ Рыбник. стр. 38—41. А также Рыбник. I, 76. 120—II, 337. Кирѣевск. II, 5.

повича съ его слугою Торопомъ и семидесятью богатырями драться на Калкѣ съ Татарами, которые будтобы всѣхъ ихъ побили [1]. Если подъ Александромъ Поповичемъ надобно разумѣть пѣсеннаго Алешу, то и лѣтопись, также какъ и былина, сближаетъ судьбу и подвиги этого богатыря съ Добрынею.

Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ даютъ мѣстныя, эпическія краски извѣстной муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, которая, какъ мы уже знаемъ, была родомъ изъ рязанскихъ крестьянъ. Если Муромская область соединила свои поэтическія преданія съ крестьянскимъ идеаломъ Ильи Муромца, то сосѣдняя съ нею область Рязанская усвоила себѣ идеалъ княжескій въ лицѣ вѣжливаго и грамотнаго Добрыни Никитича.

Ростовъ съ давнихъ временъ славился своими церковными преданіями, связывающими утвержденіе христіянства въ этомъ городѣ съ самыми ранними сказаніями о Кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ XIII и XIV вѣкахъ этотъ же городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившаго себѣ поддержку въ покровительствѣ татарскихъ хановъ, въ теченіе столѣтней борьбы съ мѣстными князьями, какъ въ подробности свидѣтельствуетъ о томъ ростовская легенда о Петрѣ Царевичѣ Ордынскомъ [2]. Если Сергій Радонежскій съ своими грамотными и дѣятельными учениками оказалъ не малое содѣйствіе въ просвѣщеніи Москвы, то надобно припомнить, что онъ родомъ былъ изъ Ростовской области, откуда его благочестивая фамилія выселилась въ предѣлы Радонежскіе. Даже самъ Новгородъ, знаменитый, по тогдашнему, своею образованностью, въ XV вѣкѣ заимствовался книжными сокровищами изъ Ростова, гдѣ искалъ себѣ многихъ рѣдкихъ книгъ новгородскій архіепископъ Геннадій. Въ народѣ доселѣ славится Ростовъ своими церквами и крестами. „Ѣздилъ чортъ въ Ростовъ, говоритъ пословица, да испугался крестовъ“ [3]. Народный эпосъ, всегда вѣрный историческимъ и мѣстнымъ преданіямъ, знаетъ въ Ростовѣ *стараго попа*

---

[1] Лѣтописныя свидѣтельства. См. въ примѣч. ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевск., стр. 17.

[2] См. во II-мъ томѣ моихъ *Историч. Очерковъ*.

[3] Даля, *Пословицы*. Стр. 351.

соборнаго, сыномъ котораго былъ знаменитый Алеша Поповичъ.

Если личность этого богатыря изображается особенно не въ выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ другими его товарищами, то это слѣдуетъ приписать, конечно, той причинѣ, что онъ, покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣнялъ званіе церковнослужителя на бродяжничество. Сначала, въ древнѣйшихъ былинахъ, какъ богатырь-убійца Тугарина Зміевича, Алеша Поповичъ могъ имѣть какое нибудь иное значеніе, независимое отъ столкновеній между сословіями, но въ послѣдствіи онъ сталъ представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ церковнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго сорта, и о которыхъ, судя по пословицамъ, народъ имѣетъ не очень выгодное понятіе.

Какъ мало Алеша воспользовался выгодами своего происхожденія видно изъ того, что онъ даже не выучился у отца своего грамотѣ [1]. Когда онъ съ Екимомъ Ивановичемъ, выѣхавши изъ Ростова, увидѣлъ на перекресткѣ камень съ подписью, то не умѣлъ самъ прочесть ее, а заставилъ своего товарища, называя его „въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ". На камнѣ были означены три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ. Товарищи выѣхали, какъ видно, безъ всякой цѣли, просто бродяжничать; потому что Екимъ спрашиваетъ: „Куда же намъ ѣхать?" „А поѣдемъ лучше къ городу Кіеву, отвѣчаетъ Алеша, къ ласковому князю Владиміру".

Другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами; Алеша норовитъ убить украдкою. Уже только что пустился онъ на богатырскіе подвиги, тотчасъ же поднялся на хитрости. Перерядился въ платье калики перехожаго, съ тѣмъ чтобъ убить Тугарина врасплохъ. Но тутъ онъ его только зашибъ, а убиваетъ уже въ другой разъ, и опять также нечестно. Рѣшено было между ними драться одинъ на одинъ. Тугаринъ дѣйствительно одинъ и явился; но Алеша, чтобы заставить его обернуться назадъ, вдругъ закричалъ ему: „зачѣмъ же это ты привелъ съ собою подмогу?" Тугаринъ оглянулся назадъ, а Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.

---

[1] Кирш. Данил. У Кирѣевск. II, 70.

Хоть и нечестно одолѣлъ богатырь этого врага, но съ тѣхъ поръ прославился при дворѣ князя Владиміра, какъ убійца Тугарина Зміевича.

Еще въ худшемъ свѣтѣ является Алеша въ своихъ интригахъ съ женскимъ поломъ. Вѣроятно, уже при дворѣ княженецкомъ, между богатырскою дружиною, на первыхъ же порахъ прослылъ онъ „бабьимъ пересмѣшникомъ", по поводу тѣхъ насмѣшекъ, которыми онъ безпощадно преслѣдовалъ самое княгиню Апраксѣевну за ея преступную связь съ Тугаринымъ.

Издѣваться надъ женщиною и срамить ее — было для Алеши ни по чемъ. Точно будто для того и заводилъ онъ любовныя интриги, чтобы потомъ самому же огласить скандалъ. Однажды хвалились двое братьевъ своею родною сестрою, что она и пригожа и скромна, на улицу не ходитъ, въ хороводы не играетъ, даже въ окошко не смотритъ, бѣлаго лица не кажетъ. Случился тутъ Алеша, и съ безстыднымъ цинизмомъ, безъ всякой побудительной причины, разгласилъ передъ братьями, что онъ частенько посѣщаетъ ихъ пригожую сестру. Братья срубили сестрѣ голову, и —

Покатилась головка
Алешенькѣ подъ ножки.
А Богъ суди Алешу:
Не далъ пожить на свѣтѣ [1].

Особенно обезславился Алеша Поповичъ своими фальшивыми продѣлками въ семействѣ Добрыни Никитича [2]. Мы уже познакомились съ величавою личностью супруги Добрыниной, Настасьи Микуличны. Вышедши замужъ, она покинула свои воинскіе обычаи, даже будто утратила прежнюю великанскую силу, и стала кроткою и покорною супругою, существомъ вполнѣ женственнымъ, любящимъ и преданнымъ. Хозяйствомъ въ домѣ распоряжается ея свекровь, матера вдова, которую былина называетъ иногда Амелфою Тимоѳеевною, иногда другими именами. Она же учитъ свою невѣстку уму-разуму. Добрыня безпрекословно повинуется своей матери, уважаетъ ее и горячо любитъ.

Семейное благоденствіе Добрыни было нарушено его

---

[1] Кирѣевск. II, 64.
[2] Кирѣевск. II. 11. 31. Рыбник, I, 130, II, 22.

многолѣтнею отлучкою. Князь послалъ его на разные богатырскіе подвиги. Добрыня наскоро собирается въ путь, и прощается съ своею матерью и женою. И провожала Добрыню его родная матушка, простилась съ нимъ и воротилась, домой пошла, сама плакала; стала по палатамъ похаживать, стала жалобно голосить съ причитаніями. А между тѣмъ, Настасья Микулична сидитъ, не тронется съ мѣста; поражена ли она была и глубоко огорчена нечаянною разлукою съ мужемъ, или просто сконфузилась, и отъ непривычки ласкаться къ мужу при людяхъ, въ наивности своей не знаетъ что̀ ей дѣлать и что̀ сказать. Тогда Амелфа Тимоѳеевна, обратившись къ ней, внушительно говорила, уча уму-разуму: „Молодая Настасья Микулична! Что̀ жь ты сидишь да высиживаешь? Что̀ же ты не спрашиваешь Добрынюшку, надолго ли ѣдетъ онъ во чисто поле, долго ли намъ ждать его изъ чиста поля?“ Тутъ Настасья Микулична скоро побѣжала на широкій дворъ, брала Добрыню за бѣлыя руки, цѣловала его въ уста, провожала его у праваго стремени, а сама спрашивала: „Мужъ мой любезный Добрыня Никитичъ! Надолго ли уѣзжаешь, долго ли намъ ждать тебя?“ Добрыня наказываетъ ждать три года, и еще три года, а потомъ „хоть вдовой сиди, хоть замужъ иди“, присовокупляетъ онъ: „Только не ходи за Алешу Поповича: онъ бабій пересмѣшникъ и *пустохвастъ*, пустымъ хвастаетъ“.

Уѣхалъ Добрыня. Жена ждетъ его годъ, другой, третій. Время незамѣтно идетъ:

Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года:
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

И опять дождь дожжитъ, и трава растетъ, опять по прежнему рѣка бѣжитъ. Прошло еще три года, а Добрыни все нѣтъ.

Настасья Микулична честно исполнила заповѣдь мужнюю, прождала шесть годовъ; потомъ наложила на себя свою заповѣдь женскую, ждетъ еще шесть годовъ. Между тѣмъ сватается къ ней Алеша Поповичъ, и разказываетъ такую выдумку: „Былъ я въ чистомъ полѣ: по примѣтамъ знать, что Добрынюшки въ живыхъ нѣтъ. Голова у

Добрыни отсѣчена, отъ туловища откатилась. Выклевали вороны ясны очи, даже травы проросли сквозь ясныя очи, и цвѣтутъ цвѣты лазоревы". Долго Настасья отказывалась, наконецъ принуждена была силою и угрозою отъ самого князя Владиміра, и повѣнчалась съ Алешей Поповичемъ. Но только что ихъ привели отъ вѣнца, возвращается въ Кіевъ самъ Добрыня. Онъ такъ измѣнился, что сама мать до тѣхъ поръ не могла его признать пока не увидѣла у него подъ правою пазухою родимаго пятнышка. Точно также по примѣтѣ узнаютъ возвратившагося домой Одиссея: обыкновенный эпическій мотивъ. Пиръ для свадьбы Алешиной устроилъ у себя самъ князь Владиміръ. Добрыня идетъ туда, переряженный скоморохомъ, и Настасья узнавъ въ немъ своего мужа черезъ посредство золотаго кольца, которое онъ опустилъ ей въ кубокъ (опять обыкновенный эпическій мотивъ), скочила черезъ дубовый столъ, и упавши къ ногамъ Добрыни, стала слезно умолять его:

Мила моя ладушка,
Крѣпкая сдержавушка, стѣна городовая,
Изъ-по имени Добрынюшка Никитиничъ!
Прости меня во винности и во глупости,
Во всякихъ во проступочкахъ!
Возьми меня за волосы за женскіе,
Привяжи меня ко стремени сѣдельному,
Поразмыкай меня по чисту полю!

Какъ кажется, Добрыню тронули эти искреннія выраженія отчаянія и раскаянія. По крайней мѣрѣ всю вину въ этомъ дѣлѣ онъ снимаетъ съ нея на другихъ. Онъ говоритъ женѣ:

Что не дивую я разуму-то женскому
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою,
Они у живаго мужа жену просватали.

Дѣло это было такое негодное, что по свидѣтельству былины „тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло." Мы уже не разъ видѣли участіе князя въ неправыхъ дѣлахъ, даже въ преступленіи: но народный эпосъ постоянно

отдаетъ ему справедливость въ томъ, что онъ сознается въ своей винѣ и стыдится дурныхъ поступковъ.

Послѣ того проситъ у Добрыни прощенія самъ Алеша Поповичъ, но какъ-то нахально, иронически: „Прости, говоритъ онъ, братецъ названый, что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой жены Настасьи Микуличны.“ Добрыня тоже называетъ его братцемъ, и охотно прощаетъ его въ этой винѣ; но никогда не проститъ ему другой вины, объясняя ее въ слѣдующихъ словахъ, проникнутыхъ самою нѣжною и преданною любовью сыновнею:

А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ:
Такъ тогда государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Этой вины тебѣ не прощу.

Потомъ онъ ухватилъ Алешку за желтыя кудри, выдернулъ его черезъ дубовый столъ, бросалъ о кирпичатой полъ, пнулъ его подъ лавку. Былина казнитъ негодяя срамомъ и общимъ презрѣніемъ:

Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Алеша на чужую дальнюю сторону.

Народный эпосъ, давая предпочтеніе Добрынѣ передъ Алешею въ нравственномъ отношеніи, кажется, наклоненъ къ тому, чтобы заслонить и богатырскій подвигъ послѣдняго въ убіеніи Тугарина Зміевича знаменитымъ подвигомъ Добрыни въ очищеніи Русской земли отъ страшнаго Змія Горынича и всего его змѣинаго отродья, между которымъ могъ подразумѣваться и Тугаринъ Зміевичъ, то-есть, одинъ изъ сыновей Змія. Пресловутый подвигъ уже на роду былъ написанъ Добрынѣ Никитичу:

А стары люди пророчили,
Что быть Змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича.

Этотъ змѣй въ былинахъ называется то просто Зміемъ, то ворономъ, то невѣжею, то даже Тугаринымъ. Когда еще Добрыня жилъ въ Рязани у своей матери, такъ она говорила ему объ этомъ чудовищѣ:

Дитя ты мое, чадо милое!
Невѣжа-то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
Берегись ты отъ Невѣжи Черна Ворона.

Не обманомъ, какъ Алеша, убиваетъ Добрыня это чудовище, а отчаянною борьбою, открытымъ боемъ на волнахъ Почай, или Израй-рѣки; потому что Добрыня, какъ старинный Варягъ-мореходецъ, „охочъ былъ ныркомъ нырять.“ Если Алеша убиваетъ, въ лицѣ Тугарина, любовника княгини Апраксѣевны, то Добрыня болѣе существенную услугу оказываетъ Владиміру, спасая изъ плѣна отъ Змія Горынича его княженецкую сестру Марью Дивовну или его племянницу Запаву Путятишну. Разсѣкши Змія на мелкія части, Добрыня сожигаетъ его на огнѣ [1].

Убіеніе Змія относится къ самымъ раннимъ подвигамъ Добрыни, совершеннымъ еще на родинѣ. Явившись ко двору князя Владиміра, онъ уже могъ засвидѣтельствовать всѣмъ и каждому о своемъ богатырскомъ дѣлѣ, привезши съ собою изъ плѣну княженецкую родственницу. Этотъ подвигъ, какъ кажется, составляетъ первоначальное зерно, изъ котораго потомъ развивался эпическій типъ Добрыни. Затѣмъ, его встрѣча съ богатырскою невѣстой и наконецъ семейныя несчастія, по проискамъ Алеши, все это способствовало въ высокой степени къ возбужденію и поддержанію живѣйшей симпатіи народа къ свѣтлой личности Добрыни Никитича, котораго, послѣ муромскаго крестьянина, безъ сомнѣнія, надобно признать главнѣйшимъ между богатырями цикла Владимірова. Въ послѣдствіи, столкновенія между сословіями могли набросить нѣкоторую тѣнь на его княжескій характеръ, однако не настолько, чтобы заглушить въ немъ ранніе начатки русской цивилизаціи, наивно обозначаемые въ былинахъ *вѣжествомъ*. Это *вѣжество* такъ срослось съ эпическимъ типомъ Добрыни, что

---

[1] Кирѣевск. II, 51. 26. Рыбник. II, 16. 17.

даже самъ Змій, котораго поражаетъ этотъ богатырь, есть не только разрушительное чудовище, фантастическій призракъ миѳической старины, но и преставитель грубаго невѣжества, почему и называется *невѣжею.*

IX.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближая ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было заѣзжихъ иностранцевъ, между которыми *Слово о полку Игоревѣ* называетъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи дѣтямъ* свидѣтельствуетъ, что отецъ его, живя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій *Патерикъ* повѣствуетъ о варяжскихъ, то-есть, норманскихъ пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монашествующихъ съ Армянами, Ляхами. Народный эпосъ, подкрѣпляя свидѣтельства историческихъ памятниковъ, до нашихъ временъ поддерживаетъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри *заѣзжіе*, то-есть прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ напримѣръ, Соловей Будиміровичъ, съ кораблемъ котораго мы уже знакомы по подробному эпическому описанію. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владиміра и его княгиню заморскими подарками, строитъ дотолѣ не бывалыя въ Кіевѣ палаты, и вошедши къ князю въ любовь, женится на его племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ. Другіе богатыри сами совершали отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай „много земель знавалъ", потому онъ и „говорить гораздъ"; Добрыня ѣздилъ въ Царьградъ. Есть цѣлая былина о походѣ въ этотъ городъ и другихъ богатырей Владиміровыхъ. Расширяя поприще богатырскимъ подви-

гамъ, народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и др.; часто упоминаетъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ [1]. Особенно часто встрѣчаются любопытные намеки на сношенія кіевской Руси съ Польшею, Литвою и съ Волынемъ Галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское. Дунай жилъ у короля литовскаго три года въ конюхахъ, чашникахъ и стольникахъ; иногда этотъ король называется Ляховинскимъ, то-есть, Ляшскимъ, Ставръ Годиновичъ, женатый на извѣстной уже намъ Василисѣ Микуличнѣ, былъ родомъ изъ богатой земли Ляховецкой. Потокъ Михайло Ивановичъ однажды выигралъ въ шахматы у короля ляховецкаго его польскую державу. Самъ Илья Муромецъ былъ подъ городомъ Кряковомъ (Краковъ?) и освободилъ его отъ враговъ; также былъ въ связи съ какою-то литовскою королевой [2]. Въ изданіи г. Рыбникова есть цѣлая былина о двухъ королевичахъ изъ Крякова, также о двухъ литовскихъ королевичахъ.

Черниговъ, также какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву. Въ Черниговѣ царствуетъ какой-то царь Черниговъ или Черниговецъ, у котораго богатырь Иванъ Годиновичъ служилъ въ столовыхъ ключникахъ, и потомъ увезъ дочь, царевну Авдотью Лебедь Бѣлую. Извѣстная уже намъ былина о томъ, какъ князь Владиміръ хотѣлъ отнять себѣ жену Данилы Денисьевича, есть не что̀ иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Кіева съ Черниговомъ. Когда Владиміръ выслалъ противъ Чернигова войско, Данило сказалъ то же самое что̀ обыкновенно говаривали древніе князья періода междоусобій:

Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

Въ Кіевѣ иногда случался какой-то владыка черниговскій. Онъ обыкновенно одинъ держитъ закладъ противъ князя Владиміра и всей его дружины въ спорѣ о состязаніи богатырей между собою. Однажды, выигравши закладъ, черниговскій владыка тотчасъ же—

---

[1] Рыбник. I, 188. Кирѣевск. II, 33. 35.—IV, 25—III, 113. Рыбник. I, 63. 236. Кирѣевск. II, 7. 25. 50. 72.

[2] Рыбник. I, 180. 24 .—II, 65. Кирѣевск. III, 54. IV, 4.

Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватать корабли
Съ тѣми товары заморскими:
А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ. [1]

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кіевскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было внести въ народный эпосъ новое, богатое содержаніе, и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя, и нѣкоторыхъ изъ его богатырей.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Оба богатыря, соперники въ богатствѣ и щегольствѣ, и оба заѣзжіе: Чурила изъ Малаго Кіевца, Дюкъ изъ Волынца, Красна-Галичья, или какъ поется въ иныхъ былинахъ,—

— изъ Галицы проклятыя,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Со славнаго съ богата Волынь-города.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индіею богатой. Кіевъ ей завидуетъ, и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владиміръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель; но его грубая сила встрѣчаетъ себѣ отпоръ въ неистощимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе невѣжеству. Таковъ общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ галицкою Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Обращаясь къ самимъ былинамъ, сначала надобно познакомиться съ Чурилою Пленковичемъ.

Однажды являются передъ князя Владиміра, толпа за толпою, нѣсколько сотъ удалыхъ молодцовъ, избитые и израненые, и увѣдомляютъ, что отправившись, по его повелѣнію, на рыбную ловлю и охоту, они ничего ужь не могли

---

[1] Кирѣевск. III, 5. 8. 12. 20. 37.—II, 77.

добыть: все повыловлено храброю дружиной нѣкоего Чурилы Пленковича, который живетъ въ Маломъ Кіевцѣ, на рѣкѣ на Сорогѣ.

Итакъ, Чурило Пленковичъ—лицо самостоятельное, какъ бы удѣльный князь, съ собственною дружиной. Чтобы подчинить его своему вліянію, Владиміръ отправляется къ нему въ гости.

Дворъ у него (у Чурилы) на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ...
Первыя у него ворота вальящатыя,
Другія ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловяныя...
Середи двора свѣтлицы стоятъ.

Чурилы дома не случилось. Князя встрѣчаетъ отецъ богатыря, самъ Пленъ, или Пленчище Сорожанинъ, и ведетъ его—

Во сѣни ведетъ во рѣшетчатыя,
Во другія ведетъ часто-берчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя,
И въ терема ведетъ златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори—и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Является и Чурило съ своею щегольскою дружиной; но самъ онъ всѣхъ щеголеватѣе и красивѣе: у него—

Волосанки—золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ
Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна соболя.
Съ коня на конь перескакиваетъ,
У молодцовъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

Юность самая свѣжая и задорная такъ и пышетъ въ этомъ игривомъ типѣ народнаго эпоса! Въ описаніи костюма Чурилы и его дружины, пѣвецъ особенное вниманіе

обращаетъ на ихъ модные сапоги, востроносые и на высокихъ коблукахъ (это была дружина не лапотная):

Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьянъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты востры.
Около носовъ-косовъ яйцо покати,
Подъ пяту-пяту воробышко летитъ,
Воробышко летитъ, перепурхиваетъ.

Князь Владиміръ находитъ, что такому хвату не подобаетъ *въ деревнѣ* жить: „Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить!“ и беретъ его къ себѣ въ Кіевъ, сначала въ званіи придворнаго *постельника*:

Чтобъ сталъ онъ (князю) перину пуховую,
И кладалъ бы зголовьице высокое,
И сидѣлъ бы у зголовьица высокаго,
Игралъ бы въ гуселышки яровчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владиміра.

Пріѣзжаетъ Чурила въ Кіевъ, ѣдетъ по улицамъ. Онъ такой красавецъ, что всѣ на него заглядѣлись:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—лишь оконницы звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ—манатьи (мантіи) на себѣ дерутъ....
Какъ стары старухи костыли грызутъ—
Все глядючись на молода Чурилу Пленковича.

И живетъ Чурила въ постельникахъ, и сидючи у князя съ княгиней въ изголовьи, играетъ въ гусли—

Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того.

Потомъ князь возвелъ его въ должность *позовщика*, то-есть церемоніймейстера, созывающаго князей и бояръ на княженецкіе пиры. По свидѣтельству былины, позовщикъ долженъ былъ брать въ княжескую казну со всякаго позваннаго гостя извѣстную сумму денегъ: это именовалось *зватое*. Такъ однажды князь Владиміръ послалъ Чурилу звать гостей:

А *зватаго* приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

Въ то время какъ Чурила Пленковичъ служилъ при дворѣ князя Владиміра въ позовщикахъ, прибылъ туда ругой щеголь, Дюкъ Степановичъ, изъ Волынца Красна-

Галичья. Былина распространяется въ описаніи его красиваго коня и великолѣпнаго оружія, и особенно медлитъ на извѣстныхъ уже намъ знаменитыхъ трехъ стрѣлкахъ.

Самъ Чурила позавидовалъ такому щеголю, и стоя по правую сторону князя Владиміра, говоритъ ему, что это навѣрное не Дюкъ Степановичъ, а какой-нибудь бродяга, *дворянскій холопъ*, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ отзывается Даніилъ Заточникъ въ своемъ моленіи къ князю.

Между тѣмъ, Дюкъ Степановичъ, присматриваясь къ Кіеву и къ тамошнему житью-бытью, находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы и церкви не такія, какъ на Волыни; даже самое угощеніе на пирахъ князя Владиміра кажется ему не вкусно послѣ роскошнаго житья у себя дома.

На все въ Кіевѣ смотритъ онъ свысока; ничто не удовлетворяетъ его изысканнаго вкуса. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ пошелъ онъ къ обѣднѣ:

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владиміра взглянетъ—
Только головой пошатаетъ,
На Апраксію королевичну взглянетъ—
И рукой махнетъ.

„Слыхалъ я отъ родителя батюшки, говорилъ онъ потомъ на княженецкомъ пиру, что Кіевъ городъ очень красивъ; а вотъ въ Кіевѣ у васъ не по нашему: церкви у васъ всѣ деревянныя, маковки на церквахъ осиновыя. Мостовыя у васъ черною землей засыпаны: полило ихъ дождевою водою, стала грязь по колѣна—вотъ и замаралъ я сапожки зеленъ сафьянъ. А у моей государыни матушки, у честной вдовы Амелфы Тимоѳеевны, такъ церкви все каменныя, известкой обѣлены, маковки на церквахъ самоцвѣтныя. Крыши на домахъ золоченыя; мостовыя посыпаны рудожелтыми песками и устланы сорочинскими сукнами: ужь не замарать тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ, идучи въ церковь Божію.“ И сидитъ онъ на пиру не пьянъ, не веселъ:

Повѣшана буйна голова ниже плечъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ.

Возьметъ колачъ, верхнюю корочку отломитъ, съѣстъ, а нижнюю броситъ, потому что она кажется ему грязна, пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лаханью. Одну чару вина выпьетъ, другую выльетъ за окно: „ваши напиточки, говоритъ онъ, затхлые, пить не пріятные. А вотъ какъ у насъ въ Индіи богатой, въ Галиціи, въ славномъ Волынь-городѣ, у моей государыни матушки—

....Меда сладкіе, водочки стоялыя,
Повѣшены въ бочки сороковки,
Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебрены:
Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Какъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ:
Такъ вѣкъ не затхнутся напиточки сладкіе:
Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
Другу пьешь—третья съ ума нейдетъ.

Другой разъ онъ выразился такъ: „Чарочку пьешь—губы слипаются.“

Подстрекаемый завистью своего придворнаго щеголя Чурилы Пленковича, князь Владиміръ предлагаетъ Дюку состязаться съ Чурилою въ ловкости и щегольствѣ. „Вижу говоритъ онъ Дюку, что ты молодецъ захвастливый. А ты ударься-ко съ Чурилою о великій закладъ, что вамъ ѣхать въ чистое поле *поляковать*, на цѣлые три года и на три дни, чтобы каждый день кони были смѣнные, и все чтобы были другой шерсти; чтобы цвѣтныя платья были, что ни день, перемѣнныя, и чтобы все были другаго цвѣта; а въ послѣдній день идти вамъ къ Божіей церкви, и который изъ васъ добрѣе выступитъ,—другому голову рубить.“

Чурила съ Дюкомъ такъ и состязались конями и щегольскою одеждою, ежедневно *полякуя* ровно три года. Наконецъ, въ послѣдній день, въ рѣшительный срокъ ихъ состязанія, въ самое свѣтлое Христово Воскресеніе, оба они должны были явиться въ церковь къ заутренѣ. Кто щеголеватѣе одѣнется, тотъ и выиграетъ закладъ о буйной головѣ.

Чтобъ идти вслѣдъ за былинами дальше, надобно сдѣлать два замѣчанія.

Вопервыхъ, Чурило и Дюкъ передъ судомъ публики показываютъ свое щегольство именно въ церкви, а не въ ка-

комъ другомъ мѣстѣ, совершенно согласно съ бытомъ древней Руси, которая видѣла въ церкви самое главное и удобнѣйшее мѣсто для публичныхъ сборищъ, столько же для молитвы, сколько и для развлеченій. Тутъ можно было узнать какую-нибудь новость, передать сплетню, высмотрѣть жениха или невѣсту. Только въ церкви же можно было передъ всѣми показать свой великолѣпный нарядъ. Старинные документы не рѣдко возстаютъ противъ разныхъ неприличій происходившихъ въ церквахъ.

Вовторыхъ, въ костюмѣ состязающихся преимущественно описываются пуговицы,—тоже вполнѣ согласно съ бытомъ русской старины, которая, какъ видно изъ рядныхъ записей и другихъ описей, послѣ иконъ, особенное вниманіе обращала на *низанье* и *сажанье,* то-есть, на ожерелья и драгоцѣнные камни, и на ювелирныя вещи, а между ними почти всегда на пуговицы. Надобно приготовиться встрѣтить въ эпическомъ описаніи пуговицъ и петелекъ что-то фантастическое, необычайное, въ смѣломъ переходѣ отъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго; потому что эпическая фантазія, воодушевившись красотою описываемаго предмета, по своей юношеской живости, наивно его одушевляетъ, и бездушное представляетъ живымъ и дѣйствующимъ. Конечно, въ такомъ эпическомъ мотивѣ не надобно видѣть ничего миѳическаго или символическаго: это не болѣе, какъ наивная игра безыскусственной фантазіи, но все же фантазіи эпической, воспитанной вѣрою въ чудесное, и привыкшей безпрестанно смѣшивать дѣйствительность съ міромъ идеальнаго.

Надобно имѣть въ виду эти замѣчанія, чтобы вполнѣ понять и по достоинству оцѣнить неподражаемую красоту и художественную грацію слѣдующихъ описаній, которыя могутъ быть смѣло постановлены на ряду съ самымъ лучшимъ что̀ гдѣ-либо создавала прекраснаго народная эпическая фантазія.

Итакъ, оба соперника являются въ церковь.

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;

Въ пуговки воплетено по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетено по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются.

Какъ ни граціозенъ этотъ мотивъ, но фантазія народная имъ не ограничилась, не остановилась на немъ, какъ на явленіи вполнѣ исчерпывающемъ идею. Иначе, тѣ же дѣйствующія лица, изображенныя въ пуговкахъ и петляхъ, представляются, напримѣръ, въ слѣдующей сценѣ:

Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ—
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

По другому варіанту, описывается тотъ же предметъ, можетъ-быть, такъ же прекрасно, хотя и не съ такою нѣжною граціей. Эта красота другаго уже тона, столь же игривая, но будто съ оттѣнкомъ какого-то наивнаго страха.

Чурила Пленковичъ становится на правый крилосъ, Дюкъ Степановичъ—на лѣвый.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки—
Плыветъ змѣище Горынчище:
Тутъ всѣ въ церкви пріужаснулися,
Сами говорятъ таково слово:
„Что у нашего Чурилушки Пленковича
„Есть отметочка противъ молода боярина;
„Противъ молода Дюка Степановича."

Видя удачу своего соперника, Дюкъ Степановичъ запечалился, повѣсилъ голову, потупилъ очи въ землю, а

Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Вдругъ запѣли птицы пѣвучія,
Закричали звѣрки все рыкучіе:
А тутъ всѣ въ церкви да о земь пали,
О земь пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
„Пріуйми-тко птицы ты клевучія,
„Призакличь-ка звѣрей тѣхъ рыкучіихъ,
„Оставь людей намъ хоть на сѣмены.“

Эта затѣйливая сцена, будто игривая пародія на извѣстный эпизодъ о Соловьѣ Разбойникѣ, который столько же бѣды причинилъ при дворѣ князя Владиміра своимъ змѣинымъ свистомъ и звѣринымъ ревомъ.

Итакъ, Чурила Пленковичъ проигралъ закладъ. Онъ долженъ потерять свою голову. Тогда говорилъ Владиміръ князь Дюку Степановичу:

Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.

Хоть для памяти—сказано въ высокой степени наивно, но со злою ироніею, которая дополняется слѣдующею затѣмъ рѣчью Дюка Степановича:

Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
Пусть ты княземъ Владиміромъ упрошенный,
Пусть ты кіевскими бабами уплаканный!
Не ѣзди съ нами, со бурлаками,
А сиди во градѣ во Кіевѣ,
Ты въ Кіевѣ во градѣ между бабами.

Впрочемъ Чурила не сдобровалъ; онъ такъ и погибъ отъ своего вѣтренаго щегольства и волокитства. Разъ завелъ онъ интригу съ молодою женой одного старика, Берматы Васильевича. Объ этой интригѣ пошла по городу слѣдующая сплетня:

Поутру рано-ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояре пошли къ заутрени.
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
„Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай.“
А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
„Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай:
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ Прекрасныя.“

Наконецъ старикъ дознался о своемъ безчестіи, засталъ Чурилу у своей жены и убилъ его. Мы уже видѣли какъ

катилась срубленная голова Чурилина, будто жемчужина обагренная кровью. Даже самую смерть этого красиваго щеголя былина смягчаетъ граціознымъ уподобленіемъ.

Сколько въ поэтическомъ отношеніи замѣчательно состязаніе Дюка съ Чурилой, столько для исторіи русскаго быта важенъ эпизодъ о томъ, какъ князь Владиміръ, по неудовольствію ли на Дюка, или скорѣе по алчности къ пріобрѣтенію и по корыстолюбивой системѣ старинныхъ князей все забирать въ свои руки, посылаетъ въ Галицію своихъ богатырей описывать все имущество Дюка, чтобъ отобрать въ княженецкую казну. Въ числѣ посланныхъ назначили было и Алешу Поповича, но Дюкъ выразилъ слѣдующее опасеніе:

Не посылайте-ка Алешеньки Поповича:
А его глазишечки поповскіе,
Поповскіе глазишечки завидливы:
А ему отголь да вѣдь не выѣхать!

Отправившись въ Галицію, которая теперь въ былинѣ называется Индіею богатою, послы взъѣхали на одну гору откуда виденъ былъ городъ Волынь Красенъ Галичій: и вдругъ весь городъ представился имъ въ огнѣ, какъ жаръ горитъ. Это мѣсто въ былинѣ дышитъ неподражаемою художественною наивностію. Смотрятъ послы и говорятъ между собою:

Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
Чтобы зажгли Индію-ту богатую:
Ай, горитъ Индія-та богатая!

Но что̀ же вышло на повѣрку? Когда они подъѣхали къ городу поближе, замѣтили свою смѣшную ошибку. Весь этотъ блескъ и жаръ, для непривычныхъ грубыхъ глазъ показавшійся пожаромъ, происходилъ отъ того, что у жителей того города—

У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.

Прибывши на дворъ къ Дюку, послы стали описывать его имѣнье богатство. Но такъ было оно не смѣтно, что въ

теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ не успѣли они описать одну только збрую лошадиную: а ужъ гдѣ же было добыть бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ другія сокровища? Потому и говорила съ насмѣшкою Дюкова матушка княженецкимъ оцѣнщикамъ: „А вы скажите-ка князю Владиміру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ оцѣнщиковъ: авось у нихъ хватитъ чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣньица!"

Это ироническое сопоставленіе Кіева и Чернигова съ богатымъ цивилизованнымъ Волынемъ Краснымъ Галичьимъ, очевидно, ведетъ свое начало изъ мѣстныхъ, областныхъ источниковъ народнаго эпоса, потому что явственно говоритъ о соперничествѣ между городами и областями [1].

X.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новогородскихъ, Садка богатаго гостя и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастлявое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сберeглись въ устахъ народа тамъ гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно записаны тамъ гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздали, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ Новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и особенно Рыбникова.

---

[1] Кирш. 159—167. Рыбник. I, 263 и слѣд., 300 и слѣд. II, 137, 158, 179. Кирѣевск. IV, 87.

Но обратимся къ самымъ былинамъ.

Сначала о Садкѣ. Намъ уже извѣстны миѳическія сказанія объ этомъ богатомъ гостѣ, согласныя съ мѣстными преданіями, вошедшими въ самыя популярныя въ Новѣгородѣ легенды.

Кромѣ этой миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Оно состоитъ въ томъ, что Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новѣгородѣ. Въ первый день скупилъ все что только нашелъ; а на другой день въ гостиномъ дворѣ—

Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.

Садко опять скупилъ весь товаръ, а на слѣдующій день—

Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Еще повыкуплю товары московскіе—
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій—
„Побогаче меня славный Новгородъ.

Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новагорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ, и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотической гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священною идеей объ общемъ благѣ и салвѣ цѣлой родины.

По другому варіанту, къ прославленію Новагорода присоединяется ироническій оттѣнокъ, обязанный своимъ про-

исхожденіемъ, кажется, той мысли, что гдѣ много богатства, тамъ и нищета, что при богатыхъ товарахъ потребны и дешевые, и что Новгородъ славенъ не одними сокровищами, но и гнилью и завалью, какъ всякій большой торговый городъ.

Скупивъ однажды всѣ товары въ Новѣгородѣ, зашелъ Садко въ *темныгй* рядъ:

И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А все горшки уже битые.
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
„Пригодятся ребятамъ черепками играть,
„Поминать Садку гостя богатаго,
„Что не я, Садко, богатъ—богатъ Новгородъ
„Всякими товарами заморскими,
„И тѣми черепанами, гнилыми горшки."

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Вопервыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ *братчиною Никольщиною*, внести за себя извѣстную сумму. Вовторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Стефана, Софіи *Премудрыгя* (то-есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами какъ въ Новѣгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадниками, могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей [1].

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ [2]. Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новагорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховымъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ

---

[1] Рыбник., I, 374. Кирш., 274.
[2] Рыбник., I, 335 и слѣд. II, 197 и слѣд.

которой стоялъ Василій Буслаевъ. Отецъ его Буслай жилъ въ Новѣгородѣ мирно и тихо, съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Псковомъ не вздорилъ, съ Москвой не перечился. Это было время спокойное и счастливое для Новагорода, его блаженная старина, о которой потомъ всегда мечталъ онъ. Умеръ Буслай, оставивъ по себѣ вдову съ малолѣтнимъ Васильемъ. Съ новымъ поколѣніемъ началась неурядица. Кликнулъ кличъ молодой Василій Буслаевъ по всему Новугороду, чтобы кто хочетъ шли къ нему на широкій дворъ, пить зелено вино, веселиться. Хозяинъ пробовалъ силу каждаго гостя: сначала подносилъ чару въ полтора ведра, потомъ ударитъ гостя по плечамъ и по спинѣ червленнымъ вязомъ. Кто устоитъ, того бралъ къ себѣ въ дружину, и такимъ образомъ окружилъ себя толпою удалыхъ молодцевъ, между которыми особенно прославились Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій, Хомумишка Горбатенькій, Толстый Ѳома Благоуродливый. И сталъ Василій по городу похаживать, сталъ шутить недобрыя шутки съ боярскими дѣтьми и княженецкими: кого дернетъ за руку—у того рука прочь, кого за ногу—нога прочь, двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ—безъ души валятся на земь. Однажды заводился у князя новгородскаго почестенъ пиръ на князей, бояръ и богатырей, а Василья Буслаева на пиръ не звали, не почествовали. Приходитъ онъ на княжескій пиръ незваный, съ своею храброю дружиной, повыгналъ и повытолкалъ изъ-за стола всѣхъ гостей, и сталъ пировать съ своими молодцами. Подстрекаемый успѣхами своего удальства, онъ бился объ закладъ съ самимъ княземъ, что готовъ перевѣдаться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ въ борьбѣ, то ему голову прочь. Сколько ни хлопотала честная вдова, мать Васильева, удержать своего сына отъ дерзкаго предпріятія, и запирала его въ глубокіе погреба, и выкупъ носила къ князьямъ за его голову—ничто не помогло. Въ то время какъ Василій сидѣлъ у матери въ заперти, его дружина бросилась на Волховскій мостъ и отчаянно сцѣпилась съ мужиками новгородскими. Валятся сотни головъ, дружина Васильева „во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ“. Однако стала ослабѣвать, несмотря на помощь, оказанную ей какою-то богатырскою *дѣвушкой-чернавушкой, портомойницею* Василья Буслаева, которая

однимъ только своимъ коромысломъ перебила на мосту до пятисотъ мужиковъ. Наконецъ бѣжитъ она домой и освобождаетъ Василья изъ заключенія, чтобъ онъ шелъ на мостъ спасать свою дружину. Является Василій съ червленнымъ вязомъ въ рукахъ. Сталъ колотить имъ мужиковъ: куда махнетъ—улица, куда отмахнетъ—переулочекъ; лежатъ мужики увалами и перевалами; набило мужиковъ будто погодою, наквасило ими рѣку Волховъ. Видятъ князья бѣду неминучую, перебьетъ Василій всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, никого не оставитъ на сѣмена; идутъ къ его матушкѣ просить, чтобъ она уняла свое чадо милое. Но и она съ нимъ ужь не сладитъ и посылаетъ ихъ въ Сергіевъ монастырь къ крестному отцу Василья Буслаева, къ нѣкоему Старчищу Пилигримищу: „имѣетъ онъ силу нарочитую: авось не уйметъ ли онъ мое чадо милое," говорила князьямъ честная вдова. По просьбѣ князей, идетъ на Волховскій мостъ Старчище Пилигримище уговаривать богатырское сердце Василья Буслаева, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ. Старикъ изъ монастыря—это олицетвореніе непомѣрной силы новгородской старины. Кафтанъ на немъ въ сорокъ пудъ; вмѣсто колпака, на головѣ колоколъ въ тысячу пудовъ, въ правой рукѣ колокольный языкъ въ пятьсотъ пудовъ, самъ идетъ языкомъ тѣмъ попирается. „Чадо мое крестовое! говоритъ онъ Василію Буслаеву:—смотри, на своего крестоваго батюшку не наскакивай!"—„А зачѣмъ ты пришелъ сюда?" возражаетъ ему Василій:

„А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся."

Поднялъ дубину въ девяносто пудъ, какъ хлестнетъ Старчища въ буйную голову: только колоколъ разсыпался въ черенья ножовые, а Старчище стоитъ не тряхнется, желтыя кудри его не ворохнутся. Скочилъ Василій, ударилъ крестнаго батюшку промежъ ясныхъ очей—выскочили ясныя очи, какъ пивныя чаши. По другому варіанту, Старчище идетъ по мосту, самъ говоритъ: „Я иду—Василью смерть несу!" Василій хватилъ по его колоколу, разсыпалъ на три четверти; потомъ ударилъ Старчища въ вышину и сшибъ съ ногъ, и стоя надъ нимъ, самъ раздумался: „Старца убить—не спасенья добыть, а грѣха на душу!" Под-

хватилъ старца на руки и говоритъ: „Поди-ко, старецъ, въ свое мѣсто, а въ наше дѣло не суйся!“ Потомъ напускался Василій на каменные дома. И вышла тогда сама мать Пресвятая Богородица изъ монастыря Смоленскаго, говорила честной вдовѣ, Васильевой матери:

Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмены.

Выходила честная вдова на новыя сѣни, заклинала своего милаго чада.

Впрочемъ, каковы бы ни были подвиги Василья Буслаева, народный эпосъ видитъ въ немъ представителя новгородской вольницы и прославляетъ его какъ богатыря. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западные трубадуры. Сверхъ того, былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юношескими увлеченіями этого новгородскаго героя, заставляя его въ нихъ раскаиваться и искупать ихъ хожденьемъ къ Гробу Господню въ Іерусалимъ. „Съ молоду бито много, граблено: подъ старость надо душу спасти“, говоритъ Василій и отправляется въ ладьѣ съ своими товарищами въ далекое странствіе:

Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Ѳаворъ горѣ осушитися.

Пріѣхалъ въ Святую Землю; но и здѣсь Василій не смирилъ своего неугомоннаго нрава. Всѣ его товарищи купались въ Ердань рѣкѣ въ рубашечкахъ, одинъ онъ купался нагимъ тѣломъ, не послушался запрету своей матушки. Потомъ ѣдутъ они къ Ѳаворъ горѣ, къ тому къ камню *Латырю*, „на которомъ камени преобразился самъ Іисусъ Христосъ“. На той горѣ стоитъ церковь соборная съ образомъ Преображенскимъ. Но чтобы достигнуть до церкви и до того образа, надобно было трижды скакать черезъ „бѣлъ горючъ камень.“ Всѣ товарищи Васильевы трижды скакали черезъ тотъ камень; самъ же онъ и здѣсь не-пронялся, не укротилъ своего нрава: разъ скочилъ, и другой скочилъ, а на третій говоритъ своей дружинѣ: „а вотъ на третій разъ я не передомъ, а задомъ скочу!“ Скочилъ за-

домъ черезъ бѣлъ горючъ камень, задѣлъ за камень ногою, и ушибся до смерти. Умирая, такъ говорилъ онъ своей дружинѣ:

> Скажите-ка, братія, родной матушкѣ,
> Что сосватался Василій на Өаворъ-горѣ,
> И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.

Узнавъ о кончинѣ своего сына, честная вдова много плакала; потомъ собрала все свое имѣнье-богатство и раздала по Божьимъ церквамъ и монастырямъ.

Такъ и на Западѣ, въ монастыри поступали имѣнья крестоносцевъ погибавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. У насъ въ старину, кажется, особенно Новгородцы любили ходить въ Іерусалимъ. Въ XII вѣкѣ, Даніилъ Паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ Новгородцевъ при Гробѣ Господнемъ. Западная легенда о чудесномъ странствіи въ Іерусалимъ на бѣсовскомъ конѣ была внесена въ сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ.

Сказаніе о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камнѣ въ виду соборной церкви и образа Преображенія, по замѣчательному сходству въ подробностяхъ, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ *о новгородскомъ раѣ*, которое въ XIV вѣкѣ архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова. Блуждая въ ладьяхъ по морю, будто бы они наѣхали на высокую гору. На той горѣ былъ написанъ *Деисусъ*, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и раздавались голоса ликующихъ. Чтобъ узнать что̀ тамъ дѣется, путешественники послали въ гору одного изъ своихъ товарищей. Взошелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, радостно засмѣялся и скрылся въ горѣ. Послали другаго, и тотъ также исчезъ. Наконецъ, чтобы дознаться что̀ тамъ за чудеса, послали третьяго, привязавъ его за ногу веревкою. Этотъ тоже всплеснулъ руками, засмѣялся, и побѣжалъ было, но товарищи стащили его къ себѣ веревкою, однако ничего не узнали, потому что онъ былъ уже мертвъ. Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической посло-

вицѣ о пытливости Новгородцевъ: „Новгородскій рай нашелъ“ [1].

Этотъ райскій островъ на эпическомъ языкѣ могъ бы точно съ такимъ же правомъ быть названъ Алатырь-камнемъ, какъ и Ѳаворъ-гора. Спутники Моислава Новгородца такъ же скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камню.

Какъ бы то ни было, но новгородское сказаніе о земномъ раѣ очень удобно могло бы войдти, какъ эпизодъ, въ былину о хожденіи Василья Буслаева съ своею дружиною ко Святымъ Мѣстамъ.

XI.

Обозрѣніе богатырскаго быта, предложенное на этихъ страницахъ, осталось бы съ замѣтнымъ пробѣломъ, если бы мы не коснулись положенія женщины въ кругу богатырей новаго поколѣнія.

Мы уже познакомились съ нѣкоторыми чертами женскихъ типовъ, вынесенными народнымъ эпосомъ изъ эпохи доисторической. По мѣрѣ того какъ фантазія стала больше и больше свыкаться съ дѣйствительностью и воспроизводить ее въ своихъ идеалахъ, все больше и больше сокращались размѣры исполинскихъ женщинъ, суровое величіе уступало мѣсто граціи и спокойной красотѣ, а вѣщая сверхъестественная сила разума и предвѣдѣнія спускалась до житейской мудрости, сопровождаемой здравымъ смысломъ и тою ловкою смѣтливостью, которую народный эпосъ называетъ „женскими догадками“.

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, были замѣчены разнообразные элементы внесенные разными эпохами, такъ и въ женскихъ типахъ богатырскаго эпоса представляется та же смѣсь суровыхъ и жесткихъ формъ грубой старины съ нѣжными очерками и мягкимъ колоритомъ народныхъ пѣсенъ позднѣйшихъ временъ. Одна и та же супруга Добрыни Никитича — то гордая воительница исполинскихъ размѣровъ, то скромная и любящая жена, безпрекословно пови-

[1] См. въ моей *Христоматіи*, ст. 965. 1459.

нующаяся своей свекрови. Какъ бы ни были мелки черты ежедневной дѣйствительности, которыми въ теченіе вѣковъ народный эпосъ дорисовывалъ свои женскіе идеалы, но первоначальные контуры этихъ идеаловъ были накинуты такою смѣлою рукой и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измельчать и опошлѣть до того чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство. Точно такъ фамильныя черты суровыхъ предковъ черезъ цѣлыя столѣтія отражаются въ замѣчательномъ сходствѣ въ лицахъ ихъ позднихъ изнѣженныхъ потомковъ. Въ такомъ же смыслѣ можно и женскіе характеры русскаго народнаго эпоса назвать породистыми. Сколько ни мельчали они, спускаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, но до сихъ поръ удержали въ себѣ отличительные признаки своей благородной породы.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женскою думушкой и своими догадками „и всѣхъ князей и бояръ повыманетъ и самого князя Владиміра изъ разуму выведетъ.“ Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но и преимущественно ума, чтобъ „было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити“. Князь Владиміръ искалъ себѣ такой невѣсты, чтобъ она была „умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четью-пѣтью церковному.“

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительною свободою. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микуличны созваны были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, какъ напримѣръ играла Катерина жена Берматы съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею властію, и часто совѣтовался сначала съ дочерью: шелъ къ ней вмѣстѣ подумать. Княженецкая племянница, Запава Путятишна, совершенно свободно гуляетъ по городу Кіеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будиміровичу свататься. Впрочемъ, эта уже черезчуръ крайняя свобода, нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя дѣвица просватала.

Дѣвица-невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, буйные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владиміромъ за невѣстою Апраксѣевною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Когда Дунай ее спрашиваетъ, хочетъ ли она идти замужъ за князя Владиміра, она отвѣчаетъ ему безъ всякой застѣнчивости, развязно:

Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра.

Женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслію и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется—

Умомъ умна и станомъ статна,
Лицо бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная
Рѣчь-то у ней лебединая.

или:

.... Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мущины. Другія женскія примѣты: узкія плечи, въ противоположность широкому тазу (что въ былинѣ о Ставровой женѣ даетъ поводъ къ нѣкоторымъ наивнымъ подробностямъ); далѣе: тоненькіе пальчики, непремѣнно съ перстнями; рѣчь съ *провизгомъ*, наконецъ, когда женщина садится, сжимаетъ колѣнки [1].

Едва ли нужно приписывать особенное значеніе въ исторіи русской женщины тѣмъ сценамъ изъ народнаго эпоса,

[1] Рыбник. II, 104—I, 245, Кирѣевск. III, 29, 33. Рыбник. II, 94, 126, 107. Кирѣевск. IV, 105. Рыбник. 1,330. 324.—II, 96, 192.—I, 187, 191, 254.—II, 53.—I, 178, 186, 243, 247.—II, 54, 97, 106.

въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, изображается жестокое обращеніе мужа съ женою. Мы уже знаемъ, что эти сцены объясняются преимущественно борьбою новаго поколѣнія съ остатками титанической старины, которая нѣкоторое время находила себѣ поддержку въ женскомъ полѣ, между тѣмъ какъ мущина долженъ былъ подчиниться новому движенію исторической жизни. Сверхъ того, суровые нравы богатырскаго быта уже не могли не обнаружиться въ нѣкоторой грубости, которая на наши глаза кажется жестокою. Уже самое похищеніе невѣстъ и взятіе ихъ съ собою ставили жену въ слишкомъ зависимое подчиненіе, какъ плѣнницу или завоеванную добычу. Такъ Часова вдова не хотѣла выдать своей дочери за Хотена Блудовича. Хотенъ убиваетъ сыновей этой вдовы, силою врывается въ ея домъ, беретъ съ нея выкупъ золотомъ и жемчугомъ, а въ придачу ея дочь, себѣ въ жены. Богатырь ѣдетъ искать себѣ невѣсту, будто на охоту или за военною добычей. Въ такомъ случаѣ князь Владиміръ обыкновенно напутствуетъ жениха такимъ совѣтомъ:

Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери,
Добромъ не отдаютъ, такъ и силой возьмемъ.

Потому иногда съ горечью выражается женщина о своемъ невольномъ замужествѣ:

Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.

Женитьбу насильно или съ бою богатырскій эпосъ обыкновенно объясняетъ тѣмъ, что женихъ беретъ себѣ невѣсту въ чужой землѣ, часто въ непріятельской [1].

По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на позоръ публики. Многимъ доставалось плохо, когда они по неосторожности хвалились на пирахъ своими прекрасными и умными женами; потому что только—

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

Такъ цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ основана на этой мысли, имѣющей, какъ кажется, то значеніе для исто-

[1] Кирѣевск. IV, 76. Рыбник. II, 53, 75.—I, 179.

ріи женщины, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся своимъ молодечествомъ, богатствомъ и борзыми конями, не должно профанировать домашняго счастія, и не унижать жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ какъ своею собственностью. Когда Ставра порядкомъ проучили за его нескромную похвальбу,

Тутъ-то онъ болѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой [1].

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ *честной, матерой вдовы, государыни матушки* удалаго богатыря. Это самая почетная особа, о которой всегда отзывается былина съ великимъ уваженіемъ. Была уже рѣчь о томъ, что вымершее старое поколѣніе оставило по себѣ только вдовъ, которымъ предоставлено было руководить своихъ дѣтей — богатырей новаго поколѣнія. Вдова учитъ своего сына уму-разуму; иногда она на столько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословеніе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ например, Соловей Будимировичъ, привезшій свою матушку въ Кіевъ на кораблѣ изъ-за моря. Въ обращеніи съ матерью богатырь выказываетъ самое глубокое уваженіе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужь какъ сынъ передъ матерью кланется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будимировичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась „со вдовами честными, многоразумными", между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою Часовою за то что эта послѣдняя, обидѣвши бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Потому—

Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла—не радостна,

---

[1] Рыбник. II, 244.—II, 93, 103.

Зажала ручки вкругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечи.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководитъ своею невѣсткою, какъ напримѣръ мать Добрыни Никитича. Мы уже знаемъ, какъ дорого этотъ богатырь цѣнилъ спокойствіе своей матери. Мать Дюкова изображается какою-то владѣтельною княгинею, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпіемъ. Она распоряжается пріемомъ княжихъ оцѣнщиковъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ чтобъ отнять ея имѣніе въ княженецкую казну, и ловко издѣвается надъ княземъ Владиміромъ. Неугомонный Василій Буслаевъ, объявляющій войну всему Новугороду, и никого не боящійся, смиряется только передъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствіямъ Новгородцевъ, проситъ его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухалъ бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послухать мнѣ законъ не даетъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскій эпосъ приписываетъ огромное вліяніе вдовѣ-матери на образованіе и на поступки молодаго поколѣнія богатырей. Любовь и уваженіе къ матери, признакъ умнаго и вообще достойнаго человѣка. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвальбу эпосъ не однажды поощряетъ пословицею:

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе: „Умный хвастаетъ старой матерью“ [1].

XII.

Чѣмъ свѣжѣе и первобытнѣе народный эпосъ, тѣмъ замѣтнѣе въ немъ связь дѣйствующихъ лицъ съ музыкальнымъ и пѣсеннымъ его исполненіемъ. Гомеръ неоднократно выводитъ на сцену пѣвцовъ рапсодовъ, которые потѣшаютъ героевъ пѣснями о Троянской войнѣ. Самъ Ахиллъ сокра-

---

[1] Кирѣевск. II, 1.—IV, 69. Рыбник. I, 27, 146, 357.

щаетъ скуку своего одиночества игрою на лирѣ. Финскій Вейнемейненъ—не только герой Калевалы, но и самъ пѣвецъ и заклинатель, знающій вѣщія слова. Авторъ *Слова о Полку Игоревѣ* не разъ упоминаетъ о пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣваются описываемыя имъ лица и событія. Вѣщій Баянъ накладываетъ свои персты на живыя струны, которыя сами князьямъ „славу рокотали". Въ то, время, какъ Игорь возвращается изъ плѣну домой, дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются ихъ голоса черезъ море до Кіева, а между тѣмъ страны и города радуются и веселятся, пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть славу—Игорю Святославичу, Буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Такъ и въ народномъ эпосѣ богатыри не только дѣйствуютъ, но и сами воспѣваютъ богатырскіе подвиги, напѣвая напѣвки—

Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны [1].

Изъ богатырей особенно знамениты были своимъ скоморошскимъ искусствомъ: Добрыня Никитичъ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ, Садко богатый гость. Послѣдній, какъ мы знаемъ, сначала былъ скоморохомъ, по пирамъ ходилъ, на гусляхъ игралъ и тѣмъ кормился. Соловей, веселясь съ своею дружиною, игралъ на гусляхъ. Чурило, въ должности придворнаго постельничаго, долженъ былъ сидѣть у княженецкаго изголовья и играть въ гусли. Но собственно скоморохи и калики перехожіе, или странники, были исполнителями народнаго эпоса, и свѣтскаго и духовнаго. Ихъ приглашали на пиры, угощали виномъ и платили за ихъ пѣсни. Кромѣ историческихъ былинъ, они играли какіе ты *сыгрыши* Царяграда, наводили *танцы Іерусалима*, играли *еврейскіе стихи* и величали князя со княгинею. Все это зналъ и Ставръ Годиновичъ. Самъ князь Владиміръ чествуетъ искуснаго скомороха. Такъ, когда Добрыня Никитичъ, переряженный скоморохомъ, особенно угодилъ князю своею искусною игрою, тогда этотъ послѣдній говорилъ ему:

Ай же, малая скоморошина!
Не твое мѣсто сидѣть на печкѣ муравленой,
Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини...

---

[1] Рыбник. I, 249.

За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разчету получай золоту казну.

Скоморохи приглашаются на пиры не для одного только разгулья, но и для утѣхи; музыка и пѣнье развеселяютъ печальное сердце. Такъ Василиса Микулична, перерядившаяся грознымъ посломъ, печальна сидитъ на пиру у князя Владиміра, сама говоритъ ему:

Что буде на разумѣ не весело:
Либо батюшко мой померъ есть,
Либо матушка моя померла.
Нѣтъ ли у тебя гусельщичковъ,
Поиграть во гуселышки яровчаты. [1].

Пѣсни, воспѣваемыя скоморохами, каликами перехожими и самими богатырями, и есть тѣ эпизоды, изъ которыхъ слагается народный эпосъ. Такимъ образомъ былина внесла въ свое содержаніе самый процессъ своего составленія и развитія. Кромѣ того, тѣ же былины, которыя мы теперь изучаемъ, были застольнымъ предметомъ разговоровъ между богатырями; потому что, всякій разъ какъ богатыри поразвеселятся отъ зеленаго вина, они начинаютъ другъ передъ другомъ хвалиться своими подвигами. Сильный хвастаетъ силою, молодечествомъ, богатый—богатствомъ, кто добрымъ конемъ, кто старою матерью, кто молодою женой. Всѣ эти разговоры можно принять за содержаніе самихъ былинъ о тѣхъ предметахъ, которыми пирующіе между собою похваляются.

Какъ сами эпическіе пѣвцы становились героями былинъ, напримѣръ Соловей Будимировичъ, Садко, Добрыня переряженый скоморохомъ, такъ и похвальба молодецкая давала содержаніе цѣлымъ былинамъ, напримѣръ похвальба Ставра своею женою. Стиль эпическій господствуетъ столько же въ былинахъ, какъ и въ похвальбѣ дѣйствующихъ лицъ и въ пѣсняхъ, которыми они потѣшались на пирахъ.

Какъ во времена богатырскія, на пирахъ князя Владиміра, скоморохи и калики перехожіе, будто гомерическіе рапсоды, пѣли отдѣльныя рапсодіи изъ народнаго эпоса,

---

[1] Кирѣевск. II, 13. 36. 37.—IV, 67. 105. Рыбник. I, 249. 265. 319. 324. 370.—II, 31. 101. 110.

который никогда не составлялъ законченнаго, округленнаго цѣлаго; такъ и въ наше время онъ распадается на множество отдѣльныхъ былинъ. Былины иногда начинаются припѣвками, изъ которыхъ открываются любопытныя отношенія пѣвцовъ къ публикѣ. Эти отношенія, вѣроятно, тѣже, какія были во времена оны, когда потѣшалъ пирующихъ какой-нибудь новгородскій Садко. Начиная былину, пѣвцы иногда просятъ благословенія отъ хозяина:

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавную
Про молода Чурила сына Пленковича.

Иногда, приглашая гостей на пиру внимательно слушать они ожидаютъ себѣ отъ хозяина угощенія:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу рѣку.
Широка рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городо́мъ.

Иногда, будто повторяя приказаніе самого хозяина, пѣвцы начинаютъ такъ:

Кто бы намъ сказалъ про старое;
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

Окончивъ одну былину, пѣвцы переходятъ къ другой, связывая ту и другую такою припѣвкою:

Эта старина кончается,
А другая начинается.

Чтобъ перенести слушателей въ поэтическій міръ богатырской былины, иногда пѣвцы будто берутъ нѣсколько смѣлыхъ аккордовъ заманивающихъ вдаль и сосредоточивающихъ вниманіе на предметахъ высокой важности:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота Океанъ-море,
Широко раздолье — по всей земли,
Глубоки омуты — днѣпровскіе.

Въ нѣкоторыхъ припѣвкахъ во всей очевидности чувствуется импровизація пѣвца. Будто не зная какъ приступить прямо къ содержанію былины, онъ сначала робко скажетъ нѣсколько словъ о себѣ, потомъ броситъ бѣглый взглядъ на широкій ландшафтъ, остановится на какихъ-нибудь чудесахъ природы, и наконецъ не чувствительно въ эту общую картину вставитъ воспѣваемаго имъ богатыря. Вотъ какъ, напримѣръ, пѣвецъ приступаетъ къ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридсять лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
Охъ ты поле мое, поле, поле чистое!
Заростало мое полюшко крапивушкой,
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало туто стадечко звѣриное,
Что звѣриное стадечко — сѣрыхъ волковъ;
Напередъ бѣжитъ собака лютый Скименъ звѣрь:
Что на Скименѣ шерсточка булатная,
Какъ у Скимена уши что востро копье.
Прибѣжала воръ-собака ко Нѣпру рѣкѣ,
Становилась воръ-собака на крутой берегъ,
Закричала воръ-собака по гусиному,
Зашипѣла воръ-собака по змѣиному:
Съ крутыхъ бережковъ песочекъ пріусыпался,
Во Нѣпру рѣкѣ вода съ пескомъ смутилася,
Что ни бѣла ли рыбушка на низъ ушла......
Круты красны бережечки зашаталися,
Со хоромъ, братцы, вершечки посвалялися.
Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодешенекъ Добрыня сынъ Никитьевичъ.

Иногда, чтобъ ввести слушателей въ событія далекой старины, пѣвецъ начинаетъ съ предмета близкаго, во очію представляющагося. Такъ пѣвецъ хочетъ пѣть о пирахъ князя Владиміра, а начинаетъ съ рѣки Волги, и слѣдя за ея необъятнымъ теченіемъ, будто даетъ понятіе о теченіи самаго времени, къ древнѣйшимъ истокамъ котораго онъ приглашаетъ своихъ слушателей:

Повышла, повыкатилась Волга матушка рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала она—того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Кіевѣ.

Волга довела пѣвца до Кіева. Теперь онъ уже и станетъ пѣть о кіевскомъ князѣ и его богатыряхъ.

Иногда теченіе Волги вставляетъ пѣвецъ въ общую раму широкой панорамы или точнѣе громаднаго фронтисписа, гдѣ помѣщаются цѣлыя горы, озера, болота и лѣса:

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокія Сорочинскія;
Чисты поля подходили ко городу ко Обскову [1];
Мхи да болота по Бѣлу-озеру;
Рѣки-озера по Синю морю.
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка —
Широка и долга она,
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во Сине море,
Во море Синее, во Турецкое.

Добравшись по Волгѣ до Синя моря, пѣвецъ на немъ останавливается и описываетъ корабли Соловья Будиміровича, плывущаго къ городу Кіеву.

Мы уже видѣли, какое сильное дѣйствіе оказали на Руси рѣки и прибрежный бытъ на самыя ранніе вымыслы народной фантазіи. Вѣрные поэтическимъ преданіямъ старины и родной почвѣ, пѣвцы и начинаютъ и оканчиваютъ свои богатырскія былины, прославленіемъ рѣкъ, будто онѣ вмѣстѣ съ своими слушателями сидятъ на берегу ихъ, какъ тѣ древнія племена, которыя, разселяясь по Руси, по свидѣтельству лѣтописи, садились на рѣкахъ, отчего и имена себѣ получали. Многія былины оканчиваются припѣвкою во славу всеславянской рѣкѣ Дунаю:

Дунай, Дунай, Дунай.
Впередъ болѣ не знай —

или

Болѣ пѣть впередъ не знай [2].

Итакъ, русская былина до нашихъ временъ помнитъ о тѣхъ поэтическихъ голосахъ, которые, по свидѣтельству *Слова о полку Игоревѣ* вьются съ береговъ стараго Дуная до стольнаго города Кіева [3].

---

[1] Къ Опскову, ко Пскову.

[2] Вѣроятно, сокращенно, вм. *не знаю*.

[3] Кирѣевск. I, 1. 3. 4. 20.—II, 1. 2. 9. 61.—III, 1.—IV, 87. 99. Рыбник. I, 177. 325.—II, 14. 20. 44. 184. 351.

Начавъ съ миѳовъ и богатырскаго быта, мы незамѣтно перешли ко внѣшней формѣ былинъ, то есть, къ слогу; потому что самая тѣсная связь между содержаніемъ и языкомъ составляетъ отличительное свойство народной эпической поэзіи, которая зараждалась и развивалась вмѣстѣ съ зарожденіемъ и установленіемъ самыхъ формъ языка: такъ что иногда живое воззрѣніе, проникнутое вѣрованіемъ, мѣтко схваченное словомъ, служило сѣменемъ для цѣлаго миѳа или сказанія; иногда цѣлое сказаніе сокращалось въ краткую фразу, которую былина изъ вѣка въ вѣкъ переносила въ постоянномъ эпитетѣ.

Не имѣя намѣренія утомлять читателей грамматическими тонкостями, я остановлюсь только на такихъ немногихъ подробностяхъ, въ которыхъ очевидна эта жизненная связь отдѣльнаго слова съ эпическимъ содержаніемъ.

Русскій языкъ въ народномъ эпосѣ называется по преимуществу *человѣческимъ* [1], какъ бы въ томъ смыслѣ, что всѣ прочіе языки — звѣриные, согласно съ стариннымъ убѣжденіемъ, что и животныя говорятъ, только на непонятномъ, иностранномъ языкѣ. Татарскій языкъ иронически называется въ былинахъ *телячьимъ.* Эпитетъ языка — *чистъ рѣчистъ*, языкъ. Кто говоритъ не чисто и нерѣчисто, тотъ нѣмой, то есть, *Нѣмецъ*, вообще иностранецъ. Въ поговоркахъ [2] нѣмечина слыветъ *хитрою, безвѣрною, басурманскою.* Кажется, Нѣмца русскій человѣкъ ненавидитъ больше Татарина; потому что пословицею говоритъ: „Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить,“ — между тѣмъ, какъ о Татаринѣ выражается: „Люблю молодца и въ Татаринѣ“; потому что татарское иго ужь никого не тяготитъ: „нынѣ про татарское счастье только въ сказкахъ слыхать.“

Въ народномъ эпосѣ Орда называется *славною, темною;* Литва—*храброю, поганою;* Чудь—*бѣлоглазою.* Историческія столкновенія съ Польшею и Литвой и доселѣ вспоминаются въ пословицахъ и поговоркахъ: *Полякъ* (или Ляхъ) *безмозглый, безначальный: ляшкая, жидовская, собачья вѣра. Литва беззаконная, долгополая, сиволапая, поганая. Ляхъ*

---

[1] „Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?“ Спрашиваютъ Татары. Кирѣевск. 4, 39.

[2] Даля *Пословицы*, стр. 364 и слѣд.

и подъ старость вретъ. Ляхъ и умираетъ, а ногами дрягаетъ. Чѣмъ дальше въ Польшу, тѣмъ разбою больше. Въ эпосѣ *Литва* и *Орда* употребляются даже въ нарицательномъ смыслѣ чужой земли вообще. Напримѣръ, заѣзжаго спрашиваютъ: „Ты коей земли, да ты коей орды?“ Или: „Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы?“ О странствіяхъ Потока Михайлы Ивановича: „Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду.“

Посолъ изъ чужой земли представляется въ видѣ татарскаго баскака, потому называется *грознымъ*. Заслуживаетъ вниманія, что татарщина въ глазахъ эпическихъ пѣвцовъ бросаетъ тѣнь на подъячество. *Дьякъ* или *думный дьякъ* прозывается *выдумщикомъ*. Онъ является на Русь вмѣстѣ съ Батыемъ, между его сыновьями и зятьями, и приводитъ съ собою противъ Русскихъ силы сорокъ тысячъ. Эта эпическая подробность находитъ себѣ подтвержденіе въ литературныхъ памятникахъ временъ татарщины. Такъ въ ростовской легендѣ о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ повѣствуется между прочимъ о татарскомъ баскакѣ, присланномъ отъ хана для рѣшенія юридической тяжбы между князьями и духовенствомъ о правѣ на владѣніе Ростовскимъ озеромъ [1].

Вѣроятно, въ противоположность басурманскимъ землямъ, Кіевъ называется въ былинахъ *святымъ градомъ*. Живетъ въ немъ *честный* народъ *вольно-кіевскій*. Потому, согласно съ позднѣйшимъ, православнымъ значеніемъ Кіева, о поѣздѣ богатыря говорится въ обычномъ выраженіи: поѣхалъ онъ

Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

Однако, несмотря на великую святость Кіева, было время, когда обуяла его басурманщина:

Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничалъ Идолище поганое.

Вообще должно замѣтить, что выраженіе православныхъ идей въ народномъ эпосѣ отличается необыкновенною наив-

---

[1] Рыбник. II, 34 40. О ростовск. легендѣ см. въ моихъ *Историч. Очеркахъ*, во 2 части.

ностью. *Божья* церковь величается *матушкой*. Гость, входя въ палаты къ хозяину молится *чужимъ* образамъ [1].

Впрочемъ языкъ богатырскаго эпоса во всемъ своемъ строѣ и въ мелкихъ подробностяхъ отзывается глубокою древностію, предшествующею татарщинѣ, и даже еще весьма мало подчинившеюся вліянію православныхъ идей. Понятія о жизни семейной выражаются въ неприкосновенной свѣжести самой ранней эпохи народнаго быта. Мужъ и жена другъ друга называютъ *семьею, семеюшкою*. Такъ Василиса Микулична называла Ставра „любимою семеюшкой, законною сдержавушкой". Наживать дѣтей, это *семью сводить*. Дитя уподобляется посѣву. Такъ Дунаю говоритъ жена его:

У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посѣяно,
Принесу тебѣ я сына любимаго...
Дай мнѣ младенца поотродити,
Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить [2].

Раннія преданія въ былинахъ о великанахъ удерживаютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ воззрѣній, сохранившихся въ языкѣ. Какъ Несторъ въ своей лѣтописи говоритъ о великанахъ Обрахъ, что они тѣломъ были велики и умомъ „горды"; такъ и былина характеризуетъ великана эпитетомъ *гордый*. Въ противоположность „ретивому" сердцу богатырей, у великановъ сердце *черное*.

Олицетвореніе рѣки Дуная въ образѣ богатыря сопровождается перенесеніемъ и самаго эпитета отъ рѣки къ ея богатырскому образу. Потому въ былинахъ воспѣвается *тихій* Дунаюшка [3].

Богатырскія былины, съ которыми читатели могли познакомиться на этихъ страницахъ, далеко не исчерпываютъ необъятнаго содержанія русскаго народнаго эпоса. По изображенію народнаго быта, онѣ только первая ступень его историческаго развитія. Мы остановились на татарщинѣ, которая налагая тяжелую руку на богатырскую былину, вноситъ анахронизмы въ эпическій циклъ пировъ князя Владиміра, и потомъ, оставляя позади себя

[1] Кирѣевск. III, 82. Рыбник. I, 246 71, 72, 205, 206, 328.—II, 129, 131. Кирѣевск. I, 33. 41IV.—, 19. Рыбн. I, 284.

[2] Кирѣевск. II, 31, 35, Рыбник. I, 244, 332, 193, 185.

[3] Рыбник. I, 314, 313, 187.

богатырей, даетъ эпосу новый видъ, сближая былину съ умильными повѣстями и лѣтописными сказаніями о татарскихъ погромахъ и съ легендами о томъ, какъ Татары оскверняли святыни и мучили князей, которыхъ потомъ церковь причисляла къ лику святыхъ. Черезъ татарщину богатырскій эпосъ переходитъ уже къ собственно историческому.

Съ другой стороны грамотность вноситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средневѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ стихотворнымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Катоврасѣ, и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ *духовныхъ стиховъ.*

Историческая былина, внося въ себя легендарное содержаніе, сливается съ духовнымъ стихомъ; и наоборотъ, духовный стихъ, разбавляясь народнымъ миѳомъ или прицѣпляясь къ историческому факту, переходитъ въ эпизодъ то миѳическаго, то историческаго эпоса.

Чтобы выдѣлить разнородные элементы изъ этой хаотической смѣси, надобно было сначала разсмотрѣть менѣе сложныя, первичныя основы народнаго эпоса въ пѣсняхъ богатырскихъ. Сборники Кирѣевскаго и Рыбникова предлагаютъ богатый матеріалъ во множествѣ варіантовъ одной и той же былины. Надобно было распутать противорѣчія варіантовъ, и одинъ варіантъ дополнять другими, отличая первоначальное отъ позднѣйшей примѣси.

Остается прибавить нѣсколько словъ о самомъ изданіи обоихъ сборниковъ. Прежде всего слѣдуетъ повторить сказанное уже въ началѣ нашего обзора, что и собраніемъ и обнародованіемъ этихъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ наука обязана такъ-называемой партіи славянофильской. Сборникъ Кирѣевскаго, заслужившій почетную извѣстность еще въ рукописи, больше четверти столѣтія былъ ожидаемъ въ печати всѣми интересующимися славянскою народностію, пока наконецъ Общество Любителей Россійской Словесности не удовлетворило общему ожиданію, достойно заявивъ тѣмъ о своей полезной дѣятельности. О высокомъ интересѣ сборника Рыбниковскаго, собраннаго изъ устъ народа въ самое короткое время, достаточно будетъ сказать то, что

онъ не только ничего не теряетъ при изданіи пѣсенъ Кирѣевскаго, но даже дополняетъ его едва ли не самыми лучшими варіантами, не говоря уже о томъ, что содержитъ въ себѣ много вовсе неизвѣстныхъ г. Кирѣевскому былинъ. Незначительное время, употребленное г. Рыбниковымъ на собраніе этихъ сокровищъ, съ одной стороны свидѣтельствуетъ о воодушевленной ревности собирателя и объ его необыкновенномъ литературномъ тактѣ, съ другой стороны—о томъ, какъ еще неистощимо богата русская народность превосходными эпическими произведеніями ожидающими счастливаго собирателя на всѣхъ концахъ нашего великаго отечества.

Изданіе пѣсень Кирѣевскаго поручено было отъ Общества Любителей Россійской Словесности г. Безсонову. Издатель приложилъ къ сборнику пѣсень выписки изъ лѣтописей о богатыряхъ, нѣкоторыя сказки, замѣтки г. Даля, К. С. Аксакова и самого Кирѣевскаго, и сверхъ того снабдилъ пѣсни подробнымъ указателемъ. Приложенія эти значительно облегчаютъ изученіе сборника. Тотъ же издатель, вмѣстѣ съ г. Хомяковымъ, завѣдывалъ печатаніемъ пѣсень г. Рыбникова.

Для превосходныхъ сборниковъ нашелся въ лицѣ г. Безсонова самый ревностный издатель, который по достоинству умѣетъ цѣнить родное слово.

Очень хотѣлось бы намъ этими словами заключить свой отзывъ. Но, къ сожалѣнію, г. Безсоновъ не ограничился скромною долей старательнаго издателя, и задумалъ связать въ исторіи русской науки съ этими превосходными сборниками свою ученую репутацію, какъ глубокомысленнаго философа, открывшаго въ русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ точно такой же миѳологическій процессъ, какой знаменитый философъ Шеллингъ излагаетъ въ своей философіи Миѳологіи. Философія г. Безсонова, подъ скромнымъ заглавіемъ *замѣтокъ*, занимаетъ едва ли не столько же мѣста въ обоихъ сборникахъ, какъ и самыя пѣсни.

Можетъ-быть, что смѣлыя сближенія г. Безсонова, въ настоящее время немыслимыя и не оправдываемыя здравою критикой, въ послѣдствіи получатъ цѣну непреложныхъ истинъ, какъ напримѣръ, сближеніе, даже отожествленіе греческаго *Геркулеса* съ русскимъ *Тараканомъ*, *Таракашкою*, финикійскаго божества *Мелькарта* съ извѣстнымъ шутомъ *Мороль-*

фомъ и съ сказочнымъ *Маркомъ богатымъ гостемъ*, греческаго *Гермеса* или *Меркурія* съ волокитою *Чуриломъ Пленковичемъ* и съ *Бермятою*, котораго онъ надувалъ вмѣстѣ съ его женою. [1] Можетъ-быть, въ сказочномъ вымыслѣ о томъ, какъ *Иванушка дурачокъ* оборачивается въ разныхъ звѣрей или какъ онъ влѣзаетъ въ ухо къ Сивкѣ Буркѣ выражается міровая идея о *скрыгательствѣ*, которое по теоріи г. Безсонова „обозначаетъ въ конечной цѣли обращеніе къ средоточію человѣческаго духа“; [2] можетъ-быть, этотъ же затѣйливый Иванушка „переходитъ въ Микулу“ а „богатыри, каждый отдѣльно, соотвѣтствуютъ разнымъ чертамъ Ивана.“ [3] Можетъ-быть, со временемъ будетъ признано за непреложную истину, что наша сказочная Василиса есть—„не только Афродита, но и Деметра, любящая Ивана, блуждающая съ нимъ также точно по тремъ царствамъ, отыскивая сѣмена человѣческаго духа“; очень можетъ-быть, что Авдотья Лиховидьевна Лебедь Бѣлая, жена Потока Михайлы Ивановича есть „его сознаніе, его совѣсть, подпавшія процессу“, и что „его спасеніе—въ живой водѣ, въ крещеніи, въ перемѣнѣ существа и имени, въ церковномъ звонѣ“; можетъ быть, что благодаря всѣмъ этимъ звѣринымъ мытарствамъ, черезъ которыя пробирался Иванушка Дурачокъ съ своею Василисой „славяно-русскій народъ явился какъ бы вдругъ совершенно готовымъ къ христіянству и какъ бы съ разу удостоился сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ христіянскихъ вѣросознаній, православія.“ [4]

Еслибы г. Безсоновъ все это помѣстилъ въ комментаріяхъ къ философіи Шеллинга, тогда обязанностію критика было бы показать, въ какой мѣрѣ приложимы взгляды этого философа къ сказкамъ вообще, и къ русскимъ въ особенности, и не покажутся ли кому-нибудь неумѣстною шуткой надъ знаменитою философіей миѳологіи эти доморощенные представители средоточія и сѣменъ человѣческаго духа въ образѣ Ивана Дурачка или Таракашка; потому

---

[1] Замѣтк. ко 2-й части Рыбник. 163. 164. Къ 4-му выпуску Кирѣевск. 78 и слѣд.

[2] Замѣтка къ 3-му вып. Кирѣевск. 17.

[3] Замѣтка къ 4-му вып. Кирѣевск. 171—172.

[4] Замѣтка къ 4-му вып. Кирѣевск. 174—5. 158. 172.

что едва ли серіозно выражается г. Безсоновъ, когда увѣряетъ, что „для Русскаго Иванъ и какой-нибудь Таракашка ближе Геракла, не менѣе его сдѣлали, не подлежатъ забвенію, и какъ выразители пройденнаго пути, и какъ образы творчества.“ [1] Но любопытно было бы знать, съ какою цѣлью всѣ эти отвлеченности помѣщены въ замѣткахъ при былинахъ, имѣющихъ для публики болѣе широкій интересъ нежели философскіе комментаріи къ какой бы то ни было философской системѣ? Вмѣсто объясненія, не затемняютъ ли онѣ простой смыслъ русскихъ былинъ и не собьютъ ли онѣ съ толку какого-нибудь неопытнаго читателя, который запасется этими сборниками для безхитростнаго знакомства съ русскою народностью?

Очень понятно, что г. Безсоновъ, въ пылу философскихъ соображеній, могъ увлечься своими открытіями, и съ извинительнымъ сознаніемъ своего достоинства, могъ съ гордостью сказать, что „такой неожиданный успѣхъ“ (какимъ увѣнчиваются его открытія) налагаетъ на него „нравственный долгъ, *для пользы другихъ*“, изложить всю эту теорію миѳологическаго процесса въ образованіи русской земщины; г. Безсоновъ могъ позволить себѣ печатно выразить даже и такую пріятную надежду: „Надѣемся, говоритъ онъ, что нѣкоторыя наши указанія и пріемы не останутся въ этомъ случаѣ безъ пользы для послѣдователей.“ [2] Понятно, почему г. Безсоновъ, поднявъ себя на высоту основателя новой школы изученія народности, долженъ былъ уже съ презрѣніемъ отзываться *о нашихъ ученыхъ* или *о нашихъ миѳологахъ*, какъ вообще называетъ онъ нарицательно всю эту мелкую толпу, посягавшую до него сказать что-нибудь о русской народности. „Уважая степень потраченнаго на все это трудолюбія, равняющуюся развѣ только одной *ограниченности* дѣятелей (такъ говоритъ онъ объ этой толпѣ), всякій обязанъ антиквировать эти зады народной своеобразной русской науки, во имя науки подлинной и современной, какъ бы ни сердились старцы съ высоты каѳедръ и ученыхъ степеней“. „Нужно только дивиться бездарности нашихъ миѳологовъ“ и т. п. [3].

---

[1] Замѣтка ко 2-й части Рыбник. 164—5.
[2] Замѣтка къ 4-му вып. Кирѣевск. 114. 183.
[3] Ко 2-й части Рыбник. 363. Къ 4-му вып. Кирѣевск. 74.

Странно и непонятно только одно, какъ цѣлое Общество Любителей Россійской Словесности столько увлеклось оригинальными комментаріями на философію миѳологіи Шеллинга, добытыми г. Безсоновымъ изъ русскихъ сказокъ, что разрѣшило издателю присовокупить эти комментаріи къ драгоцѣннымъ матеріяламъ народнаго эпоса, собраннымъ такимъ знатокомъ народности, какъ г. Кирѣевскій. Отъ кого же, какъ не отъ Общества Любителей Русской Словесности, надобно ожидать должнаго уваженія къ литературнымъ матеріяламъ? Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, никто не имѣетъ права бросать тѣнь подозрѣнія на Общество. Оно знало высокую цѣну сокровищъ, завѣщанныхъ покойнымъ Кирѣевскимъ, оно даже заявило себя похвальною дѣятельностью по изданію ихъ[1]. Только, къ крайнему сожалѣнію, оно поспѣшило подчиниться авторитету этихъ философскихъ комментаріевъ, и, принявъ за чистую монету авторскую ревность издателя, смѣшало общенаціональное, всероссійское дѣло съ мелкими увлеченіями личнаго тщеславія. Только этимъ однимъ можно объяснить, почему Общество покрыло авторитетомъ своего почетнаго имени всѣ эти непристойныя выходки.

Но и здѣсь, намъ кажется, Общество поступило не совсѣмъ осторожно. Въ такомъ классическомъ изданіи, какъ пѣсни Кирѣевскаго, ему не слѣдовало допускать голословнаго осужденія какихъ-то нашихъ ученыхъ *вообще*, не слѣдовало профанировать это изданіе болѣзненною горячностью, съ которою г. Безсоновъ преслѣдуетъ какіе-то призраки, называя ихъ общимъ именемъ *нашихъ ученыхъ*, до которыхъ публикѣ нѣтъ никакого дѣла, и безъ угомону воюетъ съ ними только для собственной потѣхи. Если уже надобно было коснуться ученыхъ мнѣній, которыя слѣдовало опровергнуть, то авторитетъ самого изданія и Общества Любителей Россійской Словесности обязывалъ, чтобъ эти ложныя мнѣнія были обозначены въ извѣстномъ порядкѣ, принятомъ ученою критикой, то-есть съ указаніемъ именъ ихъ авторовъ, книгъ или статей гдѣ эти мнѣнія высказаны. Въ такомъ серіозномъ дѣлѣ какъ изданіе народныхъ памятниковъ, надобно открыто идти на врага, называть его

[1] И пишущему эти строки пріятно принадлежать къ Обществу, которое издаетъ сборники Кирѣевскаго.

по имени и поражать его на основаніи его собственныхъ словъ. Самыя замѣчанія къ изданію матеріяловъ должны содержать въ себѣ точные факты, руководящіе при изученіи, а не тревожную сутолоку разгулявшагося самолюбія, которое, будто въ лихорадочномъ бреду, дразнитъ себя фантастическими тѣнями какихъ-то нашихъ миѳологовъ и филологовъ. Наконецъ, если ужь Общество Россійской Словесности на слово повѣрило г. Безсонову, что онъ открылъ тайну русской народности и потому сталъ великимъ человѣкомъ, то все же уваженіе къ національнымъ матеріяламъ и къ памяти покойнаго Кирѣевскаго обязывало издать философскіе комментаріи г. Безсонова отдѣльною книгой, а не въ тѣсной связи съ былинами, какъ ихъ объясненія.

А что, если всѣ эти немыслимыя умозрѣнія объ углубленіи человѣческаго духа въ звѣриныхъ формахъ Иванушки Дурачка или нашего доморощеннаго Геркулеса Тараканчика, окажутся ни больше ни меньше, какъ пародіей на знаменитое произведеніе Шеллинга,—на комъ будетъ тогда отвѣтственность, что этою непристойною шуткой почтили память знаменитаго патріота, всю свою жизнь посвятившаго собиранію народныхъ русскихъ пѣсень? Г. Безсоновъ въ сторонѣ. Онъ увлекся своею геніальностью, онъ разсердился на какихъ-то своихъ враговъ, которые наводятъ на него кошемаръ. Другіе увлекались и хуже его. Онъ по крайней мѣрѣ не бросаетъ грязью въ свою родную сторону; онъ ее любитъ, какъ ревнивый любовникъ, и готовъ всякому выцарапать глаза, кто рѣшается приблизиться къ его обожаемому предмету. Пусть эта любовь неестественна, какъ болѣзненная ревность мужа, который ищетъ любовника своей жены подъ комодомъ; пусть эта ученая ревность отзывается немилосердою монополіей, которая хочетъ взять себѣ на откупъ даже такую всеобщую собственность какъ народность. Пусть ѳиміамъ, которымъ онъ кадитъ русской земщинѣ, застилаетъ ему глаза, и только сгущаетъ тотъ мракъ, въ которомъ мерещатся ему злые духи, подъ видомъ какихъ-то *нашихъ ученыхъ*, и подзадориваютъ его раздраженную фантазію.

Чтобы сложить съ себя тяжелую отвѣтственность передъ публикой, Общество поступило бы весьма осмотрительно, еслибы по крайней мѣрѣ въ оставшихся экземпля-

рахъ пѣсенъ Кирѣевскаго, распорядилось отдѣлить замѣтки г. Безсонова отъ матеріяла, пустивъ то и другое въ продажу отдѣльными книгами.

Иное дѣло—замѣтки г. Безсонова при сборникѣ г. Рыбникова. Это личное дѣло собирателя. Если онъ надѣется, что замѣтки издателя не покажутся неумѣстною навязчивостію авторскаго тщеславія — прицѣпить свое имя къ важному національному дѣлу, если наконецъ самъ онъ доволенъ и философствованіемъ и выходками г. Безсонова, то никто не въ правѣ обвинять его. Во всякомъ случаѣ, г. Рыбниковъ оказалъ важную услугу изученію русской народности; и если его имя постановятъ со временемъ въ исторіи литературы рядомъ съ именемъ Кирши Данилова, то въ настоящемъ случаѣ можно только пожалѣть, что онъ нашелъ себѣ въ лицѣ г. Безсонова не такого осторожнаго издателя, каковъ былъ Калайдовичъ для пѣсенъ Кирши Данилова.

Впрочемъ, даже въ сборникѣ г. Рыбникова эти замѣтки очень не кстати по одной важной причинѣ, какъ бы имъ ни сочувствовалъ г. Рыбниковъ,—именно *по отсутствію надлежащаго спокойствія*, то-есть, по внутреннему *противорѣчію* съ самымъ существомъ изданныхъ матеріяловъ. Странно, что такая всепримиряющая сила, такое величавое торжественное спокойствіе, какимъ дышетъ народный эпосъ, подѣйствовали на голову г. Безсонова тревожнымъ раздраженіемъ его разгулявшагося самолюбія и озлобленною нетерпимостью ко всѣмъ, кто думаетъ не такъ, какъ онъ. Кажется, будто всѣ эти прекрасныя былины г. Безсоновъ выдаетъ за свою личную собственность и тычетъ ими въ глаза своимъ фантастическимъ врагамъ. Въ своихъ философствованіяхъ воодушевляется онъ не столько содержаніемъ издаваемыхъ матеріяловъ, сколько своею особой, которую будто бы ежеминутно укалываютъ иголкою его воображаемые злодѣи.

Непримирительно и неуспокоительно подѣйствовалъ народный эпосъ на особу, которую славянофилы выбрали изъ своей среды для изданія самыхъ дорогихъ для русскаго сердца сокровищъ народной поэзіи. Но нѣтъ ли, можетъ-быть, историческаго, разумнаго оправданія въ этомъ лирическомъ раздраженіи, воспитанномъ торжественною тишиной широкаго теченія эпическихъ былинъ? Извѣстно,

что славянофилы вообще не отличались терпимостію мнѣній и любили переносить въ литературу неугомонную горячность богатырскихъ натуръ временъ князя Владиміра. Не означаетъ ли это явленіе, что спокойствіе народнаго эпоса возможно только въ безсознательной массѣ поколѣній? Но какъ скоро народный эпосъ подчиняется ученымъ изслѣдованіямъ и литературной разработкѣ, онъ теряетъ свою первобытную чистоту, разлагается на части, и производитъ въ умахъ новое броженіе, совершенно несогласное съ невозмутимымъ спокойствіемъ эпической фантазіи.

Ученые подвиги г. Безсонова не представляютъ ли образчика этого болѣзненнаго разложенія нѣкогда согласныхъ и спокойныхъ элементовъ народнаго эпическаго творчества? Если это такъ, то надобно только пожалѣть измученнаго этимъ процессомъ ученаго издателя, который принесъ себя въ жертву общей пользѣ, прошедши по безплодному пути единственно для того чтобы предотвратить другихъ отъ такой же попытки.

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I. ОТЪ ГАВАНЫ ДО СЕНЪ-ТОМАСА.

Когда въ сѣверныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ наступаютъ зимніе холода, въ то самое время, съ прекращеніемъ періодическихъ дождей, въ тропическихъ странахъ настаетъ сухая погода, лучшая пора жаркаго пояса. Пароходы изъ Бостона, Нью-Йорка, Нью-Орлеана привозятъ тогда въ Гавану много богатыхъ Сѣверо-Американцевъ. Одни пріѣзжаютъ сюда по дѣламъ торговли, другіе — для поправленія своего здоровья, или просто для того чтобы воспользоваться благорастворенньмъ воздухомъ подъ чистымъ небомъ тропиковъ. Нѣкоторые перебираются въ Гавану со всѣмъ своимъ семействомъ и проживаютъ въ ней по нѣскольку мѣсяцевъ. Такимъ образомъ испанскій городъ служитъ зимнимъ мѣстопребываніемъ для богатыхъ Янки, и они располагаются въ немъ какъ бы въ своемъ родномъ городѣ, и какъ бы имъ вовсе не было дѣла до недружелюбныхъ отношеній ихъ правительства къ Испаніи. Ихъ не смущаетъ даже воинственный видъ гавани, который бросается въ глаза каждому прибывшему сюда прямо изъ какого-нибудь порта Соединенныхъ Штатовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой контрастъ! Тамъ, среди кипучей торговой дѣятельности, забываешь обо всемъ что

относится къ войнѣ [1]. А здѣсь, при самомъ приближеніи къ гавани, на пріѣзжаго грозно смотрятъ укрѣпленія, защищающія узкій проходъ во внутренность бухты. Потомъ пароходу слѣдуетъ еще проплыть подъ стѣнами крѣпости, *la Cabana*. Миновавъ ее, онъ вступаетъ наконецъ въ обширный заливъ; видъ расширяется; взорамъ въ первый разъ представляется тропическая растительность... Но послѣ короткаго плаванія изъ Штатовъ, насъ не столько поразила высокая пальма на берегу, облитомъ лучами солнца, сколько картина воинственныхъ приготовленій въ гавани. На открытомъ полѣ, у крѣпости, отрядъ испанскаго гарнизона производилъ строевое ученіе. На палубѣ одного изъ линейныхъ кораблей раздавался барабанный бой. Эта тревога казалась чѣмъ-то зловѣщимъ; какъ будто съ часу на часъ ожидали нападенія непріятеля.

Испанцы при самомъ заложеніи города, какъ видно, заботились болѣе о прочности домовъ чѣмъ о красотѣ и удобствѣ ихъ. Со стороны суши, городъ обведенъ каменною стѣной; по обѣ стороны весьма узкихъ улицъ стоятъ двухъэтажные дома съ плоскими кровлями и массивными стѣнами на случай бомбардированія. Высокія окна домовъ нижнею частью своею расположены вровень съ узкимъ тротуаромъ: такъ что еслибы не чугунныя вставленныя въ нихъ рѣшетки, то пѣшеходы, входя въ окно съ улицы, попадали бы прямо въ гостиную, не переступая порога. Днемъ, во время жара, окна изнутри закрываются деревянными ставнями. Стеколъ не видать почти вовсе, развѣ въ какомъ-нибудь магазинѣ модъ, за большимъ зеркальнымъ стекломъ, красуются заманчивые предметы роскоши. Днемъ въ городѣ душно, и только необходимость можетъ заставить выйдти на улицу, на которой въ зной встрѣчаются болѣе все негры и мулаты, привозящіе изъ окрестностей на ослахъ своихъ бананы, апельсины, ананасы и разные овощи. Купцы, разные торговцы и ихъ прикащики, большею частью Сѣвероамериканцы и Нѣмцы, спѣшатъ какъ

---

[1] Увы, эти воспоминанія относятся къ тому еще такъ недавнему, но уже какъ бы давно прошедшему времени! Теперь нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы все такъ громко говорило о войнѣ и ея ужасахъ, какъ въ Сѣверо-Американскихъ, когда-то соединенныхъ, а теперь раздѣленныхъ Штатахъ.

можно скорѣе пройдти по раскаленному тротуару. Изрѣдка по мостовой прогремитъ *воланта* — легкій экипажъ, единственный въ своемъ родѣ: это небольшой крытый кабріолетъ, лежащій на двухъ жердяхъ впереди оси съ двумя большими колесами. Одна лошадь впрягается въ оглобли, а другая—въ постромки, пристегнутыя съ лѣвой стороны; на этой лошади сидитъ негръ, одѣтый въ ботфорты, бѣлые брюки и куртку, обшитую позументомъ; на головѣ у него соломенная шляпа. Двѣ такія воланты, встрѣтившись, занимаютъ всю ширину улицы, и пѣшеходъ на узкомъ тротуарѣ поневолѣ жмется къ стѣнѣ.

Городъ вообще не отличается красотой зданій. Исключая домъ губернатора, самыя лучшія по наружности строенія — казармы и тюрьма. Другія же — большею частью все обветшалые дома, съ обвалившеюся мѣстами штукатуркою—вблизи кажутся вовсе непривлекательными. Со всѣмъ въ иномъ видѣ является Гавана, когда смотрѣть на нее съ укрѣпленія, возвышающагося на крутомъ скатѣ противоположной стороны залива. Но не такъ-то легко проникнуть во внутренность крѣпости: для этого необходимо достать письменное дозволеніе отъ губернатора. Нашъ консулъ снабдилъ насъ такимъ дозволеніемъ, и мы, переѣхавъ заливъ, взошли на брустверъ высоко стоящій надъ водой. Передъ нами развернулась богатая картина: заливъ наполненъ былъ кораблями и пароходами; гладкая поверхность синей воды его блестѣла какъ вороненая сталь; на выдавшемся полукругломъ мысѣ расположился городъ; подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, которые не только освѣщаютъ, но какъ бы окрашиваютъ всѣ предметы, городъ казался какимъ-то причудливымъ произведеніемъ живописи *альфреско*. Дома, вовсе непригладные вблизи, представились во всемъ разнообразіи яркихъ радужныхъ цвѣтовъ. Такому разнообразію много способствуетъ то, что бóльшая часть домовъ выкрашена въ два колера: одинъ этажъ обыкновенно голубой или фіолетовый, а другой—желтый или оранжевый. Эти цвѣта гармонируютъ и съ черепичными кровлями, съ вазами и урнами по угламъ, и съ темнобурыми башнями древнихъ церквей, и съ куполомъ собора, въ которомъ хранятся останки Колумба, и съ прозрачною свѣтлою лазурью небеснаго свода

подъ которымъ эти дома издали кажутся легкими, несмотря на свои массивныя, обветшалыя стѣны. За городскою стѣной виднѣется Марсово поле, на которомъ по утрамъ производится конное ученіе; а тамъ далѣе тянутся предмѣстія, куда богатые жители спасаются отъ жара и духоты внутри города. Тамъ, на просторѣ, между лиственными деревьями, возвышается красота здѣшняго края, гордая царственная пальма. На раскаленной солнцемъ желто-бурой скалѣ стоитъ другое укрѣпленіе, а за нимъ стелется далекое море, на поверхности котораго отдыхаетъ наконецъ взоръ, ослѣпленный льющимися отовсюду потоками отраженнаго свѣта.

Городъ и его окрестности болѣе всего оживляются вечеромъ. Лишь спадетъ жара, богатые жители, скрывавшіеся днемъ за закрытыми ставнями, спѣшатъ подышать на просторѣ чистымъ воздухомъ. Смуглыя креолки въ газовыхъ платьяхъ, съ открытыми головами, разодѣтыя какъ на балъ, выѣзжаютъ за городъ въ легкихъ волантахъ. Прокатившись нѣсколько разъ по широкимъ аллеямъ за Марсовымъ полемъ, онѣ возвращаются въ городъ, собираются вокругъ *Plaza de Armas*, четыреугольнаго сада передъ губернаторскимъ домомъ, и становятся по четыремъ сторонамъ у чугунной ограды. Синьйориты не оставляютъ своихъ волантъ, и ни одна изъ нихъ не пройдется разу по саду. Въ серединѣ этого сада четыре царственныя пальмы, возвышаясь по угламъ квадрата, осѣняютъ своими вершинами мраморный памятникъ Фердинанда VII. Въ толпѣ, расхаживающей по чистымъ дорожкамъ, можно видѣть представителей всѣхъ націй и породъ, обитающихъ въ Гаванѣ: Американцевъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Испанцевъ, и креоловъ, негровъ и мулатовъ, проработавшихъ день на сигарочныхъ фабрикахъ. Тутъ же показался Китаецъ въ своемъ народномъ костюмѣ, состоящемъ изъ широкихъ синихъ штановъ и короткой рубахи; на головѣ его торчала воронкообразная шляпа, плетеная изъ тростника. Но этотъ костюмъ обратилъ на себя менѣе вниманія публики чѣмъ показавшаяся въ толпѣ модная французская шляпка на головѣ только что пріѣхавшей изъ Европы Нѣмки. Вотъ на большихъ часахъ, на губернаторскомъ домѣ, пробило восемь. Вдали, со стороны гавани, раздался гулъ пушечнаго выстрѣла. Въ ближнихъ казармахъ забили зорю, и

когда прекратился трескъ барабановъ, въ садъ вошелъ оркестръ военныхъ музыкантовъ. Они стали у памятника Фердинанда, и воздухъ огласился звуками роговой музыки. Такимъ праздничнымъ гуляньемъ жители Гаваны наслаждаются каждый вечеръ.

Изъ саду мы часто ходили къ пристани. Тамъ, у мраморнаго фонтана, прислонившись къ каменнымъ периламъ, смотрѣли мы на гавань объятую темнотою, на укрѣпленія мрачно глядѣвшія съ противоположнаго берега, на одинокій огонекъ дальняго маяка. Въ глубинѣ залива отражались звѣзды, а поверхность его искрилась фосфорическимъ блескомъ. Не вполнѣ еще объясненное явленіе сверканія воды, производимое слизняками, полипами, наливчатыми и другими морскими животными низшей организаціи, здѣсь, подъ тропиками, бываетъ сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ умѣренномъ поясѣ. Когда рыба, играя, всплеснетъ бывало спокойную гладь воды, то по ней мгновенно пробѣгали огненныя струйки. Лодка, переплывая черезъ заливъ, оставляла за собой свѣтящуюся полосу, а съ веселъ потоками лились фосфорическія брызги. Въ тепломъ воздухѣ, пропитанномъ морскою свѣжестью, дышалось отрадно-легко. Еслибы счастье человѣка состояло въ одномъ матеріяльномъ блаженствѣ, то Гавана въ такую пору, по справедливости, могла бы называться земнымъ раемъ. Многіе, а въ особенности креолки, можно сказать, только и наслаждаются жизнью въ такую пору. Прослушавъ нѣсколько піесъ, онѣ въ своихъ волантахъ опять выѣзжаютъ за городскія стѣны; иныя спѣшатъ въ театръ; другія проѣхавшись по аллеямъ, уже поздно возвращаются домой и скрываются тамъ до слѣдующаго вечера. Фабричный работникъ или поденщикъ, едва добывающій себѣ пропитаніе, безпечно проводитъ вечеръ, наслаждаясь прогулкою и музыкой, и повидимому, забываетъ о нуждѣ ожидающей его завтрашній день.

Хотя Куба и не присоединена къ штатамъ Сѣверной Америки, но торговыя дѣла и промышленность ея находятся и безъ того въ рукахъ Англо-Американцевъ. Не только оптовая торговля и всѣ коммерческія операціи, но также и магазины въ городѣ, и лучшія гостиницы, принадлежатъ почти исключительно имъ и еще немногимъ Нѣмцамъ, переселившимся сюда изъ сѣверныхъ штатовъ.

Испанскій языкъ и испанскіе обычаи хранятся только между военными и чиновниками, переѣхавшими сюда изъ Испаніи, между лодочниками и рабочимъ народомъ, изъ котораго впрочемъ очень многіе говорятъ по-англійски. Испанскіе креолы, составляющіе классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, большею частью живутъ на дачахъ при своихъ плантаціяхъ, или *ingerio*, какъ называютъ ихъ. Гавана походитъ не столько на испанскую колонію, сколько на городъ, завоеванный Испанцами и удерживаемый силою оружія. Насъ не могла не поразить перемѣна, которую тугіе Американцы вносятъ даже въ мелочныя отношенія ихъ житейскаго быта. Въ особенности это обнаружилось за обѣденнымъ столомъ. Когда еще не было за нимъ Американцевъ, то, по окончаніи обѣда, креолы, разговорившись, оставались обыкновенно на своихъ мѣстахъ; вслѣдъ за послѣднимъ блюдомъ, негръ приносилъ мѣдную плоскую чашечку съ раскаленнымъ углемъ *(candela)* и, продолжая бесѣду, гости безцеремонно закуривали сигары и папиросы. Но съ того дня какъ въ гостиницу пріѣхала компанія Американцевъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ леди и джентльменовъ, бесѣды за столомъ прекратились сами собой; *кандела* уже не являлась, и всѣ уходили курить въ свои комнаты. Такое вліяніе Англо-американцевъ нельзя однако приписать нетерпимости, которая вовсе не въ ихъ характерѣ. Правда, нѣтъ людей, которые въ обществѣ были бы тише Сѣвероамериканцевъ, и здѣсь, въ ихъ сближеніи съ живыми и говорливыми Испанцами, еще рѣзче выказывался воздержный нравъ строгихъ Янки. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отдаютъ должное уваженіе всякому, господствующему обычаю въ чужой сторонѣ. Но креолы сами невольно подчиняются ихъ вліянію вслѣдствіе нравственнаго превосходства, которое безсознательно чувствуется потомками Испанцевъ, даже вопреки ихъ врожденной гордости.

Испанская колоніяльная система, основанная на завоеваніи и на военномъ деспотизмѣ, всегда сильно задерживала развитіе колоній. Испанскіе завоеватели, вовсе не заботились о введеніи земледѣлія въ новооткрытыхъ краяхъ Америки. Вниманіе ихъ преимущественно было обращено на добываніе дорогихъ металловъ и на покореніе туземцевъ, которые подвергались всѣмъ ужасамъ рабства. Жестокое обращеніе съ Караибами, прежними жи-

телями Кубы, повлекло за собою быстрое вымираніе племени, такъ что, къ концу XVII вѣка, на островѣ не оставалось уже ни одного Индійца. Презрѣніе къ земледѣлію было въ нравахъ Испанцевъ, считавшихъ всякую работу дѣломъ унизительнымъ. Въ колоніи переселялись преимущественно люди военные, чиновники, монахи, но весьма мало рабочихъ, которыхъ замѣняли невольниками. Въ противоположность земледѣльческимъ поселеніямъ въ Сѣверной Америкѣ, колоніи Испанцевъ, основанныя съ оружіемъ въ рукахъ, уже по самому существу своему не допускали значительнаго переселенія изъ метрополіи: испанскіе короли, опасаясь развитія духа свободы въ подданныхъ, которые въ отдаленныхъ колоніяхъ не могли быть подчинены строгой административной опекѣ, всѣми мѣрами затрудняли выселеніе изъ метрополіи. Оттого Испанцы всегда составляли самую малую часть жителей въ своихъ колоніяхъ, которыя съ трудомъ удерживались въ зависимости полицейскими мѣрами и военною силой. Сверхъ того, правительство въ прежнія времена, по возможности, старалось ограничивать сношенія своихъ колоній съ чуждыми странами, и разными стѣснительными мѣрами и монополіями препятствовало иностранцамъ селиться въ испанскихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ оно осуждало ихъ на застой. Вмѣстѣ съ тѣмъ введена была самая строгая цензура. Мы познакомились въ Гаванѣ съ Французомъ, намѣревавшимся издавать газету. Послѣ многихъ затрудненій со стороны правительства, ему наконецъ дозволено было приступить къ изданію, съ условіемъ однако не помѣщать въ ней никакихъ политическихъ извѣстій. Гуляя по берегу залива, мы часто заставали тамъ трудолюбиваго редактора; онъ писалъ свои статьи, сидя на лавкѣ въ тѣни смоковницъ, и окружавшая его тропическая природа была для него единственнымъ утѣшеніемъ. Разъ прочелъ онъ намъ только что написанное стихотвореніе. „Вотъ какъ приходится лавировать,“ говорилъ онъ, улыбаясь: „лишь бы отвлечь чѣмъ-нибудь подозрительность тупоумныхъ цензоровъ“. Стихотвореніе было сочинено по случаю рожденія сына королевы Изабеллы. Поэтъ-редакторъ сравнивалъ новорожденнаго съ утреннею звѣздой, предвозвѣстницею яснаго дня, намекая тѣмъ на неясность настоящихъ дней. И смѣшно и досадно было ему отъ собственной выходки.

Несмотря на всѣ запретительныя мѣры, или, вѣрнѣе,

вслѣдствіе этихъ мѣръ, духъ недовольства сильно распространился между креолами на Кубѣ. Правительство, опасаясь возстанія, принуждено было послать еще болѣе войска въ Гавану, слѣдствіемъ чего было еще большее угнетеніе жителей. Многіе изъ недовольныхъ удалялись въ Штаты. Тамъ генералъ Лопесъ, родомъ креолъ, собиралъ около себя Кубанцевъ, готовыхъ освободить угнетенное отечество. Въ 1850 году, онъ въ первый разъ высадился на островѣ съ пятью стами человѣкъ къ востоку отъ Гаваны. Но подоспѣвшія испанскія войска заставили его отступить и удалиться въ Сѣверную Америку. Годъ спустя Лопесъ снова прибылъ на островъ съ пятисотеннымъ отрядомъ; но надежды его на помощь со стороны туземныхъ креоловъ и на этотъ разъ не оправдались. Королевское войско настигло его отрядъ; многихъ взяли въ плѣнъ, и по приказанію губернатора разстрѣляли. Нѣкоторые скрылись въ горахъ, и самъ Лопесъ, избѣгая преслѣдованій, долго скитался по лѣсамъ; наконецъ голодъ принудилъ его искать убѣжища у креола Джосе Кастанадо, который и выдалъ его правительству. Лопесъ умеръ въ Гаванѣ на эшафотѣ. Народъ, сочувствуя Лопесу, съ негодованіемъ преслѣдовалъ его предателя. Нѣсколько разъ покушались на его жизнь, но неудачно. Наконецъ, года три спустя по смерти Лопеса, Кастанадо былъ застрѣленъ среди бѣла дня въ одной изъ кофеенъ въ Гаванѣ. Это совершилось въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ: убійца нашелъ однако возможность скрыться отъ преслѣдованій полиціи.

Тѣмъ однако не кончились попытки недовольныхъ, но въ рѣшительныя минуты робкихъ, креоловъ. Они составили въ Нью-Йоркѣ юнту, которая черезъ своихъ агентовъ вступила въ сношеніе съ жителями на островѣ. Новый планъ къ возстанію въ болѣе обширныхъ размѣрахъ былъ уже начертанъ. Креолы изъ знатнѣйшихъ семействъ въ Гаванѣ стояли во главѣ недовольныхъ. Но заговоръ былъ открытъ, и губернаторъ заранѣе принялъ мѣры къ оборонѣ. Многіе изъ креоловъ были схвачены и казнены. Экспедиція, начальникомъ которой назначенъ былъ генералъ Квитманъ, на этотъ разъ не состоялась.

Какія же выгоды извлекаетъ испанское правительство изъ такого безпокойнаго обладанія Кубой? На это сами Испанцы не могутъ дать опредѣленнаго отвѣта. Прави-

тельство, въ видѣ вознагражденія за оказанныя услуги, посылаетъ изъ Испаніи на Кубу губернаторовъ, которые пользуются почти неограниченною властію. Немногіе изъ нихъ оставались на островѣ болѣе пяти лѣтъ. Они смотрѣли на него какъ на вѣрнѣйшій источникъ къ обогащенію и почти всѣ возвращались въ Европу съ огромнымъ состояніемъ. Губернаторы допускали распродажу негровъ, которыхъ, несмотря на дѣятельность крейсеровъ, негроторговцы высаживали на берегъ. Сама мать королевы, Марія Христина, принимала участіе въ торговлѣ невольниками. При губернаторѣ Канедо контрабанда неграми совершалась въ такихъ большихъ размѣрахъ, что Англія наконецъ вступилась въ дѣло, и по ея требованію Канедо былъ отозванъ въ Европу. Послѣ восьмнадцати-мѣсячнаго правленія онъ возвратился въ Европу, какъ увѣряютъ, съ состояніемъ въ полтора милліона долларовъ. Соотвѣтственно этому нажились при немъ и чиновники. Губернаторъ Конча старался приблизить къ себѣ креоловъ, и правительство дало имъ даже нѣкоторыя преимущества. Но ненависть къ метрополіи укоренилась до того, что только присутствіе войска удерживаетъ ихъ отъ явнаго возстанія. При всемъ томъ испанское правительство на всѣ предложенія президента Бьюканана отвѣчало отказомъ, говоря: „продать Кубу значитъ продать честь Испаніи!"

Мы предпринимали поѣздку внутрь Кубы. Край лежащій на югозападъ отъ Гаваны принадлежитъ къ самымъ цвѣтущимъ и наиболѣе обработаннымъ частямъ острова. Прибывъ послѣ трехчасовой ѣзды по желѣзной дорогѣ въ мѣстечко Гванагай, мы остановились въ *фондѣ*; это была настоящая испанская гостиница, сохранившая своеобразный типъ. Американцы не успѣли еще проникнуть сюда а потому испанскій характеръ сохранился здѣсь вполнѣ; иногда даже казалось будто мы видимъ передъ собой картину цѣликомъ выхваченную изъ произведенія Сервантеса. Просторный дворъ, примыкавшій къ строенію фонды, былъ обведенъ довольно высокою оградой изъ дикаго камня, такъ что по примѣру знаменитаго ламанчскаго рыцаря издали легко было принять ее за старую крѣпостную стѣну. Живые, смуглые креолы, весело разговаривая, дѣлали выразительные жесты; казалось, они изъяснялись столько же руками, сколько и языкомъ. Въ билліардной, примыкав-

шей къ столовой, слышались удары кія и шумный говоръ. Къ обѣду намъ подали лапшу, рыбу, жареные бананы, и все это было приготовлено на любимомъ Испанцами оливковомъ маслѣ, которое придавало кушаньямъ непріятный вкусъ. Во время обѣда, съ улицы, въ высокія, настежь отворенныя двери, болѣе похожія на ворота сараевъ, въ столовую въѣхалъ верхомъ на лошакѣ новый гость. Земляной полъ комнаты не отдѣлялся никакимъ порогомъ отъ улицы, и всякій, желавшій остановиться въ фондѣ, въѣзжалъ прямо черезъ столовую на дворъ, куда вели другія, тоже высокія двери. Всадникъ остановился у одного изъ столовъ, и не слѣзая съ лошака, выпилъ предложенный ему стаканъ вина; потомъ поговорилъ съ своими знакомыми и выѣхалъ на дворъ. Никого, кромѣ насъ, и не удивило появленіе верховаго въ комнатѣ. Здѣсь, какъ видно, всякаго рода животныя привыкли забираться въ покои: вечеромъ, когда мы пошли занять свой нумеръ, мы прежде должны были выгнать забравшагося туда пѣтуха съ курами; потомъ принуждены были, несмотря на жаръ, замкнуть дверь и притворить даже ставни въ окнахъ, потому что гулявшій по двору оселъ, тревожимый любопытствомъ, то и дѣло просовывалъ въ комнату свои длинныя уши.

Цѣль нашей поѣздки была плантація близь Гванагая, куда мы и пошли на слѣдующее утро. Дорога была песчаная. Примѣсь желѣзной окиси придала песку совершенно красный цвѣтъ. На поверхности острова вообще попадается двоякаго рода почва: одна, состоящая изъ глины съ черноземомъ, и которую жители такъ и называютъ черноземомъ, считается лучшею для сахарнаго тростника; а другая, красная,—для кофейнаго дерева. Красная пыль ложилась на наши пеньковыя пальто, какъ будто ихъ обсыпали кирпичнымъ порошкомъ. Мы прошли нѣсколько сахарныхъ плантацій, которыя смѣнялись то полями, поросшими темнолиственными кустами кофейника, то банановыми рощами; мѣстами на грядахъ были разсажены ананасы; изъ-за пучка колючихъ листьевъ выглядывалъ золотистый плодъ, а въ воздухѣ разносился нѣжный ароматъ его. Вдали тянулся лѣсъ кокосовыхъ пальмъ; сѣрые, голые до верху стволы ихъ съ большими листьями на макушкѣ придавали ему монотонный видъ; намъ вспомнились хвой-

ные лѣса Россіи, въ которыхъ не увидишь ничего, кромѣ строевыхъ голыхъ сосенъ. Кое-гдѣ подъ сѣнью банановъ съ ихъ саженными листьями пряталась низенькая лачужка изъ пальмовой коры. Большія плантаціи были обведены оградой изъ бѣлаго известковаго камня, во множествѣ разсыпаннаго по поверхности острова. Цѣпкая павилика, съ лиловыми и фіолетовыми цвѣтами, взвиваясь по оградѣ, зеленью своею совершенно закрывала камень. Въ иныхъ мѣстахъ ограда замѣнялась землянымъ валомъ, усаженнымъ американскою агавой, извѣстною у насъ подъ именемъ столѣтняго дерева. Періодъ полнаго развитія агавы продолжается отъ пяти до десяти лѣтъ. Мясистые остроконечные листья ея собраны въ пучокъ, изъ середины котораго поднимается цвѣтовой стержень; вѣтви, выходящія изъ него во всѣ стороны и украшенныя на оконечностяхъ желтыми пахучими цвѣтами, придаютъ растенію видъ огромнаго канделабра.

Мы свернули наконецъ съ дороги въ широкую аллею; высокія, столпообразныя царственныя пальмы тянулись по обѣ стороны будто изящная колоннада: верхушки пальмъ, въ замѣнъ капители, увѣнчаны были большими листьями, изгибавшимися во всѣ стороны какъ страусовыя перья. Въ концѣ аллеи стояла статуя богини Молчанія, въ честь которой плантація и названа Ангероной. Съ другой стороны, изъ густой зелени сада, выступалъ большой господскій домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ верандами. Владѣлецъ, которому вручили мы письмо отъ нашего консула, принялъ насъ съ привѣтливостью свойственною вообще Испанцамъ. Онъ самъ водилъ насъ по плантаціи. Прежде всего пошли мы въ поле, гдѣ на ту пору производилась жатва сахарнаго тростника. Никакое другое поле не можетъ сравниться по красотѣ съ тростниковымъ. Узкіе изжелта-зеленые листья на вершинахъ высокихъ стеблей тихо колебались отъ вѣтра. Но и жатва на такой плантаціи—самая трудная изъ всѣхъ полевыхъ работъ, тѣмъ болѣе что при этомъ употребляются здѣсь самыя несовершенныя орудія: простые широкіе ножи, подобные нашимъ косарямъ. Ими-то негры порубали у самаго корня стебли, въ руку толщиною; потомъ очищали ихъ отъ вершинныхъ листьевъ и взваливали на телѣги, которыя отвозились волами на заводъ.

Здѣшній тростникъ рослѣе и содержитъ въ себѣ болѣе процентовъ сахару чѣмъ тотъ, который растетъ въ штатахъ Сѣверной Америки. Притомъ, благодаря болѣе жаркому климату, самая обработка тростниковаго поля на Кубѣ требуетъ гораздо менѣе труда; послѣ одной разсадки, здѣсь съ поля снимаютъ до тридцати жатвъ, тогда какъ въ Штатахъ тростниковыя поля перепахиваются каждыя пять лѣтъ, и даже чаще. А потому Штаты по причинѣ болѣе сѣвернаго положенія не могутъ выдержать конкурренціи съ Вестъ-Индіей, съ среднею и южною Америкою, и только несоразмѣрный тарифъ, наложенный на привозный сахаръ, поддерживаетъ сахарныя плантаціи въ Штатахъ. Производство сахара на Кубѣ увеличилось особенно съ тѣхъ поръ какъ на заводахъ стали употреблять паровыя машины. Устройство ихъ требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя окупаются только когда сахарный тростникъ разводится въ большихъ размѣрахъ. Ни одно растеніе не приноситъ такихъ выгодъ, какъ сахарный тростникъ. А потому на большихъ плантаціяхъ, хозяева, обладающіе машинами, ограничиваются производствомъ одного сахара; поля, которыя прежде были занятыя кофейнымъ деревомъ, табакомъ и другими тропическими растеніями, перепаханы и засажены тростникомъ. Для такой разсадки, узловатые стебли растенія кладутся горизонтально въ борозды вспаханнаго поля и закрываются землею. Недѣли черезъ двѣ, изъ каждаго узла выходитъ стебелекъ. Мѣсяцевъ черезъ десять, тростникъ достигаетъ полнаго роста и его срѣзаютъ. Изъ узловъ оставшагося въ землѣ корня выростаютъ новые отпрыски, которые поспѣваютъ къ жатвѣ на слѣдующій годъ.

Сдѣлавшись для народовъ Европы и Америки изъ предмета роскоши предметомъ насущной потребности, сахаръ въ наше время есть одно изъ важнѣйшихъ произведеній всемірной торговли. Употребленіе его расширяется вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи, и хотя въ умѣренномъ поясѣ свекловица и американскій кленъ доставляютъ уже довольно значительное количество сахару; но эти растенія не могутъ задержать распространенія тростника: пришлось бы обширныя страны засадить кленомъ и засѣять свекловицей для того чтобы замѣнить все количество потребляемаго теперь тростниковаго сахара.

Въ Европу, по приблизительному разчету, ежегодно привозится около десяти милліоновъ центнеровъ; Куба доставляетъ почти десятую часть этого количества. Можно судить поэтому, какое важное мѣсто въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ суждено занять какъ Вестъ-Индскимъ островамъ, такъ и тропическимъ странамъ Америки вообще.

Во время нашего пребыванія на *ингеніо* Ангеронѣ началась выварка сахару на заводѣ. Подвезенный съ поля тростникъ сваливался близь паровой машины въ огромныя груды. Негритянки и дѣти охабками подавали его двумъ неграмъ, которые пропускали тростникъ между тремя стальными, почти соприкасающимися между собою, цилиндрами. Выжатый сокъ стекалъ по подставленнымъ внизу жолобамъ въ большіе котлы, подверженные сильному жару; а лишенные сока, измятые стебли, тотчасъ же подбирались неграми, высушивались и потомъ поступали въ печи въ добавку къ дровамъ. Самая трудная работа происходила у котловъ, гдѣ кипѣлъ и пѣнился сладкій сокъ. Негры снимали пѣну огромными лопатами, и покрикивали при этомъ странными голосами, соблюдая какой-то неуловимый ритмъ и тактъ въ непонятныхъ звукахъ. „Это адъ!“ сказалъ намъ хозяинъ; и точно, при тускломъ свѣтѣ лампъ, мерцавшихъ сквозь мглу, подымавшагося изъ котловъ густаго пара, двигались словно демоны, черныя полунагія фигуры и раздавались какіе-то зловѣщіе крики. Изъ бѣлыхъ никто не понималъ что̀ именно кричатъ негры. Управляющій говорилъ, что они даютъ знать истопникамъ, когда нужно прибавлять жару. „А можетъ-быть“, прибавилъ онъ шутя, „они условливаются между собою, чтобы по данному сигналу подхватить всѣхъ бѣлыхъ, да окунуть ихъ въ сахарный кипятокъ“. Разказываютъ, будто во время возстанія на Гаити, негры, мстя своимъ притѣснителямъ, дѣйствительно прибѣгали къ такому адскому средству.

Владѣльцы мелкихъ участковъ на островѣ, не имѣя средствъ завести у себя паровую машину, производятъ по преимуществу кофе и табакъ. Мы пошли къ одному изъ мелкихъ владѣльцевъ, плантація котораго хотя и не могла по обширности сравниться съ Ангероной, представляла однако большее разнообразіе тропической флоры.

Кофейное растеніе пріютилось подъ густою листвою деревъ отъ вредныхъ для него палящихъ лучей солнца. Между его глянцевитыми темными листьями висѣли похожіе на вишни плоды, содержащіе въ себѣ по парѣ бобовыхъ сѣмечекъ. Когда наружная мясистая оболочка начинаетъ трескаться, то негры, обходя съ мѣшками кустики, собираютъ спѣлые плоды. Для разведенія кофейнаго растенія берутъ свѣжія, еще не высохшія сѣмена; пролежавъ съ мѣсяцъ на воздухѣ, они уже не годятся для посѣва. На третій годъ, на деревцѣ показываются первые плоды. Съ одного и того же растенія сборъ продолжается отъ десяти до пятнадцати лѣтъ къ ряду, и оно даетъ около десяти фунтовъ кофея ежегодно. Кофей все еще составляетъ для Кубы весьма важный предметъ вывоза, несмотря на то что съ расширеніемъ производства сахара на островѣ стали менѣе разводить кофейное дерево.

Та же участь постигла и другое важное для Кубы растеніе—табакъ. На островѣ намъ приходилось видѣть подъ табакомъ весьма небольшіе участки, да и тѣ попадались не такъ часто, какъ бы слѣдовало ожидать по огромному количеству сигаръ, продаваемыхъ подъ фирмою гаванскихъ не только по всей Европѣ, но и въ Сѣверной Америкѣ. Болѣе всего табаку воздѣлывается въ западной части острова, откуда доставляютъ въ Гавану самые высшіе сорты сигаръ. Лучшее достоинство тамошняго табаку зависитъ, по словамъ хозяевъ, отъ особеннаго свойства почвы, и только немногія мѣста на островѣ одарены тою черною землею, которую особенно любитъ табакъ. На Кубѣ нѣтъ такихъ обширныхъ табачныхъ плантацій, какими изобилуетъ Сѣверная Америка, и въ особенности Кентукки; въ этомъ штатѣ ежегодно производится слишкомъ пятьдесятъ пять милліоновъ фунтовъ, тогда какъ Куба доставляетъ только десятую часть того же количества. Такое, сравнительно, ограниченное производство настоящаго туземнаго растенія, которое въ первый разъ открыто Колумбомъ на Кубѣ и которымъ островъ издавна славится, должно приписать преимущественно тому, что воздѣлываніе его невыгодно въ сравненіи съ другими произведеніями тропиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ сахарный тростникъ послѣ одной разсадки даетъ до тридцати жатвъ, подъ табакъ необходимо перепахивать поля каждый годъ и

вновь засѣвать ихъ. Притомъ табакъ во время своего роста требуетъ внимательнаго ухода. Оттого на обширныхъ *ингеніяхъ* онъ не воздѣлывается почти вовсе, а мелкіе владѣльцы засѣваютъ имъ лишь небольшіе участки по близости дома, и ухаживаютъ за ними съ особеннымъ стараніемъ. Притомъ табакъ съ выгодою можетъ быть разводимъ не только въ тропическихъ странахъ, но и въ умѣренныхъ. Вслѣдствіе такой способности примѣняться къ различнымъ климатамъ, табачное производство быстро распространилось во всѣхъ частяхъ свѣта, и эта обширная конкурренція есть также одна изъ причинъ, что воздѣлываніе его на островахъ Вестъ-Индіи не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія приносятъ другія исключительно тропикамъ свойственныя растенія.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ангероны, хозяинъ пригласилъ насъ съ собой на охоту. Въ назначенный день, съ восходомъ солнца, мы пустились въ горы, верхомъ на иноходцахъ, на которыхъ обыкновенно ѣздятъ Кубанцы. Охотниковъ набралось шесть человѣкъ; каждый взялъ съ собой по двухствольному ружью. Кромѣ того, было нѣсколько человѣкъ негровъ тоже верхомъ; одному изъ нихъ поручили гончихъ собакъ. Проѣхавъ между тростниковыми полями, мы очутились въ лѣсу, подъ сѣнью разнообразныхъ деревъ, отличавшихся то объемистыми стволами голыми до значительной высоты и распускавшимися на верху широкимъ шатромъ, то прекрасною густою листвой. Насъ особенно поразило страшное чужеядное дерево изъ семейства фиговыхъ, называемое Кубанцами *Yaguay embra*. На подобіе толстой коры покрываетъ оно другое дерево, такъ что стволъ послѣдняго представляетъ собою какъ бы сердцевину. Мѣстами, словно въ дуплѣ, виденъ былъ не совсѣмъ еще вымершій внутренній стволъ; онъ выпускалъ наружу вѣтви съ зелеными еще листьями, которые легко было отличить отъ овальныхъ, въ ладонь величиною, листьевъ губителя. Обыкновенно внутреннее дерево, задушенное въ ужасныхъ объятіяхъ, умираетъ наконецъ совершенно и падаетъ вмѣстѣ съ своимъ убійцею. Пальмы однако живучѣе: мы видѣли, какъ уже довольно старое чужеядное дерево стиснуло въ своихъ объятіяхъ стволъ кокосовой пальмы, но не задушило ея; поднявшись надъ раскидистою верхушкой душе-

губца, пальма распустила тамъ во всѣ стороны свои большіе листья-перья.

Изъ лѣсу мы выбрались на обширную поляну, на которой здѣсь и тамъ, отдѣльными клумбами, возвышался статный бамбукъ. Эта древовидная трава жаркаго пояса, своимъ узкимъ травянистымъ листомъ и гибкимъ стеблемъ достигающимъ высоты нашихъ березъ, придаетъ открытой мѣстности своеобразный и веселый видъ. Тутъ же на полянѣ стояло нѣсколько деревъ манго. Сучья и вѣтви были такъ густо покрыты кожистымъ темнозеленымъ листомъ, что округленная верхушка манго подобилась огромному зеленому куполу. Мясистые, немного пряные на вкусъ плоды этого дерева, называемые яблоками Кубы,—величиною съ гусиное яйцо и желтоватаго цвѣта. Между деревьями, такъ мало похожими на наши, показалась и пихта,—единственная представительница на островѣ хвойныхъ породъ холоднаго сѣвера. Но пихта на Кубѣ уже не то коренастое дерево съ здоровымъ стволомъ, какимъ выростаетъ она у насъ: ей какъ будто не достаетъ нашихъ морозовъ и вьюгъ. Нетолстый, нѣсколько корявый стволъ возвышается довольно высоко; сучья отчасти обвисли и снабжены мягкими, трубчатыми, внутри полыми иглами, изъ-зелена-пепельнаго цвѣта, придающаго дереву какой-то тоскливый видъ.

Миновавъ нѣсколько маленькихъ плантацій, мы поднялись на невысокій хребетъ внутреннихъ горъ. Въ кустахъ, покрывающихъ холмы и лощины, водятся олени, привезенные на Кубу лѣтъ за пятьдесятъ изъ Мексики и расплодившіеся въ горахъ благодаря отсутствію хищныхъ звѣрей. Негръ-доѣзжачій бросилъ собакъ въ кусты. Охотники, съ перекинутыми черезъ сѣдло ружьями, скакали съ пригорка на пригорокъ, не разбирая ни кустовъ, ни рытвинъ, и сообразуясь лишь съ раздававшимся по временамъ лаемъ. Собаки начинали уже уставать, а оленей все не было видно. Наконецъ удалось напасть на слѣдъ. Охота оживилась, и все поскакало съ одного холма на другой. Преслѣдуемые собаками, три оленя пронеслись кустами. Одинъ изъ охотниковъ пустился имъ на перерѣзъ, и не слѣзая съ лошади, выстрѣлилъ,—промахъ! Угнавъ оленей въ горы, собаки воротились измученныя. Негръ-доѣзжачій, раздосадованный неудачей, вскинулся на стрѣлявшаго за то что онъ испор-

тилъ все дѣло. Охотникъ, креолъ, оправдывался какъ провинившійся. Эта сцена развлекла насъ оригинальностью положенія дѣйствующихъ въ ней лицъ: страсть заставила забыть разстояніе, отдѣлявшее чернаго раба отъ бѣлаго господина, и въ пылу охоты послѣдній невольно подчинялся первому. Доѣзжачій настоялъ на томъ, чтобъ еще разъ пустить собакъ и попытать счастіе. Опять поскакали. Собаки вскорѣ залаяли по слѣду; но въ это самое время въ кустахъ послышался сигнальный звукъ рога, призывавшій на помощь. Всѣ поспѣшили туда. Лошадь подъ однимъ изъ охотниковъ попала на скаку въ заросшую зеленью рытвину, и перевернувшись всѣмъ корпусомъ, лежала стиснутая съ боковъ кверху ногами. Охотникъ, къ счастію, успѣлъ высвободиться изъ-подъ лошади; но сама она никакъ не могла подняться на ноги. Ее вытащили при помощи негровъ, связавъ вмѣстѣ нѣсколько ремней. Собаки между тѣмъ, гоняясь за оленями, забѣжали такъ далеко, что доѣзжачему стоило немалаго труда собрать ихъ.

На возвратномъ пути мы взъѣхали на высшую точку въ хребтѣ, на вершину Санъ-Исидоръ. Оттуда намъ виденъ былъ островъ поперекъ, отъ одного береговаго края до другаго. На сѣверѣ темнѣли воды Мексиканскаго залива, а на югѣ—Антильскаго моря, на поверхности котораго темнымъ пятномъ обозначился островокъ Пиносъ, названный такъ по большимъ растущимъ на немъ пихтамъ (*pino*). Внизу подъ нами, среди зелени лѣсовъ и банановыхъ рощъ, разсыпаны были строенія мелкихъ плантаторовъ; тамъ далеко, бѣлѣли домики города Гванагая, а вотъ и Ангерона, къ которой мы и направили своихъ усталыхъ иноходцевъ. Солнце стало скрываться за дальними горными вершинами; мы спѣшили домой, чтобы насъ не застигли короткіе сумерки.

Ангерона и сосѣднія съ ней плантаціи расположены въ мѣстности принадлежащей къ самымъ воздѣланнымъ и наиболѣе живописнымъ на островѣ; недаромъ этотъ край названъ садомъ Кубы. Послѣ него другія мѣста должны показаться уже менѣе привлекательными. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ближе подъѣзжали мы по желѣзной дорогѣ къ южному антильскому берегу, тѣмъ бѣднѣе становилась растительность. Вмѣсто богатыхъ *ингеніо*, попадались бѣдныя хижины крытыя пальмовымъ листомъ. Малонаселенные

города представляли видъ опустѣнія. Даже самый портъ Батабано, въ которомъ остановились мы на время, состоялъ не болѣе какъ изъ сорока одноэтажныхъ домиковъ и лачужекъ построенныхъ на болотѣ. Городъ расположенъ прямо къ югу отъ Гаваны на берегу Антильскаго моря. Пассажиры, отправляющіеся изъ Гаваны въ Санъ-Яго-де-Куба, находящійся на юго-восточной части острова, переѣзжаютъ обыкновенно по желѣзной дорогѣ въ Батабано, и не останавливаясь въ городѣ, ѣдутъ далѣе на пароходѣ. Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Испанцы задумали было основать здѣсь торговое средоточіе своей колоніи; но болотистая, вредная для здоровья мѣстность, побудила ихъ перенести его на сѣверный берегъ, гдѣ теперь стоитъ Гавана. Съ тѣхъ поръ ничего не могли сдѣлать чтобъ улучшить положеніе города, который по мѣсту имъ занимаемому обѣщаетъ столько выгодъ для мореходства по Антильскому морю. Воздухъ въ Батабано до того пресыщенъ испареніями изъ приморскихъ болотъ, что въ фондѣ, гдѣ мы ночевали, къ утру отсырѣло наше бѣлье. Бо́льшая часть жителей состоитъ изъ рыбаковъ, отсылающихъ рыбу по желѣзной дорогѣ внутрь острова, и изъ дровосѣковъ, привозящихъ на своихъ большихъ лодкахъ дрова съ лежащаго противъ пристани острова Пиноса, богатаго пихтовымъ лѣсомъ. Кромѣ того, вдоль морскаго берега, въ шалашахъ изъ пальмовыхъ листьевъ, живу́тъ угольщики-негры, доставляющіе уголь на желѣзную дорогу. Дрова, уголь и рыба составляютъ такимъ образомъ всю промышленность города Батабано.

Внутренніе города Кубы, даже тѣ, черезъ которые проходитъ желѣзная дорога, также мало оживлены торговою дѣятельностью. По закону противоположности, намъ вспоминались при видѣ ихъ еще не готовые, но оживленные и всегда строящіеся города въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ въ перспективѣ всегда видѣлось будущее развитіе возникающаго мѣстечка. Здѣсь-же, напротивъ, города уже давно выстроенные представляли видъ распаденія и запустѣнія. Такъ въ Бехукалѣ, гдѣ пробыли мы нѣсколько дней, не только не приходилось видѣть какихъ-нибудь новыхъ построекъ, но даже старые полуразвалившіеся дома съ толстыми каменными стѣнами оставались безъ починки. Оттого нерѣдко случалось, что одна поло-

вина дома была обитаема, тогда какъ другая, отдѣленная отъ первой каменною стѣной, стояла въ видѣ развалины и даже безъ крыши; внутри пустаго строенія разростался большими кустами лапчатый кактусъ, по мясистымъ стеблямъ котораго взвивались цвѣтущія биньйоніи. Въ городѣ когда-то былъ садъ. Теперь отъ него остались дорожки, выложенныя плитнякомъ, вполовину сломанный памятникъ по серединѣ сада, каменныя скамейки съ отбитыми углами, нѣсколько деревьевъ и три пальмы, вмѣсто четырехъ какъ бы слѣдовало, по угламъ памятника. Все свидѣтельствовало, что городъ когда-то былъ и хорошо обстроенъ, и многолюденъ; но это было давно, во времена войнолюбивыхъ *конкистадоровъ*, покорившихъ владычеству Испаніи лучшія страны тропической Америки. А теперь даже желѣзная дорога, проведенная черезъ Бехукаль, не могла пробудить его къ новой жизни, и кажется будто обитатели доживаютъ въ немъ послѣдній срокъ, дожидаясь только, когда обрушатся наконецъ остальныя строенія.

Этотъ отживающій городъ представлялъ въ маломъ видѣ картину распаденія испанскаго владычества въ Новомъ Свѣтѣ. Изъ обширныхъ владѣній, простиравшихся отъ Калифорніи до устьевъ Ла-Платы и составлявшихъ главный источникъ богатства и могущества испанскихъ королей, за ними только и остались два острова, Куба и Порторико. Да и тѣ, по причинѣ ложной колоніяльной системы основанной на военномъ деспотизмѣ, показываютъ мало отраднаго какъ въ торговомъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи. Несмотря на благодатный климатъ, на плодородіе почвы, воздающей сторицею за трудъ человѣка, несмотря на удобство сообщеній по желѣзной дорогѣ,—хозяйство мелкихъ землевладѣльцевъ на Кубѣ до сихъ поръ находится на весьма низкой степени. Мы посѣщали, въ окрестностяхъ Бехукаля, добродушныхъ, всегда гостепріимныхъ поселенцевъ. Разъ зашли мы въ домикъ, стоявшій подъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ и апельсинныхъ деревьевъ. У дверей росло хлѣбное дерево съ большимъ изрѣзаннымъ листомъ; на немъ висѣли плоды величиною съ дѣтскую голову. Хозяинъ учтиво пригласилъ насъ въ комнату,—такъ по крайней мѣрѣ назвалъ онъ пространство подъ пальмовой крышей, огороженное четырьмя стѣнами изъ пальмовыхъ бревенъ, и съ голою землей вмѣсто

пола. Столъ о трехъ ножкахъ, прислоненный къ стѣнѣ, нѣсколько полуизломанныхъ стульевъ и старый шкафъ составляли все убранство этого жилища. Два креола въ рубахахъ, порыжѣвшихъ отъ красной пыли, покачивались на стульяхъ, сложивъ на-крестъ руки. Хозяйка занималась починкою своего платья. Мальчикъ лѣтъ пяти, совершенно голый, возился на земляномъ полу. Мы попросили банановъ. Хозяинъ позвалъ дѣвочку, и она тотчасъ же отправилась въ рощу, откуда вскорѣ принесла десятокъ плодовъ самаго лучшаго сорта. Съѣвъ по банану, мы хотѣли заплатить хозяину; но онъ наотрѣзъ отказался принять деньги отъ своихъ гостей. Несмотря на бѣдность, эти поселенцы также учтивы, также гордятся своимъ гостепріимствомъ, какъ и богатые землевладѣльцы. Бо́льшая часть земли, принадлежащей креолу, была занята бананами. На незначительномъ участкѣ росли бататы, кукуруза и немного табаку для собственнаго употребленія. Близь хижины находилась саванна, то-есть лугъ поросшій высокою травой. Съ одной стороны къ саваннѣ примыкалъ лѣсъ, а съ другой она была ограничена обнаженными скатами горъ. На ней паслись три коровы, бродя по брюхо въ травѣ. Внутренность острова изобилуетъ богатыми пастбищами, на которыхъ скотъ можетъ кормиться круглый годъ. Несмотря на эти выгоды, весьма немногіе занимаются скотоводствомъ. Оттого мясо на Кубѣ вообще очень дорого.

Возвратившись въ Гавану изъ нашей поѣздки внутрь острова, мы попали на праздникъ негровъ, который бываетъ въ Крещеніе. Разъ въ годъ чернокожимъ дозволяется предаваться удовольствіямъ, и рабы на этотъ день становятся свободными, не признавая надъ собою ничьей власти. Въ гостиницѣ, гдѣ прислуга состояла изъ негровъ, каждый изъ насъ за завтракомъ нашелъ на своей тарелкѣ поздравительные стихи напечатанные на голубой бумагѣ. За это слѣдовало положить по доллару въ пользу прислуги. На улицѣ, между тѣмъ, чернокожіе составляли своего рода карнавалъ. Толпы разряженныхъ, съ музыкой, барабанами, разными погремушками и пестрыми знаменами, распѣвая и приплясывая, переходили съ мѣста на мѣсто. По временамъ они останавливались передъ домами, собираясь въ кружокъ среди улицы. Поставивъ между колѣнъ барабаны, сдѣланные изъ выдолбленнаго пня, негры били тактъ пал-

ками на натянутой кожѣ; къ этому присоединялась обыкновенно дудка, что-то въ родѣ гитары; иные же просто хлопали въ ладоши. На середину круга выходили по нѣскольку негровъ и негритянокъ, и отплясывали какой-нибудь импровизованный танецъ, при одобрительныхъ крикахъ товарищей. Съ балконовъ зрители бросали деньги въ толпу; она уходила, а на ея мѣсто являлась другая группа. Нѣкоторыя толпы состояли изъ характеристическихъ костюмовъ. Такъ одна представляла мусульманъ: негры, украсивъ головы чалмами, разодѣлись въ пестрые шаровары и куртки. Другая группа состояла изъ краснокожихъ Караибовъ: почти нагіе негры вымазали все тѣло красною глиной, сквозь которую лоснилась черная кожа; на рукахъ и ногахъ блестѣли кольца и браслеты; на головахъ развѣвались разноцвѣтныя перья. Толпы эти занимали всю ширину улицы, такъ что ни одна воланта не показывалась въ городѣ. На *plaza de armas* съ утра была самая большая давка. Въ саду играла полковая музыка. Шумныя толпы негровъ останавливались передъ домомъ губернатора. Къ нему съѣхались на поздравленія знатнѣйшіе сановники, военные и всякія должностныя лица, которые въ свою очередь представляли довольно пеструю картину: мундиры разныхъ цвѣтовъ съ блестящимъ шитьемъ и эксельбантами наполняли обширную террасу.

Пѣсни, шумъ и звуки барабановъ продолжались на улицахъ до четвертаго часу. Къ вечеру негры разошлись по кофейнямъ и по разнымъ домамъ, гдѣ устраивались балы. Мы отправились въ томъ домъ, гдѣ собрались слуги изъ нашей гостинницы. Въ небольшой комнатѣ находилось человѣкъ до пятидесяти. Негры были одѣты весьма прилично въ легкихъ, туго накрахмаленныхъ сюртукахъ. Негритянки щеголяли въ бальныхъ платьяхъ разныхъ цвѣтовъ и матерій. Въ обращеніи между собой гости старались поддержать тонъ и формы, которые переняли они у своихъ господъ. Танцовали кадриль подъ звуки двухъ скрипокъ и віолончели. Возвращаясь въ гостиницу, мы слышали музыку и въ другихъ домахъ, гдѣ на такомъ же балу веселились невольники. До самой полуночи долетали до насъ отрывочные звуки віолончели или скрипки; все еще танцовали и веселились негры, пользуясь немногими быстроуходящими часами мнимой свободы.

Англійская компанія вестъ-индскаго пароходства поддерживаетъ постоянное сообщеніе между Антильскими островами. Сборнымъ мѣстомъ для пароходовъ, плавающихъ по водамъ Мексиканскаго залива, служитъ маленькій островъ Санъ-Томасъ, лежащій близь Порторико, къ востоку отъ этого крайняго изъ большихъ Антиловъ. Когда на пароходѣ изъ Гаваны въѣхали мы въ защищенную со всѣхъ сторонъ небольшую бухту Санъ-Томаса, то не могли налюбоваться представившеюся намъ картиной. Однимъ взглядомъ окинули мы и небольшую бухту съ стоящими на якоряхъ пароходами и кораблями, числомъ до тридцати, и на краю берега новенькій городокъ прислонившійся къ горѣ, которая круто поднималась за нимъ, и маленькую крѣпостцу съ пушками, и развалины круглыхъ башень на холмѣ, служившихъ притономъ флибустьерамъ въ тѣ времена, когда они совершали смѣлые морскіе набѣги по водамъ Мексиканскаго залива. Все смотрѣло такъ весело, такъ миніатюрно.

Какъ ни мала гавань, какъ ни незначителенъ островокъ, который по безплодію почвы самъ по себѣ ничего не производитъ, однако онъ занимаетъ, въ настоящее время, важное мѣсто между Антильскими островами. Значеніе его возвысилось еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ датское правительство объявило Санъ-Томасъ вольнымъ портомъ. Находясь на перепутьи между большими и малыми Антилами, онъ составляетъ естественный узелъ морскихъ путей сообщенія между Европой, Вестъ-Индіей и портами по берегамъ Мексиканскаго залива и Караибскаго моря. Два раза въ мѣсяцъ съѣзжаются сюда пароходы изъ Кубы, Ямайки, изъ Демерары въ Южной Америкѣ, изъ Аспинваля въ центральной; всѣ они привозятъ съ собой пассажировъ и товары, которые въ Санъ-Томасѣ переходятъ на одинъ большой пароходъ и на немъ уже плывутъ въ Англію, въ Саутамптонъ.

Во время всеобщаго съѣзда пароходовъ Санъ-Томасъ представляетъ пеструю оживленную картину торговой дѣятельности. Въ гавани развѣваются флаги разныхъ націй. Между ними показался при насъ двуглавый русскій орелъ. Послѣ мы узнали, что русскій торговый бригъ, плававшій изъ Риги въ Англію, былъ нанятъ компаніей для доставки въ Санъ-Томасъ каменнаго угля. На главной, почти единствен-

ной улицѣ города, въ это шумное время, встрѣчаются представители разнохарактерныхъ европейскихъ и американскихъ національностей. Слышится говоръ на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, испанскомъ и датскомъ языкахъ; а чернокожіе по временамъ перекликаются между собой на своемъ непонятномъ нарѣчіи. Такая дѣятельная жизнь продолжается три или четыре дня. Когда же съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ пароходы, размѣнявшись пассажирами и грузами, разъѣдутся каждый по своему назначенію, тогда въ Санъ-Томасѣ на двѣ недѣли наступаетъ невозмутимое затишье, какое можно испытать только на островѣ, отдѣленномъ отъ всего міра неоглядною поверхностью водъ.

Не такъ еще давно весь островъ былъ покрытъ зеленѣвшими полями тростника; но съ освобожденіемъ невольниковъ сахарныя плантаціи упали. За исключеніемъ немногихъ банановъ, посаженныхъ неграми, и небольшихъ огородовъ, на островѣ не видать болѣе никакихъ слѣдовъ земледѣлія. Защитники невольничества нерѣдко ссылаются на подобные случаи упадка сахарнаго производства какъ на вредныя будто бы послѣдствія несвоевременной эманципаціи. Но чтобъ убѣдиться въ несостоятельности такихъ доводовъ, стоитъ только указать на сосѣдній островъ Санта-Крусъ. По освобожденіи негровъ и со введеніемъ вольнонаемной работы, на немъ не только не уменьшилось число плантацій, но они доведены напротивъ до болѣе цвѣтущаго состоянія; теперь Санта-Крусъ наполненъ непрерывающимся рядомъ садовъ и прекрасно воздѣланныхъ полей. Не трудно объяснить, отчего эманципація на обоихъ островахъ, при одинакихъ обстоятельствахъ, имѣла противуположныя послѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ, островъ Санъ-Томасъ состоитъ изъ каменистаго грунта, покрытаго нетолстымъ слоемъ плодоносной почвы; куда ни обратиться, вездѣ наружу выглядываетъ твердый камень. Воздѣлываніе сахара, требующаго по преимуществу глубокаго пахатнаго слоя, не могло быть выгодно на такой почвѣ. Но располагая трудомъ невольниковъ, плантаторы кое-какъ поддерживали хозяйство, налегая сильнѣе на своихъ рабочихъ; доходъ все-таки получался, а за работу платить не приходилось; а потому при хозяйственной смѣтѣ она почти и не входила въ разчетъ у плантаторовъ. Когда же пришлось ввести наемный трудъ, то оказалось, что

расходы на работниковъ не вознаграждались получаемыми съ полей произведеніями. Напротивъ того, на Санта-Крусѣ, при менѣе гористой, плодородной почвѣ этого острова, вольный трудъ оказался выгоднѣе прежняго. Онъ давалъ плантаторамъ полную возможность вводить у себя разныя улучшенія и раціональныя системы хозяйства, чему прежде препятствовало невольничество, связывавшее дѣятельность хозяевъ. Между вольнонаемными неграми возникло соревнованіе, поддерживаемое возвышеніемъ платы сообразно съ стараніемъ каждаго. Работы вслѣдствіе этого производились добросовѣстнѣе и съ бóльшимъ успѣхомъ. Всего этого нельзя было достигнуть при обязательномъ трудѣ. Итакъ, не освобожденіе негровъ было причиною упадка плантацій на Санъ-Томасѣ: эманципація обнаружила только невыгоду воздѣлыванія сахара на каменистомъ грунтѣ и заставила плантаторовъ отказаться отъ такой неразчетливой растраты силъ.

Вопреки предсказаніямъ рабовладѣльцевъ, негры по освобожденіи не только не предались лѣности, не только не отказались отъ труда, но, по свидѣтельству самихъ жителей, предложеніе работъ превзошло всякія ожиданія; наемная плата установилась весьма умѣренная. На Санъ-Томасѣ негры пошли въ услуженіе въ купеческіе дома, нанялись къ судохозяевамъ, а иные завели собственные боты и стали промышлять перевозкою пассажировъ и кладей съ пароходовъ прибывающихъ въ гавань. Такой нормальный исходъ эманципаціи должно приписать отчасти менѣе стѣснительному положенію негровъ еще до ихъ освобожденія на датскихъ островахъ. Правительство ограничивало власть рабовладѣльцевъ, и издало въ пользу бывшихъ невольниковъ разныя благодѣтельныя постановленія; такъ между прочимъ невольники освобождались отъ господскихъ работъ не только въ воскресенье, но и въ субботу: работая въ эти дни на себя, они были въ состояніи пріобрѣсть собственность. Сверхъ того, на счетъ колоній устроены были школы, въ которыя посылались дѣти негровъ отъ четырехъ до девяти лѣтъ. Вслѣдствіе такихъ мѣръ, въ неграхъ развились и поддерживались разныя потребности, тѣсно связанныя съ условіями цивилизаціи. Они привыкли къ удобному жилищу, къ кровати и другой мебели, къ лучшей пищѣ и одеждѣ. Чернокожіе — вообще охотники пощеголять, въ особенности

женщины. Они, по увѣренію жителей, готовы работать цѣлую недѣлю, лишь бы удовлетворить своимъ прихотямъ.

Эманципація на датскихъ колоніяхъ воспослѣдовала гораздо ранѣе чѣмъ предполагалось самимъ правительствомъ. Этимъ негры одолжены губернатору Санта-Круса, Шольтену. По распоряженію правительства, предназначалось совершенно прекратить невольничество не ранѣе 1859 года. Но уже въ 1848 году губернаторъ въ офиціальномъ донесеніи своемъ писалъ, что, опасаясь возстанія, онъ съ согласія плантаторовъ рѣшился немедленно объявить свободу неграмъ, не выжидая на то разрѣшенія датскаго правительства. По разказамъ очевидцевъ, это дѣло происходило такимъ образомъ: невольники, ободряемые покровительствомъ, которое при всякомъ случаѣ оказывалъ имъ Шольтенъ, рѣшились просить его о немедленномъ освобожденіи. Губернаторъ собравъ у себя рабовладѣльцевъ, уговаривалъ ихъ уступить требованію негровъ. Плантаторы упорствовали. Тогда на улицахъ стали показываться толпы негровъ, грозившихъ явнымъ мятежомъ. Губернаторъ велѣлъ вывести гарнизонъ, стоявшій въ городѣ. Увѣряютъ, будто онъ отдалъ начальникамъ тайный приказъ воздерживаться отъ насильственныхъ мѣръ и ограничиваться лишь угрозой; говорятъ даже, что солдатамъ были выданы холостые заряды. Негры не унимались. Губернаторъ объявилъ, наконецъ, рабовладѣльцамъ, что не ручается за ихъ безопасность въ случаѣ всеобщаго возстанія. Плантаторы поневолѣ дали свое согласіе, и съ объявленіемъ свободы, спокойствіе на островѣ возстановилось само собой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, объявлена была свобода неграмъ и на Санъ-Томасѣ. Эта неожиданная реформа не произвела никакихъ безпорядковъ на островахъ. Какъ только узнали негры, что свобода ихъ рѣшена, они тотчасъ же условились съ плантаторами въ задѣльной платѣ и продолжали работать на сахарныхъ плантаціяхъ. Когда на Санъ-Томасѣ воздѣлываніе сахара оказалось невыгоднымъ, многіе изъ чернокожихъ переѣхали на Санта-Крусъ и предложили свой трудъ тамошнимъ хозяевамъ.

II. ВЕНЕСУЭЛА.

Пассатъ дулъ съ перемѣнною силой. Почтовая шкуна *Изабелла*, на которой мы ѣхали изъ Санъ-Томаса, то накренившись на бокъ, быстро разсѣкала темносинія волны; то колыхаясь на ровной поверхности Караибскаго моря, едва подвигалась впередъ. Погода стояла ясная; на небѣ не было ни одного облачка, и солнечные лучи безпрепятственно раскаляли воздухъ. Несмотря на это жаръ, даже въ самый полдень, казался намъ менѣе утомительнымъ чѣмъ бываетъ у насъ въ знойные дни, особенно когда паритъ въ воздухѣ. Подъ тропиками было знойно, но не душно. Капитанъ предоставилъ намъ въ распоряженіе каюту; мы однако не сходили съ палубы во все время плаванія, и даже спали на ней, помѣщаясь въ койкахъ, очень похожихъ на низенькіе, продолговатые шкапчики.

На четвертый день, къ вечеру, пассатъ спалъ совершенно. Паруса повисли на реяхъ. Темносинее море стало гладко и неподвижно. Освѣщенное солнцемъ, оно походило на ледяную поверхность скованнаго морозомъ озера. Солнце, стоявшее довольно низко, отражалось въ немъ спокойно не дрожа, цѣльнымъ свѣтлымъ кругомъ съ рѣзко очерченными краями. Оно уже касалось нижнимъ краемъ черты горизонта, но лучи его были все еще ослѣпительно-ярки: такъ чистъ и прозраченъ былъ воздухъ. На югѣ темными слоями показались густыя облака. Надъ ними, сквозь сизую мглу, виднѣлись вершины прибрежныхъ горъ Венесуэлы. Наша шкуна долго простояла въ виду ихъ на одномъ мѣстѣ. Послѣ полуночи потянулъ свѣжій вѣтерокъ, и шкуна стала медленно подвигаться впередъ. Приблизившись на разсвѣтѣ къ берегу, она наконецъ бросила якорь передъ городомъ Ла-Гуайра (*La-Guaira*). Море не образовало въ этомъ мѣстѣ удобной бухты, а потому корабли останавливаются на открытомъ рейдѣ, подвергаясь иногда опаснымъ порывамъ вѣтра. Мы увидѣли передъ собою городокъ, вытянутый вдоль скалистаго берега; дома лѣпились одинъ надъ другимъ по нижнимъ уступамъ береговаго хребта, подобно огромному валу поднимавшемуся надъ моремъ.

Высоко на скатахъ горъ покоились дымчатыя облака, которыхъ не успѣло еще разогнать восходящее солнце.

Вскорѣ къ шкунѣ подъѣхала лодка съ двумя таможенными чиновниками. Одинъ изъ нихъ, черный какъ смоль негръ, одѣтый настоящимъ джентльменомъ, съ книгой подъ мышкой, взошелъ на палубу и поздоровался съ капитаномъ и съ нами; потомъ, вписавъ въ книгу что̀ слѣдуетъ, онъ учтиво сказалъ, что теперь намъ можно ѣхать на берегъ. Негры въ Венесуэлѣ, также какъ и въ другихъ республикахъ Южной Америки, отложившихся отъ Испаніи, пользуются не только свободой, но и полными гражданскими правами. Въ Сѣверной Америкѣ, даже въ свободныхъ штатахъ, темнокожихъ не допускаютъ къ публичнымъ должностямъ; общество бѣлокожихъ вообще чуждается ихъ; на желѣзныхъ дорогахъ для негровъ отведены даже особые вагоны. Въ Венесуэлѣ же чернокожіе нерѣдко занимаютъ должности, которыя ставятъ ихъ начальниками даже надъ креолами, потомками Испанцевъ. Такое болѣе гуманное отношеніе бѣлыхъ къ темнокожимъ должно отчасти приписать болѣе низкой степени образованія господствующаго въ Венесуэлѣ племени Испано-Американцевъ. И въ самомъ дѣлѣ: что касается до умственнаго и нравственнаго развитія, Сѣверо-Американецъ стоитъ почти на столько же выше испанскаго креола, на сколько послѣдній превосходитъ родившагося въ Америкѣ чернокожаго. Неграмъ легче, конечно, достигнуть уровня развитія креоловъ, чѣмъ возвыситься до болѣе образованнаго Янки. При одинаковости образованія, скорѣе можетъ установиться равенство гражданскихъ правъ. А потому, если африканскому племени, насильственно перевезенному на новый материкъ, суждено когда-либо среди бѣлаго населенія достигнуть гражданской полноправности, то прежде всего это можетъ совершиться въ республикахъ Южной Америки. Только при такихъ условіяхъ эманципація негровъ и можетъ назваться полною.

Высадясь на берегъ, мы скоро отыскали гостиницу, помѣщавшуюся въ одномъ изъ немногихъ двухъэтажныхъ строеній города. Впрочемъ, и эти строенія состояли изъ двухъ ярусовъ только съ одной стороны: поднявшись по лѣстницѣ, мы увидѣли, что только фасадъ обращенный къ морю состоялъ изъ двухъ этажей; съ другой же сто-

роны, прислоненной къ горѣ, домъ былъ просто одноэтажный. Когда мы вошли въ общую залу, намъ стоило только, пройдя по ней, переступить черезъ порогъ противоположной двери, и мы какъ разъ очутились на улицѣ. Мимо насъ проходили торговка-мулатка съ бананами на головѣ и сигарой во рту; солдатъ-негръ, представитель здѣшняго гарнизона, одѣтый въ бѣлый холщевый полуфрачекъ и такія же брюки, изъ которыхъ выглядывали босыя черныя ноги. Между ними, сѣменя торопливо ногами, пробирался съ двумя мѣшками кофея на спинѣ сѣрый осликъ, погоняемый сзади креоломъ въ длинной, ничѣмъ неподпоясанной, бѣлой рубахѣ. Нѣмецъ въ бѣломъ демикотоновомъ, сильно накрахмаленномъ сюртукѣ, съ соломенною шляпой на головѣ, спѣшилъ въ свой магазинъ, наполненный привезенными изъ Европы галантерейными товарами. У дверей противоположнаго дома стояла женщина съ ребенкомъ, и его смуглое, ничѣмъ не прикрытое тѣло лоснилось на солнцѣ; впрочемъ сама мать-креолка одѣта была очень легко: наготу ея прикрывало не то платье, не то рубашка темнаго цвѣта; плечи и грудь были обнажены. Своего ребенка она не держала на рукахъ, а посадила, какъ обыкновенно здѣсь дѣлается, верхомъ на правое бедро, слегка придерживая его рукою. Старшіе дѣти ея, мальчикъ и дѣвочка, тоже совершенно нагіе, играли тутъ же у дверей своего дома. Никто изъ проходящихъ не обращалъ на нихъ вниманія; они даже и намъ не бросались въ глаза. И тропическое солнце, и глубокая синева неба, и палящій зной, все такъ гармонировало съ цвѣтомъ кожи, съ одеждою и наготою людей, со всею ихъ обстановкой, что, казалось, всему такъ и быть слѣдовало, и что̀, будучи выхвачено изъ своей обычной среды, показалось бы страннымъ среди другой обстановки, при иномъ освѣщеніи, то самое здѣсь представлялось намъ и естественнымъ, и умѣстнымъ.

Одноэтажные дома въ городѣ едва заслужили бы у насъ названія сараевъ. Несмотря на это, Ла-Гуайра все-таки одинъ изъ лучшихъ городовъ Венесуэлы. Въ этомъ убѣдились мы, конечно, въ послѣдствіи, побывавъ внутри республики. Строенія въ Ла-Гуайра большею частью глиняныя; нѣкоторыя изъ нихъ однако выбѣлены, а иныя даже выкрашены снаружи желтою или голубою краской. Крыши

большею частью черепичныя; окна безъ стеколъ, но съ чугунными рѣшетками снаружи и съ деревянными ставнями изнутри. Въ Ла-Гуайрѣ, какъ въ значительномъ торговомъ портѣ Венесуэлы, живутъ агенты большихъ коммерческихъ домовъ, настоящее мѣстопребованіе которыхъ въ Каракасѣ, столицѣ республики. Итакъ Ла-Гуайра собственно предмѣстье, или точнѣе, прибрежный портъ Каракаса, расположеннаго въ горахъ верстахъ въ пятнадцати отъ моря.

Проходя послѣ обѣда по дорогѣ вдоль берега на западъ, мы на краю города случайно попали въ шумную толпу народа. Былъ праздникъ въ честь какого-то святаго. Креолы, мулаты, негры, перемѣшавшись въ веселыхъ группахъ, бродили около балагана, въ которомъ акробаты готовились дать представленіе.

Въ разставленныхъ здѣсь и тамъ палаткахъ продавались бананы, апельсины и разныя другія лакомства, приготовляемыя большею частію изъ сахара. Въ винахъ также не было недостатка, однако пьяныхъ мы не встрѣчали. Въ иныхъ мѣстахъ разставлены были низенькіе столики, на которыхъ происходила карточная игра. Любопытные зрители, столпившись около игроковъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за возвышавшимися ставками. Вотъ еще черта, въ которой креолы и чернокожіе сходятся между собою столько же, сколько расходятся съ ними въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американцы: праздники и карты въ испано-американскихъ странахъ встрѣчаются такъ часто, что трудно понять, когда люди успѣваютъ зарабатывать тѣ деньги, которыя приходится иногда проигрывать въ одинъ день.

Посмотрѣвъ на праздникъ, мы пустились далѣе и вскорѣ совершенно вышли изъ города. По обѣ стороны песчаной дороги росли довольно высокіе кусты. Передъ нами то и дѣло взлетали маленькіе красивые голуби; они были немногимъ болѣе жаворонка и сѣропепельнаго цвѣта.

Влѣвѣ отъ дороги подымались крутые обожженные солнцемъ скаты горъ, покрытые высохшею травой. Никакихъ признаковъ роскошной растительности, которую такъ жадно ищетъ взоръ путешественника, ступившаго на берегъ Южной Америки. Но вотъ кусты кончились, и мы увидѣли передъ собою ландшафтъ странный и поразительный по

своей типической оригинальности. Недалеко отъ насъ, по скатамъ и уступамъ горы, возвышалось множество столпообразныхъ кактусовъ, образовавшихъ цѣлый лѣсъ; издали казалось, будто деревья лишены листьевъ и вѣтокъ, и остались лишь голые стволы и толстые сучья. Иной кактусъ поднимался саженей на пять прямымъ четырехграннымъ столбомъ пепельно-зеленаго цвѣта; другой—пускалъ отъ себя боковые отростки, которые изгибались кверху подобно толстымъ сучьямъ. На граняхъ торчали пучки острыхъ колючекъ, такъ что опасно было прикоснуться къ растенію. Направо разстилалось море, и волны его то набѣгали на голый, хрящемъ покрытый берегъ, то вновь отбѣгали, разсыпаясь въ пѣнистыя брызги. Американская агава, разросшись здѣсь и тамъ на скалистыхъ крутизнахъ, пускала вверхъ свой стебель подобный канделабру, снабженному, взамѣнъ свѣчъ, пучками яркожелтыхъ цвѣтковъ. Несмотря на причудливость вида, агава и кактусъ придавали ландшафту характеръ пустынности. Для оживленія мѣстности показались крошки-колибри, то и дѣло вылетавшіе изъ находящагося неподалеку оврага, густо поросшаго мимозами, лаврами и другими лиственными породами. Трепеща подобно бабочкамъ надъ желтыми цвѣтами агавы и гоняясь другъ за дружкой, пташки быстро исчезали въ чащѣ. Онѣ отличались яркими цвѣтами, переливавшимися на солнцѣ, смотря потому, подставляла ли птичка лучамъ свою спинку или брюшко; трепетала ли она крыльями на одномъ мѣстѣ, запуская по временамъ носикъ въ вѣнчикъ цвѣтка, или, распустивъ ихъ, быстро какъ лучъ разсѣкала пространство, такъ что глазамъ трудно было слѣдить за улетавшею, и намъ всякій разъ казалось, что птичка пропала въ воздухѣ. Колибри вообще очень задорнаго нрава. Случалось, одинъ изъ нихъ угомонится и присядетъ на вѣтку, какъ вдругъ откуда ни возьмись на него налетаетъ нахохлившись другой, и оба, порхая и віясь другъ около друга, пропадаютъ въ густой листвѣ. Въ этихъ бойкихъ и граціозныхъ движеніяхъ пташки больше прелести чѣмъ даже въ ея красивыхъ разноцвѣтныхъ перьяхъ. Рѣзкій крикъ, раздавшійся въ воздухѣ, привлекъ наше вниманіе на другаго рода пернатыхъ: стая попугайчиковъ, перелетѣвъ черезъ столбы кактусовъ, суетливо спустилась къ оврагу и размѣстилась на вѣткахъ

акаціи. Величиною они не больше нашихъ снегирей, а перо ихъ темнозеленаго изумруднаго цвѣта.

Воротившись въ городъ, мы стали собираться къ отъѣзду въ Каракасъ. Хозяинъ гостиницы распорядился, чтобы для насъ приготовили двухъ муловъ. Проводника намъ не дали, а назвали только гостиницу въ Каракасѣ, въ которой слѣдовало сдать лошаковъ.

На другой день рано утромъ мы уже взбирались на горы, на которыхъ лежалъ слой облаковъ. По непривычкѣ измѣрять глазомъ высоту горъ, намъ казалось, что мы скоро должны бы переѣхать черезъ ихъ гребень. Но, поднявшись на нѣсколько сотъ саженей, мы остановили лошаковъ надъ крутымъ обрывомъ, и горы, представшія передъ нами, казались отсюда такими же высокими какъ и снизу. Съ края обрыва открылся видъ на далекую мѣстность: внизу у подошвы лѣпился оставленный нами городокъ; на западъ отъ него, между зеленѣвшими огородами и плантаціями, вилась почтовая дорога, по которой, огибая хребетъ, ходитъ карета въ Каракасъ; далѣе, до самаго горизонта, разстилалось море... Продолжая взбираться по поднимавшейся между отвѣсными скатами дорогѣ, мы незамѣтно очутились въ облакахъ. Они какъ туманъ обдали насъ со всѣхъ сторонъ; влажные пузырьки, скопившіеся въ паръ, въ безсвязныхъ очеркахъ двигались передъ нами и, гонимые вѣтромъ съ ущелья, всползали по крутизнамъ. Мы поднялись еще выше, и наконецъ выбрались изъ сырой мглы. Надъ нами засіяло чистое небо; вскорѣ потомъ, выѣхавъ на площадку, мы увидали облака внизу подъ собою. Освѣщенныя солнцемъ, они походили на бугристую пухлую поверхность яркой бѣлизны: точно неровное поле покрытое рыхлымъ снѣгомъ. На сколько могъ видѣть глазъ, были все тѣ же облака, и между ними ни одной щели, сквозь которую удалось бы открыть хоть часть закрытаго отъ насъ моря, или долины, находившейся внизу.

Оторвавшись наконецъ отъ этой единственной въ своемъ родѣ горной картины, мы подъѣхали къ стоявшей недалеко фондѣ и вошли въ нее, привязавъ лошаковъ у дверей. Мы спросили по чашкѣ какао. Хозяинъ, распорядившись, воротился въ комнату, и подсѣвъ къ намъ, съ свойственнымъ креоламъ любопытствомъ сталъ разспрашивать откуда мы? куда ѣдемъ? и т. д. Работникъ его, услышавъ,

что въ комнатѣ иностранцы, тоже подошелъ къ столу и вмѣшался въ разговоръ. Испанцамъ очень хотѣлось знать изъ какой мы страны.

— Вы вѣрно изъ Англiи? спросилъ работникъ.

— Нѣтъ, не изъ Англiи.

— *O hombre!* (о человѣче!) подхватилъ хозяинъ, обратившись къ работнику съ этимъ обычнымъ воззванiемъ креоловъ: —развѣ не видишь, что эти господа Французы.

— Нѣтъ, и не Французы, возразили мы.

— Такъ вы, значитъ, Янки.

Когда и на это предложенiе хозяина отвѣтили мы отрицательно, оба креола воскликнули въ одинъ голосъ: *caramba!* Это восклицанiе, употребляемое Испанцами для выраженiя сильныхъ ощущенiй, не переводимо ни на какой языкъ. Вдругъ хозяинъ какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, заговорилъ: — теперь знаю, вы изъ Россiи!—Когда мы подтвердили его догадку, опять послѣдовало обычное *caramba.* Хозяинъ разсказалъ потомъ, что онъ слышалъ, какъ Наполеонъ ходилъ въ Россiю. Это было въ то время, когда Венесуела, изъ испанскихъ колонiй первая поднявшая знамя свободы, начинала съ метрополiей борьбу за независимость.

Выпивъ по чашкѣ какао, мы распростились съ креолами какъ съ давними знакомыми. — *A dios! a dios!* кричали вслѣдъ и хозяинъ и работникъ, когда мы загибали за уголъ, образуемый горною дорогой. Она шла все еще вверхъ. Скаты горъ становились голѣе. Кусты, росшiе на нихъ, и попадавшiяся прежде маисовыя поля, наконецъ совершенно пропали. Сухая, рѣдкая трава едва покрывала раскаленную солнцемъ песчаную почву. Поднявшись на высоту семисотъ сажень, мы переѣхали гребень и стали спускаться по южному склону. Тутъ изъ-за поворота дороги выѣхала къ намъ навстрѣчу живописная кавалькада. Впереди Испанецъ на бѣлой лошади, съ накинутымъ на плечи бѣлымъ плащомъ, обшитымъ кружевами, въ соломенной, широкополой шляпѣ на головѣ. Вслѣдъ за нимъ на лошакахъ двѣ креолки въ снѣжно-бѣлыхъ амазонкахъ, и тоже въ соломенныхъ шляпкахъ съ развѣвавшимися по вѣтру длинными бѣлыми лентами. Этотъ костюмъ какъ нельзя болѣе шелъ къ горному пейзажу и къ знoю полудня.

Вскорѣ подъѣхали мы къ уступу хребта и передъ нами

открылась окруженная со всѣхъ сторонъ горами долина, середи которой, какъ на днѣ глубокаго блюда, расположенъ былъ Каракасъ. Низкія строенія города, выведенныя изъ красной глины, съ плоскими черепичными кровлями, сверху показались намъ очень похожими на правильно сложенный кирпичъ, среди котораго возвышался темный куполъ собора. Городъ самъ по себѣ не привлекателенъ съ виду, но онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ сахарными и кофейными плантаціями, маисовыми полями; тамъ тянется аллея пирамидальныхъ ивъ, здѣсь стоитъ группа кокосовыхъ пальмъ. Сверхъ того прелесть мѣстности возвышается еще болѣе отъ контраста роскошной растительности въ долинѣ съ оголенными склонами горъ, окаймляющихъ ее сплошными массами.

Спустившись по крутому, довольно высокому скату, по которому развѣ одни лошаки могутъ сходить ни разу не оступившись, мы въѣхали въ улицу. По обѣ стороны ея стояли на значительномъ разстояніи другъ отъ друга глиняные дома, а зачастую однѣ только развалины ихъ, оставшіяся послѣ землетрясенія. Проѣхавъ мимо полуразрушенной церкви, мы очутились наконецъ на главной улицѣ, *Calle del Commercio*. Она была плохо вымощена; за то дома, стоявшіе по обѣ стороны ея сплошнымъ рядомъ, безъ промежутковъ, не напоминали о землетрясеніяхъ, которымъ подвергается городъ. Мы въѣхали наконецъ въ высокіе сводообразныя ворота *посады* (*posada*), т. е. гостиницы, и остановились среди двора, вымощеннаго плитнякомъ и украшеннаго двумя рядами колоннъ, на которыхъ покоились окраины выдавшейся крыши. Слуга принялъ нашихъ лошаковъ, а мы, сказавъ только хозяину кому ихъ доставить въ Ла-Гуайра, спросили себѣ комнату, чтобы освѣжиться послѣ переѣзда въ знойную пору. Въ этихъ расположенныхъ вокругъ двора комнатахъ можно всегда найдти убѣжище отъ жара: какъ бы высоко ни стояло солнце, какъ бы ни раскаляло оно воздухъ снаружи, но въ нихъ всегда тѣнисто, а окна и двери съ зелеными жалюзи расположены такъ, что постоянно подуваетъ сквозной вѣтерокъ. Выйдешь на дворъ, тамъ та же прохлада. А колонны и веранды, окружающія его со всѣхъ сторонъ, свѣжая зелень олеандровъ, жасминовъ и маслинъ—все напоминаетъ внутреннее расположеніе богатыхъ домовъ на востокѣ, от-

куда Испанцы перенесли этотъ видъ постройки на новый материкъ. Со временемъ переселенцы чуждыхъ племенъ, вытѣснивъ Испанцевъ, внесутъ вѣроятно въ страну иные обычаи, иные нравы; но дома выстроенные во вкусѣ восточной архитектуры, останутся навсегда: они составляютъ необходимую принадлежность тропическихъ странъ. При такихъ жилищахъ, переселившійся сюда Европеецъ нисколько не тяготится вліяніемъ жаркаго климата; напротивъ, онъ чувствуетъ себя здоровѣе подъ благодатнымъ небомъ чѣмъ на сѣверѣ, въ своей родинѣ.

Большіе купеческіе дома въ Каракасѣ принадлежатъ иностранцамъ, и преимущественно Нѣмцамъ, въ рукахъ которыхъ находится почти вся заграничная торговля Венесуэлы. Потомки же знатныхъ и богатыхъ Испанцевъ, пренебрегая всякаго рода промышленными предпріятіями, только и думаютъ какъ бы занять одну изъ почетныхъ должностей при республиканскомъ правительствѣ. Вслѣдствіе этого число чиновниковъ далеко превышаетъ потребности края. Каждый новый президентъ считаетъ своею обязанностью надѣлить родственниковъ и друзей доходными мѣстами. Такимъ образомъ бо́льшая часть и безъ того незначительнаго дохода республики истощается на жалованье ненужнымъ чиновникамъ, которые не только не приносятъ пользы странѣ, но безнаказанно грабятъ казну, присвоивая себѣ деньги, назначаемыя на разныя общественныя постройки. Такіе безпорядки въ администраціи сильно задерживаютъ развитіе молодой республики, не успѣвшей еще оправиться послѣ войны съ Испаніей. Рабочій классъ въ Венесуэлѣ состоитъ изъ негровъ, изъ остатковъ туземныхъ краснокожихъ, также изъ бѣдныхъ Испанцевъ, преимущественно выходцевъ съ Канарскихъ острововъ, отличающихся своимъ трудолюбіемъ. Нѣмецкіе купцы въ Каракасѣ недавно сдѣлали попытку привлечь въ свой городъ ремесленниковъ изъ Германіи. Переселенцы, прибывъ въ Венесуэлу, нашли однако невыгоднымъ занятіе ремеслами. Тогда, при помощи своихъ богатыхъ соотечественниковъ, пріобрѣли они нѣсколько участковъ у озера Валенціи, на югозападъ отъ Каракаса. Тамъ германскіе выходцы основали земледѣльческую колонію, достигшую уже весьма цвѣтущаго состоянія. Нѣмцы, конечно, не ограничатся такими попытками, и они надѣются, что такимъ

образомъ край, съ избыткомъ надѣленный естественными произведеніями, достигнетъ наконецъ того благосостоянія, до котораго не могли довести его Испанцы, несмотря на свое трехвѣковое владычество въ Новомъ Свѣтѣ.

Предполагая пробраться сухимъ путемъ до Апуры, одного изъ притоковъ Ориноко, мы наняли въ Каракасѣ трехъ муловъ, отыскали также проводника или пеона, который согласился доѣхать съ нами въ городъ Калобосо. Пеонъ нашъ, Альбараго по имени, былъ человѣкъ немолодой, съ добродушнымъ выраженіемъ въ свѣтлыхъ глазахъ; смуглое лицо его казалось моложавымъ, хотя онъ давно не брился, отчего подбородокъ и щеки его покрылись сѣдыми щетинистыми волосами. Онъ былъ одѣтъ въ синюю куртку и узкіе сѣрые штаны, изъ-за которыхъ выглядывала бѣлая рубашка. Пеоны съ намѣреніемъ носятъ узкое платье; имъ такъ ловче ходить по горамъ и ѣздить верхомъ. У Альбараго была сѣрая поярковая шляпа, которую онъ носилъ молодцовато набекрень. Дорогой, когда вѣтеръ случайно снесъ ее съ головы пеона, мы узнали, что она замѣняла собою отчасти сакъ-вояжъ, потому что изъ нея посыпались всякія дорожныя потребности: тряпочка, спички, веревочка, порохъ, завернутый въ бумажку, складной ножикъ, и т. п. Всю эту мелочь носилъ онъ на головѣ и даже спички въ сосѣдствѣ съ порохомъ, оттого что въ карманы его штановъ не было никакой возможности просунуть пальца: такъ плотно обтягивали они ноги.

Улицы были еще пусты, когда мы на разсвѣтѣ выѣзжали изъ города. Показался лишь одинъ поселенецъ изъ окрестностей. Онъ гналъ передъ собою двухъ ословъ, которыхъ почти не видать было подъ свѣтлозеленою грудой *молохо*, то-есть молодыхъ листьевъ кукурузы. Поселяне мало еще разводятъ овса, а потому *молохо*, только что скошенное, составляетъ главную и почти единственную пищу лошадей и муловъ. По своей питательности, это превосходный кормъ для всякаго рода скота. Въ Сѣверной Америкѣ лошадей и быковъ кормятъ зерномъ кукурузы; въ иныхъ мѣстахъ однако нашли, что прибыльнѣе скармливать ея зеленью, принимая при этомъ въ разчетъ, что почва при этомъ истощается гораздо менѣе.

Вскорѣ очутились мы на концѣ города. Передъ дверьми крайней фонды стояли два креола, картинно закинувъ

на плеча синіе съ краснымъ подбоемъ *пончо*. Пончо не что̀ иное какъ четырехъугольное шерстяное одѣяло, разрѣза̀нное въ серединѣ такъ, чтобы въ отверстіе можно было просунуть голову. Проѣхавъ по аллеѣ пирамидальныхъ ивъ, мы приблизились къ рѣчкѣ Агуайра, берега которой обросли густою зеленью; исполинскіе злаки, достигшіе подъ вліяніемъ тропическаго солнца огромнаго роста, осѣняли своими узкими копьевидными листьями поверхность никогда не застывающаго потока. Изъ ущелья горъ на насъ пахнуло сырою свѣжестью. Мы стали пробираться узкимъ горнымъ проходомъ, слѣдуя по одиночкѣ другъ за другомъ. Мѣстами ущелье суживалось до того, что намъ приходилось ѣхать по каменистому дну горнаго потока. Крутыя скалы, сближаясь, грозили совершенно заградить намъ дорогу. Переѣхавъ рѣчку въ бродъ, мы поднялись по тропѣ, извивавшейся по краю отлогости, и выбрались наконецъ на довольно просторную долину, покрытую банановыми и кофейными плантаціями. Въ этихъ переходахъ отъ пустыннаго ущелья къ весело-зеленѣющимъ полямъ и въ разнообразіи пейзажей заключается главная прелесть странствія по горамъ. По долинѣ здѣсь и тамъ возвышались стройныя пальмы и широковѣтвистыя деревья, въ тѣни которыхъ, отличаясь густотою своей темнозеленой листвы, росъ какао. Наши лошаки обрывали мимоходомъ вѣтки съ кофейнаго деревца, которое будто живая изгородь окаймляло со всѣхъ сторонъ плантацію. Изъ чудной зелени кое-гдѣ выглядывала низенькая глиняная лачужка безъ оконъ, крытая побурѣвшими пальмовыми листьями. Креолъ, покачиваясь въ своей *чинчорръ*, или сѣткѣ, привѣшенной къ потолку передъ открытымъ просторнымъ входомъ, лѣниво поглядывалъ на проѣзжающихъ, недоумѣвая, что за охота пускаться въ дорогу въ такой жаръ.

Бо̀льшая часть жителей разселилась по этимъ прекраснымъ горнымъ долинамъ, оставивъ необитаемыми обширные льяны на югѣ, неудобные для земледѣлія. По берегамъ горныхъ протоковъ изрѣдка попадаются мѣстечки и города, состоящіе изъ нѣсколькихъ глиняныхъ лачугъ, а иногда изъ одноэтажныхъ выбѣленныхъ домовъ съ черепичными крышами. Тутъ останавливались мы обыкновенно въ полдень или на ночь. Альбараго задавалъ лошакамъ свѣжей *молохо*. Привязавъ къ балкамъ на потолкѣ *чинчорры*, сдѣлан-

ныя изъ волоконъ агавы, мы отдыхали въ тѣни подъ навѣсомъ.

Альбараго ѣзжалъ уже не разъ по этой дорогѣ и успѣлъ перезнакомиться со всѣми живущими на ней поселенцами. У него были пріятели не только въ фондахъ, въ которыхъ мы останавливались, но и въ каждой лачужкѣ по пути. Бывало покажется вдали какой-нибудь домикъ, и Альбараго говорилъ, что ему необходимо повидаться съ знакомымъ, что онъ догонитъ насъ и чтобы мы ѣхали себѣ далѣе. Послѣ нѣсколькихъ такихъ свиданій съ знакомыми, у него обыкновенно начинали соловѣть глаза. Подкрѣпляясь то здѣсь, то тамъ стаканомъ вина, онъ заботился и о насъ: привозилъ намъ свѣжіе бананы или коврижки изъ сахара и муки, которые доставалъ у своихъ пріятелей. Когда не къ кому было заѣзжать, онъ, сидя на сѣдлѣ бокомъ подамски, болталъ съ нами, при чемъ сопровождалъ слова такими выразительными жестами, что даже при скудномъ знаніи испанскаго языка не трудно было понять его. Разговаривать можно было только въ долинѣ, гдѣ мы всѣ трое ѣхали обыкновенно рядомъ. Когда же приходилось подыматься по тропинкѣ, проложенной по склону, то опять приходилось ѣхать другъ за другомъ. Извилистая дорожка вела все выше и выше. Долина зеленѣла уже глубоко подъ нами. Съ высоты мы видѣли какъ большой листъ кокосовой пальмы, похожій на страусовое перо, колебался отъ вѣтра, рельефно выступая изъ свѣжей зелени тростника. Вершина тамаринды какъ будто была посыпана лепестками розовыхъ цвѣтковъ, распустившихся на верхушечныхъ вѣтвяхъ и оттого невидимыхъ для стоящихъ внизу у корня высокаго дерева. Сквозь мелкую листву его, какъ сквозь полупрозрачную ткань, виднѣлись и темная зелень какао, и спрятавшійся въ банановой рощѣ шалашъ, и свѣтлая струя извивающагося внизу протока. А на высотахъ природа становилась все бѣднѣе и однообразнѣе; почва была едва покрыта сухою подгорѣлою травой. Когда же заслоненная горными уступами долина съ своею пышною растительностью пропадала изъ виду, то взоръ, утомленный видомъ нагроможденныхъ другъ на друга безжизненныхъ высотъ, отдыхалъ на причудливыхъ очеркахъ хребта, тянувшагося по другую сторону ущелья. Кое-гдѣ обнаженныя гранитныя темнобурыя скалы, или *морро*, какъ на-

зывалъ ихъ Альбараго, вздымались на хребтѣ подобно зубчатымъ твердынямъ, недоступнымъ ни для человѣка, ни для звѣря. Мѣстами дорожка была такъ узка, что между возвышавшеюся отвѣсно каменною стѣной съ одной стороны и краемъ пропасти съ другой едва могъ пройдти лошакъ, осторожно переставляя ноги. По такой тропѣ встрѣтишься бывало съ караваномъословъ, навьюченныхъ мѣшками съ кофеемъ или какао. Животныя, чуя опасность, вдругъ останавливались, и навостривъ уши, заботливо озирались во всѣ стороны. Выбравъ мѣсто пошире, мы прижимались съ мулами къ стѣнѣ и пропускали мимо себя ословъ, которые, лѣпясь по краю обрыва, проходили, не задѣвая насъ своими мѣшками.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ къ ряду между голыми опаленными солнцемъ горами, спустишься бывало по покатой дорогѣ и неожиданно очутишься передъ глубокою впадиной, гдѣ изъ темной разсѣлины пробивается горный родникъ. Подъ копытами лошаковъ журчитъ прохладный потокъ. Какая живительная сила въ каждой его струйкѣ! Надъ головой густолиственнымъ сводомъ раскидываются вѣтви и сучья, переплетенные аристолохіями; въ глубинѣ ниши, подъ прохладною сѣнью вѣчно-зеленѣющихъ деревъ благодатнаго края, древовидный папортникъ распускаетъ во всѣ стороны свои прихотливо очерченные мелко-иззубренные листья...

Мы проѣхали черезъ мѣстечки Викторія, Вилья-де-Кура, и Пара-Пара. Группы горъ, все болѣе и болѣе разступаясь, становились ниже. По краю хребта кое-гдѣ показывались еще отдѣльные холмы. Выѣхавъ изъ города Ортита, мы спустились наконецъ въ льяносы. Ограниченныя съ сѣвера хребтомъ Венесуэльскихъ Андовъ, они необозримою равниной стелятся вплоть до дѣвственныхъ лѣсовъ Ориноко, которые зеленѣющею каймой вытянулись по южной окраинѣ обширной пустыни. Мы ѣхали по тропамъ, протоптаннымъ стадами рогатаго скота и муловъ, и называемымъ большою дорогой. Пролегая поперегъ льяносовъ, она подобно перешейку соединила между собою обитаемыя страны на сѣверѣ съ городами и поселеніями по Ориноко и его притокамъ. Унылый, безжизненный видъ представляла опаленная солнцемъ пустыня. Изсохшая почва была покрыта жесткою травой, похожею на нашу осоку. Мѣстами вы-

горѣли огромныя пространства, и обнаженная земля чернѣла отъ лежавшаго на ней угля и золы. Мѣстами она трескалась отъ излишней сухости: уже нѣсколько мѣсяцевъ не выпадало ни капли дождя. Многочисленныя стада полудикихъ коровъ удалились къ берегамъ рѣчекъ, гдѣ трава была посочнѣе. Надъ плоскою почти горизонтальною равниной льянъ подымались мѣстами обширные каменные пласты. Возвышаясь аршина на два надъ общимъ уровнемъ почвы, они образовали ровныя плоскости съ крутыми обрывами по краямъ. Нашимъ лошакамъ не легко было взбираться на такой пластъ по отвѣсной кручѣ, походившей на размытый водою берегъ. Жители очень мѣтко назвали эти подъемы среди моря степей отмелями, *bancos*.

И какъ среди моря обрадуешься бывало появленію птицъ, налетѣвшихъ съ какого-нибудь близкаго острова, такъ послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго переѣзда по льянамъ ободрялись мы, издали завидя носившуюся надъ дальнимъ горизонтомъ стаю степныхъ чаекъ. Среди однообразной равнины весело блеснула поверхность лагуны; это не что̀ иное какъ стоячая вода, скопившаяся въ углубленіи степной поверхности. Воздухъ и берега въ такомъ мѣстѣ обыкновенно были оживлены птицами. Длинношеій статный фламинго, испуганный нашимъ приближеніемъ, поднимался изъ высокой осоки и плавно перелеталъ на другой конецъ озера. Красноногіе тиркуши проворно перебѣгали по краю берега. Въ лужѣ полоскались утки и темнобурые гуси; кулики, цапли разныхъ видовъ, ласточки и чайки, носясь въ воздухѣ, оглашали его жалобными криками. Но болѣе всего привлекалъ наше вниманіе огромный аистъ, котораго жители называютъ гарсономъ. Неуклюжее тѣло его покрыто бѣлымъ перомъ, а голая шея и голова совершенно черныя. Стоя на высокихъ ногахъ и поднявъ голову, гарсонъ не ниже человѣка средняго роста, а шагъ его гораздо болѣе человѣческаго. Собраніе дюжины аистовъ-великановъ, задумчиво стоящихъ на берегу съ наклоненными внизъ головами, прикрытыми будто черными капорами,— странная и вмѣстѣ типическая картина степныхъ лагунъ.

Около воды сосредоточивалась, повидимому, вся животная жизнь льянъ въ сухое время года. На берегу озера почти всегда случалось видѣть отбившихся отъ стада быковъ и коровъ. Изрѣдка попадались одинокіе поселенцы,

промышляющіе скотоводствомъ и живущіе въ глиняныхъ лачужкахъ, съ виду очень похожихъ на мазаныя хаты нашихъ украинскихъ поселянъ съ тою разницею, что мазанки въ льянахъ никогда не бѣлятся и крыты листьями пальмы мавритіи. Льянеросы, обитатели этихъ лачужекъ, называютъ свои жилища съ принадлежащими къ нимъ загонами для скота тоже хатами, *hato*. Подъѣхавъ къ одной изъ нихъ около полудня, Альбараго предупредилъ насъ, что тутъ необходимо хорошенько накормить муловъ; иначе до самаго Калобоса, до котораго оставалось верстъ сто, негдѣ будетъ достать ни молока, ни травы.

Давъ отдыхъ нашимъ лошакамъ, мы опять пустились по дорогѣ. Солнце, которое въ равноденственныхъ краяхъ круглый годъ закатывается около шести часовъ, спускалось уже къ горизонту. Вѣтерокъ навѣвалъ прохладу на опаленную степь. Стало уже темнѣть. На небѣ сверкнули звѣзды, а съ того мѣста, гдѣ солнце скрылось за горизонтъ, поднялось трепетное сіяніе зодіакальнаго свѣта. Остріемъ своимъ онъ почти достигалъ до кучи Плеядъ, покрывъ собою Овна и другія группы звѣздъ, которыя мерцали сквозь него какъ сквозь прозрачную пелену, или большой хвостъ кометы. Матовый золотистый блескъ этого свѣта былъ ярче бѣлесоватаго блеска млечнаго пути, который явился здѣсь въ большемъ чѣмъ у насъ разнообразіи очерковъ и оттѣнковъ освѣщенія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ края млечнаго пути казались будто разорванными, по небу на большое пространство вытянулся корабль Арго съ кормчимъ Канопусомъ, который въ яркости не уступалъ Сиріусу. А тамъ, далеко въ сторонѣ, подобно островкамъ среди безбрежнаго океана, виднѣлись свѣтлыя облака Магеллана. Въ позднюю ночь восходили четыре звѣзды Южнаго Креста; сначала онъ наклоненъ былъ налѣво, потомъ, возвышаясь надъ горизонтомъ, крестъ какъ будто подымался на своемъ подножіи, и около полуночи онъ сталъ совершенно прямо. Близь него, въ полѣ Млечнаго Пути, поразительно темнѣли два пятна; по контрасту съ окружавшимъ ихъ бѣлесоватымъ свѣтомъ они казались совершенно черными и оправдывали данное имъ названіе—Угольные Кули... Чуждыя намъ, но живописныя картины звѣздной тропической ночи, даже болѣе чѣмъ окружающая земная природа, напоминали, какъ далеко находились мы отъ род-

наго края, гдѣ ночное небо не являетъ такого разнообразія звѣздныхъ группъ, свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ и чуднаго сіянія зодіакальнаго свѣта. Но стоило лишь обратиться въ другую сторону, и глазъ останавливался на давно-знакомой Большой Медвѣдицѣ, которая въ красотѣ соперничала съ созвѣздіями тропическаго неба. На горизонтѣ краснѣло зарево дальняго пожара. Поселенцы въ иныхъ мѣстахъ нарочно зажигаютъ траву, зола которой удобряетъ почву. Полночь прошла, и восточная часть свода озарилась слабымъ матово-серебристымъ отблескомъ лунной зари. Вотъ и мѣсяцъ взошелъ надъ пустыней, и подъ обманчивымъ сіяніемъ его ровная подернутая сизою дымкой гладь льяносовъ казалась похожею на водную поверхность безпредѣльнаго океана... Такъ ночи въ этихъ степяхъ полны неуловимыми для кисти красотами.

Но лишь показалось солнце, и передъ нами стлалась опять все та же однообразная, безжизненная равнина. Изрѣдка попадались небольшіе перелѣски, но и въ нихъ деревья отъ сухости были безъ листьевъ, какъ бываетъ у насъ позднею осенью. Приближаясь на зарѣ къ такому лѣсу, мы еще издали услышали громкій, продолжительный ревъ. Оставивъ лошаковъ у Альбараго, мы пошли въ ту сторону и вскорѣ открыли на деревьяхъ цѣлую стаю рыжихъ обезьянъ-ревуновъ. Онѣ были съ большую собаку. Переходя по толстымъ развѣсистымъ сучьямъ, словно по мосткамъ, съ одного дерева на другое, онѣ выли безъ умолку: старикъ съ рыжею бородой вытягивалъ густымъ басомъ, молодыя подхватывали на разные лады. Завидѣвъ насъ, онѣ стали уходить въ глубь лѣса и вскорѣ совершенно пропали изъ виду.

Оставивъ за собою лѣсъ, мы переѣхали въ бродъ степную рѣчку, на возвышенномъ берегу которой расположился городъ Калобосо. Съ главной улицы мы своротили въ широкія открытыя ворота *посады*, и остановившись между колоннами среди двора устланнаго плитнякомъ, слѣзли наконецъ съ лошаковъ, которые прошли шестнадцать часовъ безъ корму. На дворѣ посады насъ тотчасъ же окружила веселая компанія, собравшаяся тутъ по случаю предстоявшаго пѣтушьяго боя. Не успѣли мы размѣняться нѣсколькими словами съ учтивыми креолами, какъ они наперерывъ стали уже предлагать свои услуги, хотя ни мы, ни

они не знали еще въ чемъ собственно должны состоять эти услуги. Потомъ все общество устремилось на задній дворъ, въ углу котораго была устроена арена для пѣтуховъ. Зрители заняли свои мѣста на скамьяхъ, расположенныхъ амфитеатромъ, вокругъ усыпанной пескомъ площадки. На нее выпустили двухъ разъяренныхъ пѣтуховъ, и бой начался... Непріятно было видѣть птицу, ощипанную отъ шеи до хвоста, на которомъ также какъ и на крыльяхъ, было оставлено по нѣскольку перьевъ. Креолы однако слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за ударами, которые бойцы наносили другъ другу острыми шпорами. Зрители предлагали другъ другу пари и горячились болѣе самихъ пѣтуховъ. Непонятно, какъ можно пристраститься къ такому зрѣлищу. Въ креолахъ это была не кровожадность, пробуждающаяся въ минуту изступленія, а какое-то тупое безчувствіе, слѣдствіе привычки.

Калобосо—одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ городовъ республики. Несмотря на это, онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотенъ низенькихъ глиняныхъ домовъ, крытыхъ большею частію пальмовымъ листомъ. Странный видъ представлялъ этотъ городъ среди пустынныхъ льянъ: куда ни обратишься бывало, вездѣ кругомъ тянулась однообразная гладь. Мазанки, стоявшія по обѣ стороны песчаной улицы, нельзя было назвать красивыми; но ослѣпительный свѣтъ тропическаго солнца, при чрезвычайной прозрачности воздуха, придавалъ всему необыкновенно яркій колоритъ: и красная глина домовъ, и желтоватый песокъ на улицѣ, и самый воздухъ, казались раскаленными, какъ будто вся картина освѣщалась заревомъ пожара. Иные дворы окружены были живою изгородью изъ невысокихъ, въ землю воткнутыхъ кактусовъ, по которымъ переплетались павилика и пассифлора съ лиловыми и синими цвѣтками. Такой частоколъ изъ кактусовъ, напоминавшій живыя изгороди изъ кустовъ крыжовника въ умѣренномъ поясѣ, не только красивъ, но и прочнѣе всякаго другаго: укоренившись кактусъ подрастаетъ все выше, а страшныя колючки дѣлаютъ изгородь недоступною ни для ословъ, ни для муловъ, разгуливающихъ по улицамъ города.

Какъ средоточіе степнаго скотоводства, Калобосо служитъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ для льянеросовъ, этихъ постоянныхъ обитателей необозримыхъ льянъ. Степня-

ки заѣзжаютъ въ городъ для того чтобы совершить торговыя сдѣлки съ купцами, поставляющими въ пограничные порты кожу, сало и сушеное мясо. Покончивъ дѣла, они опять спѣшатъ въ льяны къ своимъ стадамъ. „Не напоминаютъ ли вамъ эти льянеросы казаковъ Малороссіи?“ разъ спросилъ жившій въ Калобосо Нѣмецъ, указывая на выѣзжавшихъ изъ города наѣздниковъ съ длинными пиками. Одежда ихъ состояла изъ ситцевой рубахи и бѣлыхъ штановъ, которые, обтягивая ноги, застегивались внизу на пуговицы, на подобіе штиблетовъ; изъ-подъ войлочныхъ шляпъ выглядывали концы пестрыхъ платковъ, которыми повязываютъ они голову для предохраненія затылка отъ палящихъ лучей солнца. Не зная прихотей, льянеросы довольствуются въ своихъ разъѣздахъ кускомъ сушенаго мяса, изжареннаго на вертелѣ; иногда къ этому прибавляютъ хлѣбъ, *кассава*, который ѣдятъ какъ сухарь, размочивъ напередъ въ водѣ какой-нибудь степной лагуны. Несмотря на скудную пищу, льянеросъ вѣчно на конѣ; онъ переплываетъ на немъ быстрые потоки, и не зная устали, скачетъ отъ одного стада къ другому. Иногда, потѣхи ради, гоняется онъ за разъярившимся буйволомъ, набрасываетъ на него свой ременный *лассо* и однимъ взмахомъ повергаетъ его на землю. Полная опасностей, нуждъ и лишеній, жизнь льянероса проходитъ въ безпрестанной борьбѣ то съ ягуаромъ, нападающимъ на стада, то съ кайманомъ, подстерегающимъ добычу въ лагунѣ, то съ змѣями и другими опасными обитателями пустыни. Въ этой полудикой жизни крѣпнетъ тѣло, сообщая мускуламъ стальную упругость, изощряются чувства, а грозныя нечаянности научаютъ присутствію духа. Всегда беззаботный, льянеросъ не знаетъ болѣзней и до глубокой старости сохраняетъ свѣжесть и силу мышцъ. Таково дѣйствіе тропическаго воздуха. Мы испытали это даже на себѣ, перенося безъ напряженія и вреда для здоровья такія трудности и лишенія, какихъ не вытерпѣть бы организму при другомъ климатѣ и иныхъ условіяхъ.

Во время войны за независимость южно-американскихъ колоній, льянеросы принимали самое дѣятельное участіе въ освобожденіи своей родины. Никакія регулярныя войска, присылаемыя изъ Испаніи, не могли устоять противъ ихъ натиска. Когда же, уступая многочисленности непріятеля, разсыпались они по роднымъ степямъ, то были для

Испанцевъ еще страшнѣе: сговорившись заранѣе, собирались они въ знакомыхъ имъ мѣстахъ въ отдѣльные отряды, и нечаянными нападеніями тревожили непріятеля, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ отчаянныхъ случаяхъ льянеросы зажигали степную траву, и Испанцы, уже торжествовавшіе побѣду, обращались въ бѣгство, преслѣдуемые и пламенемъ, и длинными пиками наѣздниковъ. Въ схваткѣ съ ними никакія тактическія соображенія испанскихъ генераловъ не могли спасти войска отъ пораженія. Изъ среды этихъ степныхъ жителей вышли тѣ сильныя личности, которыя, ставъ во главѣ своихъ товарищей, рѣшили судьбу революціи. Самый дѣятельный сподвижникъ Боливара, — Вашингтона Южной Америки, — былъ льянеросъ Паэсъ. Предводительствуя преданнымъ ему отрядомъ патріотовъ, онъ не разъ являлся на выручку, въ критическія минуты, когда Боливаръ, разбитый врагами, находился почти въ безвыходномъ положеніи. Паэсъ—типъ истаго льянероса. Съ необыкновенною тѣлесною силой и непоколебимымъ мужествомъ онъ соединялъ радушіе и привѣтливость, упрочившіе за нимъ безграничную привязанность степняковъ. Будучи начальникомъ, онъ дѣлилъ съ льянеросами всѣ трудности похода, какъ товарищъ принималъ участіе въ ихъ пирахъ и забавахъ, въ ихъ наѣздничествѣ. Въ пылу битвы Паэсъ спокойно обдумывалъ ударъ. Когда же онъ врывался въ ряды непріятеля, то отвага его не знала границъ, и бурный порывъ какъ электрическая искра сообщался всему отряду. При своей храбрости, при воинскихъ доблестяхъ, онъ чуждался ненужнаго кровопролитія и щадилъ враговъ положившихъ оружіе, тогда какъ болѣе образованные испанскіе военачальники вели войну со всѣмъ неистовствомъ племенной вражды. Чуждый властолюбія и корысти, Паэсъ не домогался почестей: имѣя на своей сторонѣ большое число приверженцевъ, но сознавая превосходство Боливара въ административномъ дѣлѣ, онъ первый подчинился ему, когда Боливаръ по окончаніи войны, избранъ былъ въ правители союзной республики Колумбіи, въ составъ которой вошла Венесуэла. По смерти Боливара Венесуэла отдѣлилась отъ союза; Паэса выбрали въ президенты юной республики. Онъ обратилъ все вниманіе на водвореніе порядка, и подъ

его мирнымъ управленіемъ въ Венесуэлѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ республикахъ южной Америки, преуспѣвали земледѣліе и промышленность. Простодушно довѣрчивый, онъ легко подчинялся вліянію не всегда безкорыстныхъ друзей, и оттого не всегда былъ послѣдователенъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Но сознавъ ихъ несостоятельность, онъ самъ первый открывалъ свои ошибки, имѣя одну цѣль— благоденствіе своей родины. Когда, въ 1847 году, въ республикѣ возникли раздоры вслѣдствіе недовольства богатыхъ креоловъ, то Паэсъ, желая примирить партіи, отказался отъ правленія и самъ споспѣшествовалъ избранію Монаіаса. Узнавъ въ послѣдствіи какъ злоупотреблялъ власть свою новый президентъ, Паэсъ раскаивался въ своемъ поступкѣ, но было уже поздно: попытка свернуть Монаіаса ему не удалась, и онъ долженъ былъ удалиться въ Соединенные Штаты, гдѣ прожилъ послѣдніе годы въ бездѣйствіи. Въ бытность нашу въ Венесуэлѣ партія его была еще сильна; самъ Паэсъ, по словамъ его друзей, находился въ Нью-Йоркѣ.

Изъ Калобосо намъ предстояло еще разъ переѣхать льяны до мѣстечка Камагуанъ на берегу одного изъ притоковъ Апуры. Добрый пеонъ Альбараго не переставалъ заботиться о насъ, и уладивъ все для дальнѣйшаго странствія, сталъ и самъ собираться въ обратный путь, чтобы доставить лошаковъ хозяину въ Каракасѣ. При прощаніи онъ увѣрялъ, что еслибы мулы принадлежали ему, то онъ самъ поѣхалъ бы съ нами далѣе. Проводивъ его, мы съ другимъ пеономъ пустились на ослахъ по направленію къ юго-западу. Такъ странствуя изъ края въ край, легко сближаешься и также легко разстаешься то съ однимъ, то съ другимъ человѣкомъ.... Новый вожатый нашъ, Монико, принадлежалъ къ числу тѣхъ переселенцевъ, съ Канарскихъ острововъ, которые начинаютъ свое поприще въ скромной должности поденщика. Скопивъ трудомъ и бережливостью небольшую сумму, они покупаютъ себѣ потомъ нѣсколькихъ ословъ и перевозятъ по льянамъ людей и клади. Наконецъ пріобрѣтаютъ участокъ земли, разводятъ бананы, кофейную и сахарную плантаціи, и достигаютъ такимъ образомъ желаемаго состоянія независимаго землевладѣльца. Они вообще принадлежатъ къ наиболѣе трудолюбивому классу переселенцевъ въ испано-американскихъ колоніяхъ.

Монико, странствуя постоянно по льянамъ, одѣвался иначе чѣмъ пеоны живущіе въ горахъ. На его плечахъ свободно висѣла ничѣмъ не подпоясанная, длинная, бѣлая рубаха съ широкими рукавами; холщевые шаровары закрывали ноги, обутые въ толстые башмаки; на головѣ носилъ онъ высокую поярковую шляпу цилиндрической формы съ широкими полями. Щадя своего осла, онъ шелъ пѣшкомъ, и пассатъ, вѣявшій прохладою по степи, надувалъ его холщевую рубаху словно парусъ. Когда, слѣдуя за проводникомъ, приблизились мы послѣ полудня къ небольшому перелѣску, въ воздухѣ сильно запахло дымомъ; надо было перейдти по горѣвшему мѣсту; это впрочемъ нисколько не остановило насъ: почва въ лѣсу была покрыта низкою и рѣдкою травой, а потому огонекъ, сверкая то тамъ, то здѣсь, медленно перебирался по землѣ, не обжигая даже стволовъ и безъ того уже оголенныхъ деревъ; даже кора ихъ ни мало не обугливалась. Только почва тлѣла, и густой дымъ разносился въ воздухѣ. Маленькій американскій олень, спасаясь отъ огня, выбѣжалъ изъ лѣсу въ степь; пара красныхъ попугаевъ-ара съ крикомъ поднялись съ дерева и отлетѣли въ другую сторону лѣса.

Еще засвѣтло подъѣхали мы къ хатѣ льянероса, одиноко стоявшей на берегу степной лагуны. Сюда рѣдко кто заѣзжаетъ, а потому хозяинъ хаты, словоохотливый креолъ, обрадовался, увидѣвъ людей, съ которыми можно побесѣдовать въ волю. Онъ уговаривалъ остаться у него до утра, увѣряя, что намъ въ ночь не добраться до жилья. Монико думалъ было воспользоваться вечернею прохладой и ѣхать далѣе, но согласился наконецъ на предложеніе креола, и хорошо сдѣлалъ; иначе пришлось бы ночевать среди льянъ: до ближайшей хаты, какъ оказалось послѣ, было часовъ десять ѣзды. Жилище льянероса состояло изъ двухъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой просторнымъ промежуткомъ въ родѣ сѣней. Комнаты, повидимому, служили больше для склада съѣстныхъ припасовъ и имущества креола, чѣмъ для житья: хозяинъ и семейство его расположились въ сѣняхъ подъ навѣсомъ. Тамъ застали мы жену креола, природную, но уже не молодую Индіянку, и трехъ взрослыхъ дочерей его, по складу лица и по красноватому цвѣту кожи болѣе походившихъ на мать чѣмъ на

отца. Хозяинъ былъ человѣкъ веселаго нрава: не умолкая ни на минуту, онъ шутками своими старался развеселить жену и дочерей. Взявъ у насъ револьверъ, онъ сталъ объяснять устройство его; и когда внимательныя слушательницы его, никогда не видавшія пистолета, осматривали съ любопытствомъ диковинную вещь, хозяинъ вовсе неожиданно издалъ звукъ, похожій на выстрѣлъ. Испуганныя дочери, громко взвизгнувъ, отскочили въ сторону, потомъ захохотали какъ маленькія дѣти. Довольный удавшеюся шуткой, отецъ вторилъ ихъ громкому смѣху. Старая Индіянка сердилась, и не измѣняя важнаго выраженія лица, словно нехотя улыбалась. Чтобы доказать свое искусство, креолъ зарядилъ ружье и пошелъ къ лагунѣ. Застрѣливъ тамъ дикую утку, онъ съ торжествомъ принесъ ее старухѣ и сталъ разказывать дочерямъ какъ раненая имъ птица барахталась въ водѣ; разказъ сопровождался прибаутками и мимикой, возбудившими новый, долго непрерывавшійся хохотъ полудикарокъ. Въ каждомъ дѣйствіи добраго льянероса проглядывало желаніе развеселить дѣвушекъ, скучающихъ одиночествомъ. Несмотря на радушное гостепріимство, хозяинъ не могъ предложить намъ къ ужину ничего кромѣ нѣсколькихъ банановъ и сушенаго мяса, которое съ трудомъ можно было разжевать. Намъ поэтому очень кстати пришлись двѣ утки и три степныя куропатки, застрѣленныя днемъ. Дочери тотчасъ же принялись щипать птицъ, а хозяйка положила ихъ въ горшокъ съ водой, въ которую для вкуса подбавила нѣсколько луковицъ. Все это варилось на кострѣ, а бананы были испечены на угольяхъ, какъ печется обыкновенно картофель. Послѣ ужина мы развѣсили *чинчорры* на балкахъ подъ навѣсомъ и вскорѣ задремали въ нихъ. Сквозь сонъ еще долго слышался намъ сдержанный смѣхъ дочерей, съ которыми отецъ не переставалъ шутить втихомолку. Наконецъ всѣ размѣстились по своимъ *чинчоррамъ*, развѣшаннымъ въ разныхъ углахъ, и только степной вѣтеръ, шелестя по пальмовой крышѣ, прерывалъ безмолвіе ночи.

Монико разбудилъ насъ до солнца. Гостепріимный хозяинъ наотрѣзъ отказался отъ платы за ночлегъ. Сѣвъ на лошадь, онъ проводилъ насъ довольно далеко, потомъ поскакалъ въ льяны къ своимъ стадамъ. Скотоводство составляетъ единственный промыселъ льянеросовъ. Впрочемъ

это занятіе не стóитъ имъ большаго труда. Разъ въ годъ хозяева сгоняютъ свое стадо для того чтобы помѣтить молодую скотину. Часто коровы пристаютъ къ чужимъ стадамъ, но по ихъ выжженному тавру всегда возвращаютъ настоящимъ владѣльцамъ. Если телка или бычокъ еще не помѣчены, то ими владѣетъ тотъ кто первый выжжетъ свой знакъ, хотя бы они прибыли изъ чужаго стада. Отъ времени льянеросъ объѣзжаетъ степь, довольствуясь при этомъ поверхностнымъ осмотромъ своего скота. Когда онъ запродаетъ въ городъ нѣсколько головъ, то собираетъ съ помощію своего *лассо* требуемое число коровъ и быковъ и пригоняетъ ихъ къ назначенному мѣсту. Тѣмъ и кончаются заботы льянероса.

Извѣстно, что туземныя краснокожія племена до открытія Америки вовсе не занимались скотоводствомъ, служащимъ переходною ступенью отъ дикаго состоянія охотника къ осѣдлой жизни хлѣбопашца. Испанцы первые перевезли изъ Европы рогатый скотъ, и съ тѣхъ поръ онъ размножился и почти одичалъ на привольи степей. Вотъ теперь въ Венесуэлѣ легли рядомъ три смежныя между собою полосы, соотвѣтствующія разнымъ степенямъ развитія человѣчества: на югѣ, въ первобытныхъ лѣсахъ по берегамъ Ориноко, Индіецъ до сихъ поръ занимается охотой и рыбною ловлей; въ слѣдующей затѣмъ полосѣ льяновъ живутъ наѣздники-пастухи, промышляющіе скотоводствомъ; наконецъ въ долинахъ, расположенныхъ въ горахъ вдоль по сѣверной границѣ льяносовъ, положено начало земледѣлію и промышленности, служа залогомъ будущей гражданственности страны.

На третій день нашего пути, съ самаго утра, стали показываться признаки свидѣтельствовавшіе о близости рѣки. То здѣсь, то тамъ появлялись невысокія пальмы; ихъ сухія листья, колеблемые вѣтромъ, производили шорохъ, напоминавшій шумъ производимый паденіемъ крупныхъ капель дождя на вершины лиственныхъ деревъ. Трава въ льяносахъ была зеленѣе, сочнѣе; мѣстами она поднималась выше головы. Куда ни взглянешь, вездѣ пасется рогатый скотъ. Черезъ дорогу перебѣжалъ степной волкъ и скрылся въ высокой осокѣ. Къ полудню мы прибыли наконецъ въ мѣстечко Камагуанъ на берегу Португезы, впадающей въ Апуру, одинъ изъ главныхъ притоковъ Ориноко.

Тутъ мы опять попали на праздникъ какого-то святаго, въ честь которому въ городѣ назначенъ былъ бой быковъ. Съѣхалось множество льянеросовъ. На площади передъ церковью огородили жердями большее пространство. Народъ толпился кругомъ въ ожиданіи потѣшнаго зрѣлища. Для богатой публики, на одной сторонѣ обширной арены, наскоро сколочено было на подмосткахъ нѣсколько крытыхъ мѣстъ. Между занявшими ихъ чиновными аристократами болѣе всего поражали пестротой нарядовъ негритянки, одѣтыя въ бальныя платья съ обширными кринолинами. Послѣ полудня, когда жаръ немного свалилъ, на арену прямо изъ льяносовъ пригнали цѣлое стадо быковъ. Льянеросы съ своими *лассами* окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что дикозиравшимся животнымъ негдѣ было проскочить. Одинъ изъ быковъ, воспользовавшись суматохой, перескочилъ однако черезъ барьеръ, заграждавшій входъ, и помчался по улицѣ прямо въ степь. Трое льянеросовъ съ гикомъ понеслись за нимъ. Вскорѣ одинъ изъ нихъ приволокъ быка на длинномъ *лассо*, которымъ опутаны были рога упиравшагося животнаго. Сзади подгоняли его другіе льянеросы и заставили наконецъ войдти въ огороженное мѣсто. Изъ пригнаннаго стада выбрали съ дюжину самыхъ ярыхъ бойцовъ, вогнали ихъ въ особенное отдѣленіе возлѣ арены, а остальныхъ выпроводили изъ города. Потомъ началось самое представленіе.

Это не былъ настоящій бой быковъ какъ бываетъ въ Испаніи. Здѣсь льянеросы собрались не для того чтобы убивать животныхъ, а чтобы представить народу, какъ ловятъ ихъ по раздѣльнымъ льяносамъ, причемъ каждый старался выказать свою ловкость и удаль. Сначала десятка три всадниковъ прошли по аренѣ, по двое въ рядъ, церемоніяльнымъ маршемъ. Потомъ они начали дѣлать различныя эволюціи то на рысяхъ, то въ галопъ не хуже военныхъ кавалеристовъ. Наконецъ льянеросы столпились въ кучу, и изъ особаго отдѣленія на арену выпустили быка. Почуявъ просторъ, полудикое животное пустилось вскачь по большому кругу. Льянеросы понеслись за нимъ, и тутъ-то пошло въ дѣло все ихъ искусство при гоньбѣ за звѣремъ. Не видя выхода изъ огороженнаго мѣста, раздраженное животное, наклонивъ рога, бросалось

на ближайшаго всадника; тотъ на всемъ скаку круто сворачивалъ въ сторону; другой подоспѣвалъ на его мѣсто, и опять гналъ быка вокругъ арены. Все искусство состояло въ томъ, чтобы повалить животное: льянеросъ, наклонившись на бокъ, на всемъ скаку хваталъ за хвостъ бѣгущаго звѣря и съ одного маха повергалъ его на землю; только пыль поднималась столбомъ надъ растянувшимся звѣремъ. Онъ вскакивалъ съ ревомъ и вновь бѣжалъ; за нимъ гнался уже новый всадникъ. Наконецъ утомившись, быкъ выходилъ на середину, останавливался и дико озирался, какъ бы выбирая на кого броситься. Льянеросы разсыпались по аренѣ, и на нее выходилъ пикадоръ. Это было впрочемъ случайное прибавленіе къ зрѣлищу; потому что здѣсь не всегда бываютъ налицо пикадоры, и дѣло ограничивается удальствомъ наѣздниковъ. Пикадоръ въ курткѣ и узкихъ штатахъ былъ также малый ловкій: онъ шелъ на быка, держа передъ собою большой красный платокъ и не сводя глазъ съ противника. Быкъ тоже устремилъ налитые кровью глаза на красное, и вдругъ ринулся, наклонивъ рога, на пикадора. Этотъ отскочилъ въ сторону въ то самое мгновеніе, какъ быкъ ударялъ уже рогами въ подставленный платокъ. Пикадоръ производилъ свои движенія съ такою увѣренностью и граціей, что со стороны эта игра вовсе не казалась опасною. Потѣшившись надъ озадаченнымъ животнымъ, пикадоръ отходилъ въ сторону, и льянеросы опять пускались на быка, выгоняя его вонъ изъ круга; барьеръ у входа снимали, и животное выбѣгало, преслѣдуемое по городу наѣздниками до тѣхъ поръ пока оно не присоединялось къ своему стаду въ степи. Потомъ на арену выпускали другаго быка, началась таже исторія и все кончилось безъ кровопролитія, когда послѣдняго быка выпроводили въ льяносы. Арена эта служила для льянеросовъ мѣстомъ для упражненія въ ловкости, быстротѣ и смѣтливости, необходимыхъ въ ихъ ремеслѣ.

Въ Камагуанѣ набралось столько народу, что въ фондахъ не нашлось мѣста на ночь, и мы рѣшились въ тотъ же день уѣхать въ Санъ-Фернандо, лежащій на рѣкѣ Апурѣ недалеко отъ сліянія съ нею Португесы. Туда нельзя было добраться иначе какъ внизъ по рѣкѣ. Двое креоловъ взялись провести насъ въ своемъ *кано* и очень похожемъ на

тѣ выдолбленные изъ дерева челноки, которые у насъ въ Новороссіи называются кауками. По окончаніи боя мы сошлись съ креолами на берегу. Они тотчасъ же спустили въ воду свой *кано*; посадили насъ на его дно; сами же, взявъ по короткой лопатѣ, размѣстились одинъ на носу, другой на кормѣ, и мы поплыли. Сначала все шло хорошо, и креолы надѣялись уже безъ остановки доѣхать до города, до котораго было верстъ около двадцати. Вдругъ челнокъ ударился дномъ обо что-то твердое; еще ударъ, и *кано* закачался такъ, что чуть было не опрокинулся. Что это пни или камни?"—„Нѣтъ, не то," отвѣчали креолы, посматривая въ воду; „это черти кайманы." Опять толчокъ. „Вотъ онъ!" закричали креолы, и недалеко отъ челнока что-то заходило въ рѣкѣ; вслѣдъ за тѣмъ показалось острое рыло; расплескавъ воду, оно опять погрузилось внизъ и пропало изъ виду. Между тѣмъ становилось все темнѣй. Надъ рѣкой между лѣсистыми берегами сгустился сумракъ. Креолы не рѣшались ѣхать далѣе и пристали къ песчаной косѣ. Они выбрали на пескѣ мѣсто подалѣе отъ воды, изъ которой на берегъ могъ выйдти кайманъ, но не слишкомъ близко къ лѣсу, гдѣ на опушкѣ иногда прячутся ягуары. На всякій случай развели костеръ. Мы легли возлѣ него на разобранныхъ шерстяныхъ одѣялахъ. Попугай, слетѣвъ съ ближняго дерева, прокричалъ отрывистымъ крикомъ. Далеко въ лѣсу, гдѣ-то раздался визгъ обезьянъ, вѣроятно встревоженныхъ какимъ-нибудь хищнымъ звѣремъ. Потомъ все стихло. Креолы подбрасывали въ костеръ сучья, которые слабо потрескивали всю ночь.

Когда поднявшаяся луна освѣтила рѣку, гребцы разбудили насъ, и сѣвъ въ *кано*, мы опять пустились по теченію. Вскорѣ совсѣмъ разсвѣло. Креолы, увидавъ на песчаномъ берегу слѣды пятипалыхъ лапъ, причалили къ нему. Они надѣялись найдти здѣсь черепашьи яица. Сойдя на берегъ, они отрѣзали каждый по палочкѣ, завострили ихъ, и стали острымъ концомъ тыкать въ песокъ, испытывая его такимъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ палочка свободнѣе проходила въ рыхлый песокъ, креолы разрыли его, и оказалось, что тамъ точно были яица; но къ досадѣ креоловъ не черепашьи, а каймановы, которыя не годятся въ пищу. Ихъ все-таки повыбросали изъ гнѣзда. Всякій считаетъ непремѣннымъ долгомъ уничто-

жать яица этихъ крокодиловъ Новаго Свѣта. Въ гнѣздѣ было слишкомъ сорокъ штукъ: не удивительно, что въ рѣкѣ попадается такъ много каймановъ. Яица были немногимъ больше гусиныхъ, цвѣтомъ бѣлыя, съ едва замѣтною голубоватою полоской по серединѣ, въ видѣ пояса въ палецъ ширины. Разбивъ нѣсколько яицъ, мы нашли въ нихъ совсѣмъ уже образовавшихся кайманятъ, плававшихъ въ студенистой, прозрачной влагѣ. По нѣскольку разъ къ ряду раскрывали они рыльце, какъ бы глотая воздухъ, и тутъ же издыхали. Несмотря на то, что они были не болѣе двухъ вершковъ длины, лапки ихъ съ пятью пальцами на каждой, рыльце и хвостъ, были такіе же какъ у взрослыхъ каймановъ, достигающихъ до девяти аршинъ въ длину. Всего загадочнѣе показалось намъ то, какимъ образомъ неуклюжее на сушѣ животное засыпаетъ свое гнѣздо такъ что бываетъ трудно открыть мѣсто, гдѣ оно сложило свои яица. Только отпечатки пяти палецъ на пескѣ указывали въ какомъ мѣстѣ самка выходила на берегъ. Говорятъ, будто она хвостомъ заметаетъ песокъ надъ гнѣздомъ; нельзя однако замѣтить никакихъ слѣдовъ ея работы: песокъ надъ гнѣздомъ ничѣмъ не отличается отъ окружающей поверхности песчанаго берега, и только при помощи заостренныхъ палочекъ можно открыть мѣсто, гдѣ снесеныя яица.

За этими остановками по берегамъ прошло довольно много времени, такъ что мы, въѣхавъ въ Апуру, уже послѣ полудня прибыли въ Санъ-Фернандо. Гостиницы въ городѣ не было; намъ однако удалось нанять комнату въ домѣ мелочнаго торговца. Комната наша, правда, походила скорѣе на пустой сарай: земляной полъ, пальмовая крыша надъ головой, четыре вымазанныя глиной стѣны, вотъ какова была наша квартира; оконъ вовсе не было. Впрочемъ, въ этомъ чудномъ климатѣ ничего болѣе и не нужно: было бы гдѣ повѣсить *чинчорру*. Хозяйка принесла намъ однако столъ и пару старыхъ стульевъ. Одна изъ просторныхъ дверей комнаты выходила прямо на улицу, а другая на небольшой дворъ. У самой двери, въ стойлѣ, помѣщалась лошадь, которая по временамъ съ любопытствомъ заглядывала къ намъ въ комнату. Тутъ же прыгала привязанная къ цѣпочкѣ длиннохвостая обезьяна-мооно. Она жила въ большой дружбѣ съ лошадью; часто садилась на шею и

пальцами перебирала ея гриву. Прыгая, моно издавала особаго рода ласковый звукъ, похожій на воркованье голубя, смѣняемое по временамъ легкимъ свистомъ. Не взлюбила она мальчика мулата, жившаго у нашего хозяина. Мальчикъ дразнилъ ее; за то каждый разъ, когда онъ подходилъ къ стойлу, обезьяна переставала ворковать, скалила зубы, и злобно ворча, грозила выцарапать ему глаза. Когда мулату случалось задавать кормъ лошади, дѣло не обходилось безъ драки: моно взвизгивала, огрызалась, а иногда, пользуясь оплошностью врага, вцѣплялась въ его густые волосы. На крикъ мальчика сбѣгались люди со всѣхъ сторонъ; но только одной хозяйкѣ удавалось избавлять его отъ цѣпкихъ рукъ раздраженнаго звѣря: только ея голоса слушалась моно; оставивъ мулата, она ластилась къ креолкѣ, воркуя, и какъ будто жалуясь ей. На другихъ она не бросалась, но не любила чтобы ее трогалъ кто-нибудь изъ мущинъ. Странно, какъ крѣпко сохранилась въ памяти обезьяны привязанность къ креолкѣ, выкормившей ее на своихъ рукахъ. Когда она бывала раздражена, стоило только подойти къ ней женщинѣ, хотя бы совершенно чужой, и моно тотчасъ же начинала ласкаться къ ней, и съ воркованьемъ довѣрчиво шла на руки. Она какъ будто признавала въ каждой женщинѣ свою воспитательницу; такъ ребенокъ принимаетъ каждое чужое лицо за дядю или тетю. Въ томъ же родѣ моно сохранила непримиримую ненависть къ мальчику-мулату: кто бы изъ дѣтей ни подходилъ къ ней, какъ-бы ни кормили и ни ласкали ее, она каждый разъ злилась и огрызалась, завидя ихъ еще издали. Далѣе этого различія половъ и возраста память ея не шла.

Въ Санъ-Фернандо мы пробыли долѣе чѣмъ предполагали; ѣхать далѣе не было возможности. Мы рѣшились наконецъ посовѣтоваться съ губернаторомъ, къ которому у насъ было рекомендательное письмо изъ Каракаса. Жилище начальника города ничѣмъ не отличалось отъ другихъ глиной вымазанныхъ и выбѣленныхъ домовъ съ черепичными крышами. Самаго губернатора застали мы на дворѣ подъ навѣсомъ. Сидя въ своей *чинчоррѣ*, онъ доѣдалъ арбузъ и бесѣдовалъ съ двумя креолами, беззаботно качавшимися на стульяхъ. По обыкновенію Испанцевъ, губернаторъ съ первыхъ же словъ предоставилъ въ наше

распоряженіе и свой домъ, и все что въ немъ ни было; однако, при всемъ своемъ желаніи, онъ не находилъ средствъ доставить насъ на Ориноко, а совѣтовалъ подождать съ недѣлю: въ городъ поджидали *ланчу*, то-есть барку, сверху рѣки, и губернаторъ обѣщалъ устроить такъ, чтобъ она захватила насъ съ собой. Мы и на томъ были благодарны. По причинѣ мелководія, въ сухое время года не было никакого другаго сообщенія съ городами на Ориноко. Мы очутились въ этомъ городѣ съ четырьмя тысячами жителей, точно на островѣ среди океана. Однако въ половодіе въ Санъ-Фернандо чаще пристаютъ разныя суда. Недавно до города сталъ доходить пароходъ одного нью-йоркскаго общества. Онъ содержитъ сообщеніе между городами на Апурѣ и Ангостурѣ, главнымъ портомъ на Ориноко. Въ Санъ-Фернандо привозятъ муку, окорока, деревянную и желѣзную посуду изъ Соединенныхъ Штатовъ, разныя матеріи и другія издѣлія фабрикъ Англіи и Франціи. Въ замѣнъ этого забираютъ сырыя кожи и сало, составляющія почти единственный промыселъ жителей льяносовъ.

Въ ожиданіи обѣщанной губернаторомъ *ланчи*, мы стали охотиться за кайманами. Ихъ было такъ много въ рѣкѣ, что на другомъ берегу противъ самаго города, около полудня, всегда лежало ихъ штукъ до пятнадцати рядомъ. Издали они походили на темнобурыя нетесанныя бревна. Выйдя на берегъ, они ложились хвостомъ къ водѣ на горячій песокъ и разѣвали пасть, съ какою-то алчностью вдыхая знойный воздухъ. Когда бывало подъѣдешь къ нимъ въ лодкѣ шаговъ на пятьдесятъ, они, изворотившись всѣмъ станомъ, бросались въ воду головой впередъ, и расплескавъ ее, тотчасъ ныряли въ глубь: иной разъ казалось, будто земляная глыба обрушилась съ берега. Въ рѣкѣ кайманы чрезвычайно ловко преслѣдуютъ свою добычу. Спасаясь отъ нихъ, испуганная рыба часто выскакиваетъ даже изъ воды. Когда кайману удастся поймать большую рыбу, онъ всплываетъ на верхъ, держитъ ее въ пасти надъ водой и мнетъ между челюстями до тѣхъ поръ пока она не перестанетъ метаться; потомъ выходитъ съ своею добычей на песчаную мель и съѣдаетъ всю безъ остатка. Эти ужасные ящеры прожорливы чрезвычайно. Очевидцы разказывали, какъ кайманъ утащилъ разъ мулата, который, переплывая

верхомъ рѣку, нечаянно свалился въ воду. Здѣсь никто не рѣшится войдти въ рѣку выше колѣна, и потому никто не купается; за то жители обыкновенно обливаются, стоя на берегу и черпая воду изъ рѣки *тутумой*,—довольно большою деревянною посудиной овальной формы и выдѣлываемой изъ плода дерева тутумы. Забывъ о предосторожности, я вошелъ какъ-то разъ по колѣна въ рѣку и наклонившись мылъ лицо. Вдругъ слышу кричатъ: „кайманъ!“ Открывъ глаза, я увидѣлъ почти у ногъ своихъ рыло животнаго; испуганный моимъ движеніемъ и криками креоловъ на берегу, кайманъ сталъ пятиться отъ меня и ушелъ въ глубину. Не только человѣкъ боится войдти въ воду, даже птица не отважится плыть по ея поверхности: ни на рѣкѣ, ни въ тихихъ заводяхъ, ни въ лагунахъ, въ которыхъ водятся кайманы, не видали мы, чтобы въ глубокомъ мѣстѣ на воду садились гуси или утки, выплывающіе у насъ на самую середину глубокаго озера. Здѣсь же, напротивъ, гусей мы постоянно заставали на берегу. Не разъ случалось, что подстрѣленный гусь, упавъ въ воду, спасался отъ насъ вплавь; тогда онъ навѣрное доставался кайману въ добычу. Удивительно какъ скоро хищный кайманъ подъ водою чуетъ добычу плавающую на поверхности; не успѣешь зарядить ружья, а птица уже съѣдена. Утки, какъ замѣчали мы, полощатся обыкновенно въ мелкихъ лужахъ на краю плеса. Верстахъ въ пяти отъ Санъ-Фернандо, среди льяносовъ, находилась лагуна, прозванная почему-то мертвою *(muerto laguna)*. Охотясь по ея берегу, мы видѣли какъ два каймана нырнули въ воду. На концѣ озера взлетѣла стая утокъ; товарищъ мой выстрѣлилъ, и одна изъ нихъ упала въ воду. Вѣтромъ подгоняло ея къ берегу. Мы приготовились достать ее палкой; но кайманъ снизу уже поддергивалъ птицу. Когда же концомъ палки приподняли мы къ верху приплывшіе остатки, то отъ всей птицы только и оказалось что пара крыльевъ да спинная кость, дочиста обглоданная.

Какъ ни страшенъ кайманъ въ водѣ, но на сушѣ онъ самъ бѣжитъ отъ человѣка. Когда мы подкрадывались бывало къ звѣрю, подобно плахѣ лежавшему на отмели, онъ, не оборачивая къ намъ головы, всякій разъ заранѣе чуялъ опасность, и не подпуская насъ на выстрѣлъ, уходилъ въ воду. Немного погодя, онъ обыкновенно опять выходилъ на бе-

регъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ лежалъ прежде. Замѣтавъ это, мы прятались за кусты близь берега. Такимъ образомъ намъ удалось застрѣлить трехъ кайманов. Самый большой изъ нихъ не превышалъ одной сажени въ длину. Лобная кость была такъ крѣпка, что обыкновенная пуля изъ пистолета, попавшая между глазъ, отскочила, оставивъ по себѣ слѣдъ кружка; только коническая пуля могла пробить черепъ. При случаѣ всякій старается всадить пулю въ крѣпкую броню ящера; но стрѣляя по немъ изъ своихъ плохихъ ружей, жители рѣдко убиваютъ его. Разказываютъ, что на берегахъ Амазонки кайманов ловятъ съ помощью гарпуновъ и арканов: забросивъ на голову петлю, человѣкъ двѣнадцать негровъ втаскиваютъ животное на берегъ и убиваютъ его топорами. Такія охоты на Амазонкѣ устраиваются съ цѣлью добыть сало, которое въ большомъ количествѣ находится во внутренностяхъ животнаго. Сало идетъ на освѣщеніе. Негры въ Бразиліи употребляютъ даже въ пищу мясо и въ особенности ту часть, которая находится въ хвостѣ кайманов. Ихъ убиваютъ иногда штукъ до тридцати въ день. Но жители береговъ Апуры и Ориноко не пользуются ни саломъ, ни мясомъ; иные только носятъ на груди, въ видѣ амулетовъ, большія клинообразные зубы каймана, считая ихъ предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ напастей. Выгодный промыселъ заставилъ бразильскихъ негровъ быть болѣе изобрѣтательными въ средствахъ истребленія плотоядныхъ ящеровъ, чѣмъ самый страхъ наводимый ими на жителей береговъ Апуры.

Наконецъ къ Санъ-Фернандо пристала давно ожидаемая *ланча*. Начальникомъ на ней, или по здѣшнему патрономъ, былъ черный kākъ смоль негръ. Ему были подчинены шесть гребцовъ: два креола и четыре мулата. Кромѣ того на *ланчѣ* находился еще молодой негръ, который стряпалъ дорогой на всю артель. Патронъ согласился за двадцать піастровъ довезти насъ до Ориноко. *Ланча*, величиною съ небольшую барку, была нагружена на сажень вышины отъ бортовъ сырыми кожами. На нихъ-то, точно на высокой палубѣ, очистили для насъ мѣсто подлѣ патрона, который, сидя на сундукѣ, управлялъ рулемъ. Гребцы, стоя на той же палубѣ, приводили въ движеніе три пары веселъ. *Ланча* медленно подвигалась впередъ между лѣсистыми берегами. Въ глубокихъ мѣстахъ, не задерживаемая противнымъ

вѣтромъ, она дѣлала версты двѣ въ часъ. Но когда по долинѣ рѣки начиналъ дуть пассатъ, то *ланча* подвигалась все тише и тише, и наконецъ не было силъ грести противъ вѣтра и подымавшихся волнъ. Тогда причаливали къ берегу, бросали якорь и выжидали, когда спадетъ пассатъ. Онъ повторялся ежедневно съ удивительною правильностью: начнется бывало въ девятомъ часу, и крѣпчая, постепенно достигаетъ около полудни наибольшей силы, а по рѣкѣ пѣнясь заходятъ иззеленабурыя волны. Потомъ вѣтеръ понемногу спадалъ и въ третьемъ часу бывалъ такъ тихъ, что волненіе улегалось, и снова можно было грести. Онъ слегка подувалъ почти цѣлый день, и совершенно прекращался только поздно вечеромъ. Въ это время безвѣтрія обыкновенно налетали стаи москитовъ. Походя на нашихъ комаровъ, они потемнѣе ихъ цвѣтомъ, и ноги у нихъ длиннѣе. Длиннымъ жаломъ своимъ они проникали даже сквозь сукно, и не было отъ нихъ другаго спасенія какъ въ густомъ дыму.

Наше плаваніе еще болѣе замедлялось отмелями. *Ланча* врѣжется бывало килемъ въ песокъ и сядетъ. Если воды было не слишкомъ мало, то закидывали среди рѣки якорь на длинномъ канатѣ и терпѣливо ждали, пока теченіемъ не снесетъ песокъ изъ-подъ *ланчи*. Подталкиваемая теченіемъ, она между тѣмъ понемногу подавалась впередъ, и наконецъ съѣзжала съ мели. А не то прицѣпятъ бывало одинъ конецъ каната къ берегу и тянутъ за другой, пока не вытянутъ *ланчу* на глубину. Но въ двухъ мѣстахъ рѣка до того обмелѣла, что принуждены были выгрузить кожи, перевезти ихъ въ лодкѣ на берегъ, и перетащивъ *ланчу* до глубокаго мѣста, снова нагрузить ее. Такимъ образомъ мы иногда по цѣлымъ днямъ не двигались съ мѣста.

Лѣсистые берега Апуры и отмели оживлены разнообразными породами птицъ. Часто встрѣчались гуси съ чернымъ перомъ на крыльяхъ и рыжеватымъ на шеѣ и спинѣ. Они были менѣе нашихъ сѣрыхъ гусей, и попадались не иначе какъ попарно. Гусыня, также какъ у насъ, величиною превосходила гуся, который не больше обыкновенной домашней утки. На песчаныхъ меляхъ, иногда цѣлыми стаями, показывались журавли, бѣлые и блѣднорозовые аисты, разнаго рода кулики и чайки; по временамъ налетали фламинго съ длинною шеей, подернутою напереди

розоватымъ отливомъ. На опушкѣ лѣса перелетывали гуачараки, фазаны южной Америки. Другая птица куриной породы, паухи *(pauhi)*, была величиною съ индѣйку, и отличалась красивымъ перомъ чернаго цвѣта съ бѣлыми крапинами; особенно голова съ хохолкомъ и шея паухи были прекрасно расписаны мелкими бѣлаго цвѣта узорами по черному полю. Еще болѣе оживлялись берега при закатѣ солнца, когда все лѣсное населеніе высыпало изъ чащи на водопой. Попугаи разныхъ породъ и цвѣтовъ крикливыми стаями занимали прибрежные кусты. Красноперые ара, появлявшіеся всегда попарно, перелетали черезъ рѣку. Цѣпкохвостыя обезьяны суетливо спускались съ дерева къ водѣ; гоняясь другъ за дружкой, онѣ поднимали визгъ, крикъ; наконецъ, утоливъ жажду, вся ватага перескакивала по сучьямъ съ дерева на дерево и скрывалась въ чащѣ лѣса.

Такая жизнь на берегу продолжалась до самыхъ сумерекъ, быстро смѣнявшихся темнотою ночи. Тогда свѣтящіеся жучки, невидимые днемъ, перенося̀сь блестящими искорками съ вѣтки на вѣтку, цѣлыми роями показывались на прибрежныхъ кустахъ. Иногда на опушку выходилъ ягуаръ; при нашемъ приближеніи онъ быстро скрывался въ чащу. На небѣ вмѣстѣ съ звѣздами загоралось мерцающее сіяніе зодіакальнаго свѣта. Наши гребцы, указывая на него, говорили, что это зарево отдаленнаго пожара. Такъ воображеніе простолюдина, подобно воображенію младенческихъ народовъ, не стремясь въ даль, за предѣлы нашей атмосферы, отыскиваетъ на самой землѣ причины явленій, совершающихся въ пространствахъ вселенной... Въ ночной тиши глухо отдавались мѣрные удары веселъ. Гребцы, разговорчивые днемъ, ни однимъ словомъ не нарушали безмолвія ночи; развѣ когда возлѣ *ланчи* вдругъ плеснетъ преслѣдуемая кайманомъ большая рыба, и взволнуется гладкая поверхность воды; или когда съ берега донесется до насъ то протяжный, то отрывистый звукъ, одинъ изъ тѣхъ звуковъ, издаваемыхъ животными кошачей породы, который по временамъ тревожно раздается въ лѣсу, наводя страхъ на его заснувшихъ обитателей: тогда вырывалось невольное восклицаніе изъ устъ гребцовъ; потомъ они тихо разсуждали, какому бы это звѣрю могъ принадлежать голосъ, возмутившій всеобщее спокойствіе?

Заалѣлъ востокъ. Встрепенулись птицы; чайки и морскія

ласточки цѣлыми вереницами тянулись вдоль по рѣкѣ: онѣ летѣли обыкновенно низко, надъ самою водой, и всѣ по одному направленію, какъ будто спѣша къ опредѣленной цѣли. Тогда и между гребцами поднимался веселый говоръ. Завидѣвъ каймана, вышедшаго на освѣщенный утренними лучами берегъ, патронъ брался за свое кремневое ружье и пускалъ въ него пулю; звѣрь, уязвленный мѣткимъ выстрѣломъ, бросался въ воду, изгибался всѣмъ корпусомъ, такъ что острымъ рыломъ доставалъ конецъ своего хвоста.

Нашъ патронъ, добродушный по природѣ, какъ вообще всѣ чернокожіе, распоряжался однако на ввѣренной ему *ланчѣ* съ деспотическою властью; надо было видѣть, какъ гребцы пошевеливались по его слову. Когда не было ни мелей, ни сильнаго вѣтра, и все шло своимъ порядкомъ, тогда самъ патронъ разговаривалъ, шутилъ и пѣлъ съ матросами, какъ равный имъ товарищъ. Сидя на ящикѣ и управляя рулемъ съ помощью веревки, концы которой держалъ онъ въ рукахъ, патронъ разказывалъ гребцамъ про разные случаи изъ своей жизни, про отдаленные края, въ которыхъ бывалъ, про нравы каймановъ и черепахъ, про то изъ чего дѣлаются канаты. При этомъ сообщилъ онъ внимательнымъ слушателямъ своимъ, что лучшая пенька выходитъ изъ Россіи. На *ланчѣ* были другаго рода канаты, приготовляемые изъ волоконъ пальмовой коры. Они не такъ прочны какъ пеньковые, за-то гораздо легче, и притомъ не вбираютъ въ себя воды и плаваютъ на ея поверхности, тогда какъ длинный пеньковый канатъ, пропитавшись водой, топетъ. Доброе согласіе между начальникомъ и подчиненными было нарушено только одинъ разъ, и то не надолго. Въ этомъ впрочемъ виноватъ былъ самъ патронъ: занявшись своимъ кремневымъ ружьемъ, которое то и дѣло осѣкалось, онъ просмотрѣлъ какъ-то мель. Гребцы между тѣмъ дружно работали веслами, и вдругъ *ланча* со всего маха врѣзалась въ песчаное дно и сѣла. Патронъ въ гнѣвѣ вскочилъ съ своего мѣста, и бросивъ концы рулевой веревки, накинулся на гребцовъ: „Чего же вы зѣваете? Развѣ не видите мель? Куда жь вы гребете!“ Гребцы, стоя задомъ къ теченію, точно не могли видѣть мели; но они оторопѣли, и поднявъ весла, смиренно выслушивали сыпавшіеся на нихъ брань и упреки, которымъ не предвидѣлось конца. Одинъ изъ гребцовъ выручилъ однако своихъ товарищей: обо-

ротившись, онъ вдругъ крикнулъ: „кайманъ!“ Патронъ схватился за ружье, прицѣлился: пуля вошла въ самый затылокъ; неуклюжее животное, разсвирѣпѣвъ отъ боли вспрыгнуло всѣмъ туловищемъ на аршинъ отъ земли и грохнуло въ рѣку. Патронъ забылъ о своихъ угрозахъ: потолковавъ объ удачномъ выстрѣлѣ, онъ обратился къ гребцамъ съ самымъ добродушнымъ тономъ: „ну, теперь давайте сниматься съ мели.“ Всѣ тотчасъ же соскочили въ воду, и принялись подталкивать *ланчу* плечами. Скоро она опять пошла на веслахъ внизъ по теченію.

Болѣе двухъ недѣль ѣхали мы такимъ образомъ изъ Санъ Фернандо до устья Апуры, проплывъ около полутораста верстъ. Все это время намъ пришлось видѣть на берегу рѣки одно малонаселенное мѣстечко, да еще пять или шесть хатъ, уединенно стоявшихъ въ лѣсу. Поселенцы, креолы или мулаты, живутъ въ совершенной безпечности, находя около себя все что̀ нужно для ежедневнаго пропитанія. Видъ одичавшихъ, измѣнившихся поселенцевъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, какого не испытывали мы даже при встрѣчѣ съ дикарями, вовсе не знавшими условій цивилизаціи. Боишься невольно за себя, боишься за натуру человѣческую, когда видишь, какъ удаленная отъ образованнаго міра, дичаетъ она подъ вліяніемъ природы тропиковъ...

Пока, вдали отъ треволненій политическихъ обществъ, плыли мы по рѣкѣ между первобытными лѣсами, въ столицѣ Венесуэлы совершился правительственный переворотъ. Генералъ Кастро неожиданно явился въ Каракасъ съ семитысячнымъ отрядомъ, и президентъ Монаіасъ, обвиняемый въ растратѣ общественныхъ суммъ, принужденъ былъ бѣжать къ французскому консулу. Мы узнали объ этомъ гораздо послѣ, когда уже выѣхали изъ Венесуэлы. Тогда же, по прибытіи нашемъ въ Кайкару на Ориноко, никто и не подозрѣвалъ о такихъ важныхъ государственныхъ перемѣнахъ, такъ что наши рекомендательныя письма къ губернаторамъ отъ имени изгнаннаго Монаіаса имѣли еще полную силу. Депеши успѣли уже разнести по свѣту вѣсть о революціи въ Венесуэлѣ, а внутри самой страны эти событія никого и не потревожили.

Губернаторъ Кайкары помогъ намъ нанять лодку съ двумя гребцами для дальнѣйшаго плаванія по Ориноко.

На лодкѣ, называемой *курьерой*, ѣхали мы гораздо скорѣе чѣмъ на *ланчѣ*. Днемъ, во время сильнаго вѣтра, когда широкая рѣка волновалась какъ море, гребцы по необходимости причаливали къ берегу. Во время этихъ остановокъ мы проникали въ лѣсъ на сколько было возможно за колючими густо-разросшимися кустами и ліанами, переплетавшимися иногда въ видѣ непроницаемыхъ тенетъ. Но въ этомъ первобытномъ лѣсу мы сверхъ чаянія не были поражены громадностью деревъ: онъ съ виду былъ какъ будто не выше иного чернолѣсья въ южной Россіи. Однако намъ показалось это такъ только сначала; не трудно было убѣдиться, что на самомъ дѣлѣ наши буки и ясени могли бы безъ препятственно раскинуться во весь свой ростъ подъ вѣтвистою вершиной иного высокоствольнаго тропическаго дерева: макушкою своей они едва достигали бы лишь до той высоты, гдѣ такое дерево выпускаетъ свои первые сучья. Громадность тропическаго лѣса не бросается въ глаза, благодаря согласному сочетанію всѣхъ частей его: въ сравненіи съ высотою стройные стволы вовсе не кажутся объемистыми, и нашъ вѣковой дубъ гораздо болѣе поражаетъ своею толщиной. Вообще лѣсъ подъ тропиками отличается тѣмъ, что листва, вѣнчающая вершину его, не такъ велика и не такъ раскидиста относительно высоты растенія, тогда какъ въ нашемъ чернолѣсьи, наоборотъ, объемъ листвы преобладаетъ въ сравненіи съ высотою дерева.

Не величиною поразилъ насъ тропическій лѣсъ, а чрезвычайнымъ разнообразіемъ видовъ растеній, встрѣчающихся по берегамъ Ориноко. Наше чернолѣсье состоитъ изъ ограниченнаго числа древесныхъ породъ, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ, преобладая надъ другими видами деревьевъ, придаютъ каждому лѣсу особый характеръ. Рощи у насъ носятъ названія: березовыхъ, дубовыхъ, липовыхъ, кленовыхъ. Лѣса же подъ тропиками ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отличены одинъ отъ другаго особыми именами. Среди сотни различныхъ видовъ, здѣсь не встрѣтишь деревьевъ, которыя росли бы въ товариществѣ и преобладали бы надъ другими породами. Здѣсь напротивъ онѣ всѣ перемѣшаны, такъ что съ одного мѣста въ лѣсу рѣдко увидишь два дерева одного и того же рода. Этому, конечно, соотвѣтствуетъ разнообразіе очерковъ и оттѣнковъ, что и придаетъ тропическому лѣсу привлекательность всегдаш-

ней новизны и неуловимую прелесть. А ліаны съ вьющимися по нимъ аристолохіями, биньйоніями, напоминавшія намъ хмѣль и виноградъ; лѣсная поросль, состоящая изъ пальмъ, древовидныхъ злаковъ и папоротниковъ; наконецъ многоцвѣтныя орхидеи, замѣняющія собою мхи и лишаи бѣдной сѣверной флоры: все вмѣстѣ составляетъ необходимое дополненіе картины, всегда стройной, согласной при всемъ разнообразіи тропической растительности...

Мѣстами берега Ориноко состоятъ изъ нагроможденныхъ другъ на друга гранитныхъ валуновъ темнаго свинцоваго цвѣта. Такіе же гранитные камни разбросаны тамъ и здѣсь въ самомъ руслѣ, и въ видѣ утесовъ торчатъ они со дна рѣки. Также много попадалось низкихъ острововъ, то песчаныхъ, то покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Опасаясь на материкѣ ягуаровъ, наши гребцы приставали обыкновенно на ночь къ какому-нибудь острову.

Бѣдно населеніе береговъ Ориноко. Кое-гдѣ на песчаной косѣ показывались легкіе шалаши Индійцевъ. Мы встрѣчали ихъ также на рѣкѣ цѣлыми семьями, ѣхавшими въ нѣсколькихъ *кано* на ловлю черепахъ и на поиски ихъ яицъ. Эти земноводныя, величиною аршина въ два, во множествѣ водятся въ Ориноко и доставляютъ дикарямъ превосходное мясо; вареное, оно похоже на лучшую говядину. Сверхъ того рѣка кишитъ большою и малою рыбой, а на берегахъ попадается столько дичи, особенно гусей и утокъ разныхъ породъ, что благодаря ружью у нихъ никогда не бываетъ недостатка въ свѣжей пищѣ. Среди такого обилія естественныхъ произведеній, при чрезвычайной производительности почвы, переселенцамъ стоило бы казалось небольшаго труда достигнуть высокаго благосостоянія. Новоприбывшему колонисту прежде всего необходимо очистить мѣсто подъ пашню. Для этого вырубаютъ обыкновенно молодыя деревья, а старыя и толстыя истребляютъ съ помощью огня. Перепахавъ потомъ между оставшимися пнями землю, сѣятъ на ней маисъ и маньйокъ, корень котораго даетъ питательный хлѣбъ, *кассава*. Послѣ обильной жатвы, на томъ же полѣ, сажаютъ сахарный тростникъ. Посадивъ его разъ, поселенецъ обезпеченъ лѣтъ на тридцать слишкомъ: вся забота его — только срѣзывать тростникъ и выжимать изъ него сладкій сокъ, что и производится разъ въ годъ. Для выварки сахара переселенцы употребляютъ боль-

шіе котлы, подъ которыми разводится огонь. Выпаривъ сокъ до надлежащей густоты, сливаютъ его въ глиняныя формы и получаютъ такимъ простымъ образомъ красно-бурый сахаръ, извѣстный подъ названіемъ папелонъ (*papelon*). Часть поля занята обыкновенно бананами, которые также стоитъ посадить разъ чтобы пользоваться плодами всю жизнь; когда созрѣютъ они, то хозяинъ однимъ взмахомъ большаго ножа перерубаетъ травянистый стволъ, и къ ногамъ его падаетъ верхушка съ большою кистью мучнистыхъ плодовъ, по крайней мѣрѣ въ пудъ вѣсомъ. Испеченные на угольяхъ, бананы даютъ пріятную и питатательную пищу, вкусомъ напоминающую печеный картофель. Есть сорта бананові, которые употребляется въ пищу сырыми: сладкіе и ароматическіе на вкусъ, они служатъ лакомствомъ. Сверхъ этого поселенецъ засѣваетъ небольшой клокъ пашни рисомъ, бобами, лукомъ, также арбузами и дынями. Все поле занимаетъ двѣ, много три десятины, подлѣ незатѣйливой глиняной хижины, крытой пальмовымъ листомъ. Иные держатъ при этомъ нѣсколько свиней, куръ; но рѣдко пользуются молокомъ отъ коровъ, содержаніе которыхъ при обиліи пастбищъ ровно ничего не стоитъ.

Еслибъ употребить въ дѣло хотя половину того труда, который у насъ хлѣбопашецъ полагаетъ на воздѣлываніе двухъ-трехъ десятинъ пшеницы, то здѣсь легко было бы развезти кофей, какао, держать бойный скотъ, овецъ, гусей и прочую живность. А черепахъ и рыбы въ рѣкѣ изобиліе. Апельсины и другіе плоды зрѣютъ въ дикомъ состояніи. На песчаномъ берегу, переселенецъ находитъ черепашьи яица. Въ лѣсахъ можно всегда настрѣлять дичи сколько угодно. Но здѣшніе жители далеко не пользуются всѣми дарами расточительной природы. Не гоняясь за избыткомъ, они беззаботно предаются бездѣйствію. Нерѣдко случалось намъ заѣзжать къ переселенцамъ, у которыхъ нельзя было достать ни рису, ни банановъ, ни даже маньйоку. Даже въ Ангостурѣ, или Сіудадъ-Боливарѣ, какъ названъ городъ въ память освободителя Венесуэлы, даже въ этомъ главномъ портѣ на Ориноко, состоящемъ въ непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чужими странами, самые необходимые жизненные припасы стóятъ несоразмѣрно дорого. Нѣмцы, богатые негоціанты, всегда готовы заплатить дорого за свѣжее мясо, молоко,

масло, яица, за разную зелень: требованіе на эти предметы всегда большое, лишь бы нашлись производители.

Но не только богатствомъ житейскихъ потребностей манятъ къ себѣ берега Ориноко: всякій образованный человѣкъ и ученый, и художникъ, нашелъ бы здѣсь неистощимый источникъ наслажденій, въ непочатой, полной разнообразія природѣ тропиковъ... Но какъ бы ни манили къ себѣ эти роскошныя мѣста, привязанность къ роднымъ мѣстамъ пересиливаетъ все, и несмотря на сѣрое небо, на бѣдную природу сѣвера, человѣку все-таки хочется жить и дѣйствовать тамъ гдѣ онъ выросъ и родился.

Прибывъ послѣ шестидневнаго плаванія по Ориноко въ Сіудадъ-Боливаръ, мы взяли мѣсто на пароходѣ, отвозившемъ пассажировъ въ Европу.

Э. ЦИММЕРМАНЪ.

О
РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ
ПОДАТЕЙ.[1]

II.

1. Подать съ лица. Названіемъ подати съ лица обозначается та подать, которою облагается самое лицо безъ различія собственности и даже безъ вниманія къ тому имѣетъ ли оно вообще какія-либо средства. Говоря строго, названіе подати съ лица можно считать неточнымъ въ томъ отношеніи, что лицо не въ состояніи само собою платить подать, если не имѣетъ нужныхъ для того средствъ, то-есть если не владѣетъ однимъ изъ трехъ источниковъ дохода, о которыхъ мы упоминали въ первой статьѣ.

До французской революціи подать съ лица извѣстна была во Франціи подъ названіемъ *capitation*, отъ латинскаго слова *caput* голова, и соотвѣтствовала нашему подушному окладу. Эта подать съ лица, или что все равно, съ головы или съ души, подъ вліяніемъ феодальнаго закона, принята была повсемѣстно въ Европѣ, и этою податью облагалось преимущественно крестьянское сословіе. По этой вѣроятно причинѣ, она была вездѣ признакомъ зависимости, несмотря на то что со средствами нужными для уплаты какихъ бы то ни было податей соединяется понятіе о нѣкоторой независимости.

[1] Продолженіе. См. *Рус. Вѣстн.* № 8.

Наряду съ личною податью взимаемою съ крестьянъ (capitation), подобная же подать взималась подъ иными названіями и съ лицъ другихъ сословій. Объ этихъ податяхъ Адамъ Смитъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: Подать съ лица, говоритъ онъ, становится весьма произвольною, если правительство имѣетъ въ виду сдѣлать ее соразмѣрною состоянію или доходу плательщиковъ. Средства каждаго измѣняются безпрестанно; слѣдовательно, безъ частой повѣрки, всякое ихъ опредѣленіе будетъ несоразмѣрно и произвольно; если же допустить повѣрку, то она можетъ сдѣлаться еще болѣе непріятною и тягостною нежели самая несоразмѣрность подати. Если личную подать соразмѣрять не со средствами, а съ положеніемъ лица въ обществѣ, то она будетъ также страдать неуравнительностію, ибо личныя средства весьма часто не соотвѣтствуютъ общественному положенію. Вообще Адамъ Смитъ заключаетъ, что при желаніи соразмѣрить эту подать со средствами [1], она дѣлается неуравнительною, а при желаніи опредѣлить ее сообразно съ положеніемъ лица въ обществѣ, несоотвѣтствующею средствамъ и слѣдовательно столько же неуравнительною какъ и въ первомъ случаѣ.

Исторія англійской и французской администраціи представляетъ примѣры этихъ неудобствъ, пока личныя подати бывшія тамъ въ употребленіи не были замѣнены другими, удобнѣйшими. По словамъ Смита, личная подать не приносила англійскому правительству ожидаемаго дохода по причинѣ значительныхъ недоимокъ и по отсутствію круговой отвѣтственности, а принятая во Франціи круговая отвѣтственность давала поводъ къ безпрестаннымъ жалобамъ на переборы и злоупотребленія.

Личная подать принадлежитъ къ податямъ постояннымъ, если взимается съ каждаго лица одинаково; она будетъ имѣть характеръ постоянности и въ томъ случаѣ, если будетъ взиматься, соображаясь съ общественнымъ положеніемъ лица безъ измѣненія опредѣленныхъ окладовъ.

Выгода личныхъ податей для правительства состоитъ въ

---

[1] Должно замѣтить, что если начать соразмѣрять эту подать со средствами, то она потеряетъ характеръ личной подати; она могла бы сохранить его, и то только отчасти, при опредѣленіи ея размѣровъ сообразно съ положеніемъ въ обществѣ независимо отъ собственности.

томъ, что взиманіе ихъ не требуетъ сложной администраціи. Но несмотря на эту выгоду, вездѣ и всегда подати этого рода составляли только незначительную часть доходовъ казны, и по мѣрѣ усовершенствованія финансовыхъ системъ, замѣнялись другими податями болѣе удобными для плательщиковъ.

Въ сочиненіи Смита изложены подробности системъ бывшихъ въ дѣйствіи до прошедшаго столѣтія въ Англіи и Франціи для опредѣленія личныхъ податей. Мы не излагаемъ ихъ здѣсь потому, что въ настоящее время, когда эти системы уступили уже или уступаютъ мѣсто другимъ удобнѣйшимъ, онѣ имѣютъ интересъ болѣе историческій чѣмъ практическій. Желающимъ ближе ознакомиться съ историческимъ ходомъ въ Европѣ подати съ лица, и со связью, въ коей, несмотря на ея названія, она была всегда со средствами плательщиковъ, мы рекомендуемъ замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіе г. Паріё: *Histoire des impôts généraux sur la propriété et le revenu.*

Что касается собственно нашего мнѣнія, то мы полагаемъ, что всякая подать съ лица имѣетъ радикальное неудобство въ томъ, что она отнесена не къ собственности, а къ лицу, безъ соображенія его средствъ. Кто-то выразился весьма справедливо, что если кто имѣетъ голову, то изъ этого нельзя еще заключать что онъ владѣетъ чѣмъ-либо другимъ. Обыкновенно, при отсутствіи круговой отвѣтственности, бѣдный и богатый вносятъ одинаковую подать съ лица, собственно по званію подданнаго; если же допустить круговую отвѣтственность, то личная подать будетъ неопредѣлительна, и никто не будетъ знать, сколько ему придется платить въ будущемъ. Вообще личныя подати могутъ быть допущены развѣ только при условіи, что онѣ будутъ очень умѣренны и будутъ составлять незначительную долю въ сравненіи съ общею цифрой государственнаго бюджета; возвышеніе оклада личной подати сдѣлало бы личную подать невозможною къ взиманію и обнаружило бы до очевидности недостатокъ солидности этой системы.

Приверженцы подати съ лица оправдываютъ ее тѣмъ, что такъ какъ всѣ подданные пользуются въ равной мѣрѣ покровительствомъ государства, то и справедливо чтобы всѣ они участвовали въ равной мѣрѣ въ государственныхъ расходахъ. Соображенія этого мы не признаемъ осно-

вательнымъ, ибо хотя бы и не взимать личной денежной подати съ семействъ не имѣющихъ собственности, то они могутъ нести другаго рода обязанности и удовлетворять общественнымъ нуждамъ другими способами. Такъ, кромѣ военной службы, къ которой призываются во всѣхъ европейскихъ державахъ (за исключеніемъ Англіи) всѣ даже самые бѣдные подданные, они участвуютъ въ косвенныхъ податяхъ взимаемыхъ съ предметовъ потребленія, а подати эти во многихъ государствахъ также подаютъ на всѣхъ подданныхъ, не исключая и самыхъ бѣдныхъ. Кромѣ того, не справедливо было бы полагать, что издержки правительства для защиты каждаго подданнаго одинаковы и основываясь на этомъ предположеніи, установлять одну только личную подать въ одинаковомъ со всѣхъ окладѣ безъ вниманія къ средствамъ. Справедливо что защита нужна всякому; но безопасность и защита лицъ требуетъ менѣе расходовъ чѣмъ защита собственности. Это подтверждается фактомъ, что въ числѣ преступленій преслѣдуемыхъ законами, или тѣхъ, которыя законодательство желаетъ предупредить, находится гораздо болѣе преступленій направленныхъ противъ собственности чѣмъ противъ лицъ; и чѣмъ богаче страна, тѣмъ болѣе законодательство заботится объ охраненіи правъ собственности, и тѣмъ болѣе правительство расходуетъ на защиту этихъ правъ сравнительно съ тѣмъ чего ему стóитъ безопасность лицъ.

2. Подать съ поземельной собственности.

Физіократы начали первые изслѣдовать свойства этой подати; въ поземельной собственности они видѣли единственный источникъ дохода, а изъ этого заключили, что только на нее можетъ ложиться подать всякаго рода. Обложите податью полотно, говоритъ Кене (Quesnay), и дѣлающій полотно не въ состояніи будетъ продолжать свое ремесло доставляющее ему только необходимыя средства къ жизни, если не произойдетъ сбавки съ цѣнъ льна, соразмѣрной тому сколько нужно для удовлетворенія подати. Намъ не нужно доказывать, что физіократы были въ заблужденіи; никто въ наше время не можетъ сомнѣваться, что промышленность обрабатывающая суровые матеріялы и коммерція всякаго рода могутъ быть столько же доходны и

производительны, какъ и поземельная собственность производящая суровые матеріялы.

Англійскіе писатели, въ особенности Макъ-Коллохъ[1] болѣе другихъ занимавшійся вопросомъ о податяхъ, мало одобряютъ поземельную подать, полагая, что она препятствуетъ улучшеніямъ собственности и употребленію нужныхъ для того капиталовъ.

Но и вообще въ Европѣ съ XVIII столѣтія взглядъ на поземельную собственность во многомъ измѣнился. За всѣмъ тѣмъ однако, она почитается болѣе удобною для обложенія нежели собственность въ иныхъ видахъ.

Поземельная подать можетъ быть взимаема четырьмя различными способами: 1) или въ общей цифрѣ опредѣляемой каждый годъ со всей страны и раскладываемой уравнительно между частями составляющими ея географическія подраздѣленія; 2) или въ натурѣ соразмѣрно урожаю (десятина); 3) или съ дохода; 4) или каждый участокъ земли можетъ быть обложенъ податью по оцѣнкѣ сдѣланной сообразно его производительнымъ силамъ и произведеніямъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ способовъ взиманія.

1. Первый способъ можно назвать произвольнымъ потому, что нельзя усмотрѣть въ немъ раціональнаго основанія, и онъ можетъ быть употребленъ развѣ только при весьма умѣренномъ окладѣ.

2. Второй способъ съ перваго взгляда можетъ казаться справедливымъ, потому что собираетъ подать соразмѣрно съ урожаемъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи, онъ оказывается самымъ неуравнительнымъ и несправедливымъ, ибо взимается не съ чистаго, а съ валоваго дохода не взирая на природу почвы и на издержки понесенныя для полученія урожая, которыя бываютъ весьма различны. Подобный способъ взиманія принуждаетъ платящихъ подать воздерживаться по возможности отъ улучшеній собственности, требующихъ труда и капиталовъ. Кромѣ того, взиманіе этой подати дѣлается обыкновенно затруднительнымъ по той причинѣ, что повѣрка урожая нѣкоторыхъ произведеній почти невозможна (таковы напримѣръ огородные овощи, молочный сборъ и т. п.), что даетъ поводъ къ спорамъ и ежедневнымъ не-

---

[1] Mac-Culloch *A treatise on the principles and practical influence of taxation and the funding system.*

удовольствіямъ, примѣръ которыхъ находимъ въ фискальной системѣ Англіи сохранявшей сборы въ натурѣ въ пользу духовенства до 1835 года. Лишь съ того времени натуральный сборъ $1/_{10}$ части урожаевъ и всякихъ сельскихъ произведеній замѣненъ денежнымъ окупомъ доставляющимъ до 45 милліоновъ рублей. Согласіе, которое обнаружили обѣ стороны заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, доказываетъ сколько прежній натуральный сборъ былъ неудобенъ. Весьма интересныя подробности на счетъ этой перемѣны находятся въ *Journal des Economistes* за августъ 1861 года.

Эти неудобства были упущены изъ виду въ финансовомъ проектѣ Вобана, знаменитаго французскаго маршала. Бывъ свидѣтелемъ неудобствъ личной подати и нераздѣльныхъ съ нею злоупотребленій при круговой порукѣ, онъ предложилъ принять, вмѣсто всѣхъ этихъ податей, систему одной общей подати въ натурѣ (projet de dîme royale). Онъ полагалъ взимать въ пользу правительства $1/_{20}$ долю всѣхъ произведеній поземельной собственности, а въ случаѣ необходимости—увеличивать ее постепенно въ 10 отдѣльныхъ пріемовъ до второй $1/_{20}$; также взимать $1/_{10}$ часть дохода съ домовъ, со всякой промышленности и всѣхъ вообще средствъ къ существованію, не исключая содержанія получаемаго служащими отъ правительства. Этими сборами онъ предлагалъ замѣнить подать съ крестьянъ.

Система Вобана хотя и не была принята Лудовикомъ XIV въ то время когда была предложена, но дала поводъ къ установленію во Франціи въ послѣдствіи (въ 1710 году) подати въ $1/_{10}$ части доходовъ всякаго рода, съ переводомъ ея однако на деньги и притомъ безъ отмѣны существовавшихъ до того податей. Безчисленныя изъятія изъ этой подати испрошенныя у правительства, а также выкупъ ея единовременными условленными взносами были причиною того, что она не принесла ожидаемыхъ результатовъ и отмѣнена въ 1717 году. Въ послѣдствіи, французское правительство возвращалось неоднократно къ этой подати исчисляемой въ различной соразмѣрности къ доходу ($1/_{20}$ и $1/_{10}$); въ 1725 году оно прибѣгало на время даже къ сборамъ въ натурѣ съ поземельной собственности, но эта подать не могла устоять долгое время. Такимъ образомъ не-

удобство этого способа взиманія оказалось на опытѣ и въ Англіи и во Франціи.

3. Подать съ чистаго дохода доставляемаго поземельною собственностью есть гораздо болѣе удовлетворительная форма поземельной подати. При этомъ способѣ взиманія, поземельная подать бываетъ или постоянная, то-есть можетъ быть установлена навсегда по исчисленному однажды доходу безъ вниманія къ его измѣненіямъ или можетъ соразмѣряться съ доходомъ, то-есть возвышаться или понижаться, смотря потому какъ самый доходъ измѣняется. Каждая изъ этихъ системъ опредѣленія подати имѣетъ своихъ приверженцевъ, потому что подобно всякому экономическому вопросу имѣетъ свою удобную и неудобную сторону. Приверженцы постоянной подати выставляютъ ея удобство въ томъ отношеніи, что она даетъ владѣльцу увѣренность, что онъ вполнѣ воспользуется возвышеніемъ дохода, а эта увѣренность заинтересовываетъ его въ возможномъ улучшеніи своей собственности; тогда какъ напротивъ, извѣстность что ему придется дѣлиться съ правительствомъ возвышеніемъ дохода, можетъ дѣлать собственника равнодушнымъ къ улучшеніямъ и удерживать его отъ нужныхъ пожертвованій. Адамъ Смитъ высказывается противъ постоянной поземельной подати,—и по нашему мнѣнію слишкомъ безусловно. Одинъ изъ доводовъ его состоитъ въ довольно странномъ замѣчаніи, что правительство должно быть заинтересовано въ возвышеніи доходовъ съ поземельной собственности, а чтобы оно было заинтересовано, для этого надобно предоставить ему возможность возвышать поземельную подать соразмѣрно съ возвышеніемъ доходовъ доставляемыхъ поземельною собственностію. Смитъ поддерживаетъ свой взглядъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что при постоянной подати, всякое измѣненіе въ дѣйствительномъ достоинствѣ металловъ и звонкой монеты, оставаясь безъ вліянія на цифру подати однажды установленной, конечно будетъ измѣнять дѣйствительную тяжесть поземельной подати и первоначальное отношеніе ея къ податямъ другаго рода. Впрочемъ, для заинтересованія къ улучшеніямъ, онъ полагаетъ возможнымъ, въ продолженіи извѣстнаго срока, не возвышать соразмѣрно съ возвышеніемъ доходовъ подать съ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые заявятъ желаніе дѣлать издержки на улучшенія своей соб-

ственности. При Адамѣ Смитѣ существовала безъ измѣненія поземельная подать установленная въ царствованіе Вильгельма и Маріи. Находя что кромѣ неуравнительности вкравшейся во время ея опредѣленія, послѣдовавшія съ того времени улучшенія сдѣлали ее еще болѣе несоразмѣрною съ доходомъ, онъ заключаетъ, что подобная система совершенно противна условію уравнительности [1], но что вмѣстѣ съ тѣмъ она соотвѣтствуетъ другимъ тремъ условіямъ хорошей подати, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ, то-есть положительности и удобству относительно уплаты и относительно взиманія. Хотя нѣтъ сомнѣнія, неизмѣнность цифры подати могла содѣйствовать улучшеніямъ поземельной собственности, однако съ другой стороны значительныя улучшенія ея въ Англіи можно приписать причинамъ независящимъ отъ разсматриваемой нами системы, именно быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности и матеріяльнаго быта жителей въ періодъ времени отъ опредѣленія оклада подати до конца прошлаго столѣтія, также особенному покровительству оказывавшемуся крупной собственности англійскимъ законодательствомъ. Соглашаясь, что съ того времени все возвышеніе доходовъ обратилось въ пользу землевладѣльцевъ, Смитъ замѣчаетъ, что еслибъ эти доходы вмѣсто возвышенія понижались, то при неизмѣнности оклада поземельной подати, все уменьшеніе доходовъ падало бы прямо на землевладѣльцевъ. При тѣхъ обстоятельствахъ какія существовали въ Англіи со времени ея революціи, постоянность оклада обратилась въ пользу землевладѣльцевъ съ ущербомъ правительству; при исходѣ противномъ, она была бы выгодна для правительства съ ущербомъ поземельной собственности, а такъ какъ этотъ ущербъ могъ бы быть вреденъ для всей страны, и такъ какъ въ эпоху болѣе или менѣе отдаленную, обстоятельства могутъ привести къ подобному исходу, то Смитъ выводитъ окончательное заключеніе, что система поземельной подати, подобно всякому государствен-

---

[1] При установленіи поземельной подати въ 1692 году было принято основаніемъ взимать 4 шиллинга съ каждаго фунта дохода, то-есть $^1/_5$ его часть, а по исчисленію г. Фоше, эта самая подать въ 1842 г. составляла не болѣе $^1/_{24}$ доли дохода. (Leon Faucher. *De l'impôt sur le revenu.*) Доходность поземельной собственности возрасла за это время почти впятеро.

ному установленію назначенному существовать столько же времени какъ и самое государство, должна удобно примѣняться не только къ одному какому-либо исходу, но и ко всякому вообще, какой можетъ быть вызванъ обстоятельствами и временемъ. Поэтому онъ рѣшительно высказывается противъ неизмѣнной поземельной подати.

Ниже мы будемъ говорить подробнѣе о различіи между постоянною и измѣняющеюся поземельною податью, а теперь выскажемъ лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу соображеній Адама Смита.

Исчисляя неудобства подати постоянной, Смитъ не предвидѣлъ важнѣйшаго, примѣръ котораго дало собственное его отечество. Подать эта, потерявъ характеръ обязательства лежащаго на каждомъ подданномъ удѣлять правительству часть своихъ средствъ для обезпеченія публичныхъ расходовъ, стала считаться какъ бы процентомъ съ долга лежавшаго на поземельной собственности, и это породило мысль о единовременномъ выкупѣ всего долга. Вслѣдствіе подобнаго взгляда на предметъ, Питтъ предложилъ въ 1793 году парламенту капитализацію поземельной подати, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ неуплаты владѣльцемъ исчисленной капитальной суммы принимаемой за долгъ, можно было переводить этотъ долгъ на третье лицо за наличныя деньги, съ предоставленіемъ ему права взимать вѣчный доходъ съ долга обезпеченнаго на поземельной собственности. Предложеніе это было принято, несмотря на то что оно нарушало права собственности, и повело къ тому, что выкупъ поземельной подати обратился въ тягостный экстренный налогъ обращенный на уплату части публичныхъ долговъ; но откупившись отъ поземельной подати, землевладѣльцы все-таки не освободились отъ непріятной обязанности лежащей на каждой собственности участвовать постоянно въ публичныхъ расходахъ; обязанность эта, какъ нераздѣльная съ правами собственности, не можетъ быть отмѣнена безъ потрясенія государства, и не далѣе какъ черезъ годъ послѣ выкупа была установлена въ Англіи новая подать съ доходовъ, а въ томъ числѣ и съ поземельной собственности.

Впрочемъ, операція выкупа этой *land tax* поныне еще не кончена. Изъ числа приблизительно 11.000.000 рублей въ годъ составлявшихъ первоначально общую цифру этой

подати, оставалось въ 1844 году, еще невыкупленныхъ 6.686.750 рублей. Въ 1853 году, г. Гладстонъ предложилъ мѣры къ облегченію операціи уменьшеніемъ капитальной суммы исчисленной къ уплатѣ, но за всѣмъ тѣмъ подать эта представляетъ еще на бюджетѣ цифру около 6.250.000 рублей.

Далѣе, въ соображеніяхъ Смита о поземельной подати упущено изъ виду еще одно важное обстоятельство. Говоря о доходѣ служащемъ основаніемъ подати, онъ не дѣлаетъ различія между чистою рентой и доходомъ валовымъ. Первый проистекаетъ изъ права собственности на землю независимо отъ вознагражденія за издержки понесенныя на ея улучшеніе и независимо отъ оборотнаго капитала необходимаго земледѣлію, а въ послѣднемъ, то-есть въ валовомъ доходѣ, долженъ заключаться и чистый доходъ, и возвратъ всѣхъ упомянутыхъ издержекъ. Оба эти элемента бываютъ, правда, такъ слиты что затруднительно опредѣлить долю каждаго изъ нихъ, но тѣмъ не менѣе необходимо имѣть въ виду различіе между двумя сказанными частями дохода, ибо только первая часть его (рента) можетъ служить основаніемъ подати.

Наконецъ, Смитъ полагаетъ полезнымъ, чтобы правительство было заинтересовано въ возвышеніи доходовъ поземельной собственности. Мы не допускаемъ мысли, чтобы Смитъ имѣлъ въ виду заинтересованіе единственно съ цѣлью извлеченія матеріяльныхъ выгодъ. Равномѣрно не допускаемъ и того, чтобы правительство, изъ какихъ-либо другихъ видовъ, могло быть заинтерссовано въ возвышеніи нѣкоторыхъ доходовъ преимущественно передъ другими. Это было бы несправедливо и противно обоюднымъ выгодамъ правительства и общества, и вело бы къ привилегіи предосудительной общественнымъ интересамъ.

4. Четвертый способъ взиманія поземельной подати есть тотъ, когда вмѣсто дохода принимается за основаніе пространство земли. Объ этомъ способѣ мы скажемъ только то, что въ сущности за основаніе его принимается также доходъ; слѣдовательно разница этого способа противъ системы подати съ дохода состоитъ только въ формѣ. За основаніе подати принимается пространство не иначе какъ въ предположеніи, что извѣстное про-

странство принимаемое для разчета за единицу приноситъ извѣстный доходъ.

Мы должны разсмотрѣть теперь важный вопросъ, именно: на кого падаетъ окончательно поземельная подать?

Всѣ согласны, что она должна падать на владѣльца, но падаетъ ли она на него въ самомъ дѣлѣ окончательно и безусловно во всѣхъ случаяхъ, это вопросъ особый, и онъ рѣшается экономистами весьма различно.

Адамъ Смитъ только коснулся этого вопроса. Онъ сказалъ, что поземельная подать падаетъ на владѣльца, но не развилъ своей мысли и не поддержалъ ея раціональными доказательствами.

Мнѣніе Рикардо по этому вопросу основано на его теоріи о рентѣ. Припомнимъ читателямъ, что Рикардова теорія состоитъ въ томъ, что цѣны произведеній съ земель менѣе изобильныхъ опредѣляютъ мѣру дохода со всей поземельной собственности, усиливая чистый доходъ съ земель болѣе плодородныхъ по мѣрѣ сравнительной ихъ производительности. Цѣны однородныхъ произведеній, говоритъ Рикардо, бываютъ одинаковы; цѣны произведеній земель самой меньшей изобильности, не принося вовсе ренты, возвращаютъ только издержки производства; плодородныя части производятъ болѣе неизобильныхъ; слѣдовательно, за отчисленіемъ вознагражденія за трудъ и капиталъ, онѣ даютъ въ остаткѣ доходъ болѣе или менѣе возвышенный по мѣрѣ высшей ихъ производительности въ сравненіи съ тѣми, которыя не даютъ вовсе дохода. Этотъ остатокъ Рикардо называетъ рентою; въ этихъ короткихъ словахъ заключается сущность его теоріи о рентѣ, или поземельномъ доходѣ съ права собственности. Основываясь на ней Рикардо полагаетъ, что поземельная подать можетъ падать на владѣльца въ такомъ только случаѣ, если за основаніе ея принята будетъ рента; если же обложить податью не ренту, а поземельную собственность вообще, то подать падетъ всегда на потребителей произведеній земли. Онъ поддерживаетъ свое мнѣніе слѣдующими соображеніями: если податью облагается только рента, то натурально, что она не взимается съ собственности вовсе не дающей ренты. Въ этомъ случаѣ на кого можетъ падать подать? Не на потребителей потому, что цѣны на произведенія останутся безъ измѣненія; не на земледѣльца, ибо онъ какъ про-

мышленникъ долженъ непремѣнно получить соотвѣтственное вознагражденіе; слѣдовательно, она можетъ пасть только на собственника. Наоборотъ, общая подать взимаемая со поземельной собственности коснется и тѣхъ ея частей, которыя не приносятъ вовсе ренты; въ этомъ случаѣ, такъ какъ владѣльцу платить ее не изъ чего, то онъ для покрытія подати возвыситъ цѣну произведеній, а вслѣдствіе того подать падетъ на потребленіе. Рикардо допускаетъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ случиться, что при ограниченномъ спросѣ цѣны могутъ и не возвыситься настолько чтобы покрыть подать; но въ этомъ случаѣ владѣльцы участковъ, которые не даютъ ренты, не будучи въ состояніи возвратить издержекъ производства, оставятъ ихъ обработку; количество произведеній уменьшится, а происходящее отъ того возвышеніе цѣнъ обратитъ подать опять на потребителей.

Вообще Рикардо полагаетъ, что поземельная подать ложащаяся въ одной мѣрѣ на всякую собственность безъ различія степени производительности ея, должна возвышать продажную цѣну произведеній земли. Участки различныхъ качествъ, говоритъ онъ, при употребленіи одинаковаго капитала производятъ урожаи весьма различные. Для примѣра онъ полагаетъ, что одинъ участокъ изъ числа самыхъ неплодородныхъ, при помощи извѣстнаго капитала, даетъ 1.000 квартеровъ ржи. Если обложить его податью въ 100 фунтовъ стерлинговъ, то цѣна квартера возвысится на 2 шилл.; иначе, земледѣліе не могло бы удержаться на этомъ участкѣ. Но съ помощью того же капитала, на плодородномъ участкѣ того же размѣра какъ и первый, можно имѣть 2.000 квартеровъ хлѣба; цѣна этихъ 2.000 квартеровъ, возвышенная также двумя шиллингами, увеличитъ доходъ не на 100 фунтовъ нужныхъ на подать, а на 200 фунтовъ, изъ коихъ 100 обратятся въ пользу владѣльца. Слѣдовательно, на потребленіе не только падетъ подать, но и неожиданная, податью вызванная выгода владѣльца участка лучшаго качества. Изъ этого Рикардо заключаетъ, что подобная подать будетъ противна одному изъ условій требуемыхъ Смитомъ отъ хорошей подати всякаго рода, то-есть что она не доставитъ правительству пользы равной пожертвованіямъ народа.

Мнѣніе Джона Стюарта Милля насчетъ поземельной подати

весьма близко къ мнѣнію Рикардо. Онъ говоритъ только о подати съ чистаго дохода. По словамъ его, подать эта падаетъ окончательно на владѣльца. Она не возвышаетъ цѣнъ на произведенія, ибо цѣны произведеній земли опредѣляются въ данномъ мѣстѣ тѣми издержками производства, какія требуются при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, когда рента вовсе не существуетъ. Слѣдовательно, подать съ ренты, по мнѣнію Милля, не имѣетъ другихъ послѣдствій какъ отчужденіе въ пользу правительства суммы опредѣленной податью. Но еслибы подать коснулась части дохода съ капиталовъ употребленныхъ на улучшенія собственности, то Милль признаетъ, что такая подать имѣла бы неблагопріятное вліяніе на дальнѣйшія улучшенія. Къ этому онъ присовокупляетъ, что впрочемъ если законодательство имѣетъ въ виду обложить податью доходы всякаго рода, то нѣтъ причины освобождать и вообще поземельный доходъ отъ подати, которая, будучи основана на общемъ доходѣ, коснется одинаково и части ренты и части дохода съ капиталовъ употребленныхъ на улучшенія.

Мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о мнѣніи экономистовъ французской школы насчетъ поземельной подати. Французскіе экономисты признаютъ поземельную подать въ умѣренныхъ предѣлахъ удобною; не отвергаютъ безусловно системы постоянной подати, но допускаютъ и подать соразмѣрную съ измѣненіями въ доходѣ; полагаютъ, что поземельная подать падаетъ на землевладѣльца, развѣ бы непомѣрное возвышеніе ея уменьшило производство сельскихъ произведеній и ограничило ихъ предложеніе; наконецъ, всѣ они признаютъ необходимымъ, чтобы подать не касалась ни оборотнаго капитала нужнаго земледѣлію, ни капиталовъ употребленныхъ на улучшенія поземельной собственности.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ отдѣльно о Бастіа. Этотъ писатель, какъ извѣстно, отвергаетъ вообще теорію ренты. Не допуская вовсе существованія ренты, онъ утверждаетъ, что теорія о рентѣ возникла отъ смѣшенія выраженій *полезность* и *цѣнность* (utilité, valeur). По мнѣнію Бастіа, Богъ создалъ землю съ полезными для человѣка свойствами и силами и даровалъ ихъ роду человѣческому безвозмездно. Человѣкъ, какъ для собственной пользы, такъ и для пользы ближняго, началъ заниматься

этими свойствами и силами. Взаимная въ этомъ случаѣ услуга оказываемая мѣною произведеній дала понятіе о цѣнности (valeur), а цѣнность повела къ понятіямъ о собственности. Каждый сдѣлался собственникомъ по мѣрѣ своихъ трудовъ, но свойства земли и вообще природныя силы продолжаютъ быть безвозмезднымъ даромъ Всевышняго, и потому, при мѣнѣ произведеній, не входятъ въ ихъ оцѣнку. Бастіа полагаетъ, что экономисты сбились принимая *полезность* за *цѣнность*. Они признали за свойствами земли и природными силами цѣнность независимо отъ труда, и это повело нѣкоторыхъ къ неосновательному заключенію, что собственность составляетъ монополію. По ихъ мнѣнію, монополія состоитъ въ томъ, что землевладѣлецъ взимаетъ вознагражденіе за землю, которой не произвелъ самъ. Бастіа возражаетъ противъ этого, что земля, въ томъ видѣ какъ она сотворена Богомъ, имѣетъ только полезныя свойства, но они безвозмездны и владѣлецъ не въ состояніи получать за нихъ вознагражденіе; если онъ получаетъ доходъ съ земли, то не иначе какъ соразмѣрно съ трудомъ понесеннымъ на ея обработку и улучшенія, и единственно трудъ этотъ даетъ землѣ цѣнность, которая есть прямое выраженіе труда. На основаніи многихъ соображеній изложенныхъ въ его сочиненіи *Harmonies économiques*, Бастіа приходитъ къ заключенію, что пока страна не имѣетъ недостатка въ землѣ для обработки, владѣлецъ, обрабатывая землю самъ, отдавая ее фермерамъ или продавая ее, не пользуется ни привилегіей, ни монополіей и не взимаетъ вовсе дохода за безвозмездныя щедроты природы. Можно возразить, что цѣнность земли возрастаетъ постоянно. Бастіа допускаетъ это возраженіе, но опровергаетъ его тѣмъ, что такова участь всякаго вообще труда по мѣрѣ того какъ промышленность развивается, а народонаселеніе дѣлается гуще и богаче. Далѣе можно возразить, что придетъ время, когда нельзя будетъ ограничивать требованій землевладѣльцевъ отвѣтомъ, что имѣются еще земли необработанныя. Бастіа принимаетъ и это возраженіе, но онъ сравниваетъ его съ вопросомъ о томъ, что предприметъ родъ человѣческій, когда воздуха по числу легкихъ сдѣлается недостаточно, и утѣшаетъ насъ заключеніемъ, что если въ 6.000 лѣтъ только $^1/_{10}$ часть земнаго шара обработана весьма посредственно, то родъ человѣческій можетъ выжидать нѣсколько сотъ

столѣтій того времени, въ которое весь земной шаръ будетъ обращенъ въ садъ.

Для полноты, мы упомянемъ здѣсь и объ экономистахъ германской школы. По вопросу о поземельной подати, школа эта не отдѣляется отъ другихъ рѣзкими отличительными чертами, а подходитъ болѣе или менѣе къ англійской и французской школамъ. Желающимъ познакомиться съ германскою школой, мы рекомендуемъ прибавленіе о рентѣ къ извѣстному сочиненію г. Рошера, также статьи профессора Шуца въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*; наконецъ, замѣчательное какъ въ экономическомъ такъ и въ агрономическомъ отношеніи сочиненіе Тюнена: *Der isolirte Staat.*

Изложимъ теперь собственныя наши соображенія насчетъ поземельной подати.

Мы признаемъ за Бастіа большую силу убѣжденія и необыкновенный талантъ изложенія; онъ быть-можетъ столько же очаровываетъ читателя сколько и убѣждаетъ его; испытавъ это очарованіе, мы сознаемся въ томъ, что и нынѣ остаемся подъ его вліяніемъ; за всѣмъ тѣмъ однако мы не можемъ отвергать существованія ренты съ поземельной собственности, имѣя передъ глазами несомнѣнный фактъ ея существованія. Мы не почитаемъ его ни привилегіей, ни монополіей, но видимъ въ немъ прямое послѣдствіе святыхъ правъ собственности. Соглашаемся, что рента не могла имѣть мѣста пока всякій селился на земномъ шарѣ, гдѣ ему было угодно, и однимъ фактомъ своего поселенія дѣлался собственникомъ обрабатываемаго имъ пространства; но съ того времени какъ не видимъ клочка земли безъ владѣльца, то-есть съ того времени, какъ поземельная собственность получила окончательное раздѣленіе, мы не можемъ отвергать существованія ренты, а напротивъ, видимъ въ ней прямое послѣдствіе права собственности.

Мы понимаемъ вполнѣ сложность элементовъ поземельнаго дохода, а также невозможность опредѣлить цифрою сколько въ немъ находится ренты. Это опредѣленіе было бы весьма просто, еслибы вся поземельная собственность была отдана фермерамъ въ природномъ ея видѣ безъ всякихъ со стороны владѣльца улучшеній и издержекъ; тогда доходъ съ собственности и съ земледѣлія могъ бы быть

разчитанъ безъ всякаго затрудненія. Но на дѣлѣ происходитъ совершенно иначе: не вездѣ существуютъ фермеры, и въ рѣдкихъ только случаяхъ собственность не стоила владѣльцу какихъ-либо издержекъ. Обыкновенно поземельный доходъ долженъ быть раздѣленъ между владѣльцемъ, капиталистомъ и промышленникомъ по мѣрѣ участія каждаго изъ нихъ въ производствѣ общаго дохода. Это раздѣленіе чрезвычайно сложно, а во многихъ случаяхъ невозможно. Спросите у владѣльца обрабатывающаго собственными руками малый участокъ земли, сколько собственность его приноситъ чистаго дохода? Онъ не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, потому что труды его и денежныя издержки перемѣшаны въ его доходѣ. То же самое случится съ владѣльцемъ крупной собственности, который ведетъ раціональное хозяйство на собственный счетъ. Собственность его сдѣлалась сложною производительною машиною составленною изъ природныхъ производительныхъ силъ, изъ труда и капитала, а онъ самъ представляетъ въ одномъ лицѣ собственника, промышленника и капиталиста.

За всѣмъ тѣмъ однако, въ приведенныхъ выше затрудненіяхъ мы не видимъ причины отвергать теорію ренты; напротивъ мы признаемъ, что только на этой теоріи можетъ быть основана поземельная подать. Правда, что ариѳметическое исчисленіе ренты невозможно, но мы для примѣра скажемъ, что подобнымъ же образомъ невозможно исчислить то количество предложенія на рынкахъ всякаго произведенія, какое соотвѣтствовало бы съ ариѳметическою точностью спросу, и тѣмъ не менѣе всѣ мы признаемъ, что соотношеніе это существуетъ, и что не только обнаруживаются послѣдствія нарушенія этого отношенія, но и могутъ быть подводимы подъ разчеты имѣющіе достаточное приблизительное основаніе.

Что касается вообще до вопроса, удобно ли облагать поземельную собственность податью, мы полагаемъ, что эта подать удобна, если ей дано основаніе раціональное, то-есть если она основана собственно на рентѣ.

Основывать подать на общемъ доходѣ было бы весьма не раціонально, потому что, какъ мы сказали уже выше, на этотъ доходъ имѣютъ право владѣлецъ, капиталистъ и промышленникъ, то-есть каждый изъ нихъ долженъ найдти въ общемъ доходѣ соотвѣтствующее вознагражденіе. Раздѣляя

поземельную собственность на разряды сообразно количеству и качеству произведеній, можно предположить одинаковый доходъ при одинаковыхъ качествахъ почвы; способъ веденія хозяйства, родъ произведеній, и пространство собственности могутъ служить основаніемъ для приблизительнаго исчисленія дохода; но это будетъ общій доходъ, на которомъ несправедливо было бы основывать поземельную подать. Предположимъ для примѣра двухъ владѣльцевъ получающихъ каждый валоваго дохода 1.000 руб. въ годъ. Участокъ одного можетъ приносить этотъ доходъ по однимъ только природнымъ качествамъ почвы, не требуя вовсе или требуя мало удобреній и издержекъ, тогда какъ участокъ другаго, неблагодарной почвы, приноситъ 1.000 руб. дохода только при улучшеніяхъ требующихъ не малыхъ издержекъ. Очевидно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, для перваго подать падетъ на доходъ, которымъ онъ обязанъ собственно природѣ, тогда какъ у послѣдняго она можетъ отнять часть вознагражденія за его издержки. Еще неудобнѣе было бы облагать поземельную собственность податью соразмѣряемою съ измѣненіями въ валовомъ доходѣ, ибо въ этомъ случаѣ она кромѣ приведенныхъ сейчасъ неудобствъ останавливала бы улучшенія собственности и издержки нужныя для возвышенія доходовъ. При отнесеніи подати, какъ мы полагаемъ, къ рентѣ она не должна касаться ни капитала, ни труда, ни вознагражденія нужнаго земледѣлію, дабы не нарушать ни въ чемъ условій производства. Напримѣръ, ежели участокъ требуетъ ежегодно 1.000 рабочихъ дней и капитала въ 3.000 рублей, и приноситъ столько дохода, что за уплатою рабочимъ и за возвратомъ капитала съ обыкновенными процентами, остается владѣльцу чистаго дохода 2.000 руб., и изъ этого остатка подать возьметъ 50—60 или 100 рублей [1]; она, конечно, уменьшитъ на эту сумму чистый доходъ владѣльца, но она будетъ раціональна въ томъ отношеніи, что останется безъ всякаго вліянія на производство, ибо, несмотря на подать, 1.000 рабочихъ дней будутъ уплачены, капиталъ получитъ соотвѣтствующій процентъ, земледѣліе

[1] Этими цыфрами мы не имѣемъ въ виду указать какое должно быть отношеніе подати къ доходу, а желаемъ только пояснить, что подать должна составлять часть чистаго дохода.

возьметъ свое вознагражденіе и затѣмъ съ будущимъ годомъ производство можетъ быть возобновлено по прежнему безъ затрудненія.

Мы уже сказали, что весьма трудно опредѣлить съ точностію чистый доходъ землевладѣльца. Весьма естественно, что по мѣрѣ этого затрудненія трудно дать и подати правильное основаніе (assiette). Единственнымъ средствомъ для избѣжанія вредныхъ послѣдствій неправильнаго основанія поземельной подати мы полагаемъ умѣренность ея оклада; ибо чѣмъ онъ будетъ умѣреннѣе, тѣмъ болѣе можно быть увѣрену, что подать коснется собственно только чистаго дохода.

При исчисленіи подати, основанной на доходѣ, для соображенія можно принимать тамъ, гдѣ есть фермеры,—доходъ уплачиваемый фермеромъ владѣльцу, разумѣется за вычетомъ процентовъ съ издержекъ, понесенныхъ владѣлецъ на улучшеніе собственности, а тамъ, гдѣ фермеровъ нѣтъ, —чистый доходъ, добываемый самимъ владѣльцемъ.

Мы уже сказали выше, что Смитъ не опредѣлялъ различія между рентой и общимъ доходомъ владѣльца, но что различіе это должно быть принимаемо въ соображеніе при опредѣленіи поземельной подати; ибо, при упущеніи этого различія изъ виду, подать могла бы пасть на потребителя. Еслибы подать поглащала даже всю ренту, то она не задѣла бы другихъ интересовъ кромѣ интересовъ собственника; въ подобномъ размѣрѣ подать была бы для собственника раззорительною, но нисколько не возвысила бы цѣнъ и не остановила бы производства, потому что земледѣліе находило бы еще соотвѣтствующее вознагражденіе. Но еслибы подать, не довольствуясь рентой, коснулась еще другихъ частей доходовъ владѣльца, то владѣлецъ будучи лишенъ ожидаемаго вознагражденія за улучшенія и издержки земледѣлія, былъ бы долженъ или возвысить свои цѣны, или ограничить производство, не доставляющее ему соотвѣтствующаго вознагражденія. Въ первомъ случаѣ подать пала бы тотчасъ на потребителей; во второмъ, она пала бы на нихъ же, со временемъ, потому что отъ сокращеннаго производства прежнее отношеніе между спросомъ и предложеніемъ было бы нарушено и за тѣмъ необходимо послѣдовало бы возвышеніе цѣнъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что Рикардо, выставившій въ полномъ свѣтѣ этотъ законъ,

придаетъ слишкомъ исключительное значеніе вліянію издержекъ производства на цѣны продуктовъ земледѣлія и не довольно обращаетъ вниманія на зависимость цѣнъ отъ взаимнаго отношенія между прелложеніемъ и спросомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что издержки производства принимаются въ разчетъ производителемъ, но ежедневные факты доказываютъ, что однѣ онѣ не опредѣляютъ продажныхъ цѣнъ: сколько случается видѣть произведеній, проданныхъ безъ возврата издержекъ производства? Основываясь на этомъ законѣ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, должно полагать, что поземельная подать падетъ не на потребителя, а на владѣльца, если только не будетъ возвышена до такой степени, что участки, менѣе производительные, перестанутъ быть обрабатываемы; ибо пока прозведенія являются на рынкахъ въ одинаковомъ числѣ, потребителямъ нѣтъ дѣла до подати и ее будутъ принуждены платить производители. Производство и потребленіе будутъ оставаться безъ измѣненія, и цѣны останутся прежнія.

За всѣмъ тѣмъ, въ соображеніяхъ Рикардо насчетъ поземельной подати находятся двѣ важныя истины: именно, что чистый доходъ съ поземельной собственности соразмѣряется съ плодородностію почвы, и что предложеніе произведеній имѣетъ постоянную наклонность сообразаться съ мѣрою спроса на нихъ.

Сказаннаго достаточно по вопросу о размѣрахъ поземельной подати, но что̀ сказать о ея различныхъ системахъ, о системѣ подати постоянной и о системѣ подати измѣняющейся?

Наука имѣетъ свои строгія правила; мы почитаемъ себя ихъ приверженцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣемъ большое уваженіе къ тому, что̀ называется *status quo*, въ особенности когда дѣло идетъ о нововведеніи. Соображеніе теоретическихъ правилъ съ настоящимъ и историческимъ порядкомъ вещей будетъ въ этомъ случаѣ не уступкою, а благоразумнымъ примѣненіемъ теоріи къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Итакъ, въ теоретическомъ отношеніи мы считаемъ лучшею системой для подати съ поземельной собственности ту, при которой постоянно сохраняется окладъ, однажды установленный. Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальное отношеніе между податью и доходомъ, существовавшее при опредѣленіи подати, будетъ со временемъ нару-

шено, потому что поземельные доходы весьма измѣнчивы не только сами собою, но не рѣдко и по вліянію причинъ посторонныхъ земледѣлію или имѣющихъ съ нимъ только косвенную связь. Открытіе новыхъ путей сообщенія, неожиданное сосредоточеніе народонаселенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и тому подобныя причины не рѣдко содѣйствуютъ возвышенію дохода на нѣкоторыхъ точкахъ преимущественно передъ другими, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ противныя тому причины имѣютъ противоположное дѣйствіе. Несмотря на эти факты, которые мы почитаемъ неизбѣжными и которымъ видимъ частые примѣры, строгость теоретическихъ правилъ не находитъ въ нихъ причины для измѣненія окладовъ подати, а еще менѣе для измѣненія ея раскладки на участки съ цѣлію перенесенія на тѣ изъ нихъ, которые сдѣлались болѣе доходными, части подати, обременяющей другіе участки, потерпѣвшіе въ доходахъ. Въ теоретическомъ отношеніи главное состоитъ въ томъ, чтобы подать постоянно оставалась неизмѣняемою, и чтобъ она перешла отъ лица, для котораго была чувствительна при началѣ ея установленія, на собственность и сроднилась, такъ-сказать, съ нею. Измѣнять ея основаніе въ видахъ облегченія участковъ, менѣе доходныхъ, значило бы облегчать однихъ, съ ущербомъ другихъ, а это, подъ обманчивымъ видомъ уравнительности въ отношеніи къ собственности, обращалось бы въ несправедливость въ отношеніи къ лицамъ. Скажемъ болѣе, всякое подобное дѣйствіе, предпринимаемое въ видахъ удержанія нарушенной отъ времени и обстоятельствъ уравнительности поземельной подати, не только противно справедливости, но и вредно общественному интересу: гдѣ господствуетъ подобная система, должны непремѣнно терпѣть права собственности, и должны стѣсняться переходы собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, ибо при покупкѣ никто не могъ бы разчитывать на доходъ, принимаемый за основаніе при оцѣнкѣ собственности. Съ другой стороны, опасеніе, что подать возвысится, должно воздерживать отъ предпріятій, направленныхъ къ улучшеніямъ собственности, а при этомъ и земледѣліе не будетъ развиваться съ тою свободною постепенностію, которая дѣлаетъ его болѣе производительнымъ. Таковъ нашъ теоретическій взглядъ на поземельную подать, разсматриваемую безусловно.

Теперь посмотримъ на условную сторону вопроса о постоянности поземельной подати. По нашему мнѣнію, система постоянной поземельной подати должна быть примѣняема со всею строгостію въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣліе получило хотя нѣкоторую степень развитія или, по крайней мѣрѣ, гдѣ оно уже водворилось на всѣхъ тѣхъ частяхъ собственности, которыя способны къ обработкѣ; но та же система находила бы трудное примѣненіе тамъ, гдѣ земледѣліе въ младенчествѣ, а въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно существуетъ, такъ-сказать, особыми клочками на участкахъ, разбросанныхъ по пространствамъ, бо́льшая часть которыхъ находится еще безъ употребленія. При подобныхъ обстоятельствахъ, начало обработки каждаго участка можетъ быть принято за указатель времени для перваго обложенія его податью, но подать эта конечно должна быть самая умѣренная. Очевидно, что когда поземельная собственность и земледѣліе находятся въ подобномъ положеніи, то и всякаго рода промышленность и доходы со всякой собственности вообще, находятся въ соотвѣтствующемъ сему младенчествѣ, и слѣдовательно могутъ быть облагаемы развѣ только самою незначительною податью. Но будетъ ли справедливо сохранять безъ измѣненія первую поземельную подать, установленную быть-можетъ въ ничтожныхъ размѣрахъ, когда прочія подати станутъ возвышаться соразмѣрно новымъ общественнымъ потребностямъ и публичнымъ расходамъ, а также соразмѣрно увеличенію доходовъ съ труда, промышленности и капиталовъ? Подобная неподвижность поземельной подати представляла бы разительную неуравнительность съ другими податьми, ложащимися на всѣ остальныя сословія за исключеніемъ землевладѣльцевъ. Основываясь на этомъ соображеніи, мы полагаемъ, что пока поземельные доходы не примутъ характера нѣкоторой постоянности и пока они могутъ быстро возвышаться, поземельная подать можетъ быть по временамъ возвышаема, лишь бы это происходило въ отдаленные сроки, отнюдь не предупреждая возвышенія доходовъ, а слѣдуя за нимъ. Слѣдовало бы только найдти основаніе для опредѣленія прогрессіи этого возвышенія.

Намъ кажется, что основаніемъ для сего можно принять возвышеніе ренты въ той мѣрѣ, въ какой оно происходитъ естественнымъ порядкомъ отъ увеличенія народона-

селенія и развитія матеріяльныхъ средствъ страны, тѣмъ болѣе что и первоначальный окладъ подати долженъ соразмѣряться съ этою рентой. Допустивъ существованіе дохода, который по своей природѣ расположенъ увеличиваться безъ всякаго труда и издержекъ со стороны владѣльцевъ, мы спрашиваемъ, не справедливо ли, чтобъ они отдавали на публичные расходы часть подобныхъ прибылей. При общемъ направленіи къ улучшенію быта всѣхъ сословій, при увеличивающемся народонаселеніи, возвышается и рента безъ заботы владѣльца, который, благодаря одному лишь праву собственности, видитъ бытъ свой улучшающимся, тогда какъ для другихъ сословій, это улучшеніе составляетъ вознагражденіе за усиленные труды и заботы. Въ этомъ отношеніи, положеніе замлевладѣльцевъ особенно выгодно; и оно тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ быстрѣе развивается народное богатство.

Самою собою разумѣется, что справедливость подобной мѣры зависѣла бы отъ способа ея выполненія. Первымъ условіемъ должно быть, чтобы подать ни чуть не касалась доходовъ, которыми владѣлецъ обязанъ своимъ трудамъ или денежнымъ пожертвованіямъ на улучшенія, а падала собственно только на ту часть дохода, которая приходится съ права собственности. Вторымъ условіемъ должна быть необыкновенная осторожность и умѣренность при каждомъ новомъ возвышеніи подати. Иначе, она потревожила бы право собственности. Это очевидно изъ того, что каждый покупающій имѣніе принимаетъ подати, лежащія на немъ при покупкѣ, за положительное и неизмѣнимое обязательство, и сообразно съ тѣмъ разчитываетъ покупную цѣну имѣнія; слѣдовательно каждое новое возвышеніе подати, не только лишало бы его той части дохода, на которую онъ разчитывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшало бы и капитальную цѣнность его собственности соразмѣрно новому налогу [1].

[1] Джонъ Стюартъ Милль, признавая справедливость возвышенія поземельной подати, основаннаго на увеличеніи ренты, разсматриваетъ вопросъ, можетъ ли это возвышеніе быть признано законнымъ въ странѣ, гдѣ, подобно Англіи, поземельная подать оставалась долгое время постоянною (съ начала прошлаго столѣтія). Онъ спрашиваетъ, не потеряло ли правительство своихъ правъ на возвышеніе подати отъ того, что долгое время не пользовалось этими правами. По мнѣнію нашему, такъ какъ всѣ законы должны быть основаны на справедливости, то и правило, коего сущ-

Здѣсь мы должны указать на особенное свойство постоянной поземельной подати, именно на то, что окончательно, то-есть послѣ перехода собственности изъ рукъ владѣвшаго ею во время установленія подати, поземельная подать перестаетъ быть чувствительнымъ расходомъ для владѣльца. Это объясняется тѣмъ, что покупатели и продавцы, будучи одинаково извѣстны о величинѣ подати лежащей на имѣніяхъ, опредѣляютъ имъ цѣну не иначе какъ вычитая изъ дохода сколько нужно на подать. Такимъ образомъ, настаетъ время, когда никто не находится въ убыткѣ отъ уплаты подати; она почитается какъ бы долгомъ лежащимъ на имѣніи и сбавляется съ оцѣнки при его покупкѣ. Это дало поводъ нѣкоторымъ французскимъ экономистамъ заключать, что постоянная поземельная подать есть не что иное какъ отчужденіе въ пользу правительства части поземельной собственности соразмѣрной съ податью. Такъ Детютъ де-Траси (Destut de Tracy), говоритъ, что если, напримѣръ, постоянная подать составляетъ $^1/_5$ часть дохода, то на дѣлѣ все равно какъ еслибы правительство сдѣлалось владѣльцемъ $^1/_5$ части поземельной собственности, ибо какъ всякая собственность оцѣнивается по извлекаемой изъ нея пользѣ, то и съ цѣны каждаго имѣнія, при перепродажѣ его, непремѣнно сбавляется $^1/_5$ часть.

3. О подати съ домовъ и строеній.

Подать съ домовъ можетъ быть разлагаема на двѣ части: именно: a) подать съ самаго строенія, и b) подать съ мѣста, на которомъ оно воздвигнуто. Послѣдняя, по природѣ своей, можетъ быть отнесена къ подати съ поземельной собственности; первая, имѣя отдѣльный характеръ, заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Подать съ домовъ можетъ быть взимаема или съ владѣльца дома, или съ его жильцовъ, но какой бы ни принять способъ взиманія, она падаетъ окончательно на этихъ послѣднихъ, а на владѣльца дома только въ томъ случаѣ,

ность признается справедливою, не должно быть почитаемо незаконнымъ; но при томъ мы полагаемъ, что вопросъ о справедливости и несправедливости разсматриваемой нами мѣры, будетъ зависѣть отъ примѣненія ея къ условіямъ, въ которыхъ находится поземельная собственность каждой страны, и къ направленію общаго ея законодательства.

если онъ занимаетъ его самъ. Это объясняется тѣмъ, что жилые домы, не будучи ограничены въ своемъ числѣ какъ ограничено природою пространство поземельной собственности, могутъ быть строимы въ неопредѣленномъ числѣ, если ожидаемыя отъ нихъ выгоды побуждаютъ къ новымъ постройкамъ. Постройка дома есть не что иное какъ помѣщеніе капитала, потому что безъ капитала домъ построенъ быть не можетъ; слѣдовательно, доходъ съ дома долженъ соотвѣтствовать выгодамъ доставляемымъ другими производительными употребленіями капиталовъ. Для побужденія къ постройкѣ нужно, вопервыхъ, чтобы домъ обѣщалъ доставить процентъ, какой можно выручить отдачею капитала въ займы подъ вѣрный залогъ, а также средства для ремонтированія дома, то-есть для содержанія его въ порядкѣ, или что̀ все равно, для возврата въ извѣстное число лѣтъ капитала употребленнаго на постройку. Окончательно, выгоды отъ капитала, на который сооруженъ домъ, должны соотвѣтствовать ходячему проценту съ капиталовъ, помѣщаемыхъ въ обыкновенные, вѣрные вклады. Итакъ, если ходячимъ процентомъ полагать 4 на 100, а общій доходъ съ дома обѣщаетъ 6 или $6\frac{1}{2}$ процентовъ съ капитала издержаннаго на постройку, то не принимая въ разчетъ подати, подобный доходъ обыкновенно почитается достаточнымъ, чтобы приохотить къ постройкѣ. Подать налагаемая на строенія измѣняетъ приведенный выше разчетъ въ томъ, что предпринимающій постройку, конечно, будетъ имѣть въ виду, чтобы въ общемъ доходѣ съ дома найдти указанныя выше сего выгоды за уплатою подати, цифру которой онъ прибавитъ къ доходу, котораго можетъ ожидать; но такъ какъ доходъ получается съ жильцовъ, то онъ не рѣшится на постройку, если не можетъ надѣяться отнести подать на ихъ счетъ. Лучшимъ обезпеченіемъ подобнаго разчета служитъ возрастающее благосостояніе и увеличивающееся народонаселеніе городовъ, при чемъ спросъ на помѣщенія, постепенно увеличиваясь, поощряетъ къ новымъ постройкамъ.

Все что̀ за вычетомъ показанныхъ сейчасъ элементовъ останется отъ общей цифры дохода съ строеній, можетъ быть почитаемо доходомъ съ мѣста. Слѣдовательно подать съ мѣста можетъ быть отнесена только къ этому остатку изъ общаго дохода. Доля его въ цифрѣ общаго дохода бы-

ваетъ весьма различна, но не произвольна. Она зависитъ всегда отъ удобствъ самаго мѣста, хотя, впрочемъ, эти удобства, не всегда принадлежа къ матеріяльнымъ выгодамъ, могутъ быть иногда въ зависимости и отъ прихотей; во всякомъ случаѣ, удобства должны быть довольно сильны, чтобы склонять жильцовъ къ найму помѣщенія въ томъ, а не иномъ мѣстѣ, несмотря на возвышенную цѣну. Въ мѣстахъ удаленныхъ отъ города, по изобилію пространства, доходъ съ мѣста подъ постройки не можетъ превышать дохода съ того же мѣста, еслибъ оно было посвящено земледѣлію; но въ центрѣ города, удобства всякаго рода, не исключая прихотей и даже моды, возвышаютъ доходъ съ мѣста и цѣнность сего послѣдняго. Весьма естественно, что доходъ съ мѣста бываетъ вообще болѣе возвышенный въ большомъ городѣ чѣмъ въ малыхъ, а самый возвышенный въ тѣхъ частяхъ города, которыя представляютъ особенныя удобства или выгоды.

Адамъ Смитъ полагаетъ, что возвышеніе подати, взимаемой съ жильцовъ соразмѣрно платѣ за квартиры, не можетъ имѣть продолжительнаго вліянія на доходность домовъ вообще, потому что несоразмѣрное возвышеніе подати положило бы конецъ новымъ постройкамъ. Для примѣра онъ беретъ лицо, платящее за квартиру 600 руб., и предполагаетъ, что болѣе платить оно не въ состояніи ни въ какомъ случаѣ. Далѣе онъ полагаетъ, что эти 600 руб. обложены новою податью въ 20 процентовъ. Отъ сего цѣна помѣщенія, взятаго для примѣра, возвысится до 720 рублей; слѣдовательно, она будетъ превышать средства жильца 120 рублями. Въ подобномъ положеніи, жилецъ долженъ будетъ ограничиться помѣщеніемъ, которое прежде стоило 500 руб. Прямымъ послѣдствіемъ этой перемѣны для жильца будетъ уменьшеніе удобствъ помѣщенія на 100 руб. Тутъ однако Смитъ прибавляетъ, что это уменьшеніе можетъ быть не столь значительно, какъ можетъ казаться сразу, потому что вслѣдствіе той же подати жилецъ, взятый для примѣра, по всему вѣроятію найдетъ за 500 руб. помѣщеніе нѣсколько удобнѣе того, какое могъ бы достать за ту же цѣну (500 руб.) до установленія подати. И въ самомъ дѣлѣ, та самая подать, которая вытѣснила жильца изъ прежняго помѣщенія въ 600 руб., дѣйствуя также на жильцовъ, платившихъ 500 руб., заставляетъ ихъ искать

помѣщеній въ низшую цѣну и чрезъ это устраняетъ ихъ отъ состязанія съ жильцомъ, перешедшимъ изъ квартиры въ 600 на другую въ 500 руб. То же самое дѣйствіе подать произведетъ на жильцовъ помѣщающихся въ квартирахъ всякой цѣны, за исключеніемъ самаго низшаго ихъ разряда, между коими напротивъ состязаніе увеличится противъ прежняго, потому что число искателей возрастетъ. Окончательно, подать сдѣлается неуравнительною въ томъ отношеніи, что бремя ея будетъ болѣе чувствительно для сословія самаго бѣднаго и многочисленнаго.

Наблюдая за дѣйствіемъ подобной подати, Смитъ замѣчаетъ, что по привычкамъ свойственнымъ людямъ зажиточнымъ, она можетъ сдѣлаться неуравнительною еще и въ другомъ отношеніи. Онъ замѣчаетъ, что богатые тратятъ обыкновенно на свое помѣщеніе, соразмѣрно съ другими своими расходами, болѣе чѣмъ люди средняго состоянія, и заключаетъ изъ этого, что возвышеніе подати, которую мы разсматриваемъ, не будетъ для самыхъ богатыхъ людей достаточнымъ побужденіемъ отказаться отъ прежнихъ удобствъ помѣщенія, и они, сохраняя эти удобства, несмотря на окладъ подати, будутъ участвовать въ ней не только въ соразмѣрности средствъ ихъ сравненныхъ со средствами людей менѣе богатыхъ, но и нѣсколько болѣе. Въ этомъ обстоятельствѣ Смитъ не видитъ впрочемъ неудобства. Нельзя не признать всего этого весьма справедливымъ и основательнымъ.

Дома, никѣмъ не занятые, не должны бы платить подати, ибо она падала бы на владѣльца за такой предметъ, который не доставляетъ ему ни дохода ни удобствъ. Адамъ Смитъ полагаетъ, что подать съ дома, занимаемаго самимъ хозяиномъ, должна соразмѣряться не съ издержками на постройку, а съ тѣмъ доходомъ, какой домъ можетъ принести при отдачѣ его въ наймы. Онъ находитъ это справедливымъ въ томъ предположеніи, что домъ занимаемый хозяиномъ, если онъ богатъ, стóитъ обыкновенно гораздо больше чѣмъ домъ отдаваемый въ наймы,—по причинѣ удобствъ и даже роскоши, на которые хозяинъ обыкновенно расположенъ тратить самъ, а иногда тратили его предки нѣсколькихъ поколѣній. Смитъ дѣлаетъ замѣчаніе, что не рѣдко процентъ съ капиталовъ, употребленныхъ на домъ подъ собственное помѣщеніе, равняется всѣмъ доходамъ владѣльца.

Хотя во многихъ европейскихъ государствахъ, домà или

доходъ съ нихъ облагаются податью, но сколько намъ извѣстно, мѣста, на которыхъ построены дома, не обложены нигдѣ особою податью. Весьма часто находимъ установленныя платы вѣчнаго чинша съ мѣстъ, принадлежащихъ городамъ и частнымъ лицамъ, но подобной оплаты не слѣдуетъ смѣшивать съ податью въ пользу правительства, ибо она взимается за право собственности, не принадлежащее хозяину дома.

Способы исчисленія подати съ домовъ бываютъ весьма различны. Иногда каждый домъ принимается за единицу, съ которой установляется одинаковая плата. Способъ этотъ весьма неудобенъ, ибо доходъ съ домовъ бываетъ весьма различный; но этому неудобству помогаютъ, установляя съ доходнѣйшихъ домовъ особые оклады независимо отъ общаго оклада, установленнаго съ каждаго дома. Иногда подать разчитывается по числу огней или печей, находящихся въ домѣ; иногда по величинѣ дома исчисляемой по числу въ немъ оконъ. Наконецъ, иногда всѣ упомянутые способы принимаются въ совокупности.

Закончимъ настоящій отдѣлъ собственными нашими соображеніями насчетъ подати съ домовъ:

1) По вопросу: удобно ли облагать податью дома, мы полагаемъ, что нѣтъ причины освобождать ихъ отъ обязанности участвовать въ публичныхъ расходахъ наравнѣ со всякою собственностію, и что слѣдовательно строенія, заняты ли они владѣльцами или отданы въ наймы, не должны быть изъяты отъ платежа податей; быть можетъ, слѣдовало бы дѣлать изъятіе въ этомъ случаѣ изъ общаго правила для лавокъ въ томъ вниманіи, что содержатели лавокъ внесшіе подать непремѣнно будутъ стараться отнести ее на потребленіе, возвышая свои продажныя цѣны. Конечно, подать съ домовъ увеличиваетъ издержки на предметъ первой необходимости, какимъ должно почитать помѣщеніе, но при правильномъ ея основаніи она можетъ быть сдѣлана уравнительною и соразмѣрною со средствами плательщиковъ.

2) Въ нѣкоторыхъ государствахъ, независимо отъ подати съ домовъ, облагаются еще особою податью двери и окна. Эту послѣднюю подать мы считаемъ весьма неудобною, потому что она лишаетъ бѣдный классъ воздуха и свѣта, необходимыхъ въ равной мѣрѣ всему человѣческому роду.

Тамъ, гдѣ существуетъ подобная подать, бѣдный классъ для избѣжанія ея лишаетъ себя воздуха, несмотря на то что это лишеніе стóитъ здоровья.

3) Подать съ домовъ можетъ быть или постоянная, то-есть окладъ ея однажды установленный съ каждаго дома можетъ оставаться безъ измѣненія; или она можетъ быть по временамъ возвышаема, соображаясь съ возрастающими доходами домохозяевъ; или наконецъ, окладъ ея можетъ соображаться постоянно со всѣми фазами дохода и состоять въ опредѣленномъ процентѣ съ дохода.

Неудобства поземельной подати непостояннаго оклада, о которыхъ мы говорили выше, вовсе не относятся къ подати съ домовъ, ибо возвышеніе ея не можетъ имѣть вліянія на улучшенія и усовершенствованія построекъ; слѣдовательно, нѣтъ причины не дѣлать ея соразмѣрною съ доходами владѣльцевъ. За симъ, можно было бы признать періодическое возвышеніе ея удобнымъ, еслибы не представлялось еще удобнѣйшимъ опредѣленіе подати соразмѣрно доходу, выручаемому ежегодно съ каждаго дома. Подобное основаніе подати есть самое справедливое и самое удобное въ исполненіи, и оно можетъ быть достигнуто безъ затрудненія взиманіемъ подати съ жильцовъ въ соразмѣрности съ платою за квартиры, засвидѣтельствованною контрактами.

4) Въ Англіи подать съ домовъ установленная въ царствованіе Вильгельма III была отмѣнена въ 1835 году собственно по причинѣ ея непопулярности, несмотря на то что дома, приносившіе дохода менѣе 10 фун. стерл., были изъяты отъ платежа подати. Во время ея отмѣны она составляла 1.262.754 ф. стерл. Главное возраженіе приводившееся противъ этой подати состояло въ томъ, что она взималась не съ цѣнности строенія, а съ приносимаго имъ дохода, и что вслѣдствіе этого строенія второстепенныя уплачивали болѣе подати чѣмъ великолѣпныя зданія занимаемыя ихъ владѣльцами. По мнѣнію нашему, это неудобство заслуживало вниманія, но оно могло быть устранено измѣненіемъ системы, принятой для основанія подати. Согласно съ этимъ соображеніемъ, подать съ домовъ опять установлена въ Англіи въ 1851 году въ замѣну существовавшей до того времени подати съ оконъ, но при ея установленіи приняты уже другія основанія. По закону 1851

года, дома приносящіе ежегоднаго дохода менѣе 20 ф. стерл., изъяты отъ платежа подати; окладъ подати установленъ въ $3^{3}/_{4}$ на 100 съ дохода, а для домовъ съ лавками въ $2^{1}/_{2}$ на 100.

5) Во Франціи первая подать съ жильцовъ установлена въ 1791 году въ числѣ contributions mobilières. Съ того времени она подвергалась различнымъ измѣненіямъ, изъ коихъ главное послѣдовало въ 1831 году и состояло въ томъ, что часть подати вносится жильцами, а часть причислена къ contribution foncière, и вносится владѣльцами независимо отъ подати съ оконъ и дверей.

Существующая нынѣ въ Австріи подать съ домовъ установлена въ 1819 году. Окладъ ея въ Вѣнѣ и большихъ городахъ различествуетъ отъ оклада опредѣленнаго для городовъ второстепенныхъ. Въ первыхъ онъ составляетъ около 15 процентовъ съ дохода.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Л. ГЕЧЕВИЧЪ.

СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ

(Посвящается семилѣтнему племяннику моему, Юрью Александровичу Н.)

Стариковъ, когда-нибудь
Надо будетъ помянуть,
Помянуть и этихъ нужно.

Пушкинъ.

I. Семенъ Васильевичъ.

Давно оцѣнены интересъ и значенiе записокъ и семейныхъ воспоминанiй всякаго рода. Лишь бы онѣ были составлены добросовѣстно, безъ прикрасъ, въ нихъ непремѣнно отразится характеръ эпохи, къ которой онѣ относятся. Тутъ даже не требуется таланта. С. Т. Аксаковъ составляетъ исключенiе; но у всякаго есть своя семейная хроника. Вотъ почему я рѣшаюсь представить публикѣ самый искреннiй разказъ того что̀ я слышала и чему была свидѣтельницей.

Въ наше время трудно говорить о своихъ предкахъ: нынѣшнее русское общество не заражено родословнымъ духомъ, и слава Богу! Мнѣ кажется однако, что принципъ этотъ, какъ и всякiй другой, можетъ найдти свое историческое оправданiе; если онъ существовалъ, то значитъ онъ имѣлъ въ

свое время право на существованіе. Если онъ отжилъ свой вѣкъ, и палъ подъ напоромъ новыхъ идей, то въ немъ все-таки слѣдуетъ уважать ту долю нравственной мысли, которая породила его.

Къ тому же есть прирожденное человѣку чувство, которое едва ли не переживетъ всѣ историческіе перевороты: это чувство—законная гордость, съ которою мы сознаемъ, что намъ была передана честная и неиспорченная кровь. Съ дворянскимъ или рыцарскимъ предразсудкомъ это чувство не связано неразрывно: я полагаю, что этотъ предразсудокъ не что иное какъ форма, въ которую извѣстная эпоха облекла это естественное чувство. Форма вымерла, какъ вымираетъ всякая форма; чувство осталось, потому что всякое чувство безсмертно. Рядомъ съ девизомъ: *Noblesse oblige*, который съ гордостью провозглашался благороднымъ рыцаремъ, я укажу на одно знакомое мнѣ въ Каширскомъ уѣздѣ и извѣстное во всемъ околоткѣ своею честностью крестьянское семейство. Это семейство, боронуя землю, не безъ гордости также говоритъ: „Намъ срамиться не приходится: мы Семеновы". И отецъ будетъ передавать сыну, что Семенъ, имя котораго перешло къ нимъ *въ прозвище*, говорилъ дѣтямъ умирая: „Живите честно, чтобы мнѣ и на томъ свѣтѣ любо было". Врядъ ли самый искренній демократъ вспомянетъ съ удовольствіемъ о томъ, что его отецъ или дѣдъ былъ негодяемъ.

Итакъ, если наши предки заслуживаютъ уваженія, уважимъ ихъ память, какое бы имя они намъ ни передали, и какою бы дѣятельностію не наполняли свою жизнь, мирно ли они владѣли плугомъ, честно ли они сложили свою голову на защиту родины. Было бы также мелочно стыдиться скромнаго имени однихъ, какъ и знатнаго рода другихъ.

Мы происхожденія норманскаго. Наши неусидчивые предки искали счастія и въ Польшѣ, и въ Ливоніи, наконецъ поселились въ Россіи, служили ей вѣрой и правдой, и по обычаю людей родословныхъ бывшихъ въ боярахъ, служили почти исключительно на военномъ поприщѣ: со дня Куликовской битвы до польской кампаніи 1830 года погибло въ сраженіяхъ болѣе двадцати нашихъ родичей.

Мы были когда-то богаты, но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія князья Г*** вступили съ нами въ тяжбу. Интересные

документы по этому дѣлу хранятся у насъ до сихъ поръ. Василій Яковлевичъ Н***, человѣкъ съ вѣсомъ, велъ дѣло отъ лица всѣхъ своихъ, но его вліяніе было ничтожно въ сравненіи со всемогуществомъ князя Меншикова. По исторіи этого любопытнаго процесса можно прослѣдить всѣ фазисы политической жизни временщика. Дѣло не рѣшается при Петрѣ: Меншиковъ боится Петра, а юстиція боится Меншикова. При Екатеринѣ I исполняется раболѣпно воля *генералъ-поручика Россіи.* Наконецъ, паденіе его при Петрѣ II перерѣшаетъ дѣло въ нашу пользу. Затѣмъ, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ, мы владѣли безспорно нашимъ имѣніемъ; но вдругъ, нежданно-негаданно, оно у насъ отнято однимъ почеркомъ пера, и отдано князю Г***.

Прадѣдъ мой, Семенъ Васильевичъ и его братья бодро перенесли разразившійся надъ ними ударъ, продали свой конный заводъ, свой старинный московскій домъ, скромно выстроились въ дальней части города, на мѣстѣ отведенномъ прежде подъ конюшни для *неъзжалыхъ* лошадей, и по выраженію уцѣлѣвшихъ документовъ, *съ благословенія матери своей* раздѣлили между собой оставшееся за ними имѣніе, и зажили по пословицѣ: „по одежкѣ протягивай ножки“.

Въ своей старости Семенъ Васильевичъ любилъ вспоминать о прежнемъ блескѣ семейства, и часто разказывалъ своей невѣсткѣ, моей бабушкѣ, о подробностяхъ нашего процесса съ Г***. Старикъ каждый разъ упоминалъ о печальной судьбѣ лицъ участвовавшихъ въ нашемъ раззореніи, или воспользовавшихся имъ: дѣлецъ хлопотавшій за нашихъ противниковъ подвергся торговой казни, говорилъ онъ, Меншиковъ умеръ въ Березовѣ, князь Борисъ Алексѣевичъ Г*** въ покаяніи и схимѣ, а тотъ изъ его наслѣдниковъ, которому досталась бо́льшая часть нашего имѣнія, погибъ на праздникѣ съ молодою женой подъ обрушившимися палатами князя Масальскаго, что́ случилось въ годовщину дня почему-то особенно замѣчательнаго въ исторіи неправаго процесса. „Всякая неправда жди наказанія“, прибавлялъ обыкновенно старикъ въ заключеніе своего разказа, и вся жизнь его отличалась ненавистью къ неправдѣ.

Дослужившись до бригадира, онъ за болѣзнію и ранами

перешелъ въ гражданскую службу. Прощаясь съ нимъ, офицеры его полка поднесли вермелевый кубокъ безупречному начальнику и хлѣбосольной его *сожительницѣ*. Манифестаціи такого рода были въ то время рѣдкостью. Семенъ Васильевичъ прослезился, но рѣшительно отказался отъ богатаго подарка, и просилъ своихъ сослуживцевъ заказать ему на Измайловскомъ заводѣ стеклянный кубокъ съ тою же надписью. Скромный подарокъ, который онъ берегъ какъ сокровище, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, и восьмилѣтнему праправнучку Семена Васильевича разказываютъ его исторію.

Онъ любилъ лошадей и охоту, и перейдя въ гражданскую службу улучалъ иногда свободное время, чтобы съѣздить въ свою подмосковную, полюбоваться на небольшой конный заводъ, и взять два-три поля съ гончими. Разъ, пока онъ охотился, явились къ нему на поклонъ купцы замѣшанные въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго зависѣло отъ моего прадѣда. Въ это время мало вѣрили въ судейскую неподкупность, и купцы знавшіе, что Семенъ Васильевичъ отказывается отъ взятокъ, рѣшили, что онъ вѣроятно боится огласки, и улучили удобную минуту, чтобы предложить ему подарокъ втихомолку. Они знали, что онъ человѣкъ не богатый, знали его пристрастіе къ лошадямъ, и надѣялись прельстить его двумя великолѣпными цугами. Въ ту минуту какъ челобитчики остановились у воротъ съ своимъ обозомъ, Семенъ Васильевичъ возвратился съ поля. Не вспомнилъ онъ себя, когда узналъ въ чемъ дѣло: въ старикѣ заговорила со всею силой молодости его горячая кровь: „Трави ихъ! спускай собакъ!“ крикнулъ онъ своимъ охотникамъ. Приказаніе было исполнено, и не безъ увѣчья выбрались изъ деревни купцы съ своими породистыми лошадьми.

Разказъ объ этомъ происшествіи мы слышали между прочимъ отъ старика, который умеръ на нашей памяти. „Мой батюшка часто объ этомъ вспоминалъ, говорилъ онъ. Онъ былъ тогда доѣзжачимъ при покойномъ генералѣ. Сказывалъ, что кони-то были ужь больно хороши. Кабы тогда не погорячился старый баринъ, знатный былъ бы у насъ теперь заводъ.“

Мой прадѣдъ былъ вспыльчивъ, но добръ, ласковъ и гостепріименъ, и пользовался заслуженнымъ уваженіемъ и лю-

бовью въ кругу знакомыхъ и многочисленной родни. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда его родственники и пріятели поднесли ему въ день именинъ гербовую печать съ девизомъ: *правда.* Въ этомъ девизѣ есть геральдическая невѣрность, но за то вѣрная оцѣнка всей жизни старика.

II. Василій Семеновичъ.[1]

Дѣдушка мой, единственный сынъ Семена Васильевича, очень гордился древностію своего рода, своимъ незапятнаннымъ гербомъ, и въ особенности девизомъ завѣщаннымъ ему отъ отца: *правда.* Этому девизу онъ оставался вѣренъ весь свой вѣкъ, и въ свою очередь завѣщалъ его, умирая, своимъ потомкамъ.

Онъ женился еще при жизни Семена Васильевича, и домъ старика оживился присутствіемъ красивой восьмнадцатилѣтней хозяйки. Молодые веселились и много выѣзжали въ свѣтъ, и моя бабушка любила, въ старость, вспоминать объ этомъ времени: „Генеральство было тогда рѣдкостью, и очень уважалось; не то что теперь, говорила она. Мнѣ часто случалось слышать, входя въ церковь, въ собраніе, или въ магазинъ: это невѣстушка генерала Н***, и мнѣ уступали мѣсто, и прислуживались.“ И старушка прибавляла обыкновенно, сѣтуя о развратѣ нашего времени: „А нынче все ни почемъ.“

Василій Семеновичъ, послѣ кончины своего отца, вступилъ во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ, которое состояло изъ большаго дома въ Москвѣ и трехсотъ душъ. Семенъ Васильевичъ, за служебными недосугами, не заглядывалъ никогда въ тверское имѣніе, которое пришло въ упадокъ, и стало давать очень скудные доходы. Отсутствіе правильнаго надзора, грабительство начальниковъ и сосѣдство торговыхъ селъ совершенно раззорили крестьянъ. Они стали промышлять конокрадствомъ, и Воробново сдѣлалось притономъ воровъ и гулякъ всего околотка. Дѣдушка мой рѣшился приложить къ нему руки. Онъ не любилъ ничего откладывать до завтра; выписалъ немедленно старосту, отыскалъ подрядчика, и приказалъ приступить къ постройкѣ

---

[1] Эта эпоха такъ уже близка къ намъ, что я рѣшилась измѣнить собственныя имена.

дома, благо лѣсу въ имѣніи было вдоволь. „Крестьяне не видали никогда своихъ господъ, разказывала моя бабушка, и пришли въ ужасъ, когда узнали, что мы собираемся жить въ Воробновѣ.“ Они посовѣтовались, и нашли наконецъ радикальное средство для отвращенія предстоявшей имъ напасти: сожгли только что выстроенный домъ. Но моего дѣда было одинаково трудно и напугать, и переспорить. Узнавъ о пожарѣ, онъ тотчасъ потребовалъ лошадей, и отправился въ Воробново.

Братъ мой, которому досталось въ послѣдствіи имѣніе, слышалъ объ этомъ дѣлѣ интересный разказъ отъ стараго крестьянина: „Послали объявить въ городъ, говорилъ онъ, а тѣмъ временемъ дѣдушка вашъ пріѣхалъ, и самъ все дѣло разобралъ. И вѣдь какъ? все тихимъ манеромъ, никого щелчкомъ не тронулъ. Потребовалъ на лицо всѣхъ молодцовъ, которые были мало-мальски на замѣчаніи (а народъ у насъ со всячинкой былъ), и давай каждаго спрашивать, да съ первыхъ словъ и спозналъ кто правъ кто виноватъ: какъ ножомъ отрѣзалъ, ни въ одномъ человѣкѣ не ошибся. Ума палата была! Кого сейчасъ домой отпустилъ, а кого подъ караулъ посадилъ; да тѣмъ же днемъ *сиподъ* караула еще разъ опросилъ, сперва по одиночкѣ, а потомъ всѣхъ вмѣстѣ. Ну, дѣло извѣстное: стали путать, да другъ на дружку выводить; такъ все дѣло и вышло наружу. Пріѣхали судейскіе, да только одинъ денекъ у насъ и погостили, а то сколько бы они народу понапрасну перепытали! Вотъ что̀ настоящій баринъ-то значитъ!“ заключилъ разкащикъ.

Разобравъ дѣло и наказавъ виновныхъ, мой дѣдушка собралъ мірскую сходку и объявилъ крестьянамъ, что онъ свою усадьбу поставитъ на другомъ мѣстѣ, то-есть въ самой серединѣ села, такъ что въ случаѣ новаго пожара и самимъ мужичкамъ жутко придется. Кромѣ того, онъ имъ сказалъ, что съ оброка переводитъ ихъ на барщину. „Вы нищіе, потому что негодяи и тунеядцы,“ прибавилъ онъ. „Я васъ пріучу къ работѣ, исправлю васъ, и тогда опять посажу на оброкъ. Я никого не притѣсняю, и до наказаній не охотникъ, но если кто самъ на наказаніе напрашивается, такъ не прогнѣвайся: потачки не дамъ. Шутить я тоже не люблю, и совѣтую держать ухо востро.“

Какъ скоро новый домъ былъ выстроенъ, дѣдушка мой поселился въ Воробновѣ, принялся за дѣло, и все закипѣло

подъ его руками. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца и отправлялся на работу. Трудно ему было сладить съ привычками лѣни и нерадѣнія крестьянъ, но крестьяне могли скоро убѣдиться, что баринъ дѣйствительно шутить не любитъ, и что надо держать ухо востро. Онъ имъ на первыхъ порахъ показался немного крутенекъ, потому что былъ неумолимъ къ ворамъ и мошенникамъ: кому лобъ забрилъ, кого въ ссылку послалъ. За то правый шелъ къ нему смѣло: зналъ, что баринъ даромъ не обидитъ, и врядъ ли кто во всемъ околоткѣ неизмѣнно придерживался, кромѣ моего дѣдушки, вновь вышедшаго тогда закона о трехъдневной барщинѣ.

Наконецъ, мало-по-малу, гуляки и воры перевелись, запущенныя поля стали обрабатываться на славу, чахлая крестьянская скотина начала жирѣть и умножаться, и у сосѣднихъ мужичковъ ввелось въ поговорку, что *Воробновскимъ умирать не надо.*

Великое было горе когда скончался мой дѣдушка: водили малыхъ ребятъ поклониться его праху да выслушать по немъ панихиду, и твердили имъ отцы и матери, чтобъ они его помнили, да поминали на молитвахъ, потому что такого барина имъ уже не нажить, и многіе еще годы послѣ его смерти, въ приходской церкви, діаконъ, по воскресеньямъ, молился на эктеньѣ, объ „упокоеніи души болярина Василья“.

Когда семейство переѣхало въ Воробново, оказалось, что на селѣ много кликушъ, и на нихъ всегда *находило* черезъ день, то-есть по барщинскимъ днямъ, и что эти припадки недуга обнаруживаются обыкновенно въ церкви, во время *Херувимской.* Узнавъ о такой напасти, мой дѣдушка приказалъ управляющему повѣстить бабамъ, что онъ въ воскресенье придетъ къ обѣдни, и всѣхъ кликушъ прикажетъ привести къ себѣ, потому что умѣетъ ихъ лѣчить.

Въ слѣдующее воскресенье онъ явился въ церковь съ бабушкой, и сталъ около амвона. Какъ только раздалась *херувимская,* какой-то голосъ въ толпѣ прокричалъ не твердо: ку-ка-ре-ку. Дѣдушка мой обернулся, погрозилъ медленно пальцемъ, и все замолкло, кромѣ клироснаго пѣнія.

Когда стали выходить изъ церкви: „А кто же это пѣтухомъ-то кричать принимался?“ спросилъ Василій Семеновичъ.—„Не я! Видитъ Богъ не я! Да я возлѣ твоей са-

мой милости и стояла,“ раздалось со всѣхъ сторонъ. — „Ну, должно быть я самъ прокричалъ,“ сказалъ мой дѣдушка смѣясь: „у меня знать рука легка, разомъ вылѣчилъ. А если что, помилуй Богъ, опять приключится, такъ милости просимъ ко мнѣ.“ И съ тѣхъ поръ о кликушахъ слуха не было.

Много слышала я разказовъ о моемъ дѣдушкѣ. Его Богъ одарилъ крѣпкою природой. Онъ сознавалъ свою силу, и не старался выказывать ее, а напротивъ сдерживалъ ее, и она проглядывала невольно. Голоса онъ никогда не возвышалъ, а передъ его голосомъ все смирялось. Во время своего долгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ познакомился со всѣмъ околоткомъ, и его слово сдѣлалось скоро закономъ для всѣхъ. Сосѣди часто выбирали его третейскимъ судьей въ своихъ домашнихъ распряхъ, и на его рѣшеніе не было уже апелляціи. Я знала старушку, которая доводилась ему племянницей въ третьемъ колѣнѣ, и она мнѣ часто разказывала про него. „Вѣдь вотъ диковина какая, говорила она,—ни на кого онъ не крикнулъ, а и въ голову не приходило сдѣлать что-нибудь противъ его воли. А ужь кто узналъ за собою грѣхъ, такъ тотъ и взглянуть на него не смѣлъ.“

Но боялись его однако лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Нравственная его сила и непреклонная воля не придали ни угрюмости его характеру, ни суровости его пріемамъ. Онъ обыкновенно былъ веселъ, и даже смѣшливъ, если не былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ. Расположеніе его духа показывало, какъ вѣрный барометръ, настроеніе всего семейства. Веселъ Василій Семеновичъ, и всѣ улыбаются около него, нахмурился онъ, и всѣ говорятъ шепотомъ, хотя твердо знаютъ, что онъ своего горя или досады не выместитъ на невинномъ.

Объ отношеніяхъ его къ родственному кругу и говорить нечего. Положеніе главы семейства онъ наслѣдовалъ отъ Семена Васильевича, и поддерживалъ это положеніе своимъ личнымъ характеромъ. И близкая, и дальняя родня находились у него въ совершенномъ повиновеніи. Любопытна уцѣлѣвшая его переписка съ его двоюродною сестрой Марьей Васильевной Л***. Она была женщина замужняя, и въ добавокъ однихъ лѣтъ съ моимъ дѣдомъ. Недовольный ея объясненіемъ по одному семейному дѣлу, онъ ей пишетъ:

„Не дури, и не виляй хвостомъ, а помни что говаривалъ батюшка: всякая неправда жди наказанія.“ Марья Васильевна пишетъ ему *вы*, и повинуется ему безпрекословно.

Былъ однако примѣръ, и о немъ всѣ разказывали съ ужасомъ: одна изъ родственницъ поступила противъ его воли. За ея дочь, дѣвушку съ состояніемъ, сватались въ одно время двое молодыхъ людей. Обратились за совѣтомъ къ Василью Семеновичу, и онъ назначилъ жениха, но не того, котораго втайнѣ предпочитали и мать, и дочь. Цѣлый годъ, и всѣми возможными путями, старались онѣ склонить его въ пользу другаго жениха, и заставить отказаться отъ своего слова. Но онъ повторялъ упорно, что „П***. ему въ родню не годится“, и наскучивъ настойчивостью своей родственницы, кончилъ тѣмъ что отказалъ ей на отрѣзъ отъ своего дома. Молодая дѣвушка вышла за П***, и вѣроятно не разъ раскаивалась въ своемъ несчастномъ выборѣ. Мужъ ея дѣйствительно оказался дряннымъ человѣкомъ. Не даромъ Василій Семеновичъ довѣрялся своимъ впечатлѣніямъ.

Съ самаго дня свадьбы, ни мать, ни дочь, не пропустили ни единаго торжественнаго дня, чтобы писать къ моему дѣдушкѣ, поздравлять его и умолять о прощеніи. Но онъ не отвѣчалъ на письма—и не простилъ.

Онъ, какъ и отецъ его, служилъ въ военной службѣ. Женившись, онъ вышелъ въ отставку, и поселился, какъ мы видѣли, въ деревнѣ. Тутъ онъ постоянно уклонялся, за недостаткомъ средствъ, отъ предводительства, говоря, что „при ребятахъ надо думать о телятахъ.“ Но случилось, что въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ у него былъ шаръ, года за два до новыхъ выборовъ, смерть, отставка и перемѣна службы совершенно очистили уѣздный судъ: дворяне съѣхались баллотировать судью и готовились выбрать негодяя; тогда Василій Семеновичъ изъявилъ желаніе баллотироваться самъ, и былъ выбаллотированъ единогласно. Онъ переѣхалъ въ городъ, и до новыхъ выборовъ правилъ почти постоянно, кромѣ судейской, еще другія должности.

Когда онъ принялъ мѣсто, въ судѣ было довольно запутанное дѣло, и просители явились къ нему, по обычаю, съ серебрянымъ сервизомъ и съ медвѣжьею шубой. „Отецъ мой,“ сказалъ онъ имъ, едва сдерживая свой гнѣвъ и не дослушавъ приготовленной заранѣе рѣчи: „затравилъ со-

баками купцовъ предлагавшихъ ему взятку. Вы можете убѣдиться, что и у меня собака надежная.“ Тутъ онъ отворилъ окно, и показалъ имъ огромнаго цѣпнаго пса. Тѣ переглянулись. Василій Семеновичь погрозилъ на нихъ пальцемъ: „Совѣтую помнить,“ прибавилъ онъ. Челобитчики, сконфуженные такими неслыханными рѣчами, разошлись по домамъ, и рѣшили вѣроятно, что должно-быть новый судья человѣкъ опасный.

Для иныхъ онъ оказался дѣйствительно человѣкомъ *опаснымъ*, но многіе сохранили о немъ другое воспоминаніе. Лѣтъ тридцать послѣ разказанной мною сцены, отецъ мой проѣзжалъ городомъ ***. Какъ скоро разнесся слухъ что сынъ Василья Семеновича стоитъ въ гостиницѣ, номеръ занятый моимъ отцемъ наполнился посѣтителями. Всѣ желали взглянуть на него, и старики говорили со слезами на глазахъ, что онъ похожъ на покойника; многіе уговаривали его снять военный мундиръ и перейдти къ нимъ на службу. Онъ часто говаривалъ, что день этотъ причисляетъ къ самымъ свѣтлымъ своимъ воспоминаніямъ.

Бабушка моя говорила, что съ нимъ она была примѣрно счастлива, и никогда не вспоминала о Васильѣ Семеновичѣ безъ глубокаго вздоха или безъ искренней слезы. Судя по ея разказамъ видно, что мужъ любилъ ее и щадилъ, какъ ребенка, который ввѣрилъ ему свою судьбу, и очень дорожилъ ея безграничною къ нему привязанностію, но держалъ ее строго. Она была женщина добрая, слабая характеромъ и далеко не глупая, но разницы между собой и мужемъ она измѣрить никогда не могла, и не понимала, что она ему была не по плечу, хотя всегда говорила о немъ съ чувствомъ того уваженія, которое мы инстинктивно питаемъ къ мощнымъ, выходящимъ изъ общаго разряда натурамъ. Мой дѣдушка былъ человѣкъ замѣчательно образованный по своему времени. Среда, въ которой онъ жилъ, была для него очевидно тѣсна, но никто изъ окружающихъ и не подозрѣвалъ этого. Было время когда онъ не могъ обойдтись безъ образованнаго общества и страстно любилъ музыку, чтеніе, и въ особенности итальянскую литературу, но съ переселеніемъ въ Воробново пришлось проститься со всѣмъ. Бабушка иногда спрашивала у него съ безпокойствомъ, не тоскуетъ ли онъ объ оставленныхъ занятіяхъ и о покинутомъ кружкѣ.

— Что̀ это тебѣ вздумалось, Маша? отвѣчалъ онъ:—добрые люди есть вездѣ, а развѣ здѣсь у меня мало занятій?— И она успокоивалась.

По мѣрѣ того какъ увеличивалось семейство, Василій Семеновичъ, работая безъ устали, чтобъ оставить дѣтямъ независимый кусокъ хлѣба, отказывался отъ всѣхъ привычекъ привитыхъ роскошью, и ограничился наконецъ тѣмъ что̀ предписывала самая строгая необходимость. Что же до бабушки, то, до своего замужства, она жила въ Петербургѣ, среди того что̀ называется *le cercle élégant*; но повинуясь безпрекословно и даже безъ усилія малѣйшему слову мужа, она пошла по дорогѣ, которую онъ ей указалъ. Василья Семеновича ничто не могло сломить; его сильная природа устояла въ насильственномъ отчужденіи отъ людей и въ удушливой хозяйственной атмосферѣ. Онъ умѣлъ подавлять свои желанія и порывы, но эти порывы и желанія не заглохли, подъ вліяніемъ мелочныхъ потребностей, до послѣдней минуты его жизни. Заѣдетъ бывало въ Воробново, среди темнаго зимняго вечера, какой-нибудь пріятель изъ Москвы, да привезетъ новую книгу, и сидитъ съ нимъ Василій Семеновичъ да толкуетъ вплоть до утра. Но дѣла все-таки онъ не забывалъ. Вздремнувъ немножко, онъ встанетъ еще при огнѣ, велитъ заложить санки, объѣдетъ всѣ работы и возвратится домой, пока проѣзжій, утомленный долгою дорогой, еще спитъ глубокимъ сномъ. Но среда, на которую была обречена бабушка, подавила слабую женскую природу. Съ каждымъ днемъ втягивалась она все болѣе и болѣе въ дрязги мелочнаго хозяйства, не замѣчала сама какъ мало-по-малу забывала усвоенныя съ дѣтства привычки, отдалялась отъ сферы, въ которой родилась, и стала наконецъ свободно дышать въ пошлой средѣ провинціальныхъ сплетень. Василій Семеновичъ и не пытался предохранить ее отъ ихъ заразы. Онъ понималъ, что не можетъ ничего дать ей въ замѣнъ, и что въ себѣ самой она не найдетъ удовлетворенія.

Отецъ мой и старшій дядя, окончивъ курсъ наукъ, поступили, первый въ иностранную коллегію, а второй въ морскую службу, и пріѣхали въ Воробново, чтобы повидаться съ семействомъ и показаться въ мундирахъ, которые льстили ихъ юношескому самолюбію.

— Вы уже не дѣти, сказалъ имъ мой дѣдушка,—и должны

знать свое состояніе. Вамъ необходимо приличное содержаніе, и это вы получите, но прихотей вы себѣ позволять не можете. Мнѣ самому ничего не нужно; мнѣ довольно стараго кафтана и изношенныхъ сапогъ, но вы не вправѣ разчитывать на лишній грошъ, потому что его приходилось бы отнять у вашего меньшаго брата и у сестеръ; не забывайте этого. Служите честно, и смотрите не запятнайте своего имени.

Дядя мой обнаружилъ съ дѣтства суровый и крутой, несимпатическій характеръ; отецъ мой, наоборотъ, былъ особенно счастливо одаренъ природой. Дальняя родственница, о которой я имѣла уже случай упомянуть, говорила о немъ: „Мнѣ кажется, что его бы и черти полюбили. Была я одинъ разъ больна и лежала, — слышу, что въ другой комнатѣ Владиміръ что-то разказываетъ. Не вытерпѣла,—встала и пришла. Ты, говорю точно колдунъ какой; съ тобою и головную боль забудешь. А ужь какой красавецъ былъ! Да что и говорить, если самъ дядюшка слабость къ нему имѣлъ. Ни за что бывало не покажетъ, да вѣдь какъ тамъ ни скрывай, а людей не обманешь.“

И дѣйствительно, дѣдушка гордился успѣхами сына, его красотой, его храбростью, которою тотъ отличался въ народную войну. Когда пришло извѣстіе, что мой отецъ раненъ подъ Лейпцигомъ, бабушка и тетки горько заплакали. Василій Семеновичъ блѣдный и смущеный ходилъ по комнатѣ. „Нечего плакать“, сказалъ онъ наконецъ, „рана не опасная. Хуже было бы, еслибъ онъ боялся пули.“

Двѣ мои старшія тетки воспитывались въ Москвѣ, у близкой родственницы своей матери; обѣ меньшія росли дома. Василій Семеновичъ былъ уже не молодъ, когда родился его послѣдній сынъ. Дѣдъ мой привязался къ нему страстно. Его слабость къ этому ребенку, не смотря на всѣ его усилія, проглядывала еще болѣе чѣмъ любовь его къ моему отцу. Одинъ Боренька пользовался правомъ являться во всякое время въ его кабинетъ и копаться въ его бумагахъ. Когда мальчику не здоровилось, Василій Семеновичъ вставалъ тихонько ночью и садился около его кроватки. Уѣзжая въ поле, онъ бралъ его съ собой въ дрожки, и съ нѣжною улыбкой давалъ ему вожжи въ руки. Домашніе часто пользовались вліяніемъ маленькаго фаворита, чтобы выпросить у моего дѣдушки какую-нибудь важную милость, и

только въ крайнихъ случаяхъ Василій Семеновичъ оставался неумолимъ къ просьбамъ сына. Эта привязанность озарила, какъ солнечный лучъ, сердце старика. Но Боренька подросъ, и настала пора отдать его въ пансіонъ. Колебался ли мой дѣдушка, объ этомъ никто не знаетъ, но онъ написалъ въ Москву, все уладилъ, далъ надлежащія инструкціи старому дядькѣ, которому поручался ребенокъ, и назначилъ день отъѣзда. Бабушка позвала священника и приказала отслужить молебенъ. Василій Семеновичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но видимо старался превозмочь себя и поддержать бодрость сына. Когда подали экипажъ, всѣ сѣли по-русскому обычаю. Дѣдъ мой всталъ первый, всѣ поднялись за нимъ и перекрестились. Но когда расплаканный мальчикъ бросился къ нему на шею, слезы хлынули у него ручьемъ. Онъ поднялъ и крѣпко прижалъ ребенка къ своей груди, потомъ опустилъ его на полъ, вошелъ быстрыми шагами въ свой кабинетъ, и ключь щелкнулъ въ замкѣ.

Съ отъѣздомъ Бореньки, все приняло мрачный видъ въ Воробновѣ. Василій Семеновичъ не жаловался, но грусть лежала камнемъ на его крѣпкой душѣ. Другой, неожиданный ударъ сокрушилъ его окончательно. У матери его отъ перваго мужа была дочь, Марья Львовна. Василій Семеновичъ любилъ ее со всею нѣжностью брата. Она по большей части жила въ деревнѣ съ мужемъ, и вела съ Василіемъ Семеновичемъ постоянную переписку.

Разъ Марья Львовна увѣдомила, своего *батюшку-братца*, какъ она звала его, что она захворала, но по видимому не опасно.

Однако, въ слѣдующій почтовой день, мой дѣдушка былъ очень встревоженъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ, не возвратился ли посланный на почту, и приказалъ закладывать дрожки чтобы выѣхать къ нему на встрѣчу. Между тѣмъ посланный возвратился, бабушка уже прочла роковую вѣсть о смерти Марьи Львовны. Какъ громомъ пораженная, она отправилась въ свою образную, и вся въ слезахъ положила земной поклонъ передъ кивотомъ. Потомъ она отерла глаза, выпила стаканъ воды, и вошла къ мужу. „Другъ мой, Василій Семеновичъ,“ сказала она нетвердымъ голосомъ, „пишутъ что Марьѣ Львовнѣ стало хуже.“ Онъ молча взялъ письмо у нея изъ рукъ, и развернулъ его. По мѣрѣ того какъ онъ читалъ, смертная

блѣдность покрывала его лицо; наконецъ губы задрожали, руки опустились на колѣни, и глаза уперлись неподвижно въ полъ. Бабушка, рыдая, бросилась къ нему на шею. Онъ долго не могъ придти въ себя, наконецъ поцѣловалъ ее, и сказалъ прерывающимся голосомъ: „Успокойся, Маша; поди, оставь меня одного.“

Тетка моя, Вѣра Васильевна, часто разказывала мнѣ объ этомъ времени. Дѣдъ мой не выходилъ двое сутокъ изъ своего кабинета, и доступъ къ нему лишь изрѣдка разрѣшался одной только бабушкѣ. „Когда на третій день папенька пришелъ къ обѣду, продолжала моя тетка, мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ десятью годами. Я подошла поздороваться съ нимъ, и зарыдала. Онъ потрепалъ меня по щекѣ, поцѣловалъ нѣжнѣе обыкновеннаго, и сѣлъ за столъ. Во время обѣда онъ разспрашивалъ маменьку о ея хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Съ тѣхъ поръ все пошло въ домѣ обыкновеннымъ порядкомъ, но долго еще все ходили на цыпочкахъ мимо папенькиной двери, а про Марью Львовну никто упомянуть не смѣлъ.“

Болѣзнь, зародышъ которой Василій Семеновичъ давно уже носилъ въ себѣ, начала быстро развиваться съ этого дня. Онъ крѣпился до послѣдней минуты, но наконецъ физическія силы ему измѣнили. Разъ, по возвращеніи съ поля, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Его подняли и отнесли на кровать. Съ тѣхъ поръ онъ уже не вставалъ.

Бабушка любила разказывать о своей молодости и въ особенности о мужѣ. Я спросила ее разъ, какихъ религіозныхъ убѣжденій держался Василій Семеновичъ? Она помолчала не много. „Это до сихъ поръ мою душу мучитъ,“ сказала она наконецъ. „Въ церковь онъ что-то рѣдко хаживалъ; развѣ ужь я когда въ воскресенье войду къ нему: другъ мой, молъ, Василій Семеновичъ, не пойдешь ли сегодня къ обѣднѣ? Что жь, говоритъ пойдемъ. Тоже вотъ по постамъ онъ скоромное кушалъ. Очень это меня мучило, а сказать ему все какъ-то не рѣшалась. Разъ сидимъ мы за обѣдомъ, а я и стала угощать его пирогомъ, а на умѣ-то свое.—Славный, говорю, пирогъ; ты бы отвѣдалъ, и масла совсѣмъ не слышно.—Отказался. Подали соусъ, я его соусомъ:—Да ты, говорю; только попробуй, можетъ тебѣ по вкусу придется.—Его бывало не проведешь: тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло и разсмѣялся.—Вѣдь это ты, говоритъ, со мной

хитришь, Маша, тебѣ хочется меня на грибы посадить, такъ ты такъ прямо и скажи. Что за важность! Постное такъ постное; есть о чемъ говорить! Только ужь по утрамъ ты мнѣ разрѣши пить кофей со сливками, безъ этого я обойдтись не могу.—И съ тѣхъ поръ, продолжала бабушка, онъ всегда кушалъ постное; только вотъ этотъ проклятый кофей! Я и теперь ума не приложу, какъ это онъ все по своему понималъ. Никогда я не помню, чтобъ онъ разговоръ навелъ на божественные предметы; ну а если онъ о чемъ говорить не любилъ, такъ съ нимъ не заговоришь. А какъ вспомню я о его кончинѣ, такъ мнѣ кажется, что онъ истинно вѣровалъ.".

— А какъ же онъ скончался, бабушка?

Марья Андреевна глубоко вздохнула.

— Вѣдь это его смерть Марьи Львовны свалила, сказала она. — Долго онъ крѣпился, мой голубчикъ, и все былъ на ногахъ, а я-то видѣла, что онъ таетъ какъ свѣчка. А ужь какъ стало совсѣмъ худо, и вставать онъ уже не могъ, такъ онъ прибралъ свои бумаги, и самъ своею рукой написалъ какъ безъ него распорядиться. Понималъ, что ему плохо. Въ это время наши войска были въ чужихъ краяхъ. Какъ принесли послѣднее письмо отъ твоего папеньки, онъ его два раза перечиталъ и задумался, да вдругъ и говоритъ: „Еще не скоро Владиміръ возворотится, а знаешь, что, Маша, не послать ли за Боренькой?" Такъ у меня сердце и дрогнуло. Что же, говорю, мой другъ, можно хоть сейчасъ; мы же его давно не видали. И послали мы камердинера; славный такой былъ старикъ; ужь я знала, что онъ дорогой не замѣшкается. Да вѣдь Москва-то не рукой подать отъ Воробнова; все-таки туда и назадъ сутокъ пять проѣхать надо. А дѣдушкѣ, на другой же день, вижу, очень стало плохо. Думала я священника ему предложить, а вымолвить не смѣю. Мы съ тетеньками твоими отъ него не отходили; и такъ онъ къ намъ, голубчикъ мой, ласковъ былъ. Послѣ обѣда велѣлъ онъ намъ выйдти. „Меня, говоритъ, сонъ клонитъ, да и вы бы отдохнули." Пошли мы и сѣли въ маленькой прихожей, что возлѣ спальни была. Горько всѣ плачемъ, и перемолвиться словомъ не смѣемъ. Сердце все изныло. Ужь и не помню, долго ли мы тутъ просидѣли...

Она остановилась, слезы дрожали въ ея голосѣ; я поцѣловала ея руку.

— Вамъ тяжело объ этомъ говорить, бабушка, сказала я.

— Ахъ, какъ не тяжело. До сихъ поръ о немъ вспомнить не могу! Человѣкъ-то какой былъ! Какъ его всѣ уважали! Да что̀ и говорить! Ужь теперь такихъ нѣтъ... Вотъ сидимъ это мы, начала она опять, помолчавъ немного:— вдругъ онъ запѣлъ, да такимъ твердымъ голосомъ. Мы всѣ встали и слушаемъ. Что̀ жь ты думаешь? Это онъ поетъ: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко*, и пропѣлъ все до конца. Я перекрестилась, отворила дверь, да такъ и бросилась къ нему; ужь и себя не помню. Сталъ онъ меня успокоивать. „А вѣдь ты, говоритъ, вѣрно рада, что я молитву-то такъ твердо знаю.“—Какъ же мнѣ, говорю, не радоваться, посуди ты самъ; вѣдь меня многое мучитъ, да я сказать тебѣ не смѣю. „Вздоръ, говоритъ, скажи, что̀ у тебя на душѣ, и я тебя вотъ чѣмъ еще потѣшу: я всѣ почти псалмы знаю наизусть, и очень ихъ люблю, а передъ Евангеліемъ вѣкъ преклонялся.“ Какъ свѣтлымъ праздникомъ онъ меня этимъ словомъ обрадовалъ. Видитъ онъ это, улыбается, и потрепалъ меня по щекѣ. „Я, говоритъ, знаю, чего тебѣ еще хочется. За священникомъ что ли послать?“ Я зарыдала. „Не падай, говоритъ, духомъ, дѣлать нечего, пришлось разставаться. На тебѣ теперь лежитъ великая обуза, побереги себя для дѣтей.“ Поцѣловалъ онъ твоихъ тетокъ, и выслалъ ихъ вонъ, а со мной долго говорилъ, и всѣмъ распорядился. На твоего папеньку онъ очень разчитывалъ, и дядя твой, Богъ съ нимъ, великій грѣхъ на его душѣ, что онъ смутилъ послѣднія минуты отца. Прости меня Боже, я даже рада, что его тутъ не было. Василій Семеновичъ хорошо его зналъ. Все приказывалъ, чтобы папенька не давалъ ему въ обиду Бореньку да сестеръ. Какъ онъ все это мнѣ сказалъ: „теперь, говоритъ, я покоенъ; хочешь, такъ посылай за священникомъ.“ Ужь я и не помню, что̀ со мной было, пока его пріобщали. Какъ ушелъ священникъ, онъ подозвалъ меня и спрашиваетъ: „Ну что̀, покойна ты теперь?“ Къ ночи онъ впалъ въ забытье, да вдругъ проснулся, и смотритъ на меня; я къ нему подошла и стала его разспрашивать, какъ онъ себя чувствуетъ. А онъ на мои слова не отвѣчаетъ, да только спросилъ: „Когда Боренька пріѣдетъ?“

да тутъ же закрылъ опять глаза, и уже ничего не говорилъ. А къ утру скончался.

Хранится до сихъ поръ, написанный масляными красками, портретъ моего дѣдушки. Онъ изображенъ въ пудрѣ, съ буклями на вискахъ, въ свѣтло-синемъ кафтанѣ и батистовомъ жабо. Подъ неправильными линіями неискусной кисти, взоръ можетъ однако различить благородныя и строгія черты. Глядя на счастливый окладъ лица, на высокій лобъ, крупныя губы и прямой взглядъ большихъ черныхъ глазъ, вспомнишь невольно о гербовомъ девизѣ, которымъ онъ такъ гордился: *правда*.

III. Маргарита Кириловна.

Послѣ кончины своего мужа, моя бабушка переѣхала въ Москву и поселилась въ старинномъ родовомъ домѣ, доставшемся Василію Семеновичу послѣ отца. Въ одномъ изъ московскихъ монастырей жила тогда мать ея, Маргарита Кириловна. Она скончалась въ тридцатыхъ годахъ, около девяноста лѣтъ отъ роду. Насъ важивали къ ней, и мнѣ очень памятна ея низенькая и тѣсная келья. Въ прихожей насъ встрѣчала обыкновенно, повязанная платкомъ, женщина, которая ходила за прабабушкой. Она присаживалась на полъ, чтобы снять съ насъ шубы и теплые сапоги, и говорила съ значительною улыбкой: „А бабушка вамъ полакомиться приготовила.“ Мы уже знали заранѣе въ чемъ будетъ состоять угощеніе, и только спрашивали у Анны: „А котеночка ты намъ дашь поиграть?“

Изъ прихожей одна дверь вела въ кухню, а другая въ спальню прабабушки, или *старой бабушки*, какъ мы ее называли. Эта спальня, перегороженная надвое ширмами, служила также пріемной и столовой. Въ углу стоялъ большой кивотъ съ образами, рядомъ маленькій комодъ; на стѣнѣ висѣли часы съ хриплымъ боемъ, и картина изображающая Спасителя въ темницѣ. У другой стѣны большія кресла, въ которыхъ вѣчно сидѣла *старая бабушка* передъ рѣзнымъ, овальнымъ столикомъ, и нѣсколько креселъ, обтянутыхъ черною кожей, а за ширмами бабушкина кровать, другой шкапъ съ образами, и огромная лежанка, которая

топилась изъ кухни: вотъ все убранство этой маленькой комнаты тускло освѣщенной двумя узенькими окнами.

Маргарита Кириловна была худенькая старушка, когда-то высокаго роста, но давно уже сгорбленная годами. Правильныя и красивыя черты еще проглядывали исквозь ея безчисленныя морщины. Ея голубые глаза не утратили своего выраженія, и зрѣніе не измѣнило ей до послѣдней минуты; она никогда не знала очковъ, и очень искусно вырѣзывала самые тонкіе узоры изъ бумаги. Я очень помню ее подъ ея монашескою рясой, помню даже бородавку на ея правой щекѣ. Четки и святцы лежали обыкновенно передъ нею на ея старинномъ столикѣ.

— А ты, кажется, передъ образомъ-то и не поклонилась, говорила она обыкновенно, когда мы подходили къ ней здороваться, и заставивши насъ перекреститься, она кликала свою служанку:—Аннушка! (Замѣчательно, что наперекоръ тогдашнимъ привычкамъ, она никого не называла уничижительнымъ полуименемъ.) Угости-ка дѣтей.“ И Анна являлась съ двумя синими фаянсовыми тарелками въ рукахъ: на одной лежали кедровые орѣшки, которыхъ я съ тѣхъ поръ не могла никогда видѣть чтобы не вспомнить о *старой бабушкѣ*, а на другой—развареный черносливъ.

— А что же котенокъ, Анна? спрашивали мы опять. Являлся и котенокъ, котораго мы мучили немилосердно, оспаривая другъ у друга счастіе подержать его на колѣняхъ. Онъ вырывался, наконецъ, изъ нашихъ рукъ и укрывался подъ бабушкино кресло. Мы бросались на полъ и старались вытащить забившееся къ стѣнѣ бѣдное животное, пока наконецъ мать моя не возвышала голоса: „Полноте, вы бабушку безпокоите, я васъ сюда возить не буду,“ говорила она.—„Оставь ихъ, другъ мой Дунюшка, прерывала ее добрая старушка,—я рада, что имъ у меня весело.“

Всѣ любили и уважали Маргариту Кириловну. Различіе въ свѣтскомъ положеніи не имѣло вѣса въ ея глазахъ, и она одинаково принимала всѣхъ. Многіе захаживали къ ней въ минуту скорби, какъ говорится, *душу отвести*. Мудрыхъ рѣчей она говорить не умѣла, но съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ готова была раздѣлить всякое горе, что съ ней дѣйствительно *душу отводили*. Она бывало и потолкуетъ, и поплачетъ, и обѣщаетъ помолиться, и наконецъ

падѣнетъ на скорбящаго ладонку принесенную отъ святыхъ мощей или четки подаренныя ей іерусалимскимъ монахомъ, и посовѣтуетъ отслужить молебенъ у Иверской Божіей Матери. Хотѣли старушку выбрать въ игуменьи, но она отказалась. „Увольте, владыко“, сказала она митрополиту. „Теперь я частехонько выговариваю молодымъ монахинямъ, и побраню ихъ иной разъ, и онѣ меня слушаются и любятъ, а попади я въ начальницы, меня пожалуй и любить не станутъ.“

Ходить она уже не могла, и ее возили въ креслахъ къ церковнымъ службамъ. Исторія ея походитъ на сказку. На ея отца было показано *слово и дѣло.* Преступленіе Кирилы Васильевича состояло въ томъ, что онъ оказалъ милосердіе какому-то арестанту ввѣренному его надзору. Одинъ изъ Елисаветинскихъ временщиковъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы погубить обвиненнаго. Несчастный поплатился почти всѣмъ своимъ имѣніемъ, и былъ брошенъ въ тюрьму. Жена его Прасковья Артамоновна, благодаря покровительству тюремнаго надзирателя, имѣла съ нимъ свиданія и брала съ собою дочь. Маргарита Кириловна помнила ужасъ, которымъ было поражено ея дѣтское воображеніе при видѣ мрачной темницы, въ которую онѣ входили съ фонаремъ среди бѣлаго дня. Она помнила блѣднаго, страждущаго отца, исхудалаго и обросшаго бородой. Наконецъ онъ вышелъ изъ тюрьмы, но почти нищій, больной, разбитый и не долго пожилъ. Вдова его, погруженная въ глубокое отчаяніе, одѣвалась въ траурное платье, распускала волосы по плечамъ, брала за руку дочь и направляла нетвердые шаги къ палатамъ своего врага. Она садилась на земь, подъ окномъ, и не взирая на слезы ребенка, который прижимался къ ней со страхомъ, умоляя ее уйдти домой, начинала гробовымъ голосомъ пѣть псаломъ проклятія: *Да будетъ дворъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живущаго.* И вельможа, пробуждаемый каждый день этою грозною пѣснью, не смѣлъ однако отогнать отъ своего порога полубезумную женщину. Но не прошло года, поблекла и его звѣзда, и *дворъ его остался пустъ, и въ жилищахъ его не было живущаго.*

Не это походитъ на сказку, но вотъ и сказочный эпизодъ. Прасковья Артамоновна поняла наконецъ, что надобно спасти остатки имѣнія, чтобъ упрочить кусокъ хлѣба

себѣ и дочери. Но живши въ совершенной почти крайности, среди вѣчныхъ хлопотъ и разъѣздовъ по дѣламъ, она не могла оставить дѣвочку при себѣ, и ввѣрила ее попеченію родственницы своего мужа.

Не привѣтливъ чужой кровъ. У хозяйки, богатой вдовы, были двѣ взрослыя дочери. Маргарита Кириловна вышивала серебромъ и золотомъ ихъ блестящіе наряды, была у нихъ на посылкахъ, выслушивала, глотая слезы, ихъ выговоры, и ей не рѣдко попрекали кускомъ хлѣба. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Съ годами молодая дѣвушка стала все болѣе и болѣе сознавать горечь своего положенія, и тѣмъ болѣе что она рѣдко видѣлась съ матерью.

Наконецъ вдова стала заботиться о томъ, чтобы пристроить дочерей. Къ ней ходила сваха, которая явилась разъ съ извѣстіемъ, что у нея на примѣтѣ отличный женихъ: онъ хоть и не молодъ и вдовъ, но человѣкъ надежный и богобоязливый, а денегъ у него куры не клюютъ. Свахѣ было обѣщано богатое награжденіе, и завидный женихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пріѣхалъ въ домъ, гдѣ ожидали его разряженныя невѣсты. Но не онѣ привлекли его вниманіе, а стала ему съ тѣхъ поръ все мерещиться полузабитая красивая пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Андрей Петровичъ обратился опять къ свахѣ, которая обѣщала сладить дѣло. Не вспомнила себя вдова, когда узнала, что не которая-нибудь изъ ея дочерей, а сиротинка, пригрѣтая ею изъ милосердія, приглянулась жениху. Она объявила на отрѣзъ, что скорѣе задушитъ молодую дѣвушку, а замужъ не отдастъ, и свахѣ запретила на полъ-двора показываться. Гнѣвъ ея разразился громомъ на Маргариту Кириловну: „Такъ вотъ какое, она сказала, спасибо за хлѣбъ-соль! Вѣдь не спроста бросилась она въ глаза Андрею Петровичу: она его приворожила. Въ тихомъ омутѣ черти водятся! Уже давно замѣтили, что она съ чортомъ водится и нашептывать умѣетъ.“

И страшное гоненіе началось противъ бѣдной дѣвушки. Ее сослали на кухню, приставили къ черной работѣ, и ея бѣдная одежда была замѣнена уже совершеннымъ рубищемъ. Но не даромъ сказано: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Тоскуетъ день и ночь Андрей Петровичъ, а вѣдь ужь пошелъ ему шестой десятокъ. Не ѣстъ онъ и не пьетъ, и сердце все изныло. Какъ ни билась сваха, какъ ни увѣ-

ряла его, что у нея на примѣтѣ много другихъ невѣстъ, и пригляднѣй и лучше, — онъ все свое: Не Маргариту Кириловну, такъ и никого не надо. А лишь бы ему жениться на ней, онъ озолотитъ сваху съ ногъ до головы.

И стала придумывать, и придумала наконецъ сваха какъ горю помочь. Она нашла средство увѣдомить Прасковью Артамоновну, которая находилась въ отлучкѣ. Бѣдная женщина поторопилась возвратиться въ Петербургъ, и Маргарита Кириловна перебралась на ея скромную квартиру. А за Андреемъ Петровичемъ дѣло не стало. Онъ обвѣнчался черезъ нѣсколько дней, и съ сіяющемъ лицомъ привезъ молодую хозяйку въ свой богатый, полный какъ чаша, домъ.

Отдохнула наконецъ и безпріютная вдова. Она поселилась у молодыхъ, и стала радоваться ихъ счастью. У Андрея Петровича было три дочери отъ первой жены; онѣ скоро привязались къ Маргаритѣ Кириловнѣ, а Маргарита Кириловна къ нимъ, и до послѣдней минуты ея жизни онѣ ее звали *матушкой*, и цѣловали у ней руку. Бѣдная дѣвушка попала въ какой-то волшебный міръ. Слово ея сдѣлалось закономъ въ домѣ, стала она рядиться въ атласъ и бархатъ, мужъ не могъ наглядѣться на нее и вывозилъ на пиры и собранія, которые потѣшали ее какъ ребенка. Андрей Петровичъ не опасался грѣха: онъ зналъ, что жена его воспитана въ страхѣ Божіемъ и что Прасковья Артамоновна строго держитъ дочь, и не оставляетъ ее своими благочестивыми совѣтами. Но когда скончалась его теща, старикъ сталъ подозрителенъ и началъ замѣчать, что чей-то страстный взоръ обращается на его молодую жену, и призадумалась его сѣдая голова. Вспомнилъ онъ, что береженаго и Богъ бережетъ, и рѣшился караулить день и ночь свое сокровище. И богатыя палаты обратились въ монастырь для молодой женщины. Мужъ потѣшалъ ее по прежнему и подарками и нарядами, но прервалъ знакомство со всѣми, и не позволялъ ей даже выѣхать въ церковь, когда не могъ самъ слѣдовать за ней. Знала Маргарита Кириловна, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, что Андрей Петровичъ спасъ ее отъ нищеты и униженія, что она ему обязана всѣмъ, и что онъ къ ней ласковъ и добръ; но горько ей было, какъ пташкѣ, жить въ позолоченой клѣткѣ. Сидитъ она бывало цѣлый день за пяль-

цами, съ своими падчерицами, или читаетъ *Четьи-Минеи* для развлеченія, или прикажетъ позвать изъ многочисленной дворни какую-нибудь старушку, мастерицу разказывать сказки, либо заставитъ сѣнныхъ дѣвушекъ пѣсню спѣть. Но когда мимо ея оконъ всѣ въ праздничныхъ одеждахъ торопились на гулянье, или въ свѣтлый зимній день катились санки за санками по Невской набережной, Маргарита Кириловна утирала тайкомъ слезы.

Такъ прошли четыре года. Она была уже матерью двухъ сыновей и дочери—моей бабушки. Сжалился ли надъ нею мужъ, убѣдился ли онъ, что съ такою женою нечего бояться грѣха, но дѣло въ томъ, что онъ отворилъ широко передъ ней двери и пригласилъ ее нарядиться на славу, и показаться добрымъ людямъ, да къ тому же и его старшихъ дочерей скоро пора хоть за столъ сажать.

И зажила опять веселою жизнью Маргарита Кириловна. Ея привязанность къ мужу росла съ каждымъ днемъ. Года черезъ два Богъ послалъ ей еще дочь, и она стала опять беременна, когда занемогъ отчаянно Андрей Петровичъ. Несмотря на свое положеніе и на безсонныя ночи, она не знала устали и не отходила отъ умирающаго. Ему становилось легче, когда голова его покоилась на рукахъ молодой жены, а она, сидя у его кровати, только бывало припадетъ къ подушкѣ и вздремнетъ немножко. Разъ уснулъ Андрей Петровичъ, а она, по обыкновенію, поддерживаетъ его голову, и вдругъ чувствуетъ уже знакомыя боли. Отъ мужа она отойдти не смѣла, боясь его разбудить, и терпѣла на сколько было силъ, и только приказала шепотомъ служанкѣ послать за повивальною бабушкой. Когда бабушка явилась, Маргарита Кириловна, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ сдерживала болѣзненный крикъ. Къ счастію, Андрей Петровичъ открылъ глаза: она ввѣрила его попеченію старшихъ дочерей, и подъ предлогомъ что отдохнетъ немножко, вышла въ отдаленную комнату и упала изнеможенная на приготовленную для нея постель. Не прошло получаса какъ вскрикнулъ ребенокъ, и въ ту же минуту вошла въ комнату горничная, съ тѣмъ что Андрею Петровичу очень плохо, и онъ спрашиваетъ Маргариту Кириловну.

„Должно быть не на радость родился ты, горемычный“, сказала бѣдная мать, благословляя сына дрожащею

рукой. Она накинула душегрѣйку, и шатаясь вошла, съ помощью горничной, въ комнату мужа. Взоръ умирающаго уже искалъ ее съ безпокойствомъ. Онъ узналъ ее когда она къ нему нагнулась, чтобъ поцѣловать его уже холодную руку, и назвалъ ее слабымъ голосомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ гробоваго молчанія, она закрыла ему глаза, потомъ положила земной поклонъ передъ образомъ, стоявшимъ у его изголовья, и упала безъ чувствъ.

Горько и долго плакала она, но пришла пора подумать и о семействѣ. Она пристроила двухъ падчерицъ, опредѣлила сыновей въ гвардію, потомъ и ихъ свадьбы отпраздновала, и переѣхала изъ Петербурга на житье въ Москву. Тутъ она отдала замужъ мою бабушку, а младшая ея дочь и одна изъ падчерицъ отказались отъ замужества, и жили попеременно то у братьевъ переселившихся также въ Москву, то у замужнихъ сестеръ. „Теперь всѣ на ногахъ, и Богъ привелъ всѣхъ пристроить,“ сказала Маргарита Кириловна: „пожила я довольно въ мірѣ, пора мнѣ отдохнуть.“ И постриглась она въ монастырь.

Маргарита Кириловна была живаго и вспыльчиваго нрава; но когда она перешагнула черезъ порогъ своей кельи, то дала обѣтъ укротить себя, и не возвышать ни на кого голоса, и этотъ обѣтъ она сдержала свято. „Трудно мнѣ было на первыхъ порахъ,“ говорила она, „но Богъ мнѣ помогъ осилить окаяннаго“.

Теплая вѣра никогда не покидала ея. Многіе помнятъ еще какъ сгорѣла часть монастыря, въ которомъ она жила. При сильномъ вѣтрѣ мудрено было остановить пожаръ. Семейство и многочисленная родня съѣхались со всѣхъ концовъ Москвы къ монастырской оградѣ. Каждый явился съ тѣмъ чтобъ увезти къ себѣ старушку, но когда вошли къ ней, она молилась съ невозмутимымъ спокойствіемъ, перебирая медленно свои четки. Изъ другихъ келій наносили къ ней бездну узловъ и сундучковъ, и повѣрили ея надзору дѣтей, которыя гостили въ это время у монахинь. Она и дѣтей поставила на колѣни и велѣла имъ молиться, да отклонитъ Господь напасть. Стали ее уговаривать, чтобъ она выѣхала изъ монастыря. „Нѣтъ, друзья мои“, сказала она, „отъ Божьяго гнѣва не уйдешь, а не попуститъ Онъ, не сгоришь и въ огнѣ. Вотъ сколько мнѣ добра нанесли, и дѣтей ко мнѣ привели, не бросить же мнѣ ихъ.“

Предлагали ей увезти и дѣтей, и все *добро*, но она опять отказалась. „Пусть дѣти здѣсь останутся; ихъ молитвы дойдутъ до Бога, а безъ Его святой воли бѣды не приключится.“ Видя, что ее убѣдить нельзя, одинъ изъ моихъ дядей бросился къ брантъ-майору, и просилъ его обратить вниманіе на эту ветхую келью, которая вспыхнетъ какъ солома отъ малѣйшей искры.

— Тутъ, прибавилъ онъ,—нѣсколько человѣкъ дѣтей и старуха девяноста почти лѣтъ.

— Вывозите ихъ скорѣй, отвѣчалъ тотъ,—вѣтеръ дуетъ въ эту сторону, и я ни за что не ручаюсь.

Но и это не убѣдило Маргариту Кириловну. „Молитесь“, сказала она, обращаясь къ дѣтямъ; „Богъ не спасетъ, такъ не спасетъ никто.“ Брантъ-майоръ былъ принужденъ набросить щиты на келью, и приставить къ ней часть своей команды. Всѣ ожидали съ замирающимъ сердцемъ конца этой драмы. Когда удалилась полиція, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обгорѣлыхъ столбовъ, стояла ветхая келья, въ которую стекались плачущія монахини, чтобъ получить благословеніе старушки и услышать отъ нея слово утѣшенія.

Прямаго потомства отъ нея и ея мужа считали семьдесять два человѣка. Когда пріѣзжали поздравить ее съ праздникомъ или именинами, не было возможности помѣститься въ ея келейкѣ. Лѣтомъ многіе тѣснились у ея оконъ, и передавали ей со двора свои поздравленія; зимой, одни дожидались въ экипажахъ, чтобъ имъ другіе уступили мѣсто. „Богъ благословилъ нашъ родъ“, говорила старушка, со слезами на глазахъ. Когда ей объявили о рожденіи перваго праправнучка, она медленно поднялась съ своихъ креселъ, и положила земной поклонъ. *„Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“*, молвила она.

Старшая изъ ея падчерицъ, Анна Андреевна, которая была только семью годами моложе ея, родилась съ страстнымъ характеромъ и пылкимъ умомъ. Она была замѣчательной красоты; но только что ей минуло двадцать лѣтъ, ее обезобразила болѣзнь. Молодая дѣвушка поняла, что жизнь ея убита, и впала въ глубокое отчаяніе. Однако мало-по-малу она пришла въ себя, и употребила всѣ усилія, чтобы насильственно привить къ себѣ религіозный фанатизмъ. Долго боролась она съ своею молодостью и неугомоннымъ сердцемъ. Она говорила, что не хочетъ слѣпой и

дѣтской вѣры, и несмотря на увѣщанія Маргариты Кириловны, которая твердила, что грѣшно идти на искушеніе и что врагъ силенъ, она перечла всѣ творенія французскихъ философовъ, и бодро вызывала каждаго на религіозный споръ. Наконецъ, когда она сознала, что почва тверда подъ ея ногами, она вступила въ монастырь. Молодость ея миновала уже давно, но она не довѣряла своей мятежной природѣ и умерщвляла себя веригами и строгимъ постомъ. Ея неукротимый нравъ выражался во всемъ. „Матушка настоящая святая“, говорила она, „никѣмъ не тяготится, и принимаетъ одинаково и умнаго, и глупаго. И я поставила себѣ въ обязанность никому не отказывать, но, грѣшный человѣкъ, не умѣю безъ ропота нести этотъ крестъ.“

Воспоминанія мои о ней довольно смутны. Когда мнѣ сказали, что меня повезутъ еще къ другой бабушкѣ-монахинѣ, я охотно одѣлась и весело сѣла въ карету съ моею матерью, въ полномъ убѣжденіи, что меня ожидаютъ кедровые орѣшки, черносливъ и сѣренькій котенокъ. Но когда я поцѣловала руку у безобразной старухи, она только спросила у моей матери: „Которая это у тебя? Какъ ее зовутъ? Который ей годъ?“—и уже больше не занималась мной. Я помню много образовъ въ богатыхъ окладахъ, и стоявшій возлѣ меня шкапъ съ книгами. Не понимая ничего въ разговорѣ, который бабушка завела съ моею матерью, я старалась разобрать заглавія книгъ, но они мнѣ показались такъ мудрены, что я принялась разсматривать образа, и ждала съ нетерпѣніемъ минуты отъѣзда. Наконецъ когда мать моя стала прощаться, Анна Андреевна сказала ей: „Давненько я матушки не видала. Будешь у нея, такъ поцѣлуй за меня ручку, да попроси ея благословенія.“

Не разъ переѣзжала она изъ монастыря въ монастырь, не находя нигдѣ того покоя, для котораго не было зародыша въ ея душѣ. Она было свила себѣ гнѣздо въ окрестностяхъ Москвы. Тамъ всѣ поклонялись ея свѣтлому уму и строгой жизни, и она стала бояться наконецъ чтобы не обуялъ ею духъ гордыни, и не уничтожилъ бы столькихъ лѣтъ поста, молитвы и истязаній, и опять пріютила ее новая обитель.

Маргарита Кириловна скончалась тихо и безъ страданій. Анна Андреевна пережила ее нѣсколькими годами.

IV. Переселеніе въ Москву.

Бабушка моя, переселившись въ Москву, собрала около себя все свое семейство, которое состояло изъ трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Я уже сказала, что обѣ старшія мои тетки воспитывались у близкой родственницы. Одну изъ нихъ, Надежду Васильевну, мало знали въ семействѣ; другая, Наталья Васильевна, часто ѣзжала гостить въ Воробново. Я ея не знала, но всѣ говорятъ, что она была предобрая и примилая женщина. Младшія мои тетки, которыя были очень дружны между собой, нѣжно къ ней привязались. Вѣра Васильевна часто говорила о ней, утирая слезу. „C'était le bon ange de la famille.“ Въ ней было примиряющее свойство, которое дѣйствовало благотворно на всѣхъ окружающихъ. Все семейство привыкло руководиться безпрекословно волею моего дѣдушки; но какъ скоро его не стало, каждая личность высказалась рѣзко, и начались семейныя междоусобія, въ которыхъ Наталья Васильевна всегда являлась примирительницей.

Вѣра Васильевна наслѣдовала отъ отца его благородныя свойства, но жизнь развила въ ней крутой нравъ. Природа счастливо одарила ее, и побалуй ее немного судьба, она была бы замѣчательною женщиной. Но умъ ея не получилъ надлежащаго развитія въ тѣсной средѣ, на которую она была обречена, и ея страстная природа, всегда стѣсненная, всегда подъ гнетомъ какого-нибудь горя, наконецъ разбила ее. Она ничего не забывала, и горькія воспоминанія, накопляясь съ каждымъ днемъ въ ея душѣ, ожесточали ее все болѣе и болѣе. Для нея было необходимо замужество и счастіе; смягчающее вліяніе любимаго человѣка привело бы къ полному развитію богатые зародыши, которые вложила въ нее природа. Но при неблагопріятной обстановкѣ они пропитались желчью, и обратились противъ нея самой.

Надежда Васильевна представляла самую рѣзкую противоположность съ ней. Она была положительно умна, но никогда ни надъ чѣмъ не задумывалась; благодаря ея равно-

душію ко всему, у нея былъ самый уживчивый характеръ, и она не утратила своей веселости и живости до послѣдней минуты своей жизни. Въ самой ея добротѣ проглядывалъ несокрушимый эгоизмъ. Она никогда не отказывалась подать благой совѣтъ разбитому сердцу. „Надо разсѣяться,“ говорила она, „можно съѣздить и въ театръ и на гулянье.“ Но когда она имѣла дѣло съ людьми, которые требовали утѣшенія подѣйствительнѣе, то она удалялась, потому что чужое горе тяготило ее. И отъ семейнаго горя она убѣгала точно также. „Вѣдь ужь я не помогу,“ говорила она: „по крайней мѣрѣ хоть сама развлекусь немножко,“— и уѣзжала на вечеръ.

Вѣра Васильевна поняла скоро, что имъ не сойдтись. Однако, когда онѣ начали жить вмѣстѣ, Наталья Васильевна, къ которой обѣ онѣ были привязаны, сдѣлалась соединяющимъ звеномъ между ними, не смотря на рѣзкое различіе ихъ характеровъ, воспитанія и привычекъ.

У моей бабушки было доброе и привязчивое сердце, но на глубокое чувство она была не способна. Она горячо оплакивала каждое несчастіе, поражавшее ее, но время брало свое. Слезы обыкновенно навертывались на ея глазахъ при воспоминаніи о быломъ горѣ, но горе не оставляло въ ней неизгладимыхъ слѣдовъ. Тяжело ей было послѣ кончины Василья Семеновича, но надо было подумать о переселеніи въ Москву, а потомъ объ устройствѣ новаго хозяйства. Не разъ она плакала среди домашнихъ хлопотъ, и долго говорила, что сердце ея обливается кровію, когда на вечерней и утренней молитвѣ ей приходится поминать моего дѣдушку въ числѣ усопшихъ; однако дѣло шло своимъ чередомъ. Устроившись наконецъ, надо было чѣмъ-нибудь наполнять день. Въ Москвѣ хозяйство не такъ сложно какъ въ деревнѣ, но и въ деревнѣ она любила и выѣзжать и принимать у себя; къ тому же не даромъ говорятъ, что на людяхъ и смерть красна. Бабушка моя начала съ родственныхъ домовъ, но кругъ ихъ былъ не довольно обширенъ, а такъ какъ ограниченныя средства не позволяли ей искать новыхъ знакомствъ въ свѣтѣ, да къ тому же она стала не разборчива на свои связи, благодаря средѣ, въ которой она жила столько лѣтъ послѣ своего замужества, то и наполнила она свою гостиную слишкомъ извѣстными типами, полумѣщанъ, полу-

дворянъ, и образовала себѣ изъ нихъ пріятельскій кружокъ. Тягаясь за аристократическимъ блескомъ, эти люди утратили свою патріархальную и истинно-уважительную сторону, и очень напоминали Гоголевскихъ героевъ. Съ другой стороны мои старшія тетки, воспитанныя совершенно въ другомъ кружкѣ, поддерживали, на сколько было возможно, свои свѣтскія знакомства, такъ что домъ представлялъ самую разнообразную смѣсь сословій, лицъ и образованій.

Въ это время крѣпко еще держался на святой Руси патріархальный бытъ, и *родство* было священнымъ словомъ. Частехонько случалось, что пріѣдетъ бывало изъ отдаленной губерніи, съ чадами и домочадцами, почтенная мать семейства, которая называла Марью Андреевну *тетушкой*, потому что доводилась по мужу троюродною племянницей моему дѣдушки, и поселялась на нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ, съ тѣмъ чтобы лѣчить больную дочь или пристроить сына въ корпусъ, и домъ былъ постоянно оживленъ пріѣзжими лицами. На святкахъ мои тетки ѣздили подъ масками изъ дома въ домъ, въ сопровожденіи братьевъ и какой-нибудь замужней пріятельницы, или зазывали къ себѣ гостей и пѣли по цѣлымъ вечерамъ модные романсы подъ звуки клавикордъ, или играли въ *secrétaire* и *bouts-rimés*, и весело жилось всей этой молодежи. Бабушка обыкновенно присутствовала тутъ же, сидя у стола, на которомъ кипѣлъ огромный самоваръ, и привѣтствовала каждаго своею ласковою и радушною улыбкою.

Старшій мой дядя, Левъ Васильевичъ, поражалъ своимъ физическимъ безобразіемъ. Было что-то отталкивающее въ смугло-красномъ цвѣтѣ его лица, въ умномъ, но зломъ выраженіи его маленькихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, въ толстомъ носѣ, испещренномъ синими жилками, въ циническомъ выраженіи губъ, и въ щетинистыхъ, обстриженныхъ подъ гребенку волосахъ. Онъ былъ роста невысокаго, но крѣпко сложенъ. Животная сила высказывалась въ его широкихъ плечахъ, и неуклюжей, жилистой рукѣ, сгибавшей однимъ движеніемъ серебряный рубль.

Онъ никогда не могъ простить моему отцу ни его красоты, ни его успѣховъ, ни изящныхъ пріемовъ вывезенныхъ имъ изъ-за границы. Понимая что было бы безполезно вступать съ нимъ въ борьбу, онъ, какъ говорится, рѣшился

взять другимъ, и началъ цинически хвастать своимъ безобразіемъ, угловатостью и грубостью выраженій. Онъ называлъ себя *сыномъ природы*, говоря что не умѣетъ стѣснять себя ни въ чемъ, плясалъ въ присядку, и словомъ привилъ себѣ придуманную имъ самимъ дикую оригинальность.

— Бога ты не боишься, Левъ, говорила иногда моя бѣдная бабушка, сконфуженная какою-нибудь черезчуръ неприличною выходкой,—просто осрамилъ меня давича при гостяхъ; въ краску вогналъ.

— Я сынъ природы, отвѣчалъ онъ обыкновенно,—и не то еще дѣлаютъ на Алеутскихъ островахъ.

— Я отъ тебя всего ожидаю, говорила старушка, подъ вліяніемъ самаго искренняго страха:—ты пожалуй когда-нибудь уморишь меня совсѣмъ: явишься въ костюмѣ дикаго.

Ужасъ, который онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ, льстилъ его грубому самолюбію. Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія, или даже общепринятыя приличія. Когда служили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника, съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только чтобы выиграть пари, заключенное имъ вслѣдствіе довольно неприличной шутки, и чрезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей. Въ первый годъ его женитьбы у него родился сынъ. Мальчика назвали Сергѣемъ, и онъ скоро умеръ. Жена Льва Васильевича, у которой былъ свой взглядъ на вещи, говорила оплакивая ребенка, что она сама виновата въ своемъ несчастіи, потому что у нихъ въ роду никогда не оставались въ живыхъ дѣти названные этимъ именемъ: „Ужь должно-быть это не угодно великому угоднику Сергію", заключала она.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ мой дядя:—такъ увидимъ же, кто кого переспоритъ, твой великій угодникъ меня, или я его. Дай только родиться у меня второму сыну!

Когда родился второй сынъ, Левъ Васильевичъ, не взирая на слезы жены, или скорѣе чтобъ идти наперекоръ ея слезамъ и просьбамъ, назвалъ опять ребенка Сергѣемъ, и ребенокъ умеръ черезъ годъ. Въ послѣдствіи, въ продолженіи каждой своей беременности, тетка моя очень боялась рожденія сына, а Левъ Васильевичъ былъ въ отчаяніи, что у него все рожались дочери.

— Еслибъ было двѣнадцать сыновей, говорилъ онъ,—я бы всѣхъ двѣнадцать окрестилъ однимъ и тѣмъ же именемъ.

Разъ кто-то разказывалъ, что на гуляньяхъ очень щеголяютъ нарядами и экипажами, на что Левъ Васильевичъ объявилъ. что онъ въ слѣдующее воскресенье явится подъ Новинскимъ въ телѣгѣ. Когда ему замѣтили, что полиція не допуститъ этого, онъ отвѣчалъ, что пойдетъ на проломъ и поставитъ на своемъ. И дѣйствительно, онъ велѣлъ приготовить усланную сѣномъ телѣгу, надѣлъ старый халатъ и ермолку, взялъ въ руки огромный чубукъ, положилъ къ себѣ нагайку и приказалъ кучеру ѣхать на гулянье. Какъ только этотъ странный экипажъ подъѣхалъ къ тянувшемуся ряду блестящихъ каретъ, жандармъ закричалъ чтобы телѣга отъѣзжала. Вмѣсто отвѣта мой дядя ударилъ нагайкой жандармову лошадь, которая бросилась въ сторону, и кучеръ, получившій заранѣе свои инструкціи, воспользовался этою минутой чтобы въѣхать въ рядъ. Тутъ уже не было возможности остановить телѣги: она медленно потянулась за экипажами. Полицеймейстеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, подъѣхалъ къ Льву Васильевичу, и замѣтилъ ему, что такая выходка можетъ навлечь непріятности на того, кто ее позволилъ себѣ.

— А почему такъ?

— Потому что подобный экипажъ и подобный костюмъ не приличны на публичномъ гуляньи.

— А я нахожу, что гораздо неприличнѣе показаться на публичное гулянье съ такою бородавкой на носу, какъ у васъ. У каждаго свое мнѣніе.

— Ваше замѣчаніе не заслуживаетъ возраженія, отвѣчалъ тотъ:—но рѣчь идетъ не о различіи мнѣній, а о томъ что каждый здѣсь обязанъ подчиняться распоряженіямъ полиціи.

— А я нахожу что не обязанъ, но еслибъ и такъ, то почемъ мнѣ знать эти распоряженія? Гдѣ онѣ напечатаны? Я ихъ не читалъ.

— Васъ предупреждалъ жандармъ, но вы позволили себѣ ударить его лошадь нагайкой.

— А въ какихъ законахъ написано, что я жандармской лошади не долженъ бить нагайкой? Впрочемъ я не люблю разговаривать когда курю.

Тутъ онъ обернулся къ полицейместеру спиной, и разлегся въ своей телѣгѣ.

Онъ не разъ проживалъ свое состояніе, и находилъ всегда случай разбогатѣть снова: откуда брались деньги? Объ этомъ никто не смѣлъ спрашивать. Объявивъ себя банкротомъ, онъ потерялъ право на собственность, но это его не стѣсняло. Разъ онъ вошелъ въ комнату Вѣры Васильевны и объявилъ ей, что чиновникъ привезъ шнуровую книгу, въ которой она должна расписаться.

— Въ чемъ я буду расписываться? спросила она.

— Это не твое дѣло.

— Я ничего не подпишу, сказала она рѣшительнымъ голосомъ.

— Какъ угодно, но въ такомъ случаѣ я заставлю старуху (такъ онъ называлъ мою бабушку) подписать что̀ хочу, а послѣдствія бери на себя. Раздумывать некогда; чиновникъ дожидается въ залѣ.

Вѣра Васильевна поблѣднѣла, однако послѣдовала за нимъ въ другую комнату, и молча подписала свое имя. Пробѣжавъ глазами бумагу, она увидала что это довѣренность, по которой она поручаетъ брату совершить за нея купчую на пріобрѣтеніе имѣнія.

Замѣчательно, что въ такихъ продѣлкахъ онъ никогда не обращался къ своей старшей сестрѣ, а сладить съ ней было бы повидимому гораздо легче. Но она объявила на-отрѣзъ что не вмѣшивается въ чужія дѣла, и не легко было доискаться въ ней живой струны: это была не Вѣра Васильевна.

Прислуга дрожала при одномъ его имени. Ложась спать, онъ обыкновенно клалъ при себѣ заряженные пистолеты. Никому не прошли бы даромъ всѣ исторіи, которыя сходили ему съ рукъ. Онъ ничего и никого не боялся: въ немъ была капля отцовской крови, но она испортилась въ его жилахъ. Дѣдушка разгадалъ Льва Васильевича, когда по вступленіи своемъ въ службу, онъ пріѣзжалъ въ Воробново вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. „Кто изъ насъ кого сломитъ?“ сказалъ мой дѣдъ своей женѣ, послѣ отъѣзда сына: „но безъ борьбы намъ вмѣстѣ не прожить“. И тотчасъ послѣ его отъѣзда онъ сдѣлалъ по имѣнію распоряженія на случай своей смерти; но это не спасло семейства отъ придирокъ моего дяди. Содрогнулась не разъ тѣнь Василья Семеновича: запятналось честное имя завѣщанное имъ своимъ дѣтямъ.

Года два спустя послѣ переселенія въ Воробново, мой дѣдушка купилъ село въ Серпуховскомъ уѣздѣ, и не разъ былъ принужденъ покидать съ семействомъ свое родовое гнѣздо, и проводить лѣто въ ново-пріобрѣтенномъ имѣніи. Бабушка разказывала мнѣ, что они не ѣзжали никуда за исключеніемъ сельца Толычова, принадлежавшаго Борису Александровичу, моему дѣду по матери. Мать моя, которой было тогда лѣтъ пять, и мой отецъ, десятилѣтній мальчикъ, очень подружились и играли всегда въ *жениха и невѣсту*. „А что, Борисъ Александровичъ," говорилъ часто Василій Семеновичъ: „хорошо еслибъ они сдержали слово, да попировали бы мы на ихъ свадьбѣ". Но не побаловала его судьба: не пришлось ему пировать на ихъ свадьбѣ.

Когда моему отцу минуло двадцать три года, онъ влюбился въ одну изъ московскихъ красавицъ, и просилъ у Василья Семеновича позволенія жениться. Дѣдушка отвѣчалъ ему самымъ лаконическимъ письмомъ, что онъ еще слишкомъ молодъ, и что ему нечего и думать о женитьбѣ. Но какой-то родственникъ, повѣривъ московскимъ сплетнямъ, написалъ въ Воробново, что мой отецъ, не смотря на запрещеніе, обвѣнчался тайно. Василій Семеновичъ, прочитавъ письмо, сильно измѣнился въ лицѣ. Бабушка расплакалась и хотѣла что-то сказать.

— Тутъ говорить нечего, перебилъ онъ:—можетъ это и вздоръ; а если правда, такъ толки не поправятъ дѣла.

Дня черезъ два по полученіи роковаго письма, семейство сидѣло за обѣдомъ. Вдругъ люди сбѣжались съ извѣстіемъ, что Владиміръ Васильевичъ пріѣхалъ. Дѣдушка поблѣднѣлъ и поднялся съ своего стула.

— Если Владиміръ женился, сказалъ онъ моей бабушкѣ,—пусть онъ въ ту же минуту ѣдетъ назадъ; если же нѣтъ, приведи его ко мнѣ: я буду въ саду.

Моя бѣдная бабушка часто разказывала мнѣ эту сцену, со слезами на глазахъ. „У меня просто сердце оборвалось, говорила она, руки и ноги задрожали." Однако она выбѣжала на встрѣчу къ моему отцу, и бросилась, рыдая, къ нему на шею. Онъ успокоилъ ее, и они отправились вмѣстѣ въ садъ. Лицо Василья Семеновича прояснялось по мѣрѣ того какъ они приближались къ нему; онъ быстрыми шагами пошелъ къ нимъ на встрѣчу по длинной аллеѣ, и крѣпко обнялъ сына.

— Какъ вы повѣрили такой баснѣ, батюшка, сказалъ ему мой отецъ:—я не спорю, что могъ бы дѣйствительно, въ минуту увлеченія, жениться помимо вашей воли; но тогда ужь я бы къ вамъ не пріѣхалъ. Мнѣ бы легче было умереть у вашего порога нежели переступить черезъ него. Теперь же я явился къ вамъ за дѣломъ. Компанія открывается противъ Французовъ, и я хочу перейдти въ военную службу.

Бабушка всплеснула руками и заплакала.

— Нечего плакать, сказалъ Василій Семеновичъ.—Молодецъ Владиміръ! Жениться я могу запретить, но никакой отецъ не въ правѣ приказать сыну нести лобъ подъ пулю, а мнѣ было бы обидно, еслибы вы оба спрятались теперь подъ родительское крылышко. Авось вернешься, а если нѣтъ, по крайней мѣрѣ честно сложишь голову.

Бабушка разказывала, что при послѣднихъ словахъ голосъ его дрожалъ. Отецъ мой пробылъ нѣсколько дней въ Воробновѣ, потомъ простился съ своими, и отправился обратно въ Москву.

Недѣли черезъ двѣ получили отъ него письмо. Привожу здѣсь это обстоятельство, потому что оно характеризуетъ дѣйствующія лица. Онъ писалъ, что графъ предлагаетъ ему поступить къ нему въ адъютанты, но что онъ отказывается, не желая въ военное время быть обязаннымъ своимъ повышеніемъ вліянію сильнаго покровителя.

— Какъ я это прочла, разказывала мнѣ очень наивно моя бабушка,—такъ просто и ума не могла приложить. Что же это такое? Всѣ ищутъ повышенія, а онъ точно его боится. И отнесла я письмо къ дѣдушкѣ. Онъ прочелъ его, да и говоритъ: „Напиши ты отъ меня Владиміру, что потѣшилъ онъ меня: очень я имъ доволенъ. Самъ бы за это къ нему написалъ, да нездоровъ.“

— А что же вы сказали, бабушка? спросила я ее.

— Да что тутъ говорить? Съ дѣдушкой бывало не очень-то разговоришься. Я признаться и до сихъ поръ не понимаю изъ чего отъ чиновъ отказывается: вѣдь это не взятка. А должно-быть оно такъ и слѣдуетъ, если Василью Семеновичу такъ по душѣ пришлось, что самъ написать къ папенькѣ хотѣлъ. Только я и сказала, что „воля твоя, молъ, мой другъ“, да и написала какъ онъ приказывалъ.

Изъ Воробнова Василію Семеновичу иногда приходилось

ѣздить по дѣламъ въ Москву. Тутъ онъ каждый разъ являлся къ толычовскимъ сосѣдямъ, и очень полюбилъ мою мать.

— А что еслибъ и въ самомъ дѣлѣ Владиміръ меня потѣшилъ, говорилъ онъ не разъ бабушкѣ,—да пересталъ бы писать стишки къ голубымъ глазамъ. Вотъ ему невѣста!

Мы уже видѣли, что онъ скончался во время кампаніи 1815 года [1]. Послѣ переселенія семейства въ Москву, когда мой отецъ былъ еще за границей, Левъ Васильевичъ сталъ ухаживать за моею матерью. Онъ еще тогда не записался въ *сынъі природы*, а напротивъ хотѣлъ усвоить себѣ лоскъ свѣтскаго человѣка, что̀ выставляло въ самомъ смѣшномъ видѣ его безобразіе и неуклюжесть. Понятно, что его любезности были холодно приняты, и самолюбіе его было сильно оскорблено. Когда мой отецъ возвратился изъ похода, Левъ Васильевичъ предупредилъ его, что онъ встрѣтитъ въ свѣтѣ мраморную статую, на которую можно только издали любоваться.

— Намъ не съ руки такія барыни, прибавилъ онъ:—одна дочка у папеньки, папенька глядитъ ей въ глаза; ко двору, говорятъ, воспитывалъ; на нашего брата и не смотритъ!

Но на моего отца она посмотрѣла, и даже полнымъ любви взоромъ. Онъ, съ своей стороны, забылъ о голубыхъ глазахъ и понялъ, что полюбилъ на вѣкъ. Осуществилась наконецъ любимая мечта Василія Семеновича, и отецъ мой, возвращаясь изъ церкви съ молодою женою, говорилъ цѣлуя ея руку.

— Не достаетъ одного моему счастію: не видалъ мой отецъ, какъ я надѣлъ это кольцо на твой палецъ.

Я должна сказать однако, что когда моя мать вступила въ семейство, она далеко не всѣмъ понравилась. Горячность ея чувствъ скрывалась подъ довольно-холодною и строгою наружностію, которая не симпатически подѣйствовала на мою бабушку. Она представила невѣстку своему интимному кружку; составлявшія его лица осмотрѣли *мо-*

[1] Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о довольно странномъ фактѣ. Во время своего пребыванія въ Парижѣ, мой отецъ велъ дневникъ, который хранится теперь у насъ. День смерти Василія Семеновича онъ записалъ съ примѣчаніемъ, что его цѣлый день преслѣдуетъ невыносимая тоска, которую онъ принимаетъ за предчувствіе какого-то несчастія.

лодую съ головы до ногъ, поняли что между ими и ею мало общаго, и приняли за личную обиду ея изящныя и изнѣженныя привычки. Марья Андреевна, сама видя что невѣстка не интересуется ни хозяйствомъ, ни тѣмъ что̀ дѣлаютъ и что̀ говорятъ знакомые и незнакомые сосѣди, рѣшила что она *бьетъ свысока.* Вѣра Васильевна гордо удалилась, говоря что она ни для кого не сдѣлаетъ перваго шага, а Левъ Васильевичъ дулся, и не могъ простить моему отцу свою неудачу. Но старшія тетки, которыя встрѣчались въ свѣтѣ съ моею матерью, дружески протянули ей руку. Надежда Васильевна обрадовалась ей, какъ обрадовалась бы всякой свѣтской связи, а Наталья Васильевна угадала ее инстинктивно, полюбила ее, и онѣ скоро сошлись. Что касается до моей младшей тетки и до Бориса Васильевича, то на нихъ смотрѣли еще какъ на дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія приняли бы другой оборотъ при содѣйствіи Натальи Васильевны и моего отца, который былъ любимецъ сестеръ и матери; но нужно было время, чтобъ ознакомиться и объясниться, а молодымъ было некогда; они спѣшили въ деревню чтобы наглядѣться другъ на друга, и скрыть отъ всѣхъ свое счастіе.

Вскорѣ послѣ женитьбы моего отца вышла замужъ Наталья Васильевна, и уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Но вслѣдъ за свадебными пирами наступила для семейства мрачная година. Умерла внезапно моя младшая тетка, восьмнадцатилѣтняя красавица. Неожиданный ударъ такъ поразилъ мою бабушку, что она жестоко занемогла. Вѣра Васильевна, въ глубокомъ отчаяніи, не отходила отъ ея кровати. Поплакала и Надежда Васильевна; войдетъ она бывало въ комнату больной матери, но не надолго.

— Здѣсь душно, какъ въ закупоренной банкѣ, говорила она сестрѣ:—у меня въ глазахъ зеленѣетъ. Вѣдь не легче будетъ, если я тоже свалюсь. Выѣду куда-нибудь, да и ты хоть бы прошлась немножко; на тебѣ лица нѣтъ. А здѣсь можетъ кто-нибудь изъ *дѣвокъ* посидѣть.

— Я здѣсь останусь, отвѣчала рѣзко та,—а вы можете ѣхать куда вамъ угодно.

Она обѣимъ старшимъ сестрамъ говорила *вы.*

По мѣрѣ того какъ моя бабушка стала оправляться и Вѣра Васильевна успокоиваться на ея счетъ, въ ней пробуждалось съ новою силой отчаяніе, вызванное смертію

сестры, и отчасти заглушенное страхомъ лишиться матери. Она проводила цѣлые часы въ своей комнатѣ, и томительные дни медленно протекали одинъ за другимъ. Часто она просиживала по цѣлымъ ночамъ, не раздѣваясь, на кровати, и лишь къ утру ее одолѣвала тяжелая дремота.

Такъ прошло полгода. Разъ дверь ея комнаты отворилась настежь, и бѣдная моя тетка вздрогнула, увидя передъ собой сіяющее лицо Надежды Васильевны. На ней было пунцовое платье, и золотые браслеты блестѣли на рукахъ.

— Ты, кажется, какъ монашенка, поклялась не скидавать черной рясы, Вѣра, сказала она, — а я слуга покорная, видѣть не могу чернаго платья. Просто думала, что не дождусь этого дня, когда трауръ кончается. Вечеромъ поѣду въ театръ.

Она ушла, не дождавшись отвѣта. Вѣра Васильевна поглядѣла ей въ слѣдъ, и упала рыдая на свою подушку. Эта минута навсегда опредѣлила отношенія сестеръ. Надежда Васильевна, сидя вечеромъ въ театрѣ, и не подозрѣвала, что ея выходка потрясла до глубины настрадавшуюся душу. Вѣра Васильевна никогда ей этого не прощала. Тридцать лѣтъ спустя, разказывая мнѣ эту сцену, она еще блѣднѣла и руки ея холодѣли.

Но не долго щеголяла моя старшая тетка своимъ пунцовымъ платьемъ. Бабушка получила изъ Петербурга отъ своего зятя письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ ее съ рожденіемъ перваго внучка, но прибавлялъ, что жена не можетъ оправиться послѣ родовъ. Чахотка стала быстро развиваться въ молодой женщинѣ. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, и всѣ съ ужасомъ помышляли о поѣздкѣ въ Петербургъ. Однако Вѣра Васильевна рѣшилась немедленно ѣхать къ сестрѣ, если слѣдующее письмо не успокоитъ ея. Въ почтовой день она встала рано и отправилась отслужить молебенъ Иверской Божіей Матери, а по возвращеніи домой, увидѣла на своемъ столѣ письмо съ черною печатью.

Ея отчаянію не было границъ. Она поглядѣла со страхомъ вокругъ себя, и отвернулась съ новымъ ужасомъ отъ ненавистныхъ ей лицъ—старшей сестры и Льва Васильевича. Отецъ мой былъ далеко; она знала какъ болѣзненно отзовется въ немъ эта новая потеря, но знала также, что онъ живетъ въ своемъ особомъ мірѣ, въ счастливомъ мірѣ, куда ей не суждено было даже заглянуть. И перенесла она

всю свою нѣжность на плачущую мать и на меньшаго брата, и ея любовь къ нимъ приняла наконецъ весь характеръ страсти.

Борисъ Васильевичъ могъ дѣйствительно внушить самую нѣжную привязанность. Онъ сильно напоминалъ моего отца, и былъ очень красивъ собой. Женственная нѣжность проглядывала въ его застѣнчивости, въ тонкихъ очертаніяхъ его лица, въ мягкости его голоса и пріемовъ, и въ болѣзненной чувствительности его характера.

— Его бы надо въ банку закупорить, чтобы на него вѣтеркомъ не подуло, или держать его вѣчно подъ маменькинымъ крылышкомъ, говорилъ о немъ Левъ Васильевичъ.

Послѣ извѣстія о новомъ несчастіи, бабушка моя и Вѣра Васильевна были долго не разлучны. Бабушка опомнилась первая. Входъ въ ея комнату открылся сперва очень не многимъ; но мало-по-малу число посѣтителей стало увеличиваться. Потомъ она начала сама выходить въ гостиную, чтобы принимать ихъ свободнѣе, и наконецъ эта гостиная опять наполнилась всѣми тѣми лицами, которыхъ смерть разогнала на время.

Но Вѣра Васильевна упорно заключилась въ своей комнатѣ. Марья Андреевна часто покидала своихъ гостей, чтобы посидѣть съ ней, и не разъ уговаривала ее выйдти въ гостиную. Вмѣсто отвѣта, моя бѣдная тетка цѣловала ея руку и начинала плакать. „А мнѣ-то развѣ легко, Вѣрочка?“ говорила бабушка, утирая также слезы: „да дѣлать-то нечего. Нельзя же всѣхъ добрыхъ людей отъ себя оттолкнуть.“

Вѣра Васильевна иногда сдавалась; но не рѣдко приходилось бабушкѣ пожалѣть объ успѣхѣ своей попытки. Тетка моя рѣшительно не умѣла скрывать своихъ впечатлѣній и мѣнялась въ лицѣ, когда ее встрѣчалъ въ гостиной смѣхъ и полный претензіи нарядъ старшей сестры. Она окидывала ее съ ногъ до головы взглядомъ полнымъ ненависти, и отвѣчала очень рѣзко на ея слова.

Отчужденіе ихъ другъ отъ друга росло съ каждымъ днемъ. Бабушка часто пыталась ихъ помирить,—да какъ мирить людей, которые вовсе не ссорились, но которые не находятъ другъ въ другѣ не одной симпатической струны. Надежда Васильевна была незлопамятна, и протягивала отъ всей души руку сестрѣ, которая съ своей стороны, уступая материнскимъ

просьбамъ, цѣловалась съ ней, и просила ее не сердиться за рѣзкость, въ которой сама себя винила; но не проходило часа, чтобъ одна изъ нихъ не оскорбила или не возмутила невольно другую.

Однако время шло своимъ чередомъ; незамѣтно протекали мѣсяцы и годы. Левъ Васильевичъ женился, и зажилъ своимъ домомъ. Денежныя средства значительно уменьшились, когда бабушка, отдѣливъ послѣ смерти Василія Семеновича часть имѣнія старшимъ сыновьямъ, должна была дать приданое за дочерью. Съ другой стороны, домъ становился старъ, и рѣшили, что выгоднѣе сломать его и построить новый нежели поддерживать огромное полупустое строеніе. И стала моя бабушка удѣлять ежегодно часть отъ своихъ скудныхъ доходовъ для постройки новаго дома. Пришлось стѣсняться и отказываться отъ многихъ привычекъ. Болѣе всѣхъ страдала, разумѣется, Надежда Васильевна; ей приходилось всячески изыскивать средства выѣзжать и веселиться попрежнему. Она была очень коротка съ директоромъ театра, и пользовалась постоянно его ложей. Но чтобы попасть въ эту ложу, иногда приходилось бороться съ неодолимыми для всякаго другаго препятствіями. По мѣрѣ того какъ средства становились скуднѣе, гостиная мало-по-малу пустѣла. Къ тому же холера тридцатаго года свалила много людей близкихъ и родныхъ, и моя бабушка, скучая одна или въ обществѣ какой-нибудь приживалки, привыкла выѣзжать по вечерамъ, и надо прибавить, что бабушка ни для кого не отступала отъ своихъ привычекъ, такъ что Надежда Васильевна никогда не могла разчитывать на экипажъ. Въ тотъ день какъ она собиралась въ театръ, съ утра поднималась суматоха. Она писала какой-нибудь пріятельницѣ, чтобы пригласить ее въ свою ложу, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы та заѣхала за ней. Но пріятельница уже распорядилась вечеромъ, и Надежда Васильевна писала другую записку, и ожидала отвѣта въ крайнемъ волненіи.

— Вы бы ужь третьяго человѣка верстъ за пять послали, говорила съ досадой Вѣра Васильевна. — Погода очень теплая: всего двадцать градусовъ мороза.

— Нужно будетъ, такъ и третьяго пошлю, отвѣчала та: — но во всякомъ случаѣ ты мнѣ не гувернантка.

Наконецъ являлся удовлетворительный отвѣтъ, и Надежда Васильевна съ сіяющимъ лицомъ принималась за туалетъ. Она никакъ не могла помириться съ сѣдыми волосами, начинавшими сильно пробиваться у нея на головѣ, не рѣшалась отказаться отъ яркихъ цвѣтовъ, къ которымъ имѣла особенное пристрастіе, и украшала свою прическу фальшивыми гирляндами, давно утратившими первобытную свѣжесть. Золотые браслеты и алмазные перстни, доставшіеся ей отъ Маргариты Кириловны, блестѣли на ея рукахъ, и ярко выставляли безобразіе бронзовыхъ цѣпочекъ и брошекъ, пріобрѣтенныхъ моею теткой изъ собственной казны.

Мать моя лишь изрѣдка пріѣзжала съ отцомъ въ Москву. Вѣчная грусть Вѣры Васильевны возбудила въ ней самое горячее сочувствіе, и онѣ начали сближаться понемногу, но только общее несчастіе сблизило ихъ наконецъ на вѣкъ. Разъ бабушка получила нѣсколько строкъ, написанныхъ дрожащею рукой моей матери. Она увѣдомляла семейство, что отецъ мой опасно занемогъ. Марья Андреевна со дочерьми собрались немедленно въ дорогу. Въ продолженіе суточной ѣзды, онѣ не разъ сбивались съ пути, и наконецъ, въ темную декабрьскую ночь, доѣхали до мѣста. Имъ отворилъ дверь старый дворецкій, и на ихъ вопросъ: „Что у васъ дѣлается, Левонъ?“ отвѣчалъ утирая слезы рукавомъ:

— Еще живъ.

Не стану описывать страшныхъ сценъ, которыя ихъ встрѣтили. Надежда Васильевна не дожидалась конца. „Я здѣсь сама разнемогусь,“ сказала она, „и только всѣхъ свяжу,“ — и уѣхала къ праздникамъ обратно въ Москву.

А мой отецъ скончался черезъ нѣсколько дней на рукахъ неутѣшной жены, въ томъ самомъ Толычовскомъ домѣ, гдѣ они играли, бывши дѣтьми, въ *жениха и невѣсту*, и завѣщалъ моей бѣдной матери вѣчное горе, вѣчныя слезы и вѣчный трауръ...

Горе образуетъ самую прочную связь между людьми: бабушка, лишившись любимаго сына, поняла что въ сердцѣ моей матери она найдетъ отголосокъ своему страданію, и нѣжно привязалась къ ней съ этой роковой минуты. Что касается до Вѣры Васильевны, то она поселилась у насъ безвыѣздно на цѣлый годъ, и нажила себѣ въ моей матери, по

ея же выраженію, новое горе, то-есть новую, горячую привязанность. Съ тѣхъ поръ она гащивала у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Москвѣ; часто ѣзжала съ нами въ деревню, и проводила, бывало, цѣлыя ночи въ долгихъ бесѣдахъ съ моею матерью.

Еслибъ я писала романъ, то приняла бы заранѣе обязанность объяснить читателю малѣйшія дѣйствія моихъ героевъ; но я пишу исторію и передаю факты не всегда ясные для меня самой. Привязался къ моей матери и Левъ Васильевичъ, и привязался до такой степени, что ея слово было для него закономъ. Онъ не былъ влюбленъ въ нее; влюбиться онъ не могъ въ женщину разбитую горемъ, которая съ ужасомъ приняла бы малѣйшее слово любви. Къ тому же онъ понималъ любовь по своему, и предавался, не стѣсняясь ничѣмъ, своимъ грубымъ влеченіямъ. Эта странная привязанность осталась, до сихъ поръ, загадкой для всѣхъ. Мать моя сама не могла объяснить ее, и была увѣрена, что въ иныя минуты Левъ Васильевичъ глубоко ненавидѣлъ ее, потому что ни отъ кого не слыхалъ онъ такихъ горькихъ истинъ какъ отъ нея. Но что бы ни происходило тогда въ его душѣ, эти истины онъ выслушивалъ однако молча, какъ школьникъ, который не смѣетъ возражать. Была ли у него никѣмъ не разгаданная задняя мысль? Покорялся ли онъ невольно превосходству моей матери?—этого я не знаю, но только всѣ въ семействѣ обыкновенно обращались къ ней какъ скоро надо было добиться чего-нибудь отъ Льва Васильевича, и она все улаживала. Когда онъ бросилъ жену и дѣтей, объявивъ, что не оставитъ имъ и *выѣденной скорлупы*, мать моя потребовала и добилась отъ него, чтобъ онъ предоставилъ имъ единственную остававшуюся у него тогда собственность, домъ въ Москвѣ. Не было примѣра, чтобъ ея слова оказались безсильными надъ нимъ. Онъ присутствовалъ при ея кончинѣ, и какъ только она испустила послѣдній вздохъ, онъ схватилъ себя за голову, и громко зарыдалъ.

Я была еще ребенкомъ, когда раззорили старый домъ, въ которомъ помѣщалось семейство; но онъ мнѣ очень памятенъ. Его пощадили Французы въ двѣнадцатомъ году. Широко раскинулся онъ въ глубь двора, и хранилъ вѣроятно воспоминанія о многихъ тайнахъ, унесенныхъ въ могилу. Я помню темный, длинный, каменный корри-

доръ, по которому я не смѣла ходить вечеромъ, ниши, куда мы любили прятаться, и рядъ высокихъ большихъ комнатъ. Моего отца уже не было на свѣтѣ, Левъ Васильевичъ жилъ отдѣльно съ женой, а Борисъ Васильевичъ былъ въ полку, когда я зазнала старый домъ, такъ что въ моемъ воспоминаніи остались только образы моей бабушки и двухъ тетокъ бродившихъ, будто тѣни, среди опустѣлыхъ стѣнъ. Иныя комнаты были заперты; ихъ отворяла иногда по нашей просьбѣ Вѣра Васильевна, и на нашъ неловкій вопросъ: „кто жилъ въ этой комнатѣ? Отчего она заперта?"—отвѣчала съ глубокимъ вздохомъ: „Нѣтъ уже на свѣтѣ того, кто въ ней жилъ. Теперь она лишняя." Изломанная мебель, запыленныя бумаги и книги лежали въ безпорядкѣ по угламъ, и паукъ развѣшивалъ спокойно свою ткань.

Когда мы потеряли мою бѣдную мать, близкая намъ богатая родственница пожелала, чтобъ я и мои три сестры поселились у нея, а братъ мой, четырнадцатилѣтній мальчикъ, поступилъ къ профессору, который взялся приготовить его къ университету.

Объ этой эпохѣ нашей жизни я говорить не стану: есть въ сердцѣ болѣзненныя струны, до которыхъ боишься дотронуться. Къ тому же я не для того взялась за перо, чтобы говорить о себѣ. Мнѣ только не хотѣлось потерять нить разказа.

Черезъ четыре года, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я умалчиваю, я переселилась къ моей бабушкѣ съ старшею сестрой. Горько плакали мы, разставаясь съ меньшими сестрами; онѣ остались до женитьбы брата въ раззолоченныхъ палатахъ, мимо которыхъ никто изъ насъ не проходитъ до сихъ поръ, и не пройдетъ никогда, безъ замиранія сердца....

(До слѣд. №).

ТОЛЫЧЕВА.

О ТОРГОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ
СРЕДНЕЙ АЗІИ
ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ.

Къ южнымъ предѣламъ Оренбургскаго края и западной Сибири прилегаетъ страна, которая къ западу граничитъ съ Каспійскимъ моремъ, а съ южной и восточной сторонъ замыкается снѣжными хребтами Гималайской горной системы. Хребты ея, всюду едва проходимые, понижаются однако на сѣверо-восточной и юго-западной оконечностяхъ горной цѣпи. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, между Каспійскимъ моремъ и Афганистаномъ, открывается свободный проходъ караванамъ, но хищническими набѣгами Туркменъ на эту дорогу сообщеніе по ней затруднено. Самыя большія громады горъ сложились на юго-восточной сторонѣ описываемой нами мѣстности. Оттуда опадаютъ онѣ постепенно, придавая всей площади, заключающейся въ сказанныхъ предѣлахъ и именуемой Среднею Азіей, общій склонъ съ юго-востока на сѣверо-западъ. Оттого вся восточная половина этой площади возвышеннѣе западной, опускающейся, у береговъ Каспійскаго моря, даже ниже уровня океана.

Горы окаймляющія среднеазійскую площадь съ восточной стороны имѣютъ склонъ крутой и даютъ начало только небольшимъ потокамъ; съ горнаго же узла, подымающагося въ юго-восточномъ углу этой котловины, тянется далеко въ степь рядъ горныхъ отроговъ, а между ними протекаютъ воды двухъ обширныхъ рѣчныхъ системъ: Аму и Сыръ-Дарьи, орошающія далекое пространство земли плодородной и изобильной всякими дарами природы. Это богатое предгорье простирается съ востока на западъ примѣрно на 600 верстъ и на столько же съ юга на сѣверъ, между 36 и 42 градусами широты, и пользуется потому климатомъ самымъ благорастворенымъ. Оно раздѣляется между разными независимыми владѣніями, изъ которыхъ извѣстнѣйшія: ханства Бухарское, Коканское и Хивинское.

Къ сѣверу отъ нихъ стелется необозримая равнина, обитаемая Киргизъ-Кайсаками, изъ коихъ бо́льшая часть поступила въ подданство Россіи.

Начиная отъ лѣваго берега Аму-Дарьи до Каспійскаго моря и границъ Персіи, степная мѣстность занята кочевьями туркменскихъ племенъ, не признающихъ ничьего владычества, но на которыя предъявляютъ права верховной власти то шахъ персидскій, то ханъ хивинскій.

Къ южному склону Гималайскаго хребта и его продолженія, горы Элбруса, у сѣвернаго подножья коихъ беретъ начало среднеазійская площадь, прилегаютъ Персія, Афганистанъ и Индія, а къ восточной сторонѣ хребтовъ Болоръ, Тань-шанъ и Алатау прикрывающихъ среднеазійскую котловину, съ востока примыкаютъ владѣнія Китайской имперіи, Малая Бухарія и китайскій Туркестанъ.

Туркменъ и Киргизъ-Кайсаковъ считается въ Средней Азіи до трехъ милліоновъ, а осѣдлыхъ жителей болѣе пяти милліоновъ, изъ коихъ въ ханствѣ Хивинскомъ до 400 тысячъ, Бухарскомъ $2^1/_2$ милл. и въ Коканскомъ отъ 2 до $2^1/_2$ милл. душъ. Сношенія жителей Средней Азіи съ сосѣдями за противоположными склонами горъ, крайне ограничены какъ по причинѣ непроходимости путей, такъ и по однородности произведеній этихъ странъ.

Изъ китайскихъ владѣній привозится, съ одной стороны черезъ Кульджу и Чугучакъ, а съ другой черезъ Каш-

гаръ, преимущественно чай, потребленіе котораго значительно распространилось въ Средней Азіи, а также небольшое количество китайской фарфоровой посуды. Въ прежнее время доставлялось этимъ путемъ и серебро въ ямбахъ, или слиткахъ.

Изъ Индіи привозятся сахаръ, индиго, бумажныя ткани, въ весьма ограниченномъ количествѣ, и шали кашемирскія, а изъ Персіи, сверхъ небольшаго количества европейскихъ товаровъ, невольники изъ Персіянъ захваченные въ плѣнъ Туркменами.

Несравненно болѣе значительна внутренняя торговля средне-азіятскихъ народовъ, а также ихъ сношенія съ Россіею.

Киргизы и Туркмены занимаются исключительно скотоводствомъ, и на произведенія своихъ стадъ вымѣниваютъ хлѣбъ и всякія нужныя имъ издѣлія у осѣдлыхъ жителей какъ сосѣдней Россіи, такъ и Кокана, Бухары и Хивы. Эти же послѣдніе, по малоземелью или скорѣе по цѣнности поливныхъ своихъ земель, скота держатъ мало, а потому въ немъ нуждаются.

Азіятцы издавна снабжаются изъ Россіи желѣзомъ, мѣдью и разными металлическими издѣліями.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда сокровища награбленныя Надиръ-шахомъ разошлись по Азіи, то за русскіе товары уплачивалось преимущественно золотомъ и серебромъ; въ послѣдствіи же, по мѣрѣ того какъ страны къ востоку отъ Волги и Сибири стали заселяться, употребленіе бумажныхъ тканей бухарскихъ и хивинскихъ до того распространилось въ этихъ мѣстахъ, что произведеній Россіи стало уже недостаточно для ихъ пріобрѣтенія, а потому вмѣстѣ съ ними стало вывозиться въ государства средней Азіи не малое количество драгоцѣнныхъ металловъ, частью перечеканиваемыхъ въ мѣстныя монеты, частью же обращаемыхъ на уплату за товары привозимые изъ Индіи и Персіи, которыя вовсе не нуждаются въ произведеніяхъ Хивы и Бухары.

Золота добывается въ ханствахъ Бухарскомъ и Коканскомъ такъ мало, а изъ Кашгара привозъ серебра такъ ничтоженъ, что жители средне-азійскихъ государствъ вынуждены обращаться въ Россію за нужными имъ драгоцѣнными металлами. Поэтому, сколько бы ни процвѣтала торговля Россіи съ Среднею Азіею, золото и серебро по

необходимости должны составлять одну изъ статей отпуска нашего въ эти страны.

Съ того времени какъ въ Россіи стала развиваться мануфактурная промышленность, торговые интересы ея измѣнились. Она начала искать сбыта издѣліямъ своихъ фабрикъ, и хотя Россія не въ состояніи состязаться съ издѣліями западной Европы, но можетъ разчитывать на превосходство своихъ произведеній надъ однородными азіятскими товарами, а рынки Средней Азіи, недоступной европейскимъ товарамъ, должны представить тѣмъ болѣе обезпеченный сбытъ издѣліямъ русскихъ фабрикъ, что одна только Россія нуждается въ ихъ произведеніяхъ.

Безплодная степь, шириною въ 1.500 верстъ, отдѣляетъ заселенныя мѣстности Оренбургскаго края отъ Бухары. Здѣсь родятся хлопчатая бумага, фрукты южныхъ странъ, виноградъ, рисъ, марена и производится въ изобиліи шелкъ, а тамъ даже яблоки не созрѣваютъ, но за то тамъ изобиліе въ хлѣбѣ и металлахъ, что даетъ жителямъ средство получать съ запада всякія мануфактурныя издѣлія. Наконецъ, скупая у Киргизовъ кочующихъ по степи скотъ, кожи, шерсть и пушной товаръ, Россія даетъ этому кочевому народу возможность на вырученныя за эти предметы деньги пріобрѣтать бухарскіе и хивинскіе товары.

Такимъ образомъ представляется, съ одной стороны, до 5 милліоновъ жителей занимающихъ, между 42° и 36° сѣверной широты, пространства до 360 тысячъ квадратныхъ верстъ съ земледѣльческою производительностью напоминающею южную Италію [1], а съ другой стороны обширный край съ климатомъ и производительностью Швеціи.

---

[1] Климатъ въ городѣ Бухарѣ, состоящемъ подъ 39½ градусомъ широты, т. е. подъ одною широтою съ южною оконечностью Неаполитанскаго королевства, принадлежитъ къ числу крайнихъ. Термометръ въ январѣ спускается иногда до 18°; рѣка Аму, въ 50 верстахъ къ югу отъ Бухары, на нѣсколько недѣль покрывается льдомъ, а лѣто нестерпимо жарко. Оттого годовалыя растенія, даже тѣ, которыя требуютъ самаго большаго зноя, поспѣваютъ хорошо, а долголѣтнія, не терпящія холода, какъ напримѣръ, оливковыя и лимонныя деревья не выдерживаютъ тамошней стужи. Мѣстный хлопчатникъ родится хорошо и даже американскій хлопчатникъ доставляетъ въ Бухарѣ волокно отличное, но судя по опытамъ произведеннымъ въ Закавказскомъ краѣ, должно полагать, что урожай отъ него въ Азіи несравненно менѣе обиленъ чѣмъ въ Америкѣ, потому что при краткости лѣта не всѣ почки успѣваютъ созрѣвать. Въ южныхъ,

За-Уральская Россія велика и способна потреблять всякія произведенія юга и снабжать среднеазійскія государства тѣмъ чего у нихъ не достаетъ. Какъ Бухара, такъ и восточная Россія далеко отстоятъ отъ всякихъ другихъ народовъ и произведеніямъ ихъ нечего опасаться состязанія съ чужими.

Между двухъ этихъ крайнихъ областей лежитъ не море, но обширная равнина, обитаемая тремя милліонами людей, готовыхъ быть посредниками въ размѣнѣ товаровъ между своими сосѣдями, тѣмъ болѣе что въ эту торговлю они вводятъ еще новый элементъ: произведенія своего обширнаго скотоводства, охотно покупаемыя какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ.

Разсмотримъ теперь въ какомъ положеніи, послѣ полуторасталѣтняго существованія, находится торговля Россіи съ Среднею Азіею.

По таможеннымъ вѣдомостямъ, за линіи Оренбургскую и Сибирскую вывезено товаровъ:

въ 1835	году	на	1.850.000	руб.
— 1845	—	—	2.000.000	—
— 1855	—	—	2.580.000	—
— 1860	—	—	4.900.000	—

Привезено же оттуда въ Россію:

въ 1835	году	на	2.400.000	руб.
— 1845	—	—	2.520.000	—
— 1855	—	—	4.179.000	—
— 1860	—	—	8.000.000	—

Отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ привоза и отпуска отнесено, по показаніямъ таможенъ, на Киргизскую степь; изъ остальной суммы, въ прежнее время, одна половина приходилась на долю Бухары, а другая на Коканъ и Хиву. Нынѣ же перевѣсъ Бухары и по отпуску, и по привозу становится болѣе явственнымъ, по причинѣ смутъ въ Коканѣ и въ Хивѣ, за-

---

напримѣръ, областяхъ Соединенныхъ Штатовъ Америки уборка постепенно созрѣвающихъ почекъ хлопчатника продолжается съ сентября по январь; въ Бухарскомъ же ханствѣ, какъ и за Кавказомъ, уборка должна быть остановлена гораздо ранѣе, по причинѣ рано наступающихъ морозовъ, отчего часть почекъ пропадаетъ. Туземный бухарскій хлопчатникъ поспѣваетъ скорѣе, но именно это свойство причиною, можетъ-быть, грубости его короткихъ волоконъ.

ставляющихъ эти страны снабжаться русскими товарами черезъ посредство бухарскихъ купцовъ.

До нынѣшняго времени бумажныя издѣлія составляли, по цѣнности, менѣе половины отпущенныхъ товаровъ; въ 1860 же году перешли они за эту норму. Ихъ отпущено на 2 мил. 667 тыс. рублей, изъ которыхъ 1 м. 650 т. отправлены собственно въ Киргизскую степь и 826 т. въ Бухару. Количество бумажныхъ товаровъ отпущенныхъ въ Киргизскую степь оставалось, до новѣйшаго времени, неизмѣннымъ и въ отношеніи къ общей цифрѣ товаровъ вывезенныхъ въ среднюю Азію, и въ отношеніи къ цифрѣ товаровъ вывезенныхъ собственно въ степь, то-есть оно составляло не многимъ менѣе 50%; относительно же Бухары замѣтно быстрое возвышеніе отпускаемыхъ туда бумажныхъ издѣлій, съ суммы 154 т. въ 1855 году до 826 т. въ 1860 году, но такъ какъ приращеніе это совпадаетъ съ значительнымъ уменьшеніемъ отпуска въ Коканъ и Хиву, то должно полагать что часть отправленныхъ въ Бухару товаровъ перешла потомъ въ сосѣднія владѣнія.

Остальные предметы отпуска въ Среднюю Азію распредѣляются, по значительности суммы, въ слѣдующемъ порядкѣ: юфть въ 1860 году на 400 т., хлѣбъ на 300 т., сукно на 227 т., металлическія издѣлія на 200 т., сахаръ въ головахъ на 90 т., желѣзо на 70 т., кожи выдѣланныя на 37 т., краски на 65 т., мѣдь на 58 т., сундучный товаръ на 25 т. Затѣмъ слѣдуютъ издѣлія шелковыя, шерстяныя и другія.

Въ отношеніи къ общей суммѣ вывоза, цифра всѣхъ этихъ статей отпуска, въ теченіи тридцати лѣтъ, осталась почти неизмѣнною. Изъ нихъ хлѣбъ покупается исключительно Киргизами, у которыхъ расходится также бо́льшая часть юфти, равно много сукна и около половины всѣхъ металлическихъ издѣлій; остальныхъ же предметовъ вывоза Киргизы мало спрашиваютъ.

Болѣе любопытное явленіе представляетъ привозная торговля. Съ 1835 по 1860 годъ, цѣнность ея увеличилась на 333%, тогда какъ отпускъ, въ это время, усилился только на 260%. Притомъ относительныя цифры привозныхъ статей совершенно измѣнились.

Это усматривается изъ слѣдующихъ данныхъ:

Цѣнность бумажныхъ издѣлій привезенныхъ изъ Средней

Азіи въ Россію составляла въ 1835 году $3^{6}/_{10}$, а въ 1845 году $^{1}/_{4}$ часть общаго привоза; въ 1855 же году только $^{1}/_{10}$, а въ 1860 менѣе $^{1}/_{12}$ части, хотя товара этого получено въ 1860 году 32% болѣе противъ 1835 года, то-есть въ 1860 году на 654 тысячи, а въ 1835 на 495 тысячъ рублей.

Шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій никогда не было въ привозѣ значительнаго количества. Послѣднія состоятъ преимущественно изъ киргизской армячины, коей доставлено въ 1860 году на 62 тыс. рублей; всего же шерстяныхъ, шелковыхъ и полушелковыхъ тканей было въ привозѣ въ 1835 году на 35 тыс., а въ 1860 на 135 тыс. руб.

Главное приращеніе привоза заключалось въ произведеніяхъ скотоводства, доставляемыхъ исключительно кочевыми Киргизами и въ хлопчатой бумагѣ привозимой изъ Бухары.

Скота, особенно барановъ, пригнано на линію: въ 1835 году на 850 т., въ 1845 на 830 т., въ 1855 на 1 милл. 600 т., а въ 1860 на 3 милл. 644 т. руб. Кожъ сырыхъ въ 1835 году привезено на 38 т., а въ 1860 на 750 т. руб.; шерсти въ 1835 году 5197 пуд. на 7000 руб., а въ 1860—49.550 пуд. на 86 т. руб. Слѣдовательно цѣнность произведеній скотоводства, относительно общей суммы привоза, поднялась съ 37% до 60%. Къ статьѣ этой можно также отнести и мерлушки, и разныя звѣриныя шкуры доставляемыя какъ Киргизами, такъ и изъ Бухары и Кокана. Цѣнность этой статьи дошла въ 1835 году до 300 т., а въ 1860—до 740 т. рублей; относительно же общей суммы привоза составляла она за 25 лѣтъ 12%, а нынѣ около 9%.

Съ 1835 по 1860 годъ привозъ хлопчатой бумаги поднялся съ 11.929 пудовъ до 174.059, а пряжа бумажная упала съ 26.938 пудъ на 5247. Марены, которой въ 1835 году вовсе не было въ привозѣ, доставлено въ 1860 году 24.523 пуда.

Привозъ фруктовъ въ 25 лѣтъ почти удесятерился и съ 22 т. рублей поднялся въ 1855 году до 239 т., а въ 1860—до 190 т. руб.

Рису привозится понынѣ весьма мало.

Совершенно новою статьею явился шелкъ-сырецъ, коего въ 1860 году привезено изъ Бухары 799 пудовъ, и чай байховый и кирпичный приходящій, съ открытіемъ русскихъ факторій въ Кульджѣ и Чугучакѣ, изъ китайскаго

Туркестана. Черезъ Киргизскую степь привезено чая въ 1855 году на 450 т., а въ 1860 году на 185 т. руб.

Изъ всего этого видно, что торговля съ Среднею Азіею развивается правильно и принимаетъ оборотъ, въ томъ отношеніи особенно выгодный для Россіи, что сбытъ туда мануфактурныхъ нашихъ товаровъ усиливается, тогда какъ мы оттуда запасаемся разными сырыми произведеніями.

Очень поразительно однако, что цѣнность привоза далеко превышаетъ стоимость отпускныхъ товаровъ и что перевѣсъ въ пользу привоза постоянно увеличивается. Но имѣя въ виду невѣжество, грубость и нищету народовъ Средней Азіи, не исключая Бухарцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ сношенія съ Индіей, Персіей и Китаемъ, отъ которыхъ, какъ выше замѣчено, они получаютъ индиго, разныя ткани индійскія и европейскія и чай, за что, по неимѣнію никакихъ произведеній нужныхъ южнымъ ихъ сосѣдямъ, должны платить звонкою монетою, которую можетъ доставлять имъ одна Россія, нельзя удивляться выходу монеты отъ насъ.

Улучшеніе торговаго баланса даже не предвидится, хотя бы обороты торговые значительно увеличились, потому что въ просвѣщенныхъ государствахъ потребности народа растутъ соразмѣрно его средствамъ; а чѣмъ онъ грубѣе, тѣмъ болѣе нужно времени для развитія этихъ потребностей и приведенія ихъ въ уровень съ средствами пріобрѣтенія. Слѣдовательно, въ то время когда произведенія скотоводства кочевыхъ народовъ получаютъ съ каждымъ годомъ большее значеніе для Россіи, возрастающее по мѣрѣ того какъ дорожаютъ у насъ пастбища, въ то время, когда, по случаю американскаго кризиса, надобность въ бухарской бумагѣ безпредѣльна, и русскія фабрики могли бы съ пользою употреблять шелкъ и марену среднеазійскіе, даже рисъ и фрукты могутъ получать въ Сибири значительный сбытъ. Страна производящая всѣ эти предметы, обогащающаяся усиленнымъ ихъ сбытомъ, не имѣетъ еще надобности въ тѣхъ товарахъ, которые Россія могла бы ей доставлять въ замѣнъ ея произведеній. Слѣдовательно Россіи, чтобы сбыть свои издѣлія въ Азію, недостаточно дать Азіятцамъ средства къ ихъ пріобрѣтенію; нужно возбудить въ нихъ самую потребность въ товарахъ рус-

скихъ, нужно ихъ воспитывать и въ этомъ главнѣйше заключается задача Россіи.

Устранивъ однако вопросъ о бухарской хлопчатой бумагѣ, въ которой настоятельная надобность быть-можетъ, только временная, нельзя не признать, что Хива, Бухара и Коканъ, въ торговомъ отношеніи, несравненно болѣе зависитъ отъ Россіи чѣмъ Россія отъ нихъ. Имъ не откуда получать желѣзо, мѣдь, золото, разныя издѣлія металлическія и деревянныя, юфть и красильныя вещества.

Безъ русскаго золота или иныхъ русскихъ товаровъ, имъ нечѣмъ уплачивать за чай, сахаръ, индиго получаемыя изъ Китая и Индіи. Россія же имѣетъ надобность лишь въ баранахъ, въ кожахъ и шерсти, произведеніяхъ киргизскихъ степей подвластныхъ имперіи, и имъ сбываетъ она бо́льшую часть товаровъ отправляемыхъ отъ насъ въ Среднюю Азію.

Бухарскій рынокъ не представляется необходимымъ и до сихъ не имѣетъ первостепенной важности.

Въ виду такой зависимости среднеазійскихъ ханствъ отъ Россіи, правительство наше всегда властно покорить ихъ своей волѣ, угрожая имъ прекращеніемъ торговыхъ съ ними сношеній; но нельзя не замѣтить, что всякая остановка въ торговлѣ сопряжена съ потерею для русскихъ промышленниковъ. Оттого подобное мирное средство можетъ быть гораздо тягостнѣе для государства чѣмъ даже употребленіе военной силы.

Что касается въ особенности киргизъ-кайсакскихъ кочевьевъ, то степень ихъ производительности, благосостоянія и способности къ пріобрѣтенію русскихъ товаровъ зависятъ преимущественно отъ того, все ли спокойно въ степи и ограждены ли ея жители отъ грабительства Хивинцевъ и Коканцевъ, а этого достигнуть нельзя безъ употребленія военной силы и безъ устройства большаго числа передовыхъ укрѣпленій.

Быстрое развитіе нашихъ торговыхъ сношеній съ Киргизами было послѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ ихъ защитѣ въ новѣйшее время.

Какъ бы однако ни была велика польза отъ подобныхъ мѣръ, до сихъ поръ принятыхъ, онѣ не достаточны для полнаго успокоенія Киргизовъ, сколько потому, что между оконченными постами Сибирской и Оренбургской ли-

ній остается еще незанятымъ пространство въ 400 верстъ, черезъ которое Ташкентцы и Коканцы свободно врываются въ степь грабить Киргизовъ, столько и оттого что лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, на которомъ находятся лучшія поемныя мѣста и гдѣ нѣкогда были пашни и поливныя поля Киргизовъ, нынѣ, изъ опасенія непріятельскихъ набѣговъ, совершенно покинуты. Чѣмъ больше будетъ довольство Киргизовъ, тѣмъ болѣе разовьется наша съ ними торговля. Слѣдовательно правительство, въ интересахъ самихъ Киргизовъ, которыхъ оно приняло въ свое подданство и съ которыми уже производятся нынѣ торговые обороты слишкомъ на 8 милліоновъ руб. въ годъ, вынуждено еще далѣе идти по избранному имъ пути.

Что касается жителей независимыхъ владѣній Средней Азіи, относительно которыхъ правительство наше не приняло на себя никакихъ обязательствъ, то разчитывая на то что они имѣютъ надобность во многихъ произведеніяхъ Россіи и что потому торговля наша съ ними не только не можетъ прекратиться, но вѣроятно не остановится на нынѣшнемъ оборотѣ въ 5 милліоновъ рублей, а напротивъ будетъ постепенно, хотя и медленно, усиливаться,—правительство могло бы, по отношенію къ нимъ, держаться системы выжидательной.

Но система эта, въ виду настоящаго огромнаго спроса на хлопчатую бумагу, оказывается совершенно несостоятельною.

Жизнь народовъ, особенно народовъ образованныхъ, сложилась такъ, что бо́льшая часть ихъ потребностей не принадлежитъ къ числу необходимыхъ. Но и произвольныя потребности имѣютъ право на удовлетвореніе; поэтому, хотя бы Россія и могла обойдтись безъ бухарскихъ произведеній, хотя бы русскія фабрики и не погибли еслибы прекратился сбытъ издѣлій ихъ въ Бухару, однако имѣя въ виду, что торговля этими товарами издавна существуетъ, мы не можемъ не признать ея полезною для народнаго хозяйства.

Издѣлія русскихъ фабрикъ дешевизною не могутъ состязаться съ издѣліями западной Европы, и вытѣсняются ими со всѣхъ рынковъ, гдѣ съ ними встрѣчаются. Даже на южномъ прибрежьѣ Персіи, сообщенія котораго съ Россіею столько же удобны сколько сообщенія Персіи съ западною

Европою затруднительны, одни только громоздкіе товары русскіе обезпечены въ своемъ сбытѣ.

Съ открытіемъ портовъ Китая для всѣхъ европейскихъ державъ можно опасаться, что и въ Китаѣ прекратится продажа русскихъ издѣлій, за которыми послѣ того останется одинъ только рынокъ Средней Азіи замкнутый со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной.

Въ однихъ почти съ нимъ условіяхъ находятся рынки сосѣдняго китайскаго Туркестана и такъ-называемой Малой Бухаріи, отрѣзанные также отъ всего міра и имѣющіе къ востоку сообщенія лишь съ дальними китайскими областями, а къ западу съ Россіею и Коканомъ.

По трактату заключенному въ 1851 году съ Китаемъ, русскіе купцы имѣютъ право ѣздить въ два города китайскаго Туркестана, Кульджу и Чугучакъ; но города эти лежатъ въ странѣ мало населенной и считаются только сторожевыми военными постами Китайской имперіи. По этому они, подобно слободѣ Маймаченъ въ Монголіи, служатъ лишь транзитными мѣстами для китайскаго чая, но самостоятельной торговли въ нихъ почти нѣтъ.

Къ югу отъ Кульджи, отдѣленная отъ китайскаго Туркестана хребтомъ горъ Тянь-Шань, находится Малая Бухарія, составляющая углубленный долъ, окруженный съ трехъ сторонъ снѣжными, трудно проходимыми горами, и открытый только къ востоку, гдѣ онъ соединяется съ безплодною степью Гоби. Съ горъ стекаетъ множество рѣчекъ сливающихся въ русло рѣки Тарымъ, текущей къ Гоби и обозначающей общій склонъ мало-бухарской долины съ запада на востокъ.

По подножью горъ, вдоль падающихъ съ нихъ потоковъ, тянется кольцеобразною полосой населеніе Малой Бухаріи, гдѣ, при крайней сухости воздуха, ничего не ростетъ безъ поливки. Климатъ и произведенія этой страны почти однородны съ климатомъ Бухарскаго ханства и Кокана, по чему и они между собою размѣниваются не произведеніями собсттвенной земли и промышленности, а чужими, то-есть съ одной стороны китайскимъ чаемъ, съ другой—издѣліями Россіи и Индіи.

Русскіе товары могутъ быть привозимы въ Малую Бухарію двумя путями: сѣвернымъ изъ Кульджи въ Аксу и западнымъ изъ Кокана въ Кашгаръ. Оба пути пролегаютъ

чрезъ снѣговые хребты; но по первому, какъ увѣряютъ могутъ проходить верблюды, а по второму только вьючныя лошади, подымающія не болѣе восьми пудовъ клади. Ихъ проходитъ этою дорогой до 3.500 въ годъ.

Дорога въ Кульджу менѣе оживлена торговыми караванами чѣмъ коканская, которая ведетъ въ страну сродную Малой Бухаріи, по происхожденію, по вѣрѣ, и по историческимъ воспоминаніямъ, тогда какъ Кульджа служитъ мѣстопребываніемъ для ненавистныхъ мусульманамъ китайскихъ властей. Караваны изъ Кокана въ Кашгаръ бываютъ восьмнадцать дней въ пути, слѣдовательно разстоянія должно быть до 400 верстъ. Изъ Кульджи до Аксу считается 600 верстъ, а отъ Аксу до Пекина караваны ходятъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 мѣсяцевъ.

Съ 1825 года начались возстанія жителей Малой Бухаріи, исповѣдывающихъ вѣру мусульманскую, противъ китайскаго богдыхана. Въ этихъ возстаніяхъ они постоянно были поддерживаемы коканскими ханами.

Эти нескончаемыя войны совершенно опустошили край, нѣкогда густо населенный, съ богатыми городами, Еркендомъ, Кашгаромъ, Аксу; онъ могъ бы служить рынкомъ для русскихъ тканей и металлическихъ издѣлій, за которыя Малая Бухарія платила бы чаемъ получаемымъ изъ Китая.

Такимъ образомъ рынокъ среднеазійскій къ востоку еще способенъ расшириться за перевалъ Небесныхъ горъ; но для этого, между прочимъ, нужно, чтобы русскимъ купцамъ разрѣшено было отправляться въ Малую Бухарію, что понынѣ считается запрещеннымъ.

Нынѣ, какъ сказано выше, сбывается въ Средней Азіи русскихъ товаровъ не болѣе какъ на 5 милл. руб., а за исключеніемъ Киргизской степи—на 2 милл. Сумма эта, безъ сомнѣнія, весьма незначительна, но имѣя въ виду, что могущественная Великобританія, торговля которой обнимаетъ весь земной шаръ, не пренебрегаетъ ни малѣйшимъ уголкомъ, куда могли бы проникать ея товары, и не жалѣетъ никакихъ расходовъ и усилій для открытія новыхъ рынковъ издѣліямъ своихъ фабрикъ, нельзя Россіи не обратить вниманія на эту почти единственную страну, которая еще принимаетъ ея мануфактурные товары, тѣмъ болѣе что сбытъ ихъ тамъ постоянно усиливается.

До какой цифры могъ бы дойдти сбытъ нашихъ товаровъ въ Средней Азіи, опредѣлить, разумѣется, невозможно; замѣтимъ только то, что въ Персію, которая имѣетъ около пяти милліоновъ жителей, привозится, путемъ Чернаго моря, черезъ Трапезундъ и Эрзерумъ, европейскихъ издѣлій на 4—5 милліоновъ рублей въ годъ, въ то время какъ туда же выходитъ изъ Россіи разныхъ товаровъ милліона на $1^1/_2$, и изъ Индіи, черезъ Персидскій заливъ, также доставляется не малое количество грузовъ. Притомъ, двѣ трети всѣхъ товаровъ привозимыхъ изъ западной Европы въ Персію заключаются въ бумажныхъ издѣліяхъ, несмотря на то что во всѣхъ частяхъ Персіи производится хлопчатая бумага и повсюду занимаются тканьемъ разныхъ бумажныхъ матерій.

Примѣръ этотъ служитъ указаніемъ до чего могла бы развиться торговля наша съ Среднею Азіей, тѣмъ болѣе что Россія представляя обширный рынокъ произведеніямъ Бухары, Кокана, Хивы, сама даетъ имъ средства къ пріобрѣтенію ея товаровъ, тогда какъ изъ персидскихъ произведеній отправляется въ Европу только шелкъ, и Персія поэтому часто затрудняется въ уплатѣ за товары получаемые ею изъ Европы. Ее выручаетъ россійское золото.

Къ нашей невыгодѣ, даже Бухарцы, самые образованные изъ среднеазійскихъ народовъ, несравненно грубѣе Персіянъ; они никакой роскоши не знаютъ, и не мало пройдетъ времени, пока потребности ихъ увеличатся; поэтому на такое значительное потребленіе европейскихъ издѣлій, какъ въ Персіи, съ перваго раза разчитывать нельзя. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что промышленность въ Персіи несравненно болѣе развита чѣмъ въ Бухарѣ, что произведенія, ея разнообразнѣе, и что поэтому она сама въ состояніи удовлетворять большему числу своихъ потребностей чѣмъ государства Средней Азіи.

Наконецъ, не менѣе $^3/_5$ всего населенія среднеазійской котловины состоитъ изъ кочевыхъ племенъ, вынужденныхъ покупать у своихъ сосѣдей все что не можетъ быть доставлено собственными ихъ стадами; а они столь же охотно обратятся за этими покупками въ Россію, какъ въ Хиву или Бухару, только бы мы брали у нихъ скотъ, кожи и шерсть. Равнымъ образомъ Хивинцы и Бухарцы, если будутъ находить болѣе прибыльнымъ сбывать въ Россію

бумагу и шелкъ чѣмъ издѣлія изъ оныхъ, будутъ снабжаться всякими тканями изъ Россіи.

Понятно, что при этихъ условіяхъ торговля наша съ Среднею Азіей могла бы получить большое развитіе; но для этого между прочимъ потребуется, чтобы бумажныя ткани русскія были несравненно плотнѣе нынѣшнихъ, такъ какъ простой народъ обращаетъ болѣе вниманія на прочность чѣмъ на изящность отдѣлки. Но цѣна плотныхъ тканей болѣе всего зависитъ отъ цѣны матеріяла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Поэтому для состязанія русскихъ бумажныхъ тканей съ бухарскими, нужно, чтобы фабрикамъ нашимъ обходилась бумага не многимъ дороже чѣмъ бухарскимъ, а это можетъ быть достигнуто только при пониженіи провозной платы и заведеніи бумагопрядиленъ и ткацкихъ заведеній въ недальнемъ разстояніи отъ бухарской границы.

Изъ Англіи привозится въ Персію преимущественно самый жидкій товаръ, отличающійся только наружнымъ лоскомъ и дешевизною. Онъ имѣетъ значительный сбытъ потому только что Персіяне весьма склонны къ роскоши, и что собственныя ихъ грубыя издѣлія находятъ сбытъ въ нашихъ закавказскихъ владѣніяхъ. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, продажа британскихъ ситцевъ въ Персіи сократилась бы на половину.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что расширеніе торговли Россіи въ Средней Азіи зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ условій: отъ постояннаго сбыта въ Россіи сырыхъ произведеній Средней Азіи, особенно хлопчатой бумаги и предметовъ скотоводства, и отъ водворенія спокойствія, порядка, и благосостоянія въ этихъ странахъ.

Надобность въ сырыхъ произведеніяхъ Азіи должна съ каждымъ годомъ возрастать у насъ, въ особенности на предметы скотоводства будетъ постоянно возвышаться цѣна, и потому нужно заботиться только о томъ, чтобы произведеній этихъ было поболѣе. Что же касается хлопчатой бумаги, то такъ какъ ей приходится выдерживать состязаніе съ бумагою заатлантическою, то сбытъ ея будетъ зависѣть отъ доброты и цѣны.

Значительное количество бумаги изъ Бухары и Хивы, привозимое ежегодно, начиная съ 1855 года, доказываетъ, что бумага эта можетъ быть употребляема на разныя ткани, и

что она до извѣстной степени выдерживаетъ состязаніе съ американскою; но не подлежитъ также сомнѣнію, что при существующихъ понынѣ условіяхъ, бухарская бумага не можетъ вытѣснить американскую, и что сами Бухарцы, при существованіи прежней цѣны на бумагу, едва ли согласились бы значительно усиливать посѣвы хлопчатника.

Въ Бухарѣ и Хивѣ цѣна пуда бумаги бывала всегда отъ 2 до 3 рублей. Мазандеранская (персидская), которая хуже ея, стóитъ на мѣстѣ отъ 3 до $3^1/_2$ руб., а въ портахъ южноамериканскихъ штатовъ цѣна за пудъ бумаги обыкновенно отъ $4^1/_2$ до 5 рублей. Индійская бумага цѣнится въ Англіи на 40% ниже американской, и такая же разница существовала въ Москвѣ между цѣнами американской и бухарской бумаги. Первая продавалась по 7 и до $8^1/_2$ рублей, а послѣдняя отъ 5 до 6 рублей. Нынѣ продается она по 10—12 руб., и вслѣдствіе того утроился, противъ послѣднихъ годовъ, привозъ бухарской бумаги, дошедшій уже до 500.000 пудовъ.

При подобной цѣнѣ землевладѣльцы бухарскіе, безъ сомнѣнія, найдутъ выгоднымъ обратить пашни и огороды свои подъ посѣвы бумаги и продавать весь сборъ не мѣстнымъ фабрикантамъ, а русскимъ прядильщикамъ.

Но, вопервыхъ, подобныя цѣны — случайность; долго поддерживаться онѣ не могутъ, а потому должно опасаться, что съ пониженіемъ ихъ остановится и отпускъ бумаги изъ Средней Азіи. Вовторыхъ, хлопокъ этотъ столь низкой доброты, что до сихъ поръ употреблялся только на вату и на самую грубую пряжу, отъ 12 до 16 нумера. Недавно однако привезено нѣсколько отборныхъ партій, которыя доставили пряжу до № 28. Опытъ этотъ весьма поучителенъ, ибо доказываетъ, что тотъ же родъ коротковолосаго хлопка, надлежащимъ образомъ очищенный отъ сѣменъ и пыли и прессованный такъ чтобы волокна укладывались прямо, не терлись и не мялись дорогою, возвышается въ достоинствѣ на 50%.

Еслибы, поэтому, удалось ввести въ Средней Азіи машину, употребляемую въ Америкѣ для расчистки бумаги, и наблюдать за тѣмъ чтобы бумага укладывалась въ тюки съ помощію гидравлическаго пресса, то бухарская бумага и на будущее время могла бы состязаться на нашихъ рынкахъ съ заморскою. Этихъ же улучшеній едва ли можно ожидать

пока въ Бухарѣ не будетъ учреждена русская факторія, которая сперва бы указала мѣстнымъ производителямъ способъ лучшей обработки бумаги, а потомъ дѣйствовала бы въ качествѣ браковщика, не принимая въ Россію товара, несоотвѣтствующаго требованіямъ русскихъ потребителей.

При подобныхъ улучшеніяхъ хлопчатобумажное производство можетъ вѣроятно удержаться въ Бухарѣ и при менѣе высокихъ цѣнахъ, а что государства Средней Азіи способны по пространству своему снабжать Россію тѣми двумя милліонами пудовъ бумаги, которые она нынѣ выпрядаетъ, въ этомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ съ десятины собирается не менѣе 100 пудовъ не очищенной бумаги, изъ коихъ выходитъ очищенной 25%. Слѣдовательно, для выращенія двухъ милліоновъ пудовъ, потребовалось бы 80 тысячъ десятинъ. По исчисленіямъ же Н. В. Ханыкова, посѣтившаго Бухару въ 1842 году, владѣніе это заключаетъ въ себѣ до 500 квадратныхъ миль, или до 2.000.450 т. десятинъ обработанной земли. По недостатку воды въ Бухарѣ, странѣ густо-населенной, больше этого земли подъ пашни и сады обращено быть не можетъ; но въ хивинскомъ ханствѣ можно бы вывести изъ Аму-Дарьи еще большее число поливныхъ канавъ, еслибы только нашлись рабочія руки, а въ Коканѣ, безъ сомнѣнія, также нѣтъ недостатка въ свободныхъ землѣ и водѣ.

Одно изъ главныхъ затрудненій въ упроченіи и расширеніи сбыта средне-азіятской бумаги въ Россіи, встрѣчается въ цѣнахъ и способахъ перевозки.

Для поднятія двухъ милліоновъ пудовъ бумаги требуется болѣе 100 тысячъ верблюдовъ, такъ какъ на дальнихъ разстояніяхъ на животные эти навьючивается не болѣе 16 до 18 пудовъ; корованы же отъ Бухары до Оренбурга бываютъ въ дорогѣ отъ 2 до 2½ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, принимая въ соображеніе, что въ извѣстное время года дороги отъ зноя или холода становятся непроходимыми, и что поэтому верблюды не могутъ дѣлать болѣе одного оборота въ теченіе цѣлаго года, можно навѣрное сказать, что доставка такого количества груза, при нынѣшнихъ способахъ перевозки, совершенно невозможна.

Притомъ, при занятіи всѣхъ перевозочныхъ средствъ подъ бумагу, остальныя статьи отпуска изъ Средней Азіи

должны бы быть устранены. Но еслибъ и оказалось возможнымъ двинуть эту громаду товаровъ, не возвышая цѣны провоза до баснословныхъ размѣровъ, то спрашивается, чѣмъ будетъ Россія платить Азіятцамъ за ихъ товары, прежде нежели увеличится у нихъ значительно надобность въ нашихъ произведеніяхъ? Еслибы намъ пришлось платить имъ монетою, то провозная плата должна была бы удвоиться по той причинѣ, что вьючный скотъ возвращался бы порожнякомъ. На быстрое же приращеніе въ Средней Азіи надобности въ русскихъ произведеніяхъ только тогда, повторяемъ, можно разчитывать, когда установится тамъ полное спокойствіе и нѣкоторое благоустройство. Поэтому, познакомившись съ настоящимъ положеніемъ торговыхъ сношеній Россіи съ Среднею Азіею и съ видами на будущее, разсмотримъ средства, которыя могли бы привести всего скорѣе къ осуществленію этихъ видовъ.

Средства эти должны имѣть двоакую цѣль, а именно 1) сдѣлать народы Средней Азіи сколь можно болѣе способными производить тѣ предметы, которые нужны Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ потреблять наибольшее количество русскихъ товаровъ, и 2) удешевить перевозку грузовъ между Россіею и среднеазіятскими владѣніями.

Для достиженія первой изъ означенныхъ цѣлей, слѣдуетъ прежде всего установить, по возможности, безопасность и спокойствіе въ сказанныхъ мѣстахъ; но на русскомъ правительствѣ лежатъ неодинаковыя обязанности относительно народовъ признавшихъ верховную его власть и пріобрѣтшихъ вслѣдствіе того право на его защиту, и относительно жителей независимыхъ владѣній, имѣющихъ въ глазахъ Россіи только ту степень значенія, которую придаетъ имъ польза отъ нихъ ожидаемая для имперіи. *Баранты*, или хищническіе набѣги въ предѣлахъ земель занятыхъ русскимъ войскомъ въ Киргизской степи, почти прекратились, но на верховьяхъ Сыръ-Дарьи и по лѣвому берегу этой рѣки, Киргизы все еще терпятъ отъ хищничества Хивинцевъ и Коканцевъ, тѣмъ болѣе что будучи вынуждены запасаться у нихъ хлѣбомъ и разными издѣліями, Киргизы сношеній съ ними прекращать не могутъ.

Для вящаго ихъ огражденія, уже рѣшено приступить къ постройкѣ укрѣпленія на рѣкѣ Джанье-Дарья, южнѣйшемъ рукавѣ рѣки Сыръ, на пути каравановъ изъ Оренбурга въ

Бухару? [1] Этимъ способомъ не только обезопасится этотъ путь на новыя 200 верстъ и будетъ положенъ предѣлъ набѣгамъ Хивинцевъ и Киргизовъ кочующихъ въ долинѣ рѣки Сыръ, но и откроется симъ послѣднимъ обширное пространство поливной земли, годной для хлѣбныхъ посѣвовъ. Чѣмъ болѣе Киргизы, въ этихъ мѣстахъ, сами будутъ производить хлѣба, тѣмъ независимѣе станутъ они отъ Хивинцевъ.

Гораздо болѣе чѣмъ Хивинцами, Киргизы притѣсняются Ташкентцами и Коканцами, а потому устройство нѣсколькихъ укрѣпленій по Сыръ-Дарьѣ, вверхъ отъ послѣдняго русскаго поста, Джулекъ, оказывается необходимымъ. Нынѣ уже существуютъ на Сыръ-Дарьѣ слѣдующія укрѣпленія: Фортъ № 1-й въ 70 верстахъ отъ устья рѣки или отъ Аральскаго моря, гдѣ зимуетъ аральская флотилія и переправляются чрезъ рѣку Сыръ караваны, идущіе изъ Оренбурга въ Бухару. Въ 348 верстахъ вверхъ по рѣкѣ отъ этого форта находится фортъ Перовскій, а между ними фортъ № 2-й, имѣющій мало значенія. У форта Перовскаго, занимающаго мѣсто бывшаго нѣкогда коканскаго укрѣпленія, производилось въ прежнее время значительное хлѣбопашество, которое нынѣ чрезвычайно страдаетъ тѣмъ, что поливаніе пашень изъ рѣки Сыръ затрудняется замѣтнымъ пониженіемъ уровня воды въ главномъ руслѣ, вслѣдствіе обращенія большой массы воды во вновь образовавшійся на сѣверной сторонѣ Сыръ-Дарьи рукавъ называемый Караузякъ, который соединяется съ главнымъ русломъ у форта № 2. Караузякъ имѣетъ ложе низменнѣе другихъ рукавовъ, а потому поглащаетъ бóльшую часть воды. Онъ образовался въ новѣйшее время изъ поливной канавы прорытой Каракалпаками, течетъ по мѣстности песчаной, неспособной къ воздѣлыванію, и занимая разливами своими до 2000 квадратныхъ верстъ, на которыхъ испареніе очень сильно, служитъ причиною безплодной траты воды, столь цѣнной въ этихъ мѣстахъ.

Лица изучившія эту мѣстность утверждаютъ, что необходимо немедленно приступить къ запруживанію рукава Караузякъ, что только этимъ способомъ сохранится въ главномъ руслѣ Сырь-Дарьи достаточно воды не только для плаванія судовъ, становящагося по мелководію близь форта

---

[1] Исполненіе этого предположенія, къ сожалѣнію, нынѣ отсрочено.

Перовскаго весьма затруднительнымъ, но и для отдѣленія значительной массы воды въ южный рукавъ Сыръ-Дарьи, называемый Джаны Дарья, доходившій нѣкогда до Аральскаго моря и по берегамъ котораго, въ былое время, лежалъ цѣлый рядъ населенныхъ мѣстъ. Русло этой рѣки, будучи возвышеннѣе другихъ, болѣе способно снабжать водою поливные каналы. Почва на лѣвой сторонѣ Сыръ-Дарьи менѣе безплодна чѣмъ на правой.

На сто верстъ выше форта Перовскій недавно устроено укрѣпленіе Джулекъ, отъ котораго еще верстъ полтораста до того мѣста, гдѣ рѣка Сырь-Дарья наиболѣе приближается къ городу Ташкенту отстоящему на 50 верстъ къ востоку отъ Сырь-Дарьи.

Отъ Ташкента, караваннымъ путемъ 185 верстъ до Кокана, находящагося въ 30 верстахъ къ югу отъ рѣки Сырь, которая не перестаетъ быть судоходною даже не много выше этого мѣста.

Отъ крайняго укрѣпленія Киргизо-Сибирской линіи на рѣкѣ Чу-Пишпекъ до рѣки Сыръ, у форта Джулекъ, считается около 400 верстъ, дорогою, которая пролегаетъ къ сѣверу отъ города Туркестанъ подвластнаго хану Коканцевъ.

Для насъ стать твердою ногой на верховьяхъ Сыръ-Дарьи необходимо по тремъ причинамъ, именно: для окончательнаго огражденія Киргизовъ отъ притѣсненій Коканцевъ и Ташкентцевъ, для обезпеченія судоходства по рѣкѣ Сыръ, такъ какъ она представляетъ самый удобный путь сообщенія съ Россіей и одна только способна обезпечивать существованіе нашихъ гарнизоновъ, и для снабженія какъ фортовъ, такъ и пароходовъ горючимъ матеріяломъ, лѣсомъ [1] или каменнымъ углемъ, изъ горъ Каратау, у

[1] Нынѣ саксаулъ, кустарникъ растущій въ изобиліи по берегамъ Сыръ-Дарьи и его рукавовъ, служитъ единственнымъ топливомъ въ фортахъ и на судахъ плавающихъ по рѣкѣ Сыръ; на Аральскомъ же морѣ, употребляется каменный уголь, доставляемый съ рѣки Донъ. Для топки пароходовъ, саксаулъ предпочитается всякому другому лѣсу по своей плотности, крѣпости и количеству жара имъ производимаго: неудобство его—кривизна; онъ требуетъ много мѣста для своего помѣщенія, ибо не укладывается ровно. Пароходы плавающіе по рѣкѣ Сыръ, складываютъ запасъ саксаула на извѣстныхъ разстояніяхъ. По рѣкѣ это удобно, но въ морѣ оно не возможно, почему для морскихъ судовъ вынуждены запасаться углемъ.

подножья которыхъ находятся города Туркестанъ и Ташкендъ или изъ горъ Алатау лежащихъ за городомъ Кокандомъ.

Горы эти покрыты лѣсомъ; въ нихъ, говорятъ, отысканы слѣды каменнаго угля; въ пескѣ стекающихъ съ нихъ рѣкъ собирается золото; а нѣдры горъ богаты другими цѣнными минералами.

Нынѣ положеніе гарнизоновъ въ нашихъ степныхъ укрѣпленіяхъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ и нуждающихся часто въ необходимомъ, самое жалкое; оно можетъ быть улучшено только открытіемъ свободнаго сообщенія съ верховьями Сыръ Дарьи, способными снабжать ихъ всѣмъ, въ чемъ они теперь нуждаются.

Содержаніе этихъ гарнизоновъ, снабжаемыхъ всѣми предметами продовольствія изъ Россіи, обходится казнѣ чрезвычайно дорого. Доставка одного пуда груза изъ Оренбурга въ фортъ Перовскій стóитъ до 140 копѣекъ и болѣе, такъ что правительство тратитъ не менѣе 400 тысячъ рублей въ годъ на одинъ провозъ военныхъ припасовъ, потребныхъ для незначительныхъ гарнизоновъ сыръ-дарьинскихъ постовъ. Расходы эти большею частію будутъ сбережены, когда хлѣбъ станутъ покупать въ Ташкендѣ. Со временемъ часть предметовъ, нужныхъ для продовольствія гарнизоновъ, можетъ быть также производима въ окрестностяхъ фортовъ русскими поселенцами и Киргизами.

Оренбургское начальство, въ прежнее премя, всячески препятствовало кочевымъ Киргизамъ переходить къ жизни осѣдлой и заниматься хлѣбопашествомъ, опасаясь уменьшенія у нихъ скотоводства; но опасенія эти совершенно напрасны. Вопервыхъ, пространство способное къ земледѣлію крайне незначительно въ сравненіи съ общимъ протяженіемъ степи, а потому пашни всегда займутъ относительно только самую ничтожную частицу земли; вовторыхъ, къ осѣдлости переходятъ понынѣ только бѣднѣйшіе Киргизы, лишившіеся скота; богатые же занимаются посѣвами чрезъ работниковъ на мѣстахъ лѣтнихъ или зимнихъ кочевокъ, ни мало не покидая бродячей жизни, а потому земледѣліе служитъ имъ чувствительнымъ подспорьемъ, доставляя хлѣбъ ихъ семейству, а въ случаѣ надобности даже и кормъ скоту.

Размноженію скота въ степи мѣшаетъ не недостатокъ охотниковъ заниматься скотоводствомъ, какъ, кажется, нѣ-

когда полагало мѣстное начальство, но частая гибель скота отъ гололедицы и вьюгъ, когда скоту негдѣ укрываться отъ стужи и букановъ и нѣтъ возможности доставать травы изъ-подъ льдяной коры.

Поэтому распространеніе хлѣбопашества между Киргизами могло бы только способствовать сохраненію и размноженію скота въ степи. Вмѣстѣ съ тѣмъ обогащая Киргизовъ и укрощая ихъ нравы, оно увеличитъ потребленіе между ними русскихъ произведеній и сдѣлаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые кочуютъ въ южномъ отдѣлѣ степи, болѣе независимыми отъ Хивинцевъ, Коканцевъ и Бухарцевъ, къ которымъ они нынѣ принуждены обращаться за хлѣбомъ.

Изъ этого однако не слѣдуетъ еще, что съ распространеніемъ хлѣбопашества между Киргизами, кочующіе близь границъ Оренбургскаго края и Сибири перестанутъ у насъ покупать хлѣбъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе привыкнутъ Киргизы къ употребленію хлѣба, тѣмъ болѣе станутъ они покупать его въ Россіи, потому что сами никакъ не могутъ производить такое количество хлѣба, которое имъ нужно при ежедневномъ употребленіи его. Собственное хлѣбопашество, удовлетворяя крайней нуждѣ, можетъ вывести Киргизовъ изъ ихъ настоящей рабской зависимости отъ притѣсняющихъ ихъ южныхъ сосѣдей.

Нынѣ эти кочевыя племена питаются почти исключительно мясомъ, молокомъ и сыромъ, а хлѣбъ водится у весьма немногихъ. Еслибы три милліона Киргизовъ употребляли только по одной четверти на душу, то изъ Россіи отпускалось бы въ степь не сто тысячъ четвертей, какъ нынѣ, но въ десять разъ болѣе.

Убѣдившись въ пользѣ распространенія земледѣлія въ Киргизской степи и преимущественно на берегахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ хлѣбъ безъ орошенія не родится, правительство не упуститъ изъ вида, что поливныя канавы могутъ быть устраиваемы и поддерживаемы только общими средствами всѣхъ пользующихся водою изъ нихъ, и что поэтому, въ самыхъ неустроенныхъ государствахъ Азіи, само правительство печется объ этомъ предметѣ, а слѣдовательно и мы можемъ надѣяться на успѣхъ только тогда, когда мѣстное начальство будетъ заботиться объ устройствѣ и поддержаніи оросительныхъ канавъ.

Обезопасивъ Киргизовъ и поощривъ у нихъ хлѣбопашество, правительство положитъ начало благоденствію степныхъ жителей. Что же касается независимыхъ владѣній Средней Азіи, то въ Бухарскомъ ханствѣ уже существуетъ нѣкоторая гражданственность, которая вѣроятно разовьется, на сколько это возможно въ азіятско-мусульманскихъ государствахъ, когда укротится буйство сосѣдей, оживятся сношенія съ Россіею, и русскія факторіи учредятся въ Бухарѣ.

Коканское владѣніе то подчиняется одному государю, то распадается на многія ханства, между собою враждующія. Страна эта богаче Бухары природными дарами, но народъ тамъ несравненно грубѣе. Тѣмъ болѣе необходимо въ этихъ мѣстахъ утвердить цивилизующее вліяніе Россіи; устроившись же, ханство Коканское способно вести съ Россіею обширную торговлю. Удобство сообщенія по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, на которой плаваніе прекращается не болѣе какъ на 3—4 мѣсяца въ году, позволитъ русскому войску держать въ страхѣ всѣ прилегающія къ этой рѣкѣ земли.

Болѣе трудности представляетъ укрощеніе Хивинцевъ; но безъ явнаго вреда для сношеній нашихъ съ Среднею Азіей, не слѣдовало бы и ихъ оставлять въ настоящемъ положеніи. Хивинское ханство малолюдно и далеко не пользуется отъ природы тѣмъ обиліемъ, какимъ отличается Коканъ, а потому можно было бы не обращать на эту страну вниманія, если бы все хозяйство, весь бытъ Хивинцевъ, не основывались на началѣ, которое вызываетъ разбои и анархію во всѣхъ сосѣднихъ странахъ и препятствуетъ Россіи извлекать пользу, которую она по своему положенію вправѣ отъ нихъ ожидать. Это начало— рабство. Въ Хивинскомъ ханствѣ всѣ тяжелыя работы лежатъ на невольникахъ, пріобрѣтеніе которыхъ, вслѣдствіе этого, становится необходимымъ условіемъ существованія этого государства.

Въ прежнее время, въ числѣ невольниковъ, было много Русскихъ; нынѣ же доставляются они почти исключительно изъ Персіи, и сосѣднія съ этимъ государствомъ туркменскія племена только тѣмъ и промышляютъ, что захватываютъ въ плѣнъ Персіянъ для продажи ихъ въ Хиву.

Вся часть Персіи, къ западу отъ Каспійскаго моря, вмѣщающая въ себѣ провинціи Астрабадскую и Хоросанскую,

богатѣйшая въ мірѣ по дарамъ природы, призванная вести съ Россіею обширную торговлю, оказывается нынѣ одною изъ самыхъ несчастныхъ, потому только что персидское правительство не въ силахъ защитить ее отъ набѣговъ Туркменъ.

Сами Туркмены занимаютъ мѣста по рѣкамъ Гурганъ и Атрекъ, мѣста, въ которыхъ нѣкогда процвѣтала гражданская жизнь, какъ доказываютъ остатки прежнихъ сооруженій;—и прекратись сбытъ невольниковъ въ Хиву, Туркмены не будутъ имѣть выгоды продолжать свои наѣзды и обратятся къ мирнымъ занятіямъ, а Хивинцы, за неимѣніемъ невольниковъ, сами примутся за соху, покинувъ свой нынѣшній военно-разбойничій промыслъ. Ихъ примѣру послѣдуютъ всѣ окрестныя кочевья Туркменъ, Киргизовъ и Каракалпаковъ, находящіеся благодаря Хивинцамъ въ нескончаемомъ волненіи. Прямыя же выгоды Россіи требуютъ водворенія спокойствія и благосостоянія во всѣхъ этихъ племенахъ, сколько для того чтобы подготовить для русской торговли новый рынокъ на юговосточной оконечности Каспія, въ Астрабадѣ, столько и въ видахъ процвѣтанія самаго Хивинскаго ханства, ближайшаго къ Россіи, чрезъ которое пролегаетъ кратчайшій путь отъ Каспійскаго моря къ долинѣ Аму-Дарья.

Цѣль эта не можетъ быть достигнута инымъ способомъ, какъ прекращеніемъ торговли невольниками въ самой Хивѣ, такъ какъ наблюденіе за Туркменами не возможно.

Нѣтъ однако сомнѣнія, что прекращеніе невольничества въ Хивинскомъ ханствѣ не может быть достигнуто безъ понудительныхъ средствъ, въ осуществленіи которыхъ встрѣтится болѣе препятствій чѣмъ въ коканскихъ владѣніяхъ. Входъ вооруженныхъ судовъ въ рѣку Аму затрудняется тѣмъ, что рѣка эта, при впаденіи въ Аральское море, имѣетъ только въ полноводіе до трехъ футовъ глубины, а въ низкую воду не только на устьяхъ рѣки, но и до того мѣста, гдѣ она развѣтвляется, много отмелей не проходимыхъ для судовъ сидящихъ въ водѣ болѣе двухъ футовъ; по Аральскому же морю такія суда способны плавать только въ самую тихую погоду. Слѣдовательно, еслибы суда съ войскомъ вступили въ Хиву даже во время полноводія, то въ случаѣ какой-либо неудачи, отступленіе становилось бы затруднительнымъ. Наконецъ на Аму нѣтъ иного топлива, кромѣ кустарника

саксаулъ, что̀ могло бы препятствовать продолжительному плаванію пароходовъ.

Несмотря на все это, нельзя сомнѣваться, что наше правительство, принявъ твердое намѣреніе искоренить торговлю невольниками въ Хивинскомъ ханствѣ, могло бы найдти нужныя для этого средства; но нельзя скрыть, что вообще водруженіе Русскаго знамени въ Средней Азіи потребуетъ значительныхъ расходовъ.

Слѣдуетъ однако принять въ соображеніе, что съ перенесеніемъ охранной линіи на новую пограничную черту имперіи, будутъ упразднены линіи Уральская, Оренбургская и Сибирская, имѣющія протяженія отъ Гурьева на Каспійскомъ морѣ до Бухтарминска 3.300 верстъ, чрезъ что̀ казаки занимающіе эти линіи, дѣлаясь свободными, могли бы быть передвинуты на новыя мѣста; что съ занятіемъ богатыхъ мѣстъ на верховьяхъ Сыръ-Дарьи удешевится содержаніе тамъ войска; что наконецъ польза, которую Россія извлечетъ изъ сношеній съ Среднею Азіею такъ очевидна, что всѣ пожертвованія на это дѣло вскорѣ окупятся.

Преодолѣвъ такимъ путемъ препятствія, которыя невѣжество Азіятцевъ противопоставляетъ развитію русской торговли, остается еще разсмотрѣть тѣ препоны, посредствомъ которыхъ сама природа разъединила насъ съ богатымъ оазисомъ, поливаемымъ водами Сыръ и Аму Дарьи. Препятствіе это есть огромное пространство безплодной степи, черезъ которую пролегаетъ пять главныхъ путей, а именно: 1) изъ Хивы на полуостровъ Мангышлакъ на Каспійскомъ морѣ; 2) изъ Хивы же по западному прибрежью Аральскаго моря въ Оренбургъ; 3) изъ Бухары прямо на сѣверъ до Оренбурга; 4) изъ Ташкента восточною стороной Киргизской степи въ Троицкую таможню и 5) въ Петропавловскъ.

Первая дорога самая короткая, имѣетъ протяженія менѣе 1.000 верстъ, но она проходитъ по мѣстамъ безводнымъ и опаснымъ вслѣдствіе набѣговъ Туркменъ, а потому мало употребляется. Вторая, въ длину 1.300 верстъ, представляетъ почти тѣ же неудобства, и также почти оставлена. Третья, самая обыкновенная, идетъ отъ Оренбурга до Орска на 265 верстъ, оттуда до форта N 1 на Сыръ-Дарьѣ— 721 версту, представляетъ колесный, совершенно безопасный

путь; потомъ до рѣки Яны Дарья, около 200 верстъ; наконецъ совершенно безводною степью болѣе 300 верстъ, откуда остается до Бухары песчаной мѣстности, немногимъ однако менѣе безводной, примѣрно 200 верстъ; всего же разстоянія отъ Оренбурга до Бухары считается 1.700 верстъ. Дневныхъ переходовъ отъ Орской крѣпости до Бухары 40, и столько же отъ Троицка въ Ташкентъ. Эта послѣдняя дорога обильнѣе кормами. Еще лучше дорога отъ Ташкента до Петропавловска, вся телѣжная; хотя въ южной своей части, она проходитъ черезъ такъ-называемую голодную степь, но и тамъ встрѣчаются колодцы. Разстоянія около 1.600 верстъ.

Только въ новѣйшее время нѣкоторые товары стали перевозиться изъ Россіи въ степь и до береговъ Сыръ-Дарьи на волахъ, въ повозкахъ. Обыкновенная же доставка производится на верблюдахъ, которые одни способны обходиться безъ воды, или довольствоваться дурною водой, и питаются колючими растеніями степи. Транспорты идутъ караванами, и только въ тѣ времена года, когда снѣжные ураганы на сѣверѣ, а зной и безводіе на югѣ, не дѣлаютъ степей непроходимыми.

По этимъ уваженіямъ, между Бухарою и Оренбургомъ, обыкновенно отправляется только два каравана въ годъ. Караваны составляются изъ тѣмъ-бо́льшаго числа людей и вьючнаго скота чѣмъ опаснѣе путь. Но число вьючнаго скота должно соразмѣряться съ обиліемъ воды въ колодцахъ и корма въ степи. Степи, бѣдныя кормомъ и водой, и вмѣстѣ съ тѣмъ подверженныя набѣгамъ хищниковъ, становятся непроходимыми. По этой именно причинѣ, нынѣ почти покинута дорога между Хивою и Каспійскимъ моремъ.

Между Оренбургомъ и Бухарою караваны бываютъ въ дорогѣ отъ 2 до 2½ мѣсяцевъ. Провозная плата отъ 5 до 15 рублей, среднимъ числомъ 10 рублей съ верблюда, то-есть съ 16 пудовъ безъ *тары*. Отъ Оренбурга до Нижняго Новгорода платится за доставку около 60 коп. съ пуда.

Въ 1860 году прибыло вьючнаго скота въ таможню Оренбургскую, Троицкую и Петропавловскую 25.565 головъ, а подводъ 5.072; вышло же оттуда вьючнаго скота 8.145, а подводъ 4.337. Подводы ходятъ преимущественно съ казенными транспортами или съ товарами назначен-

ными для войскъ въ степи расположенныхъ, такъ что торговля съ средне-азійскими владѣніями до сихъ поръ почти исключительно производится вьючнымъ скотомъ; считая же по 16 пудовъ на верблюда, было въ привозѣ 400.000, а въ отвозѣ 130.000 пудовъ. Количества весьма незначительныя, если принять въ разсужденіе, что въ числѣ товаровъ бываютъ металлы и другіе громоздкіе предметы. Буксирные пароходы на Волгѣ передвигаютъ каждый по сотнѣ тысячъ пудовъ.

Понятно, что подобными способами нельзя перевозить большихъ грузовъ, и что хотя со времени усмиренія степи къ сѣверу отъ рѣки Сыръ-Дарья и прекращенія поборовъ взимавшихся съ каравановъ въ прежнее время Хивинцами, привозная плата и понизилась, но все еще доставка пуда товара изъ Бухары въ Москву рѣдко обходится дешевле двухъ рублей, а если присовокупить къ тому страховую премію противъ грабежей и обмановъ прикащиковъ и вощиковъ, также неизбѣжную порчу товаровъ, не укрытыхъ отъ дождя, ежедневно снимаемыхъ съ верблюдовъ и вновь накладываемыхъ, валяющихся въ снѣгу и въ грязи,—то на значительное пониженіе цѣны при настоящихъ обстоятельствахъ надѣяться нельзя.

Имѣя однако въ виду, что дальній сухопутной перевозки избѣжать невозможно, остается только пріискать способы или сократить ее, или сдѣлать ее по возможности удобною.

Для товаровъ идущихъ изъ Хивы на Волгу, ближайшій путь, безъ сомнѣнія, лежитъ чрезъ Мангышлакъ, гдѣ находится Новоалександровское укрѣпленіе. Но къ сожалѣнію, все пространство между рѣкою Аму-Дарья и Каспійскимъ моремъ почти безводно, и потому проходимо только для небольшихъ каравановъ, которые нынѣ, по причинѣ грабежей Туркменцевъ, не могутъ безопасно ходить по этому направленію. Какъ скоро будетъ положенъ конецъ этимъ грабежамъ, каспійскій путь, хотя онъ всегда останется доступнымъ только перевозкѣ на верблюдахъ, получитъ несравненно большее значеніе и всегда будетъ служить путемъ вспомогательнымъ, еслибы перевозочныхъ средствъ не стало въ другихъ частяхъ степи.

Часто возобновляемое въ разныхъ сочиненіяхъ предположеніе о направленіи рѣки Аму по прежнему своему руслу къ Каспійскому морю, уже потому не заслуживаетъ

вниманія, что при сильномъ испареніи въ степи, воды этой рѣки едва ли доходили бы до моря, даже въ томъ случаѣ, еслибы всю массу воды обратили туда, предварительно засыпавъ всѣ поливные каналы Хивинскаго ханства, поглощающіе огромное количество воды (черезъ что лишилось бы средствъ существованія все населеніе ханства.)

О безводности и опасности пути, ведущаго отъ береговъ Аму-Дарьи въ Хивинскомъ ханствѣ къ Каспійскому морю, нельзя не сожалѣть, тѣмъ болѣе что бухарскіе грузы могли бы весьма удобно, по этой рѣкѣ, отстоящей отъ города Бухары только верстъ на 50, сплавляться по рѣкѣ Аму до Хивы. Тамъ и теперь ходятъ туземныя лодки, рѣка эта считается судоходною на протяженіи 1100 верстъ, протекая на пространствѣ до 800 верстъ по странѣ населенной. Этимъ путимъ и русскіе товары могли бы проникнуть до подножія Небесныхъ горъ.

Съ перваго взгляда могло бы казаться удобнымъ перенести товары, сплавляемые по рѣкѣ Аму-Дарья на Аральское море, и вступивъ въ рѣку Сыръ-Дарья, которой устье не много глубже устья Аму и никогда не имѣетъ менѣе трехъ футовъ глубины, поднимать по ней грузы до форта № 1, для отправленія ихъ оттуда сухимъ путемъ въ Россію. Но если мы примемъ въ соображеніе мелководіе на устьяхъ Аму-Дарьи и то обстоятельство, что плоскодонныя суда, способныя ходить по этой рѣкѣ, не могли бы плавать по Аральскому морю, для чего потребовалась бы перегрузка, то осуществленіе этого предположенія представится довольно затруднительнымъ.

Затѣмъ, признавая, по крайней мѣрѣ до времени, сухопутную перевозку товаровъ между Россіей и бухарскими владѣніями необходимою, мы были бы должны только пріискивать средства для удешевленія и безопасности оной.

Пространство пятисотъ верстъ, черезъ которое нынѣ проходятъ караваны между Куванъ-Дарьею и Бухарою, бѣдно водою и подножнымъ кормомъ, и съ трудомъ охраняется отъ хищниковъ по невозможности содержать тамъ караулы. А потому, на этомъ пространствѣ, перевозка можетъ совершаться только на верблюдахъ, значительными караванами и лишь въ то время года, когда песчаная степь можетъ давать корма и воды.

Отъ Сыръ-Дарьи до русской границы дорога колесная, проходимая во всякое время одиночными возами. Понятно, что сообщенія съ Россіею много выиграли бы, еслибы перевозка между Бухарою и рѣкою Сыръ могла совершаться такимъ же способомъ, а это возможно только при обходѣ пустыни, простирающейся отъ лѣваго берега рѣки Аму и Аральскаго моря до западнаго склона горъ Каратау и Алатау, то-есть до владѣній послушныхъ хану коканскому. Слѣдовательно, самая удобная дорога изъ Бухары въ Россію должна лежать на Сыръ-Дарью, по направленію къ Ташкенту (460 верстъ) или чрезъ Коканъ (560 верстъ).

Путь этотъ проходитъ по мѣстамъ обитаемымъ и нынѣ уже проѣзжаемымъ на двухколесныхъ одноконныхъ повозкахъ, весьма неуклюжихъ, но способныхъ къ улучшенію, а когда повсемѣстно чрезъ поливные каналы будутъ устроены мосты, то пути эти сдѣлаются вполнѣ удобными.

По Сыръ-Дарьѣ грузы назначенные въ Оренбургъ должны быть сплавляемы до форта № 1, какъ самаго ближайшаго къ западу; товары же назначаемые въ Сибирь могутъ быть прямо съ пристани нагружаемы на русскія повозки. Перевозка товаровъ по рѣкѣ Сыръ, на первое время, можетъ быть совершаема средствами нашей флотиліи, состоящей нынѣ изъ двухъ желѣзныхъ пароходовъ въ 40 силъ каждый, одного 20-сильнаго парохода и одного 12-сильнаго, трехъ желѣзныхъ и двухъ деревянныхъ парусныхъ судовъ, двухъ желѣзныхъ и четырехъ деревянныхъ паромовъ и двадцати двухъ гребныхъ судовъ. Всѣ эти суда нынѣ никакой пользы не приносятъ, но совершая срочные рейсы отъ устьевъ Сыръ-Дарьи до Кокана, они оказывали бы огромную услугу торговлѣ и облегчали бы продовольствіе войскъ расположенныхъ вдоль рѣки.

Во сколько обошлась бы перевозка товаровъ этимъ путемъ, опредѣлить, разумѣется, невозможно; но принимая въ соображеніе безопасность этого пути и скорое обращеніе капиталовъ при открытіи безпрерывнаго сообщенія между Россіею и среднеазійскими владѣніями, нельзя сомнѣваться въ пользѣ долженствующей отъ того произойдти для торговли.

Притомъ, нельзя однако не замѣтить, что товары изъ Бухары только тогда безостановочно могутъ проходить чрезъ коканскія владѣнія, когда прекратится не преры-

вающаяся понынѣ вражда между двумя этими государствами, а это можетъ быть достигнуто только вліяніемъ Россіи.

Торгующее съ Среднею Азіею купечество желаетъ еще перенесенія таможенной линіи съ границъ Оренбургской, Тобольской и Томской губерній на Сыръ-Дарью и до предѣловъ области сибирскихъ Киргизовъ.

Перемѣщеніе это, въ военномъ отношеніи, имѣло бы ту выгоду, что караулы расположенные по нынѣшней оренбургской и сибирской линіямъ, были бы упразднены; въ финансовомъ,—что нѣсколько милліоновъ жителей Киргизскихъ степей оплачивали бы пошлиною товары получаемые ими изъ-за границы; наконецъ, въ торговомъ,—что русское купечество селилось бы на крайнихъ предѣлахъ имперіи, и сблизившись чрезъ это съ Азіятцами, стало бы само ѣздить въ ихъ землю, не ожидая прибытія ихъ въ Россію, а это обстоятельство столь важно въ видахъ распространенія торговли, что оно вполнѣ оправдывало бы перенесеніе таможенной линіи.

Можно даже сказать утвердительно, что до перенесенія торговли и таможень изъ Оренбурга на Сыръ-Дарью, нынѣшній способъ караванной перевозки прекратиться не можетъ, потому что у бухарскихъ купцовъ, до продажи нѣкоторой части ихъ товаровъ Русскимъ, большею частію не имѣется денегъ даже для расплаты съ вощиками.

Нельзя однако скрывать, что исполненіе этого предположенія встрѣчаетъ не мало затрудненій.

Вопервыхъ, все пространство земли между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, по безводности, таможенною стражею занято быть не можетъ; но имѣя въ виду, что хивинскіе товары этимъ путемъ, по опасности его отъ хищниковъ, перевозятся только цѣлыми караванами, а не на одиночныхъ вьюкахъ, и что за караванами усмотрѣть не трудно, стоило бы только объявить путь этотъ закрытымъ для нихъ.

По границамъ киргизскихъ степей, товары азіятскіе также миновать не могутъ русскихъ фортовъ, а потому внѣ фортовъ не потребуется таможеннаго надзора, если принять за правило, что изъ всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ изъ Средней Азіи, преимущественно чай, переходящій въ Россію изъ Китая чрезъ Чугучакъ, Кульджу и Кашгаръ,

требуетъ ближайшаго наблюденія, по причинѣ совмѣстничества его съ чаемъ привозимымъ инымъ путемъ. Съ него собрано, въ 1860 году, въ таможняхъ по линіи киргизскихъ степей, до ста тысячъ рублей пошлины.

Пошлина со всѣхъ остальныхъ товаровъ привезенныхъ въ 1860 году къ таможнямъ оренбургской и сибирской линій доставила 315 тысячъ руб., изъ которыхъ 97 тысячъ собраны съ соли Киргизскихъ степей, 90 тысячъ съ бумажныхъ издѣлій и 23 тысячи рублей съ шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій.

Не касаясь надзора за соляными озерами, который долженъ быть тамъ учрежденъ по новому положенію о торговлѣ солью въ имперіи, замѣтимъ только, что съ направленіемъ среднеазійскихъ товаровъ на небольшое число точекъ занятыхъ русскими войсками, разсыпаніе товаровъ по степи, между кочевьями, станетъ гораздо труднѣе, а потому и значительной контрабанды опасаться не должно. Но если принимать въ соображеніе ничтожный доходъ поступающій въ таможни отъ азіятскихъ товаровъ, то на азіятской границѣ вовсе не требуется такая взыскательность какъ на европейской.

Тамъ могло бы быть постановлено правиломъ, что только одни купеческіе товары подлежатъ оплатѣ пошлиною; что же до предметовъ привозимыхъ мѣстными жителями, въ малыхъ партіяхъ, для своей надобности, то таможенные чиновники касаться ихъ не должны. Въ противномъ случаѣ притѣсненіямъ кочевыхъ жителей, переходящихъ безпрерывно съ мѣста на мѣсто, не было бы конца.

Итакъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, принятую на себя правительствомъ обязанность охранять Киргизъ-Кайсаковъ, вступившихъ въ подданство Россіи, съ другой — выгоды, которыя слѣдуетъ ожидать отъ расширенія торговыхъ сношеній нашихъ съ Среднею Азіею, было бы полезно:

1) занять верховья Сыръ-Дарьи войсками, въ такомъ числѣ, чтобы

а) плаваніе по всему протяженію этой рѣки производилось безпрепятственно;

б) войска русскихъ укрѣпленій и флотилія сыръ-дарьинская могли снабжаться съ верховьевъ рѣки строевымъ лѣсомъ и топливомъ, равно и всѣмъ необходимымъ для нихъ продовольствіемъ;

в) прекратилась вражда между Коканомъ и Бухарою, дабы перевозка товаровъ между этими владѣніями совершалась свободно;

г) были охранены Киргизы отъ Коканцевъ и предотвращены вторженія этихъ послѣднихъ въ области Малой Бухаріи.

2) Стать твердою ногою на Аму-Дарьѣ для прекращенія въ Хивинскомъ ханствѣ торговли невольниками и усмиренія чрезъ это туркменскихъ племенъ, кочующихъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря.

3) Связать чрезъ устройство нѣсколькихъ фортовъ, линію Сыръ-Дарьинскую съ Киргизо-Сибирскою.

4) Перенести на эту новую линію таможенныя учрежденія съ нынѣшнихъ Оренбургской и Сибирской линій.

5) Учредить, какъ скоро окажется возможнымъ и нужнымъ, срочное отъ казны пароходство по Сыръ-Дарьѣ.

6) Отправить консуловъ въ тѣ владѣнія среднеазійскія, съ которыми Россія находится или будетъ находиться въ торговыхъ сношеніяхъ, и содѣйствовать учрежденію тамъ русскихъ факторій.

7) Поощрить хлѣбопашество между Киргизами.

Г.

ОРЖЕРСКАЯ ШАЙКА

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВРЕМЕНИ ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Мы вообще небогаты свѣдѣніями о внутреннемъ и такъ сказать домашнемъ бытѣ Франціи въ кровавую и безпорядочную годину ея первой революціи. Благодаря мемуарамъ, тогдашнимъ журналамъ и воспоминаніямъ очевидцевъ, мы еще можемъ возсоздать передъ собою довольно полную картину столичной, политической, военной жизни въ ту пору; но дѣла, совершавшіяся по маленькимъ городкамъ, по селеніямъ и провинціяльнымъ захолустьямъ, покрыты завѣсой, и завѣса эта приподнимается не часто, да сверхъ того весьма неохотно. Французъ славолюбивъ до недобросовѣстности: черезъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ ему больно признаваться, что его прекрасная родина, въ періодъ событій потрясавшихъ Европу, внутреннимъ своимъ бытомъ отчасти напоминала владѣнія короля дагомейскаго или разбойничьи уголки Малайскаго архипелага. Историки, самые безпристрастные, за разнообразіемъ политическихъ событій, не имѣютъ времени останавливаться надъ изображеніемъ жизни вседневной; историки не чуждые пристрастія въ ту или другую сторону имѣютъ свои причины проходить эту жизнь молчаніемъ. Какая политическая партія могла, безъ

ущерба себѣ самой, разоблачить весь ужасъ и гной язвъ, которыми покрылось все огромное государство за какіе-нибудь пять или шесть лѣтъ полной общественнаго разложенія? Партія революціонная и республиканская была естественно заинтересована тѣмъ чтобъ прятать правду какъ можно далѣе, прикрывать раны патріотическимъ знаменемъ и представлять недугъ, приведшій Францію на край пропасти, недугомъ временнымъ, неизбѣжнымъ, даже спасительнымъ. Орлеанисты равнымъ образомъ боялись полной истины относительно событій революціи; ихъ политическая сила заключалась въ классахъ выигравшихъ чрезъ нее, а еще болѣе въ духѣ соглашенія, уступокъ и примиренія, годномъ для политики, но едва ли подходящемъ къ дѣлу откровеннаго разысканія истины. Легитимистскимъ писателямъ, казалось бы, было всего легче и выгоднѣе для себя правдиво изображать бытъ своей родины во время революціи; но кромѣ малаго числа даровитыхъ людей въ ихъ средѣ, писатели эти также терпѣли отъ политическихъ соображеній. Вѣрная картина бѣдствій народныхъ за девятидесятые годы прошлаго столѣтія неизбѣжно заставила бы обратиться къ корню этихъ бѣдствій, неизбѣжно сложила бы часть отвѣтственности за нихъ на тотъ порядокъ вещей, который привыкъ къ революціи и ея ужасамъ. Нападать на сумасбродства конвента, на кровожадность парижской черни, на ужасы въ Ліонѣ и Нантѣ было не трудно; то были явленія несложныя, легко объясняемыя и объясняемыя въ интересѣ партіи легитимистовъ. Но изобразить отчаянное положеніе земледѣльческаго класса, отсутствіе общественной безопасности по дорогамъ, деревнямъ и маленькимъ городамъ, вывести наружу все почти невыразимое безобразіе вседневной жизни за время республики, не значило ли съ тѣмъ вмѣстѣ начинать процессъ старому времени, не значило ли признать крайнюю слабость организма до такой степени расшатаннаго немногими годами недуга? Было еще одно вѣрное соображеніе удерживавшее крайнихъ консерваторовъ отъ чистосердечнаго отношенія къ малоизслѣдованному предмету: они очень хорошо знали, что Франція за время первой республики шла быстрыми шагами къ варварству, но имъ также хорошо было извѣстно, *чья* могучая рука удержала родину на краю пропасти, удержала и поставила

на единственную дорогу, по которой можетъ двигаться образованное общество. По слову ненавистнаго Бонапарта остановились ежедневные разбои на большихъ дорогахъ; убійства повергавшія въ ужасъ города и сельскія уединенные домы, встрѣтили неумолимую кару; проснувшіеся служители правосудія снова ухватились за мечъ, выпавшій было изъ ихъ рукъ въ минуту отчаянной робости. Изучая переходное время отъ республики къ консульству и имперіи, было невозможно скрыть всего этого и стало-быть не послужить Бонапарту и бонапартовской партіи. Наконецъ самая эта бонапартовская партія, какъ извѣстно всякому, во время реставраціи и іюльской монархіи, не имѣла въ своихъ рядахъ людей отличавшихся особливою дальновидностью: за исключеніемъ нынѣшняго императора Французовъ, въ первыхъ своихъ литературныхъ трудахъ показавшаго замѣчательную политическую зоркость, другіе дѣятели и писатели одного съ нимъ круга поступали довольно легкомысленно. Они преувеличивали дѣйствительное пристрастіе Французовъ къ военной славѣ, возвеличивали раззорительныя войны и кровавыя сраженія, запугивали мирныхъ людей громозвучными возгласами, играя на одной и той же струнѣ до того что ихъ музыка уже начала надоѣдать слушателямъ. До того времени, когда бонапартизму открылось поле дѣятельности съ учрежденіемъ февральской республики, большинство его представителей было искренно убѣждено, что все сельское населеніе Франціи, ихъ первая опора, въ Наполеонѣ I обожаетъ ваграмскаго побѣдителя, вождя ста сраженій, завоевателя Европы и перваго полководца въ мірѣ. Слушая ихъ рѣчи и читая ихъ произведенія, можно было подумать, что французскій мужикъ, грамотный и неграмотный, пламенѣетъ желаніемъ отплатить Европѣ за ватерлооское пораженіе, поставить еще нѣсколько сотъ тысячъ своихъ собратій подъ пули и ядра. Эти писатели и государственные люди обманывались, къ своему счастію. Французскій мужикъ дѣйствительно обожаетъ память Наполеона I, но о побѣдахъ его хранитъ лишь смутное воспоминаніе. Если онъ знаетъ, что подъ Маренго и Ватерлоо люди за что-то дрались, то онъ знаетъ это лишь потому что разные beaux messieurs повторяли ему эти имена съ особеннымъ одушевленіемъ. Его отцы и дѣды передали ему про маленькаго капрала разказы дру-

таго рода, разказы болѣе близкіе къ его домашнимъ интересамъ. По ихъ словамъ, было время, когда поселяне мерли отъ голода по дорогамъ, когда человѣкъ, сберегшій лишнюю копѣйку, зарывалъ ее въ землю, когда послѣдняя мѣрка хлѣба отнималась насильно для продовольствія армій, когда за сельскіе продукты платилось не деньгами, а клочками мерзкой бумаги. Въ эту ужасную пору никто, ложась спать, не могъ сказать себѣ, что онъ проснется живымъ на слѣдующее утро, отправляясь въ дорогу не былъ увѣренъ, что въ первомъ лѣсу его не зарѣжутъ какъ барана. Изверги врывались въ дома, выбивали двери фермъ бревнами и петардами, рѣзали хозяевъ, насиловали женщинъ, пытками дознавали о томъ гдѣ спрятаны деньги, и послѣ полнаго грабежа, кончали дѣло пожаромъ. Защиты не было ни откуда. Арестованные убійцы спасались изъ переполненныхъ тюремъ и мстили людямъ ихъ выдававшимъ, либо дерзко шли въ судъ, дерзко отвѣчали на допросы, угрожали присяжнымъ, и очень часто уходили оправданными, по робости и неопытности властей. Судьи были все молодые и новые, порядокъ суда измѣненъ и они съ нимъ не свыклись; всякій берегъ свою шею и зачастую мирволилъ несомнѣннымъ злодѣямъ. *Жить было нельзя* (la vie n'était plus possible dans le pays), такъ заключаетъ крестьянинъ свое разсужденіе. Наконецъ узналъ обо всемъ этомъ маленькій капралъ, воевавшій въ то время съ Турками. Война шла очень хорошо, но онъ бросилъ все и пріѣхалъ. Въ тотъ же день созвалъ онъ къ себѣ министровъ, судей, разныхъ сильныхъ господъ, и спросилъ ихъ, правда ли что жить нельзя во Франціи. Они было стали шумѣть, онъ велѣлъ гренадерамъ повыкидать ихъ всѣхъ изъ окошекъ. Повыкидавши ихъ, позвалъ онъ къ себѣ господина Фуше и сказалъ ему: „даю тебѣ одинъ мѣсяцъ, а если черезъ мѣсяцъ узнаю я, что хоть одного мальчишку убили или ограбили во всей Франціи, будешь ты висѣть на фонарѣ, и деньги твои конфискуютъ.“ Фуше принялся, и самъ чортъ не выдумаетъ такихъ штукъ, на какія онъ поднимался! Ѣдетъ напримѣръ по лѣсу фура, вся закрытая, при ней почтальйонъ и одинъ драгунъ; на фурѣ написано: „Касса великой арміи.“ Ночью, разбойники кидаются на фуру, а изъ нея, вмѣсто легкой поживы, выходятъ солдатъ за солдатомъ, перехватаютъ разбойниковъ и тутъ же пе-

ревѣшаютъ. Или придутъ переодѣтые люди на чью-нибудь ферму и говорятъ хозяину: „ты насъ спрячь, а самъ будто напейся въ харчевнѣ и хвастайся, что у тебя въ подвалѣ много денегъ.“ Извѣстно къ чему ведетъ такое хвастовство, не пройдетъ сутокъ какъ *шофферы* появятся толпой у воротъ, примутся ломать дверь, а ихъ изъ оконъ бьютъ изъ ружей на выборъ. Весь народъ отдохнулъ, а черезъ мѣсяцъ Фуше говоритъ капралу: разошлите вашихъ генераловъ куда вздумаете, да прикажите имъ кидать деньги по большимъ дорогамъ, коли пропадетъ хоть одна монета, отвѣчаю за нее головою. Попробовалъ капралъ, и ни одной монеты не пропало.

Вотъ въ какихъ разказахъ и преданіяхъ надо искать объясненіе судьбамъ бонапартизма во Франціи, вотъ почему при первомъ слабомъ подобіи былой безурядицы семь милліоновъ голосовъ выдвинули впередъ человѣка, вся заслуга котораго передъ народомъ заключалась въ томъ, что онъ носилъ имя Бонапарта. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ Наполеона III, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы обманывали себя относительно прочности его власти: не все то находится въ дурномъ положеніи, что еще не имѣетъ счастія намъ нравиться. Покуда изъ народной памяти не изгладилось понятіе о маленькомъ капралѣ какъ о существѣ, безъ котораго когда-то нельзя было жить, дышать и оставаться при своей собственности, до той поры сила его соименниковъ незыблема. Не за Аустерлицъ и Маренго, не за покоренную Европу французскій простолюдинъ безропотно отдавалъ свою кровь и часть своего достоянія Наполеону I, не изъ-за чудесъ трехцвѣтнаго знамени онъ сомкнулся около его племянника. Дядя выручилъ край въ тяжкую годину смутъ, и при всякой опасности смутъ за это воздается и его племяннику, и его потомкамъ. Увѣнчаетъ или не увѣнчаетъ Наполеонъ III своего зданія политическою свободой, будетъ ли онъ раздражать или лелѣять образованные классы, тотъ классъ, для котораго дороже всего возможность спокойной жизни и безопасность трудовой копѣйки, съ нимъ не разойдется.

Мы сочли нужнымъ сдѣлать это короткое вступленіе къ небольшому труду, теперь предлагаемому читателямъ. Занимательный процессъ, о которомъ станемъ мы разказывать, взятъ нами изъ очень извѣстной книги Фукье

Les causes célèbres, съ юридической точки зрѣнія не представляетъ ничего блистательнаго; скорѣе, онъ богатъ промахами не дѣлавшими чести французскому судопроизводству за время переходное и смутное. Сами факты преступленій хотя разительны, однако отдѣльно взятые не представляютъ ничего особеннаго противъ другихъ фактовъ разбоя и насилія. Но въ связи съ исторіей, процессъ этотъ намъ кажется въ высшей степени замѣчательнымъ, вопервыхъ какъ картина общественной неурядицы, о которой до сихъ поръ было мало писано, вовторыхъ какъ объясненіе тѣхъ благодѣяній, за которыя французскій простолюдинъ до сей поры чтитъ своего маленькаго капрала превыше всѣхъ человѣковъ.

I.

Три департамента Франціи, замѣчательные плодородіемъ почвы и хорошимъ положеніемъ сельскаго населенія, и сверхъ того не весьма удаленные отъ столицы, лѣтъ за восемьдесятъ тому назадъ ознаменовались такимъ обиліемъ ужасныхъ преступленій, что память о нихъ совершенно свѣжа до нашего времени. Департаменты эти, соприкасающіеся между собою, называются департаментъ Луаре, департаментъ Луары и Шеры, департаментъ Эръ и Луаре. Весь этотъ край, издавна слылъ краемъ богатымъ, но не совсѣмъ покойнымъ, потому что населеніе его было слабо, мѣстность изобиловала удобными пріютами для людей злонамѣренныхъ, а между тѣмъ близость его къ главнымъ центрамъ, на которыхъ происходили военныя и политическія событія, привлекала къ нему изъ городовъ и военныхъ отрядовъ людей охочихъ до незаконной прибыли. И жакерія, и арманьяки, и лига спускали труда своихъ грабителей, своихъ бѣглецовъ, къ которымъ, по утишеніи смутъ, присоединялись молодцы положительно не способные уживаться съ порядками мирнаго времени. При Лудовикѣ XIV началась очистка парижскихъ окрестностей, вслѣдствіе которой воровскія шайки попробовали добыть себѣ пріютъ около Шартра и Оржера, въ краѣ о которомъ говорится. По лѣсамъ и особенно по брошеннымъ каменоломнямъ онѣ

держались нѣсколько времени, но когда прекратились послѣднія попытки политическихъ смутъ загоравшихся еще при Лудовикѣ XIII, шайки эти потеряли возможность держаться. Около ста лѣтъ затѣмъ край оставался на столько свободнымъ отъ разбоевъ, на сколько это оказывалось возможнымъ при тогдашнихъ порядкахъ. Бывали приключенія по большимъ дорогамъ; въ оржерскомъ лѣсу и около каменоломень народъ ходилъ съ предосторожностями; тамъ и сямъ водились харчевни съ дурною славой; полицейскіе лейтенанты Босы и Солони хватали по временамъ подозрительныхъ людей; все это водилось и по областямъ гораздо болѣе благоустроеннымъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и при началѣ революціи, количество разбоевъ нѣсколько усилилось; плохіе урожаи и дороговизна предметовъ первой потребности достаточно объясняли это усиленіе. Но чѣмъ болѣе разгоралась революція и чѣмъ слабѣе дѣйствовали власти, отвлеченныя смутами отъ заботъ о безопасности насущной и вседневной, тѣмъ край дѣлался опаснѣй, а злодѣйства все болѣе и болѣе представляли нѣчто систематическое. Очевидными оказывались чья-то опытная рука и голова, изобрѣтательная на худое. Разбойники, не довольствуясь подвигами на большихъ дорогахъ, уже позволяли себѣ нападенія на отдѣльные хутора, уединенное положеніе которыхъ было имъ извѣстно. Партіи ихъ значительно увеличились, по дорогамъ стали показываться фигуры до той поры невиданныя: онѣ сказывались нищими, прохожими, разнощиками, ночью приставали около фермъ, наиболѣе отдаленныхъ одна отъ другой, и очень часто ихъ ночлегъ приносилъ бѣду для гостепріимнаго хозяина. При розыскахъ, эти люди словно проваливались сквозь землю; даже посреди городовъ и большихъ деревень они пропадали такъ загадочно, что сосѣди подозрѣвали другъ друга въ укрывательствѣ злодѣевъ. Мѣстная полиція, съ помощью недавно учрежденной національной гвардіи, проявила нѣкоторую энергію, надолго остававшуюся ея послѣднимъ усиліемъ: оржерскій лѣсъ былъ оцѣпленъ, по сосѣдству обыскано нѣсколько харчевень, и тамъ и сямъ захвачено нѣсколько разбойниковъ. Ихъ признанія казались весьма важными: въ краѣ формировалась и усиливалась шайка грабителей, соединенныхъ подъ однимъ начальствомъ, но

распредѣленныхъ и выдрессированныхъ такъ искусно, что ни одинъ изъ пойманныхъ злодѣевъ не могъ особенно повредить своей партіи; какъ тайна организаціи, такъ и доступъ къ главнымъ центрамъ сбора, были хорошо извѣстны лишь немногимъ начальникамъ. Въ 1792 году, не вдалекѣ отъ Парижа, схватили предводителя оржерскихъ разбойниковъ, по имени Флёръ д'Эпина; но и эта важная поимка осталась безъ послѣдствій: во время извѣстной сентябрьской рѣзни по тюрьмамъ, версальская тюрьма, гдѣ сидѣлъ Флёръ д'Эпинъ, подверглась одной участи съ парижскою. Консьержри: толпа ворвалась въ нее и перерѣзала заключенныхъ. Флеръ д'Эпинъ погибъ вмѣстѣ съ другими.

Сентябрьскія убійства по тюрьмамъ, до настоящаго времени не изслѣдованныя какъ должно, въ одномъ лишь отношеніи не представляютъ ничего загадочнаго: государство, въ которомъ могли безнаказанно совершаться такія дѣла, уже не имѣло средствъ для охраненія своихъ гражданъ, какъ въ ихъ личной безопасности, такъ и въ ихъ собственности. Все что въ полиціи имѣлось способнаго и дѣятельнаго было поглощено розысками по дѣламъ политическимъ, войско двинуто къ границамъ или находилось въ полномъ разстройствѣ, у національной гвардіи взята вся молодежь и даже все оружіе сколько-нибудь годное, такъ что за исключеніемъ столицы и большихъ городовъ, всякій былъ долженъ самъ оберегать себя, очень часто не имѣя порядочнаго ружья въ домѣ. Не говоримъ уже о постыдной снисходительности какъ административныхъ, такъ и судебныхъ властей къ буйной и оборванной части населенія: эта снисходительность составляетъ срамъ для эпохи, предметъ отчаянія для историковъ; про нее писано такъ много, что распространяться о ней нечего.

Понятно, что при, такихъ условіяхъ безнаказанности и при нищетѣ, развивавшейся въ громадныхъ размѣрахъ, вся Франція въ самомъ непродолжительномъ времени покрылась сѣтью разбойничьихъ шаекъ. Многое что глядитъ поразительно - величавымъ на страницахъ исторіи, въ самой дѣйствительности бываетъ сопряжено съ величайшимъ житейскимъ безобразіемъ. Кто напримѣръ не дивился великому народному движенію, которое по первому призыву отечества двинуло къ границамъ Франціи массы

полуодѣтыхъ, голодныхъ волонтеровъ, жаждущихъ встрѣчи съ непріятелемъ? Но къ сожалѣнію, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что изъ этихъ патріотовъ половина не доходила до границы, а охладѣвши въ своемъ азартѣ, разсыпалась куда попало, гибла отъ нужды и холода, причемъ худшая часть усиливала собою шайки убійцъ и грабителей. Въ вандейской войнѣ обѣ стороны покрыли себя славой, но не слѣдуетъ забывать, что часть шуановъ занималась разбоемъ, нисколько не заботясь о политическихъ дѣлахъ, и что за отрядами *синихъ* ползли толпы бездѣльниковъ, мародеровъ, съ полнымъ безпристрастіемъ обиравшихъ до рубашки какъ республиканца, такъ и роялиста. Движеніе южныхъ департаментовъ, возмущенныхъ парижскими ужасами, было великолѣпною протестаціей противъ преобладанія одного города надъ цѣлою страной, но и оно сопровождалось и неурядицей, и частными грабежами, и возникновеніемъ разбойничьихъ шаекъ. Если этимъ шайкамъ было такъ привольно въ мѣстностяхъ не совсѣмъ удобныхъ и покрытыхъ войсками, то во сколько разъ оказывалась лучшею для бездѣльниковъ классическая оржерская почва, оставшаяся безъ всякаго надзора?

Послѣ убитаго въ Версали Флёръ д'Эпина остался не взятымъ его помощникъ или „первый лейтенантъ“ *Жанъ Оже*, онъ же *Франсуа Жиродо*, онъ же *Красавецъ Франсуа*. Это послѣднее имя осталось за нимъ по преимуществу. То былъ огромный, румяный, сильный молодецъ, лѣтъ тридцати, по сельскимъ понятіямъ совершенно оправдывавшій свое прозвище красавца. Способности его обличали въ немъ разбойника по призванію; сверхъ энергіи и предпріимчивости, онъ обладалъ замѣчательною долей практическаго смысла. Хорошо понимая сколько элементовъ раздора вносятъ во всякую ассоціацію политическія мнѣнія ея членовъ, онъ умѣлъ, въ періодъ величайшей революціонной горячки, оставаться полновластнымъ, безконтрольнымъ господиномъ своихъ товарищей. Пользуясь всѣми льготами общественной неурядицы, переодѣвая своихъ ребятъ національными гвардейцами и вламываясь въ дома „во имя націи“, au nom de la nation, онъ рѣзалъ съ полнымъ хладнокровіемъ и патріота, и отсталаго; въ своемъ же разбойничьемъ кругу не допускалъ никакихъ политическихъ преній. Опытъ показалъ ему, что парижскіе говоруны, плясавшіе

вокругъ гильйотины и свирѣпствовавшіе въ уличныхъ смутахъ, не имѣли ни повиновенія, ни осторожности, нужной настоящему вору; они часто приходили въ его шайку, но никогда въ ней не отличались и не оказывались достойными должностей первоклассныхъ. Въ первокласные должности Красавецъ выбиралъ лишь подобныхъ себѣ людей,— людей, которые могли быть ему опорою въ маленькомъ преступномъ государствѣ, основанномъ имъ посреди государства большаго и разлагающагося. Только имъ былъ извѣстенъ полный составъ шайки, только имъ давались трудныя порученія, только они знали гдѣ находятся склады добычи и склады оружія. Вслѣдствіе разчета, показывавшаго изумительную предусмотрительность, никто изъ шайки, за исключеніемъ двухъ или трехъ начальниковъ, не носилъ при себѣ ни ножа, ни пистолета, не говоря уже объ оружіи болѣе опасномъ; только въ ночь, назначенную для *работы*, все нужное выдавалось на руки, и то въ самомъ скудномъ количествѣ. Подъ сводами каменоломней или въ подвалахъ у надежныхъ пристанодержателей хранились не только ружья, но мундиры жандармовъ и національной гвардіи, кинжалы, сабли, пистолеты, въ изобиліи, для чернаго дня и особенно важныхъ экспедицій. Но Красавецъ не позволялъ злоупотреблять своимъ арсеналомъ; онъ зналъ, что французскій воръ, имѣя при себѣ оружіе, пойдетъ хвастаться, пугать смирныхъ людей, или подерется съ товарищемъ.

Наступили однакоже дни, позволившіе осторожному Франсуа и увеличить свою шайку, и придать своимъ дѣйствіямъ небывалую дерзость. Девятое число термидора принесло съ собой паденіе Робеспьера и партіи террористовъ. Парижъ отдохнулъ отъ политическихъ убійствъ, но безопасность жизни и собственности не только не утвердились въ государствѣ, а напротивъ еще уменьшились. Терроръ продовольствовалъ и развлекалъ массу самаго подлаго и опаснаго населенія; имѣя постоянную необходимость въ опорѣ со стороны черни, правительство держало на жалованьи тысячи преторіанцевъ, которые получая по два франка въ день, за это присутствовали при казняхъ, оберегали коммуну, давали тонъ частямъ столицы подозрѣваемымъ въ вялости и содѣйствовали политической полиціи во всѣхъ обыскахъ, аре-

стахъ, и такъ далѣе. Люди, смѣнившіе партію Робеспьера, не имѣли ни времени, ни смѣлости на открытое преслѣдованіе этихъ преторіанцевъ; по своей слабости они были даже не прочь отъ мировой съ ними, еслибы по счастію населеніе столицы, доведенное до изступленія событіями страшнаго времени, само не обратилось въ мстителей. Началась реакція достойная причинъ ее породившихъ. Все заподозрѣнное въ связяхъ съ террористами пошло на эшафотъ, въ изгнаніе и въ тюрьмы. Народъ убивалъ и преслѣдовалъ какъ дикихъ звѣрей всякаго, кто ознаменовалъ себя сочувствіемъ къ системѣ недавнихъ ужасовъ; родственники погибшихъ жертвъ и такъ-называемая „позлащенная молодежь" (jeunesse dorée) на улицахъ останавливали, колотили, а иногда и убивали своихъ бывшихъ гонителей. Двѣ или три смуты революціонной партіи, подавленныя вовремя, довели до отчаянія ту часть парижской черни, которая когда-то жила терроромъ, получала даровой хлѣбъ и казенныя деньги: ей оставалось умирать съ голода или бѣжать изъ столицы; весьма естественно, что она выбрала послѣднее. Естественно и то, что развратные, кровожадные мерзавцы, въ огромномъ количествѣ разсыпавшіеся изъ Парижа по всей Франціи, не въ честномъ трудѣ искали средствъ къ пропитанію. Большинство пріютилось по городамъ, въ которыхъ контръ-революціонная реакція оказывалась слабѣе, а партія *патріотовъ* имѣла нѣкоторыя надежды на будущее; остальныя же затѣмъ массы или сформировались въ отдѣльныя разбойничьи шайки подъ разными названіями, или присоединились къ шайкамъ уже существовавшимъ [1].

Еслибы Франсуа Жиродо, начальникъ оржерской шайки, въ концѣ 1794 года пожелалъ имѣть маленькую армію для своихъ подвиговъ, ему было бы легко сформировать цѣлыя роты изъ парижскихъ выходцевъ искавшихъ у него

---

[1] Опасная часть парижской черни подала примѣръ эмиграціи по провинціямъ, но по одной дорогѣ съ столичными преторіанцами пошли партіи людей сформированныя по большимъ городамъ бывшими революціонными проконсулами, какъ-то: *Маратова рота*, *друзья гильйотины*, *неподкупные молодцы* и т. д., свирѣпствовавшіе въ Ліонѣ, Авиньйонѣ, Брестѣ, Нантѣ съ Лебопомъ, Каррье и Колло-д'Эрбуа. Съ паденіемъ террористовъ ихъ доля стала очень плохою; ихъ преслѣдовали и истребляли съ такою жестокостью, передъ которою блѣднѣли жестокости реакціи парижской.

работы. Онъ ограничился тѣмъ, что выбралъ самыхъ способныхъ, да сверхъ того вошелъ въ близкія сношенія съ шайкой *Парижанина Шарля*, въ короткое время получившаго почетную извѣстность по деревнямъ, замкамъ и фермамъ, расположеннымъ не вдалекѣ отъ столицы. Во время террора и домовыхъ обысковъ, Шарль собиралъ довольно добычи весьма простымъ способомъ: переодѣвшись полицейскимъ коммиссаромъ, онъ бралъ съ собой нѣсколько товарищей, одѣтыхъ жандармами или вооруженными санкюлотами, ночью оцѣплялъ какое-нибудь строеніе, заранѣе выбранное и осмотрѣнное, приказывалъ отворить ворота во имя закона, а затѣмъ связывалъ жильцовъ и грабилъ. Раза два удавалось ему обчистить замки довольно богатые; но густое населеніе мѣстъ, гдѣ происходили подвиги, держало шайку Шарля въ постоянной опасности. При грабежѣ одной небольшой фермы, сосѣдніе крестьяне успѣли прибѣжать на выручку, дѣло не удалось, и разбойники разбѣжались, поразивъ, какъ бы въ отмщеніе, хозяевъ фермы, отца съ сыномъ.

Союзъ двухъ шаекъ, Шарля и Красавца, долженъ былъ ознаменоваться чѣмъ-нибудь особенно смѣлымъ: съ одной стороны Парижане чувствовали себя привольнѣе въ сторонѣ отъ столицы, съ другой оржерская шайка была усилена людьми привыкшими къ крови, не способными колебаться передъ *большою работой.*

И дѣйствительно въ октябрѣ 1794 года, въ деревнѣ Оливе, близь Орлеана и почти на Луарѣ, произошелъ сборъ самыхъ надежныхъ людей изъ обѣихъ шаекъ. Мѣстомъ сбора, какъ обнаружилось изъ показаній полеваго сторожа деревни, была харчевня нѣкоего Бенуа, человѣка, о которомъ давно ходила самая дурная слава. Въ харчевнѣ не горѣло огня и все казалось тихо, но до сорока человѣкъ одѣтыхъ жандармами, драгунами или просто въ блузахъ, ужинали въ комнатѣ, окнами выходившей на огородъ сзади строенія. Выждавшіе ночи, гости поодиначкѣ, по два и по три, вышли и выѣхали изъ харчевни; человѣкъ шестнадцать между ними имѣли верховыхъ лошадей. Разными дорогами проѣхали они къ замку Готре, стоявшему въ небольшомъ разстояніи отъ деревни; неподалеку отъ замка, кромѣ надворныхъ строеній, находилась небольшая ферма. Все имѣніе принадлежало семейству Делуанъ, глава которой, ста-

рикъ лѣтъ восьмидесяти, жилъ въ замкѣ, съ весьма небольшою прислугой.

Около одиннадцати часовъ ночи, ферма была оцѣплена разбойниками. Самого Франсуа при отрядѣ не находилось, всею операціей распоряжался его лейтенантъ „Рыжій“, человѣкъ весьма молодой, хилый и нездоровый, но неразъ уже выказавшій замѣчательныя способности. Подойдя къ воротамъ, онъ ударилъ въ нихъ рукояткою сабли. Фермеръ Трепенъ высунулся изъ окошка. „Отворите во имя закона“, сказалъ ему Рыжій, „мы съ патрулемъ, пришли искать дезертера.“

Фермеръ отказался отворить двери; тогда разбойники взяли бревно, валявшееся неподалеку, и однимъ ударомъ съ разбѣга проложили себѣ дорогу. Трепенъ и сынъ его выбѣжали въ сѣни; старику дали нѣсколько сабельныхъ ударовъ, сына закололи до смерти. Работниковъ перевязали и завязали имъ глаза, свалили въ уголъ; дочь Трепена и ея дѣвушку привязали и изнасиловали. Тысячъ пять франковъ и вещи получше были схвачены, но грабежомъ занялись недолго, главное дѣло было еще въ перспективѣ. Вычернивъ себѣ лица сажей, разбойники взяли съ собой израненаго Трепена, и подошли вмѣстѣ съ нимъ къ маленькому павильйону, гдѣ жилъ Монтиньи, садовникъ замка. Фермеръ, повинуясь шпагѣ приставленной ему къ горлу, позвалъ садовника и попросилъ его отворить ворота. Въ замкѣ произошло то же, что̀ на фермѣ: старика Делуана изранили, и одними деньгами взяли у него тысячъ до тридцати франковъ. Къ утру все было кончено, и черезъ нѣсколько часовъ вся окрестность находилась въ неслыханномъ ужасѣ.

И розыски, и слѣдствіе по поводу преступленія, сейчасъ разказаннаго, хорошо показываютъ до какой ужасающей степени были разстроены во Франціи всѣ власти карающія и ограждающія. Съ перваго дня открылось такое количество указаній, что малая часть ихъ, случись подобное злодѣйство въ настоящее время, повела бы къ его полному разоблаченію. Робишонъ, полевой сторожъ, съ вечера видѣлъ группы подозрительныхъ людей, направлявшихся къ харчевнѣ Бенуа. Ложась спать, онъ сказалъ женѣ своей: „нынче ночью случится какая-нибудь гадость“, а между тѣмъ не догадался ни усилить своего надзора, ни

увѣдомить о подозрительномъ сборищѣ кого слѣдуетъ. Одинъ изъ разбойниковъ, бывшій портной Ардуэнъ, былъ узнанъ рабочими на фермѣ Трепена. Въ довершеніе всего, господинъ Делуанъ сдѣлалъ показаніе не лишенное важности. Предводитель шайки при немъ сказалъ одному изъ воровъ, ломавшему замокъ.

— Брось эту коробку; тамъ или мукà, или какая-нибудь дрянь въ томъ же родѣ.

Воръ отвѣчалъ:—Это не коробка, это хорошій ящикъ, я самъ его дѣлалъ въ Орлеанѣ.

Трактирщикъ Бенуа, на котораго показалъ полевой сторожъ, былъ когда-то плотникомъ, и ящикъ, хорошо знакомый Делуану, былъ сдѣланъ его руками.

Ардуэна и Бенуа схватили,—и можно ли было не схватить ихъ послѣ такихъ обвиненій? Но этимъ и кончилось все: розыски начались такъ поздно, вопросы производились такъ небрежно и вяло, что слѣды другихъ сообщниковъ не могли не изчезнуть. Сами взятые преступники попались только оттого что слишкомъ были увѣрены въ своей безопасности, наглость воровъ доходила до того, что послѣ своей экспедиціи шайка позавтракала въ прежней харчевнѣ, раздѣлила добычу, отложила вещи поцѣннѣе, и съ надежными людьми отправила ихъ водой въ Туръ, для продажи. Только покончивъ со всѣмъ этимъ, компанія разошлась: кто укрылся по каменоломнямъ, кто навремя посѣтилъ Парижъ, чтобъ повеселиться на добытую выручку. Благодаря небрежности предварительнаго слѣдствія, присяжнымъ города Шартра оставалось только сказать приговоръ надъ единственными преступниками, попавшимися въ руки правосудія; ни поправить дѣла, ни отыскать ихъ сообщниковъ уже никто не имѣлъ возможности. Ардуэну и Бенуа отрубили голову, но казнь ихъ только усилила ожесточеніе въ сообщникахъ шайки.

I

Еще тянулось слѣдствіе по поводу недавняго разбоя, а оржерская шайка успѣла совершить нѣсколько убійствъ по большимъ дорогамъ; о воровствахъ случавшихся каждодневно говорить не стóитъ. Поселяне опять ждали какого-нибудь злодѣйства въ большихъ размѣрахъ, и не видя ни-

какой защиты со стороны властей, сами принимали мѣры предосторожности. Черезъ два мѣсяца послѣ удачной экспедиціи Рыжаго, самъ Красавецъ задумалъ работу въ такомъ же родѣ. Около мѣстечка Виль-Соважъ находилась ферма вдовы Могенъ, женщины, по слухамъ, очень достаточной; на ферму это было сдѣлано нападеніе въ ночь на одиннадцатое января 1796 года. Двери выломали, хозяйку и троихъ работниковъ связали, часовыхъ размѣстили гдѣ слѣдуетъ, грабежъ начался. Пока Красавецъ отдавалъ приказанія, извѣстный намъ лейтенантъ его, Рыжій, счелъ за лучшее заняться своимъ туалетомъ. Онъ выбралъ изъ сундуковъ лучшую рубашку, жилетъ и панталоны, сбросилъ свои лохмотья; но въ самую эту минуту часовые подали сигналъ немедленнаго отступленія. Огоньки загорались въ Виль-Соважѣ; по тому же направленію слышались голоса и шумъ бѣжавшихъ людей. Похватавъ что̀ могли, разбойники бросились изъ фермы; лейтенантъ, совсѣмъ голый, подъ мышкой тащилъ добытые имъ наряды. Но крестьяне съ ружьями показывались тамъ и сямъ, а изъ-за стога съ соломой, около котораго неслась шайка, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Что-то тяжелое грохнулось о земь.

— Кого зацѣпило? спросилъ Красавецъ, остановившись.

— Упалъ Лимузенъ-Блузникъ, отвѣчалъ ближайшій бандитъ, имя котораго *Бриганъ* (Brigand) было кличкой по шерсти.

— Тащи его къ намъ, или я убью тебя на мѣстѣ, приказалъ повелитель:—я не хочу чтобы насъ переловили изъза этого мальчишки.

Разбойникъ повиновался, и черезъ пять минутъ благополучно добѣжалъ до своихъ, волоча за ногу тѣло. Подстрѣленный воръ былъ еще живъ, двое товарищей взвалили его на плеча, и вся шайка добралась до опушки лѣса. „Мы еще повидаемся съ вами ребята!“ грозно закричалъ Красавецъ, оборотясь къ преслѣдователямъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ лѣсъ, и шайка почла себя въ безопасности.

Вооруженный народъ хорошо зналъ какъ опасно соваться въ лѣсъ и еще въ такую пору. Но вызовъ раздражилъ смѣльчаковъ, и они не прекратили преслѣдованія. Послѣ долгаго перехода Красавецъ и его спутники добрались до прогалины, находившейся въ самой

глухой трущобѣ лѣса; тамъ, считая себя въ безопасности, они развели огонь и рѣшились отдохнуть до утра. Къ огню же положили раненаго; но едва Бриганъ поднесъ къ его рту свою флягу съ водкою, какъ раздались выстрѣлы: фляга выскользнула у него изъ рукъ, и онъ упалъ съ раздробленною ногой. Тогда разбойники разсыпались въ чащѣ и скрылись; только около костра удалось захватить обоихъ раненыхъ. Тотъ, что̀ былъ подстрѣленъ около стога съ соломой, на другой день умеръ.

Подобно мастеру военнаго дѣла, почерпающему особенную энергію изъ неудачи, Красавецъ только расширилъ свои операціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ разказанныхъ сценъ, онъ отправилъ самаго ловкаго изъ своихъ подчиненныхъ, Кузена, осмотрѣть ферму гражданина Лежена и подготовить дѣло для новой экспедиціи. Кузенъ, нарядившись достаточнымъ крестьяниномъ, сталъ торговать зерновой хлѣбъ у фермера, условился въ цѣнѣ и уѣхалъ, оставивъ шесть франковъ задатка.

Черезъ два дня, въ одиннадцать часовъ ночи, двѣнадцать молодцовъ оржерской шайки перелѣзли черезъ заборъ фермы. Въ головѣ ихъ находился самъ предводитель. Кузенъ постучался въ двери.

— Кто тамъ стучитъ? закричалъ фермеръ.

— Отворите, это я, Кузенъ; пріѣхалъ за хлѣбомъ!

— Да какъ вы сюда попали коли вороты заперты?

— Я стучалъ, стучалъ, наконецъ рѣшился перелѣзть черезъ заборъ.—Вы дрыхнете хуже сурковъ.

Въ это время завизжала собака, которую одинъ изъ разбойниковъ ударилъ саблею. Леженъ догадался въ чемъ дѣло и сталъ закладывать двери чѣмъ попало.

— Скорѣй *бомбу*! закричалъ Красавецъ. *Бомбой* называлось когда двери приходилось вышибать бревномъ съ размаху. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, дорога открылась.

— Вотъ я васъ отпотчую, мерзавцы, сказалъ фермеръ замахнувшись цѣпомъ, но Красавецъ скакнулъ впередъ и саблей разрубилъ ему черепъ. Леженъ повалился на полъ, Кузенъ вскочилъ ему на животъ, и ножомъ перерѣзалъ ему горло.

Начался грабежъ по всему дому, и тутъ оказался примѣръ того отчаяннаго упорства, съ которымъ всякій сельскій житель, особенно крестьянинъ-Французъ, защищаетъ достатокъ, добытый трудовою жизнью. Жена хозяина фермы,

не взирая ни на истязанія, ни на угрозы, не показала другихъ денегъ, кромѣ небольшой суммы въ ящикѣ стараго бюро. Франсуа кинулся къ хозяину, который умиралъ, но еще могъ выговорить нѣсколько словъ. Отъ него узнали, что деньги въ погребу и потащили туда несчастную женщину. Послѣ долгихъ усилій она указала большой горшокъ весь наполненный золотыми и серебряными монетами. Казалось цѣль была достигнута и даже медлить не стоило; но мерзавцы, ожесточенные недавнею неудачей, сочли долгомъ отплатить за нее двумя ненужными убійствами. Хозяйку зарѣзали, а работника при повозкахъ и конюшнѣ связали, положили на столъ и отрѣзали ему голову тупымъ ножомъ и саблей.

Сами преступники какъ будто испугались звѣрствъ ими надѣланныхъ, и одинъ изъ пристанодержателей усердно попросилъ знакомыхъ ему воровъ не ходить къ нему на дворъ, покуда дѣло не забудется. Но апатія мѣстныхъ властей превзошла всѣ мѣры. Слабое подобіе слѣдствія не открыло ровно ничего; въ народѣ же, справедливо или несправедливо, зародилась пагубная мысль о томъ, что начальство и полиція отъ страха мирволитъ разбойникамъ. Съ этого несчастнаго дѣла паника распространилась въ краѣ, деньги зарывались въ землю, по дорогамъ перестали ходить вечеромъ. Крестьяне, такъ недавно въ часъ опасности готовые бѣжать на помощь другъ другу, сидѣли запершись, и не рѣшались на открытыя дѣйствія противъ шайки. Вялые розыски полиціи отстанавливались, потому что никто не хотѣлъ дать какое-нибудь показаніе; люди кое-что знавшіе молчали, хорошо понимая, что при бѣдѣ никто за нихъ не вступится. Такой льготы разбойничьему ремеслу не бывало ни въ Испаніи, ни въ Италіи, и Красавецъ умѣлъ пользоваться ею, не теряя времени. Долго было бы разказывать обо всѣхъ дѣлахъ насилія и крови, послѣдовавшихъ тотчасъ же за убійствами на фермѣ Лежена. Каждое нападеніе на фермы удавалось, каждое сопровождалось смертоубійствами, хотя не каждое приносило достаточную выгоду. Одинъ разъ, ограбивъ цѣлый домъ и зарѣзавъ хозяина, шайка добыла себѣ по одной рубашкѣ и по четыре су на человѣка. Иногда оказывалось, что ферма богата, что деньги по всей вѣроятности близко, но хозяинъ или былъ убитъ въ торо-

пяхъ, или выдерживалъ всѣ насилія, не выдавая своей копѣйки. При упорствѣ разбойники стали употреблять правильныя пытки, и наконецъ при нападеніи на ферму Буте пустили въ ходъ тотъ способъ дознанія, который въ послѣдствіи прославилъ ихъ шайку и придалъ ей имя *шоффёровъ* [1]. Дочь фермера привязали къ кровати, сорвали съ нея обувь начали жечь ей ноги, и жгли ихъ до тѣхъ поръ пока она не открыла куда отецъ ея прячетъ деньги.

По этому послѣднему дѣлу не было даже произведено слѣдствія. Красавецъ властвовалъ безъ помѣхи, но внезапно самая ничтожная исторія пріостановила его дѣятельность на нѣсколько мѣсяцевъ. Не взирая на множество смертоубійствъ, совершенныхъ оржерскою шайкой, читатель не долженъ думать однако, что ея главныя *работы* состояли въ кровопролитіи и грабежахъ со взломомъ. Ножомъ и *бомбою* работали лишь избранные; остальная масса товарищей, раскинувшись по всему краю, пропитывалась безъ всякаго риска попасть подъ пулю. Одни дѣлали фальшивую монету, другіе воровали куръ и лошадей, третьи живились на ярмаркахъ и при всякомъ собраніи народа, четвертые грабили прохожихъ женщинъ и людей неспособныхъ защищаться. Не наводя такого ужаса какъ ихъ болѣе отчаянные собратья, они тѣмъ не менѣе зарабатывали много и оставляли жизнь мирныхъ людей. Красавецъ, при всѣхъ своихъ важныхъ дѣлахъ, не упускалъ изъ виду и только что описанной скромной отрасли; мало того, онъ поощрялъ ее своимъ примѣромъ. Отдыхая отъ своихъ экспедицій, онъ отправился въ Эшампъ, по случаю ярмарки, спустить часть вещей награбленныхъ въ разное время у разнощиковъ. Переодѣвшись, онъ продавалъ тамъ платки, полотно, ситцы, мелкія галантерейныя вещи, сдачи сдавалъ фальшивою монетой, и такимъ образомъ велъ недурно свои дѣла. На его несчастіе, находился при немъ мальчишка, вырощенный въ шайкѣ, но все еще не довольно смѣтливый; ребенка поймали съ фальшивою шести-франковою монетой, и по слѣду добрались до самаго Красавца. За все время слѣдствія и суда, никто не догадался всмотрѣться въ дѣло поглубже, никто не подумалъ о томъ, что малый, пойманный съ фальшивыми

---

[1] Отъ глагола *chauffer*, который въ его разбойничьемъ смыслѣ, можетъ быть переданъ словомъ *подпаливать*.

деньгами, могъ имѣть кое-что общее со сборищемъ убійцъ, приводившихъ въ ужасъ три смежные департамента. Подъ именемъ Жиродо, Красавца Франсуа приговорили къ четырнадцатилѣтнему заключенію. И подсудимый, и сами судьи по всей вѣроятности знали хорошо, что можетъ значить такое долгое заключеніе въ тогдашней Франціи, при ея порядкахъ и при ея никуда не годныхъ тюрьмахъ.

Тѣмъ не менѣе, съ сентября 1796 до іюля 1797 года, Красавца не было при оржерской шайкѣ. Поджидали ли его товарищи, произошла ли между ними распря за главное начальство, неизвѣстно; извѣстно лишь то, что прямаго начальника не выбирали, и что даже лейтенантъ Рыжій не имѣлъ никакой сильной власти. Большія экспедиціи пріостановились; въ замѣнъ ихъ усилились убійства по большимъ дорогамъ. Хотя крови проливалось довольно, однако край, привыкшій къ кое-чему худшему, какъ будто отдохнулъ на короткое время. Но временный отдыхъ служилъ лишь прелюдіей страшнѣйшихъ злодѣяній. Шайка оставалась та же, духъ ея былъ тотъ же, организація ея, задуманная и усовершенствованная Красавцемъ, еще не пострадала отъ его отсутствія. Съ этою оригинальною и мастерскою организаціей мы теперь познакомимся въ подробности.

III.

Дѣйствительно, число лицъ прикосновенныхъ къ оржерской шайкѣ, за время ея полнаго развитія въ 96 и 97 годахъ, не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно. Вмѣстѣ съ принципомъ единой центральной власти, въ ней былъ развитъ и принципъ децентрализаціи. На самую трудную работу Красавецъ не выходилъ никогда, имѣя болѣе сорока человѣкъ; оттого онъ рѣдко назначалъ большіе сборы, и довольствовался тѣмъ, что зорко слѣдилъ за дѣятельностію отдѣльныхъ подвластныхъ ему корпорацій, изъ которыхъ иныя гнѣздились около Парижа и въ самой столицѣ. Въ однихъ лѣсахъ, около Шартра, было до десяти пріютовъ, обозначенныхъ особыми замѣтками на деревьяхъ; въ каждомъ собирались свои разбойники съ отдѣльными предводителями, имѣвшими все право дѣйствовать безъ вѣдома

главнаго начальника, но съ отвѣтственностію передъ нимъ при неудачѣ. Затѣмъ по всему краю шло развѣтвленіе шайки: не было города, мѣстечка, даже большой деревни, въ которой не обрѣтался бы на постоянномъ жительствѣ или пристанодержатель, или кто-нибудь изъ разбойниковъ, или жена разбойника. Мясники, винодѣлы, кожевники, коновалы, въ особенности трактирщики, укрывали воровъ, сбывали и прятали награбленное имущество; сами разбойники нанимались слугами на фермахъ, торговали мелкимъ товаромъ, жены ихъ содержали дурные дома, винные погребки, лавки стараго платья. Нѣкоторыя изъ харчевень, хорошо извѣстныхъ шайкѣ, могли назваться не харчевнями, а вертепами огромныхъ размѣровъ; читая ихъ описаніе, не вѣришь, что въ благоустроенномъ государствѣ могло существовать что-либо подобное. Такъ напримѣръ, въ деревнѣ Гедрвиль, у пристанодержателя Пиголе, въ запущенномъ садикѣ близъ дома, находился входъ въ подземелье, оставшееся отъ какого-нибудь исчезнувшаго замка или аббатства. Подземелье имѣло сто футовъ длины и тридцать поперечнику; прикрытое прочнымъ сводомъ, снабженное печью и закоулками, оно служило безопаснымъ мѣстомъ сбора и даже жительствомъ для лицъ несшихъ разныя должности при шайкѣ. Мы видѣли, что у трактирщика Бенуа сорокъ человѣкъ ужинало, а потомъ дѣлило добычу, причемъ только одинъ изъ сосѣдей замѣтилъ въ трактирѣ небольшое движеніе. Въ Апрё, у женщины Риноденъ, державшей погребокъ, находилось никому не извѣстное убѣжище для пятнадцати человѣкъ; на всякій случай, въ погребу и на чердакахъ, она имѣла складъ вещей и платья, принадлежавшихъ шайкѣ. Предусмотрительность доходила до того, что на *главной квартирѣ*, у старичка Пиголе, можно было всегда найдти: 1) цирюльника Баптиста (на случай переодѣванья, накладной бороды и такъ далѣе); 2) нѣсколько женщинъ и бойкихъ мальчишекъ, для передачи извѣстій и приказаній въ разные пункты; 3) *воровскаго попа* (curé des pingres), безъ котораго нельзя было жениться. Мало того цирюльникъ Баптистъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія въ медицинѣ, такъ что у него лѣчились больные и раненые, а трактирщикъ Дубле въ городѣ Шартрѣ, добывалъ разбойникамъ паспорты, и паспорты не фальши-

вые, *а настоящіе, отъ лицъ участвовавшихъ въ городскомъ управленіи.*

Пристанодержателей шайки не слѣдуетъ смѣшивать съ другою многочисленною группою лицъ, съ ея маклерами. То были мошенники осторожные, избѣгавшіе слишкомъ тѣсныхъ сношеній съ Красавцемъ, но извлекавшіе большія выгоды изъ покупки и перепродажи награбленнаго. Одни не брали ничего кромѣ лошадей и рогатаго скота; другимъ несли платье; третьи дѣлали дѣла по части краденыхъ кожъ; четвертые не хотѣли смотрѣть ни на что дешевое, и имъ несли серебро или галантерейныя вещи. Высшій разрядъ маклеровъ однако былъ не прочь участвовать и въ работѣ, но не иначе какъ совѣтомъ и подготовкой. Разузнать о томъ гдѣ у кого лежатъ деньги, на какой фермѣ народу поменьше, на какой домъ можно напасть во время отсутствія хозяина, вотъ для чего служили эти люди, между которыми одинъ, по имени Франсуа Барбъ, получилъ даже почетное званіе *nourrisseur d'affaires.* Переодѣвшись крестьяниномъ, онъ нанимался для полевыхъ работъ по фермамъ, высматривалъ тамъ все что̀ слѣдовало; кончивъ обзоръ, устраивалъ такъ что его прогоняли, и потомъ или давалъ шайкѣ всѣ свѣдѣнія для болѣе удобнаго нападенія, или совѣтовалъ оставить предпріятіе.

Изъ этого краткаго перечня слѣдуетъ, что составъ оржерской шайки заключалъ въ себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ преступленіяхъ. Не безъ основанія мы назвали шайку эту государствомъ въ государствѣ; она имѣла свои законы, которыхъ происхожденіе теряется во мракѣ, обычаи, перешедшіе къ ней отъ средневѣковыхъ разбойничьихъ конгрегацій. Она имѣла свои правила для избранія атамана, для наказанія непослушныхъ, для призрѣнія стариковъ или увѣчныхъ, для воспитанія будущихъ злодѣевъ, для казни доносчиковъ, даже для бракосочетаній и пировъ. Она имѣла свои пѣсни и легенды, свои суевѣрія, свои нравы, свой языкъ, не понятный для непосвященныхъ. *Мегъ* — такъ назывался атаманъ,—могъ застрѣлить непослушнаго члена шайки, могъ приговорить къ варварской казни неловкаго часоваго (одинъ мальчикъ, доставившій невѣрныя свѣдѣнія, вслѣдствіе которыхъ шайка встрѣтила отпоръ при нападеніи на ферму, былъ до смерти заколоченъ палками); но онъ не

смѣлъ покривить душой при дѣлежѣ добычи. Всякій воръ могъ распутствовать сколько хотѣлъ; но если ему припадала мысль жить съ одною женщиной, онъ не могъ не продѣлать, въ присутствіи своего попа и начальниковъ, нѣсколькихъ странныхъ обрядовъ, за которыми обыкновенно слѣдовала общая оргія. Несовершеннолѣтніе члены шайки были поручены надзору *школьнаго учителя*, разсылались имъ на воровство, служили за почтальйоновъ, шпіоновъ и адъютантовъ. Женщины, прикосновенныя къ обществу, подчинялись той, которую *мегъ* избиралъ своею любовницей: при Красавцѣ ими строго правила Роза, весьма хорошенькая торговка женскими нарядами въ Шартрѣ. Ни одинъ изъ горожанъ, глядя на эту разряженную и бойкую красавицу, не догадывался на какія деньги она щеголяетъ и съ какимъ разрядомъ людей ведетъ тѣсныя сношенія.

Между лицами, особенно уважаемыми въ шайкѣ и какъ бы составлявшими совѣтъ по ея управленію, прежде всѣхъ надо указать на Старичка-Элуи, рѣзавшаго людей и воровавшаго чуть не при Лудовикѣ XIV. Онъ не имѣлъ ни ремесла, ни *общественнаго положенія*, а бродяжничалъ, пропитываясь у пристанодержателей или на сборныхъ пунктахъ. Съ виду казался онъ тихимъ, веселымъ, толстенькимъ и благонравнымъ старикашкой, но его кровожадность не знала предѣловъ. Ему предстоитъ слава открытія или, вѣрнѣе, возобновленія методы *подпаливанья*, потому что она была въ ходу у разбойниковъ предшествовавшаго поколѣнія. Старичокъ-Элуи всегда былъ того мнѣнія, что сельскій житель крѣпко держится за деньги и что безъ пытки отъ него не много добудешь. Пытки совѣтовалъ онъ дѣлать съ разборомъ, то-есть *подпаливать* мужа при женѣ, сына при матери. „Иногда кричитъ не тотъ кого пытаютъ“, добавлялъ онъ со смѣхомъ: „случается, что подпаливаешь одного, а выдаетъ деньги тотъ, кто только смотритъ!“

Учитель парнишекъ (instituteur des mioches) былъ другимъ почетнымъ лицомъ въ кругу оржерскихъ разбойниковъ. Легко сообразить, что Николай Тенсленъ, бывшій клеркъ прокурора, правившій должность учителя, не педагогическими заслугами пріобрѣлъ себѣ уваженіе. Опытный и старый воръ, онъ по своему мѣсту въ шайкѣ былъ какъ бы суперъинтендентомъ всей мелкой работы, устроителемъ

операцій, въ которыхъ до ножа не доходило. Мальчики и дѣвочки, ввѣренные его попеченію, крали что попадалось подъ руку, особенно всякую живность по деревнямъ и фермамъ. На ярмарки и праздники ихъ слали партіями, а кто показывалъ больше смѣтливости, тому поручали передачу приказаній или шпіонскую должность, подъ надзоромъ хорошаго маклера.

Трудно сказать чѣмъ болѣе занимался старикъ Франсуа. Лежёнь, каменьщикъ по ремеслу, и *попъ* (curé des pingres) по занятіямъ въ оржерской шайкѣ. Запутанность процесса и невозможность останавливаться надъ второстепенными подробностями преступленій причиной тому, что значеніе этой странной должности остается не яснымъ. Попъ дѣйствовалъ при сочетаніи паръ и при разводѣ сочетавшихся, имѣлъ особую, какъ бы духовную одежду, во время оргій совершалъ какіе-то загадочные обряды; но была ли его должность дѣломъ безобразнаго кощунства, или перешла въ шайку какъ наслѣдіе отъ древнихъ разбойничьихъ группъ (наполовину состоявшихъ изъ людей цыганской породы), осталось вопросомъ не рѣшеннымъ.

Вотъ малая часть подробностей на счетъ состава и организаціи знаменитой шайки. Ни численность ея, ни полное устройство никогда не были разоблачены какъ слѣдуетъ: правосудіе настигло самыхъ опасныхъ дѣятелей, полиція очистила отъ нихъ главныя изъ опустошаемыхъ мѣстностей, но никто не могъ выслѣдить всѣхъ развѣтвленій злодѣйскаго общества. Оржерская шайка была сформирована такъ, что даже арестъ старшихъ разбойниковъ, даже предательство вліятельныхъ членовъ не могли вести за собой ея полнаго уничтоженія. Что касается до мелкихъ открытій полиціи, до поимки воровъ подначальныхъ, то эти пустяки даже на одинъ день не пріостанавливали хищничества, тяготѣвшаго надъ всѣмъ краемъ. Положить ему предѣлъ могла только воля энергической исполнительной власти, въ высшихъ сферахъ государства, но во времена несчастной, всѣми презираемой директоріи, никто и не предвидѣлъ ничего подобнаго.

IV.

Въ концѣ іюля 1796 года, нѣсколько новыхъ случаевъ открытаго грабежа съ убійствомъ, одинъ за другимъ, произошли въ оржерскихъ окрестностяхъ. Толпа людей ночью ворвалась въ домикъ бѣднаго школьнаго учителя, зарѣзала его и утащила что̀ могла. Около Шартра нѣсколько фермъ были ограблены. Въ Го, двери дома, весьма близкаго къ другимъ сосѣднимъ домамъ, въ одно утро оказались взломанными. Сосѣди вошли и увидѣли одну изъ сценъ, къ несчастію слишкомъ знакомую мирнымъ поселянамъ того несчастнаго времени. Разбитые сундуки валялись по комнатамъ, полъ былъ закиданъ вещами слишкомъ дешевыми или громоздкими, въ передней стояла лужа крови и валялся трупъ хозяина, по имени Менаре, съ перерѣзаннымъ горломъ; въ другой комнатѣ лежала его жена, также убитая.

„Красавецъ воротился!“ заговорили въ лѣсу и по дорогамъ младшіе члены шайки, воришки, разнощики, цыгане и нищіе. Мѣстныя власти не могли сказать даже этого. Что-то въ родѣ слѣдствія началось, и прекратилось, за неимѣніемъ показаній. А убійства шли своимъ чередомъ: на трупахъ женщинъ всегда почти замѣчались слѣды гнусныхъ насилій; у большей части убитыхъ фермеровъ ноги были обожжены, перецарапаны и проколоты. Весь край опять заговорилъ о пыткахъ и *подпаливаньи*, даже дѣти пугали другъ друга словомъ „шофферы“, и названіе это до нашихъ дней хорошо знакомо всякому французскому поселянину, какъ жестокое бранное слово. Не могло оставаться сомнѣній: оржерскими молодцами правила прежняя смѣлая рука. Красавецъ къ нимъ вернулся. Безъ большаго труда бѣжалъ онъ изъ Эталена; ни полусгнившія двери тюрьмы, ни вѣчно пьяные тюремщики, не были способны долго удержать такого краснаго звѣря, да и самое бѣгство *арестанта Жиродо* никого не озаботило: стоило ли въ такія времена разыскивать деревенскаго парня, попавшагося на ярмаркѣ съ горстью фальшивой монеты!

Большая работа начала повторяться такъ часто, что

Красавцу приходилось не подъ силу предводительствовать всѣми экспедиціями. Рыжій по временамъ замѣнялъ начальника; но этотъ человѣкъ, изобрѣтательный и не отступавшій передъ кровью, далеко не имѣлъ достоинствъ своего предводителя. Онъ былъ хилъ и безсиленъ какъ настоящій парижскій gamin, любилъ развратничать и интриговать противъ старшихъ, съ подчиненными же держалъ себя грубо, не имѣя достаточно твердыхъ кулаковъ чтобы поддерживать свою заносчивость. Все это наконецъ привело къ неудачѣ, и неудачѣ постыдной. Возлѣ Коттонвиля, въ деревушкѣ Буа, разбойники, въ числѣ восьми человѣкъ, черезъ окно ворвались въ домъ мелкаго торговца Маршана, находившійся съ краю деревни. Ими предводительствовалъ Рыжій. Какъ слѣдуетъ старшему, онъ первый выбилъ раму и вскочилъ въ комнату, но тутъ встрѣтилъ его неожиданный противникъ. Жена хозяина, сильная баба, давно уже заслышавшая шумъ по окнамъ, прыгнула съ постели и вцѣпилась руками въ нижнюю часть живота Рыжему. Пока товарищи возились съ самимъ Маршаномъ, ихъ начальникъ ревѣлъ и звалъ на помощь, не имѣя силы отцѣпить отъ себя храбрую старуху. Поваливъ и изранивъ хозяина, воры вошли къ нему и расхохотались; съ Рыжаго свалилось нижнее платье, но противница, не робѣя, таскала своего гостя по комнатѣ. „Чего же вы ждете? Силъ моихъ не хватаетъ!“ кричалъ Рыжій. Одинъ изъ воровъ вынулъ ножъ, но споткнулся, уронилъ его, и, не имѣя огня, долго шарилъ по полу, отыскивая свое оружіе, а между тѣмъ мужъ героини, оставленный въ сѣняхъ за-мертво, дотащился до выхода и сталъ звать на помощь. Сосѣди повыскакали изъ домовъ, часовые подали сигналъ, и злодѣямъ пришлось бѣжать, даже не покончивши съ амазонкой, разрушившею ихъ замыселъ.

Красавецъ поспѣшилъ разжаловать Рыжаго, и чтобы скорѣй загладить его промахъ, объявилъ большой сборъ двадцати человѣкамъ близь фермы Лифермо, ближайшей къ оржерскому лѣсу. На фермѣ этой и въ ея окрестностяхъ, шайка распоряжалась какъ у себя дома, а фермеръ, не будучи открытымъ пристанедержателемъ, берегъ себя и имѣлъ частыя сношенія съ нею. Упомянемъ о характеристической чертѣ общественной неурядицы: владѣлецъ земли, на которой стояла ферма, уменьшилъ арендную цѣну на двѣ

трети, *по случаю неудобствъ и опасностей сопряженныхъ съ близостью оржерскаго лѣса.*

Цѣлью сбора было нападеніе на ферму Миллуаръ, у хозяина которой, старика Фуссе, по словамъ шпіоновъ, водилось однихъ чистыхъ денегъ до двадцати тысячъ франковъ. Фуссе велъ сношенія съ компаніей „черной банды", которая скупала за безцѣнокъ покинутые за́мки, ломала ихъ и продавала изъ нихъ то что̀ было поцѣннѣе. Потому, кромѣ денегъ онъ имѣлъ много стараго серебра, бѣлья и разныхъ хорошихъ вещицъ во всякомъ родѣ.

Послѣ нѣсколькихъ осмотровъ и попытокъ, за разными препятствіями оставшихся безъ результата, Красавецъ наконецъ выбралъ удобное время для нападенія. Увѣренный въ своей силѣ и въ трусости сосѣдей Фуссе, начальникъ шайки не счелъ за нужное очень церемониться. Онъ занялъ всѣ подступы по военному, и пистолетнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ къ нападенію. Одна партія, высадивъ ворота, ворвалась въ покои фермера, другая вломилась въ конюшню, гдѣ находилась бо̀льшая часть прислуги. Людей избили и перевязали; одинъ изъ разбойниковъ, по имени Безпалый (Sans-Pouce), хладнокровно вытащилъ ножъ и приготовился было перерѣзать горло у всѣхъ взятыхъ. „Постой, сказалъ ему Красавецъ,—а про деньги кто скажетъ?" Прислугу фермы, трехъ мущинъ и одну женщину, побросали въ погребъ, впредь до дальнѣйшаго допроса.

Помощникомъ при Красавцѣ состоялъ *Драгунъ*, расторопный силачъ, когда-то служившій въ кавалеріи. Онъ уже успѣлъ захватить старика Фуссе, связать его, закрыть ему лицо ночнымъ колпакомъ, нахлобученнымъ до шеи и притащить къ начальнику. „Гдѣ твои деньги?" спросилъ Красавецъ. Фермеръ, получившій нѣсколько сильныхъ толчковъ и растерявшійся, не отвѣчалъ ни слова. Развели огонь, Драгунъ и Безпалый начали жечь старику ноги.— „Вотъ это работа такъ работа, смотрѣть пріятно!" замѣтилъ одинъ изъ старшихъ воровъ Красавцу. Фуссе испускалъ ужасные крики. „Кричи сколько угодно," сказалъ ему начальникъ шайки, „а про деньги все-таки скажешь." Старикъ указалъ мѣсто гдѣ были спрятаны триста франковъ. „Только-то?" спросилъ Красавецъ. „прибавьте огня да взрѣжьте ему подошвы."

Покуда происходила пытка, ферму обшарили: добыча

вещами была велика, а денегъ все не оказывалось. Два часа искали денегъ, два часа пытали несчастнаго старика, покуда тотъ наконецъ не лишился всякаго сознанія; его бросили заваливши перинами и всякимъ скарбомъ. Времени прошло много, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, спасло прислугу фермы отъ пытокъ. „Не покончить ли съ ними?“ спросилъ одинъ изъ разбойниковъ:— „пожалуй иной изъ нихъ найдетъ что сказать жандармамъ:— „Жандармамъ!“ презрительно перебилъ Красавецъ:—„надо же и жандармамъ поговорить съ кѣмъ-нибудь. Очень я боюсь ихъ разговоровъ!“

Въ ближайшемъ лѣсу произошелъ дѣлежъ добычи. Всѣ были довольны; но Красавецъ не могъ забыть про деньги. „Старикашка Фуссе обокралъ насъ!“ сказалъ онъ растягиваясь у костра и засыпая.

Бѣдный старикашка Фуссе, о которомъ шла рѣчь, находился между тѣмъ въ страшномъ положеніи. Онъ опомнился посреди темноты и дыма; разбойники, уходя, подожгли перину подъ которой онъ валялся, и она медленно горѣла. Весь истерзанный, да сверхъ того еще связанный, несчастный фермеръ однако ухитрился выползть на чистое мѣсто, зубами оттащить перину на средину комнаты, гдѣ она могла тлѣть не сообщая огня другому скарбу, и на колѣнкахъ выползти изъ дома. Онъ кричалъ, звалъ на помощь, но прислуга, засаженная въ погребъ, не слыхала его криковъ. Весь въ крови, не имѣя возможности ступить на полусожженныя ноги, Фуссе поползъ по дорогѣ и добрался до ближайшаго домика, шагахъ въ ста отъ его фермы. Тамъ узнали его голосъ и отперли ему дверь, но хозяинъ дома находился въ отлучкѣ; кромѣ женщинъ никого не имѣлось подъ рукой, а женщины не рѣшались идти за помощью въ такую пору. Положивъ старика въ постель, онѣ перевязали его раны и только къ утру сбѣгали за сосѣдями. Пріѣхалъ мировой судья и сельскій докторъ кантона. Погребъ открыли и выпустили изъ него домашнихъ людей фермы; они были избиты и поранены, но не опасно. Положеніе старика Фуссе не подавало надежды къ выздоровленію: промучившись восемь дней, онъ умеръ.

Мы уже имѣли случай замѣтить небрежность разбойниковъ, порожденную ихъ увѣренностью въ безсиліи полицейской власти. На этотъ разъ они побросали на мѣстѣ

преступленія кое-что изъ своихъ вещей и платья, но то что̀ могло послужить пособіемъ при разумныхъ розыскахъ, не имѣло никакого значенія для слѣдователей нерадивыхъ. Время проходило, а за безчеловѣчнымъ миллуарскимъ эпизодомъ вскорѣ послѣдовали новые грабежи, съ новыми дѣлами безчеловѣчія.

V.

Положеніе дѣлъ, наконецъ, дошло до такой степени безобразія, что ему предстояли лишь два исхода. Либо три лучшіе департамента Франціи должны были окончательно превратиться въ открытое поле для дѣятельности всѣхъ людей, преданныхъ грабежу и насилію, либо самая огромность бѣдствія должна была воодушевить населеніе, выдвинуть изъ среды его людей, способныхъ бороться съ этимъ бѣдствіемъ.

Отъ центральной власти ждать было нечего. Продолжительная война усилила нищету, слабость правительства породила безпорядки, совершавшіеся, такъ-сказать, на глазахъ у него. По мѣрѣ того какъ изглаживались воспоминанія объ ужасахъ террора, въ самомъ Парижѣ ослабѣвала реакція, которая было выгнала изъ столицы значительную часть безпокойнаго населенія. Эмиграція мошенниковъ пріостановилась. Полиція тратила всѣ свои силы на предупрежденіе большихъ смутъ; что касается до частныхъ преступленій или общественнаго спокойствія, то она холодно предоставляла заботу объ этихъ предметахъ частной дѣятельности гражданъ. Не одинъ разъ она предупреждала столичныхъ жителей особыми бюллетенями, что *по случаю частыхъ убійствъ и скопленія дурныхъ людей въ такихъ-то частяхъ города, жители приглашаются не выходить изъ домовъ въ позднюю пору и охранять свои жилища.* По улицамъ безпрепятственно бродили люди такого вида, который самъ собою достаточно говорилъ объ ужасающемъ положеніи бѣдныхъ классовъ и объ отсутствіи всякаго надзора за подозрительными личностями; между женщинами почти нагими, и нищими въ отвратительныхъ лохмотьяхъ, красовались брави,

словно сорвавшіеся съ картинокъ Калло [1]. Обиліе убійствъ и преступленій, возбуждая отчаяніе порядочныхъ гражданъ, описывалось въ журналахъ нелѣпымъ и диѳирамбическимъ языкомъ того времени, который могъ бы возбудить самыя комическія мысли, еслибы предметъ возгласовъ не былъ такъ печаленъ.

„Какъ вообразить себѣ,“ говоритъ одна газета, „что въ Парижѣ, на глазахъ у двухъ совѣтовъ и директоріи, при вопляхъ жертвъ, раздающихся со всѣхъ сторонъ, мы видимъ гражданъ безнаказанно умерщвляемыхъ каждый день, каждый часъ, каждую минуту?

„Ужасно зрѣлище неустройствъ, на которыя способно человѣческое общество, зрѣлище ужасовъ, которыхъ за семь лѣтъ между нами совершено болѣе нежели во всю неизмѣримость предшествовавшихъ столѣтій! Ребенокъ сзываетъ товарищей глядѣть на казнь своего отца, и кричитъ ругательства, когда его провозятъ въ роковой тѣлегѣ; дѣвушка, упоивъ своего возлюбленнаго всѣми ласками, рукою ощупываетъ у него гдѣ сердце и хладнокровно поражаетъ его кинжаломъ...

„Изверги, одѣтые въ національный мундиръ, врываются въ дома, держатъ женщинъ, дѣтей и старцевъ надъ пылающимъ огнемъ и лишаютъ ихъ жизни посреди мукъ, не изъ одной жажды добычи, но изъ наслажденія злодѣйствомъ.

„Гражданинъ, отлучившійся изъ своего жилища, воротясь домой, находитъ свою жену, свою служанку, своего трехмѣсячнаго ребенка зарѣзанными! Голова бѣднаго маленькаго созданія осталась на груди матери, его питавшей... Сердце мое слабѣетъ, я не могу писать болѣе...

„Но я слышу, что кто-то шумитъ моими ставнями! Кто-то бродитъ около моего жилища! Стукъ ружья раздается въ отдаленіи. Наступающая ночь извѣщаетъ меня, что пора

---

[1] Вотъ нарядъ двухъ особъ изъ оржерской шайки, пробравшихся въ Парижъ повеселиться послѣ миллуарскаго дѣла.

Драгунъ имѣлъ на себѣ голубую драную карманьйолку, красный жилетъ съ мѣдными пуговицами, военные разодраные штаны съ гусарскаго солдата, а въ рукахъ толстую палку съ тяжелымъ набалдашникомъ, обмотаннымъ ремнями.

Беу носилъ бороду, длинные волосы и косичку. Одежда его состояла изъ рваной полотняной блузы, такого же бѣлаго камзола, полотняныхъ свѣтлыхъ штановъ и военной треугольной шляпы съ огромною кокардой.

оставить перо, замкнуть дверь, осмотрѣть замки и засовы, и, положивъ подъ подушку пару пистолетовъ, искать сна, убѣгающаго моихъ глазъ!"

Парижанину еще кое-какъ можно было спать въ каменномъ большомъ домѣ населенной улицы; но если *сонъ*, по краснорѣчивому газетному выраженію, *убѣгалъ его глазъ*, то во сколько разъ тошнѣе приходилось сельскому жителю на своей одинокой фермѣ, весьма часто не имѣвшему пары пистолетовъ для защиты! За то провинціялы и вышли изъ терпѣнія скорѣе своихъ столичныхъ согражданъ; и въ провинціи, за время полной апатіи центральной власти, начали появляться должностныя лица, готовыя сдѣлать все возможное для искорененія или, по крайней мѣрѣ, облегченія народнаго бѣдствія.

Подобно тому какъ въ пору великихъ политическихъ испытаній, судьба часто выдвигаетъ впередъ лица, совершенно темныя, но предназначенныя на спасительную дѣятельность, точно такъ и при несчастіяхъ менѣе громкихъ являются самыя простыя личности, честно стоящія за дѣло, повидимому, покинутое особами болѣе вліятельными. Одна изъ такихъ личностей, наконецъ, появилась и въ оржерскомъ краѣ. То былъ простой жандармскій унтеръ-офицеръ, Пьеръ Паскаль Вассёръ, имя котораго попало и въ романы и въ повѣсти, и, что̀ гораздо лучше, залегло въ памяти французскаго простаго народа. По службѣ онъ получилъ хорошую извѣстность тѣмъ, что, года за три назадъ, частію истребилъ, частію разогналъ шайку разбойниковъ, опустошавшихъ окрестности Сенонскаго лѣса. Вассёру, повидимому, не доставало многихъ качествъ, необходимыхъ мастеру полицейскаго дѣла. Для розысковъ и тайныхъ операцій онъ не годился по своему простодушію, иногда переходившему въ мягкость, иногда въ довѣрчивость. Въ шпіонствѣ онъ ничего не смыслилъ, и если ему припадала охота хитрить, оставался въ дуракахъ передъ самымъ обыкновеннымъ мошенникомъ. Но для борьбы съ преступленіемъ дерзкимъ, открыто посягающимъ на законы безопасности, онъ былъ созданъ. Онъ былъ храбръ, честенъ, силенъ и неутомимъ. Простой человѣкъ по званію и происхожденію, онъ былъ лично ожесточенъ за простыхъ людей, которымъ жизнь стала невозможна, которыхъ послѣдняя копѣйка давала поводъ къ грабежамъ и пыткамъ. Его

нельзя было ни подкупить, ни запугать, ни утомить хитростію. Разъ взявшись за дѣло, онъ ломилъ впередъ, какъ волъ, который деретъ свою борозду по новому полю, не останавливаясь и не переводя духа. Онъ могъ дѣлать глупости, безъ вниманія проходить мимо самыхъ ясныхъ указаній, но разъ попавъ на слѣдъ и наложивъ руку на чей-нибудь воротникъ, онъ не свернулъ бы съ дороги и не ослабилъ бы хватки ни передъ какою силой. Его появленіе въ краѣ и его добрая слава прежде всего сказались тѣмъ, что поселяне замѣтно пріободрились, и ужасъ напущенный на нихъ дѣломъ старика Фуссе нѣсколько ослабился. Между *шоффёрскими* экспедиціями иныя снова встрѣчали отпоръ со стороны окрестныхъ жителей: такъ, при ограбленіи трактирщика Вильнёва, въ Сюси, злодѣи успѣли обшарить домъ и захватить часть денегъ, но *подпалить* хозяина не удалось. Самъ Красавецъ завидѣлъ сосѣдей и далъ знакъ къ отступленію.

Вассёръ прибылъ на мѣсто послѣднихъ разбоевъ по распоряженію шартрскаго исполнительнаго коммиссара, человѣка новаго и потому еще не оробѣвшаго передъ событіями совершавшимися въ краѣ. Первымъ дѣломъ добраго солдата было ободрить поселянъ и раздать кой-какое оружіе деревенской молодежи; изъ нея же, на всякій случай, онъ отобралъ охотниковъ для помощи во время своихъ поисковъ. На другую военную силу, кромѣ десятка жандармовъ съ нимъ посланныхъ, Вассёръ не могъ разсчитывать; слабая полиція края имѣла своихъ офицеровъ, высшихъ по чину, національная гвардія почти не имѣла оружія, а за частыми наборами, въ ней оставались лишь люди старые и слабосильные. А между тѣмъ нельзя было медлить: край находился въ невыносимо тягостномъ положеніи [1], и

[1] Фермеры и поселяне, не имѣя возможности отказывать въ ночлегѣ и кормѣ партіямъ нищихъ, постоянно бродившихъ по краю, каждую ночь находились въ страхѣ. Около Лифермо и Санли, съ кровель домовъ были видны костры по сосѣднему лѣсу; пѣсни и крики разбойниковъ слышались явственно каждую ночь. Коммиссару кантона понадобилось осмотрѣть ферму *Стасъ*, на которой пристала толпа подозрительныхъ нищихъ. Собравъ отрядъ національныхъ гвардейцевъ, онъ отправился туда, дорогой растерявъ часть своей команды; люди не рѣшались дѣлать обыскъ. На фермѣ точно оказалось восемь человѣкъ бродягъ; одинъ изъ нихъ показалъ паспортъ, полученный черезъ маклера Дубле. Затѣмъ коммиссаръ и команда удалились, при насмѣшкахъ и ругательствахъ. (Процессъ шоффёровъ, изданный въ Шартрѣ.)

слѣдовало сдѣлать хоть что-нибудь для противодѣйствія злодѣйскимъ предпріятіямъ.

Вслѣдствіе прежнихъ своихъ экспедицій, Вассёръ хорошо зналъ какую роль играютъ бродяги и нищіе въ мѣстностяхъ, опустошаемыхъ разбойниками. За этихъ людей ухватился онъ прежде всего, въ самомъ оржерскомъ кантонѣ. Послѣ нѣсколькихъ розысковъ и арестовъ, не доставившихъ дѣльнаго результата, онъ получилъ извѣстіе, что двое нищихъ, мущина и женщина, *просящіе подаянія съ особенными угрозами*, пристали у фермера Пинге на конюшнѣ. Вассёръ лично бросился туда, удостовѣрился въ присутствіи подозрительныхъ бродягъ, арестовалъ ихъ, и своею энергіею такъ запугалъ арестанта *мужескаго пола* (l'individu mâle, по выраженію Вассёрова рапорта), что тотъ сдѣлалъ нѣсколько очень важныхъ показаній.

L'individu mâle, попавшійся въ руки Вассёра, звался *Кривымъ Жуи*, и пользовался, не смотря на свою молодость, долей власти въ оржерской шайкѣ. Онъ зналъ многое, считался отличнымъ воромъ, но имѣя только восьмнадцать лѣтъ отъ роду, не успѣлъ вполнѣ закоренѣть въ преступленіяхъ. Сверхъ того, присутствуя при главныхъ экспедиціяхъ, онъ не убилъ ни одного человѣка, и стало-быть, могъ надѣяться на нѣкоторое облегченіе своей доли. Вассёръ догадался обѣщать ему если не помилованіе, то всякое снисхожденіе отъ властей, и тѣмъ окончательно развязалъ языкъ плѣннику. Черезъ него узнали о составѣ шайки. Кривой Жуи полагалъ въ ней около двухъ сотъ дѣйствительныхъ членовъ. кромѣ женщинъ, пристанодержателей, и такъ далѣе. Онъ назвалъ сборныя мѣста, главныхъ начальниковъ, описалъ порядокъ совѣщаній и нападеній. Мало того, между тюремными арестантами, попавшимися за бродяжничество и малые проступки, Жуи указалъ лицъ, прикосновенныхъ къ шайкѣ. „Вы, сами того не зная," сказалъ онъ, „арестовывали и отпускали людей совершавшихъ убійства и грабежи; иные изъ нихъ бѣжали изъ тюремъ по небрежности надзора. Показывайте мнѣ всѣхъ подозрительныхъ людей, какіе впередъ попадутся по разнымъ мѣстамъ. Я готовъ водить васъ на сборные пункты шайки, ко всѣмъ пристанодержателямъ; но предувѣдомляю васъ, имѣйте съ собой много надежныхъ людей, иначе мы не вернемся живыми."

Показанія были отобраны; предстояло дѣйствовать во что

бы ни стало, пока еще слухъ объ арестѣ Жуи не заставилъ шайку принять мѣры предосторожности. На этотъ разъ власти сдѣлали свое дѣло какъ слѣдуетъ. Шартрскій коммиссаръ немедленно доставилъ въ столицу копію съ только что добытыхъ дознаній, требуя военной силы, и не отвѣчая ни за что̀ въ случаѣ новыхъ промедленій. Вассёръ распорядился еще умнѣе; не теряя ни одного дня, онъ съ своею маленькой партіей жандармовъ кинулся хватать людей заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ душегубцами; въ самый короткій срокъ ихъ было перехватано множество, а Кривой Жуи, связанный и слѣдовавшій съ отрядомъ, тутъ же указывалъ всякаго изъ своихъ бывшихъ товарищей. Нѣсколько притоновъ было обыскано, много харчевень заперто; въ числѣ захваченныхъ лицъ оказались маклера шайки, женщины считавшія себя внѣ всякаго подозрѣнія, наконецъ бывшій лейтенантъ Красавца, извѣстный подъ именемъ Рыжаго и разбойникъ Безпалый (Sans Pouce), отличавшійся во всѣхъ подвигахъ особливою смѣлостью. Вся робкая и не совсѣмъ отчаянная часть оржерскихъ разбойниковъ была такъ озадачена небывалою энергіей полиціи, что когда Красавецъ объявилъ нарочный сборъ шайки по дѣлу чрезвычайной важности въ лѣсу Жервеньерскомъ, на него явилось не болѣе пятидесяти человѣкъ, на которыхъ начальникъ могъ во всемъ положиться.

Совѣщаніе было не продолжительно; слухи объ арестахъ и скоромъ приходѣ большой жандармской команды, да сверхъ того цѣлаго отряда гусаровъ, дошли до каждаго разбойника. Красавецъ, не встревоженный ни мало, сообщилъ старшимъ товарищамъ, что въ скоромъ времени придется пріостановить экспедиціи, измѣнить мѣста сборовъ, можетъ-быть на время перебраться въ округи безнаказанно опустошаемые другими шайками; однимъ словомъ, притаиться и переждать грозу. „Но пока еще,“ прибавилъ онъ, „мы господа въ краѣ и имѣемъ возможность предпринять что-нибудь толковое. Я предлагаю разомъ поджечь три фермы: Жервилье, Арсвилль и Поли. Одна часть нашего отряда будетъ грабить во время пожара, другая же, предварительно занявъ удобное мѣсто около за̀мка Фаронвилля, нападетъ на этотъ за̀мокъ открытою силою, покуда полиція и сосѣди будутъ хлопотать на пожарѣ.“

Планъ былъ смѣлъ, и Красавецъ не скрывалъ его смѣло-

сти. „Придется идти на проломъ,“ говорилъ онъ, „потому что Филиппъ, хозяинъ за́мка, человѣкъ не робкій. Ночью онъ не пуститъ къ себѣ въ за́мокъ самихъ членовъ директоріи; съ нимъ живутъ лакеи, сторожа; самъ онъ умѣетъ стрѣлять и держитъ довольно оружія. За то и денегъ у него пропасть, это знаетъ всякій. Приготовьтесь же. Соберемъ всѣхъ кто понадежнѣе. Ружья и пистолеты готовы у Пиголе и Монжандра; пороху и пуль довольно въ каменоломняхъ; изъ Шартра Дубле пришлетъ намъ лошадей: я хочу чтобъ около фермъ имѣлись конные люди.“ Слѣдующій общій сборъ назначили въ Меривильскомъ лѣсу, и совѣщаніе закрылось.

Между тѣмъ время шло, и Вассёръ произвелъ еще нѣсколько арестовъ. Жандармы до того свыклись съ своимъ постояннымъ спутникомъ, что Кривой сталъ какъ бы офиціяльнымъ увеселителемъ ихъ невзыскательнаго круга. Арестанта возили несвязаннымъ, на привалахъ кормили его порядочно, иногда приглашали показывать свое искусство въ воровствѣ, что̀ и исполнялось при общемъ смѣхѣ. Независимо отъ фокусовъ въ шутку, бездѣльникъ одинъ разъ укралъ деньги изъ Вассёрова чемодана и стянулъ мѣшочекъ мѣдной монеты у проѣзжаго извощика. Его не наказали, а только занесли въ протоколъ эти шалости. Въ Артне одинъ изъ жандармовъ, Ламберъ, при арестантѣ положилъ свои пистолеты на печь, и едва не поплатился жизнью за неосторожность. Бездѣльникъ схватилъ оружіе и прицѣлился въ Ламбера; но Вассёръ, увидавшій изъ сѣней эту сцену, подскочилъ и такъ схватилъ его за шиворотъ, что Кривой тутъ же выронилъ пистолеты.

Пришлось связать арестанта и таскать его за собой поперекъ лошади, будто куль муки. Надоѣла ли такая ѣзда Кривоглазому, расчувствовался ли онъ вслѣдствіе того что Вассёръ, имѣя возможность застрѣлить его какъ собаку, все-таки обращался съ нимъ довольно ласково,— только одинъ разъ онъ подозвалъ къ себѣ добраго солдата и сказалъ ему: „мнѣ надоѣло тянуть эту канитель, пора покончить. Хотите захватить разомъ и Красавца и лучшихъ молодцовъ его шайки?“

И вслѣдъ затѣмъ арестантъ, успѣвшій выпытать многое у товарищей на дняхъ захваченныхъ, сообщилъ что Красавецъ, съ большею частію шайки, укрывается въ Ме-

ривильскомъ лѣсу, приготовляясь къ какой-то *большой работѣ.*

Вассёръ обомлѣлъ отъ радости, но что могъ онъ сдѣлать, съ своимъ десяткомъ людей, изъ которыхъ одинъ, какъ со временемъ оказалось, самъ когда-то разбойничалъ и велъ дружескія сношенія съ арестованными убійцами? Къ счастію, коммиссаръ шартрскій, къ которому онъ бросился, сообщилъ ему пріятную новость. По распоряженію Жуванкура, капитана національной жандармеріи по департаменту Эръ-и-Луары, Вассёру предоставлялось брать съ собою не только жандармовъ находившихся въ околоткѣ, но даже требовать солдатъ изъ гусарскаго полка, квартировавшаго частью въ Шартрѣ, частію въ Нёвиллѣ. Въ самое короткое время составилась маленькая колонна изъ людей отборныхъ и привычныхъ къ подобнымъ экспедиціямъ. По безпечности властей, а можетъ-быть изъ уваженія къ личности Вассёра, въ отрядѣ не было офицеровъ: Вассёръ командовалъ имъ самъ, не смотря на свой чинъ, слишкомъ невысокій. Ночью, отрядъ двинулся къ Меривиллю, окольными дорогами. Кривой, связанный по прежнему, лежалъ передъ Вассёромъ на сѣдлѣ, въ полномъ его распоряженіи. Послѣ короткаго привала въ самомъ лѣсу, люди двинулись впередъ узкою тропинкою. „Ты понимаешь, мой другъ,“ спокойно сказалъ Вассёръ плѣннику, „что дѣло идетъ о нашей кожѣ, а потому нечего тебѣ припоминать, что при неудачѣ, первая пуля достанется на твою долю“.

Меривильскій лѣсъ, котораго теперь не существуетъ, находился въ мѣстности очень гористой. Солдаты слѣзли съ лошадей, и ведя ихъ подъ уздцы, гуськомъ пробирались въ чащѣ, надъ обрывами. Наконецъ они добрались до мѣста, на которомъ, по выраженію Вассёра, кучка людей могла переколотить самую огромную команду. Тропинка шла по каменистому гребню, между двумя крутыми спусками; цѣлыя десять минутъ приходилось лѣпиться этимъ путемъ, каждую минуту выжидая нападенія. За то, на послѣднемъ пунктѣ гребня, Вассёръ чуть не запрыгалъ отъ радости. Подъ ногами его лежала небольшая площадка, отовсюду замкнутая холмами, какъ мышеловка. На площадкѣ гаснулъ костеръ, и спало нѣсколько десятковъ людей порядочно вооруженныхъ. Непріятелю не было путей къ отступленію; чтобы выйдти изъ своей ямы, онъ былъ

долженъ броситься на тотъ самый узкій путь, по которому пробралась команда. Занявъ стрѣлками высоту, Вассёръ съ остальными людьми кинулся внизъ и окружилъ разбойниковъ.

Можетъ показаться страннымъ, что ловкій и распорядительный Красавецъ не озаботился разставить часовыхъ, не говоря о томъ, что занявъ горную тропинку, онъ могъ бы перестрѣлять и гусаровъ и жандармовъ, не подвергаясь никакой опасности. Но небрежность эта совершенно объясняется какъ привычкою безнаказанности, такъ и разчетомъ на ужасъ царствовавшій въ краѣ. Красавецъ проснулся при шумѣ, и вскочилъ на ноги, съ пистолетомъ въ той и другой рукѣ. Взглядъ на ружья, наведенныя отовсюду, топотъ конныхъ людей заскакивавшихъ слѣва и справа, тотчасъ же показали ему, что нѣтъ возможности защищаться. „Я сдаюсь!“ вскричалъ онъ, кидая пистолеты. Одинъ изъ разбойниковъ, по имени Нормандецъ, прицѣлился въ ближайшаго жандарма. Красавецъ далъ ему такого пинка, что тотъ повалился на огонь, съ своимъ ружьемъ вмѣстѣ. Безъ капли крови, захвачена была значительная часть оржерской шайки, можетъ быть самой кровожадной изъ всѣхъ въ то время терзавшихъ Францію.

VI.

Арестъ Красавца и полусонныхъ злодѣевъ, безъ всякаго сомнѣнія самыхъ вліятельныхъ въ его шайкѣ, послужилъ началомъ лучшихъ дней для края, такъ долго осквернявшагося возмутительными преступленіями. Оржерцы остались безъ головы. Одна часть ихъ кинулась въ Парижъ или примкнула къ инымъ, отдаленнымъ шайкамъ; другая безъ цѣли бродила въ окрестностяхъ Шартра и была въ разное время перехватана Вассёромъ. Крестьяне, опомнившіеся отъ своей трусости, съ наслажденіемъ дѣлали показанія, выдавали подозрительныхъ нищихъ, открывали пристанодержателей; полиція не безъ усилій вырывала изъ ихъ рукъ арестантовъ ими захваченныхъ. Одинъ дровосѣкъ помогъ жандармамъ захватить двухъ опасныхъ бездѣльниковъ, Монжандровъ, отца съ сыномъ, устроившихъ себѣ землян-

ку въ лѣсу, около Орлеана. „И не стыдно тебѣ, Лалансъ“, сказалъ старый Монжандръ, „выдавать своихъ добрыхъ пріятелей?“ — „Спасибо, спасибо, старичина, отвѣчалъ дровосѣкъ:—съ такими пріятелями какъ ты, дружбу вести не совсѣмъ пріятно. Теперь прошло ваше время“. Многіе изъ маклеровъ шайки, не видя спасенія и боясь раздраженныхъ поселянъ, сами отдались въ руки правосудія; другіе были перехватаны и сданы по шартрскимъ тюрьмамъ, гдѣ въ короткое время скопилось до семи сотъ арестантовъ. Въ числѣ арестованныхъ находилась Мари-Роза Биньонъ, любовница Красавца, начальница женщинъ оржерской шайки, и знаменитый маклеръ Дубле, поддѣлыватель паспортовъ, много лѣтъ находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ властями городовъ Шартра и Орлеана.

Началось слѣдствіе, неправильное, безтолковое, торопливое, но по крайней мѣрѣ довольно энергическое. Каждый день приносилъ съ собой какое-нибудь важное открытіе. Изъ мрака поднялись дѣла крови и насилія, давно уже остававшіяся безъ преслѣдованія. Сверхъ главныхъ и всѣмъ извѣстныхъ нападеній на крестьянскія фермы, многія отдѣльныя преступленія оказались въ связи съ исторіей оржерской шайки. По лѣсамъ и пещерамъ пошли отыскивать трупы людей, въ разное время убитыхъ; между трупами этими три или четыре свидѣтельствовали о желѣзной дисциплинѣ, съ помощью которой Красавецъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ такое вліяніе на товарищей. Одинъ ребенокъ изъ шайки былъ убитъ и брошенъ въ лѣсу за ложное показаніе; та же участь постигла женщину Нанетту, въ пьяномъ видѣ погрозившую своему любовнику, что выдастъ его полицейскимъ. Наказаніе еще ужаснѣйшее выпало на долю одного изъ разбойниковъ Трансъ-Монтаня, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. Его отвели въ Гондревильскій лѣсъ, привязали къ дубу, обложили хворостомъ и сожгли живаго. Если шайка такъ обращалась со своими, то можно легко вообразить, сколько безчеловѣчныхъ дѣлъ было раскрыто при другихъ ея работахъ, чуть только языки свидѣтелей начали развязываться!

Покуда мировой судья оржерскаго кантона, Фужронъ, (уже оказавшій особенную дѣятельность при допросѣ первыхъ злодѣевъ, взятыхъ Вассёромъ), кончалъ предварительныя дознанія и передавалъ слѣдствія директорамъ при-

сяжныхъ шартрскаго округа, время шло, и наступало лѣто 1797 года, знаменитое жарами и засухами. Въ тюрьмахъ, никогда не отличавшихся особеннымъ благоустройствомъ, началась такая смертность, что жители Шартра стали опасаться появленія заразы во всемъ городѣ. Это обстоятельство, слишкомъ часто случавшееся въ тогдашней Франціи, много упростило задачу слѣдователей: оржерскіе арестанты, болѣе другихъ стѣсненные и стѣсняемые въ удобствахъ, мерли такъ, что въ иные дни ихъ трупы приходилось вывозить кучами, какъ изъ чумнаго лазарета. Въ то же время трудное дѣло надзора за ними стало менѣе труднымъ. Въ первыя недѣли послѣ ареста, разбойники пытались запугать не только сторожей, но и городское населеніе. Они грубили слѣдователямъ, открыто говорили о скоромъ побѣгѣ. Красавецъ колотилъ товарищей, дѣлавшихъ неловкія показанія, и словно наслаждался ужасомъ посѣтителей, приходившихъ поглядѣть на злодѣевъ, имена которыхъ разносились по цѣлому краю. Съ появленіемъ тюремной эпидеміи, Оржерцы притихли, а Красавецъ перепросился изъ тюрьмы въ устроенный при ней госпиталь, и сталъ вести себя такъ кротко, что старшій врачъ заинтересовался его положеніемъ. Добывъ себѣ нѣкоторую льготу, этотъ дѣйствительно геніальный бездѣльникъ поспѣшилъ ею воспользоваться. Съ помощью ножа, онъ пробилъ стѣну госпиталя надъ главнымъ входомъ, пробрался въ отверстіе, увелъ за собой больнаго товарища (который на другой день умеръ въ лѣсу), вмѣстѣ съ нимъ отбился отъ преслѣдованій и еще вдобавокъ на дорогѣ ограбилъ прохожаго садовника.

Какъ ни тягостно подѣйствовалъ на общественное мнѣніе успѣшный побѣгъ того, кто былъ главой и изобрѣтателемъ всѣхъ ужасныхъ дѣлъ оржерской шайки, но онъ съ одной стороны заставилъ опомниться шартрскія власти, повелъ къ строгому надзору за тюрьмами, съ другой же, ускорилъ ходъ процесса. Почти восьмнадцать мѣсяцевъ тянулось предварительное слѣдствіе. *Восемьдесятъ два* обвиненныхъ, въ томъ числѣ *тридцать семь* женщинъ, оказались подлежащими суду присяжныхъ. Всѣхъ арестантовъ по оржерскому дѣлу числилось несравненно болѣе, но изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ взятыхъ Вассёромъ и его товарищами, слѣдуетъ исключить, *вопервыхъ*, огромное количество умер-

шихъ отъ диссентеріи и тюремной горячки; *вовторыхъ*, массу лицъ, тоже значительную, за которыми слѣдователи не открыли преступленій особенной важности; *втретьихъ*, нѣсколько десятковъ арестантовъ обоего пола, несовершеннолѣтнихъ; *вчетвертыхъ*, до десяти человѣкъ въ разное время бѣжавшихъ.

Ко дню открытія суда, городъ Шартръ наполнился посѣтителями. Ни опасность дорогъ, ни смутная пора не удержали любопытныхъ. Горожане искали сильныхъ ощущеній, сельское населеніе хлынуло въ городъ, чтобы насладиться карою своихъ бывшихъ мучителей. По правиламъ суда присяжныхъ, подсудимые могутъ дѣлать отводъ тѣмъ изъ нихъ, отъ которыхъ боятся предубѣжденія себѣ во вредъ. Изъ списка присяжныхъ, подсудимые единогласно отвели и просили выключить пятерыхъ, которые по преимуществу могли назваться представителями крестьянскаго населенія [1] въ краѣ. Просьба ихъ была уважена: вся масса оставшихся осьмнадцати присяжныхъ состояла изъ купцовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Разбойники знали что̀ дѣлали: отводя простолюдиновъ, они понимали, что отъ крестьянъ, слишкомъ близко съ ними сходившихся, не дождаться имъ и тѣни милосердія.

Открытіе суда отличалось торжественностью, во многомъ напоминавшею кроваво-драматическіе дни девяносто третьяго года. Зала, обширная и старая, въ древнемъ зданіи кармелитовъ и мальтійскихъ рыцарей, вмѣщала въ себѣ болѣе тысячи однихъ зрителей, не считая шести сотъ свидѣтелей, да цѣлой толпы присяжныхъ, судей, адвокатовъ, подсудимыхъ, жандармовъ и военнаго караула, заготовленнаго на всякій случай. Обстановка зрѣлища совершенно подходила къ исторической эпохѣ, въ которую безначаліе смѣшивалось со всякимъ деспотизмомъ, театральность съ нищетою. Мантіи судей и пестрые мундиры должностныхъ лицъ только выставляли плохую одежду солдатъ и жандармовъ, жалкій нарядъ голоднаго сельскаго населенія и болѣе всего лохмотья самихъ подсудимыхъ. Невдалекѣ отъ членовъ присутствія стоялъ огромный столъ, заваленный ужасными и отвратительными предметами: на

---

[1] Одного кожевника, одного винодѣла, трехъ поселянъ, обрабатывавшихъ небольшіе клочки поля.

немъ лежало ржавое оружіе, платье разныхъ жертвъ и самихъ убійцъ, рубашки испятнанныя кровью, скелетъ ребенка, умерщвленнаго въ лѣсу, и многое другое въ такомъ же родѣ. Порядку было мало: жители далеко не наблюдали того почтительнаго молчанія, къ которому привыкли посѣтители трибуналовъ нашего времени. Крестьяне шумѣли, произносили ругательства на подсудимыхъ, громко указывали другъ другу Розу, любовницу Красавца, Грандъ-Мари, отвратительную мегеру, собственными руками зарѣзавшую нѣсколькихъ несчастныхъ, красивую Дюбарри, публичную женщину, прикосновенную къ шайкѣ и названную этимъ именемъ за свое сходство съ знаменитою любовницей Людовика XV. Въ свою очередь и разбойники не церемонились, на ругательства отвѣчали угрозами, шумѣли при невыгодныхъ для себя показаніяхъ, а въ отвѣтахъ на допросы сыпали дерзкими и неблагопристойными выраженіями.

Президентомъ трибунала засѣдалъ человѣкъ, которому вышеописанное зрѣлище должно было напоминать весьма многое. Жильберъ Льендонъ—такъ его звали—во время террора пользовался расположеніемъ знаменитаго Фукье Тенвилля, стяжавшаго себѣ такую страшную славу въ должности *общественнаго обвинителя.* Когда занятія по революціонному трибуналу увеличились съ огромнымъ количествомъ подсудимыхъ, каждый день приговариваемыхъ къ смерти и отправляемыхъ на казнь послѣ самаго непродолжительнаго суда, пришлось раздѣлить трибуналъ на четыре отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ четырехъ помощниковъ обвинителя. Однимъ изъ этихъ помощниковъ Фукье избралъ Льендона. Сообразивъ родъ занятій и качества высокаго покровителя, не трудно составить себѣ понятіе о томъ, какова оказывалась роль человѣка, черезъ пять лѣтъ послѣ кровавой годины явившагося во главѣ суда надъ оржерскими разбойниками.

Строгій и неумолимый къ несчастнымъ жертвамъ террора, Жильберъ Льендонъ не могъ даже оправдываться политическимъ фанатизмомъ. Исполнитель былыхъ безчеловѣчныхъ предначертаній, онъ не стоялъ заодно съ людьми выдвинувшими его изъ толпы, и, при паденіи ихъ, не выказалъ къ нимъ особеннаго сочувствія. Его не заподозрили въ якобинствѣ, онъ былъ пощаженъ реакціей; новые люди

видѣли въ немъ одно послушное орудіе, и, цѣня въ немъ хорошаго чиновника, оставили его въ покоѣ. Тѣмъ интереснѣе его роль въ оржерскомъ процессѣ. Какъ эхо высшихъ властей, Льендонъ могъ назваться отличнымъ представителемъ тогдашней администраціи, а поведеніе его служитъ лучшею характеристикою безхарактернаго времени передъ консульствомъ Бонапарта.

VII.

Судъ открылся чтеніемъ обвинительнаго акта изъ девяноста пяти параграфовъ, акта весьма отчетливо составленнаго гражданиномъ Пальяромъ, главнымъ лицомъ по производству предварительнаго слѣдствія объ оржерскихъ разбойникахъ. Вслѣдъ затѣмъ гражданинъ Жильберъ Льендонъ, какъ президентъ трибунала, всталъ и обратился съ длинною рѣчью къ судьямъ и обвиненнымъ. Не взирая на риторическія украшенія дурнаго вкуса, на похвалы существующему порядку, на сентиментальныя разглагольствія о томъ, какъ не хорошо убивать своихъ братій, съ которыми слѣдовало бы жить въ согласіи, эта рѣчь, будь она сказана въ другое время и другимъ человѣкомъ, могла бы назваться весьма блестящею. Льендонъ пригласилъ подсудимыхъ безъ страха подступить ко храму правосудія, не бояться со стороны суда ни пристрастія, ни оскорбленій, далъ имъ замѣтить, что даже на худшихъ изъ нихъ, до приговора, трибуналъ не перестанетъ взирать какъ на сограждань, заслуживающихъ и ожидающихъ одной правды. Затѣмъ, обратясь къ присяжнымъ, онъ пригласилъ ихъ отрѣшиться отъ предубѣжденій, постоянно имѣть передъ глазами воспоминанія о неосмотрительныхъ обвиненіяхъ и вполнѣ проникнуться духомъ новыхъ началъ судопроизводства, началъ милосердыхъ и благородныхъ, но еще не укоренившхся въ краѣ. Отъ жителей и постороннихъ суду лицъ Льендонъ требовалъ приличія, молчанія, снисхожденія къ подсудимымъ, которые можетъ быть виноваты передъ цѣлымъ обществомъ, но не подлежать ни мщеніямъ частныхъ лицъ, ни отвѣтственности передъ отдѣльными согражданами. „Мы можемъ чувствовать ненависть къ пре-

ступленію, но никогда не дойдемъ до безплодной ненависти къ человѣку его совершившему,“ такими словами заключилъ свою импровизацію когда-то неумолимый помощникъ Фукье Тенвилля, общественнаго обвинителя, страшнаго дѣятеля по революціонному трибуналу.

Конечно, времена измѣняются, и странно сѣтовать на то, что человѣкъ, когда-то метавшій грязь въ женщинъ аристократической породы и въ стариковъ, которыхъ вся вина заключалась въ родствѣ съ какимъ-нибудь политическимъ изгнанникомъ, менѣе чѣмъ черезъ пять лѣтъ нашелъ возможнымъ проповѣдовать кротость во время суда надъ убійцами и разбойниками. Положеніе Льендона казалось, и могло казаться страннымъ, но въ этомъ виноватъ былъ онъ самъ, не государство, не вѣчные законы правды и милосердія. Только съ другой стороны рѣчь его, умная и приличная, имѣла видъ насмѣшки надъ подсудимыми, а въ этомъ уже было виновато государство, котораго онъ являлся представителемъ. Первое лицо трибунала, какъ бы отъ имени цѣлаго общества, обращалось со словами кротости къ обвиненнымъ; но могли ли обвиненные видѣть въ нихъ что-либо кромѣ бездушной фразы? Какъ поступило съ ними общество? Выполнило ли оно, относительно ихъ, хотя часть обязанностей, о которыхъ сейчасъ говорилось такъ трогательно? Дурно мстить преступнику, какъ бы ужасенъ онъ ни былъ: это совершенная правда. Непозволительно оскорблять и великаго злодѣя передъ трибуналомъ: это святая истина. Но во сколько разъ хуже и непозволительнѣе переморить по тюрьмамъ двѣ трети арестантовъ, выдержать ихъ до суда слишкомъ полтора года въ нуждѣ и заразительной атмосферѣ, вывести на судъ въ лохмотьяхъ, голодными, истощенными, доведенными до бѣшенства, и въ довершеніе всего, осыпать медоточивыми ободреніями? Если государство дошло до такой нищеты, что его тюрьмы стали хуже чумныхъ лазаретовъ, если общественная неурядица стала такова, что у подсудимаго крали кусокъ хлѣба, ему отпущенный, то лучше бы казалось удержаться отъ хвалебныхъ тирадъ, и просто наблюдать за поддержаніемъ порядка въ залѣ, не навязываясь на упреки. Бываютъ періоды общественнаго горя, когда простѣйшіе законы человѣколюбія становятся невозможною роскошью; въ такія эпохи голосъ похвальбы и

филантропическое велеречіе становятся уже не смѣшными, а преступными, или по меньшей мѣрѣ отвратительными. Мы не имѣемъ времени, да и не находимъ нужнымъ останавливаться надъ изложеніемъ перипетій самаго процесса. Онъ тянулся довольно времени, хотя и не такъ долго какъ того ожидали; причиной тому были: вопервыхъ, предварительное слѣдствіе, своею отчетливостью во многомъ облегчившее дѣло, а вовторыхъ, рядъ перемѣнъ во внутреннемъ бытѣ Франціи, послѣдовавшихъ за вступленіемъ генерала Бонапарта въ управленіе дѣлами республики. Власти проснулись, повсюду закипѣла небывалая энергія, работы угрожавшія тянуться по году кончались въ недѣлю; никто не смѣлъ дремать, потому что повсюду уже проникалъ глазъ не дремлющаго администратора. Судъ надъ оржерскими злодѣями пошелъ съ удвоенною скоростью, общество устало ждать законной отплаты, и самъ президентъ Льендонъ, соображаясь съ вѣтромъ, внезапно подувшимъ съ парижскихъ высотъ, поспѣшилъ объявить что „недостаточно желать *возстановленія нравовъ*, надобно исполнить долгъ и отплатить за ихъ оскорбленіе.“—„Да, сограждане,“ прибавилъ онъ, „пришла пора перетодиться, подъ сѣнью лавровыхъ и оливковыхъ вѣтвей, тому святому зародышу порядка и добрыхъ нравовъ, котораго преуспѣяніе до сей поры встрѣчало препятствія.“

Несмотря однакоже на такія похвалы новой власти, не взирая на почтительные намеки въ честь того, кто *былъ подъ Маренго и срывалъ „пальмы побѣды“ на берегахъ Эридана*, бывшій помощникъ демагога Фукье-Тенвилля не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ старинныхъ пріемовъ революціонной элоквенціи. Для него *la sainte canaille* еще не утратила всѣхъ правъ на почтительное обращеніе съ нею, и оржерскіе убійцы отчасти напоминали *героическихъ санкюлотовъ*, которымъ люди и потверже Льендона льстили безстыдно. По ходу суда можно было предполагать съ увѣренностью, что присяжные не проявятъ излишней строгости; но президентъ въ своей рѣчи передъ закрытіемъ преній, еще разъ предостерегъ ихъ отъ запальчивости, въ довольно странныхъ выраженіяхъ. „Не удерживаясь отъ справедливаго негодованія къ преступленіямъ,“ сказалъ онъ между прочимъ, „имѣйте въ виду неурожаи и скудость хлѣба, вслѣдствіе которыхъ масса людей не находящихъ

работы или нелюбящихъ работы, нахлынула на наши плодоносныя равнины, занявшія мѣсто тѣхъ лѣсовъ, гдѣ когда-то друиды проливали кровь нашихъ предковъ! И если вслѣдствіе того, на нашъ край выпала дополнительная доля бѣдствій, и безъ того тяжкихъ, то конечно вы не упустите вспомнить объ этомъ, и сложите хотя часть преступленій на тяжелыя времена, о которыхъ я упоминаю.“

Послѣ довольно обширныхъ наставленій въ такомъ родѣ, президентъ пригласилъ присяжныхъ удалиться и обсудить пункты обвиненій. Дѣло происходило девятаго термидора, въ VIII годъ единой и нераздѣльной республики.

Присяжные возвратились въ залу, и прежде всего былъ прочитанъ ихъ приговоръ по поводу лицъ оказавшихся *невиновными*. Ихъ оказалось девятнадцать, въ томъ числѣ восемь мущинъ и одиннадцать женщинъ. По существующимъ правиламъ, оправданныхъ слѣдовало освободить сейчасъ же; они сами, едва вѣря своему счастію, не слышали и не понимали ничего, что̀ вокругъ нихъ происходило. Но Жильберъ Льендонъ, при всемъ своемъ умѣ, не могъ упустить такого чуднаго случая, воздвигся съ своего мѣста и обратился къ оправданнымъ съ длиннѣйшею рѣчью.

„Граждане и гражданки, сказалъ онъ между прочимъ:—въ страшную минуту, передъ самымъ произнесеніемъ проклятій правосудія и приговоровъ общественнаго мщенія, какъ сладко намъ возвратить васъ родинѣ, семействамъ и занятіямъ вашимъ! У древнихъ народовъ за убійство полагалась страшная казнь: живаго преступника привязывали къ разлагающемуся трупу... Оне счастные, то же было съ вами! Вы дѣлили заточеніе и позоръ извергов, вы были обременены цѣпями! Но васъ не коснулось преступленіе, вы не заразились его тлетворными испареніями! Пускай же все испытанное вами послужитъ для васъ цѣлебнымъ поученіемъ... Не забывайте никогда, что для человѣка честный трудъ есть необходимость, что въ немъ для всѣхъ заключается счастіе... А вы въ особенности, вы, которыхъ слабость, свойственная вашему слабому полу, возбуждаетъ въ насъ опасенія.... о, спѣшите, спѣшите опять обратиться къ той мирной скромности, которая опредѣлена для васъ общественными приличіями и закономъ природы! Еще не ушло время.... возвратитесь въ среду вашихъ семействъ, къ гостепріимнымъ очагамъ вашихъ пріютовъ и унесите туда

почтеніе къ высокимъ и спасительнымъ дѣламъ правосудія, ужасъ къ преступленію и страхъ наказаній, имъ на себя призываемыхъ!!!“

Въ книгѣ Фукье, между прочимъ, помѣщенъ разказъ одного изъ свидѣтелей оржерскаго процесса, по поводу этой патетической элоквенціи президента Льендона. „Мы, пострадавшіе въ 93 году, говоритъ онъ, мы, былые зрители прежнихъ дѣяній оратора въ революціонномъ трибуналѣ, не могли удержаться отъ улыбокъ. Но что̀ въ рѣчи Льендона могло назваться высококомическимъ, такъ это была его тирада во вкусѣ Жанъ-Жака, процензурованнаго Баррасомъ, тирада обращенная къ распутнымъ бабамъ, которыхъ непричастность къ оржерскому дѣлу такъ радовала его сердце. Эти *Бель-Виктуаръ*, *Моншьенъ*, *Кривоглазая* [1] (Borgnesse) съ такою нѣжною торжественностью возвращаемыя къ домашнему очагу, и къ обществу, которое имъ предстояло украсить, просто заставляли плакать отъ радости. Сами потаскушки, во все время пышной рѣчи, поглядывали на двери, или стояли притаившись...“ Водевиль кончился, и наступила трагедія. За тройнымъ рядомъ жандармовъ и національныхъ гвардейцевъ, шестьдесятъ два преступника ждали рѣшенія своей участи.

Послѣ длиннаго чтенія новыхъ отвѣтовъ, данныхъ присяжными по поводу лицъ признанныхъ болѣе или менѣе виновными, президентъ накрылся и произнесъ рѣшеніе, приговаривавшее двадцать трехъ преступниковъ (двадцать мущинъ и три женщины) къ смертной казни. Въ самую минуту когда раздалось роковое слово *смерть*, отрядъ національной гвардіи вошелъ въ залу на смѣну людямъ, съ утра стоявшимъ на караулѣ. Приготовляясь ввести свой взводъ на мѣсто смѣняемаго, лейтенантъ, занимавшій должность старшаго офицера, произнесъ командныя слова, изъ которыхъ одно: *appretez les armes!* (тоже, что въ нашей службѣ *слушай*, передъ ружейнымъ пріемомъ), было понято оторопѣвшими преступниками за приготовленіе къ немедленной казни.

---

[1] Между оправданными женщинами одна звалась *la Chobuche*, а другая *la Putain-de-Sarclas*. Въ строгомъ смыслѣ слова, онѣ всѣ принадлежали къ шайкѣ, но или не сдѣлали важныхъ преступленій, или дѣла ихъ раскрыты не были.

Отчаянная тревога поднялась въ концѣ залы занятой ихъ партіей. Одни, ожидая залпа изъ ружей, кинулись ничкомъ на полъ, другіе залегли подъ скамьи, третьи, сплотившись густою толпой, попробовали прорваться сквозь ряды жандармовъ. Но тутъ несчастнымъ пришлось въ послѣдній разъ встрѣтить того, кто былъ первою причиной ихъ погибели. Вассёръ, недавно произведенный въ поручики, находился во главѣ жандармовъ, и безъ особеннаго труда укротилъ людей, имъ же по большей части преданныхъ въ руки правосудія.

Въ числѣ приговоренныхъ къ смерти находились Франсуа Сиперъ, о которомъ мы упоминали подъ именемъ *Беспалаго*, Драгунъ, любимый помощникъ Красавца, Пельтье замѣчательный особымъ безчеловѣчіемъ, Мишель Пекка или Рыжій, бывшій лейтенантъ шайки, Нормандецъ, одинъ изъ товарищей Франсуа, хотѣвшій защищаться при нападеніи Вассёра, женщина Грандъ-Мари, о кровожадности которой уже говорилось. Кривоглазый Жуи, въ уваженіе услугъ оказанныхъ при захватѣ главной шайки, отдѣлался 24 годами заключенія въ кандалахъ. Съ нимъ поступили, какъ кажется, слишкомъ строго; многіе изъ его товарищей были приговорены въ 16 и 12 годамъ того же наказанія. Двумъ женщинамъ выпало на долю двухгодичное заключеніе; двое подсудимыхъ, изъ *парнишекъ* (mioches), имѣли содержаться не въ тюрьмѣ, а въ смирительномъ домѣ; Мари Биньйонъ, любовница Красавца, была приговорена къ одному наказанію съ Жуи Кривоглазымъ.

Задолго до окончанія суда, какъ мы уже сказали, въ тюрьмахъ перемерло множество оржерцевъ; въ ихъ числѣ находились главныя знаменитости, напримѣръ старикъ Элуи, изобрѣтатель или вѣрнѣе возобновитель *подпаливанья*, Беу, безъ котораго не обходилось ни одно дѣло съ пролитіемъ крови, Катръ-Су, не уступавшій ему въ свирѣпости, Лежень, воровской попъ, старикъ Пиголе, надежнѣйшій изъ пристанодержателей.

Красавецъ и Шарль-Парижанинъ, два главные дѣятеля, каждый въ своемъ округѣ, были приговорены къ смерти *заочно*. Оба находились на свободѣ.

Всѣ осужденные, кромѣ тѣхъ которымъ наказаніе выпало слишкомъ незначительное, отнеслись въ кассаціонный трибуналъ для пересмотра и уничтоженія сдѣланныхъ при-

говоровъ. По огромности и сложности всего дѣлопроизводства, въ немъ конечно было не безъ промаховъ, большею частью въ мелочахъ, но общій смыслъ былъ одобренъ, и отвѣтъ суда оказался отрицательнымъ. Времена анархіи исчезли, и президентъ уголовнаго отдѣленія кассаціоннаго суда, Вьельяръ, прямо упомянулъ о томъ въ своемъ рапортѣ. „Если съ одной стороны, пишетъ онъ, большое количество осужденныхъ взываетъ къ снисхожденію, то съ другой цѣлое общество требуетъ возмездія и *спокойствія*. Не для чего утаивать истины: общественный порядокъ потрясенъ, революціонная буря выкинула на поверхность общества весь гнусный отстой, на днѣ его таившійся. Вялость и бездѣйствіе властей породили безнаказанность преступленій; пришла пора утвердить то, что было потрясено, и успокоить тѣхъ гражданъ, которые, въ воздаяніе за всѣ жертвы ими принесенныя правительству, настоятельно взываютъ къ нему о защитѣ для себя и своей собственности.“

Двѣнадцатаго вендеміера, XI года единой и нераздѣльной республики, на главной площади въ Шартрѣ, произошла смертная казнь *двадцати трехъ* оржерскихъ разбойниковъ. Въ наше время подобная церемонія навела бы невыразимый ужасъ на весь край и цѣлую Европу; даже воображеніе пугается при мысли о такой бойнѣ. Но 1793 годъ надолго пріучилъ Францію и не къ такимъ зрѣлищамъ: послѣдняго дня кровопійцъ, когда-то ужасавшихъ три департамента, никто даже и не описалъ въ подробности. Извѣстно лишь, что осужденные, за весьма немногими исключеніями, взошли на эшафотъ очень спокойно, что народъ ругалъ ихъ, весело вскрикивалъ каждый разъ когда опускалось треугольное лезвіе гильйотины, и не ушелъ съ площади, пока эшафота не сломали, и не увезли труповъ. Такъ кончилась исторія знаменитой оржерской шайки, хорошо памятной и до нашихъ дней всякому французскому поселянину.

VIII.

Изъ всего разказаннаго выше, не трудно понять, что окончаніе суда надъ сотней разбойниковъ и смертная казнь двадцати трехъ наиболѣе виновныхъ лицъ не могли

повести за собою совершеннаго уничтоженія оржерской шайки. Не говоря о томъ, что далеко не всѣ виноватые были захвачены въ руки правосудія, самый шартрскій процессъ, какъ это и было замѣчено президентомъ кассаціоннаго суда, въ одномъ отношеніи былъ веденъ не такъ какъ слѣдовало. И лицамъ производившимъ слѣдствіе, и особамъ, послѣ того руководившимъ преніями, справедливо замѣчалъ гражданинъ Вьельяръ, прежде всего слѣдовало придать всему дѣлу необходимое единство, а они безъ нужды раздробили его на сотни отдѣльныхъ эпизодовъ, обслѣдованныхъ и обсужденныхъ безъ одной общей имъ всѣмъ связи. Кромѣ убійства Фуссе, убійства Пельтье, ограбленія такой-то фермы и такъ далѣе, передъ слѣдователями и судьями находился несомнѣнный фактъ преступной ассоціаціи, фактъ недостаточно разработанный, а потому подавшій поводъ ко множеству скандальныхъ оправданій. Подтвердимъ это примѣромъ. Публичная женщина Бель-Виктуаръ (сказанное о ней относится ко всѣмъ признаннымъ невиновными) оказалась неучаствовавшею ни въ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ дѣла: она имѣла худую славу, слыла воровкою, но на однихъ слухахъ нельзя было основать ничего положительнаго. А между тѣмъ она несомнѣнно принадлежала къ шайкѣ, была въ *замужствѣ* за нѣсколькими убійцами, воровской попъ совершалъ надъ ней обряды въ оржерскихъ каменоломняхъ. Можно ли предполагать, что существо до такой степени прикосновенное къ составу ассоціаціи, не знало ея преступныхъ цѣлей, не имѣло понятія о томъ кто виновенъ въ грабежахъ и кровопролитіяхъ, ужасавшихъ три департамента? Но такъ какъ самый фактъ ассоціаціи не былъ поставленъ какъ должно, Бель-Виктуаръ избѣгла изслѣдованій по этой части, а вмѣстѣ съ нею ускользнули отъ правосудія всѣ тѣ лица, которыя, подобно ей, не были замѣшаны въ злодѣяніяхъ достаточно раскрытыхъ и остановившихъ на себѣ вниманіе судей и слѣдователей.

Естественно, что послѣ процесса и эти слабыя женщины возвращенныя къ ихъ мирнымъ семейнымъ очагамъ, и несчастливцы дѣлившіе заточеніе съ преступниками, но не утратившіе чистоты нравовъ, поспѣшили обратиться къ старому своему промыслу, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ бывало. Если въ трехъ департаментахъ, очи-

щенныхъ Вассёромъ, водворился нѣкоторый порядокъ, если по лѣснымъ пещерамъ и оржерскимъ каменоломнямъ было уже неудобно прятаться, за то по другимъ участкамъ Франціи оказывалось не безъ приволья. *Шарль-Парижанинъ* упорно держался по близости Парижа и часто посѣщалъ самую столицу. По взволнованнымъ и еще не успокоеннымъ окрестностямъ Ліона, Тулона, Марсели, бродили и занимались грабежомъ многіе предпріимчивые люди. Но самымъ дорогимъ убѣжищемъ для незахваченныхъ оржерцевъ оказывались Бретань и Вандея. Тамъ еще не вполнѣ затихло недавнее грозное возстаніе; тамъ можно было, смотря по обстоятельствамъ, неистовствовать надъ роялистами и республиканцами; тамъ полиція, отвлеченная политическими преступленіями, глядѣла сквозь пальцы на разбои; тамъ наконецъ, какъ говоритъ преданіе, нашелъ себѣ надежный пріютъ Франсуа Жиродо—Красавецъ, бывшій предводитель оржерской шайки во время ея величія.

Но если весь гнусный отстой, выкинутый революціонными бурями на поверхность французскаго общества, упорно держался за право жить и злодѣйствовать, то и элементы порядка, на время упавшіе было до безсилія, крѣпли съ каждымъ днемъ и часомъ. Краткое затишье послѣдовавшее за итальянскою кампаніей перваго консула и еще болѣе Монъ-Люсонскій трактатъ, положившій предѣлъ безпорядкамъ въ Вандеѣ, дали правительству полную возможность предпринять дѣло внутренняго успокоенія. Войска вернулись домой, полиція перестала гоняться за политическими преступленіями; коммиссары и префекты, оказавшіеся плохими администраторами за время директоріи, были замѣнены людьми новыми. Фуше замѣнилъ Маре по управленію полиціей, и дѣйствительно получилъ нѣчто въ родѣ тѣхъ инструкцій, о которыхъ такъ наивно разказываютъ французскіе крестьяне. Онъ сумѣлъ всюду отыскать и приголубить людей въ родѣ Вассёра, разослалъ ихъ по департаментамъ, наиболѣе зараженнымъ язвой разбоя и *подпаливанья*; мало того, самъ наблюдалъ за ихъ дѣйствіями, съ особенною любовью слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые, при исполненіи порученій, выказывали замысловатость, изобрѣтательность, ловкость, качества ему особенно милыя.

Исторія съ фурой наполненною солдатами, о которой ходитъ легенда въ народѣ, дѣйствительно случилась. Раз-

бойники, пріютившіеся въ гористомъ краѣ между Ліономъ и Женевою, вызвали эту полицейскую штуку. Много разъ они грабили почту, дилижансы, нападали даже на казенные транспорты. По слухамъ, ихъ шайка состояла изъ людей особенно ожесточенныхъ и свирѣпыхъ. Утомившись безплодными поисками по горнымъ трущобамъ, полицейскій коммиссаръ, присланный изъ столицы, снарядилъ дилижансъ, украсилъ его множествомъ пустыхъ ящиковъ для приманки, наполнилъ переодѣтыми жандармами, и предписалъ ему прокатиться по опасной дорогѣ. Разбойники напали въ такихъ силахъ, что послѣдовало цѣлое маленькое сраженіе; но отряды солдатъ, искусно разставленные въ разныхъ мѣстахъ около дороги, окружили воровъ, перебили почти всѣхъ, троихъ разстрѣляли на мѣстѣ, а четверыхъ, связавъ, отвезли въ Буръ, гдѣ они и были приговорены къ смерти.

Въ день, назначенный для ихъ казни, произошла сцена какой не бывало даже въ исторіи оржерскихъ злодѣевъ. Тюремщикъ и сторожа, явившіеся взять обвиненныхъ, нашли ихъ нескованными и каждаго съ ножомъ въ рукахъ. Послѣдовали свалка и бѣгство служителей, преслѣдуемыхъ разбойниками, на дворъ темницы занятый карауломъ солдатъ, успѣвшихъ схватить ружья и навести ихъ на преступниковъ. При этомъ видѣ имъ стало понятно, что нечего расчитывать на спасеніе. Одинъ изъ осужденныхъ, называемый *попомъ (le prêtre)* началъ танцовать непристойный танецъ передъ наведенными ружьями и кончивъ его, воткнулъ себѣ ножъ въ сердце. Трое другихъ тоже ударили себя ножами, но только одинъ, Гюйо по имени, поразилъ себя опасно; его тутъ же покончили ударомъ приклада. Двое остальныхъ, покрытые кровью, изрыгая ругательства, дошли до мѣста казни, и сами взошли на эшафотъ, съ пѣснью *Ça ira!* такъ знаменитою во времена террора.

За дѣлами безжалостнаго насилія пошли наказанія, почти столько же безжалостныя.

Гражданинъ Фуше, въ особомъ рапортѣ первому консулу, при началѣ своего полицейскаго управленія, открыто упрекалъ трибуналы и присяжныхъ въ медленности и неразумныхъ снисхожденіяхъ къ подсудимымъ, уличеннымъ въ разбояхъ. Полиція не виновата въ томъ, гласилъ рапортъ, что случаются разграбленія почтъ и нападенія злодѣевъ на уединенныя фермы. Департаментскія тюрьмы, наполненныя

захваченными злодѣями, снимаютъ съ полиціи всякое обвиненіе. Но суды не дѣлаютъ своего дѣла; къ сожалѣнію, есть примѣры тому, что разбойники, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, бывали оправданы присяжными, и сверхъ того, самая процедура слѣдствій и процессовъ мѣшаетъ быстротѣ и энергіи, необходимымъ для возстановленія общественнаго спокойствія.

Слѣдствіемъ означеннаго рапорта было сформированіе чрезвычайныхъ и большею частію военныхъ коммиссій, вѣдающихъ дѣла о разбояхъ, ограбленіяхъ почтъ, и такъ далѣе. Префектамъ и чинамъ полиціи были даны дополнительныя инструкціи, которыхъ послѣдствія не заставили себя ждать слишкомъ долго.

До трехъ сотъ разбойниковъ было захвачено и разсажено по тюрьмамъ сорока семи департаментовъ, къ первому фримера девятаго года республики. Гораздо большее количество не дошло до тюремъ, а было или перебито въ разныхъ схваткахъ, или разстрѣляно на мѣстахъ ареста.

Въ Ардешскомъ департаментѣ уничтожена большая партія злодѣевъ, именовавшая себя „черною бандою"; арестанты взятые съ оружіемъ разстрѣляны; въ краѣ, служившемъ пріютомъ шайки, все населеніе обезоружено.

Въ Канталѣ произошла совершенная облава на разбойниковъ. Поселяне, подъ предводительствомъ меровъ, вооруженные топорами и косами, заняли всѣ входы и выходы горныхъ ущелій, между тѣмъ какъ жандармы, вытѣснивъ шайку изъ убѣжищъ, хватали и разстрѣливали ея участниковъ.

Въ департаментѣ Обѣихъ-Севръ полиція открыла небольшую партію отчаянныхъ удальцовъ звавшихъ себя Вандейцами, грабившихъ почты и сманивавшихъ изъ полковъ рекрутовъ, будто бы для королевской арміи. При арестѣ обошлось не безъ кровавой схватки; за то злодѣи и были резстрѣляны на мѣстѣ ихъ подвиговъ. Въ числѣ членовъ этой шайки, по физической силѣ и кровожадности, замѣтнѣе другихъ оказывался нѣкто *Жиродо*, то-есть *Франсуа Жиродо-Красавецъ*, бывшій начальникъ знаменитой оржерской шайки.

С. Б.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Отрывокъ.)

Ужь вечеръ. Какая отрада!
Мы сѣли въ кружокъ у окна.
Ночная намъ вѣетъ прохлада,
И полная свѣтитъ луна.
Къ чему эти глупыя свѣчи
Въ іюльскую свѣтлую ночь?
Охота, чтобъ стынули рѣчи,
Летѣли мечтанія прочь!
Довольно и луннаго свѣта.
Прекраснѣе въ сумракѣ эта
Картина уснувшей земли,
Всеобщей, торжественной лѣни.
Причудливо мѣсяцъ и тѣни
На платьяхъ, на лицахъ легли.
. . . .
. . . .

Живѣе бесѣда межь нами,
Быстрѣе разказы текутъ:

„... Вотъ лошади шагомъ бредутъ,
И ѣдемъ мы, ѣдемъ лѣсами.
Здѣсь видно и днемъ не свѣтло,
А солнце давненько зашло.
Густѣютъ вечернія тѣни.
Сыпучій песокъ по колѣни...
И жутко намъ въ чащѣ лѣсной,
И ждемъ-не-дождемся ночлега.“

„... Заноситъ насъ вьюгой степной,
Заноситъ сугробами снѣга.
Ну, ночка—не видно руки!
А вѣтеръ все по полю бродитъ,
Да дикія пѣсни заводитъ.

„... Вотъ волны широкой рѣки;
Въ нихъ смотрится берегъ нагорный.
Побранкой лихой и задорной
На баркѣ гремятъ бурлаки,
И взрывомъ бурлацкаго смѣха
Встревожено чуткое эхо.
Сверкаетъ на солнцѣ вода.
Плывутъ караваномъ суда.
Здорово, кормилица Волга!“

„... А вотъ заунывно и долго
Ямщикъ-мужичонко поетъ,
И за сердце пѣсня беретъ
И грустно глядишь на дорогу.“
. . . .

Какъ чудно смиряютъ тревогу,
Какъ много душѣ говорятъ
И тихія, добрыя рѣчи,
И теплый, ласкающій взглядъ.
Бываютъ чудесныя встрѣчи!....

Ѳ. РОМЕРЪ.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ[1]

Переводъ съ англійскаго.

I. Извлеченіе изъ объявленій въ *Times*.

„Неизвѣстнаго друга просятъ означить (посредствомъ объявленія въ *Times*) адресъ, по которому можно послать къ нему письмо. За доставленіе обѣщаемыхъ свѣдѣній назначается въ награду пять фунтовъ стерлинговъ.“

II. Отъ капитана Регга къ Магдалинѣ.

Бирмингамъ, 2-го іюля, 1847.

„Дорогая моя!

„Коробка съ принадлежностями костюма, увезенная вами ошибкой, благополучно прибыла по назначенію. Она будетъ оставаться подъ особою моею охраною до новаго распоряженія отъ васъ.

„Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить васъ въ моей неизмѣнной преданности вашимъ интересамъ. Не навязываясь нисколько на ваше довѣріе, позволю себѣ

[1] См. *Русскій Вѣстникъ*. №№ 7, 8 и 9.

однако спросить, согласился ли мистеръ Ноэль Ванстонъ оказать вамъ справедливость? Очень боюсь, что онъ отказалъ намъ въ ней,—и въ такомъ случаѣ, положа руку на сердце, торжественно объявляю, что̀ низость его возмущаетъ меня. Откуда взялось у меня предчувствіе, что вы напрасно обращались къ нему? Отчего человѣкъ этотъ представляется мнѣ какимъ-то зловреднымъ насѣкомымъ? Мы вовсе не знакомы другъ съ другомъ; мнѣ извѣстно о немъ лишь то что̀ я узналъ наводя для васъ справки. Или ужь мое сочувствіе къ вашимъ интересамъ такъ глубоко, что я исполнился вѣщаго духа? А не то, если дать волю фантазіи, не допустить ли предсуществованіе душъ? Ужь не нанесъ ли мнѣ мистеръ Ноэль Ванстонъ смертельной обиды на другой какой-нибудь планетѣ?

„Я пишу, дорогая моя Магдалина, какъ вы видите, съ моимъ всегдашнимъ юморомъ. Но я не шутя предлагаю вамъ свои услуги. Да не смущаетъ васъ ни на минуту вопросъ объ условіяхъ. Заранѣе принимаю всякія условія, какія вы заблагоразсудите предложить. Если вамъ угодно, я готовъ для васъ жать нашего мистера Ноэля Ванстона до тѣхъ поръ, пока золото не прыснетъ изъ всѣхъ его поръ. Извините за грубость этой метафоры. Мое нетерпѣніе быть полезнымъ вамъ рвется словами наружу, въ необдѣланномъ видѣ слагаетъ мысль мою къ ногамъ вашимъ, и предоставляетъ уже вашему вкусу оправить ее лучшими красотами англійскаго языка.

„Ну что̀ подѣлываетъ моя бѣдная жена? Боюсь, что вы не сможете заставить ее ходить полюдски или согласить ея фигуру съ вѣчными законами симметріи и порядка. Ужь не обнаруживаетъ ли она поползновенія на излишнюю фамильярность съ вами? Въ подобныхъ случаяхъ, я всегда обрѣзывалъ ее. Ей никогда не дозволялось называть меня иначе какъ капитаномъ, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, послѣ союза нашего, когда обстоятельства заставляли ее обращаться ко мнѣ письменно, ея начальное привѣтствіе строго ограничивалось словами „дорогой сэръ“. Примите эти мелкія домашнія подробности за указанія, которыя могутъ быть вамъ полезны въ сношеніяхъ съ мистриссъ Реггъ, и вѣрьте преданности нетерпѣливо ожидающаго вѣстей отъ васъ, вашего

Горацiя Регга.“

III. Отъ Норы къ Магдалинѣ.

(Письмо присланное, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, изъ Бэрмингамской почтовой конторы).

Вестморландъ Гаусъ, Кенсингтонъ, 1-го іюля.

„Дорогая Магдалина,

„Твое слѣдующее письмо (и, сдѣлай милость, не заставляй моня долго ждать его!) адресуй мнѣ на квартиру миссъ Гартъ. Я оставила свое мѣсто, и можетъ-быть пройдетъ немножко времени, пока я отыщу себѣ другое.

„Теперь, когда все кончено, я могу сказать тебѣ, душенька моя, что мнѣ не посчастливилось на этомъ мѣстѣ. Упорно старалась я расположить къ себѣ обѣихъ дѣвочекъ, учеництъ моихъ; но онѣ, право не знаю почему, съ самаго начала не взлюбили меня. На мать ихъ я не могу пожаловаться; но бабушка, которая ворочаетъ всѣмъ домомъ, просто отравляла мнѣ жизнь. Она то и дѣло попрекала меня неопытностью въ моихъ недоразумѣніяхъ съ дѣтьми, меня одну всегда находили виноватой. Я говорю тебѣ это, чтобы ты не подумала, что я жалѣю о потерѣ мѣста. Совсѣмъ нѣтъ, душа моя; я рада, что оставила этотъ домъ.

„Я скопила немножко денегъ, Магдалина, и очень желала бы провести на нихъ нѣсколько дней съ тобою. Сердце мое ноетъ, не видя сестры; уши мои жаждутъ звука ея голоса. Я желаю только одного слова отъ тебя, которое сказало бы мнѣ, гдѣ можемъ мы встрѣтиться. Подумай объ этомъ, умоляю тебя, подумай объ этомъ.

„Не воображай, что я пришла въ отчаяніе вслѣдствіе моей первой неудачи. Есть много добрыхъ людей на свѣтѣ, и кто-нибудь можетъ-быть въ скорости пріютитъ меня. Часто бываетъ очень трудно отыскать путь къ счастію, труднѣе, я почти увѣрена въ этомъ, для женщинъ чѣмъ для мущинъ. Но если мы терпѣливо ищемъ, ищемъ долго, то мы найдемъ наконецъ,—на небѣ, если не на землѣ. Что до меня, то мнѣ нужно теперь только повидаться съ тобой. Не забывай этого, душа моя, когда вспомнишь о Норѣ.“

IV. Отъ миссъ Гартъ къ Магдалинѣ.

Вестморландъ-Гаузъ, 1-го іюля.

„Любезная Магдалина!

„Не опасайтесь напрасныхъ упрековъ при видѣ моего почерка. Единственная цѣль моего письма—сообщить вамъ нѣчто, чего—я знаю—сестра ваша не скажетъ вамъ сама. Ей неизвѣстно, что я пишу вамъ. Не говорите ей ничего объ этомъ, если желаете избавить ее отъ излишняго безпокойства, а меня отъ излишней непріятности.

„Письмо Норы, безъ сомнѣнія, сказало вамъ, что она оставила свое мѣсто. Считаю своею печальною обязанностью прибавить, что она оставила его по поводу васъ.

„Дѣло было вотъ какъ. Гг. Вайаттъ, Пендриль и Гилтъ, повѣренные по дѣламъ того господина, въ семействѣ котораго Нора нашла себѣ мѣсто. Избранный вами образъ жизни еще съ прошлаго декабря былъ извѣстенъ всѣмъ компаньйонамъ. Особа посланная слѣдить за вами въ Йоркѣ, видѣла ваши представленія въ Дерби, и открытіе это было сообщено, черезъ нѣсколько дней, мистеромъ Вайаттомъ, господину взявшему къ себѣ Нору, въ отвѣтъ на прямой запросъ послѣдняго. Жена его и мать (живущіе съ нимъ) положительно желали, чтобъ онъ сдѣлалъ этотъ запросъ, такъ какъ уклончивые отвѣты Норы, касательно сестры, возбудили въ нихъ подозрѣніе. Вы слишкомъ хорошо знаете Нору, и не будете осуждать ее за это. Благодаря вашему теперешнему образу жизни, ей ничего другаго не оставалось кромѣ уклончиваго отвѣта, чтобы не сказать чистой лжи.

„Въ тотъ же день, обѣ дамы, старшая и младшая, послали за вашею сестрой и объявили ей, что онѣ узнали, что вы, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, подъ чужимъ именемъ, даете публичныя представленія. Онѣ были на столько справедливы, что не порицали за это Нору и находили, что поведеніе ея было безупречно и вполнѣ оправдывало мою рекомендацію. Но, въ то же время, онѣ поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы ваша нога не была въ ихъ домѣ,

и чтобъ она вообще избѣгала встрѣчъ съ нею. Сестра ваша, терпѣливо переносившая всѣ непріятности, которыя падали на нее самое, не могла снести этого поношенія, которымъ клеймили *васъ*. Она тутъ же отказалась отъ мѣста. Затѣмъ послѣдовали крупныя объясненія, и вечеромъ она оставила домъ.

„Не буду огорчать васъ, не скажу чтобъ потеря этого мѣста была несчастіемъ. Норѣ не посчастливилось на этомъ мѣстѣ, вопреки моимъ надеждамъ. Мнѣ невозможно было знать впередъ, что дѣти злы и капризны или что теща привыкла давать чувствовать свою власть каждому. Я сама думаю, что Норѣ на этомъ мѣстѣ оставаться не слѣдовало. Но это еще не конецъ злу. Какъ извѣстно вамъ и мнѣ, зло можетъ продлиться. Что̀ случилось въ этомъ домѣ, можетъ случиться въ другомъ. Образъ вашей жизни, какъ бы ни было безупречно ваше поведеніе,—и я увѣрена въ его безупречности,—сомнителенъ для всѣхъ порядочныхъ людей. Довольно жила я въ этомъ свѣтѣ, чтобъ убѣдиться, что чувство добропорядочности въ девяти Англичанкахъ изъ десяти непобѣдимо и неуступчиво. Люди, которые возьмутъ теперь Нору, могутъ также узнать о васъ, и Нора можетъ опять потерять мѣсто, такъ что ей потомъ нигдѣ нельзя будетъ пристроиться.

„Подумайте объ этомъ, дитя мое! Не упрекайте меня въ жестокости. Мнѣ дорого спокойствіе сестры вашей. Если вы забудете прошлое, Магдалина, и возвратитесь,—будьте увѣрены, что старая гувернантка ваша забудетъ все и приметъ васъ у себя, какъ приняли когда-то ее ваши родители.

„Вашъ, дорогая Магдалина, другъ навсегда

Гарріета Гартъ."

V. Отъ Френсиса Клера jun., къ Магдалинѣ.

Шангай, Китай. 23 апрѣля, 1847.

„Дорогая Магдалина!

„Я медлилъ отвѣтомъ на ваше письмо, ибо разстроенная голова моя не позволяла мнѣ писать вамъ. Я и теперь не способенъ писать, но чувствую, что не долженъ откладывать далѣе. Чувство чести подкрѣпляетъ меня, и я рѣшаюсь на это письмо.

„Карьера моя въ Китаѣ кончена. Домъ, которому я былъ сданъ, словно тюкъ товара, вывелъ меня изъ терпѣнія рядомъ мелкихъ оскорбленій, и я нашелъ себя вынужденнымъ, изъ собственнаго достоинства, отказаться отъ службы, неоцѣненной какъ слѣдуетъ съ самаго начала. О возвращеніи въ Англію, въ подобныхъ обстоятельствахъ, не можетъ быть и рѣчи. Со мной слишкомъ жестоко поступили на родинѣ, и я не могу не желать возвратиться въ нее,—даже еслибы могъ. Я намѣренъ занять какое-нибудь торговое мѣсто на одномъ изъ частныхъ купеческихъ судовъ въ здѣшнихъ водахъ, чтобы попытаться проложить себѣ путь. Не могу сказать, какъ это кончится или что̀ случится со мною потомъ. Я сталъ бродягой и изгнанникомъ единственно по винѣ другихъ. Безчувственное желаніе отдѣлаться отъ меня достигло цѣли. Отъ меня отдѣлались.

„Мнѣ остается пожертвовать еще однимъ, пожертвовать самыми дорогими сердечными привязанностями. Безъ всякой карьеры впереди, безъ всякой возможности возвратиться домой, могу ли я сколько-нибудь надѣяться выполнить мое обѣщаніе вамъ? Нѣтъ! Болѣе меня эгоистическій человѣкъ, могъ бы связать васъ этимъ обязательствомъ: менѣе меня благоразумный могъ бы заставить васъ ждать годы,—и ждать напрасно. Жестокія испытанія такъ напрягли мои нервы, такъ расшевелили мои чувства, что я не могу позволить себѣ это. Пишу со слезами на глазахъ; вы не свяжете судьбы своей съ отверженнымъ изгнанникомъ. Эти скорбныя строки освобождаютъ васъ отъ вашего обѣщанія. Взаимное обязательство наше прекращается.

„Единственное утѣшеніе, поддерживающее меня въ прощаніи моемъ съ вами, заключается въ мысли, что оба мы невинны. Можетъ-быть у васъ не достало энергіи подъ вліяніемъ моего отца; но я увѣренъ, что вы желали всего лучшаго. Лишь я одинъ предвидѣлъ злополучныя послѣдствія высылки меня изъ Англіи,—но меня не слушали. Я уступилъ отцу, я уступилъ вамъ, и вотъ результатъ!

„Я слишкомъ страдаю, и не могу писать болѣе. О, еслибы вы могли не знать никогда чего стоило мнѣ мое уклоненіе отъ нашего обязательства! Сдѣлайте милость, не осуждайте себя. Не ваша вина, что всѣмъ моимъ усиліямъ дано было другими ложное направленіе; не ваша вина, что въ жизни мнѣ не посчастливилось. Забудьте покинутаго бѣдняка, ко-

торый возноситъ свои искреннія молитвы о вашемъ счастіи и который всегда пребудетъ вашимъ другомъ и доброжелателемъ.

Франсисъ Клеръ, младшій."

VI. Отъ Франсиса Клера, старшаго, къ Магдалинѣ.

(Письмо въ которомъ заключалось предыдущее.)

„Я всегда говорилъ вашему бѣдному отцу, что сынъ мой дуракъ, но до прибытія почты изъ Китая я не зналъ, что онъ плутъ. Все заставляетъ меня думать, что онъ оставилъ своихъ хозяевъ въ самыхъ позорныхъ обстоятельствахъ. Съ этой минуты забудьте его, подобно мнѣ. Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, вы хорошо поступали въ этомъ дѣлѣ и согласно съ моимъ желаніемъ. Все что я могу теперь сказать вамъ въ отплату, я сказалъ. Дитя мое, мнѣ грустно за васъ.

Ф. К."

VII. Отъ мистриссъ Реггъ къ мужу.

„Дорогой сэръ ради бога пріѣзжайте сюда и помогите намъ. Она получила ужасное письмо вчера не знаю ужь какое но она читала его въ постели, и когда я вошла къ ней съ завтракомъ то нашла ее мертвою и еслибъ не было доктора черезъ дверь никто не могъ бы оживить ее и она сидитъ и глядитъ ужасно и не хочетъ сказать ни слова глаза ея пугаютъ меня я трясусь съ головы до ногъ о пожалуста пріѣзжайте у меня опрятно и я такълюблю ее и она такъ добра ко мнѣ и хозяинъ говорилъ что онъ боится чтобъ она не убила себя мнѣ хотѣлось бы писать прямо но я такъ дрожу ваша вѣрная жена матильда реггъ извините за ошибки и прошу васъ на колѣняхъ пріѣзжайте и помогите намъ Докторъ добрый чоловѣкъ припишетъ самъ быть можетъ не поймете и остаюсь еще разъ ваша вѣрная жена матильда реггъ.

(Приписка доктора.)

„Милостивый государь,—Имѣю честь увѣдомить васъ, что вчера я былъ призванъ въ сосѣдній домъ, въ Воксаллъ-Вокѣ, для поданія пособія одной внезапно заболѣвшей мо-

лодой дѣвушкѣ. Съ большимъ трудомъ привелъ я ее въ чувство; съ ней случился одинъ изъ самыхъ упорныхъ обмороковъ, какіе только мнѣ доводилось видѣть. Послѣ того, съ ней не было новыхъ припадковъ, но какая печаль тяготитъ ея умъ, и ничѣмъ нельзя развлечь ее. Она сидитъ, какъ сказывали мнѣ, не произнося слова и не сознавая ничего происходящаго вокругъ нея, по цѣлымъ часамъ, съ письмомъ въ рукѣ, котораго она никому не отдаетъ. Если такой упадокъ духа продлится, то можетъ пострадать ея разсудокъ. По чувству долга, я совѣтовалъ бы кому-нибудь изъ близкихъ ей людей поспѣшить къ ней на помощь, и употребить все свое вліяніе, чтобы вывести ее изъ этого состоянія. Вашъ покорный слуга,

Ричардъ Джервисъ.

VIII. Отъ Норы къ Магдалинѣ.

5-го іюля.

„Бога ради, напиши мнѣ строчку, въ Бэрмингамѣ ли ты все и гдѣ мнѣ найдти тебя тамъ! Я только что получила письмо отъ мистера Клера. О, Магдалина, если ты не жалѣешь себя, пожалѣй немного меня! Мысль, что ты теперь одна, посреди чужихъ, одна съ разбитымъ сердцемъ отъ этого страшнаго удара, не оставляетъ меня ни на минуту. Никакія слова не могутъ выразить того, что я чувствую при мысли о тебѣ! Душа моя, припомни былые дни ради Бога, когда этотъ подлый негодяй не прокрадывался еще въ твое сердце, вспомни счастливое время въ Комбъ-Ревенѣ, когда мы были неразлучны. О, ради Бога не обращайся со мною, какъ съ чужою! Мы теперь однѣ на свѣтѣ, — позволь мнѣ придти и успокоить тебя, позволь мнѣ быть болѣе чѣмъ сестрой для тебя, если это возможно. Одну строчку, всего одну строчку, чтобы я знала гдѣ найдти тебя!“

IX. Отъ Магдалины къ Норѣ.

7-го іюля.

„Дорогая моя Нора!

„Все, чего могла пожелать мнѣ твоя привязанность, сдѣлало твое письмо. Ты, и ты одна, нашла путь къ моему

сердцу. Я снова могу думать, снова могу чувствовать, прочтя твое письмо. Пусть же это успокоитъ тебя. Душа моя живетъ и дышетъ снова; она была мертва до полученія твоего письма.

„Перенесенный мною ударъ оставилъ во мнѣ какое-то странное спокойствіе. Я какъ будто отдѣлилась отъ своего прежняго *я;* надежды, когда-то столь дорогія мнѣ, какъ будто отошли вмѣстѣ съ старымъ временемъ, отъ котораго я далека теперь. На крушеніе жизни моей я могу глядѣть спокойнѣе, Нора, чѣмъ могла бы ты, еслибы мы снова были вмѣстѣ. Я уже въ состояніи говорить о Франкѣ.

„Душечка моя, мнѣ кажется, что никакая женщина не можетъ знать до какой степени отдалась она любимому человѣку, пока человѣкъ этотъ не поступилъ съ ней дурно. Пожалѣешь ли ты мою слабость, когда я сознаюсь тебѣ, что мнѣ больно было читать то мѣсто твоего письма, гдѣ ты называешь Франка подлымъ и негодяемъ? Никто не можетъ такъ презирать меня за это чувство какъ я сама презираю себя. Я похожа на собаку, которая ползетъ назадъ и лижетъ бившую ее руку господина. Да, это такъ,—я не призналась бы въ этомъ никому, кромѣ тебя,—но дѣлать нечего: это такъ. Онъ обманулъ и бросилъ меня, онъ написалъ мнѣ жестокое письмо на прощанье,—но не называй его негодяемъ! Если онъ раскается и возвратится ко мнѣ, я скорѣе умру чѣмъ выйду за него, — но меня оскорбляетъ это слово негодяй, писанное о немъ твоею рукой. Если онъ оказался слабъ, кто подвергъ его испытанію, которое было свыше его силъ? Или ты думаешь, что это случилось бы, еслибы Михаилъ Ванстонъ не ограбилъ насъ и не заставилъ Франка уѣхать отъ меня въ Китай? Еще недѣля, и годъ ожиданія окончился бы, и я стала бы женой Франка, еслибы не отняли у меня моего приданаго.

„Ты скажешь, послѣ случившагося, хорошо, что я избавилась этого. Душа моя! есть что-то превратное въ моемъ сердцѣ, отвѣчающее: Нѣтъ! Лучше быть несчастною женой Франка чѣмъ свободною, какъ теперь я.

„Я не писала ему. Онъ не сказалъ мнѣ адреса, по которому я могла бы писать ему, еслибы захотѣла. Но я не хочу этого. Я погожу посылать ему мое послѣднее прости. Если когда-либо наступитъ день, когда мнѣ достанется состоя-

ніе, назначавшееся мнѣ отцемъ въ приданое,—знаешь ли чтò я сдѣлаю съ этимъ состояніемъ? Я все отправлю къ Франку, какъ месть за письмо его, какъ послѣднее прощальное слово человѣку, который бросилъ меня. Дай Богъ только дожить до этого дня! Я буду жить, Нора, въ надеждѣ на лучшія времена для *тебя*: это у меня единственная уцѣлѣвшая надежда. Когда я думаю о твоей трудной жизни, слезы выступаютъ на моихъ усталыхъ глазахъ. Мнѣ кажется почти, что я какъ будто становлюсь *прежнею собою*.

„Ты не сочтешь меня бездушною и неблагодарною, если я скажу тебѣ, что надобно еще подождать немного прежде чѣмъ мы можемъ свидѣться Я желала бы стать болѣе достойною видѣть тебя. Я желала бы удалить отъ себя Франка, и еще болѣе приблизить тебя. Убѣдительны ли эти резоны? Не знаю, но не спрашивай меня о резонахъ. Прими поцѣлуй, который я кладу тамъ гдѣ проведенъ кружочекъ на бумагѣ... Прощай, душа моя. Сердце мое не измѣняетъ тебѣ, Нора; но я все-таки не смѣю еще свидѣться съ тобой.

Магдалина.

X. Отъ Магдалины къ миссъ Гартъ.

15-го іюля.

„Дорогая миссъ Гартъ!

„Я долго не отвѣчала на ваше письмо, но вы знаете что̀ случилось, и простите меня.

„Все что̀ мнѣ нужно сказать можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ. Вы можете быть увѣрены, что впредь я никогда не буду во враждѣ съ чувствомъ благоприличія; я на столько узнала свѣтъ, что впредь надѣюсь имѣть его всегда на своей сторонѣ. Нора уже не потеряетъ мѣста изъ-за меня; жизнь моя, какъ жизнь публичной лицедѣйки, окончена. Жизнь эта была безвредна,—Богъ свидѣтель,—и можетъ-быть мнѣ прилется горевать зачѣмъ я покинула ее, можетъ-быть и вы пожалѣете о томъ; но уже я никогда не возвращусь къ ней. Она отошла отъ меня, какъ отошелъ отъ меня Франкъ, какъ оставили меня всѣ лучшія мысли мои, за исключеніемъ мысли о Норѣ.

Довольно о себѣ! Сказать ли вамъ что-нибудь, чтобъ

бросить немного свѣта на это печальное письмо? Мистеръ Михаилъ Ванстонъ умеръ, и мистеръ Ноэль Ванстонъ наслѣдовалъ мое и Норино состояніе. Онъ совершенно достоинъ этого наслѣдства. На мѣстѣ отца, онъ также раззорилъ бы насъ, какъ раззорилъ отецъ.

„Мнѣ нечего сказать вамъ болѣе, что интересовало бы васъ. Не горюйте обо мнѣ. Я стараюсь подняться духомъ; я стараюсь забыть бѣдную, обманутую дѣвушку, которая была такъ легкомысленна, что полюбила Франка, въ былые комбъ-ревенскіе дни. По временамъ, на меня находитъ тоска, говорящая мнѣ, что эта дѣвушка не будетъ забыта; но это случается не часто.

„Вы были очень добры, называя себя, въ письмѣ къ такому погибшему созданію какъ я, *моимъ другомъ навсегда?* „Всегда“—слишкомъ смѣлое слово, моя дорогая наставница! Желала бы я знать, не захотите ли вы когда-нибудь отречься отъ него. Это не составитъ разницы, при моей постоянной признательности за ваши заботы обо мнѣ, когда я была маленькою дѣвочкой. Дурно заплатила я за эти заботы, дурно заплатила за доброту вашу ко мнѣ потомъ. Прошу у васъ прощенія. Всего лучше, будетъ для обѣихъ насъ, если вы забудете меня. Любящая васъ.

Магдалина.“

„P. S. Открываю письмо, чтобы прибавить одну строчку. Бога ради, не показывайте этого письма Норѣ.

XI. Отъ Магдалины къ капитану Реггу.

Воксгаллъ-Вокъ, 17-го іюля.

„Если не ошибаюсь, между нами былъ уговоръ, что я напишу вамъ въ Бэрмингамъ, какъ только успокоюсь на столько, чтобъ имѣть возможность думать о будущемъ. Умъ мой пришелъ наконецъ въ порядокъ, и теперь я могу принять услуги, которыя вы мнѣ предлагали.

„Пожалуста извините меня за сдѣланный вамъ пріемъ, когда вы прибыли въ этотъ домъ, узнавъ о моей внезапной болѣзни. Я была совершенно неспособна владѣть собою; я была въ умственной агоніи, лишившей меня на время чувствъ. Я только исполняю свой долгъ по отношенію къ вамъ, благодаря васъ теперь за очень терпѣливое

обращеніе со мною, въ то время, когда терпѣніе было милостью.

„Я скажу, чего требую отъ васъ, съ возможною ясностію и краткостію.

„Прежде всего, я предоставляю вамъ распорядиться какъ знаете моими сценическими костюмами. Я покончила навсегда съ этими сценическими представленіями, и желала бы отдѣлаться отъ всего что̀ къ намъ станется. Ключъ отъ моей коробки вложенъ въ это письмо.

„Другую коробку, въ которой уложены собственныя мои платья, будьте такъ добры пришлите сюда. Я не прошу васъ привезти ее лично, потому что имѣю поручить вамъ нѣчто гораздо болѣе важное.

На основаніи записки, оставленной вами при отъѣздѣ, я полагаю, что вы прослѣдили за мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ отъ Вокзгалъ - Вока до мѣста его настоящаго жительства. Если вы открыли это мѣсто, и если вы вполнѣ увѣрены, что не навлекли на себя подозрѣнія ни мистриссъ Леконтъ, ни ея господина, то я желаю, чтобы вы немедленно приготовили для меня помѣщеніе (вмѣстѣ съ вами и мистриссъ Реггъ) въ томъ городѣ или въ той деревнѣ, гдѣ поселился мистеръ Ноэль Ванстонъ. Я пишу это, слѣдуетъ замѣтить, въ томъ предположеніи, что онъ проживетъ нѣкоторое время на этомъ мѣстѣ.

„Если вы можете найдти для меня небольшой меблированный домъ, отдающійся помѣсячно, то наймите его тотчасъ же на мѣсяцъ. Скажите, что онъ нуженъ для жены вашей, племянницы и васъ самихъ, и выдумайте для насъ на время какое-нибудь имя, которое могло бы выдержать самыя подозрительныя развѣдыванія. Предоставляю это вашей опытности въ подобныхъ дѣлахъ. Тайна нашихъ дѣйствительныхъ именъ должна быть хранима такъ строго, какъ еслибъ отъ нея зависѣла наша жизнь.

„Расходы, въ которые вы войдете исполняя мои желанія, я уплачу немедленно. Если вы найдете домъ какой мнѣ нуженъ, то вамъ не за чѣмъ пріѣзжать за нами въ Лондонъ. Мы къ вамъ сами пріѣдемъ, какъ только будемъ знать, куда ѣхать. Домъ долженъ быть совершенно приличный, и находиться по близости отъ мѣста жительства мистера Ноэля Ванстона, гдѣ бы оно ни находилось.

„Вы позвольте мнѣ умолчать въ этомъ письмѣ о цѣляхъ. которыя я имѣю въ виду. Мнѣ бы не хотѣлось рисковать письменнымъ объясненіемъ. Когда всѣ ваши приготовленія будутъ готовы, то вы лично отъ меня услышите о томъ что̀ я намѣрена сдѣлать, и скажете мнѣ прямо, согласны вы или нѣтъ помогать мнѣ, на возможно выгоднѣйшихъ для васъ условіяхъ, какія только я могу предложить вамъ.

„Еще одно слово, прежде чѣмъ запечатаю это письмо.

„Если представится вамъ случай, по нанятіи дома и до нашего прибытія, обмѣняться нѣсколькими любезными словами съ мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ или съ мистриссъ Леконтъ, воспользуйтесь этимъ случаемъ.

„Для моей настоящей цѣли очень важно, чтобы мы познакомились другъ съ другомъ какъ бы совершенно случайно, по близкому сосѣдству. Я желаю, чтобы вы прочистили дорогу къ этой цѣли, если можете, еще до нашего пріѣзда. Пожалуста, не пропускайте ни одного случая наблюсти внимательно, въ особенности, за мистриссъ Леконтъ. Все, что̀ вы сдѣлате для того чтобы затуманить зоркіе глаза этой женщины, будетъ для меня самою драгоцѣнною изъ оказанныхъ вами услугъ.

„Нѣтъ надобности въ немедленномъ отвѣтѣ, если только я въ чемъ-нибудь не ошиблась въ моихъ заключеніяхъ касательно того, что̀ вами сдѣлано по вашемъ отъѣздѣ изъ Лондона. Я удержала нашу квартиру еще на недѣлю, и могу подождать пока вы будете въ состояніи сообщить мнѣ желаемыя свѣдѣнія. Вы можете быть увѣрены въ моемъ терпѣніи, которое не измѣнитъ мнѣ ни въ какихъ обстоятельствахъ. Капризы мои кончились, и моя вспыльчивость впредь никогда уже не подвергнетъ испытанію вашу снисходательность.

Магдалина.“

XII. Отъ капитана Регга къ Магдалинѣ.

Нортъ Шингельсъ Вилла, Альдборо, Соффокъ, 22-го іюля.

„Дорогая моя дѣвица,

„Ваше письмо восхитило и тронуло меня. Ваши извиненія нашли прямой путь къ моему сердцу; тотъ же путь

нашло и ваше довѣріе къ моимъ способностямъ. Пульсъ стараго милиціонера бьется съ гордостью при мысли о возложенномъ вами на него довѣріи, и онъ даетъ обѣтъ заслужить его. Не удивляйтесь этой естественной вспышкѣ. Всѣ восторженныя натуры должны вспыхивать при случаѣ: у меня же вспышка принимаетъ словесную форму.

„Все, чего вы отъ меня требовали, сдѣлано. Домъ нанятъ, имя отыскано, и я познакомился съ мистриссъ Леконтъ. Послѣ главнаго факта, васъ интересуютъ, вѣроятно, подробности. Вотъ онѣ, къ вашимъ услугамъ:

„Черезъ день послѣ того какъ я оставилъ васъ въ Лондонѣ, я отыскалъ мистера Ноэля Ванстона въ этомъ куріозномъ приморскомъ уголкѣ. Въ ряду безчисленныхъ пріобрѣтеній его отца былъ домъ въ Альдборо—мѣсто съ морскимъ купаньемъ,—входящее теперь въ моду, безъ чего мистеръ Михаилъ Ванстонъ не положилъ бы и фардинга на этотъ домъ. Въ этомъ-то домѣ, презрѣнный мелкій скряга, жившій въ даровомъ помѣщеніи въ Лондонѣ, живетъ теперь въ даровомъ помѣщеніи на Соффокскомъ поморьѣ. Онъ поселился здѣсь на лѣто и осень, и вамъ съ мистриссъ Реггъ стóитъ только пріѣхать сюда, чтобы жить въ пяти домахъ отъ него, въ нашей изящной виллѣ. Я нанялъ весь домъ за три гинеи въ недѣлю, съ правомъ остаться въ немъ на всю осень за ту же цѣну. На модномъ купаньи вдвое заплатить за такую дачу такъ было бы дешево.

„Наше новое имя было выбрано съ тщательнымъ соображеніемъ всѣхъ вашихъ указаній. Книжки мои,—надѣюсь, вы не забыли моихъ книжекъ?—заключаютъ въ себѣ подъ заголовкомъ: *Шкурки въ которыя можно вскочить*, списокъ индивидуумовъ сошедшихъ съ этого смертнаго поприща, съ именами, фамиліями и обстоятельствами которыхъ я хорошо знакомъ. Въ прежнія времена, я принужденъ былъ вскакивать, по профессіи, въ нѣкоторыя изъ этихъ шкурокъ. Другія остаются еще непочатыми костюмами, и могутъ быть испробованы. Кожу, которая придется намъ какъ разъ въ пору, носило семейство по имени Байгревъ. Я въ кожѣ мистера Байгрева въ настоящую минуту, и она сидитъ на мнѣ безъ малѣйшей морщины. Если вы сдѣлаете одолженіе скользнете въ кожу миссъ Байгревъ (собственное имя Сусана) и если вы втолкнете затѣмъ мистриссъ Реггъ какъ-нибудь, головой впередъ, въ кожу

мистриссъ Байгревъ (собственное имя Юлія), то превращеніе будетъ готово. Позвольте мнѣ объявить вамъ, что я вашъ дядюшка съ отцовской стороны. Мой достойный братъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, торговалъ краснымъ деревомъ въ Белайзѣ, въ Гондурасѣ. Тамъ онъ и скончался, и покоится на югозападной сторонѣ тамошняго кладбища, подъ красивымъ памятникомъ изъ мѣстнаго дерева, рѣзаннымъ самоучкой художникомъ негромъ. Черезъ девятнадцать мѣсяцевъ, вдова его скончалась отъ удара въ одной гостиницѣ въ Чельтенгамѣ. Она слыла за самую полную женщину въ цѣлой Англіи и обыкновенно помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома во избѣжаніе трудности подниматься на лѣстницу и спускаться съ оной. Вы единственное дитя ея; со времени печальнаго случая въ Чельтенгамѣ, вы были подъ моимъ попеченіемъ; вамъ минетъ двадцать лѣтъ втораго числа будущаго августа, и если исключить полноту, вы живой образъ вашей матери. Я безпокою васъ доказательствами моего близкаго знакомства съ нашею новою фамильною кожей, чтобъ успокоить васъ на счетъ будущихъ разпросовъ. Вѣрьте, что я и мои книжки могутъ вполнѣ удовлетворить всякаго рода разспросы. А пока вы напишите ваше новое имя и адресъ, и взгляните каково будетъ впечатлѣніе: „Мистеръ Байгревъ, мистриссъ Байгревъ, миссъ Байгревъ: Нортъ Шингельсъ Вилла, Альдборо.“ Клянусь жизнью, это хоть куда!

„Послѣдняя подробность, которую мнѣ необходимо сообщить вамъ, касается моего знакомства съ мистриссъ Леконтъ.

„Мы встрѣтились вчера въ здѣшней мелочной лавочкѣ. Насторожив уши, я узналъ, что мистриссъ Леконтъ желала имѣть особый родъ чаю, котораго не было у продавца и котораго, по его мнѣнію, нельзя было достать ближе чѣмъ въ Ипсичѣ. Я тотчасъ увидѣлъ возможность завязать знакомство ничтожною цѣной путешествія въ сей цвѣтущій градъ. „У меня дѣло сегодня въ Ипсичѣ, проговорилъ я, и я думаю возвратиться въ Альдборо (если что-нибудь не задержитъ) сегодня же вечеромъ. Сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ взять на себя ваше порученіе насчетъ чаю и привезти его сюда вмѣстѣ съ моими покупками.“ Мистриссъ Леконтъ вѣжливо отказывалась обременить меня этимъ порученіемъ; я вѣжливо настаивалъ на обремененіи меня онымъ. Мы заговорили. Незачѣмъ утруждать ваше

вниманіе нашимъ разговоромъ. Результатъ его, по моему, тотъ, что единственное слабое мѣсто мистриссъ Леконтъ,— если у нея имѣется таковое,—есть вкусъ къ наукамъ, заимствованный ею отъ ея покойнаго мужа, профессора. Надѣюсь, что по этому пункту представится мнѣ возможность снискать ея расположеніе и пустить немножко необходимой пыли въ ея красивые черные глаза. Руководясь этою мыслію, я, при покупкѣ ей чаю въ Ипсичѣ, купилъ для себя извѣстный сборникъ: „Ученые разговоры Джойса.“ Владѣя памятью и неограниченною увѣренностію въ себѣ, я намѣренъ тайкомъ поднадуть мою новую кожу свѣжеиспеченною наукой сколько будетъ это возможно, чтобъ она не лопнула, и представить этой дамѣ мистера Байгрева въ качествѣ самаго свѣдущаго изъ людей встрѣченныхъ ею со смерти профессора. Необходимость затуманить глаза этой дамы (по вашему превосходному выраженію) также очевидна для меня, какъ и для васъ. Это будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ, будьте спокойны;—Реггъ, подбитый Джойсомъ, какъ разъ для этого годится.

„Передъ вами теперь весь бюджетъ моихъ новостей. Достоинъ ли я или нѣтъ вашего довѣрія? Не говорю ничего о снѣдающемъ меня нетерпѣніи знать въ чемъ заключаются виды ваши: нетерпѣніе это будетъ удовлетворено при нашей встрѣчѣ. Никогда еще, дорогая моя дѣвица, не желалъ я повыжать производительнаго денежнаго соку изъ какого-нибудь человѣка такъ сильно, какъ изъ мистера Ноэля Ванстона. Не прибавляю ничего болѣе. *Verbum sap.* Извините за педантизмъ латинской цитаты, и вѣрьте моей полной преданности,

Горацiо Реггъ.“

„P. S. Я ожидаю вашихъ инструкцій. Вамъ стоитъ только сказать, ѣхать ли мнѣ въ Лондонъ для сопровожденія васъ сюда, или ждать васъ здѣсь. Домъ находится въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, погода—прекрасная, а море гладко какъ передникъ мистриссъ Леконтъ. Она только что прошла мимо окна, и мы обмѣнялись поклонами. Бойкая она женщина, дорогая моя Магдалина; но мы, то-есть Джойсъ да я, будемъ немножко посильнѣе.

XIII. (Извлеченіе изъ *Соффокскаго Аргуса.*)

Альдборо. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что въ этомъ году посѣтители нашего здороваго и любимаго публикой морскаго купанья съѣзжаются раньше обыкновеннаго. *Esto perpetua*—вотъ все что мы можемъ сказать.

Списокъ посѣтителей. Новоприбывшіе. Нортъ Шингельзъ Вилла: мистриссъ Байгревъ, миссъ Байгревъ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Альдборо, Соффокъ.

I.

Суффокское поморье всего болѣе поражаетъ пріѣзжаго необыкновенною беззащитностію земли отъ захватовъ напирающаго моря.

Въ Альдборо, какъ и всюду по этому берегу, мѣстныя преданія большею частію, буквально потонули. Мѣстоположеніе древняго города, когда-то люднаго и цвѣтущаго, исчезло почти совершенно въ морѣ. Нѣмецкій Океанъ поглотилъ улицы, рынки, доки и публичныя гулянья, и безжалостная волна, продолжая свое разрушеніе, остановилась, лишь за восемдесять лѣтъ, у дома солянаго пристава въ Альдборо,—дома знаменитаго теперь только по воспоминанію какъ мѣсторожденіе поэта Крабба.

Тѣснимые годъ за годомъ напирающею волной, жители отступили, въ настоящемъ столѣтіи, къ послѣднему годному для застройки куску земли, — полосѣ защемленной между болотомъ и моремъ. Здѣсь, надѣясь на песчаные наносы, какъ бы нарочно для ихъ обезпеченія набросанные капризною волной, жители расположили свое маленькое и красивенькое купальное мѣстечко. Первый лоскутъ ихъ земныхъ владѣній заключается въ низкой природной плотинѣ сложившейся изъ валуновъ, съ дорожкою по верху, идущею параллельно морю. Окаймляя эту дорожку ломаною, неровною линіей, лежатъ дачи новаго Альдборо,—причудливые домики, окруженные большею ча-

стію садами и снабженные кой-гдѣ, въ качествѣ садовыхъ украшеній, корабельными стемами, въ замѣнъ статуй, посреди цвѣтовъ. Море, озираемое съ низкаго уровня этихъ дачъ, кажется, при извѣстномъ состояніи атмосферы, выше земли: идущіе по взморью суда принимаютъ громадные размѣры и являются какими-то страшилами почти у самыхъ оконъ. Съ домами въ новѣйшемъ вкусѣ перемѣшаны постройки иныхъ стилей и другихъ періодовъ. Небольшая готическая ратуша стараго Альдборо, когда-то центръ исчезнувшаго порта и города, стоитъ теперь, передъ рядомъ новыхъ дачъ, какъ разъ на краю моря. Въ другомъ мѣстѣ, деревянная наблюдательная башня, осѣненная стемомъ какого-то погибшаго русскаго корабля, высится надъ сосѣдними домами; сквозь прорѣзы виднѣются угрюмые люди въ темной одеждѣ, сидящіе въ вѣчномъ наблюденіи въ ея верхнемъ этажѣ: это алдбороскіе лоцмана, высматривающіе изъ своей башни, не нуждается ли въ ихъ помощи какое-нибудь судно. За рядомъ такъ оригинально перемѣшанныхъ строеній, идетъ единственная улица города, съ грубыми лоцманскими домами, съ разваливающимися морскими складами и разными лавками. У сѣвернаго конца, улица эта ограничивается небольшимъ лѣсистымъ холмомъ, на которомъ выстроена церковь, и который командуетъ надъ болотистою плоскостью. На противоположной оконечности, улица приводитъ къ оставленной башнѣ и къ погибшему предмѣстью Слодену, между рѣкою Альдой и моремъ. Таковы главныя особенности этого любопытнаго маленькаго аванпоста на англійскомъ поморьѣ, въ его настоящемъ видѣ.

Въ одинъ жаркій и облачный іюльскій день, капитанъ Реггъ вышелъ изъ калитки Нортъ-Шингельзъ-Виллы, чтобы встрѣтить общественную карету (кочъ), ходившую тогда между Альдборо и восточною сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Онъ достигъ подворья, какъ только подъѣхала карета, и былъ у ея дверцы для пріема Магдалины и мистриссъ Реггъ.

Капитанъ принялъ свою жену не тратя на нее ни минуты времени. Съ недовѣріемъ взглянулъ онъ на ея башмаки, потомъ приподнялся на носки, передернулъ ея скривившуюся шляпку, проговорилъ громкимъ шепотомъ: „языкъ держать за зубами!“, и оставилъ ее на этотъ разъ безъ другихъ замѣчаній. Его привѣтствіе Магдалинѣ, начавшись обычнымъ потокомъ словъ, останови-

лось вдругъ посреди первой фразы. Глазъ капитана Регга былъ зорокъ, и онъ тотчасъ же подмѣтилъ во взглядѣ и пріемахъ своей ученицы нѣчто такое что̀ обличало въ ней серіозную перемѣну.

Въ ея лицѣ замѣчалось какое-то осѣвшее, отвердѣвшее выраженіе, которое придавало ему, когда она не говорила, неподвижность и холодность мрамора. Ея голосъ былъ мягче и ровнѣе, ея глаза менѣе разбѣгались, ея походка стала тише чѣмъ прежде. Когда она улыбалась, улыбка являлась и исчезала внезапно, и сопровождалась легкимъ нервнымъ подергиваніемъ съ одной стороны рта, никогда не замѣчавшимся прежде. Она была очень терпѣлива съ мистриссъ Реггъ; она относилась къ капитану съ совершенно-новыми для него вѣжливостію и вниманіемъ, но ее не занимало ничто. На куріозныя лавчонки въ заднихъ переулкахъ, на высокое и ровное море, на старую городскую стѣну на взморьѣ, на лоцмановъ, рыбаковъ, на проходящія суда, она глядѣла такъ же равнодушно, какъ будто Альдборо былъ знакомъ ей съ самаго дѣтства. Даже, когда капитанъ остановился у садовой калитки Нортъ-Шингельзъ-Виллы, и ввелъ ее торжественно въ ея новый домъ, она едва взглянула на свое будущее жилище. Первый вопросъ ея касался не ея жилища, а жилища Ноэля Ванстона.

— Какъ близко отъ насъ живетъ онъ? спросила она, въ первый разъ обнаруживая нѣкоторое движеніе.

Капитанъ Реггъ отвѣчалъ указаніемъ на пятую дачу отъ Нортъ-Шингельзъ-Виллы, на Слоденской сторонѣ Альдборо. Магдалина, при его указаніи, быстро отошла отъ калитки и пустилась одна поближе посмотрѣть на тотъ домъ.

Капитанъ Реггъ проводилъ ее глазами, и съ досадой покачалъ головою: „Чортъ бы побралъ того господина, который тамъ засѣлъ у ней въ головѣ,“ думалъ онъ: „она еще не плюнула на него.“

— Можно мнѣ теперь говорить? почтительно спросилъ покорный голосъ позади его, съ высоты десяти дюймовъ надъ верхушкой его соломенной шляпы.

Капитанъ повернулся и увидѣлъ жену. Одурѣніе на ея лицѣ, выразившееся сильнѣе обыкновеннаго, тотчасъ же сказало ему, что Магдалина не привела въ исполненіе наставленій его, и что мистриссъ Реггъ прибыла въ Альдборо, не зная хорошенько о совершенномъ превращеніи ея личности и

имени. Необходимость разрѣшить это сомнѣніе была слишкомъ серіозна, и капитанъ Реггъ приступилъ къ разспросамъ, не теряя ни минуты.

— Держаться прямо и слушать меня, началъ онъ.—Я долженъ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Знаете ли вы, въ какой вы теперь кожѣ? Знаете ли вы, что вы померли и похоронены въ Лондонѣ, и что вы воскресли, словно фениксъ, изъ пепла мистриссъ Реггъ? Нѣтъ! вы очевидно не знаете этого. Это очень стыдно. Какъ васъ зовутъ?

— Матильдой, отвѣчала мистриссъ Реггъ, въ состояніи глубочайшаго одурѣнія.

— Отнюдь нѣтъ! свирѣпо воскликнулъ капитанъ.—Какъ смѣете вы называть себя Матильдой? Ваше имя Юлія. Кто я такой? Извольте держать эту коробочку съ сандвичами прямо, не то я швырну ее въ море! Кто я такой?

— Не знаю, отвѣчала мистриссъ Реггъ, робко на этотъ разъ ища себѣ убѣжища въ отрицательной сторонѣ вопроса.

— Сядьте, произнесъ мужъ, указывая на низкій садовый валъ Нортъ-Шингельзъ-Виллы.—Нѣсколько правѣе! Еще правѣе! Такъ, хорошо. Вы не знаете? повторилъ капитанъ, грозно подступая къ женѣ, какъ только лицо ея опустилось въ уровень съ его собственнымъ.—Не повторяйте мнѣ этого. Можетъ ли быть, чтобы женщина, которая завтра утромъ будетъ брить меня, не знала какъ меня зовутъ? Смотрите на меня! Нѣсколько лѣвѣе, еще, вотъ такъ: кто я такой? Я мистеръ Байгревъ; крещеное имя—Томасъ. Кто вы такая? Вы мистриссъ Байгревъ; крещеное имя—Юлія. Кто такая молодая особа, пріѣхавшая съ вами изъ Лондона? Эта молодая особа—миссъ Байгревъ; крещеное имя—Сусана. Я дядя ея Томъ; вы—пустоголовая тетушка Юлія. Повторите же это мнѣ сейчасъ же какъ катехизисъ! Какъ васъ зовутъ?

— Пощадите мою бѣдную голову! запросила мистриссъ Реггъ.—О, пожалуста, пощадите мою бѣдную голову! Дайте мнѣ выбить изъ ней почтовую карету.

— Не огорчайте ее, произнесла Магдалина, подходя къ нимъ въ это время.—Она заучитъ это послѣ. Войдемте въ комнаты.

Капитанъ снова покачалъ своею разсудительною головой.

— Мы дурно начинаемъ, проговорилъ онъ съ меньшею чѣмъ обыкновенно учтивостію. — Глупость жены моей состоитъ уже препятствіемъ при первыхъ шагахъ на нашемъ пути.

Они вошли. Магдалина была вполнѣ довольна всѣми распоряженіями капитана; ей понравилась отведенная ей комната, она одобрила выборъ служанки, явилась къ чаю, какъ только пригласили ее, но все-таки не интересовалась ничѣмъ окружающимъ. Вскорѣ послѣ того какъ со стола было убрано, хотя дневной свѣтъ не померкъ еще, обычная сонливость мистриссъ Реггъ, при усталости, совершенно одолѣла ее, и она получила отъ мужа приказаніе оставить комнату (сохраняя однако башмаки свои на пяткахъ) и предаться сну (строго однако помня роль мистриссъ Байгревъ). Какъ только они остались одни, капитанъ пристально взглянулъ на Магдалину, ожидая что̀ она заговоритъ. Она ничего не сказала. Онъ рискнулъ тогда начать разговоръ вѣжливымъ вопросомъ о состояніи ея здоровья.

— Вы кажется очень устали, замѣтилъ онъ съ возможною вкрадчивостію.—Боюсь, что путешествіе слишкомъ утомило васъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, разсѣянно, глядя въ окно:—я не болѣе обыкновеннаго устала. Въ настоящее время я чувствую вѣчную усталость,—усталость ложась спать, усталость вставая. Если вы расположены выслушать сегодня то что̀ я имѣю сказать вамъ, я готова говорить. Но нельзя ли намъ выйдти изъ дому? Здѣсь ужасно жарко, и шумъ этихъ голосовъ невыносимъ.

Она указала въ окно на группу лодочниковъ, болтавшихъ праздно, какъ можетъ болтать лишь морской людъ, у сада.

— Неужели нигдѣ нельзя спокойно погулять въ этомъ гадкомъ мѣстечкѣ? спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Въ получасѣ разстояніи отъ нашего дома, мы найдемъ совершенно уединенное мѣсто, отвѣчалъ находчивый капитанъ.

— Прекрасно. Такъ пойдемте же.

Съ тяжелымъ вздохомъ взяла она свою соломенную шляпку и свой легкій кисейный шарфъ со стола, на который бросила ихъ при входѣ, и небрежно направилась

къ двери. Капитанъ Реггъ послѣдовалъ за ней до садовой калитки, но вдругъ остановился, пораженный новою мыслью.

— Извините, прошепталъ онъ:—при теперешнемъ невѣдѣніи жены моей кто она такая, было бы неблагоразумно оставить ее одну съ новою служанкой. Я тихонечко поверну ключъ въ замкѣ ея двери, на случай если она проснется до нашего возвращенія. Вы знаете поговорку: береженаго Богъ бережетъ. Черезъ минуту я вернусь къ вамъ.

Онъ поспѣшно направился къ дому, а Магдалина присѣла на садовый валъ, въ ожиданіи его возвращенія.

Едва успѣла она сѣсть, какъ два гулявшіе вмѣстѣ господина, приближенія которыхъ она не замѣтила прежде, прошли близко мимо нея.

По платью, одинъ изъ незнакомцевъ былъ духовное лицо. Общественное положеніе его товарища было труднѣе распознать. Навычный глазъ, вѣроятно, замѣтилъ бы въ его взглядѣ, пріемахъ и походкѣ нѣчто обличавшее моряка. То былъ мущина въ цвѣтѣ лѣтъ, высокій ростомъ, худощавый и мускулистый, съ сильно-загорѣлымъ лицомъ, съ начинавшими сѣдѣть черными волосами, съ темными, глубокими и твердыми глазами, глазами человѣка съ желѣзною рѣшимостью и привычкой повелѣвать. Онъ былъ ближе къ Магдалинѣ, когда проходилъ съ своимъ пріятелемъ мимо того мѣста гдѣ она сидѣла, и посмотрѣлъ на нее съ внезапнымъ изумленіемъ передъ ея красотою, съ открытымъ, сердечнымъ, не скрываемымъ восторгомъ, который былъ такъ очевидно искрененъ, такъ очевидно неволенъ, что никакъ нельзя было принять его за наглость; со всѣмъ тѣмъ, въ настоящемъ расположеніи своего духа, Магдалина была оскорблена имъ. Она чувствовала, какъ эти рѣшительные черные глаза незнакомца проникали ее насквозь съ электрическою быстротой, и она, съ выраженіемъ досады на лицѣ, отвернулась въ сторону и обратила глаза къ дому.

Черезъ минуту, она снова повернулась, чтобы посмотрѣть, ушелъ ли онъ. Тотъ, пройдя нѣсколько саженей, остановился и обернулся, чтобы взглянуть на нее вторично. Товарищъ его, духовнаго званія, замѣтивъ неудовольствіе Магдалины, взялъ его безъ церемоніи подъ руку и, полушутливо, полусеріозно, заставилъ его идти далѣе. Они скрылись оба за угломъ ближняго дома. Поворачивая за уголъ, заго-

рѣлый морякъ еще два раза остановилъ своего товарища и два раза оглянулся назадъ.

— Вашъ знакомый? спросилъ капитанъ Реггъ, подходя въ это время къ Магдалинѣ.

— Разумѣется нѣтъ, отвѣчала она:—совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ. Онъ глядѣлъ на меня самымъ дерзкимъ образомъ. Кто онъ: изъ здѣшнихъ?

— Я узнаю это сію минуту, отвѣчалъ предупредительный капитанъ, подходя къ кучкѣ лодочниковъ и задавая вопросы направо и налѣво, съ отличавшею его развязною фамильярностью. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ возвратился съ полнымъ бюджетомъ свѣдѣній. Духовное лицо было хорошо извѣстно, какъ благочинный (ректоръ) въ одномъ мѣстечкѣ, за нѣсколько отсюда миль. Смуглый господинъ былъ братъ его жены, капитанъ купеческаго корабля. Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ погостить къ своимъ родственникамъ на короткое время, до отправленія въ новое плаваніе. Духовное лицо звали Стриккландомъ, а купеческаго капитана—Керкомъ; болѣе ничего не было извѣстно лодочникамъ.

— Для насъ нисколько не важно кто они, равнодушно замѣтила Магдалина.—Грубость этого господина причинила мнѣ только минутную досаду. Оставимъ его. У насъ съ вами есть другая забота. Гдѣ же то уединенное мѣстечко, о которомъ вы мнѣ говорили? Куда намъ идти?

Капитанъ, указавъ на югъ, въ направленіи къ Слодену, подалъ ей свою руку.

Магдалина не тотчасъ же рѣшилась взять ее. Глаза ея пытливо бродили въ той сторонѣ, гдѣ находился домъ Ноэля Ванстона. Тотъ былъ въ саду и расхаживалъ по небольшому лугу, задравъ кверху голову; мистриссъ Леконтъ скромно сопровождала его съ зеленымъ опахаломъ въ рукахъ. Замѣтивъ это, Магдалина тотчасъ же взяла правую руку капитана Регга, [1] чтобы проходя быть ближе къ саду.

— Глаза нашихъ сосѣдей устремлены на насъ, и вашей племянницѣ ничего другаго не остается какъ взять вашу руку, сказала она, горько смѣясь.—Идемъ же, идемъ!

---

[1] Въ Англіи, обыкновенно, дама беретъ лѣвую руку мущины, такъ что правая остается у него свободною.

— Они смотрятъ сюда, шепнулъ капитанъ.—Представить мнѣ васъ мистриссъ Леконтъ?

— Нѣтъ, послѣ, отвѣчала она.—Выслушайте сначала, что я имѣю сообщить вамъ.

Они поровнялись съ садомъ. Капитанъ Реггъ съ щегольскимъ взмахомъ приподнялъ свою шляпу, и получилъ въ замѣнъ граціозный поклонъ мистриссъ Леконтъ. Магдалина видѣла, какъ экономка осматривала ея лицо, фигуру, платье, съ тѣмъ недоброжелательнымъ вниманіемъ, съ тѣмъ недовѣрчивымъ любопытствомъ, которыя чувствуютъ женщины, озирая другъ друга. Когда они миновали домъ, крикливый голосъ мистера Ноэля Ванстона достигъ до нея въ вечерной тишинѣ. „Красавица дѣвушка, Леконтъ," услышала она. „Вы знаете, я знатокъ въ этихъ вещахъ. Очень хороша!"

Капитанъ Реггъ съ внезапнымъ изумленіемъ оглянулся на свою спутницу. Рука ея сильно дрожала въ его рукѣ, а губы были плотно сжаты съ выраженіемъ нѣмой скорби.

Тихо и безмолвно шли они, пока не достигли южнаго предѣла домовъ и не вступили въ маленькій пустырь покрытый гонтомъ и поблекшею травою, — запустѣлую оконечность Альдборо,—глухое начало Слодена.

То былъ тяжелый душный вечеръ. Къ востоку, разстилалось величавое сѣрое море, застывшее въ бездыханномъ покоѣ; очертаніе горизонта невидимо сливалось съ однообразнымъ туманнымъ небомъ; лѣнивыя суда высились, мрачныя и покойныя, надъ лѣнивою водой. Къ югу, высокій кряжъ морской плотины и угрюмая масса башни, подымавшейся на своемъ поросшемъ травою валу, загораживали все лежавшее позади. Къ западу, блѣдная полоса заходящаго солнца краснѣла на печальномъ небѣ, бросая тѣнь на деревья, окоймляющія озеро, и обращая его заводи въ лужи крови. Ближе, тусклый потокъ рѣчки Альды катился безшумно и тинисто а еще ближе, уединенно и глухо, у холоднаго взморья лежалъ покинутый маленькій Слоденскій портъ, съ его погибшими верфями, развалившимися деревянными складами, да съ нѣсколькими разгонными каботажными судами, брошенными на тинистомъ берегу рѣки. Не слышно было удара волнъ со взморья; не слышно было журчанія водъ лѣниваго потока. По временамъ, крикъ морской пти-

цы поднимался со стороны болота, и въ промежуткахъ, съ дальнихъ фермъ внутренней пустыни, слабый звукъ роговъ, сзывавшихъ домой скотину, уныло раздавался посреди вечерняго покоя.

Магдалина вынула свою руку изъ-подъ руки капитана и направилась къ валу башни.—Я устала отъ ходьбы, сказала она.—Остановимтесь и отдохнемъ здѣсь.

Она сѣла на откосъ, и опершись на локоть, машинально срывала и разбрасывала пучки ростей подъ ея рукой травы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго занятія этимъ, она вдругъ повернулась къ капитану Реггу.—Удивляю я васъ? спросила она.—Очень я измѣнилась?

Тактъ капитана сказалъ ему, что пришло время быть откровеннымъ съ ней и отложить цвѣты краснорѣчія до болѣе умѣстнаго случая. — Если вы спрашиваете меня, я долженъ отвѣчать, произнесъ онъ. — Да, я нахожу, вы много измѣнились.

Она сорвала еще пучекъ травы. — А вы угадываете причину? сказала она.

Капитанъ благоразумно хранилъ молчаніе. Онъ отвѣчалъ лишь поклономъ.

— Я отложила всякое попеченіе о себѣ, продолжала она, щипля все сильнѣе и сильнѣе траву.—Этимъ я еще немного сказала, но вы можетъ-быть поймете меня. Было время, когда я скорѣе умерла бы чѣмъ рѣшилась бы на нѣкоторыя вещи,—вещи, о которыхъ одна мысль оледенила бы меня ужасомъ. Теперь мнѣ все равно Для себя самой я не имѣю никакой цѣны; я не болѣе интересуюсь собою, какъ вотъ этою травой. Я какъ будто потеряла что-то. А что̀ потеряла? сердце? совѣсть?—сама не знаю. Не скажете ли вы? Однако какія глупости говорю я! Кому нужно знать что̀ у меня пропало? Пропало, такъ пропало, и дѣлу конецъ. Моя наружность, кажется, лучше всего у меня; она кажется сохранилась. Сохранилась моя наружность? Хорошо! хорошо! Не отвѣчайте; не безпокойтесь расточать мнѣ комплименты. Мною уже и такъ довольно восхищались сегодня. Сначала морякъ, потомъ мистеръ Ноэль Ванстонъ: право этого очень довольно для всякаго женскаго тщеславія! Имѣю ли я право называть себя женщиной? Быть-можетъ нѣтъ: я еще не дошла до моего второго десятка. Но, Боже, я иногда чувствую себя женщиною лѣтъ за

сорокъ!—Она разбросала по вѣтру послѣдніе обрывки травы и, повернувшись спиной къ капитану, стала опускать голову, пока щека ея не коснулась дерна.—Вотъ это мягко проговорила она, ласкаясь къ землѣ съ какою-то страшною нѣжностью, исполненною отчаянія.—Она вотъ не отвергнетъ меня. Мать земля! Ты одна у меня!

Въ нѣмомъ удивленіи глядѣлъ на нее капитанъ Реггъ. Того сорта знаніе людей, которымъ обладалъ онъ, было не въ состояніи измѣрить глубину страшнаго самоотрицанія, которое вырвалось наружу въ ея отчаянныхъ словахъ, и казалось готово было увлечь ее къ дѣйствіямъ еще болѣе отчаяннымъ.—„Чертовски нелѣпо и досадно," думалъ онъ не совсѣмъ спокойно про себя. — „Ужь не перевернула ли ей мозгъ потеря ея любителя?" Онъ подумалъ съ минуту, и затѣмъ обратился къ ней: „Оставьте это до завтрашняго дня," посовѣтовалъ ей дружески капитанъ. „Вы устали сегодня. Безъ спѣху, дорогая моя дѣвица, безъ спѣху."

Быстро подняла она свою голову и оглянулась на него съ тою же скорбною рѣшимостью, съ тѣмъ же отчаяннымъ презрѣніемъ къ себѣ, которыя видѣлъ онъ на ея лицѣ въ тотъ памятный день, въ Йоркѣ, когда она впервые играла передъ нимъ.—„Я пришла сюда, чтобы сказать вамъ что̀ у меня на душѣ," молвила она: „и скажу!" Выпрямившись сѣла она на откосѣ и, охвативъ руками колѣни, вперила взоръ въ медленно-темнѣвшую даль. Въ такомъ странномъ положеніи пережидала она чтобъ успокоиться, и наконецъ заговорила, не поворачивая къ капитану головы:

— Когда мы повстрѣчались въ первый разъ, начала она робко, — я старалась затаить про себя мои мысли. Я знаю теперь, что мнѣ не удалось это. Когда, въ Нью-Йоркѣ, я сказала вамъ въ первый разъ, что Михаилъ Ванстонъ раззорилъ насъ, вы, полагаю, угадали сами, что я рѣшилась оказать сопротивленіе. Угадали ли вы это, или нѣтъ, но таковъ фактъ. Съ этою рѣшимостью въ душѣ, оставила я моихъ друзей, и теперь я чувствую ее въ себѣ сильнѣе, вдесятеро сильнѣе чѣмъ когда-нибудь.

— Вдесятеро сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, повторилъ капитанъ. — Совершенно такъ; это естественное слѣдствіе твердости характера.

— Нѣтъ. Естественное слѣдствіе того обстоятельства, что мнѣ ни о чемъ больше не остается думать. До моей

болѣзни въ Воксалъ-Вокѣ, у меня была еще другая забота. Теперь у меня нѣтъ никакой другой заботы. Попомните это, когда впредь вамъ покажется, что я буду играть все на этой струнѣ. Прежде позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Угадали ли вы, на что̀ я рѣшилась въ то утро, когда вы показали мнѣ газету и когда я прочла извѣстіе о смерти Михаила Ванстона?

— Говоря вообще, отвѣчалъ капитанъ Реггъ, — я угадалъ, что вы намѣрены опустить ваши ручки въ его кошелекъ и вынуть оттуда, совершенно согласно съ строгою справедливостью, что̀ принадлежитъ вамъ. Я былъ сильно пораженъ тогда вашимъ непозволеніемъ помогать вамъ. Почему она такъ скрытничаетъ со мной? замѣтилъ я про себя. Зачѣмъ она такъ скрытничаетъ безъ всякаго разумнаго основанія.

— Теперь вамъ не будетъ повода жаловаться на мою скрытность, продолжала Магдалина. — Говорю вамъ прямо, еслибы не случилось нѣкоторыхъ событій, то я бы ужь обратилась къ вамъ за помощью. Еслибы Михаилъ Ванстонъ не умеръ, я отправилась бы въ Брайтонъ и легко нашла бы возможность познакомиться съ нимъ, подъ чужимъ именемъ. У меня было достаточно денегъ, чтобы прожить прилично нѣсколько мѣсяцевъ. Я употребила бы это время, — и ждала бы цѣлый годъ еслибы то оказалось необходимымъ, — на то чтобъ уничтожить вліяніе мистриссъ Леконтъ, и кончила бы тѣмъ, что сама взяла бы его въ свои руки. На моей сторонѣ была выгода лѣтъ, выгода искренняго отчаянія, и я достигла бы своей цѣли. До истеченія года, до истеченія полугода, вы увидѣли бы мистриссъ Леконтъ отставленною, а меня взятою въ домъ, въ качествѣ пріемной дочери Михаила Ванстона, въ качествѣ вѣрнаго друга, спасшаго его, въ его старые годы, отъ искательницы приключеній. Дѣвушки не старѣе меня рѣшались на дѣла, повидимому, еще безнадежнѣе, и исполняли ихъ. У меня была готова исторія; планы мои были хорошо обдуманы; я напала бы на слабую сторону этого старика, которою прежде меня воспользовалась, по своему, мистриссъ Леконтъ, и увѣряю васъ, я достигла бы цѣли.

— Я увѣренъ, вы достигли бы ее, проговорилъ капитанъ. —А тамъ что̀?

— А тамъ, мистеръ Михаилъ Ванстонъ смѣнилъ бы своего повѣреннаго. Вы заняли бы его мѣсто, и тѣ хитрыя спекуляціи, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ, стоили бы ему всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя онъ отнялъ у моей сестры и у меня. Онъ поплатился бы до послѣдней копѣйки, капитанъ Реггъ, вѣрно такъ же какъ вы сидите тутъ, до послѣдней копѣйки! Дерзкій замыселъ, возмутительный обманъ, не правда ли? Ничего! Я нахожу въ своей совѣсти оправданіе всякой козни, всякому обману, въ силу того подлаго закона, который выбросилъ насъ на улицу безъ хлѣба и крова. Вы сейчасъ говорили о моей скрытности. Бросила ли я ее, наконецъ? Высказалась ли я наконецъ въ одинадцатый часъ?

Капитанъ знаменательно приложилъ руку къ сердцу и ринулся въ самый широкій потокъ своего многословія.

— Невыразимымъ и безполезнымъ сожалѣніемъ наполняете вы меня, произнесъ онъ. — Еслибы старикъ этотъ остался въ живыхъ, какую жатву могъ бы я собрать съ него! Какія громадныя предпріятія по части моральной агрикультуры пришлось бы мнѣ выполнить! *Ars longa*, проговорилъ капитанъ Реггъ, восторженно уносясь въ латынь,—*vita brevis!* Прольемъ слезу надъ утраченною возможностью, и посмотримъ чѣмъ можетъ утѣшить насъ настоящее. Для меня ясенъ одинъ выводъ. Дѣло, на которое вы рѣшались имѣя въ виду мистера Михаила Ванстона, совершенно неудобоисполнимо, дорогая моя дѣвица, по отношенію къ его сыну. Сынъ его недоступенъ никакамъ прельщеніямъ спекуляцій. Вы можете положиться на мое серіозное увѣреніе, продолжалъ капитанъ, съ чувствомъ негодованія, вспомнивъ объ отвѣтѣ на его объявленіе въ *Times*, — что мистеръ Ноэль Ванстонъ есть самое скаредное существо въ человѣческомъ родѣ.

— Я могу положиться столько же и на свою собственную опытность, замѣтила Магдалина. — Я видѣла его и говорила съ нимъ, и знаю его лучше чѣмъ вы. Вотъ вамъ къ свѣдѣнію новое открытіе, капитанъ Реггъ! Я отослала вамъ нѣкоторыя принадлежности костюма, когда онѣ сослужили мнѣ службу, для которой я брала ихъ въ Лондонъ. Цѣль моя была добраться, въ переряженномъ видѣ, до Ноэля Ванстона, и лично убѣдиться, что̀ за люди мистриссъ Леконтъ и ея хозяинъ. Я достигла этого, и говорю вамъ, что лучше

вашего знаю обоихъ обитателей вонъ того дома, съ которыми намъ приходится теперь вести дѣло.

Капитанъ Реггъ изъявилъ при этомъ глубочайшее изумленіе и сдѣлалъ нѣсколько невинныхъ вопросовъ, приличествующихъ умственному состоянію изумленнаго человѣка.

— Хорошо, произнесъ онъ, послѣ краткихъ отвѣтовъ Магдалины:—какое же впечатлѣніе изо всего этого вынесли вы? Вы должны же были вынести что-нибудь, а не то мы не были бы здѣсь. Ясно видите вы свой путь передъ собой? Въ самомъ дѣлѣ, дорогая дѣвица, ясно видите вы путь свой передъ собою?

— Да, отвѣчала она быстро.—Вижу ясно.

Капитанъ приблизился къ ней, съ жаднымъ любопытствомъ въ каждой чертѣ своего пронырливаго лица.

— Скажите же, что̀ вы намѣрены дѣлать? произнесъ онъ тревожнымъ шепотомъ:—сдѣлайте милость скажите.

Она глядѣла задумчиво въ сгущавшійся мракъ, не отвѣчая, какъ будто не слыша его. Ея губы сомкнулись, а руки машинально сжали крѣпко колѣни.

— Нечего скрывать отъ себя, произнесъ капитанъ Реггъ, осторожно наводя ее на разговоръ: — съ сыномъ труднѣе вести дѣло чѣмъ съ отцомъ...

— Труднѣе, только не мнѣ, вдругъ перебила она.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ капитанъ. — Прекрасно! Говорятъ, есть кратчайшій путь ко всему, если только подолѣе поискать его. Вы, полагаю, искали его долго, и естественнымъ послѣдствіемъ было то, что вы нашли его.

— Я и не думала искать; я нашла его не ища.

— Чертъ побери! воскликнулъ капитанъ Реггъ, въ крайнемъ недоумѣніи. — Дорогая моя дѣвица, неужели я во взглядѣ на ваше положеніе совершенно сбился съ толку? Сколько я понимаю дѣло, то съ одной стороны мистеръ Ноэль Ванстонъ владѣетъ вашимъ и сестры вашей состояніемъ, также какъ и отецъ его владѣлъ, и не намѣренъ разстаться съ онымъ, также какъ и отецъ его не былъ намѣренъ?

— Да.

— А съ другой вы, при совершенномъ безсиліи возвратить его убѣжденіями, при полной невозможности получить его путемъ закона, и все при той же рѣшимости завладѣть имъ посредствомъ какой-нибудь стратагемы?

— При той же рѣшимости. Но не для денегъ, знайте это. Ради справедливости.

— Прекрасно. А средства достигнуть этой справедливости, бывшія затруднительными по отношенію къ отцу, который не слылъ скаредомъ, легки по отношенію къ скареду сыну?

— Очень легки.

— Назовите жь меня осломъ! воскликнулъ капитанъ, потерявъ терпѣніе.—Повѣсьте меня, если я знаю, что вы хотите сказать!

Тутъ она впервые обернулась къ нему, и посмотрѣла прямо и твердо ему въ лицо.

— Я скажу вамъ это, проговорила она. — Я думаю женить его на мнѣ.

Капитанъ Реггъ вскочилъ на колѣни, и остановился въ этомъ положеніи, ошеломленный изумленіемъ.

— Вспомните, что я говорила вамъ, замѣтила Магдалина, снова отвертываясь отъ него.—Я отложила всякое попеченіе о самой себѣ. У меня теперь одна цѣль въ жизни, и чѣмъ скорѣе я достигну ея,—и умру,—тѣмъ лучше. Если...

Она остановилась, перемѣнила немного свое положеніе и указала рукой на катившійся ниже ручей, тускло свѣтившійся въ густѣвшихъ сумеркахъ.—Еслибъ я осталась тѣмъ чѣмъ была нѣкогда, я бросилась бы въ рѣку скорѣе чѣмъ рѣшилась бы сдѣлать то на что̀ рѣшаюсь теперь. Теперь я ничѣмъ уже не тревожу себя, я не затрудняю ума своего никакими выдумываніями. Короткій путь, и путь подлый, лежитъ предо мною. Я выбираю его, капитанъ Реггъ, и выхожу замужъ.

— Оставляя мистера Ноэля Ванстона въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, кто вы такія? проговорилъ капитанъ, медленно поднимаясь на ноги и тихо повертываясь, чтобы видѣть ея лицо.—Вы выйдете за него въ качествѣ моей племянницы, миссъ Байгревъ?

— Въ качествѣ вашей племянницы, миссъ Байгревъ.

— А потомъ?..—Голосъ его оборвался, и онъ не кончилъ своего вопроса.

— Потомъ, сказала она,—мнѣ уже не нужна будетъ ваша помощь.

Когда она выговорила свой отвѣтъ, капитанъ остановился, посмотрѣлъ на нее пристально, и вдругъ откачнулся

назадъ, не произнося ни слова. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, и угрюмо опустился на траву. Еслибы Магдалина могла видѣть его лицо въ замиравшемъ свѣтѣ, оно поразило бы ее. Можетъ-быть въ первый разъ съ своего младенчества, капитанъ Реггъ измѣнился въ лицѣ. Онъ былъ смертельно блѣденъ.

— Имѣете вы что-нибудь сказать мнѣ? спросила она. — Быть-можетъ вы ожидаете узнать какія я могу предложить вамъ условія? Вотъ они. Я беру на себя всѣ наши здѣшнія издержки, а въ день свадьбы, вы получите на прощаніе двѣсти фунтовъ. Обѣщаете ли вы мнѣ ваше содѣйствіе на этихъ условіяхъ?

— А что придется мнѣ дѣлать? спросилъ онъ, украдкою бросая взглядъ на нее, и съ внезапнымъ недовѣріемъ въ голосѣ.

— Вамъ придется сохранять тайну моей и вашей роли, отвѣчала она,—и предупреждать всякія розыски мистриссъ Леконтъ для узнанія кто я такая. Ничего болѣе я не требую. Остальное на моей, а не на вашей отвѣтственности.

— Мнѣ не придется принимать участія ни въ чемъ, никогда и нигдѣ, послѣ брака?

— Нѣтъ.

— Я могу оставить васъ, если захочу, у дверей церкви?

— У дверей церкви, съ платой въ карманѣ.

— Выданною мнѣ изъ вашихъ собственныхъ денегъ?

— Безъ сомнѣнія! Изъ какихъ же еще?

Капитанъ Реггъ снялъ шляпу и провелъ, съ видомъ успокоенія, платкомъ по лицу.

— Дайте мнѣ минуту подумать, замѣтилъ онъ.

— Столько минутъ, сколько угодно, отвѣчала она, прислонившись по прежнему къ валу и снова принявшись срывать пучки травы и разбрасывать ихъ по сторонамъ.

Мысли капитана не усложнялись никакими излишними переходами отъ созерцанія собственнаго своего положенія къ соображенію положенія Магдалины. Будучи совершенно неспособенъ оцѣнить оскорбленіе, нанесенное Магдалинѣ подлою измѣной Франка, — оскорбленія, которое однимъ жестокимъ ударомъ отняло у нея надежду, бывшую, не смотря на всю свою обманчивость, спасительною надеждою ея жизни, — капитанъ Реггъ принялъ къ свѣдѣнію только

фактъ ея отчаянія такъ какъ онъ давался ему съ руки, и затѣмъ обратился къ послѣдствіямъ сдѣланнаго ею предложенія.

Въ будущемъ, до брака, онъ видѣлъ не болѣе какъ обманъ, не отличающійся ничѣмъ, развѣ только цѣлью своею, отъ надувательствъ, обдумывать и выполнять которыя давно уже пріучила его бродяжническая жизнь. Въ будущемъ *послѣ* брака, онъ различалъ слегка, сквозь зловѣщій мракъ, призраки ужаса и преступленія, съ темною пропастью раззоренія и смерти позади ихъ. Въ своей тѣсной сферѣ капитанъ былъ человѣкъ неограниченной смѣлости и находчивости; внѣ же этой сферы, капитанъ былъ также почтительно покоренъ величію закона, какъ и самый невинный въ свѣтѣ человѣкъ, такъ же остороженъ въ сохраненіи своей особы, какъ и самый трусливый изъ земнородныхъ. Лишь одинъ серіозный вопросъ занималъ его мысли: могъ ли онъ, на предложенныхъ ему условіяхъ, принимать участіе въ заговорѣ противъ Ноэля Ванстона до самой минуты свадьбы, а затѣмъ отступить, не рискуя запутаться въ послѣдствіяхъ, безъ которыхъ, какъ говорила ему опытность, дѣло не обойдется.

На рѣшеніе его въ этомъ обстоятельствѣ, — какъ ни странно это покажется,—имѣлъ главнымъ образомъ вліяніе самъ мистеръ Ноэль Ванстонъ. Капитанъ могъ бы еще не очень соблазняться денежнымъ предложеніемъ сдѣланнымъ ему Магдалиной, ибо барыши отъ представленій набили его карманы суммой въ три раза болѣе двухсотъ фунтовъ. Но надежда нанести въ потьмахъ ударъ человѣку, оцѣнившему его сообщенія и его самого въ пять фунтовъ, пересилила его осторожность. На мелкой нейтральной почвѣ самомнѣнія одинаково сходятся лучшіе и худшіе люди. Негодованіе капитана Регга, при прочтеніи отвѣта на свое объявленіе, не уменьшалось оцѣнкой собственнаго поведенія: онъ былъ такъ же глубоко обиженъ, такъ же искренно раздосадованъ, какъ еслибъ онъ сдѣлалъ совершенно честное предложеніе, и былъ бы за то оскорбленъ лично. Онъ былъ слишкомъ занятъ своею обидой, чтобы не промолвиться ею въ своемъ первомъ письмѣ къ Магдалинѣ. И послѣ онъ каждый разъ болѣе или менѣе забывался при произнесеніи имени Ноэля Ванстона. Въ настоящемъ же окончательномъ рѣшеніи

относительно будущихъ дѣйствій своихъ, можно смѣло сказать, что побужденіе корысти отступило, въ первый разъ въ его жизни, на второй планъ, а побужденіе злобы заняло первый.

— Я принимаю условія, произнесъ капитанъ Реггъ, живо вскакивая на ноги.—Мы разстаемся въ день свадьбы. Я не знаю, куда вы уѣзжаете; вы не знаете куда я уѣзжаю. Съ этого времени, мы не знаемъ другъ друга.

Магдалина медленно поднялась. Уныніе и мрачное отчаяніе высказывались въ ея взглядѣ и движеніяхъ. Она отказалась взять руку капитана, и звуки ея голоса, при отвѣтахъ ему, были такъ низки, что онъ едва могъ разслушать ее.

— Мы поняли другъ друга, сказала она,—и можемъ теперь идти домой. Завтра вы познакомите меня съ мистриссъ Леконтъ.

— Я долженъ сдѣлать вамъ сначала нѣсколько вопросовъ, замѣтилъ капитанъ серіознымъ тономъ.—Въ этомъ дѣлѣ болѣе опасностей, и на нашемъ пути болѣе засадъ, чѣмъ вы воображаете. Мнѣ необходимо знать всю исторію вашего утренняго визита къ мистриссъ Леконтъ, прежде чѣмъ я сведу васъ съ нею на разговорную дистанцію.

— Подождите до завтра, съ нетерпѣніемъ вскрикнула она.—Не бѣсите меня толками объ этомъ сегодня.

Капитанъ замолчалъ. Они повернули къ Альдборо и тихо направились домой.

Ночь захватила ихъ у первыхъ домовъ. Не видно было ни мѣсяца, ни звѣздъ. Съ темнотой подулъ легкій вѣтерокъ съ суши. Магдалина остановилась, чтобы свободнѣе подышать воздухомъ. Черезъ минуту она отвернула лицо отъ вѣтру и устремила глаза на море. Неизмѣримая тишь покойной воды, терявшейся въ темнотѣ ночи, наводила страхъ. Она стояла, всматриваясь въ мракъ, словно его тайны были ей открыты, и медленно направилась туда, словно мракъ притягивалъ ее какою-то скрытою силой.

— Я сойду къ морю, сказала она своему спутнику.—Подождите здѣсь, я сейчасъ буду назадъ.

Черезъ минуту онъ потерялъ ее изъ виду, будто ночь поглотила ее. Онъ ждалъ и считалъ ея шаги по шуму камешковъ, по которымъ она ступала въ глубокой тишинѣ. Медленно удалялись они все болѣе и болѣе. И вдругъ звукъ

ихъ затихъ. Остановилась ли она? Или достигла одной изъ песчаныхъ полосъ оставленныхъ волной отлива?

Онъ ждалъ и прислушивался съ безпокойствомъ. Время шло, а до него не долетало ни одного звука. Онъ продолжалъ прислушиваться съ возраставшимъ недовѣріемъ къ глухой темнотѣ. Еще минута, и съ невидимаго поморья послышался звукъ. Внизу, на прибрежьи, далеко и слабо, долгое стананіе пронеслось въ тишинѣ. И затѣмъ снова затихло все.

Во внезапномъ испугѣ, онъ бросился впередъ, чтобы сойдти къ берегу и кликнуть ее. Но прежде чѣмъ онъ перешелъ дорогу, быстро приближавшіеся шаги достигли его слуха. Онъ переждалъ минуту, и вотъ чья-то мужская фигура быстро прошла по дорогѣ между моремъ и имъ. Было слишкомъ темно, чтобы сколько-нибудь разсмотрѣть лицо незнакомца; видно было только, что это человѣкъ высокаго роста, роста того шкипера, котораго звали Керкомъ.

Фигура направилась къ сѣверу, и черезъ минуту исчезла изъ виду. Капитанъ Реггъ перешелъ дорогу, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ берегу, остановился и снова сталъ прислушиваться. Трескъ шаговъ по гонту снова достигъ его уха. Тихо приближался этотъ шумъ теперь, какъ прежде онъ удалялся. Онъ кликнулъ ее, чтобы помочь ей въ направленіи пути. Она приблизилась и явилась предъ нимъ—тѣнью поднимающеюся по гонтовому скату и выросшею изъ ночнаго мрака.

— Вы испугали меня, нервически прошепталъ онъ.—Я боялся не случилось ли чего-нибудь. По вашему крику, мнѣ показалось, что вы страдаете.

— Да? проговорила она невнимательно.—Мнѣ было больно. Но это не бѣда; теперь все прошло.

Въ то время какъ она отвѣчала ему, рука ея машинально размахивала чѣмъ-то. То былъ маленькій бѣлый шелковый мѣшочекъ, который она до сего хранила всегда на груди. Одна изъ заключавшихся въ немъ святынь, одна изъ святынь, разстаться съ которою у ней не доставало до сихъ поръ духу, исчезла изъ него навсегда. Одна, на чужомъ берегу, она отказалась отъ нѣжнѣйшаго изъ своихъ дѣвственныхъ воспоминаній, отъ драгоцѣннѣйшей изъ своихъ дѣвственныхъ надеждъ. Одна, на чужомъ берегу, взяла она локонъ Франковыхъ волосъ изъ заповѣднаго мѣста, и бросила его въ добычу морю и ночи.

II.

Высокій мущина, прошедшій въ темнотѣ мимо капитана Регга, продолжалъ свой путь скорымъ шагомъ; онъ пересѣкъ небольшой незанятый лоскутъ земли, и вошелъ въ отворенную дверь Альдбороской гостиницы. Свѣтъ изъ сѣней, упавъ прямо на его лицо, оправдалъ догадку капитана Регга и обличилъ въ незнакомцѣ мистера Керка, капитана купеческаго корабля.

Встрѣтивъ хозяина въ сѣняхъ, мистеръ Керкъ кивнулъ ему головой съ фамильярностью давнишняго потребителя.

— Получили вы газету? спросилъ онъ:—мнѣ нужно заглянуть въ списокъ новопріѣзжихъ.

— Она у меня въ комнатѣ, сэръ, отвѣчалъ хозяинъ, ведя его въ пріемный покой задней части дома.—Полагаете, что кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ пріѣхалъ сюда?

Не отвѣчая на вопросъ, морякъ обратился къ списку какъ только газета была подана ему, и принялся просматривать имена, слѣдя пальцемъ сверху до низу, одно за другимъ. Палецъ его остановился внезапно на строкѣ: „Сидъ-Вью-Коттеджъ; мистеръ Ноэль Ванстонъ.“ Шкиперъ Керкъ повторилъ про себя это имя, и задумчиво опустилъ газету.

— Нашли кого-нибудь изъ знакомыхъ, капитанъ? спросилъ хозяинъ.

— Я нашелъ знакомое мнѣ имя, о которомъ въ былое время часто упоминалъ мой отецъ. Что, этотъ мистеръ Ванстонъ семейный человѣкъ? Не знаете, есть у него въ домѣ молодая дѣвушка?

— Не могу вамъ этого сказать, капитанъ. Жена моя явится сюда сейчасъ; она навѣрно знаетъ. Значитъ, дѣло было уже давненько, если отецъ вашъ зналъ этого мистера Ванстона?

— Да, это было довольно давно. Отецъ мой зналъ одного офицера этого имени, когда служилъ съ полкомъ своимъ въ Канадѣ. Было бы замѣчательно, еслибъ этотъ господинъ оказался тѣмъ самымъ человѣкомъ, а молодая дѣвушка дочерью его.

— Извините, капитанъ, а молодая дѣвушка, кажется, немножко защемила у васъ сердечко, замѣтилъ съ любезною улыбкой хозяинъ.

Мистеру Керку, повидимому, не слишкомъ понравился оборотъ принятый веселостью хозяина. Онъ возвратился къ офицеру и полку въ Канадѣ.

— Съ этимъ офицеромъ приключилась самая печальная исторія, произнесъ онъ, снова заглядывая машинально въ списокъ новоприбывшихъ.

— А бѣды не будетъ разказать эту исторію, сэръ? спросилъ хозяинъ.—Печальная ли тамъ исторія, или непечальная, а исторія все-таки исторія, была бы она только быль, а не сказка.

Мистеръ Керкъ не рѣшался.

— Не знаю, дозволительно ли мнѣ разказывать ее, произнесъ онъ.—Если самъ этотъ человѣкъ или кто-нибудь изъ его родственниковъ окажется въ живыхъ, то врядъ ли было бы имъ пріятно чтобъ эту исторію знали посторонніе люди. Я могу сказать вамъ только то, что отецъ мой спасъ этого молодаго офицера въ крайне непріятныхъ обстоятельствахъ. Они разстались въ Канадѣ. Отецъ мой остался тамъ, съ полкомъ; молодой же офицеръ выпродалъ свое мѣсто и возвратился въ Англію, и съ этой минуты они потеряли другъ друга изъ вида. Замѣчательно было бы, еслибы находящійся здѣсь Ванстонъ оказался тѣмъ самымъ офицеромъ. Замѣчательно было бы....

Онъ какъ разъ спохватился, когда слово о „молодой дѣвушкѣ“ готово было сорваться съ его губъ. Въ это время вошла жена хозяина, и мистеръ Керкъ обратился немедленно съ своими разспросами къ высшему авторитету дома.

— Знаете вы что-нибудь на счетъ этого мистера Ванстона, который значится здѣсь въ спискѣ посѣтителей? спросилъ морякъ.—Старый онъ человѣкъ?

— Онъ прежалкое твореньице на видъ, воскликнула хозяйка,—но онъ совсѣмъ не старъ, капитанъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ, это не тотъ, за кого я принялъ его. Быть-можетъ, онъ сынъ того. Есть съ нимъ какая-нибудь дама?

Хозяйка кивнула головой и собрала пренебрежительно губы.

— Съ нимъ его экономка, сказала она.—Женщина среднихъ лѣтъ. Она мнѣ что-то не совсѣмъ нравится. Быть-можетъ, я не справедлива, но я не люблю чопорныхъ женщинъ въ ея положеніи.

Мистеръ Керкъ начиналъ приходить въ замѣшательство.

— Я, должно-быть, ошибся какъ-нибудь домомъ, сказалъ онъ.—Вѣдь это въ Си-Вью Коттеджѣ осмиугольный лужокъ и бѣлый флагштокъ посереди песчаной дорожки?

— Это не въ Си-Вью, сэръ! Вы говорите о Нортъ-Шингельзѣ. Это дача мистера Байгрева. Его жена и племянница прибыли сегодня въ почтовой каретѣ. Жена его такъ высока ростомъ, что ее хоть на выставку, а одѣта такъ нелѣпо какъ мнѣ и видѣть не случалось. Но миссъ Байгревъ, если позволите мнѣ такъ выразиться, заслуживаетъ всякаго вниманія. По моему, уже давно не было въ Альдборо такой красивой дѣвушки. Желала бы я знать, кто они такіе. Знакомо вамъ ихъ имя, капитанъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Керкъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ на своемъ смугломъ, загрубѣломъ лицѣ.— Никогда не слыхалъ этого имени.

Сказавъ это, онъ поднялся, собираясь уйдти. Хозяинъ напрасно предлагалъ ему выпить на прощаніе стаканъ вина, и напрасно хозяйка упрашивала его остаться еще минутъ десять и выпить чашку чаю. Онъ отвѣчалъ, что сестра его ждетъ и что онъ долженъ быть немедленно въ пасторскомъ домѣ.

Оставивъ гостиницу, мистеръ Керкъ повернулъ къ западу и пошелъ далѣе отъ берега по большой дорогѣ, съ возможною при темнотѣ быстротой.

„Байгревъ?“ разсуждалъ онъ про себя: „много ли умнѣе сталъ я оттого что узналъ ея имя! Будь оно Ванстонъ, сынъ моего отца имѣлъ бы случай познакомиться съ ней.“—Онъ остановился и оглянулся въ направленіи къ Альдборо.— „Что я за сумашедшій!“ разразился онъ вдругъ, стукнувъ палкой по землѣ. „Въ послѣдній день моего рожденія мнѣ минуло сорокъ.“ Онъ повернулся и пошелъ еще скорѣе, опустивъ голову и пронизывая мракъ своими энергическими черными глазами теперь на сушѣ, какъ бывало прежде на морѣ съ своего дека.

Пройдя болѣе часу, онъ достигъ деревни съ маленькою первобытною церковью и священническимъ домомъ, угнѣз-

дившимся въ ложбинѣ. Онъ вошелъ въ домъ съ задняго хода и нашелъ свою сестру, жену священника, одну за работой въ пріемной комнатѣ.

— Гдѣ мужъ твой, Лиза? спросилъ онъ, усаживаясь въ одномъ изъ угловъ.

— Вилльямъ отправился навѣстить одного больнаго. До ухода, прибавила она съ улыбкой,—у него какъ разъ достало времени разказать мнѣ объ одной молодой особѣ, и онъ объявилъ на отрѣзъ, что впередъ никакъ не отважится пойдти съ тобой въ Альдборо, пока ты не будешь степеннымъ женатымъ человѣкомъ.—Она остановилась и посмотрѣла на брата съ бо̀льшимъ вниманіемъ чѣмъ глядѣла на него до сихъ поръ.—Робертъ! проговорила она вдругъ оставляя свою работу и быстро подходя къ нему.—Ты какъ будто растроенъ, какъ будто опечаленъ. Вилльямъ шутилъ надъ твоею встрѣчей съ одною молодою дѣвушкой. Неужели это дѣло серіозное? Скажи мнѣ, что это за дѣвушка?

При этомъ вопросѣ, онъ отвернулъ свою голову.

Она сѣла на скамеечку у его ногъ и не хотѣла свести съ него глазъ.

— Неужели это что-нибудь серіозное, Робертъ? повторяла она мягко.

Загрубѣлое лицо Керка не привыкло къ скрытности; оно отвѣтило за него, прежде чѣмъ онъ произнесъ слова.

— Не говори объ этомъ твоему мужу, пока я не уѣду, сказалъ онъ съ суровостью, еще неизвѣданною въ немъ его сестрою.—Я знаю, что заслуживаю смѣха, но у меня щемитъ сердце отъ всего этого.

— Щемитъ сердце? повторила она съ удивленіемъ.

— Ты не считаешь меня, Лиза, и на половину такимъ дурнемъ, какимъ я самъ считаю себя, продолжалъ съ горечью Керкъ.—Человѣкъ моихъ лѣтъ долженъ быть серіознѣе. Я видѣлъ ее всего не болѣе минуты, и что же? я до самой ночи не могъ оторваться отъ того мѣста, надѣясь еще разъ увидѣть ее. Я подсиживалъ ее: такъ выразился бы я, еслибы нашелъ кого-нибудь изъ своихъ людей въ такомъ положеніи. Я готовъ вѣрить, что меня околдовали. Она еще дѣвочка, Лиза, я не думаю, чтобы ей было болѣе девятнадцати лѣтъ; я могъ бы быть ей отцомъ. И однакожь, несмотря на всѣ мои усилія, она не выходитъ у меня изъ головы. Въ темнотѣ лицо ея стояло передо мною все время какъ я

шелъ сюда; да оно и теперь передо мною такъ же ясно какъ твое, и еще яснѣе.

Нетерпѣливо вскочилъ онъ, и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Съ удивленіемъ, но и съ сочувствіемъ на лицѣ, слѣдила за нимъ сестра. Съ самаго дѣтства она всегда знала его за человѣка вполнѣ владѣющаго собою. Потомъ, въ трудные годы ихъ семейства, онъ служилъ имъ примѣромъ и опорой. Она слышала, какъ въ отчаянныхъ случайностяхъ морской жизни, сотни его ближнихъ ожидали отъ его твердости и находчивости спасенія передъ лицомъ смерти, — и ожидали не тщетно. Ни разу, въ своей жизни, не случалось ей видѣть, чтобъ его всегда спокойный и ровный духъ до такой степени терялъ равновѣсіе.

— Къ чему говоришь ты такъ странно о своихъ лѣтахъ и себѣ? спросила она.—Я не знаю женщины, Робертъ, которая стоила бы тебя. Какъ зовутъ ее?

— Байгревъ. Знакомо тебѣ это имя?

— Нѣтъ. Но я могу скоро познакомиться съ ней. Еслибъ у насъ было немного времени въ запасѣ, еслибъ я могла побывать въ Альдборо и видѣть ее... но вѣдь ты завтра уѣзжаешь, твой корабль уходитъ въ концѣ этой недѣли.

— И слава Богу! горячо воскликнулъ Керкъ.

— Неужели ты радъ тому что уѣзжаешь? спросила она, все болѣе и болѣе удивляясь ему.

— Очень радъ, Лиза, для своего же добра. Если я могу гдѣ-нибудь отрезвиться, такъ только на палубѣ моего корабля. Эта дѣвушка стало было между мною и моими мыслями, но она не сдѣлаетъ еще ни шагу, и не станетъ между мною и моимъ долгомъ. Это рѣшено у меня. При всемъ моемъ помѣшательствѣ, у меня есть еще довольно смыслу, чтобы не оставаться до завтрашняго утра вблизи Альдборо. Я могу пройдти еще двадцать миль, и сегодня же пущусь въ путь.

Сестра его вскочила, и крѣпко схватила его руку. — Робертъ! воскликнула она:—ты шутишь? Ты не уйдешь пѣшкомъ, одинъ, ночью?

— Что жь такое? Вся разница только въ томъ, сказать ли при прощаніи: желаю спокойной ночи или желаю добраго утра, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Будь снисходительна ко мнѣ, Лиза. Я провелъ жизнь мою въ морѣ и не привыкъ къ этимъ ду-

шевнымъ тревогамъ. Сухопутные люди привыкли къ этому; имъ это ни по чемъ. Мнѣ напротивъ. Если я останусь здѣсь, то я покоя себѣ не найду. Если я останусь до завтра, то не утерплю, и пойду еще разъ взглянуть на нее. Но я не желаю еще болѣе срамить себя въ своихъ глазахъ. Я хочу возвратиться къ своей обязанности и овладѣть собою, не разсуждая объ этомъ дважды. Темнота ничего не значитъ для меня; я привыкъ къ ней. Я пойду по большой дорогѣ и не могу заблудиться. Пусти меня, Лиза! Въ мои лѣта я не долженъ знать другой зазнобы кромѣ своей посудины на морѣ. Пусти же меня къ ней.

Сестра его все не выпускала его руки, и все упрашивала остаться до утра. Съ полнымъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ слушалъ онъ ее, но она не могла поколебать его рѣшеніе.

— Что̀ мнѣ сказать Вилльяму? говорила она.—Что̀ подумаетъ онъ возвратясь и не найдя тебя.

— Скажи ему, что я послушался того совѣта, который онъ самъ давалъ въ своей проповѣди въ прошлое воскресенье. Я отвратился отъ міра, плоти и дьявола.

— Ахъ, какъ ты говоришь, Робертъ! А съ моими дѣтками-то? Вѣдь ты обѣщалъ не уѣзжать, не простившись съ ними

— Это правда. Я далъ слово моимъ малюткамъ-племянникамъ, и сдержу его.—Говоря это, онъ сбросилъ свои башмаки за дверью на цыновку.—Посвѣти мнѣ на верхъ, Лиза; я прощусь съ обоими мальчуганами не будя ихъ.

Она увидѣла безполезность дальнѣйшаго противодѣйствія ему, и взявъ свѣчку, пошла впереди его наверхъ.

Мальчики,—оба малолѣтки,—спали вмѣстѣ въ одной постели. Младшій былъ любимцемъ дяди и носилъ дядино имя. Онъ мирно спалъ, съ корабликомъ въ охапкѣ. Глаза Керка увлажились, когда, пробравшись на носкахъ къ ребенку, онъ поцѣловалъ его съ нѣжностью женщины.—Бѣдняжка! нѣжно проговорилъ морякъ. Онъ такъ же любитъ свой корабликъ, какъ бывало я. Я вырѣжу ему получше, когда возвращусь. Отдай ты мнѣ племянничка моего, Лиза, и позволь мнѣ сдѣлать изъ него моряка! Что Лиза?

— Ахъ, Робертъ! Еслибъ Богъ далъ тебѣ жениться и быть счастливымъ, какъ я!

— Прошло ужь на это время, другъ мой. Теперь я дол,

женъ жить какъ живется, да вотъ еще племянница имѣть себѣ на подмогу.

Онъ вышелъ изъ спальни. Обильно лились слезы изъ глазъ сестры, когда она провожала его въ гостиную.

— Въ твоей разлукѣ съ нами есть что-то отчаянное и ужасное, замѣтила она.—Не сходить ли мнѣ завтра въ Альдборо, Робертъ, и не попытаться ли познакомиться съ ней?

— Не надо, отвѣчалъ онъ. — Оставь ее. Если суждено мнѣ еще разъ видѣть эту дѣвушку, я увижу ее. Предоставь это будущему, и сдѣлаешь хорошо. — Онъ надѣлъ свои башмаки и взялъ свою шляпу и палку.—Я хочу заморить себя ходьбою замѣтилъ онъ весело.—Если *кочъ* не захватитъ меня по дорогѣ, я могу подождать его тамъ, гдѣ буду завтракать. Утри твои глаза, другъ мой, и поцѣлуй меня.

Она походила на брата чертами и цвѣтомъ лица, походила на него отчасти и характеромъ, и отеревъ слезы, храбро простилась съ нимъ.

— Я буду назадъ черезъ годъ, произнесъ Керкъ, принимая у дверей манеру стараго моряка. — Я привезу тебѣ китайскую шаль, Лиза, и цибикъ чаю. Пускай ребята не забываютъ меня, а сама ты не осуждай меня за то что я такимъ образомъ разстаюсь съ тобой. Я знаю, что хорошо дѣлаю. Богъ да благословитъ и хранитъ тебя, другъ мой,— и мужа твоего, и дѣтей твоихъ! Прощай!

Онъ остановился и поцѣловалъ ее. Она бросилась къ двери, чтобы проводить его глазами. Порывъ вѣтра загасилъ свѣчку, и черная ночь, въ одно мгновеніе, скрыла его отъ нея.

Черезъ три дня, первокласный купеческій корабль, *Избавленіе*, шкиперъ Керкъ, отплылъ изъ Лондона въ Китайское море.

III.

Опасность бури прошла вмѣстѣ съ ночью. Когда поднялось утро надъ Альдборо, солнце свѣтило ярко въ голубомъ небѣ, а волны рябили весело подъ лѣтнимъ вѣтеркомъ.

Рано утромъ, когда не вставалъ еще ни одинъ изъ пріѣзжихъ гостей, неутомимый Реггъ показался въ дверяхъ Нортъ-Шингельзъ-Виллы, и направился къ сѣверу, съ изящ-

но переплетеннымъ экземпляромъ „Ученыхъ разговоровъ“ Джойса въ рукѣ. Достигнувъ пустыря за домами, онъ пустился ко взморью и открылъ свою книгу. Вчерашнее свиданіе усилило опасенія его касательно предстоявшихъ, въ приближающемся дѣлѣ, затрудненій. Вдвойнѣ рѣшался онъ теперь испробовать характеристическій опытъ, на который намекалъ въ письмѣ своемъ къ Магдалинѣ,—и сосредоточить на себѣ, какъ на человѣкѣ съ замѣчательными свѣдѣніями, весь интересъ и вниманіе грозной мистриссъ Леконтъ.

Принявъ на тощакъ опредѣленную дозу „свѣжеиспеченной“ (по его выраженію) науки капитанъ Реггъ, возвратился въ свой небольшой семейный кружокъ, къ утреннему чаю, съ запасомъ свѣдѣній на цѣлый день. Онъ замѣтилъ, что лицо Магдалины носило ясные слѣды безсонной ночи. Но она не жаловалась, и была спокойна и тиха. Мистриссъ Реггъ, освѣженная часами тридцатью безпробуднаго сна, была въ прекрасномъ расположеніи духа и держала исправнымъ образомъ обѣ ноги въ башмакахъ. Она принесла съ собой въ комнату нѣсколько большихъ листовъ бумаги, вырѣзанной во всевозможныя загадочныя формы, что̀ немедленно вызвало, со стороны мужа, краткій и рѣзкій вопросъ:—Что это у васъ такое?

— Выкройки, капитанъ, отвѣчала мистриссъ Реггъ, боязливо ублажающимъ тономъ. — Я ходила по лавкамъ въ Лондонѣ и купила кашемировое платье. Оно стоитъ дороговько, и я хочу экономію сдѣлать, сошью его сама. У меня есть выкройки, и все записано какъ кроить и шить, крупно записано, словно отпечатано. Я буду себѣ смирно и опрятно сидѣть, капитанъ, въ своемъ уголку, если вамъ будетъ угодно отвести мнѣ уголокъ, и ужь тамъ будетъ ли жужжать у меня въ головѣ или нѣтъ, я буду прямо держаться за работой.

— За работу вы приметесь произнесъ грозно, капитанъ, не прежде какъ будете твердо знать, кто вы, кто я и кто эта молодая особа, отнюдь не прежде. Покажите мнѣ ваши башмаки! Хорошо. Покажите мнѣ вашъ чепецъ! Хорошо. Готовьте чай!

Когда завтракъ кончился, мистриссъ Реггъ получила приказаніе удалиться въ смежную комнату и ожидать тамъ мужа. Какъ только повернулась она, капитанъ

Реггъ возобновилъ вчерашній разговоръ, прерванный по желанію Магдалины. Всѣ его вопросы касались ея маскараднаго посѣщенія въ домъ Ноэля Ванстона. То были вопросы человѣка весьма прозорливаго,—краткіе, пытливые, прямо ведущіе къ цѣли. Менѣе чѣмъ въ полчаса, онъ зналъ все случившееся въ Вокзалъ-Вокѣ.

Сдѣланныя капитаномъ, по пріобрѣтеніи этихъ свѣдѣній, выводы были ясны и просты.

Что до неблагопріятной стороны дѣла, то онъ выразилъ убѣжденіе, что мистриссъ Леконтъ, безъ сомнѣнія, открыла что ея гостья была не въ своемъ видѣ, что мистриссъ Леконтъ изъ комнаты не выходила, хотя отпирала и запирала дверь, и что въ обоихъ случаяхъ, когда Магдалина измѣнила себѣ заговоривъ своимъ натуральнымъ голосомъ, мистриссъ Леконтъ слышала ее. Что до благопріятной стороны вопроса, онъ былъ вполнѣ доволенъ, что крашеное лицо и вѣки, парикъ и подбитое ватой манто до того удачно скрыли Магдалину что она лично можетъ безъ опасенія подвергнуться самому тщательному разглядыванію со стороны экономки. Трудность обмануть уши мистриссъ Леконтъ, какъ были обмануты глаза, была по его мнѣнію, много серіознѣе. Но принимая въ соображеніе, что Магдалина, въ оба раза какъ ей случилось забыться, говорила въ пылу досады, онъ думалъ, что голосъ ея очень легко можетъ остаться не узнаннымъ, если она, старательно избѣгая всякихъ вспышекъ, будетъ говорить тѣмъ спокойнымъ и обычнымъ тономъ своего голоса, котораго мистриссъ Леконтъ еще не знала. Вообще капитанъ былъ готовъ предсказать благопріятный результатъ, если только съ самаго начала будетъ устранено одно важное препятствіе,—препятствіе заключавшееся въ присутствіи мистриссъ Реггъ на театрѣ дѣйствій.

Къ удивленію Магдалины, когда разказъ ея достигъ приключенія съ привидѣніемъ, капитанъ Реггъ слушалъ ее съ видомъ человѣка, которому было скорѣе непріятно нежели смѣшно то что̀ онъ слышалъ. Когда она кончила, онъ объявилъ ей, что ея несчастная встрѣча на лѣстницѣ съ мистриссъ Реггъ, была, по его мнѣнію, самою серіозною изъ всѣхъ случайностей происшедшихъ въ Вокзалъ-Вокѣ.

— Глупость жены моей еще не бѣда, съ этимъ я могъ бы еще справиться, замѣтилъ онъ,— какъ уже часто справлялся. Я могу вбить ей въ голову ея новое званіе и имя,

но не могу выбить изъ нея привидѣнія. Кто поручится, что женщина въ сѣромъ манто и капорѣ не придетъ ей на память въ самую критическую минуту, въ самыхъ неудобныхъ обстоятельствахъ? Говоря чистымъ англійскимъ языкомъ, дорогая моя дѣвица, мистриссъ Реггъ будетъ намъ капканомъ на каждомъ шагу.

— Но если мы видимъ капканъ, замѣтила Магдалина,— то мы можемъ принять всѣ нужныя мѣры для избѣжанія его. А что бы вы предложили?

— Я предлагаю, отвѣчалъ капитанъ,—временное удаленіе мистриссъ Реггъ. Говоря съ чисто-денежной точки зрѣнія, я не могу совсѣмъ разъѣхаться съ ней. Вы вѣрно часто читали о бѣдныхъ людяхъ, которые вдругъ обогащались наслѣдствомъ, достававшимся имъ отъ дальнихъ и нечаянныхъ родственниковъ? Обстоятельства мистриссъ Реггъ, когда я женился на ней, были именно такого рода. Одна пожилая родственница наслѣдовала тогда, вмѣстѣ съ моею женой, состояніе; если я сохраню наружныя домашнія отношенія, то могу ожидать, что мистриссъ Реггъ окажется вторично полезною мнѣ, по смерти этой пожилой родственницы. Не будь этого, я давно бы предоставилъ жену мою заботамъ цѣлаго общества, въ пріятномъ убѣжденіи, что если я не буду содержать ее, то кто-нибудь будетъ же поить-кормить ее. Хотя я не могу совсѣмъ разстаться съ ней, однако не вижу затрудненій къ комфортабельному содержанію ея гдѣ-нибудь въ сторонкѣ отъ насъ, то-есть къ помѣщенію ея въ какой-нибудь уединенной фермѣ, въ качествѣ дамы не совсѣмъ здоровой въ умственномъ отношеніи. Расходы *вы* найдете ничтожными; облегченіе же *я* почувствую огромное. Что вы скажете на это? Не велѣть ли мнѣ ей собираться тотчасъ же, и не отправить ли ее въ первомъ *кочѣ?*

— Нѣтъ! отвѣчала твердо Магдалина.—Жизнь бѣдняжкѣ и безъ того уже довольно тяжела; я не хочу, чтобъ отъ меня она стала еще тяжеле. Она была такъ сердечно и искренно добра ко мнѣ во время моей болѣзни... нѣтъ, я не допущу этого. Рискъ соединенный съ ея пребываніемъ здѣсь будетъ только одинъ лишній рискъ при многихъ другихъ. Я рѣшаюсь на этотъ рискъ, капитанъ Реггъ, если вы не рѣшаетесь.

— Подумайте дважды, серіозно замѣтилъ капитанъ,—

прежде чѣмъ окончательно рѣшитесь оставить здѣсь мистриссъ Реггъ.

— Я подумала однажды и этого довольно, отвѣчала Магдалина.—Я не желаю, чтобъ ее отсылали.

— Прекрасно, отвѣчалъ съ покорностью капитанъ.—Въ дѣло сентиментовъ я не вмѣшиваюсь никогда. Но я долженъ сказать слово на счетъ себя. Если мои услуги должны быть полезны вамъ, то я не могу желать чтобы мнѣ связали руки при самомъ началѣ. Это важно. Я могу ожидать всякихъ бѣдъ отъ пребыванія моей жены въ одномъ мѣстѣ съ мистриссъ Леконтъ. Я боюсь этого, если вы не боитесь, и требую, чтобы мистриссъ Реггъ, въ случаѣ если она останется здѣсь, не выходила изъ своей комнаты. Вы можете ходить гулять съ ней рано утромъ или поздно вечеромъ, если находите прогулку нужною для ея здоровья, но вы отнюдь не должны отпускать ее со двора съ служанкой или одну. Я прямо говорю; дѣло слишкомъ важно, и нельзя шутить съ нимъ. Что вы скажите? Да или нѣтъ?

— Скажу да, отвѣчала Магдалина, подумавъ съ минуту. —Подразумѣвается, что я буду сама водить ее гулять, какъ вы предлагаете.

Капитанъ Реггъ поклонился, и всѣ пріемы его исполнились особенной пріятности. — Какъ вы думаете? спросилъ онъ.—Не начать ли намъ приводить въ исполненіе наше предпріятіе сегодня же? Готовы ли вы отрекомендоваться мистриссъ Леконтъ и ея хозяину?

— Совершенно готова.

— И прекрасно. Мы найдемъ ихъ на гуляньи, въ обыкновенное время ихъ прогулки, въ два часа. Теперь нѣтъ еще двѣнадцати. У меня впереди еще два часа: какъ разъ столько времени чтобъ пригнать къ женѣ ея новую шкурку. Процессъ рѣшительно необходимъ, для того чтобъ она не скомпрометировала насъ какъ-нибудь черезъ служанку. Не опасайтесь послѣдствій; въ голову мистриссъ Реггъ вколачивался, въ продолженіе ея супружества, пребогатый выборъ разныхъ вымышленныхъ именъ. Все дѣло въ твердомъ вколачиваніи, не болѣе. Кажется, мы порѣшили теперь все. Нѣтъ ли для меня какого-нибудь дѣла до двухъ часовъ? Есть ли у васъ какое-нибудь занятіе на утро?

— Нѣтъ, отвѣчала Магдалина. — Я пойду въ свою комнату и постараюсь отдохнуть.

— Боюсь, вы провели безпокойную ночь? замѣтилъ капитанъ, вѣжливо отворяя передъ нею дверь.

— Я засыпала разъ или два, отвѣчала она небрежно.— Нервы мои раздражены немного. Дерзкіе черные глаза того человѣка, который такъ грубо глядѣлъ на меня вчера вечеромъ, мерещились мнѣ во снѣ. Если мы встрѣтимъ его сегодня, и если онъ станетъ безпокоить меня, то я должна буду просить васъ поговорить съ нимъ. Мы сойдемся здѣсь въ два часа. Не будьте суровы съ мистриссъ Реггъ, учите ее помягче.

Съ этими словами она оставила его, и поднялась на верхъ.

Съ тяжкимъ вздохомъ опустилась она на постель и пыталась заснуть. Но тщетно. Утомленіе, которое она чувствовала, было не изъ числа тѣхъ, которыя вылѣчиваются отдыхомъ. Она встала, и сѣла къ окну, безсознательно озирая море.

Натура послабѣе ея не почувствовала бы такъ сильно измѣны Франка, какъ почувствовала она, — какъ она все еще чувствовала. Менѣе сильная натура нашла бы себѣ убѣжище въ негодованіи и утѣшеніе въ слезахъ. Страстная сила любви Магдалины прицѣпилась отчаянно къ утопавшимъ обломкамъ собственнаго самообольщенія, и держалась за нихъ, пока не оторвалась единственно силою воли. Ея прирожденная гордость, живое чувство причиненнаго зла, могли только заставить ее устыдиться привязанности къ мыслямъ, которые все еще жили и дышали, благодаря силѣ благоговѣйнаго чувства къ прошедшему, и которыя все еще хотѣли приписывать бездушное прощальное письмо Франка какимъ-нибудь другимъ побужденіямъ, а не врожденной низости этого человѣка. Не было еще женщины, которая была бы въ состояніи вырвать истинную любовь изъ своего сердца лишь потому что предметъ этой любви оказался не достойнымъ ея. Она будетъ бороться противъ этой любви въ тайнѣ,—чтобы погибнуть въ борьбѣ, если она слаба,—чтобы выйдти изъ борьбы побѣдительницей, если она сильна, путемъ самоистязанія. Сильная натура Магдалины поддержала ее въ борьбѣ, но исходъ этой борьбы сдѣлалъ изъ нея то чѣмъ была она теперь.

Просидѣвъ около часа у окна, съ безсознательно устремленными впередъ глазами, съ головой безъ впечатлѣній

и безъ идей, она стряхнула съ себя наконецъ этотъ столбнякъ и поднялась, чтобъ приготовиться къ важному акту нынѣшняго дня.

Она пошла въ гардеробъ, и сняла съ вѣшалокъ два свѣтлыя платья отдѣланныя для лѣта, въ Комбъ Ревенѣ, годъ тому назадъ, и которыя по своей незначительной цѣнѣ не заслуживали продажи. Положивъ эти платья, одно подлѣ другаго на кровать, она снова заглянула въ шкафъ. Въ немъ еще висѣло лишь одно лѣтнее платье, простое альпаковое, которое надѣвала она во время памятнаго ей свиданія съ Ноэлемъ Вонстономъ и мистриссъ Леконтъ. Это послѣднее она оставила въ шкафу, рѣшившись не надѣвать его, не столько изъ опасенія, что экономка узнаетъ узоръ, слишкомъ простой чтобъ обратить на себя особенное вниманіе, и слишкомъ обыкновенный чтобы зарубиться въ памяти, сколько потому, что оно было не довольно весело и не шло въ настоящемъ случаѣ. Вынувъ изъ ящиковъ гладкій бѣлый кисейный платокъ, пару свѣтло-сѣрыхъ лайковыхъ перчатокъ и круглую итальянскую соломенную шляпу, она заперла шкафъ и бережно спрятала ключъ въ карманъ.

Вмѣсто того чтобы тотчасъ же начать одѣваться, она сѣла, лѣниво разсматривая оба кисейныя платья; ей было все равно что̀ ни надѣть, и однакожь, по странной непослѣдовательности, она какъ будто колебалась, которое изъ нихъ выбрать. „Что̀ толку?“ проговорила она про себя, презрительно смѣясь: „какое ни надѣть, лучше въ своей собственной оцѣнкѣ я не буду; и въ томъ, и въ другомъ платьѣ цѣна мнѣ дешевая.“ Она вздрогнула, какъ будто звукъ собственнаго смѣха поразилъ ее, и быстро схватила лежавшее ближе къ ней платье. Узоры его были бѣлаго и голубаго цвѣтовъ,—оттѣнка голубаго, который болѣе всего шелъ ей, какъ блондинкѣ. Поспѣшно надѣла она свое платье, не подходя къ зеркалу. Въ первый разъ въ своей жизни не захотѣла она видѣть своего отраженія; она взглянула на себя только мелькомъ, когда заправляла свои волоса подъ круглую шляпу. Она набросила платокъ на плечи и надѣла перчатки спиной къ туалетному столу. „Не подкраситься ли мнѣ?“ спросила она себя, чувствуя инстинктивно, что блѣднѣетъ. „У меня остались еще румяна въ коробкѣ. Отъ этого лицо мое не будетъ фальшивѣе чѣмъ теперь.“ Она поворотилась

къ зеркалу и снова отвернулась отъ него. „Нѣтъ, сказала она. Передо мной будетъ мистриссъ Леконтъ, а не одинъ ея хозяинъ. Безъ раскраски“. Взглянувъ на часы, она оставила комнату и сошла внизъ. До двухъ часовъ не доставало только десяти минутъ.

Капитанъ Реггъ ожидалъ ее въ пріемной, выглядя очень почтенно и прилично въ своемъ фракѣ, въ тугомъ лѣтнемъ галстухѣ, въ высокой бѣлой шляпѣ, въ свѣтложелтомъ жилетѣ, сѣрыхъ штанахъ и штиблетахъ. Воротнички его стояли выше, обыкновеннаго, а въ рукѣ онъ держалъ новенькій складной стулъ. Любой англійскій купецъ, увидя его въ эту минуту, довѣрился бы ему безъ малѣйшаго колебанія.

— Очаровательно! воскликнулъ капитанъ, родительски озирая Магдалину, при вступленіи ея въ комнату.—Такъ свѣжо и такъ прохладно! Немножко блѣдноваты, другъ мой, и слишкомъ серіозны. А то превосходно. Попробуйте улыбнуться.

— Когда придетъ время улыбаться, съ горечью замѣтила Магдалина,—положитесь на мое сценическое умѣніе придавать какое нужно выраженіе лицу. Гдѣ мистриссъ Реггъ?

— Мистриссъ Реггъ выдолбила свой урокъ, отвѣчалъ капитанъ,—и за то получила отъ меня позволеніе заниматься работой въ своей комнатѣ. Я одобряю ея новую швейную затѣю; это будетъ занимать ее и удерживать дома. Нечего опасаться, что она скоро кончитъ свое кашемировое платье; нѣтъ такой ошибки, черезъ которую бы она не прошла въ этомъ процессѣ. Она станетъ высиживать свое платье, извините за выраженіе, такъ же упорно какъ насѣдка высиживаетъ яйцо-болтунъ. Увѣряю васъ, ея новая причуда очень облегчаетъ меня. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, это совершенно кстати.

Онъ павлиномъ подошелъ къ окну, выглянулъ изъ него, и кивнулъ Магдалинѣ подойдти къ нему—.Вотъ они! произнесъ онъ и указалъ на гулянье.

Когда она взглянула, мистеръ Ноэль Ванстонъ медленно проходилъ мимо, одѣтый въ старомодный нанковый *сьютъ*. Повидимому, то былъ одинъ изъ дней, когда здоровье его было въ наихудшемъ состояніи. Онъ опирался на руку мистриссъ Ле-

контъ и укрывался отъ солнца подъ легкимъ зонтикомъ, который она распростирала надъ нимъ. Экономка, одѣтая какъ всегда, въ скромномъ изящно лѣтнемъ платьѣ, въ черной мантильѣ, въ скромной соломенной шляпкѣ и съ полосатою голубою вуалью, сопровождала своего хвораго хозяина съ нѣжнѣйшею предупредительностью, то почтительно обращая его вниманіе на различные предметы морскаго вида, то наклоняя свою голову въ знакъ благодарности за любезность прохожихъ, которые сторонились, чтобы дать дорогу больному. Между зѣваками морскаго берега она производила замѣтный эффектъ. Съ единодушнымъ любопытствомъ слѣдили они за ней и обмѣнивались кивками одобренія, говорившими столь же ясно, какъ слова: „Вотъ настоящій домашній геній, вотъ отличная женщина!"

Разноцвѣтные глаза капитана Регга слѣдили за мистриссъ Леконтъ съ пристальнымъ вниманіемъ.

— Крутая работа для насъ, шепнулъ онъ на ухо Магдалинѣ;—и круче чѣмъ вы думаете, пока мы не выживемъ этой женщины.

— Погодите, спокойно сказала Магдалина.—Ждите и смотрите.

Она направилась къ двери. Капитанъ послѣдовалъ за ней безъ дальнѣйшихъ замѣчаній. „Я подожду только до свадьбы", думалъ онъ про себя: „но ни минуты долѣе, ни за какія коврижки."

У наружной двери. Магдалина снова обратилась къ нему.

— Пойдемте сюда, сказала она, указывая къ югу,—потомъ повернемъ и встрѣтимъ ихъ на обратномъ пути.

Капитанъ Реггъ выразилъ знакомъ свое согласіе, и послѣдовалъ за Магдалиной къ садовой калиткѣ. Въ то время, какъ она отворяла ее, чтобы пройдти, вниманіе ея было привлечено дамой, которая, въ сопровожденіи няньки и двухъ маленькихъ мальчиковъ, прохаживалась по дорожкѣ у садоваго вала. Дама остановилась, посмотрѣла пристально и улыбнулась, при появленіи Магдалины. Любопытство овладѣло сестрой Керка: это она пришла въ Альдборо и единственно затѣмъ чтобы видѣть миссъ Байгревъ.

Въ складѣ лица дамы, въ выраженіи ея черныхъ глазъ, нѣчто напомнило Магдалинѣ о купеческомъ капитанѣ, котораго несдержанное восхищеніе раздосадовало ее въ прошлый вечеръ. На пытливый взглядъ незнакомки, она

отвѣчала нахмуреннымъ, неласковымъ взглядомъ. Дама покраснѣла, отвѣтила такимъ же взглядомъ, еще съ прибавкой, и медленно отошла.

„Рѣзкая, дерзкая, дрянная дѣвчонка," думала сестра Керка. „Какъ могъ Робертъ восхищаться ею? Я почти рада, что онъ уѣхалъ. Надѣюсь и увѣрена, что онъ никогда не остановитъ своихъ глазъ на миссъ Байгревъ".

— Что за мужичье здѣшній народъ! замѣтила Магдалина капитану Реггу.—Женщина эта еще грубѣе чѣмъ вчерашній господинъ. Она похожа лицомъ на него. Желала бы я знать, кто она такая.

— Я сейчасъ узнаю, отвѣчалъ капитанъ.—Намъ слѣдуетъ соблюдать всевозможную осторожность съ чужими.

Онъ тотчасъ кликнулъ пріятелей своихъ лодочниковъ, и Магдалина ясно слышала вопросы и отвѣты.

— Ну какъ вы всѣ поживаете, сегодня? сказалъ капитанъ Реггъ своимъ развязнымъ веселымъ тономъ.—И какой, скажите, вѣтеръ. Нортъ-нортъ-вестъ, такъ ли? Прекрасно. А кто эта дама?

— Это мистриссъ Стрикландъ, сэръ.

— А, а! Супруга священника и сестра капитана. Гдѣ капитанъ сегодня?

— Должно-быть на пути въ Лондонъ, сэръ. Его корабль идетъ въ Китай, въ концѣ этой недѣли.

Въ Китай! Когда слово это выходило изъ устъ лодочника, припадокъ старой скорби охватилъ сердце Магдалины. Не зная купеческаго капитана, ей стало ненавистно его имя. Онъ смутилъ ея сонъ въ прошлую ночь, а теперь, когда ей всего нужнѣе забвеніе прошлаго, онъ былъ косвенною причиной внезапнаго воспоминанія о Франкѣ.

— Пойдемте! съ досадой сказала она своему товарищу.— Какое намъ дѣло до капитана и его корабля? Пойдемте прочь.

— Всенепремѣнно, отвѣчалъ капитанъ Реггъ.—Намъ бы только встрѣтить друзей фамиліи Байгревовъ, а до всѣхъ прочихъ какое намъ дѣло!

Они прошли еще къ югу, минутъ десять, за тѣмъ повернули и направились обратно, чтобы встрѣтить Ноэля Ванстона и мистриссъ Леконтъ.

IV.

Капитанъ Реггъ и Магдалина поднялись, на возвратномъ пути своемъ, почти до высоты Нортъ-Шингельзъ-Виллы прежде чѣмъ завидѣли мистриссъ Леконтъ и ея хозяина. Наконецъ, показалось вдали лавендовое платье экономки, потомъ зонтикъ и подъ нимъ слабая фигурка въ нанковомъ утреннемъ костюмѣ. Капитанъ немедленно сдержалъ свои шаги и преподалъ нѣсколько наставленій Магдалинѣ о томъ какъ ей вести себя въ наступающемъ свиданіи.

— Не забывайте вашей улыбки, проговорилъ онъ.—Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вамъ нечего опасаться. Прогулка придала свѣжести цвѣту вашего лица, а шляпка идетъ вамъ какъ нельзя болѣе. Глядите твердо въ лицо мистриссъ Леконтъ, не путайтесь въ разговорѣ, и если мистеръ Ноэль Ванстонъ станетъ обращать на васъ особенное вниманіе, не слишкомъ замѣчайте его когда глаза экономки будутъ устремлены на васъ. Помните одно! Я занимался сегодня все утро „Учеными разговорами“ Джойса, и намѣренъ всѣ благіе результаты моихъ изученій посвятить достопочтенной мистриссъ Леконтъ. Если мнѣ не удастся отвлечь ея вниманіе отъ васъ и ея хозяина, я не дамъ и шести пенсовъ за всѣ шансы успѣха, на которые мы можемъ разчитывать. Болтовня не удастся съ этою женщиной, любезности также не удадутся, шутки—также, но моя „свѣжеиспеченная“ наука можетъ напомнить ей покойнаго профессора и сдѣлать дѣло. Мы должны условиться въ сигналахъ. Взгляните на этотъ складной стулъ. Когда я сую его изъ лѣвой руки въ правую, значитъ я понесъ Джойсомъ. Когда я перекладываю стулъ изъ правой подъ лѣвую, значитъ говоритъ просто Реггъ. Въ первомъ случаѣ, не прерывайте меня, я иду къ цѣли. Во второмъ случаѣ, говорите что̀ угодно: слова мои лишены существеннаго всякаго значенія. Хотите сдѣлать репетицію? Убѣждены ли вы, что поняли? Прекрасно. Возьмите мою руку и глядите счастливою. Мужайтесь! Вотъ они.

Встрѣча произошла почти на полупути между Си-Вью-Коттеджомъ и Нортъ-Шингельзъ-Виллой. Капитанъ Реггъ

снялъ свою высокую бѣлую шляпу, и немедленно открылъ свиданіе самымъ дружественнымъ образомъ.

— Добраго утра, мистриссъ Леконтъ, произнесъ онъ съ открытою и веселою вѣжливостію общительнаго, по природѣ, человѣка.—Добраго утра, мистеръ Ванстонъ; мнѣ больно видѣть васъ не совсѣмъ здоровымъ сегодня. Мистриссъ Леконтъ, позвольте мнѣ представить вамъ мою племянницу,—племянницу мою, миссъ Байгревъ. Милое дитя мое, это мистеръ Ноэль Ванстонъ, нашъ сосѣдъ изъ Си-Вью-Коттеджа. Мы волею-неволею должны быть общительны въ Альдборо, мистриссъ Леконтъ. Тутъ всего одно гулянье (какъ сейчасъ замѣтила мнѣ моя племянница, мистеръ Ванстонъ): какъ ни выйдемъ изъ дому, а ужь непремѣнно встрѣтимся на этой дорожкѣ. Да отчего же и нѣтъ? Церемонны ли вы или мы? Нисколько,—напротивъ. Вы обладаете континентальною развязностью и сообщительностію, мистеръ Ванстонъ, я въ свою очередь подъ пару вамъ, съ моимъ старо-англійскимъ простосердечіемъ; дамы смѣшиваются между собою въ гармоническомъ разнообразіи, словно цвѣты на одномъ полѣ; а результатомъ всего этого будетъ взаимное стараніе сдѣлать пріятнымъ другъ другу наше пребываніе на морскомъ берегу. Извините за порывъ моей живости, простите чувству столь веселому и столь еще молодому. Присутствіе іода въ морскомъ воздухѣ, мистриссъ Леконтъ, извѣстное послѣдствіе іода, который находится въ морскомъ воздухѣ.

— Вы прибыли вчера, миссъ Байгревъ, не такъ ли? спросила экономка, какъ только кончился разливъ капитанской рѣчи.

Она произнесла слова эти съ нѣжнымъ материнскимъ вниманіемъ къ молодости и красотѣ Магдалины, съ примѣсью нѣкоторой почтительности, соотвѣтствовавшей ея положенію въ домѣ мистера Ноэля Ванстона. Ни малѣйшаго признака подозрѣнія или удивленія не замѣчалось ни на ея лицѣ, ни въ ея голосѣ и манерѣ, когда она и Магдалина глядѣли другъ на друга. Ясно было съ перваго взгляда, что натуральныя лицо и фигура, бывшія теперь передъ ней, не напоминали ей ничего о фальшивыхъ лицѣ и фигурѣ видѣнныхъ въ Воксаллъ-Вокѣ. Значитъ замаскировка была такъ удачна, что зоркость самой мистриссъ Леконтъ была совершенно обманута.

— Мы съ тетушкой пріѣхали сюда вчера вечеромъ, отвѣчала Магдалина.—Вторая половина путешествія показалась намъ очень утомительною. Полагаю, что и вы нашли ее такою же?

Она нарочно затянула свой отвѣтъ сверхъ необходимаго, чтобы, при первомъ же случаѣ, посмотрѣть какое впечатлѣніе произведетъ на мистриссъ Леконтъ ея голосъ.

Тонкія губы экономки сохранили свою материнскую улыбку, любезныя манеры ея не утратили ни одной доли своей скромной почтительности; но въ выраженіи ея глазъ, внимательный взглядъ смѣнился пытливымъ. Магдалина спокойно произнесла еще нѣсколько словъ, и потомъ остановилась, ожидая снова послѣдствій. Во всемъ лицѣ мистриссъ Леконтъ оказывалась понемногу перемѣна; исчезла материнская улыбка, въ любезныхъ манерахъ стала замѣтна какая-то сдержанность. Со всѣмъ тѣмъ, никакихъ признаковъ положительнаго признанія не являлось еще; экономка глядѣла, какъ глядѣла она сначала, пытливо, не болѣе.

— Вы жаловались на усталость, сэръ, нѣсколько минутъ тому назадъ, произнесла она, прекращая разговоръ съ Магдалиной и обращаясь къ своему господину.—Не угодно ли вамъ домой отдохнуть?

Владѣлецъ Си-Вью-Коттеджа до сихъ поръ все кланялся, ухмылялся, да восхищался Магдалиной сквозь свои полуприщуренныя вѣки. Нельзя было сомнѣваться насчетъ причины внезапнаго волненія обличавшагося всѣми его пріемами и краской на его маленькомъ болѣзненномъ лицѣ. Даже насѣкомая натура мистера Ноэля Ванстона согрѣлась подъ вліяніемъ пола; онъ обладалъ безспорно вѣрнымъ глазомѣромъ женской красоты, и грація и красота Магдалины коснулись его не бездѣйственно.

— Не угодно ли вамъ домой отдохнуть? спросила экономка вторично.

— Нѣтъ еще, Леконтъ, отвѣчалъ ея господинъ. — Мнѣ кажется, я чувствую себя крѣпче; мнѣ кажется, что я могу пройдтись еще немного.—Ухмыляясь повернулся онъ къ Магдалинѣ и прибавилъ тихо:—Въ прогулкѣ я нашелъ теперь новый интересъ для себя, миссъ Байгревъ. Не оставляйте насъ, а не то весь интересъ уйдетъ съ вами.

Онъ улыбнулся снова, чрезвычайно довольный замысловатостью своего комплимента, отъ котораго капитанъ Реггъ удачно отвлекъ вниманіе экономки, пристроившись къ ней и заговоривъ въ ту же минуту. Всѣ четверо подвигались медленно впередъ. Мистриссъ Леконтъ не сказала болѣе ничего. Она не выпускала руки своего господина и посматривала черезъ него на Магдалину съ опаснымъ выраженіемъ пытливости, которое особенно просвѣчивало въ ея красивыхъ черныхъ глазахъ. Взглядъ этотъ былъ замѣченъ осторожнымъ Реггомъ. Онъ сунулъ свой сигнальный складной стулъ изъ лѣвой руки въ правую, и тотчасъ же открылъ свои научныя батареи.

— Видъ дѣятельности и труда, мистриссъ Леконтъ, произнесъ капитанъ, изящно указывая своимъ складнымъ стуломъ на море и проходившія суда.—Величіе Англіи, сударыня, истинное величіе Англіи! Замѣтьте, пожалуста, какъ тяжело нѣкоторыя суда нагружены! Мнѣ часто хочется знать, сознаетъ ли британскій матросъ, по нагрузкѣ корабля, гидростатическую важность совершенной имъ операціи. Еслибъ я былъ внезапно перенесенъ на палубу одного изъ этихъ кораблей (отъ чего избави меня Боже, потому что я подверженъ морской болѣзни) и сказалъ бы кому-нибудь изъ команды: „Джакъ! вы совершили чудеса; вы овладѣли теоріей пловучихъ судовъ,“ какъ бы молодецъ нашъ удивился! А между тѣмъ, отъ этой теоріи зависитъ жизнь Джака. Еслибъ онъ нагрузилъ корабль одною тридцатою сверхъ мѣры, что̀ случилось бы? Мимо Альдборо, онъ прошелъ бы, согласенъ, благополучно. Онъ входитъ въ Темзу, согласенъ также, благополучно. Онъ продолжаетъ идти прѣсною водой, положимъ, до Гринича, — и вдругъ идетъ ко дну. Идетъ, сударыня, къ самому дну рѣки,—это можно утверждать со всею точностію науки!

Тутъ онъ остановился и поставилъ мистриссъ Леконтъ въ необходимость, изъ вѣжливости, потребовать объясненія.

— Съ безконечнымъ удовольствіемъ, сударыня, отвѣчалъ капитанъ, затопляя басовыми звуками своего голоса слабый дишкантикъ, которымъ любезничалъ мистеръ Ноэль Ванстонъ съ Магдалиной.—Мы начнемъ, если позволите, съ основнаго принципа. Всѣ тѣла, плавающія на поверхности воды, вытѣсняютъ количество жидкости равное вѣсомъ вѣсу этихъ тѣлъ. Прекрасно! Мы поставили первый прин-

ципъ. Что̀ мы выведемъ изъ него? Очевидно вотъ что̀: для удержанія судна на поверхности воды, необходимо позаботиться, чтобъ оно съ своимъ грузомъ вѣсило менѣе чѣмъ количество воды, — сдѣлайте одолженіе обратите вниманіе на это,—чѣмъ количество воды равное объемомъ погружаемой въ воду части судна. Далѣе, сударыня, соленая вода въ тридцать разъ тяжеле прѣсной или рѣчной, и судно въ Германскомъ Океанѣ не будетъ сидѣть такъ глубоко, какъ въ Темзѣ. Такимъ образомъ, если мы грузимъ наше судно для лондонскаго рынка, намъ (въ гидрастатическомъ отношеніи) представляются три случая. Или мы грузимъ одною тридцатою частью менѣе чѣмъ можемъ имѣть въ морѣ; или мы выгружаемъ одну тридцатую часть при устьѣ рѣки; или мы не дѣлаемъ ни того, ни другаго, и какъ я имѣлъ уже честь замѣтить,—идемъ ко дну! Такова, произнесъ капитанъ, передавая складной стулъ обратно изъ правой руки въ лѣвую, въ знакъ того, что съ Джойсомъ покончено, — вотъ дорогая моя собесѣдница, теорія пловучихъ судовъ. Позвольте мнѣ прибавить, въ заключеніе, что я съ сердечнымъ радушіемъ привѣтствую васъ въ этой научной области.

— Благодарю васъ, сэръ, сказала мистриссъ Леконтъ.— Вы ненамѣренно опечалили меня, но полученныя мною свѣдѣнія оттого не менѣе драгоцѣнны. Давно, давно уже, мистеръ Байгревъ, никто не обращался ко мнѣ на языкѣ науки. Дорогой мужъ мой видѣлъ во мнѣ своего товарища, дорогой мужъ мой развивалъ мой умъ, какъ пытаетесь вы теперь развить его. Никто не заботился съ тѣхъ поръ объ умѣ моемъ. Отъ всей души благодарна вамъ, сэръ. Снисходительное вниманіе ваше ко мнѣ не брошено даромъ.

Она вздохнула съ жалобнымъ смиреніемъ, и стала украдкой прислушиваться къ разговору шедшему съ другаго бока.

Минутой раньше, она услышала бы, какъ хозяинъ ея, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, отзывался насчетъ появленія миссъ Байгревъ въ ея приморскомъ нарядѣ. Но Магдалина видѣла сигналъ капитана Регга складнымъ стуломъ, и тотчасъ же навела мистера Ноэля Ванстона на разговоръ о его собственной особѣ и его владѣніяхъ удачнымъ вопросомъ объ его альдбороскомъ домѣ.

— Я не желалъ бы встревожить васъ, миссъ Байгревъ, были

первыя слова мистера Ноэля Ванстона, застигнутыя вниманіемъ мистриссъ Леконтъ,—но во всемъ Альдборо только и есть одинъ безопасный домъ, и домъ этотъ мой. Море можетъ разрушить всѣ другіе дома, но моего не разрушитъ. Отецъ мой позаботился объ этомъ; отецъ мой былъ замѣчательный человѣкъ. Домъ мой построенъ на сваяхъ. Я имѣю основаніе думать, что въ цѣлой Англіи нѣтъ сваевъ прочнѣе. Ничто на свѣтѣ не можетъ сбить ихъ, что̀ бы тамъ море ни дѣлало, ничто на свѣтѣ не можетъ сбить ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, если море произведетъ на насъ свой набѣгъ, замѣтила Магдалина,—мы всѣ должны искать убѣжища у васъ.

Мистеръ Ноэль Ванстонъ нашелъ здѣсь поводъ къ новому комплименту, а смѣтливый капитанъ, въ ту же минуту, къ новому взрыву науки.

— Я готовъ желать наводненія, бормоталъ одинъ изъ кавалеровъ,—чтобъ имѣть счастіе предложить убѣжище...

— Я готовъ побожиться, что вѣтеръ снова перемѣнился, воскликнулъ другой.—Кого бы спросить? А, да вотъ лодочникъ! какой теперь вѣтеръ? Все еще нортъ-нортъ вестъ, а? А вчера вечеромъ былъ зюдъ-зюдъ вестъ, а? Если что замѣчательнѣе, мистриссъ Леконтъ, измѣнчивости вѣтра въ этомъ климатѣ? продолжалъ капитанъ, передавая складной стулъ на научную сторону. — Есть ли въ цѣлой природѣ такое явленіе, которое бы болѣе смущало изслѣдователя? Вы скажете мнѣ, что электрическіе токи, изобилующіе въ воздухѣ, составляютъ главную причину этой измѣнчивости. Вы припомните мнѣ опытъ того знаменитаго физико-математика, который измѣрялъ силу большаго сторма полетомъ мелкихъ перьевъ. Сударыня, я допускаю всѣ ваши положенія...

— Извините меня, сэръ, замѣтила мистриссъ Леконтъ,— вы снисходительно приписываете мнѣ знанія, которыхъ я не имѣю.

— Поймите хорошенько меня, сударыня, продолжалъ капитанъ, вѣжливо не замѣчая перерыва. — Замѣчанія мои относятся только къ умѣренному климату. Поставьте меня на берегъ между тропиками, поставьте меня туда, гдѣ вѣтеръ дуетъ къ берегу днемъ и къ морю ночью, и тотчасъ же въ головѣ у меня являются убѣдительные опыты. Напримѣръ, я знаю что солнечный жаръ въ продолженіе дня

дѣлаетъ прилежащій къ землѣ воздухъ рѣже и такимъ образомъ производитъ вѣтеръ. Вы требуете доказательства тому. Я сопровождаю васъ (съ вашего любезнаго позволенія) внизъ въ кухню, беру у кухарки самый большой противень и наполняю его холодною водой. Прекрасно! этотъ сосудъ холодной воды изображаетъ собою океанъ. Я запасаюсь, затѣмъ, одною изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей кухонной посуды, глубокою тарелкой, наполняю ее горячею водой и помѣщаю ее въ середину противня. Прекрасно опять! Глубокая тарелка представляетъ собою землю, которая расширяетъ окружающій воздухъ. Запомните это, и дайте мнѣ зажженную свѣчу. Я держу зажженную свѣчу надъ холодною водой, и задуваю ее. Дымъ тотчасъ же направляется отъ противня къ тарелкѣ. Прежде чѣмъ успѣли вы выразить свое удовольствіе, я снова зажигаю свѣчку и дѣлаю опытъ наоборотъ. Я наполняю противень горячею водой, а тарелку холодною, снова задуваю свѣчку и дымъ направляется, въ этотъ разъ, отъ тарелки къ противню. Запахъ свѣтильни непріятенъ, зато опытъ убѣдителенъ.

Онъ снова сунулъ назадъ складной стулъ и посмотрѣлъ на мистриссъ Леконтъ съ ублажающею улыбкой. — Вы не находите меня скучнымъ, сударыня,—не такъ ли? произнесъ онъ развязно и весело, въ то время, какъ экономка изподтишка принималась вторично прислушиваться къ разговору съ другой стороны.

— Я поражена, сэръ, массой вашихъ свѣдѣній, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, смотря на капитана съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но до сихъ поръ все еще безъ недовѣрія. Она сочла его эксцентричнымъ, даже для Англичанина, и быть-можетъ нѣсколько тщеславнымъ своими свѣдѣніями. Но онъ оказалъ ей любезность обратившись именно къ ней съ этими свѣдѣніями, и она была тѣмъ чувствительнѣе къ этому, что до сихъ поръ ея научныя симпатіи къ покойному мужу не много уважались людьми, съ которыми она приходила въ соприкосновеніе. — Простираются ли ваши изслѣдованія, сэръ, продолжала она послѣ минутной нерѣшимости, также и на специльность моего покойнаго мужа? Я спрашиваю объ этомъ, мистеръ Байгревъ, потому что я думаю (хотя я и женщина). что я въ состояніи обмѣняться съ вами нѣсколькими мыслями по предмету міра пресмыкающихся.

Капитанъ Реггъ былъ слишкомъ смѣтливъ, чтобы пускаться съ своею „свѣжеиспеченою“ наукой на непріятельскую почву. Старый милиціонеръ отрицательно покачалъ своею многохитрою головой.

— Слишкомъ обширный предметъ для недоучки въ родѣ меня, сударыня. Жизнь и труды такого естествоиспытателя, какъ мужъ вашъ, мистриссъ Леконтъ, предстерегаютъ людей моего умственнаго десятка тягаться съ гигантами. Позвольте мнѣ спросить, продолжалъ капитанъ, мягко устилая путь для будущихъ сношеній съ Си-Вью Коттеджемъ,—сохранился ли у васъ послѣ покойнаго профессора какой-нибудь памятникъ его ученыхъ трудовъ?

— У меня есть его акварій съ гадами, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, скромно опуская внизъ глаза свои,— и одинъ изъ его субъектовъ—маленькая чужеземная жаба.

— Его акварій! воскликнулъ капитанъ тономъ глубочайшаго интереса.—И его жаба! Извините за грубую привычку мою высказывать все что на душѣ, сударыня. Вы владѣете предметомъ общественнаго интереса, и я, въ качествѣ члена общества, заявляю свое любопытство видѣть его.

Гладенькія щеки мистриссъ Леконтъ зарумянились отъ удовольствія. Единственное доступное нападенію мѣсто въ этой холодной и скрытной натурѣ было мѣсто занятое воспоминаніемъ о профессорѣ. Ея гордость его учеными заслугами и досада при видѣ малаго знакомства съ ними на чужбинѣ, были въ ней истинными чувствами. Никогда еще капитанъ Реггъ не воскурялъ съ бо́льшимъ чѣмъ теперь успѣхомъ фальшивый фиміамъ на жалкомъ алтарѣ человѣческаго тщеславія.

— Вы очень добры, сэръ, произнесла мистриссъ Леконтъ. —Отдавая честь памяти моего мужа, вы дѣлаете честь *мнѣ*. Но хотя вы обращаетесь со мной, какъ съ равною, я не должна забывать, что занимаю служебное мѣсто въ домѣ. Я сочту за лестную для меня привилегію возможность показать вамъ мои сокровищи, если вы разрѣшите мнѣ сначала спросить позволеніе моего господина.

Она обернулась къ мистеру Ноэлю Ванстону съ совершенно-искреннимъ намѣреніемъ спросить предполагаемаго позволенія, смѣшаннымъ, при той сложности поводовъ, которая случается гораздо чаще въ женскомъ чѣмъ въ муж-

скомъ умѣ,—съ завистливою подозрительностью относительно впечатлѣнія произведеннаго Магдалиной на ея господина.

— Можно мнѣ попросить васъ объ одномъ, сэръ? спросила мистриссъ Леконтъ, пождавши минуту, чтобъ уловить какой-нибудь отрывокъ нѣжно-интимнаго разговора, и снова обманутая Магдалиной, благодаря складному стулу.—Мистеръ Байгревъ—одинъ изъ немногихъ Англичанъ, оцѣнивающихъ ученые труды моего мужа. Онъ дѣлаетъ мнѣ честь изъявленіемъ своего желанія видѣть мой маленькій міръ пресмыкающихся. Могу я показать его ему?

— Непремѣнно, Леконтъ, съ любезностію произнесъ мистеръ Ноэль Ванстонъ.—Вы превосходное созданіе, и я съ удовольствіемъ дѣлаю все вамъ пріятное. Акварій у Леконтъ, мистеръ Байгревъ, единственный въ Англіи; жаба у ней самая древняя жаба въ свѣтѣ. Согласны вы пожаловать къ намъ кушать чай въ семь часовъ сегодня? Да не упросите ли вы и миссъ Байгревъ пожаловать вмѣстѣ съ вами? Я желаю, чтобъ она видѣла мой домъ и убѣдилась въ его прочности. Приходите и посмотрите мой домъ, миссъ Байгревъ. Вы вооружитесь палкою для постукиванія по стѣнамъ; на верху, вы можете потопать ножками чтобы испытать полы; а потомъ, вы услышите, чего все это стоитъ.

Глаза его лукаво сморщились у угловъ, и онъ снова шепнулъ что-то нѣжное на ухо Магдалинѣ, подъ покровомъ всезаглушающаго голоса, которымъ капитанъ Реггъ благодарилъ его за приглашеніе.

— Приходите ровно въ семь, шепталъ онъ,—и пожалуста будьте въ этой восхитительной шляпкѣ!

Губы мистриссъ Леконтъ сложились зловѣщимъ образомъ. Она усмотрѣла въ племянницѣ капитана очень важный учетъ изъ суммы умственныхъ наслажденій капитанской бесѣды.

— Вы утомляете себя, сэръ, замѣтила она своему хозяину.—Нынче одинъ изъ вашихъ дурныхъ дней. Позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ быть поосторожнѣе; позвольте мнѣ попросить васъ домой.

Достигнувъ своего желанія приглашеніемъ новыхъ знакомыхъ къ чаю, мистеръ Ноэль Ванстонъ сдѣлался невообразимо-покоренъ. Онъ согласился, что нѣсколько усталъ,

и тотчасъ же повернулъ назадъ, повинуясь совѣту экономки.

— Обопритесь на мою руку, сэръ, обопритесь на нее съ другой стороны, проговорилъ капитанъ Реггъ, въ то время какъ они поворачивали назадъ. Говоря это, онъ выразительно глядѣлъ на Магдалину, предостерегая ее отъ злоупотребленія, на первыхъ порахъ, терпимостію мистриссъ Леконтъ. Она мигомъ поняла его, и несмотря на неоднократныя увѣренія мистера Ноэля Ванстопа, что онъ нисколько не нуждается въ рукѣ капитана, пристроилась съ боку экономки. Доброе расположеніе духа возвратилось къ мистриссъ Леконтъ, и она снова заговорила съ Магдалиной, начавъ между прочимъ вопросомъ, на который, въ настоящихъ обстоятельствахъ, было всего труднѣе отвѣчать.

— Вѣроятно мистриссъ Байгревъ слишкомъ устала послѣ поѣздки, и сегодня не выйдетъ? произнесла мистриссъ Леконтъ. — Будемъ ли мы имѣть удовольствіе видѣть ее завтра?

— Едва ли, отвѣчала Магдалина.—Тетушка моя несовсѣмъ здорова.

— Замѣчательно странный случай, сударыня, прибавилъ капитанъ, понимая, что наружность мистриссъ Реггъ (если увидятъ ее случайно) будетъ самымъ поразительнымъ противорѣчіемъ только что сказанному Магдалиной.—У нея какая-то затаенная нервная болѣзнь, не выражающаяся наружно. Вы сочтете жену мою за образецъ здоровья, если увидите, а между тѣмъ наружность такъ обманчива! Я принужденъ запрещать ей всякія волненія. Она не видитъ никого; нашъ докторъ, къ моему огорченію, безусловно запрещаетъ ей показываться въ обществѣ.

— Очень грустно, замѣтила мистриссъ Леконтъ.—Бѣдная, она должна часто скучать, сэръ, когда нѣтъ при ней ни васъ, ни племянницы?

— О, нѣтъ! возразилъ капитанъ.—Мистриссъ Байгревъ по природѣ домосѣдка. Когда она бываетъ способна заняться, то находитъ неограниченныя къ тому средства въ своей иголкѣ и ниткѣ.

Доведя объясненіе до этой точки и нарочно подойдя довольно близко къ истинѣ, на случай, если любопытство экономки заставитъ ее наводить справки насчетъ мистриссъ Реггъ, ка-

питанъ благоразумно воздержалъ свой многословный языкъ отъ дальнѣйшихъ подробностей. — Я много надѣюсь на здѣшній воздухъ, замѣтилъ онъ въ заключеніе.—Іодъ, какъ я уже замѣтилъ, производитъ чудеса.

Мистриссъ Леконтъ подтвердила качества іода въ возможно-краткихъ словахъ, и погрузилась затѣмъ въ сокровеннѣйшее святилище своихъ мыслей. „Здѣсь есть что-нибудь таинственное, говорила про себя экономка. Дама глядящая образцомъ здоровья, дама страдающая отъ сложной нервной болѣзни, и дама, рука которой довольно тверда, чтобы работать иголкой и ниткой,—явный сбродъ необъяснимыхъ противорѣчій.“—Долго намѣрены вы остаться въ Альдборо, сэръ? спросила она громко, вперивъ съ минуту пытливый взоръ въ лицо капитана.

— Все зависитъ, сударыня, отъ мистриссъ Байгревъ. Полагаю, что мы останемся всю осень. Вы останетесь на сезонъ въ Си-Вью-Коттеджѣ, вѣроятно?

— Обратитесь къ моему господину, сэръ. Ему рѣшать, не мнѣ.

Отвѣтъ былъ неудаченъ. Мистеръ Ноэль Ванстонъ былъ въ душѣ раздосадованъ на перемѣну въ размѣщеніи, отдѣлившую его отъ Магдалины. Онъ приписывалъ эту перемѣну вмѣшательству мистриссъ Леконтъ, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для отмщенія.

— Отъ меня ни мало не зависитъ пребываніе въ Альдборо, брюзгливо произнесъ онъ.— Вы знаете, такъ же хорошо, какъ и я, Леконтъ, что все это зависитъ отъ *васъ*. У мистриссъ Леконтъ есть братъ въ Швейцаріи, продолжалъ онъ, обращаясь къ капитану,—братъ, который серіозно боленъ. Если ему сдѣлается хуже, ей придется оставить меня, чтобы видѣть его. Я не могу ѣхать съ ней, и не могу остаться одинъ въ домѣ. Я принужденъ буду оставить Альдборо и поселиться у кого-нибудь изъ моихъ друзей. Все это зависитъ отъ васъ, Леконтъ, или отъ брата вашего, что выходитъ на одно. Еслибъ это зависѣло отъ меня, продолжалъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, взглядывая на Магдалину изъ-за экономки, — я съ величайшимъ удовольствіемъ остался бы въ Альдборо на всю осень. Съ величайшимъ удовольствіемъ, подтвердилъ онъ, сопровождая послѣднія слова нѣжнымъ взглядомъ для Магдалины и злобнымъ удареніемъ для мистриссъ Леконтъ.

До сихъ поръ капитанъ Реггъ молчалъ, прислушиваясь и принимая къ свѣдѣнію многообѣщающую возможность разъѣзда между мистриссъ Леконтъ и ея хозяиномъ, открывшуюся изъ мелкой брюзгливой вспышки мистера Ноэля Ванстона. Зловѣщая дрожь тонкихъ губъ экономки, при открытіи посторонним лицамъ ея семейныхъ обстоятельствъ и при такомъ уколѣ ея самолюбія, показала ему необходимость вмѣшательства. Еслибы позволить недоразумѣнію дойдти до крайности, то можно было бы опасаться, что приглашеніе на нынѣшній вечеръ въ Си-Вью-Коттеджъ не состоится. Тутъ, какъ и всегда, примѣняясь къ обстоятельствамъ, капитанъ обратился снова къ помощи своихъ полезныхъ свѣдѣній. Подъ ученымъ покровомъ Джойса, нырнулъ онъ, въ третій разъ, въ океанъ науки и вытащилъ изъ него новый перлъ. Онъ все продолжалъ витійствовать (теперь о пневматикѣ); все продолжалъ развивать умъ мистриссъ Леконтъ съ своею вѣжливою назойливостью и пріятнѣйшимъ краснословіемъ, когда они остановились у дверей дома мистера Ноэля Ванстона.

— Господи помилуй, да мы у вашего дома, сэръ! воскликнулъ капитанъ, прерывая себя въ срединѣ одной изъ своихъ графическихъ сентенцій. — Я не желаю задерживать васъ ни на минуту. Ни слова извиненія, мистриссъ Леконтъ,—прошу и умоляю!—Я объясню вамъ яснѣе этотъ пневматическій вопросъ при другомъ случаѣ. А пока я могу только повторить, что вы можете исполнить указанный мною опытъ, къ совершенному вашему удовольствію, съ пузыремъ, съ колпакомъ и квадратнымъ ящикомъ. До семи часовъ вечера, сэръ,—до семи часовъ, мистриссъ Леконтъ. Мы совершили препріятную прогулку, и обмѣнялись идеями самымъ поучительнымъ образомъ. Ну, моя дорогая дѣвица, пойдемте! Тетушка ваша заждалась васъ.

Въ то время какъ мистриссъ Леконтъ отошла въ сторону, чтобъ отворить калитку, мистеръ Ноэль Ванстонъ воспользовался случаемъ, чтобы подъ покровомъ зонтика, нарочито для этого взятаго имъ въ собственныя руки, бросить послѣдній нѣжный взглядъ на Магдалину. — Не забывайте произнесъ онъ съ пріятнѣйшею улыбкой:—не забывайте быть сегодня вечеромъ въ этой восхитительной шляпкѣ! Прежде чѣмъ успѣлъ онъ прибавить еще что-нибудь,

мистриссъ Леконтъ заняла свое прежнее мѣсто и покровительствующій зонтикъ тотчасъ же перешелъ въ ея руки.

— Отлично поработали сегодня утромъ! замѣтилъ капитанъ, направляясь съ Магдалиной къ Нортъ Шингельзъ-Виллѣ. Вы, я и Джойсъ, всѣ мы трое совершили чудеса. Мы добились дружескаго приглашенія въ первый же день знакомства.

Онъ ждалъ отвѣта, и не получая его, посмотрѣлъ на Магдалину съ большимъ вниманіемъ. Лицо ея покрылось снова смертельною блѣдностію, а глаза были безсознательно устремлены впередъ, въ какомъ-то безсознательномъ отчаяніи.

— Что съ вами? спросилъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.—Больны вы?

Она ничего не отвѣчала; она, казалось, едва слышала его.

— Или мистриссъ Леконтъ тревожитъ васъ? спросилъ онъ потомъ.—Нѣтъ ни малѣйшаго основанія тревожиться. Можетъ-быть ей чудится, что голосъ вашъ она какъ будто слыхала прежде; но лицо ваше очевидно сбиваетъ ее съ толку. Сдерживайте себя и вы оставите ее во мракѣ. Держите ее во мракѣ, и двѣсти фунтовъ перейдутъ изъ вашихъ рукъ въ мои до истеченія осени.

Онъ снова ждалъ отвѣта, и снова не отвѣчала она. Капитанъ сдѣлалъ третій, иной силы, опытъ.

— Не получали ли вы писемъ сегодня утромъ? спросилъ онъ.—Опять дурныя вѣсти изъ дому? Новыя затрудненія съ сестрой?

— Не смѣйте говорить о моей сестрѣ! разразилась она страстно. — Ни вы, ни я, оба мы не достойны говорить о ней.

Слова эти она произнесла у садовой калитки, и поспѣшно вбѣжала въ комнаты. Онъ послѣдовалъ за ней и слышалъ какъ сильно хлопнула дверь ея комнаты и какъ сильно щелкнулъ замокъ, сначала разъ, потомъ другой. Отведя сердце крупную божбою, капитанъ Реггъ угрюмо вошелъ въ одну изъ иріемныхъ комнатъ нижняго этажа, чтобы посмотрѣть что дѣлаетъ его жена. Это комната сообщалась съ меньшею и болѣе темною, заднею комнатой, посредствомъ небольшой красивой стеклянной двери. Тихо подойдя къ двери, капитанъ приподнялъ бѣлую кисейную занавѣсь, закрывавшую стекло, и заглянулъ въ комнату.

Тутъ стояла мистриссъ Реггъ, съ чепцомъ на одной сторонѣ, съ свалившимися на пяткахъ башмаками, съ рядомъ булавокъ въ зубахъ, съ кашемировымъ платьемъ, которое медленно скатывалось со стола, съ ножницами безъ дѣла въ одной рукѣ и съ письменными наставленіями держимыми въ нерѣшительности другою рукой, — до того поглощенная непреодолимыми затрудненіями своего занятія, что и возможности не имѣла подозрѣвать наблюденій своего мужа. Въ другихъ обстоятельствахъ, она скоро опомнилась бы при звукѣ его голоса. Но капитанъ Реггъ былъ слишкомъ занятъ Магдалиной, чтобы терять время съ женой, убѣдившись что она находится бережно въ своемъ заключеніи.

Онъ вышелъ изъ пріемной, и, послѣ нѣкоторой нерѣшимости въ корридорѣ, пробрался наверхъ и сталъ прислушиваться у двери Магдалины. Лишь слабый звукъ рыданій,— звукъ заглушенный въ платкѣ или въ подушкѣ,—достигъ его слуха. Онъ сошелъ внизъ, догадываясь немного въ чемъ дѣло.

„Чортъ бы побралъ этого милаго сердцу!“ подумалъ капитанъ. „Мистеръ Ноэль Вансгонъ съ самаго начала воскресилъ его призракъ.“

V.

Когда Магдалина вошла около семи часовъ въ пріемную, никакого признака разстройства не было замѣтно въ ея наружности. Она смотрѣла и говорила, какъ всегда, спокойно и беззаботно.

При видѣ ея, угрюмая недовѣрчивость исчезла съ лица капитана Регга. Передъ тѣмъ находили на него минуты, въ которыя онъ серіозно спрашивалъ себя, не слишкомъ ли дорого покупаетъ онъ удовольствіе выместить свою злобу на Ноэлѣ Ванстонѣ и возможность добыть сумму въ двѣсти фунтовъ, при рискѣ открытія истины, которому ежечасно подвергалъ его неровный характеръ Магдалины. Бывшее теперь передъ нимъ ясное доказательство силы ея самоуправленія избавило его отъ серіознаго безпокойства. Капитану было мало дѣла до того, какъ страдала она въ уединеніи своей комнаты, если только за дверями лицо ея

могло выдержать всякій испытующій взглядъ, и голосъ не измѣнялъ себѣ.

На пути въ Си-Вью-Коттеджъ, капитанъ Реггъ выразилъ свое намѣреніе сдѣлать экономкѣ нѣсколько участливыхъ вопросовъ о больномъ братѣ ея въ Швейцаріи. Онъ былъ того мнѣнія, что критическое состояніе здоровья этого господина можетъ имѣть важное вліяніе на будущій ходъ заговора. Возможность разлуки, замѣчалъ онъ, между экономкой и ея господиномъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ тщательнѣйшаго изслѣдованія.

— Если намъ удастся устранить мистриссъ Леконтъ вовремя, прошепталъ капитанъ, отворяя садовую калитку,— баринъ этотъ нашъ!

И вотъ Магдалина снова очутилась въ домѣ Ноэля Ванстона, но въ этотъ разъ въ качествѣ имъ самимъ приглашенной гостьи.

Разговоръ вечеромъ былъ по большей части повтореніемъ прежняго. Мистеръ Ноэль Ванстонъ вибрировалъ между восхищеніемъ красотой Магдалины и восхваленіемъ своихъ имуществъ. Неистощимый потокъ свѣдѣній капитана Регга, при помощи деликатныхъ косвенныхъ разспросовъ о братѣ мистриссъ Леконтъ, постоянно отвлекалъ ревностную бдительность экономки отъ наблюденія за взглядами и рѣчью своего господина. Такъ прошло время до десяти часовъ. Тутъ изсякла „свѣжеиспеченная“ наука капитана, и неудовольствіе экономки стало прокладывать себѣ путь наружу. Снова капитанъ Реггъ предостерегъ Магдалину взглядомъ, и, несмотря на гостепріимный протестъ мистера Ноэля Ванстона, благоразумно поднялся проститься.

— Я собралъ нужныя свѣдѣнія, замѣтилъ капитанъ на возвратномъ пути.—Братъ мистриссъ Леконтъ живетъ въ Цюрихѣ. Онъ холостъ, имѣетъ денежки, и сестра его—ближайшая наслѣдница. Если онъ будетъ такъ обязателенъ, что покончитъ разомъ, то избавитъ насъ отъ цѣлаго міра хлопотъ съ мистриссъ Леконтъ.

Стояла прекрасная лунная ночь. Онъ повернулся къ Магдалинѣ, чтобы посмотрѣть, не овладѣло ли ею опять ея уныніе.

Нѣтъ, съ нею произошла новая перемѣна. Съ заносчивою лихорадочною веселостью глядѣла она кругомъ; ей

казалась смѣшна самая мысль о какихъ-нибудь важныхъ затрудненіяхъ съ мистриссъ Леконтъ; она передразнивала дишкантикъ Ноэля Ванстона и повторяла его высокопарныя любезности, находя какую-то горькую отраду въ осмѣяніи его. Вмѣсто того чтобы какъ прежде кинуться поспѣшно домой, она беззаботно подпрыгивала съ боку своего спутника, напѣвая отрывки пѣсень и разбрасывая мелкій булыжникъ по сторонамъ садовой дорожки. Капитанъ Реггъ привѣтствовалъ въ ней эту перемѣну какъ самое лучшее изъ всевозможныхъ добрыхъ знаменій. Онъ думалъ, что видитъ ясные признаки возвращенія къ ней „фамильнаго" расположенія духа.

— Такъ, замѣтилъ онъ, зажигая для нея свѣчу,—завтра, при общей встрѣчѣ на прогулкѣ, мы увидимъ, по выраженію нашихъ морскихъ пріятелей, „какъ земля лежитъ". Одно, моя дорогая дѣвица, могу я сказать вамъ: или я напрасно высмотрѣлъ мои глаза, или въ домашней атмосферѣ мистера Ноэля Ванстона скопляется сегодня гроза.

Обычная проницательность капитана не обманула его. Какъ только дверь за уходившими гостями затворилась въ Си-Вью-Коттеджѣ, мистриссъ Леконтъ сдѣлала усиліе къ заявленію своей власти, которой начинало грозить уже вліяніе Магдалины.

Всѣ пріемы, на которые была она искусна, были употреблены ею для узнанія того мѣста, какое Магдалина занимала въ мысляхъ Ноэля Ванстона. Неоднократно пыталась она привести его къ безсознательной исповѣди удовольствія, которое чувствовалось имъ въ обществѣ красавицы миссъ Байгревъ; она вертѣлась у каждой слабости его характера, какъ вертѣлись лягушки и саламандры у грота ея акваріума. Но она сдѣлала одну серіозную ошибку, въ которую легко вдаются очень умные люди въ сношеніяхъ съ менѣе умными: она слишкомъ понадѣялась на глупость дурака Она забыла, что одно изъ низшихъ человѣческихъ качествъ, лукавство, принадлежитъ именно къ числу свойствъ особено развитыхъ въ людяхъ низшаго ума. Еслибъ она откровенно разсердилась на своего господина, то вѣроятно испугала бы его. Еслибъ она прямо открыла ему свои мысли, то изумила бы его представивъ его ограниченному соображенію цѣпь понятій, которую не могло бы оно схватить любопытство заставило бы его тогда потребовать объясненія,

и путемъ этого любопытства, она могла бы овладѣть имъ. Теперь же своимъ лукавствомъ она захотѣла побѣдить его лукавство, и дуракъ сталъ ей ровней. Мистеръ Ноэль Ванстонъ, для котораго всѣ великодушныя побужденія были неисповѣдимыми тайнами, подмѣтилъ мелкій мотивъ во глубинѣ поведенія экономки, съ быстротой соображенія свойственною человѣку высшей проницательности. Мистриссъ Леконтъ разсталась съ нимъ на ночь пораженная и съ сознаніемъ своего пораженія, -- разсталась какъ тигрица съ сильнымъ зудомъ въ своихъ изящныхъ ноготкахъ вцѣпиться въ лицо своему господину.

Она была не изъ тѣхъ женщинъ, которые спускаютъ флагъ послѣ перваго пораженія; она не сдалась бы и послѣ сотаго. Она рѣшилась искать и искать, пока не найдетъ средства прервать разомъ и навсегда это сближеніе съ Байгревами. Въ уединеніи своей комнаты она успокоилась, и принялась перебирать выведенныя ею изъ сегодняшнихъ происшествій заключенія.

Было что-то смутно-знакомое ей въ голосѣ этой миссъ Байгревъ, но, по безотчетному противорѣчію, было также что-то совершенно ей незнакомое. Лицо и наружность молодой дѣвушки были рѣшительно незнакомы ей. Очень замѣчательно лицо у ней, очень замѣчательна и фигура ея; еслибъ она видѣла ихъ когда-нибудь, то вѣрно не забыла бы. Безспорно, миссъ Байгревъ была не знакома ей, а между тѣмъ....

На этотъ разъ она дошла лишь до этого; далѣе пока идти она не могла; цѣпь ея соображеній обрывалась. Она подобрала обрывки этой цѣпи и составила другую, которая привязалась къ странной госпожѣ сидящей въ заключеніи, къ этой теткѣ имѣющей здоровый видъ, а между тѣмъ страдающей нервами, и, при этомъ, способной владѣть иглой и ниткой. Необъяснимое сходство съ какимъ-то запамятованнымъ голосомъ въ племянницѣ, непонятная болѣзнь держащая въ заперти тетку; обиліе научныхъ познаній въ дядѣ вмѣстѣ съ какимъ-то неблагородствомъ и дерзостью обращенія, ни сколько не соотвѣтствующими человѣку занимающемуся науками,—неужели, думала она, при всемъ этомъ, члены этого маленькаго семейства состоящаго изъ трехъ членовъ—дѣйствительно то чѣмъ кажутся по наружности?

Съ этимъ вопросомъ легла она спать.

Какъ только погасла свѣча, мракъ какъ-то непонятно перевернулъ ея мысли. Отъ настоящаго, противъ ея желанія, перешли онѣ къ прошедшему. Онѣ воскресили ея стараго хозяина, онѣ обновили въ памяти забытыя дѣла и толки англійскаго кружка въ Цюрихѣ, онѣ вернулись къ одру старика въ Брайтонѣ, перешли изъ Брайтона въ Лондонъ, вошли въ запущенную комнату Воксаллъ-Вока, перенесли туда на кухонный столъ акваріумъ и усадили фальшивую миссъ Гартъ на стулъ подлѣ, защищая ея воспаленные глаза отъ свѣту; онѣ снова вложили въ ея руки безыменное письмо, намекавшее на какой-то заговоръ, и поставили ее передъ лицо ея хозяина; онѣ припомнили споръ о наполненіи пробѣла въ объявленіи, и ссору происшедшую послѣ ея замѣчанія мистеру Ноэлю Ванстону, что предлагаемая имъ сумма слишкомъ ничтожна; онѣ возобновили старый, не безпокоившій ее уже нѣсколько недѣль, вопросъ, — улетучился ли грозившій заговоръ въ однихъ словахъ, и не заявитъ ли онъ себя вскорѣ ей и ея хозяину. Тутъ мысли ея прервались снова, и наступилъ минутный покой. Но черезъ мгновеніе, она вдругъ поднялась на постели, при страшномъ біеніи сердца, при страшномъ головокруженіи, Съ электрическою быстротой умъ ея сплотилъ разрозненную массу мыслей, и представилъ ихъ ей въ одной ясной формѣ. Во всезаглушающемъ волненіи минуты, она всплеснула руками и вскрикнула внезапно въ ночномъ мракѣ:

— Миссъ Ванстонъ опять!!!

Она встала съ постели и зажгла свѣчу. Какъ ни тверды были ея нервы, но ударъ этого подозрѣнія поразилъ ихъ. Рука ея дрожала, когда она открывала свой несессеръ и вынимала изъ него флаконъ летучей соли. Несмотря на свои гладкія щеки и хорошо-сохранившіеся волосы, она глядѣла не моложе своихъ лѣтъ въ то время какъ, разбавивъ спиртъ водой, она жадно глотала его, и завернувшись потомъ въ свой пенюаръ, усаживалась у кровати, чтобъ успокоиться.

Она не могла прослѣдить умственный процессъ, приведшій ее къ этому открытію. Она не могла достаточно отрѣшиться отъ себя, чтобы видѣть, что ея полу-выводы

о Байгревахъ возбудили въ ней, наконецъ, подозрѣнія на счетъ этого семейства, что связь понятій привела ея мысль къ другому предмету опасенія, къ заговору противъ ея хозяина, и что понятія объ этихъ двухъ различныхъ предметахъ подозрѣнія, придя внезапно въ соприкосновеніе, бросили свѣтъ на дѣло. Она была не въ состояніи прослѣдить дѣло обратно отъ слѣдствій къ причинамъ. Она чувствовала только, что подозрѣніе стало въ ней болѣе чѣмъ подозрѣніемъ; самое убѣжденіе не могло бы сильнѣе зарубиться въ ея умѣ.

Смотря на Магдалину съ новой точки зрѣнія, мистриссъ Леконтъ желала бы увѣрить себя, что она узнаетъ нѣкоторыя черты миссъ Гартъ въ граціозной и прекрасной дѣвушкѣ, сидѣвшей менѣе часа тому назадъ за столомъ ея господина, что она припоминаетъ теперь, не приходившее ей прежде въ голову сходство между рѣзкимъ голосомъ слышаннымъ ею въ Воксаллъ-Вокѣ и мягкимъ благовоспитаннымъ голосомъ, еще раздававшимся въ ея ушахъ послѣ вечерняго разговора. Она старалась увѣрить себя, что она достигла этихъ результатовъ безъ всякихъ натяжекъ; но старанія эти были напрасны.

Мистриссъ Леконтъ была не изъ числа женщинъ тратящихъ время и мысль на самообольщеніе. Она согласилась съ неизбѣжнымъ доводомъ, что минутная догадка привела ее къ открытію истины. И даже болѣе, — она сознала сь, хотя это сознаніе вовсе не было ей пріятно, — что утвердившееся въ ней убѣжденіе не могло быть подкрѣплено, въ глазахъ другихъ, ни малѣйшимъ доказательствомъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, какъ было благоразумнѣе поступить ей съ своимъ хозяиномъ?

Если она откровенно разкажетъ ему утромъ что̀ пришло ей въ голову, то, зная характеръ Ноэля Вамстона, она могла изъ этого предвидить два послѣдствія. Онъ или разсердится и заспоритъ, потребуетъ доказательствъ, и не получивъ ихъ, обвинитъ ее въ желаніи безпокоить его по пустому изъ завистливаго побужденія удалить Магдалину, или же онъ серіозно испугается, прибѣгнетъ къ покровительству закона и съ самаго начала дастъ Байгревамъ почувствовать необходимость быть насторожѣ. Еслибъ одна Магдалина вела заговоръ, то это

послѣднее обстоятельство не имѣло бы особеннаго значенія въ глазахъ экономки. Но зная теперь дѣло въ его настоящемъ видѣ, она была на столько умна, что могла по достоинству оцѣнить неистощимую находчивость капитана. „Если у меня не будетъ полныхъ уликъ противъ этого наглаго негодяя, думала мистриссъ Леконтъ, то раскрой я глаза моему господину завтра утромъ, мистеръ Байгревъ закроетъ ихъ ему опять до наступленія вечера. Плутъ передергиваетъ подъ столомъ, и игра останется за нимъ, если онъ замѣтитъ мою руку съ самаго начала.“

Выжидательная политика, очевидно, была въ настоящемъ случаѣ самою лучшею политикою, тѣмъ болѣе что пройдоха Байгревъ навѣрное запасся всѣми нужными доказательствами для удостовѣренія въ тожественности его и его племянницы съ принятыми ими именами, и мистриссъ Леконтъ рѣшилась не высказываться въ это утро и помедлить атакой пока не будетъ имѣть неоспоримыхъ фактовъ въ своихъ рукахъ. Знакомство ея хозяина съ Байгревами было еще только однодневнымъ знакомствомъ. Можно было безъ особенныхъ опасеній дозволить ему продлиться еще на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобы черезъ недѣлю оборвать его совсѣмъ.

Въ этотъ промежутокъ времени, какія мѣры могла бы она принять для устраненія стоявшихъ на пути ея затрудненій и для добытія недостающихъ ей теперь орудій?

Размышленія указали ей три благопріятныя ей шанса, три различные пути для достиженія необходимаго открытія.

Первое средство—поддерживать дружественныя отношенія къ Магдалинѣ, чтобы потомъ врасплохъ вынудить ее обмолвиться въ присутствіи Ноэля Ванстона. Второе средство—обратиться къ миссъ Ванстонъ старшей съ вопросомъ (сославшись на какой-нибудь особенный поводъ къ тому) о мѣстѣ жительства и положеніи ея младшей сестры и о нѣкоторыхъ особенностяхъ ея наружности, которыя могли бы пособить незнакомому человѣку узнать ее. Третье средство открыть тайну заключенія мистриссъ Байгревъ и удостовѣриться, при личномъ свиданіи, не состоитъ ли истинная слабость больной дамы въ неспособности хранить секреты мужа. Рѣшившись перепробовать

всѣ эти три средства въ томъ порядкѣ какъ они здѣсь перечислены, и разставить сѣти Магдалинѣ въ нынѣшній начинавшійся уже день, мистриссъ Леконтъ сняла, наконецъ, свой пенюаръ и дала себѣ заснуть немного.

Разсвѣтъ уже брезжилъ надъ холоднымъ сѣрымъ моремъ, когда она легла въ постель. Послѣдняя мысль ея предъ сномъ характеризовала эту женщину: то была угроза капитану. „Онъ изволилъ подшучивать надъ священною памятью моего мужа“, думала вдова профессора. „Клянусь же жизнью и честію, я заставлю его поплатиться за это!“

Рано утромъ, Магдалина, согласно уговору своему съ капитаномъ, взяла съ собою пройдтись мистриссъ Реггъ. Эта послѣдняя убѣдительно просилась остаться дома, одержимая мыслію о своемъ кашемировомъ платьи и чувствуя необходимость перечесть, по крайней мѣрѣ въ сотый разъ, свои швейныя наставленія, прежде чѣмъ она могла собраться съ духомъ чтобы занести свои ножницы на матерію. Но спутница ея не принимала никакихъ отговорокъ, и ей пришлось идти гулять. Единственно чистымъ интересомъ въ настоящей жизни Магдалины было рѣшеніе не допускать, чтобы бѣдная мистриссъ Реггъ оставалась по ея милости въ заключеніи, и за это рѣшеніе схватилась она машинально какъ за послѣдній оставшійся признакъ своего лучшаго *я*.

Позже обыкновеннаго возвратилась они къ завтраку. Въ то время, какъ мистриссъ Реггъ ушла наверхъ заняться оправленіемъ себя съ головы до ногъ, для того чтобы явиться на утренній смотръ передъ благочинное око своего мужа, а Магдалина и капитанъ сидѣли въ ожиданіи ея въ пріемной,—въ комнату вошла служанка съ запиской изъ Си-Вью-Коттеджа. Посланный ждалъ отвѣта; записка была адресована на имя капитана Регга.

Распечатавъ ее, капитанъ прочелъ слѣдующія строки:

„Дорогой сэръ! Мистеръ Ноэль Ванстонъ желалъ чтобъ я написала и передала вамъ, что онъ предполагаетъ воспользоваться нынѣшнимъ прекраснымъ днемъ и предпринять поѣздку въ одно изъ здѣшнихъ приморскихъ мѣстъ, Доничъ. Онъ очень желалъ бы знать, согласны ли вы принять на себя половину издержекъ на экипажъ и доставить

ему удовольствіе вашимъ участіемъ и участіемъ миссъ Байгревъ въ этой прогулкѣ. Мнѣ также дозволено принять въ ней участіе, и я осмѣлюсь присовокупить,—если это не будетъ нескромно съ моей стороны,—что согласіе ваше и племянницы вашей на поѣздку съ нами доставитъ мнѣ столько же удовольствія, сколько и моему господину. Мы думаемъ выѣхать изъ Альдборо ровно въ одиннадцать часовъ. Вѣрьте, и пр.

Виргинія Леконтъ."

— Отъ кого это письмо? спросила Магдалина, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ капитана Регга.—Чего имъ нужно отъ насъ въ Си-Вью-Коттеджѣ?

— Извините, отозвался капитанъ, серіознымъ тономъ—дѣло это требуетъ соображенія. Позвольте мнѣ подумать минуту другую.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, и вдругъ остановился у угловаго стола, на которомъ находились его письменныя принадлежности.

— Не вчера родился, дражайшая мадамъ! проговорилъ капитанъ шутливымъ тономъ про себя. Онъ прищурилъ свой карій глазъ, взялъ перо и написалъ отвѣтъ.

— Можете вы сказать теперь въ чемъ дѣло? спросила Магдалина, когда служанка вышла изъ комнаты.—Что̀ въ этомъ письмѣ и что̀ отвѣчали вы на него?

Капитанъ передалъ ей записку.

— Я принялъ приглашеніе, спокойно сказалъ онъ.

Магдалина прочла письмо.—Затаенная непріязнь вчера, проговорила она,—и открытая дружба сегодня. Что̀ бы это значило?

— Это значитъ, отвѣчалъ капитанъ Реггъ,—что мистриссъ Леконтъ попрозорливѣе нежели я думалъ. Она открыла васъ.

— Невозможно, воскликнула Магдалина. — Рѣшительно невозможно въ такое короткое время.

— Не могу сказать *какъ*, но только она открыла васъ, продолжалъ капитанъ съ совершеннымъ спокойствіемъ.—Быть-можетъ она лучше знала вашъ голосъ чѣмъ мы предполагали. Или, быть-можетъ, разсудивъ, нашла она насъ немножко подозрительнымъ семействомъ, а дѣло мало-маль-

ски подозрительное, въ которомъ замѣшана женщина, быть-можетъ припомнило ей вашъ утренній визитъ въ Вокзалъ-Вокъ. Какъ бы то ни было, смыслъ этой быстрой перемѣны достаточно ясенъ. Она открыла васъ и желаетъ испробовать свое открытіе, разчитывая подвернуть вамъ, подъ видомъ дружеской болтовни, одинъ другой затруднительный вопросъ. Опытность моя въ дѣлахъ человѣческаго рода очень разнообразна, и мистриссъ Леконтъ не первый умный кліентъ въ юпкѣ, съ которымъ мнѣ приходится имѣть дѣло. Весь міръ—сцена, дорогая моя дѣвица, и одинъ изъ актовъ нашей маленькой сцены конченъ теперь.

Съ этими словами, онъ вынулъ изъ кармана свой экземпляръ „Ученыхъ разговоровъ" Джойса. — Съ тобою покончено, другъ мой! замѣтилъ капитанъ, щелкнувъ на прощаніе по книжкѣ полезныхъ свѣдѣній и запирая ее въ шкафъ.—Такова людская популярность! продолжалъ неукротимый краснобай, весело пряча ключъ въ карманъ.—Вчера, Джойсъ былъ для меня всѣмъ. Сегодня, мнѣ до него ни на столько нѣтъ дѣла.—Онъ щелкнулъ тутъ пальцами и усѣлся завтракать.

— Я не понимаю васъ, замѣтила Магдалина, смотря на него съ неудовольствіемъ.—Хотите ли вы предоставить меня моимъ собственнымъ средствамъ на будущее время?

— Дорогая моя дѣвица! воскликнулъ капитанъ Реггъ:—ужели вы все еще не привыкли къ искрамъ моего юмора? Я отлагаю въ сторону мою „свѣжеиспеченную" науку просто потому что мистриссъ Леконтъ отложила въ сторону всякое ко мнѣ довѣріе. Развѣ я не принялъ приглашенія въ Донвичь? Не безпокойтесь. Оказанная мною вамъ помощь — ничто въ сравненіи съ тою, которую я окажу вамъ теперь. Честь моя замѣшана въ дѣлѣ съ мистриссъ Леконтъ. Ея послѣдняя выходка поставила вопросъ на почву личнаго дѣла между нами. *Эта женщина воображаетъ въ самомъ дѣлѣ, что можетъ поддѣть меня!!!* воскликнулъ капитанъ, ударивъ по столу ручкой ножа, въ припадкѣ добродѣтельнаго негодованія.—Клянусь небомъ, ни разу въ жизни не былъ я еще оскорбленъ до такой степени? Придвиньте стулъ вашъ къ столу, моя милая, и подарите мнѣ полминуты вниманія.

Магдалина повиновалась. Прежде чѣмъ продолжать, капитанъ Реггъ предусмотрительно понизилъ свой голосъ.

— Я говорилъ вамъ всегда, произнесъ онъ,—что пуще всего нужно не давать поймать себя. Повторяю то же самое, послѣ случившагося сегодня утромъ. Пускай-ка она заподозритъ васъ! Утверждаю, что пока мы сами не пособимъ ей, она не найдетъ ни малѣйшаго основанія для своихъ подозрѣній. Мы увидимъ сегодня, была ли она настолько глупа, чтобы сообщить свои подозрѣнія своему хозяину, не имѣя ни какихъ фактовъ въ подтвержденіе. Сомнѣваюсь въ этомъ. Если она сказала ему, то мы закидаемъ его слабую головенку доказательствами нашей тожественности съ Байгревами, такъ что она не затрещитъ отъ убѣжденія. Въ эту поѣздку, вамъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два обстоятельства. Вопервыхъ, не вѣрить ни одному слову, которое скажетъ вамъ мистриссъ Леконтъ. Вовторыхъ, употребить въ дѣло все ваше очарованіе и овладѣть мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ съ нынѣшняго же дня. Я дамъ вамъ на то возможность, когда мы оставимъ экипажъ и отправимся гулять въ Доничѣ. Надѣньте вашу шляпку, возьмите съ собой вашу улыбку, воздайте все должное вашему стану, зашнуруйтесь хорошенько, обуйтесь въ ваши изящнѣйшіе башмачки, натяните ваши свѣтлѣйшія перчатки, повергните жалкаго человѣчка къ стопамъ вашимъ, свяжите его крѣпко, и затѣмъ предоставьте весь ходъ этого дѣла мнѣ. Смирно! Вотъ мистриссъ Реггъ. Мы должны удвоить теперь наши наблюденія за ней. Покажите мнѣ вашъ чепецъ, мистриссъ Реггъ! Покажите мнѣ башмаки ваши! Что̀ это на вашемъ передникѣ? Пятно? Я не терплю пятенъ. Вывести пятно послѣ завтрака и надѣть другой передникъ. Придвиньте стулъ вашъ къ серединѣ стола,—полѣвѣе, еще лѣвѣе. Завтракайте.

За четверть часа до одиннадцати, мистриссъ Реггъ (съ ея собственнаго полнаго согласія) была отправлена въ заднюю комнату для одурѣнія себя, на остальной день, швейною наукой. Какъ только пробило одиннадцать, мистриссъ Леконтъ и хозяинъ ея подъѣхали къ калиткѣ Нортъ-Шингелзъ-Виллы, и нашли Магдалину и капитана Регга ожидающими ихъ въ саду.

На пути въ Доничъ ничто не нарушало удовольствія поѣздки. Мистеръ Ноэль Ванстонъ чувствовалъ себя отлично и находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Леконтъ извинилась за маленькое недоразумѣніе вчерашняго дня; Леконтъ просила объ этой прогулкѣ какъ объ особенномъ удовольствіи для нея. Онъ вѣрилъ этому, и глядѣлъ на Магдалину, и ухмылялся беспрерывно. Мистриссъ Леконтъ играла въ совершенствѣ свою роль. Матерински обращалась она съ Магдалиной, и была нѣжно внимательна къ Ноэлю Ванстону. Она глубоко интересовалась разговоромъ капитана Регга и была грустно разочарована, слыша что онъ касается только предметовъ общаго разговора, а не науки. У нея не вырвалось ни слова, ни взгляда, которые сколько-нибудь обнаружили бы ея настоящую цѣль. Она была одѣта, какъ всегда, съ изяществомъ и достоинствомъ, и одна она изъ всей компаніи, въ этотъ знойный лѣтній день, вовсе не чувствовала жару въ самую жаркую пору его.

При выходѣ изъ экипажа, по прибытіи въ Доничъ, капитанъ воспользовался минутой, когда глаза мистриссъ Леконтъ не были обращены на него, и шепнулъ Магдалинѣ послѣднее слово предостереженія.

— Бойтесь кошки! прошепталъ онъ.—Она покажетъ свои когти на обратномъ пути.

Они вышли изъ деревни и направились къ ближнимъ развалинамъ одного монастыря,—послѣднему остатку когда-то люднаго города Донича; только этотъ монастырь пережилъ разрушеніе, произведенное нѣсколько столѣтій тому назадъ всепожирающимъ моремъ. По осмотрѣ развалинъ, они завидѣли небольшое тѣнистое дерево, между деревней и низкими песчаными холмами, командующими Нѣмецкимъ моремъ. Тутъ капитанъ Реггъ направилъ свой путь такъ чтобы дать Магдалинѣ и Ноэлю Ванстону опередить нѣсколько мистриссъ Леконтъ и себя, потомъ попалъ какъ-то не на ту тропинку, и тотчасъ же заблудился съ безподобнѣйшею ловкостью. Проходивъ нѣсколько минутъ (не въ томъ направленіи), онъ достигъ открытаго мѣста у взморья, и разставивъ вѣжливо свой складной стулъ для экономки, предложилъ остаться ждать здѣсь, пока недостающіе члены общества не придутъ сюда и не найдутъ ихъ.

Мистриссъ Леконтъ приняла предложеніе. Она была вполнѣ увѣрена, что спутникъ ея заблудился намѣренно, но увѣренность эта не разстроила пріятной любезности ея

обращенія. День ея разчета съ капитаномъ еще не наступилъ, и прибавивъ новую статью въ своемъ счетѣ, она расположилась на складномъ стулѣ. Капитанъ Реггъ, въ романтическомъ положеніи, прилегъ у ея ногъ, и два рѣшительные врага (составивъ любовную группу съ картинки) затѣяли безцеремонный и пріятный разговоръ, словно друзья связанные двадцатилѣтними узами.

„Знаю васъ, милостивая моя государыня!" думалъ капитанъ, въ то время какъ мистриссъ Леконтъ обращалась къ нему. „Вы желали бы, чтобъ я запутался въ моей свѣжеиспеченной наукѣ и не прочь были бы потопить меня въ профессоровомъ акваріумѣ!"

„Ты, негодяй, съ разношерстными глазами," думала въ свою очередь мистриссъ Леконтъ, когда капитанъ говорилъ: „какъ ни толста твоя кожа, я а проткну ее."

Съ такимъ расположеніемъ другъ къ другу, они бойко толковали себѣ о разныхъ предметахъ, объ общественныхъ дѣлахъ, объ окружающей мѣстности, объ обществѣ въ Англіи и обществѣ въ Швейцаріи, о здоровьи, климатѣ, книгахъ, бракѣ и деньгахъ, толковали не останавливаясь ни на минуту, безъ малѣйшаго недоразумѣнія съ какой-либо стороны, толковали около часу, когда наконецъ Магдалина и Ноэль Ванстонъ отыскали ихъ и пополнили кампанію.

Когда они возвратились на постоялый дворъ гдѣ дожидался ихъ экипажъ, капитанъ Реггъ предоставилъ госпожѣ Леконтъ полное обладаніе своимъ господиномъ, и кивнулъ Магдалинѣ отойдти назадъ на минуту, чтобы переговорить съ нимъ.

— Ну? спросилъ капитанъ шепотомъ:—связали ли вы его хорошенько?

Она дрожала съ головы до ногъ.

— Онъ поцѣловалъ мнѣ руку, сказала она.—Довольно ли съ васъ этого? Не давайте ему сидѣть рядомъ со мною на обратномъ пути! Я вынесла все что̀ могла; пощадите же меня на остальное время.

— Я усажу васъ на переднее сидѣніе, отвѣчалъ капитанъ,—рядомъ со мною.

На обратномъ пути, мистриссъ Леконтъ оправдала предсказаніе капитана Регга. Она показала свои когти.

Лучшаго времени для этого нельзя было выбрать; обстоятельства едва ли могли болѣе благопріятствовать ей. Магдалина была въ унылομъ расположеніи духа: она устала и тѣломъ и душой, и сидѣла какъ разъ напротивъ экономки, которой пришлось, по новому расположенію, занять почетное мѣсто рядомъ съ своимъ господиномъ. Находясь въ самомъ удобномъ положеніи для наблюденія надъ малѣйшими измѣненіями лица Магдалины, мистриссъ Леконтъ начала свое первое испытаніе, заговоривъ о Лондонѣ и объ относительныхъ выгодахъ представляемыхъ жителямъ различными частями метрополіи, какъ по ту, такъ и по другую сторону рѣки.

Находчивый капитанъ Реггъ понялъ ея намѣреніе, и тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ. „Вы ведете къ Воксалъ-Воку, сударыня, думалъ капитанъ; я буду тамъ попрежде васъ.“

Онъ пустился въ совершенно вымышленное описаніе различныхъ частей Лондона, гдѣ самъ жилъ, и упомянувъ искусно о Воксалъ-Вокѣ, какъ объ одной изъ нихъ, избавилъ Магдалину отъ неожиданнаго вопроса объ этой мѣстности, которымъ мистриссъ Леконтъ прежде всего разчитывала поразить ее. Отъ мѣстопребываній своихъ, капитанъ перешелъ къ себѣ самому и пропѣлъ экономкѣ всю свою семейную исторію (въ качествѣ мистера Байгрева), не забывъ могилы своего брата въ Гондурасѣ, съ памятникомъ самоучки негра-артиста, и объ изумительномъ дородствѣ своей невѣстки, проживавшей въ нижнемъ этажѣ гостиницы въ Чельтенгамѣ. Какъ средство къ доставленію Магдалинѣ возможности успокоиться, этотъ взрывъ автобіографическихъ свѣдѣній достигъ своей цѣли; но другой какой-либо цѣли онъ не достигалъ. Мистриссъ Леконтъ не вѣрила ни одному слову капитана. У ней только утвердилось убѣжденіе въ безполезности довѣряться Ноэлю Ванстону пока не будутъ добыты факты противъ недоступнаго безъ нихъ положенія капитана Регга въ принятой имъ роли. Она спокойно дождалась конца его рѣчи, и потомъ вновь повела свою аттаку.

— Это замѣчательное стеченіе обстоятельствъ, что дядюшка вашъ жилъ когда-то въ Воксалъ-Вокѣ, замѣтила она обращаясь къ Магдалинѣ.—У господина моего домъ тамъ,

и мы жили въ немъ передъ самымъ пріѣздомъ сюда. Позвольте мнѣ спросить васъ, миссъ Байгревъ, не знакома ли вамъ какъ-нибудь одна особа, по имени миссъ Гартъ?

Въ этотъ разъ ей удалось сдѣлать вопросъ прежде чѣмъ успѣлъ вмѣшаться капитанъ. Магдалина должна была бы быть приготовлена къ нему всѣмъ происходившимъ передъ ней; но нервы ея были слишкомъ разстроены событіями дня, и она могла отвѣчать только простымъ отрицаніемъ послѣ мгновенной паузы, которая была ей необходима для того чтобъ овладѣть собою. Нерѣшимость ея была такъ мимолетна, что не могла бы обратить на себя вниманіе неподозрительной особы. Но она была достаточно продолжительна, чтобы подтвердить личныя убѣжденія мистриссъ Леконтъ и побудить ее сдѣлать впередъ еще нѣсколько шаговъ.

— Я сдѣлала этотъ вопросъ, продолжала она, настойчиво не спуская глазъ съ Магдалины и уничтожая всѣ усилія капитана Регга принять участіе въ разговорѣ,—потому что миссъ Гартъ не знакома мнѣ, а мнѣ хотѣлось бы поразузнать о ней. За день до нашего отъѣзда изъ Лондона, миссъ Байгревъ, особа, назвавшая себя этимъ именемъ, сдѣлала намъ визитъ, при весьма необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Съ мягкимъ, ублажающимъ видомъ, съ утонченностью презрѣнія, которая казалась чуть не дьявольскою когда принимала тонъ жалости и состраданія, она начала разказывать Магдалинѣ о посѣщеніи переряженной Магдалины. Она косвенно упомянула о комбъ-ревенскихъ хозяинѣ и хозяйкѣ, какъ о лицахъ, всегда надоѣдавшихъ старшей и болѣе достойной линіи дома; она выразила сожалѣніе, что дѣти слѣдуютъ примѣру своихъ родителей, и стараются завладѣть частью имущества мистера Ноэля Ванстона, прикрываясь маскою и именемъ почтенной особы. Ловко вызывая своего господина принять участіе въ разговорѣ, такъ чтобы не дать капитану возможности отвлечь его на другой предметъ, не щадя мелкихъ преувеличеній, не оставляя безъ удара ни одного чувствительнаго мѣста доступнаго языку мстительной женщины, — она, вѣроятно, достигла бы своей цѣли и измучила бы Магдалину до явнаго самоизобличенія, еслибы капитанъ Реггъ не остано-

вилъ ея, въ полномъ разгарѣ, громко вскрикнувъ и схватившись за пульсъ Магдалины.

— Прошу у васъ тысячу разъ извиненія, сударыня! воскликнулъ капитанъ. — Я вижу по лицу моей племянницы, чувствую по ея пульсу, что съ нею снова случился одинъ изъ сильнѣйшихъ нервныхъ припадковъ. Милое дитя мое, зачѣмъ вамъ скрывать отъ добрыхъ пріятелей, что вы страдаете? Что за неумѣстная церемонность! По лицу ея видно, что она страдаетъ; не такъ ли, мистриссъ Леконтъ? Ужасная боль, мистеръ Ванстонъ, ужасная боль въ лѣвомъ вискѣ. Опустите вашъ вуаль, душа моя, и обопритесь на меня. Наши друзья простятъ вамъ; наши добрые друзья позволятъ вамъ уйдти къ себѣ на остальное время дня.

Прежде чѣмъ мистриссъ Леконтъ могла бросить тѣнь сомнѣнія на дѣйствительность нервнаго припадка, суетливое сочувствіе ея хозяина заявилось самымъ дѣятельнымъ образомъ, какъ и разчитывалъ капитанъ. Онъ остановилъ экипажъ и тотчасъ потребовалъ перемѣниться мѣстами, уступая удобное заднее сидѣніе миссъ Байгревъ и ея дядѣ, а переднее оставляя для Леконтъ и себя. Есть ли у Леконтъ съ собою флаконъ спирту? Превосходное твореніе! пускай сейчасъ же передастъ его миссъ Байгревъ и велитъ кучеру ѣхать осторожнѣе. Если кучеръ затрясетъ миссъ Байгревъ, то не получитъ и полупенни на водку. Месмеризмъ очень часто помогаетъ въ подобныхъ случаяхъ. Отецъ мистера Ноэля Ванстона былъ самый сильный месмеристъ въ Европѣ, а мистеръ Ноэль Ванстонъ вѣдь сынъ же своего отца. Нельзя ли помагнетизировать? Не приказать ли этому проклятому кучеру заѣхать въ тѣнистое, удобное для того, мѣсто. Или не прибѣгнуть ли къ помощи врача? А врача нельзя ли найдти гдѣ-нибудь еще не доѣзжая до Альдборо? Это ослище кучеръ ничего не знаетъ. Останавливать всякаго приличнаго человѣка въ одноколкѣ и допрашивать его, не докторъ ли онъ! И въ такомъ родѣ продолжалъ мистеръ Ноэль Ванстонъ (съ краткими промежутками для переведенія духу), все сильнѣй и сильнѣй заявляя свое сочувствіе и значеніе своей особы.

Мистриссъ Леконтъ безмолвно признала себя побѣжденною. Съ той минуты когда капитанъ Реггъ прервалъ ее, тонкія губы ея сомкнулись и не открывались болѣе во-

все время ѣзды. Теплѣйшія выраженія безпокойства ея хозяина о страждущей молодой дѣвушкѣ, не вызывали у нея никакихъ внѣшнихъ заявленій досады. Она обращала на него возможно менѣе вниманія. Никакого вниманія не обращала она и на капитана, который съ задирающею заботливостью о побѣжденномъ врагѣ, становился болѣе обыкновеннаго вѣжливъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали они къ Альдборо, тѣмъ пристальнѣе всматривались черные глаза мистриссъ Леконтъ въ Магдалину, полулежавшую насупротивъ съ закрытыми глазами и опущенною вуалью.

Лишь когда экипажъ остановился у Нортъ-Шингелзъ-Виллы и капитанъ Реггъ сталъ помогать Магдалинѣ выйдти, экономка снизошла до вниманія къ нему. Когда, улыбаясь, приподнималъ онъ свою шляпу у дверцы экипажа, суровая сдержанность, наложенная ею на себя, вдругъ подалась, и она бросила на него одинъ взглядъ, который разомъ спалилъ всю любезность капитана. Онъ повернулся, торопливо отвѣчая на послѣдніе соболѣзновательные вопросы Ноэля Ванстона, и увелъ Магдалину домой.

— Я говорилъ вамъ, что она покажетъ свои когти, замѣтилъ онъ.—Не моя вина, что она царапнула васъ, прежде чѣмъ я могъ помѣшать ей. А въ самомъ дѣлѣ, больно-таки она затронула васъ?

— Затронула, и не безполезно, отвѣчала Магдалина,— она внушила мнѣ мужество продолжать. Скажите что̀ мнѣ дѣлать завтра, и положитесь на меня.

Тяжело вздохнула она при этихъ словахъ, и пошла въ свою комнату.

Капитанъ Реггъ между тѣмъ задумчиво вошелъ въ гостиную, и усѣлся чтобы сообразить всѣ обстоятельства. Далеко не съ такою увѣренностію, какъ бы хотѣлось, глядѣлъ онъ на дальнѣйшія дѣйствія побѣжденнаго сегодня врага. Прощальный взглядъ экономки ясно показалъ ему, что она еще далеко не обезоружена, и старый милиціонеръ сознавалъ всю важность своевременнаго приготовленія къ противодѣйствію ея будущимъ движеніямъ. Онъ закурилъ сигару, и принялся своимъ бойкимъ умомъ соображать опасности будущаго.

Въ то время какъ капитанъ Реггъ занятъ былъ своею думой въ гостиной Нортъ-Шингелзъ-Виллы, мистриссъ Леконтъ занята была тѣмъ же въ своей спальнѣ, въ Си-Вью-

Коттеджѣ. Неудовольствіе ея отъ неудачи первой попытки обнаружить заговоръ, не ослѣпило ее на столько, чтобъ она не понимала крайней необходимости поспѣшить второю попыткою, пока возрастающая страсть Ноэля Ванстона еще не ушла изъ-подъ ея контроля. Такъ какъ разставленныя Магдалинѣ сѣти не имѣли успѣха, то приходилось обратиться ко второму средству,—поймать сестру Магдалины. Мистриссъ Леконтъ велѣла подать себѣ чашку чаю, открыла свой бюваръ, и принялась за сочиненіе письма къ миссъ Ванстонъ старшей, назначавшагося къ отсылкѣ съ завтрашнею почтой.

Такъ кончилась стычка этого дня. Генеральное сраженіе было еще впереди.

ЗАМѢТКА.

Съ будущаго года въ положеніи нашей литературы должны произойдти весьма важныя перемѣны. Труды коммиссіи по дѣламъ книгопечатанія уже окончены, и выработанный ею проектъ приметъ въ скоромъ времени обычный законодательный ходъ. Итакъ, законодательная реформа, распространяясь на всѣ сферы жизни въ нашемъ отечествѣ, коснулась наконецъ и этой важной области.

Мы живемъ въ удивительное время обновленія и преобразованій. Ничего подобнаго не было до сихъ поръ въ нашей исторіи. Были въ ней крутые перевороты, не уступающіе никакимъ переворотамъ обливавшимъ кровью другія историческія страны; но не было ничего подобнаго тому что̀ совершается теперь, — не было ни по размѣрамъ, ни по значенію. Въ прежнія времена жизнь сурово порабощалась чуждымъ ей нормамъ; преобразованія не были отвѣтомъ на собственныя ея требованія, не были выраженіемъ ея внутренняго движенія. Можно толковать о реформахъ Петра въ ту или другую сторону, осуждать или оправдывать ихъ; но безспорно то, что духъ этихъ реформъ былъ внѣшнею для жизни силою, и вносилъ въ нее чуждые ей элементы, то искусственно возбуждая, то подавляя ея силы. Теперь, посреди этого множества реформъ охватывающихъ нашу, жизнь можно ли указать хоть на одну, которая не была бы прямымъ отвѣтомъ на созрѣвшій запросъ жизни,

которая не была бы исполненіемъ того, что̀ уже предначалось въ ея нѣдрахъ? Довольные и недовольные должны равно согласиться, что законодательство въ своихъ преобразованіяхъ идетъ теперь не вопреки жизни, а также и не пытается предупреждать ее искусственными планами, но формулируетъ только то, что̀ въ ней самой почувствовалось и сказалось. Нынѣшнія реформы направлены не къ тому чтобы создавать жизнь законодательнымъ порядкомъ, создавать науку, искусство, литературу. Пора этихъ созиданій миновала, и законодательство съ каждымъ своимъ шагомъ все яснѣе и чище сознаетъ свои цѣли. Оно клонится къ тому, чтобъ устранять всѣ прежнія законодательныя стѣсненія, послѣдствія государственной необходимости, устранять всѣ искусственныя вмѣшательства въ дѣло жизни и давать ей ходъ изъ ея собственныхъ источниковъ. Оно является на помощь не иначе какъ по ея зову, для измѣненія условій, въ которыхъ долѣе она держаться не можетъ.

Положеніе нашей литературы давно уже было предметомъ заботъ правительства, и всѣми давно уже чувствовались ея неудобства. Несоотвѣтствіе между ея развитіемъ и законодательными условіями, въ которыя она была поставлена, было особенно замѣтно въ послѣдніе годы. Она представляла куріозное зрѣлище человѣка выросшаго изъ своего платья, которое лопается на немъ по всѣмъ швамъ, стѣсняетъ всѣ его движенія и однако не прикрываетъ его наготы. Употреблялись всѣ средства чтобы помочь бѣдѣ, и повторялась исторія Тришкина кафтана. Палліативныя мѣры давали только сильнѣе чувствовать неудобство положенія. Законъ оставался безсиленъ передъ тѣмъ что̀ онъ хотѣлъ предупреждать, и наоборотъ, часто подавлялъ то что̀ брался охранять и обезпечивать. Законъ, не довѣряя нравственнымъ силамъ господствующимъ въ человѣческой жизни, возложилъ всѣ свои надежды на цензурную регламентацію и на искусственныя предупредительныя мѣры. Замѣчая неуспѣхъ этихъ усилій, администрація усиливала и разнообразила предупредительныя мѣры, и вокругъ цензурнаго устава выросъ цѣлый лѣсъ административныхъ предписаній; цензура высилась надъ цензурой, и почти не было вѣдомства, которое не старалось бы принимать участіе въ этой регламентаціи, въ этой системѣ предупрежденій. Соображая громадность усилій направленныхъ къ этой цѣли,

надобно было бы ожидать, что печать наша превратится въ эдемъ, гдѣ поютъ лишь райскія птицы. Но замѣчательно, что чѣмъ, повидимому, бдительнѣе былъ административный надзоръ за литературой, тѣмъ болѣе росло недовольство ею.

Можно бы подумать, что эти неудобства произошли вслѣдствіе открывшейся для литературы возможности касаться многаго что̀ прежде было недоступно. Могло бы показаться, что вѣрнѣйшимъ средствомъ для уничтоженія этихъ неудобствъ было бы возвратить ее въ прежнюю тѣсноту, и отнять у нея всѣ тѣ предметы, которыми она успѣла завладѣть. Но если такое возвращеніе можетъ легко приходить инымъ на мысль, то не такъ-то легко можетъ оно совершиться на дѣлѣ. Печать не есть какая-нибудь отдѣльная сфера, съ которою можно распорядиться такъ или иначе, не касаясь окружающей жизни. Что̀ такое печать? Въ ней сходятся всѣ стороны жизни развившіяся до сознанія и получившія голосъ; въ ней заинтересовано все, и съ нею все связано. Перемѣна въ ея положеніи касается всѣхъ и всего, и отнять у печати какіе-либо предметы значило бы отнять ихъ у общественнаго сознанія; стѣснить литературу, значило бы стѣснить общественное мнѣніе; уничтожить ее, значило бы уничтожить ту нравственную жизнь въ обществѣ, которая находитъ себѣ въ ней выраженіе. Еслибы дѣло касалось какой-нибудь кучки людей, то распорядиться было бы легко; могли бы пострадать какіе-нибудь отдѣльные интересы, а въ окружающей средѣ не произошло бы отъ этого никакой замѣтной перемѣны. Но пишущая братія съ ея интересами есть послѣдняя спица въ колесницѣ, послѣднее дѣло въ общей сложности вопроса о печати. Пишущія перья сами по себѣ ничего не значатъ. Вся сила въ идеяхъ, потребностяхъ, въ настроеніяхъ жизни, которыя ищутъ себѣ выраженія въ словѣ и печати. Надобно напротивъ желать, чтобы между жизнію и печатнымъ словомъ было какъ можно менѣе вмѣшательствъ и преградъ, нарушающихъ между ними органическое соотвѣтствіе. Все нелѣпое и фальшивое заводится въ литературѣ не вслѣдствіе того, что она служитъ прямымъ органомъ всестороннихъ интересовъ развивающейся жизни, а вслѣдствіе того, что между ею и жизнію находятся искусственныя преграды. Отнимать у печати предметы, которыхъ она касается,

значитъ искусственно разобщать ее съ жизнію и ставить ее въ ложное положеніе. Жизнь потеряетъ свой органъ, и образуется болѣзненное явленіе — литература оторванная отъ общественной жизни. Нѣтъ цензора бдительнѣе самой жизни, нѣтъ регулатора дѣйствительнѣе общественнаго мнѣнія, если только дана ему сила. Оторвите литературу отъ жизни, и вы уничтожите единственный дѣйствительный контроль надъ печатнымъ словомъ, который можетъ отрезвлять и направлять его. Никакими другими средствами, ни предупредительными, ни карательными, не будемъ мы въ состояніи замѣнить этотъ контроль. Всѣ прочія мѣры могутъ что-нибудь значить лишь въ союзѣ съ этимъ контролемъ самой жизни. Чѣмъ сильнѣе заявляются общественные интересы, чѣмъ болѣе высказывается общественное мнѣніе, чѣмъ болѣе въ немъ энергіи и чуткости, тѣмъ менѣе возможности для праздномыслія и празднословія.

Идти назадъ нельзя, надобно идти впередъ; идти назадъ значило бы возвращаться къ источникамъ тѣхъ дурныхъ явленій, которыхъ неудобство чувствуется всѣми. Если въ нашей печати за послѣднее время было много дурнаго, то все это дурное взялось изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, къ которымъ намъ пришлось бы возвращаться, еслибы мы вздумали снова разобщить литературу съ жизнію. Безсмысліе, одичалость, ребячество, недостатокъ чувства истины и смысла дѣйствительности, увлеченіе всякимъ вздоромъ, освобождающимъ голову отъ обязанности мыслить, нахальство и наглость, безпредметное раздраженіе и безсмысленная злоба, наши нигилизмы и наши эманципаціи— все это прямое наслѣдіе тѣхъ временъ, когда литература находилась въ полнѣйшемъ разобщеніи съ жизнію, когда общественное мнѣніе считалось зловредною и опасною силой, когда жизнь и мысль не должны были имѣть между собою ничего общаго. Посмотрите: всѣ эти доктрины, которыя съ такими куріозными гримасами, съ высовываніемъ языка, съ пляской и свистомъ разыгрывались въ нашихъ журналахъ, — откуда проистекли онѣ? Что̀ въ нихъ выражается? Какой духъ вѣетъ въ нихъ? Наивные пустомели воображаютъ себя людьми прогресса, глашатаями новаго духа; они не догадываются, что въ нихъ говоритъ духъ очень старый и очень знакомый. Ихъ нигилизмъ былъ не что̀ иное какъ повтореніе старой исторіи, только въ

другихъ словахъ и въ другихъ формахъ. Кто не согласится, что дѣло не въ словахъ и формахъ, а въ томъ духѣ, который въ нихъ высказывается? Не все ли равно, по-французски или по-нѣмецки выскажется одинъ и тотъ же смыслъ? Не все ли равно, будемъ ли мы лучшіе интересы человѣческой жизни подавлять въ видахъ сохраненія порядка, или топтать ихъ въ грязь подъ предлогомъ свободы? Слова ничего не значатъ, ничего не значатъ и воображаемыя цѣли, которыми люди украшаютъ или оправдываютъ свои дѣйствія; сущность въ самихъ дѣйствіяхъ, и мы не видимъ существенной разницы въ нарушеніяхъ законности, съ какой бы стороны они ни происходили и какими бы цѣлями себя ни оправдывали, — не видимъ разницы въ презрѣніи къ наукѣ со стороны людей, которые видятъ въ ней пустую прикрасу или порожденіе злаго духа, и въ кавалерскомъ обращеніи съ нею, которымъ отличаются наши прогрессисты, въ этомъ циническомъ кощунствѣ надъ ея святыней.

Дурныя явленія, которыя замѣчались въ нашей литературѣ за послѣдніе годы, когда она получила возможность касаться разныхъ вопросовъ, не были порожденіемъ этой возможности; они только явственнѣе выразили тѣ направленія, которыя исключительно господствовали въ нашей литературѣ въ ея прежнее глухое время. Въ то глухое время обязанности цензора были несравненно легче, и предупредительныя мѣры могли повидимому дѣйствовать съ бо́льшимъ успѣхомъ. Оставалось только не дозволять ни того, ни другаго, ни третьяго. Что́ же однако выходило въ результатѣ? Испорченная, загнанная и озлобленная мысль находила себѣ пути во всемъ, въ повѣсти, въ критикѣ, въ фельетонѣ, въ рецензіи книжонки объ истребленіи клоповъ. Неуловимая, она оставалась внѣ всякаго контроля. Отнимая у нея возможность выражаться опредѣлительно и ясно, цензура могла только утончать ея дѣйствіе. Не выражаясь опредѣленно, держась въ сферахъ отвлеченныхъ и общихъ, она лишалась всякаго случая испытать и повѣрить себя. Она отравлялась въ своихъ источникахъ, и не могла сознавать ни себя, ни всего окружающаго. Она питалась только отрицаніями и грезами. Лишенная естественнаго роста и развитія, хилая, запертая въ душной атмосферѣ, она поневолѣ привыкала къ подземному мраку,

къ затаенности и фальши, и поневолѣ тяготѣла ко всему эксцентрическому. У нея не было преданій, на которыя она могла бы опираться; она вышла изъ школы кое-какъ импровизованной на казенныя средства; она не находила въ себѣ никакой внутренней силы, никакого критерія; она была беззащитно предана всевозможнымъ вліяніямъ, и только то казалось ей хорошимъ и истиннымъ, что̀ дышало отрицаніемъ и что̀ доходило до нея потаенными путями. Всякое направленіе изъ чужи дѣйствовало на нее возбудительно одними своими крайностями и односторонностями; она ловила только то, что̀ звучало въ одинъ тонъ съ нею, а для всего прочаго была глуха и слѣпа. Мудрено ли, что она оказалась жалкою, слабою и сумасбродною, когда ее вывели въ люди? Не слѣдуетъ ли напротивъ удивляться, что она не была еще сумасброднѣе и нелѣпѣе? Но мы не должны забывать, что ея положеніе и до сихъ поръ еще не измѣнилось. Возникли новыя требованія жизни, оказалась надобность въ печатномъ словѣ. Для литературы открылись предметы, которые до тѣхъ поръ были ей совершенно чужды; она должна была касаться самыхъ разнообразныхъ общественныхъ интересовъ; но средства ея оставались тѣ же самыя; зàконъ, опредѣлявшій ея положеніе, не измѣнился. Ей предстояло пройдти школу дѣйствительной жизни, ознакомиться съ ея требованіями, стать ея органомъ; но она поставлена такъ, что ее постоянно относило въ то царство тѣней, съ которымъ и безъ того она слишкомъ связана всѣмъ своимъ навыкомъ и побытомъ. Фраза безъ мысли и знанія, гальванизируемая дешевымъ задоромъ, вотъ типическая черта нашей литературы при ея первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностію, при первыхъ попыткахъ послужить для нея органомъ. Великіе общественные интересы не вдругъ могли оказать свое вліяніе на проснувшіеся умы; общественное мнѣніе не вдругъ могло установиться. Нужно было для этого время, а главное нужно было, чтобъ общественныя основы и всѣ дѣйствительные интересы человѣческой жизни имѣли возможность дать себя почувствовать. Въ этомъ отношеніи, всего естественнѣе желать, чтобы въ печатномъ словѣ было какъ можно менѣе двусмыслія, чтобъ оно говорило прямѣе и точнѣе, и чтобы не было необходимости прибѣгать къ обинякамъ и намекамъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно заботиться не о томъ, чтобы

литература имѣла примазанную и смирную наружность, оставаясь червивою внутри; надобно напротивъ желать, чтобы всякая нелѣпость выходила наружу во всей своей рѣзкости, не маскируясь двусмысліемъ и не смягчаясь свѣтлотѣнью намековъ. То же самое общество, которое терпѣливо выслушиваетъ всякій вздоръ, пока онъ носится въ облакахъ двусмыслія, встрѣтитъ его съ негодованіемъ, когда онъ покажется передъ нимъ во всей своей красѣ. Никакая ложь не въ состояніи выдержать испытанія жизни, а если иногда кажется, что она одерживаетъ верхъ, то это бываетъ лишь потому, что какое-нибудь постороннее вліяніе препятствуетъ общественнымъ интересамъ заявить свою силу. Предупредительная цензура одно изъ такихъ препятствій, и притомъ самое дѣствительное. Весьма сомнительно, чтобъ она когда-нибудь достигала своихъ цѣлей; но вѣрно то, что *à la longue* она производитъ дѣйствіе совершенно противное своему назначенію. Она приводитъ ложь въ самое благопріятное для нея положеніе; она очищаетъ и оглаживаетъ ея наружность, сообщаетъ ей, по возможности пріятный и благонравный видъ, отнимаетъ у нея все то, чѣмъ могла бы она задѣть жизненныя силы въ обществѣ и въ отдѣльныхъ умахъ; тѣмъ самымъ она утончаетъ ея ядъ и даетъ ему средства безпрепятственно проникать повсюду, между тѣмъ какъ общественный организмъ и отдѣльные умы, отвыкая отъ всякой реакціи, теряютъ упругость и погружаются въ безпробудную апатію. Если ложь присутствуетъ въ умахъ, пусть лучше она выскажется со всѣмъ своимъ задоромъ и безъ утайки; тогда съ ней легко справиться безъ всякихъ карательныхъ мѣръ; она или сама себя уничтожитъ своею откровенностью, или вызоветъ въ обществѣ отпоръ, который поразитъ ее дѣйствительнѣе всякой карательной мѣры, или посадитъ ее на пищу Св. Антонія.

Новая законодательная мѣра должна, сколько намъ извѣстно, существенно измѣнить положеніе нашей печати. Предполагается совершить переходъ отъ стараго къ новому со всевозможною осторожностію. Старое не будетъ разрушено прежде чѣмъ успѣетъ образоваться и утвердиться новый порядокъ. Предупредительная цензура останется, но она утратитъ свое исключительное господство. Кто не рѣшится принять на себя полную и нераздѣльную отвѣтственность за свое сочиненіе или изданіе, тотъ можетъ оставаться подъ цензу-

рой; но для другихъ откроется возможность выйдти изъ подъ опеки предварительной цензуры. Полной свободы печать еще не получитъ; свобода печати, какъ и вообще всякая общественная свобода, состоитъ въ отвѣтственности передъ однимъ закономъ, то-есть передъ однимъ судомъ. Но судъ только что еще устанавливается у насъ, и потребуется время пока новая организація его вступитъ окончательно въ дѣйствіе; еще болѣе пройдетъ времени пока эта новая великая сила окажетъ все свое вліяніе на нашу общественную жизнь и совершенно съ нею освоится; а въ ожиданіи этого было бы неблагоразумно оставлять нашу печать въ ея нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи. Условное освобожденіе, подъ контролемъ административнымъ, будетъ состояніемъ переходнымъ; оно ближе ознакомитъ и правительство, и общество съ истинными потребностями дѣла, и приготовитъ литературу къ состоянію болѣе полной свободы.

Какъ предупредительная цензура, такъ и административный контроль надъ печатью, должны по новому проекту сосредоточиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отъ главы этого министерства будутъ зависѣть и цензурные комитеты, и разрѣшеніе новыхъ изданій, равно какъ и освобожденіе отъ предварительной цензуры. Отсюда будутъ исходить предостереженія журналамъ и опредѣленныя взысканія. При министрѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается особый совѣтъ, или особое управленіе по дѣламъ печати; но тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность по этому управленію должна сосредоточиться въ лицѣ министра. Одно изъ самыхъ важныхъ началъ принятыхъ въ основаніе новаго проекта состоитъ въ томъ, чтобъ управленіе по дѣламъ печати не прикрывалось высочайшимъ именемъ, и не вовлекало въ свои распоряженія верховную власть. Нельзя не оцѣнить великой важности этого правила, которое еще такъ ново у насъ и безъ котораго администрація никогда не можетъ развить въ себѣ чувство полной отвѣтственности. Верховную власть не должно смѣшивать съ администраціей; она простирается надъ всѣмъ и есть или источникъ или утвержденіе всякой власти; къ ней восходитъ не одна администрація, но и судебная власть. Нигдѣ и ни въ чемъ она не должна быть замѣшенною партіей; управляющіе и управляемые должны быть равны передъ нею. Всѣ распоряженія министра вну-

тренних дѣлъ по дѣламъ печати (кромѣ запрещенія повременныхъ изданій) будутъ производиться имъ подъ своею собственною отвѣтственностію, и въ этомъ одномъ будетъ уже не малое обезпеченіе для печати.

Если состоится предположеніе коммиссіи, то нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ достанется трудное и тяжкое, но съ тѣмъ вмѣстѣ и славное дѣло. Успѣхъ одного изъ самыхъ важныхъ интересовъ нашего общественнаго развитія будетъ вполнѣ зависѣть отъ его проницательности и твердости, отъ его распорядительности и умѣренности, и отъ того высокаго чувства полной нравстренной отвѣтственности, которую онъ приметъ на себя, и которая останется за нимъ и предъ судомъ потомства. Эта отвѣтственность всего лучше поддержитъ въ немъ убѣжденіе, что однѣми стѣснительными мѣрами ничего нельзя улучшить, что радикальное исправленіе достигается только возможно бо́льшимъ просторомъ для развитія всѣхъ положительныхъ интересовъ жизни, что задача состоитъ не въ соблюденіи наружнаго благоприличія и благонравія, которое только отводитъ глаза, а въ жизненной силѣ коренныхъ основъ общественнаго быта. Успѣхъ его управленія будетъ тѣмъ славнѣе, что во многихъ случаяхъ ему достанется быть вмѣстѣ и партіей и судьею, потому что изъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ министерство внутреннихъ дѣлъ, по своей обширности и центральному значенію, особенно часто можетъ сталкиваться съ печатью.

Итакъ, можетъ-быть въ началѣ наступающаго года мы встрѣтимся съ нашими читателями при новыхъ условіяхъ печати, которыя не замедлятъ оказать свое дѣйствіе и сообщатъ литературѣ, какъ можно надѣяться, новый, болѣе удовлетворительный характеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

О МЕДАЛЯХЪ. [1] Въ Петербургѣ палатка съ продажей металлическихъ медалей, чеканенныхъ въ память *Тысячелѣтія Россіи и Освобожденія крестьянъ*, для удобства публики, перенесена отъ государственнаго банка на Невскій Проспектъ, къ скверу Александровскаго театра. Медали большой величины цѣною въ 20 k. сер., малыя въ 10 k. Съ 20-го сентября открыта въ Москвѣ, противъ биржи, на Ильинской улицѣ, временная палатка съ продажей означенныхъ медалей по номинальной цѣнѣ. Временная же контора здѣсь, со складомъ медалей, подъ завѣдываніемъ В. Красовскаго, помѣщается на Никольской улицѣ, въ Чижовскомъ подворьѣ, въ № 32, гдѣ можно также получать медали въ розницу и партіями. Публика предупреждается, что съ минувшаго августа мѣсяца въ Москвѣ появились въ продажѣ въ весьма значительномъ количествѣ поддѣльныя, фальшивыя медали.

Продажа медалей въ губерніяхъ разрѣшается не иначе, какъ только имѣющимъ, отъ главной или временной конторъ, планкартъ со свидѣтельствомъ, при которомъ пришнурованы образцы подлинныхъ медалей. Посему выписывающіе медали для продажи должны пояснять, что выписываютъ именно для продажи, на тотъ предметъ, чтобы контора распорядилась высылкою вмѣстѣ съ медалями планкарта со свидѣтельствомъ.

Медали чеканены изъ композиціи: въ память *Тысячелѣтія Россіи* (въ 10 k. и 20 k.) красной, подъ цвѣтъ золота, а въ память *Освобожденія крестьянъ* (въ 20 k., а въ 10 не чеканено) бѣлой, подъ цвѣтъ серебра. Кромѣ того въ память *Тысячелѣтія Россіи* чеканены вызолоченныя медали, цѣною: большія въ 30 k., малыя 15 k. футляры для нихъ 5 k.

Главная контора металлическихъ медалей въ память *Тысячелѣтія Россіи* и *Освобожденія крестьянъ* находится въ С.-Петербургѣ, въ Офицерской улицѣ, на углу тюремнаго переулка, въ домѣ подъ № 27, куда иногородные и могутъ относиться за медалями, адресуясь просто: въ главную контору медалей въ С.-Петербургѣ. При выпискѣ 100 и болѣе медалей вѣсовыхъ на пересылку не прилагается, а менѣе—за каждыя 10 медалей прилагается вѣсовыхъ на пересылку 30 коп.

Временно-обязанные крестьяне при выпискѣ 10 и болѣе медалей вѣсовыхъ на пересылку не прилагаютъ.

Дабы доставить возможность жителямъ всѣхъ мѣстностей Россіи пріобрѣтать медали безъ особыхъ затрудненій, учреждаются для распространенія ихъ коммиссіонерства; въ настоящее время, въ видѣ опыта, открыты таковыя: 1) Коммиссіонерство г. Дерманукова, Петра Осиповича—въ губерніяхъ: Екатеринославской, Херсонской и Таврической, области Бессарабской и земляхъ Войска Донскаго и Черноморскаго: 2) Красовскаго, Александра Александровича, въ губерніяхъ Вятской и Пермской и 3) Дубровина, Алексѣя Андреевича, въ губ. Казанской. Лицамъ симъ предоставлено право, за коммиссіонерство и сопряженные съ нимъ расходы, при продажѣ медалей возвышать на оныя цѣны противъ номинальныхъ, не отягощая однакожь публики, а пользуясь обычными торговыми процентами. Складъ медалей у г. Дерманукова находится въ городѣ Карасубазарѣ, Таврической губерніи, временная же продажа оныхъ имѣетъ быть производима агентомъ его, г. Анушиковымъ, въ городахъ: сначала въ Ростовѣ на Дону, а затѣмъ въ Екатеринославѣ, Херсонѣ Одессѣ и Кишиневѣ; Красовскаго въ г. Вяткѣ; г. Дубровина въ г. Казани.

---

[1] Извѣстіе о медаляхъ была уже помѣщено въ № 41 *Современной Лѣтописи* на стр. 22, но въ ней не было упомянуто объ иногородныхъ коммиссіонерахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ.

ОКТЯБРЬ.